

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Демон из прошлого

СЕРТАКОВ

ВИТАЛИЙ

ВИТАЛИЙ СЕРТАКОВ

ДЕМОН ИЗ ПРОШЛОГО

Проснувшийся Демон. Братство Креста

ВИТАЛИЙ СЕРТАКОВ

ДЕМОН ИЗ ПРОШЛОГО

Проснувшийся демон. Братство Креста

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С33

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

Сертаков, В.
С33 Демон из прошлого: Проснувшийся демон. Братство Креста / В. Сертаков. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. — 700, [4] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).
ISBN 978-5-17-045186-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-0886-0 (ООО «Астрель-СПб»)

Мир рухнул. Пустыня и джунгли поглощают города. Мертвая земля сочится ядом. Нелюди, колдуны, мутанты... Таков мир будущего, в котором однажды проснулся наш современник Артур Коваль, Проснувшийся Демон, человек, которому суждено перевернуть судьбу одичавших обитателей земли, когда-то называвшейся Россией.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 13.03.2008.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 5100 экз. Заказ 1271.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ISBN 978-985-16-4955-2
(ООО «Харвест»)

© В. Сертаков, 2007
© ООО «Астрель-СПб», 2007

Проснувшийся Демон

Глава первая

Обратный отсчет

Глаза открылись, и человек закричал.

То есть хотел закричать, но сразу же начал задыхаться оттого, что рот распирал широкий резиновый загубник. От загубника в глубину гортани тянулся упругий захват, не дававший возможности шевельнуть языком. Человек понял, что не может не только крикнуть, но даже свободно сглотнуть. Конструкция, раздвигающая губы, позволяла лишь с натугой дышать. Воздух, попадавший в легкие, был очень холодный и отдавал кислинкой.

Он еще раз сморгнул и понял, что его так напугало.

Серая тварь.

Прямо напротив его глаз из голубоватого стекла смотрела адская харя с торчащими из раздутых ноздрей трубками и круглыми резиновыми нашлепками на выбритых висках. Вместо нормального человеческого рта у серокожего чудища торчало спереди нечто вроде хоккейного забрала, куда уходил голубой гофрированный шланг и две красные трубки, потоньше. Макушку укрывала свободная полупрозрачная шапочка вроде тех, что надевают в душ дамы, берегущие прическу. С глазами тоже что-то было не в порядке. Шапочка крепилась ко лбу широкой мягкой банданой, из нее к каждому глазу тянулся тонкий розовый волосок. По поверхности волосков перекатывались еле заметные капельки жидкости.

Глаза моргнули; человек вынужден был признать, что видит собственное отражение. Мозг попытался унять нарастаю-

щую панику и прислушаться к телу. И руки, и ноги оставались на своих местах. Человек лежал на спине и почти не мог шевелиться. Голову что-то удерживало повернутой в правую сторону. То, что он принял за зеркало, оказалось узким прозрачным окошком. Слабый рассеянный свет шел откуда-то сзади, а за окошком было темно, поэтому он видел только себя. Распахнутые от ужаса глаза, капли пота на лбу под эластичной повязкой, бьющаяся на шее вена.

Он попробовал пошевелить пальцами и сделал несколько открытий. При нажатии указательным пальцем на невидимую кнопку прямо перед глазами, в нижней части «иллюминатора» заиграл целый ряд зеленых цифр и букв. Буквы шли латинские, но он их легко прочел. Одни цифры постоянно менялись, другие оставались неподвижными. «Давление», «Пульс», «Частота дыхания»... Некоторые слова он узнавал, но никак не мог припомнить, что они означают, например «Лейкоциты». Всего шестнадцать параметров. Он увлекся изучением зеленой панели и тут же понял, что не имело смысла с таким напряжением втягивать кислород. Механизм, пленником которого он оказался, сам исправно подавал воздух в шланг. Человек попытался задержать дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздался щелчок и поверх зеленых цифр побежала красная надпись: «Принудительная вентиляция. Профилактика системы через пять секунд».

Он не стал дожидаться выполнения угрозы и снова задышал. Красные буквы исчезли. Уже хорошо! По крайней мере, эта штука не пытается его убить. Возможно, он попал в аварию и находится в барокамере?

Легкое движение средним пальцем. Новая картинка. «Мышечный тренинг. Уровень нагрузки — 4. Частота — 120 минут. Задайте другой режим».

Он пошевелил подушечкой безымянного пальца. Еще одна зеленая сетка с цифрами. «Температура реагента», «Скорость циркуляции протектора», «Давление среды»... Нет, это не барокамера и не реанимация. Не может такого быть, чтобы больной сам регулировал параметры жизнеобеспечения.

Человек обрадовался, что не потерял способности трезво мыслить. Кроме того, его не затрудняли сложные слова. По-

скольку этот узкий гроб способен выполнять команды изнутри, значит, появляется возможность выбраться отсюда. Он подвигал бедрами, пытаясь определить на ощупь наличие одежды. Согнул колено и тут же уперся ногой в стенку. Действительно, похоже на гроб. Было еще что-то, жутко его раздражавшее. Сразу он не понял, но теперь, когда первый страх отступил, возник тревожный вопрос: как давно я тут лежу? Он явственно ощущал мягкую помеху в районе заднего прохода и еще какую-то конструкцию, фиксирующую член. Сколько времени надо проваляться в забытьи, чтобы в зад воткнули клизму? Нет, не клизму.

Он вспомнил слово. Катетер.

Предплечье левой руки стягивали как минимум две повязки, зато правая была почти свободна. Ничего страшного, сказал он себе. Ничего страшного. Раз я очнулся, это должны заметить те, кто снаружи, врач или сестра. Сейчас кто-нибудь подойдет и заговорит со мной, все встанет на свои места. Так бывает после аварий: провалы в памяти, и все такое прочее...

Человек честно подождал, считая до тысячи. Никто не появлялся, и свет по ту сторону окна так и не зажегся. Он напрягал слух, но, кроме тихого шипения воздуха в шланге, не доносилось ни звука. Присмиревший было страх зашевелился липкими змеиными кольцами в области сердца. Спокойно, повторил человек, надо вспомнить, как меня зовут. Я думаю, а значит, и говорю на русском. Стало быть, и имя у меня должно быть русское. Я жив, и уже не умру. А раз ко мне никто не подходит, наверное, так и надо. Вероятно, врачи заняты другими пациентами или у них собрание. Или сейчас ночь... Как же меня зовут? Как страшно, оказывается, забыть собственное имя.

Под правой кистью оставались неизученными две кнопки. По сигналу мизинца перед носом вспыхнули электронные часы. Минута четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

Обратный отсчет! Правее единички ровно светились десять нулей. Какое-то время он беспомощно глядел на смену цифр. Итак, напрашивалось объяснение, что часы показывали как раз полторы минуты, прошедшие с момента, как он очнулся. А зачем тогда столько нулей справа? А вдруг он космонавт и летит с катетером в заднице к далекой планете? И будет лететь еще несколько тысяч лет? Он изо всех сил напряг память,

но ничего, даже отдаленно связанного с космонавтикой, на ум не приходило. Он понятия не имел, чем занимался до того, как угодил в гроб с окошком, но явно не исследованиями космоса.

«...Американцы еще не слетали к Марсу». Ух ты, возникла связная мысль, первое отчетливое воспоминание! Отголосок телепередачи или газетной статьи. Он так увлекся этой идеей, что не сразу заметил произошедшие на экране изменения. Поверх линии нулей пульсировала голубоватая надпись: «Процесс завершен. Преждевременная разгерметизация. Нарушение температурного режима. Состояние организма стабильное. Ручное управление — код 110».

Как набрать этот чертов код? Внутри него шевельнулось воспоминание. Так и есть, под неподвижной ладонью левой руки располагалась миниатюрная клавиатура. На ощупь он набрал нужную комбинацию.

«Подтверждение любой клавишей». Человек напряг пальцы, готовясь ввести это самое подтверждение, но в последний миг задержался. Почему «преждевременная разгерметизация»? Что может быть не в порядке снаружи? Потоп? Радиация? Змея страха снова шевельнула кольцами, на спине проступил пот. Теперь он вполне чувствовал собственное тело. Он лежал совсем голый, а по всей длине туловища под ним перекатывались тугие подвижные валики, вроде массажера. Это и есть массажер, сказал он себе. Анатомическая массажная лежанка для капсулы полужидкого типа... Черт возьми, из каких закоулков мозга он выкопал подобную тарабарщину?

Воспринимая височной костью оглушительные удары сердца, он опустил левую ладонь на клавиатуру. Раздался протяжный чмокающий звук, словно воздух вырвался из-под неплотно пригнанной крышки на банке домашних консервов, и голубое оконце плавно скользнуло вверх. Человек скосил глаза и увидел белую крышку капсулы, вставшую на попа, в ногах лежанки. Крышка была огромна, не менее двух метров длиной, полна проводов и всяких непонятных приспособлений. Окошек оказалось два, слева и справа от головы лежащего человека. В процессе мышечного тренинга затылочный захват должен был менять положение головы, чтобы голова не оставалась запрокинутой...

Черт подери, для пациента он слишком подкован! Неужели кто-то способен добровольно забраться в этот напичканный

проводами футляр? Он предпринял попытку сесть, вытащил изо рта загубник, из носа шланги, освободил язык. Воздух снаружи ему сразу не понравился. В отличие от свежего морского запаха в камере в «палате» стояла жуткая духота, и плюс к тому пробивался еще какой-то противный запашок. Больница, твердил он, сражаясь с браслетами на левой руке. В больнице всегда неприятный запах, ничего удивительного.

Но идея насчет больницы казалась ему все менее убедительной. Ни в одной больнице, даже ночью, не должна стоять такая мертвая тишина. И вдобавок к тишине — абсолютный мрак! Единственным источником света оставался круглый плафончик светильника в головах лежанки. Человек резко потянул с макушки полиэтиленовый берет и чуть не завопил от боли. На его полностью выбритой голове крепились десятки тончайших проводков. Он стиснул зубы и принялся отдирать их по одному, точно Гулливер, вырывающийся из веревок лилипутов. Вдобавок к проводам голову и лицо покрывал слой неприятного на ощупь мельчайшего порошка, вроде талька.

Наконец он освободился от всего, что его держало, и принял сидячее положение. Из правого металлического бортика капсулы, похожей снаружи на овальную джакузи, выступали три огромные сенсорные клавиши: «Вызов дежурного», «Вызов врача» и «Пожарная тревога». На сей раз все на русском языке. Он нажал на «врача», затем подождал и перепробовал все три. Безрезультатно. Никто не спешил на помощь к пациенту. И ни единый звук не достигал ушей.

Человек ухватился за влажный бортик, напомнивший ему уплотнительную резину на дверце холодильника, и перебросил наружу левую ногу. Почти сразу нащупал подошвой рифленый резиновый коврик. Почему-то это придало ему уверенности; еще не дотянувшись ступней до пола, он уже знал, что встретит резину. Влажными были не только податливые борта капсулы. Все тело, казалось, недавно изваляли в прокисшем студне.

— Эй! — негромко сказал он.

Звук растворился в холодном безмолвии. Только теперь он ощутил царящий вокруг мороз, по голой коже поползли мурашки.

— Так и заболеть недолго! — вслух пожаловался он.— Есть тут кто живой?

Молчание.

Он перебросил через край вторую ногу, сделал попытку встать и чуть не растянулся на твердом резиновом полу. Мышцы дрожали, точно у древнего старика. Может, я и есть старик, подумал он, успокаивая дыхание. Он ощупал себя в темноте. Нет, с телом все в порядке, ему... Ему тридцать один год. Замечательно... Раз вспомнился возраст, так и до имени недалеко. Вероятно, он здорово ослаб за время лечения. А вдруг был сломан позвоночник и он пролежал несколько месяцев на вытяжке?

Спустя минуту человек поднялся, и, опираясь одной рукой о спасительный борт капсулы, предпринял отважную вылазку в сторону стоящей вертикально крышки. С каждым шагом к нему возвращалось чувство равновесия. За крышкой его поджидало новое открытие: три ступеньки вверх, широкий полукруглый пульт и кресло. Поеживаясь от холода, он опустился на невидимое во мраке кожаное сиденье, бегло ощупал консоль. Его руки помнили невидимые ряды выключателей! Над головой находились какие-то агрегаты, в слабом свете фонаря он различал свисавшие с потолка шланги, отдельные фрагменты подъемного механизма крышки.

«Аварийное питание. Капсула 1. Капсула 2. Капсула 3». Ему пришлось встать на колени и приблизить лицо вплотную к прозрачному щитку, чтобы разглядеть показания приборов. Все циферблаты были давно мертвы. Аварийное питание... Это означало, что в больнице или в том месте, которое он принял за больницу, что-то произошло со светом. Видимо, все побежали устранять аварию?..

Но где-то же должна находиться стена, а значит, и дверь! Нет, дверь должна быть сзади! В этот момент он совершенно отчетливо вспомнил, как выглядит и каким образом отпирается дверь у него за спиной. Внешний противосейсмический каркас и внутри титановый шлюз с пневматической доводкой... Черт! Человек схватился за голову, уткнулся горячим лбом в приборную доску. Прямо перед глазами прочитал: «Ответственный за противопожарное состояние поста Денисов А. К.».

Денисов, прошептал он. Ну конечно, Толик Денисов. Если его тут нет, должен быть Мирзоян. Но Мирзояна тоже нет, а такого просто не может быть, потому что... Провал.

Он выставил руки перед собой и почти сразу обнаружил выход. Дверь была огромна, потому что именно через нее завозили по утопленным в полу рельсам собранные капсулы... Он отключил мозг и позволил ладоням самостоятельно нащупать колесо. Конечно, раз не светится огонек на магнитном замке, придется крутить вручную. Человек всей тяжестью навалился на железный обруч. Неужели он так ослаб? Колесо не поддавалось, а ведь еще вчера запор снимался одним пальцем!

Он сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. Одеревеневшие руки не желали слушаться. Наконец показалось, что колесо поддается. Он нащупал голой пяткой косяк, уперся, скрипя зубами от напряжения. Вчера? Кто сказал, что эту махину трогали вчера? Ему в голову закралось подозрение, что, возможно, счет его болезни идет не на месяцы, а на годы. Ведь была же статья о женщине, перевернувшейся в автомобиле и пролежавшей в коме около четырех лет!

Внутри запора что-то гулко звякнуло, каучуковые направляющие заскрипели под полом, и титановая махина, обитая трехслойной звукоизоляцией, чуть отошла в сторону. Образовавшейся щели ему оказалось достаточно, чтобы понять — в институте случилось кое-что похлеще сбоя на подстанции. В институте?! Он решил не заострять внимания. Чем меньше он станет себя мучить, тем быстрее вернется память. Надо быстрее осмотреться и желательно найти хоть какую-то одежду!

От внезапного света человек был вынужден прищуриться. Плавающий мостик сейсмотамбура выглядел вполне обыденно, но следующая дверь стояла открытой, что нарушало все инструкции... Обдирая бока, он протиснулся в щель. Здесь дышалось гораздо легче, зато из-под ног взметнулось целое облако пыли. На первый взгляд помещение напоминало внутренности огромной трансформаторной будки или телефонной станции. Ряды серых высоченных шкафов с выдвижными модулями внутри, батарея рубильников, закрытые щиты с изображением молнии и пирамидами запасных плавких вставок. Грубый резиновый пол, дохлые мухи, дохлые пауки. Он никак не мог понять, откуда идет свет. С высокого потолка свисали десятки ламп, все заросшие паутиной и выглядевшие так, будто к ним никогда не прикасалась тряпка уборщицы. Загляды-

вая в сумрачные закоулки между шкафами, он прошлепал до поворота. И здесь встретил окно.

Точнее, не окно, а нижний краешек окна, сантиметров двадцать. Под самым потолком, метрах в трех от пола, забранный стальной двойной сеткой, за которой просматривались толстенные прутья решетки. Стекло было невероятно грязным, но как раз сейчас сквозь заросли паутины наотмашь бил тугой солнечный луч. Теперь человек знал, что очнулся днем, и не на поверхности земли, а в глубоком подвале. Поэтому здесь так холодно. Гигантское подвальное помещение изгибалось под прямым углом. За поворотом силового оборудования больше не встречалось, проход сужался метров до пяти в ширину. Коридор снизу доверху рассекала решетка с двустворчатыми воротами, и сразу за ней — толстое стекло. За преградой, метрах в пяти впереди, различались точно такое же громадное стекло и следующая решетка. Слева от сквозных, приоткрытых сейчас ворот на «нейтральной полосе» находилась стеклянная кабинка, в которой стояло серое от пыли кресло и такого же цвета — монитор компьютера. По другую сторону от резиновой дорожки человек заметил шкафчики для одежды и белую дверцу со значком душевой. Он подумал об одежде, но, шагнув в проход, тут же забыл обо всем.

Глава вторая

Подземелье мертвецов

Напротив будки проходной, уткнувшись лицом в канавку для мытья обуви, лежал труп мужчины в желтом комбинезоне. Труп лежал здесь не просто давно, он почти полностью мумифицировался. Все, что осталось от контролера,— это голые кости, обтянутые коричневым пергаментом, и комбинезон.

Человек резко оглянулся. Показалось, что сзади кто-то стоит. Пусто. Это солнце за мутным окошком спряталось за тучку, отчего по дальним углам подвала метнулись длинные тени.

Мотор на двери бездействовал. Его это уже не удивило. Здесь не функционировала ни одна система, за исключением

абсолютно автономного «спального блока». Стоп! Он замер с поднятой ногой. Спальный блок? Ну да, конечно, он ведь спал... Сколько же способен человек, черт возьми, проспать, если мертвец успел разложиться, а никто так и не пришел его проведать? Человек протиснулся между застывшими стеклянными створками, но, прежде чем дотронуться до трупа, направился вправо, к своему шкафчику. Рукоятка привычно повернулась и тут же переломилась пополам. Хозяин шкафчика отшатнулся. Створка открылась с пронзительным скрипом, повиснув на одной петле. Из глубины на него смотрел голый широкоплечий парень с налысо обритым синим черепом, весь живот и ноги в противных зеленоватых потеках. Он потер кулаком заплесневевшую табличку и ощупью, как слепой, прочитал подушечками пальцев: «Коваль. Мирзоян». Пять шкафчиков с одной стороны прохода, пять с другой. Два без табличек. Итого шестнадцать человек. Да, их было шестнадцать человек, четыре смены. Но он без сомнения шагнул именно к этому, третьему слева, шкафчику.

— Моя фамилия Коваль,— сообщил он отражению.

Осипший голос опять повис, точно запутался в свисающей отовсюду паутине. Человек снова закашлялся, в горле першило, словно перед этим он кричал на футбольном матче. Остаточное действие реагента... Внутри шкафчика висела одежда, но стоило ему протянуть руку, как стало ясно, что подобрать здесь гардероб будет крайне сложно. Светло-синие джинсы почти истлели на сгибах и развалились на части при попытке взять их с полки. Шерстяной свитер при первом же прикосновении рассыпался трухой. По сути дела, это был уже не свитер, а массовое захоронение моли. Внизу стояли две пары обуви. Рассохшиеся, почерневшие кроссовки. Он потянул одну из них, сгнившая подошва осталась на полу. Вторая пара выглядела поприличнее. Короткие прорезиненные сапожки от костюма химзащиты. Он вытряхнул из них остатки истлевших стелек и натянул на ноги.

За дверью душевой рука привычно потянулась к выключателю. Нулевой эффект. Неясный отсвет из коридора сюда почти не доходил, но под потолком имелась такая же оконная щель. Ему показалось, что в глубине комнаты что-то лежит.

Или кто-то. Сердце отбивало не меньше сотни ударов. Можно было закрыть дверь и уйти. Уйти и продолжать боять-

ся. Слава богу, те, кто оборудовал душевую, не удосужились намертво замазать окно.

Коваль бочком ступил на порог. В сапогах он чувствовал себя увереннее, хотя все время хотелось присесть и отдохнуть. Малейшие нагрузки давались с трудом. Я подхватил инфекцию, отстраненно подумал он, разглядывая второй найденный труп, у меня одышка от каждого шага. Прошло невероятно много времени, возможно, лет десять. В институте все погибли, затем снаружи ввели карантин, забили наглухо двери и забыли меня здесь. И я все забыл, болезнь съела мой мозг.

Второй мертвец выглядел не намного лучше первого. Мужчина был полностью укутан в белый комбинезон из прочной немнущейся ткани, и на высохшем черепе болталась такая же прозрачная шапочка, которую Коваль оставил в капсуле. Мертвец сидел в позе мыслителя, сжимая в кулачке шприц, подпирая спиной следующую дверь с едва заметной надписью: «Дезинфекция». За этой дверью Коваль сделал первую удачную находку. Точно такие же, как на трупе, висящие в ряд белые комбинезоны. Он вытащил их наружу, целую груду, и принялся перебирать, поднимая повыше к свету. Костюм с вышитой фамилией «Коваль» на нагрудном кармане пришелся ему идеально впору. От материи разило затхлостью и мышами, пластами осыпался грязно-белый порошок, но серьезных повреждений не наблюдалось. Под фамилией на кармане более мелким шрифтом значилось имя. Боясь ошибиться, он вернулся в машинный зал, на солнечную сторону.

— Меня зовут Артур Коваль,— едва ли не плачущим голосом повторил он в пустоту.

Связки сели окончательно, хватило трех слов, чтобы охрипнуть. Коваль вернулся в помещение душевой, зашел в первую попавшуюся кабинку и повернул кран. Что-то хрустнуло, и смеситель вместе со штангой душа остался у него в руке. Вот так, мечту о помывке придется отложить до лучших времен.

С минуту он стоял в задумчивости, трогая носком сапога желтый комбинезон контролера. Переворачивать труп не хотелось. Артур поднялся в будку, где стоял компьютер. Мокрый бетонный пол покрывал ковер бледного мха, где-то неторопливо капала вода. От ватной гнетущей тишины начинало звенеть в ушах. Кроме того, внезапной дикой болью свело желудок.

Сколько времени я не ел? И что я вообще ел, пока лежал в капсуле? Нет ответов. Он не без труда выдвинул четыре насквозь проржавевших ящичка в металлическом столе. Внутри лежали какие-то бумаги, но стоило притронуться, как они рассыпались скользкими лохмотьями. Зато он нашел спички. Первые три не зажглись, но четвертая внезапно вспыхнула, испугав его. Спички — это замечательно, осталось найти, из чего сделать факел.

Слева находились стеклянные воротца, через которые он пришел, а справа, за пределами «нейтральной полосы», Артур еще не был. За правыми воротами висела плотная чернильная темнота, хотя Коваль подозревал, что как раз там находится выход наверх. «Запретная зона. Доступ только для персонала пятого отдела!» — прочел он задом наперед надпись на дверях.

Он нашел, из чего сделать факел. Между шкафами «телефонной станции» обнаружился старинный покосившийся стеллаж, битком набитый технической документацией. Здешние бумаги изготавливались, очевидно, из какого-то особого состава и сохранились почти идеально. Артур не стал портить глаза, изучая чертежи, хотя ему почему-то показалось, что он обязательно бы в них разобрался. Он работал в пятом отделе и, следовательно, не мог не знать, чем тут занимаются. Возможно, он был не самым худшим инженером до того, как... уснул. Уснул?! Да, он именно так подумал, именно это слово. Но если он уснул, то куда делись остальные тринадцать человек? Лежат где-то мертвые?

Поджигая один пучок бумаг от другого, он ринулся в запретную зону. На сей раз пришлось изрядно повозиться с замком. Только повиснув всем телом на рычаге электропривода и оторвав его «с мясом», он сумел отодвинуть тяжелую створку.

Уходящий в непроглядную темень широкий коридор. Склизкие стены в бурых разводах. Европанели, здесь всюду были приличные панели, механически отметил Коваль. Артур поджег новую связку газет, ступил шаг, другой. Под ногами чавкнула вонючая грязь. Он поскользнулся и еле сумел удержать равновесие. Импровизированный факел нещадно чадил в поисках кислорода. В судорожных сполохах Коваль успел заметить бескрайнюю лужу, в которой плавали неясные обломки, покосившийся пожарный щиток и решетку старинного лифта напротив. Факел рассыпался багровыми искрами, и вновь спустилась темень.

Артур затаил дыхание. Издалека доносился ритмичный шорох, точно некрупный зверек скребся когтями по металлу. Минуту Коваль постоял, прислушиваясь и чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Ему вспомнился голливудский фильм о мутировавших в канализации гигантских муравьях. Крыс тут быть и не могло, жратвы никакой, а воды по колено.

— Никаких гигантских муравьев не бывает! — твердо заявил Коваль и на ощупь двинулся туда, где раньше заметил пожарный щит. Сапоги по щиколотку погрузились в ледяную воду. Внезапно что-то мягкое коснулось его ноги. Артур сжал зубы, чтобы не закричать. Крюки, на которых когда-то висел инструмент, давно сгнили, от топора ничего не осталось, но лом он нащупал.

— Так-то лучше! — угрожающе сообщил он невидимым обитателям подземелья.— Теперь мы вернемся и кое-что проверим...

Где-то наверху тучи окончательно закрыли солнце. Пока он отсутствовал, в силовой стало значительно темнее. Если не выбраться отсюда до вечера, придется коротать ночь наедине с двумя трупами... и с теми, кто скребет когтями во мраке. Артур, старательно сдерживаясь, чтобы не обернуться, спокойным шагом пересек проходную пятого отдела, прислонил свое орудие к стене и свернул еще несколько факелов. Пока Артур распихивал их по карманам, его настиг очередной желудочный спазм, значительно сильнее предыдущего. Хоть бы сухарик какой найти, подвывая от боли, мечтал он. На кухне должна быть еда, всегда была...

Кухня. Он безошибочно свернул в щель между одинаковыми железными шкафами, нащупал узкую дверцу. Кухней они любовно называли созданный из бывшей лаборатории химреактивов уютный буфетик. Мгновенная вспышка в мозгу... Он вспомнил, как сам набивал по стенам вагонку и мастерил подобие барной стойки. Буфетик соединялся смежным проходом с «нижним» кабинетом профессора Телешева... Он вспомнил, куда ведет коридор за пределами запретной зоны. Это был вовсе не коридор, а продолжение подземного пандуса для грузовиков. Дальше, за поворотом, там, куда ему очень не хотелось идти, обязаны были находиться раздвижные ворота и пост охраны. А рядом с решеткой грузового лифта, если она также не обвалилась, должна начинаться узкая металлическая

лестница наверх, в наземные помещения пятого отдела. Он выберется, но сначала...

— Меня зовут Артур Коваль,— шепотом повторил он.— Я старший научный сотрудник отдела, кандидат наук, и работаю в институте...

Провал. И черт с ним! Артур израсходовал еще три спички, пока новый факел не занялся, и толкнул дверь кухни. В нос ему ударил застоявшийся болотный смрад. От вагонки, самодельной деревянной мебели и бара осталась кучка трухи. Штукатурка со стен обвалилась, обнажив кирпичные своды конца девятнадцатого века. Потолок в двух местах треснул, из черных дыр сочилась ржавая вода. Стараясь не наступать в скопления белесых грибов, Артур поджег следующий факел и заглянул в кабинет шефа.

Профессор Телешев был здесь. Коваль ни за что бы не признал в кучке тряпья своего шефа, но никто, кроме профессора, не осмеливался сесть на его место, за угловой стол. Мебель для «нижнего» кабинета подбирали из новомодного пластика, под цвет офисной оргтехники, поэтому сильно пострадали только стены и шкафы с книгами. Очевидно, за стенкой в буфете лопнул радиатор, и кипяток хлестал до тех пор, пока не опустели батареи на всех шести этажах...

Телешев сидел за столом, положив голову на руки. Сквозь истлевший рукав костюма желтела кость. Напрашивалось лишь одно объяснение. Пока он спал, институт охватил неведомый вирус, но с родимым пятым отделом это никак не могло быть связано. Возможно, во втором или в третьем что-то перехимичили? Но, в таком случае, о чем думает начальство наверху, почему никто не спустится похоронить людей? Факел горел все хуже. Артур уже собрался уходить, но тут приметил напротив стола квадратную дверцу сейфа из нержавейки. Ключ торчал в замке, но Ковалю показалось, что сейф не заперт.

Бумаги и диски на нижней полке слиплись в сплошной пористый комок. Зато на верхней полочке Артур обнаружил кое-что любопытное — завернутый в многочисленные слои полиэтилена картонный журнал и там же дискету. Он смахнул перчаткой слой плесени, опустил факел ниже.

«Тем, кто выживет!»

У Артура остался последний сверток листов. Он вытащил из сейфа пакет и заспешил в силовую. Живот пока не давал о себе знать. Возможно, что он не болен, возможно, что зараза миновала его. За несколько минут, в поте лица орудуя ломом, он сумел отодвинуть дверь сейсмотамбура достаточно, чтобы туманный свет достиг самых дальних закоулков камеры. Затем, в три захода, перенес внутрь всю оставшуюся сухую макулатуру, разделил ее на несколько частей и поджег. Как он и догадывался, помимо капсулы номер один вдоль задней стенки, опутанные проводами, стояли еще две пустые титановые «усыпальницы» с опущенными крышками. Ни одна система не отвечала на запрос, экраны оставались пустыми и темными.

Читать он не разучился. Дотлевала на резиновом полу последняя кучка бумаги, но Артур ни на что уже не обращал внимания.

«Журнал наблюдений. Начат семнадцатого февраля две тысячи шестого года. Пост дежурного инженера пятого отдела.

Камера глубокого анабиоза.

Произведена загрузка капсулы номер два, сроком на восемь суток.

Тип реагента — полужидкий азотный, криопротектор четвертой серии. Испытуемый — Мирзоян Александр, возраст тридцать два года. Комбинированное охлаждение по схеме профессора Телешева. Скорость достижения расчетного давления среды — три часа семнадцать минут.

Двадцать пятое февраля две тысячи шестого года.

Процесс выхода прошел успешно. Скорость — два часа пятьдесят минут. Состояние испытуемого хорошее. Кристаллизация отдельных капилляров. Моторика в пределах нормы. Отправлен в медицинский блок.

Шестое марта две тысячи шестого года.

Произведена загрузка капсулы номер один, сроком на тридцать дней... Испытуемый — Денисов Анатолий...

Процесс выхода прошел успешно...»

Артур сглотнул.

Третье июня. Установлена последняя капсула. Загружены сразу две, сроком на два и три месяца соответственно. Применен новый тип реагента, испытанный ранее на собаках. Артур

вдруг явственно увидел себя двумя этажами выше возле самой первой, газовой капсулы, доставленной из Америки. Алик Мирзоян держит барбосу пасть, отвлекает его косточкой, пока Лида выстригает шерсть на затылке, чтобы прикрепить электроды. Телешев стучит по клавишам компьютера, Артур с Толиком таскают баллоны с газом... Сумасшедшее времечко...

Коваль подышал на слипшиеся страницы.

Одиннадцатое сентября того же года. Испытуемый впервые ложится в капсулу сроком на целый год. Артур вспомнил. Именно тогда было принято решение о полном переходе на отечественный реагент. Возникала опасность нарушений в работе синапсов, отвечающих за кратковременную память. И еще, были подписаны контракты на участие западных ученых в испытаниях. Схема Телешева признана самой успешной.

Дальше, когда же дойдет очередь до него? Ага! Десятого января две тысячи седьмого Коваль испытывает на себе третью капсулу высокого давления, с массажной лежанкой и новым типом мышечной стимуляции. Недолгое погружение, три недели... Нет, не то. Ага, вот оно! Седьмое октября две тысячи седьмого года. Капсула номер три. Красовецкая Елена, срок три года. Капсула номер два. Дэвид Паунти. Сроком на четыре года. Стоит пометка: оплачено британской стороной. В первую капсулу ложится Коваль. Лену Красовецкую Артур смутно помнил, фамилия Паунти ему ничего не сказала.

Так, Коваль Артур... Он замер. Не может быть! Нет, здесь какая-то ошибка. Он захлопнул журнал. Остальное дочитаем позже.

Первая капсула была загружена на двадцать лет.

Глава третья

Голубоглазая смерть

Он выбрался на карниз через окно третьего этажа. На первых двух этажах, в пятом и четвертом отделах, царил полный разгром. Мебель лежала перевернутой, компьютеры разбиты, пол устилал хрустящий ковер из остатков лабораторного обо-

рудования. И везде заросли, залежи пыли. Окна первых этажей всегда закрашивались снизу на три четверти и оборудовались двойными решетками, посему Артуру хватало освещения, но бросить взгляд во двор он не мог. Парадный вход, где обычно сидела охрана, как и калитка во двор, оказались забиты снаружи. Причем именно грубо забиты; он подошел и потрогал торчащие внутрь сквозь мореный дуб блестящие острия гвоздей. В институте не было ни воды, ни электричества. Сначала у Коваля создалось впечатление, что в корпусе побывала шайка взбесившихся вандалов, но, зайдя в медицинский блок, он изменил мнение. Какими бы безумцами ни родились те, кто вывернул наизнанку сейфы и вырвал из полов ценнейший старинный паркет, к медицинскому оборудованию они явно относились иначе. Здесь также порядочно пошуровали, но не сломали, а вынесли содержимое лечебницы куда-то наружу.

Постепенно он заметил еще несколько странностей. Лампы дневного света, пусть и бездействующие, оставались на местах, но не встретилось ни одной целой лампочки накаливания. Будто кто-то шел и бережно собирал их, точно грибы. Также пропал весь инструмент с пожарных щитов, кроме баллонов. Большая столовая больше всего походила на стенд для испытания боевых гранат; среди груд разбитой фарфоровой посуды Артур засек несколько самых обычных крыс, разбежавшихся при его появлении. Но нигде он не встретил ни одной кастрюли или обломка алюминиевой вилки. На еду для себя он больше не надеялся. Оставалось уповать, что за пределами института простирается не радиоактивная безжизненная пустыня, а родной любимый город.

У Артура в трех местах кровоточили ладони, перчатки комбинезона он изорвал в хлам, когда пробирался вверх по лифтовой шахте. Тяжелый люк черной лестницы одолеть так и не сумел, это была одна из тех могучих железяк, что устанавливали в брежневские годы на случай ядерной атаки. Пришлось расширить проем в решетке шахты и карабкаться в полной темноте по шатким мокрым крюкам, вбитым в кирпичную кладку. Дважды крюки сгибались под его тяжестью, и Коваль, мокрый от ужаса, повисал над черной бездной. Наконец над головой сквозь решетку первого этажа забрезжил слабый отсвет. Почти сразу Артур увидел и лифт. Многотонная громада застряла, пе-

рекосившись, между первым и вторым этажами. Прямо в лицо Артуру целилась огромная ржавая пятка амортизатора.

Затаив дыхание, стараясь не раскачивать опасно скрипящие ступени, человек выбрался на узкий порожек. К счастью, раздвижную секцию кто-то выломал до него. Не понадобился и лом, который Коваль кое-как прикрутил за спиной куском провода. Целлофановый пакет из кабинета шефа он сунул за шиворот, прямо на голое тело. Внизу его больше ничего не интересовало, и Артур не испытывал малейшего желания посетить подвал вторично. Когда он только начинал подъем, догорел последний факел, спички кончились, и ему показалось, что в темноте под ногами, совсем рядом, что-то пробежало. Что-то приличных размеров.

Явно не крыса.

Теперь он отсасывал кровь из царапин, сплевывал и размышлял, где бы раздобыть хоть огрызок пластыря. Из санчасти исчезло все, даже такие никогда не используемые предметы, как кислородная подушка и костыли. Артур стоял, сплевывая кровь, и прислушивался к зданию. Людей не было и здесь, испарился весь персонал, около пятисот человек. Он слышал только ровный посвист ветра в вентиляции и еще какой-то странный монотонный звук, вроде шуршания домашнего ткацкого станка.

Шит-та, шит-та, шит-та...

Был момент, когда он склонялся к мысли о срочной эвакуации. Тогда объяснялась бы забитая гвоздями дверь. Но даже при самом паническом бегстве инженеры не стали бы уродовать собственные рабочие места. Артур видел оставленную дорогостоящую электронику, микроскопы, лазерные принтеры, которые в случае пожара следовало выносить в первую очередь. Вандалы не тронули электромоторы, но поснимали с приводов резиновые ремни.

На площадке второго этажа Артур нашел еще два трупа. Таскать ржавый лом давно надоело, он оставил его где-то в столовой в надежде подыскать более компактное и удобное средство обороны. Но, натолкнувшись на мертвецов, понял, что с разоружением поторопился. Женский труп полусидел на лестнице, прислонившись спиной к перилам, и сжимал в засохшей ладони упаковку одноразовых шприцев. Перед смертью женщина носила длинное кожаное пальто, почти в целости сохранившееся, поэтому Коваль не мог видеть, что произошло с туловищем. Зато он хорошо рас-

смотрел, во что превратились ее ноги и голова. Череп женщины с редкими ошметками волос на затылке валялся тремя ступеньками ниже, весь покрытый следами зубов. Левая плюсна и кусок берцовой кости, обернутые в остатки лакированного сапога, также послужили кому-то источником питания. Одного взгляда на следы укусов Артуру хватило, чтобы опознать собачьи зубы.

Или ему почудилось, или роль сыграли натянутые до предела нервы. Где-то вдали, сквозь бесконечное «шит-та», прозвучали легкие шаги. Коваль резко обернулся.

Никого. Полутемный коридор, ряд прямоугольников света, падающих на противоположную стену из закрашенных окон. Анфилада душных, пустынных залов. Артур вдруг обратил внимание, что на окнах отсутствуют тяжелые бархатные портьеры, гордость директорского этажа. Действительно, в левом крыле второго этажа размещалось начальство, и погром носил тут более утонченные, причудливые формы. Грабители не тронули стойки с видеоаппаратурой, но скатали и унесли ковровые дорожки. На плоском экране огромного японского телевизора в кабинете зама по науке кто-то оставил пальцем еле заметную надпись. Более свежие слои пыли почти скрыли послание, и Артур прошел бы мимо, если бы не остановился заглянуть в вывернутый из стены сейф. Дверцу, очевидно, выдернули «с мясом», а потом опять захлопнули. На дне сейфа лежало несколько банковских пачек по пятьсот и тысяче рублей. Здесь, в закрытом стальном ящике, не было сырости, крыс и насекомых, и банкноты сохранились прекрасно. Двадцать лет, ошарашенно повторил Артур, или десять, или пять. Он вскрыл верхнюю пачку. Пальцы дрожали. В тот момент, когда он рвал бумагу, ему снова почудился посторонний звук, гораздо ближе. Словно легкий топоток двухлетнего ребенка по толстому ковру...

Он замер, затем резко оглянулся. Нет, ничего. Легкое облачко пыли. Шит-та, шит-та, шит-та...

Самая свежая купюра была датирована две тысячи двадцать шестым годом. Нет, что-то здесь не то! Коваль присмотрелся к деньгам внимательнее. Да, в «его время» пятисотрублевка выглядела несколько иначе. Добавились две горизонтальные полоски, на просвет профиль Петра чередовался с двуглавым орлом, и, кроме того, деньги стали заметно крупнее. Если купюра выпущена всего год назад, сказал себе Артур, то это означает,

что институт покинут совсем недавно. Но мертвецы явно пролежали в подвале не год, а гораздо дольше! И одежда успела развалиться, и ни следа запаха. А пыль, а пауки? Да в жизни, даже за три года, не наросло бы столько грязи! Он выпустил пачку из рук, деньги веером разлетелись по кабинету.

Может быть, он перележал, переспал лишнего в капсуле? Нет, это невозможно, аппаратура совсем недавно убедительно продемонстрировала, что программа прошла без малейшего сбоя. Ему даже не понадобился дежурный инженер, чтобы самостоятельно покинуть лежанку. Артур поднял глаза от сейфа к настенному телевизору и тут рассмотрел на сером экране остатки каракулей.

Неведомый писатель оставил надпись на немецком языке. Артура приятно удивило, что, оказывается, он понимает немецкий. «Где кончается философия, там начинается биология».

Занятные интеллектуальные потуги для того, кто грабит сейфы! Артур уже шагнул в холл, туда, где раньше заметил второй труп, но внезапно его пронзила самая противная за сегодняшний вечер мысль. Три мертвых тела внизу — это крайне неприятно. Здесь еще два, к тому же после смерти обглоданные собакой или волком. Скорее, собакой... Но нетронутые грабителями десятки тысяч рублей — это гораздо серьезнее десятка трупов. Если людям стали по какой-то причине безразличны деньги, это...

Напрашивающийся вывод обещал лишить его остатков рассудка. Лучше пока заняться чем-то более конкретным.

Второй безголовый труп принадлежал мужчине и находился примерно в таком же состоянии, что и женский. Человек, когда его застигла смерть, сидел, непринужденно развалясь в кресле, в холле перед кабинетом одного из замов. Он так и умер, положив ногу на ногу. У несчастного отсутствовали обе кисти. Оставляя после себя в пыли рифленые следы, Артур подошел к мертвецу и потихоньку опустился на корточки. Возле левой ноги лежало что-то блестящее. Не сводя глаз с мумии, Коваль потянул на себя пластмассовый предмет, похожий на узкую клетку для яиц или на ячеистую внутренность конфетной коробки. Из десяти ячеек семь были свободны, а в трех покоились полные ампулы с мутной жидкостью внутри. Артур перевернул упаковку, сдул приставшие к пластику пылинки. Значительная часть этикетки отсутствовала; то, что

ему удалось прочитать, не добавило ясности. «Вакцина № 3/1. Препарат комбинированного... активен против штаммов... блокирует синтез... Режим дозирования: 4 раза в сутки...»

Так. Шприц-тюбик у охранника в подвале, у тетки на лестнице, а у этого кадра целая батарея ампул. Очень похоже, что все они страдали и умерли от одной и той же болячки. То ли не сумели вовремя принять лекарство, то ли вакцина № 3 перестала действовать?

Добравшись до третьего этажа, Артур был вынужден присесть на подоконник, чтобы немножко перевести дух. Он не помнил наверняка, но вряд ли на тридцать первом году жизни страдал одышкой и аритмией. Путешествие по мертвому институту его доконало. Очевидно, двадцать лет в капсуле не прошли даром. Организм наверняка нуждался в поддерживающей терапии, в укрепляющих лекарствах. Если бы он мог хоть что-то вспомнить из этой области! Внешне мускулатура выглядела прекрасно, но с каждым шагом он все больше слабел. Хотя Коваль и помнил, где оставил лом, на то, чтобы вскрыть парадный вход, сил ему не хватит. Нечего и думать. Придется уходить через окно. Напротив окон курилки раньше находилась крохотная площадка пожарной лестницы, по ней можно было бы спуститься во двор. Как же найти нужный кабинет? По-стариковски кряхтя, Артур поднялся и зашаркал по коридору.

За четвертой дверью справа ему встретилось окно без решеток и краски, правда, невероятно грязное. Но за потеками грязи просматривалась сварная трубчатая конструкция, а дальше — до боли знакомый облезлый колодец двора. Рамные шпингалеты буквально вросли в древесину. Артур пересек пустую курилку, подергал ставни. Придется разбить стекло. Ничего подходящего под рукой не валялось, кроме пластов штукатурки, насквозь проросшей грибом.

Снова этот шелестящий звук, еле уловимое царапанье, буквально рядом, за стенкой. Точно двое или трое маленьких детей пробежали на цыпочках по лакированному паркету. Маленькие дети или... большие собаки. Артур заозирался в поисках оружия. Дверь в коридор оставалась распахнутой. Ему почудилось или там действительно промелькнула тень? Дикое животное на третьем этаже закрытого учреждения, практически в центре Петербурга, возможно, подверженное бешенству.

Нормальная собака не станет кидаться на людей, даже мертвых. Совершенно невероятно, но не более невероятно, чем открытый сейф с деньгами.

Его мечущийся взгляд упал на лопнувшую батарею отопления. Лед, взломавший когда-то чугун изнутри, давно превратился в воду, вытек и испарился. Под весом батареи дюймовая труба, уходящая в потолок, оторвалась и болталась в проржавевшей насквозь муфте. Коваль ухватился за трубу обеими руками, приготовился рвануть, но усилий не понадобилось. Железяка отвалилась неожиданно легко, и Артур сразу почувствовал себя увереннее. Не винтовка, конечно, но и на том спасибо. Теперь он мог разбить стекло, не опасаясь пораниться. Коваль поднял трубу над головой, замахнулся, но в последний момент что-то его удержало от удара. Он не позволит пустым страхам взять над собой верх! Если он сейчас, в собственном институте, где проработал не менее пяти лет, боится выйти из курилки, то что он будет делать дальше, на улицах?

Шит-та, шит-та, шит-та...

Ни звука человеческого голоса, ни гудков машин, ни малейшего намека на город с четырехмиллионным населением, только надоедливый шепот таинственного агрегата за окном. Коваль перехватил трубу покрепче, выставив впереди тяжелый зазубренный конец, и, выдохнув, шагнул в коридор.

В коридоре его поджидала лысая собака.

Артур остановился, точно лбом налетел на невидимое препятствие. Он не испытывал страха перед меньшими братьями, но подобную тварь даже представить было непросто. Пес воплощал худшие сны наркомана. Очень отдаленно, толстыми подушками лап, он напоминал добермана, но голова скорее принадлежала неблизкому родственнику колли. Но не отсутствие породы вызывало дрожь, и даже не то, что зверь разгуливал по закрытому «ящику». В конце концов, вахтеры вечно подкармливали дворняг. Артур внутренне усмехнулся, точно наблюдая себя со стороны. Его мозг, защищаясь от безумия, мерил действительность категориями нормального мира. Но ничего нормального в мире за двадцать лет, похоже, не осталось. На собаке практически не росла шерсть; морщинистую, почти черную кожу покрывал слой коросты. На Коваля смотрели пронзительно-голубые глаза.

Пес переступил с лапы на лапу и издал короткое ворчание. В холке зверь едва достигал половины метра, и Артур уже прикидывал, что легко сумеет отогнать больное животное, тем более что бешенством здесь и не пахло. Но в эту секунду пес сделал неуловимое движение и мгновенно очутился на два метра ближе. Артур даже не успел сообразить, как это получилось; наверное, он сморгнул или случайно отвлекся. Теперь со зверем их разделяло не более семи метров усеянного мусором коридора. Было в собаке еще что-то неправильное, но в полумраке Артур никак не мог разглядеть, что именно ему не нравится.

Следующий прыжок он почти успел засечь. Артуру почудилось еле заметное движение за спиной; еще не начав оборачиваться, он отметил, как вздулись мышцы на лапах собаки. Он осознал ошибку слишком поздно, его внимание каким-то образом отвлекли.

Черт, ему внушили, что позади кто-то есть! Позади никого не оказалось — пустой коридор и три закрытые двери. Но лысый пес приблизился еще на два метра и снова застыл, как изваяние. Теперь на его облезлую морду падал свет из окна, и Коваль разглядел так раздражавшую его деталь. Под торчащими подвижными ушами животного раздувались влажные жаберные щели.

— Хорошая собачка,— одобрительно пробурчал Артур, делая мелкий шажок назад, по направлению к курилке.— Просто замечательная собачка. Теперь слушай меня, кусок шланга! — Он попытался взять угрожающий тон, но осипшие голосовые связки предательски срывались на фальцет.— Если заеду по зубам патрубком, мало не покажется!..

Он не задумывался, слышит его лысая тварь или нет. Вполне вероятно, что где-то водятся собачки с голубыми глазами, но не с жабрами! Артур вдруг совершенно отчетливо понял, что, если эта пакость на него сейчас бросится, он вряд ли сумеет отбиться даже с трубой в руках, слишком уж она шустрая. Действия собаки чем-то напоминали поведение удава. Две льдинки, не моргая, уставились в глаза человеку. Коваль почувствовал, как крупные капли пота стекают по вискам. Псина гипнотизировала его, совершенно очевидно она ждала, чтобы он на долю мгновения ослабил внимание. Артур, не прекращая буравить противника взглядом, сделал

еще шажок к спасительной двери. Теперь ему оставалось запрыгнуть внутрь и запереться изнутри. А потом он разобьет окно и спустится во двор, спустится, даже если лестница давно сгнила!

Его спасла от опрометчивого поступка вторая собака. Много позже он будет заново переживать свой первый день и будет поражаться, как ему крупно повезло и каким чудом было то, что он не повернулся в тот момент спиной. Вторая собака походила на первую примерно как потомственный борец сумо похож на гимнастку. У нее тоже присутствовали четыре конечности и голубые глаза. На этом сходство заканчивалось. Свою широкую пасть пес не мог закрыть по определению: мешал тройной ряд зубов. Верхние клыки росли один над другим, заканчиваясь ниже обвислых брылей. Возможно, прабабка ходячего кошмара согрешила с мастиффом. Так же, как и первый, пес не страдал от наличия жабер и отсутствия шерсти, но вдобавок располагал кожистыми перепонками на коротких кривых лапах. Рыхлой комплекцией зверь отдаленно напоминал бассет-хаунда, если возможно представить бассета с телом полуторарметровой длины. Наверное, из-за неудачного телосложения ему было так трудно преодолевать ступеньки. Собака, высунув язык, вырулила с лестничной клетки и коротким тявканьем дала о себе знать товарищу. Или спросила, почему товарищ до сих пор не позавтракал этим сероголовым бритым придурком. Коваль понятия не имел, что означает тявканье, но готов был дать голову на отсечение, что между псами на короткое время возникло бурное общение. Правнук колли молча повернулся к собрату и молча смотрел на него секунды две...

Морок рассеялся. Артуру хватило времени, чтобы задом пересечь порог и захлопнуть дверь.

Коваль упер один конец трубы под дверную ручку, а другой, острый, с силой загнал между рассохшимися паркетинами. Затем ноги его подогнулись, и старший научный сотрудник плюхнулся на пол, прижимая дверь спиной. Но курительную комнату никто не пытался взять штурмом. За тонким слоем пластика стояла полная тишина. Артур проверил, крепко ли держится импровизированный запор, затем, пошатываясь, добрался до окна. По пути он поднял с пола кусок штукатурки.

Грохот от разлетающихся осколков его оглушил. Артур расчистил перчаткой подоконник и вылез на карниз. Теплый и удивительно свежий воздух ворвался в легкие. Слишком свежий для Петроградской стороны, невесело констатировал он, пробуя на крепость пожарную лестницу. Надо же, он вспомнил, где находится институт! Осталось вспомнить, где он сам живет, точнее, жил. Артур потерял уже второе средство самообороны, но о том, чтобы вернуться в комнату и забрать трубу, не могло идти и речи. Скорее он кинется вниз, чем опять повстречается с этой сухопутной акулой!

Глава четвертая

Город лысых псов

Двор почти не изменился. Такой же узкий мрачноватый колодец, пирамида нераспакованных ящиков на асфальте, неприветливые окна второго корпуса напротив. Артур подвигал пальцами, разгоняя кровь, и решительно начал спускаться. Насколько ему смутно припоминалось, из двора на улицу можно было выбраться двумя способами. Либо преодолеть двойные ворота в грузовой подворотне с натянутой поверх кольев колючей проволокой, либо через второй корпус. Уже на уровне второго этажа он увидел, что черный вход во второй корпус стоит распахнутый, и внутри — хоть глаз выколи. Нет, сказал он, только не это. Все что угодно, но в здание он больше не войдет. Хотя собаки ведь могли поджидать его и на улице!

Он чуть не заплакал от безысходности. На уровне трех метров от земли лестница обрывалась, дальше предстояло прыгать. Коваль помедлил, прислушиваясь, жадно вбирая ноздрями немыслимо чистый воздух. Стояло лето, тополиный летний вечер, градусов двадцать тепла. Пух залетал откуда-то сверху, кружился сказочными водоворотами над крышей, оседал невесомыми сугробами на карнизах. В голубом квадрате неба черными точками мелькали птицы. Артур задрал голову и увидел то, что производило такой странный шум.

Шит-та, шит-та...

Над крышей второго корпуса, видимо в следующем проходном дворе, неторопливо махали лопастями четыре ветряные мельницы. Еще две завалились набок, потеряв лопасти. Определенно, такие новшества Артур бы запомнил, стало быть, ветряки установили уже после его «погружения». Очень возможно, подумал он, эти трехлопастные гиганты спасли его жизнь. Откуда взялась энергия для отвода реагента в капсуле, для поднятия температуры? Для запуска программы мышечной стимуляции, вентиляции легких и еще множества тонких операций, обеспечивающих выход из анабиоза? Дизель, предназначенный для дубляжа подстанции, в случае перебоев с током наверняка давным-давно выработал запас топлива. И вот Коваль спасен и висит на последней перекладине лестницы, боясь спрыгнуть на асфальт, потому что там его могут подкараулить лысые собаки. Вместо цветов и оркестра.

Ему сразу понадобится оружие. Артур осмотрелся и приметил, как ему показалось, подходящую вещицу. Возле открытого канализационного колодца валялся кусок оконной решетки — три заостренных прута, прихваченные сваркой к закругляющемуся фрагменту узора. Вполне приличные прутья, почти не ржавые. Он разжал руки и полетел вниз. От хлопка его падения по двору пронеслось протяжное звонкое эхо, но никто не выскочил ни из люка, ни из дверей соседнего корпуса. Морщась от боли в пятке, Артур заковылял к своему новому оружию. Два метровых прутка отделились легко; он подумал и взял оба с собой. Очевидно, до погружения в сон он не только занимался иностранными языками, но отличался завидной бережливостью, потому что моток проволоки, на которой поднимал из подвала лом, Артур сохранил в кармане комбинезона. Кусок провода он повесил через плечо и закрепил один прут за спиной, соорудив подобие ножен.

Теперь он был готов к выходу в город. Но перед тем как направиться к воротам, он зачем-то подошел к открытому люку и заглянул внутрь. Артур не смог бы объяснить, какая муха его укусила,— ну люк и люк. Так нет ведь, поперся. Гораздо позже он научился всем своим внезапным порывам находить объяснения: очевидно, в минуты крайней опасности активизирова-

лись какие-то подспудные чувствительные центры в мозгу. Если бы не эти озарения, не дожить бы до следующего утра!

В люке, вверх ногами, застрял человек. Артур отшатнулся: по ботинкам трупа ползала крыса. Первым позывом было немедленно повернуться и бежать к воротам, но он себя пересилил. Потому что это был свежий труп. Относительно свежий; возможно, мужик провисел вверх ногами в люке дня два, но никак не годы. И умер он явно не из-за отсутствия вакцины. На человеке был надет серый костюм военного покроя, вроде полевой милицейской формы, вполне привычная офицерская портупея, брюки заправлены в высокие шнурованные ботинки.

В спине убитого Коваль насчитал четыре дырки, скорее всего, от пуль. Провалиться дальше, в шахту люка, телу мешал торчащий из глубины вентиль. Лица убитого Артур рассмотреть не мог. Физиономию мертвеца закрывал противогаз, плотно схваченный ремнями на русом затылке. Тело уже начинало разлагаться, живот мертвеца вздулся, но, как ни странно, не наблюдалось и следа от крысиных или собачьих зубов. Зато с портупеи свешивались сразу две кобуры. Одна пустовала, зато в прорези другой Артур совершенно четко видел рукоятку пистолета.

Такой возможности могло больше не представиться. Коваль еще раз внимательно осмотрелся, прут положил рядом, сам опустился на живот. В глубине колодца, в метре от висящей головы мертвеца, вильнула хвостом крыса. Почему же они все-таки его не едят? Чтобы не было так страшно, Артур пытался отвлекать себя всякими глупыми вопросами. Черт, как далеко, не дотянуться! Он задрал голову над потрескавшимся асфальтом — показалось, что в спину уперся недобрый остановившийся взгляд. Мигом перекатился на спину, держа перед собой заостренный конец прута.

Никого. Слепые, серые от копоти окна безразлично окружали пространство двора. Артур успокоил дыхание и вытащил тело из люка почти до пояса. Потом свалился рядом, обливаясь потом и чувствуя, как в животе назревает новый спазм.

Затем он поднял глаза и увидел перед собой лысых псов. Сразу троих. Эти здорово отличались от предыдущих, были гораздо тщедушнее, но излишним миролюбием явно не страдали. Псы разделились и наступали на Артура сразу с трех сторон. Три пары голубых глаз на голых, пятнистых, как у ги-

ен, мордах. Центровой, очевидно, командовал в стае, с большой натяжкой его можно было принять за бульдога, если бы не широкий и плоский, как у выдры, хвост.

Не смотреть им в глаза, главное — не смотреть! Артур расстегнул кобуру на боку мертвеца и достал тяжелый пистолет. Ощутив в ладони рифленый пластик рукоятки, он почти сразу вспомнил, как стрелял на военной кафедре института. Боже, как это было давно! На собак оружие произвело ошеломляющее действие. Артур даже не успел сообразить, как снять пистолет с предохранителя, а псов словно ветром сдуло. С ума сойти, проклятые твари понимали, что именно человек держал в руках и какую угрозу им это несло...

Коваль слегка повеселел, он даже не успел в этот раз толком испугаться. Осмотрел пистолет; на ладони лежал не привычный армейский «макаров», а какая-то неизвестная импортная модель, возможно, выпущенная гораздо позже седьмого года. Полный магазин на четырнадцать патронов, еще один запасной в кармашке кобуры. Морщась от отвращения, Коваль расстегнул на убитом портупею. Работать приходилось вслепую, постоянно обшаривая глазами двор. Лысые гады могли вернуться с подкреплением, но без портупеи некуда сунуть оружие. Перепоясавшись, он хотел уже подняться с колен, но тут заметил в глубине колодца рюкзак. Несколько секунд Артур боролся с желанием плюнуть на все и спешно смыться. Он нисколько не сомневался, что за ним наблюдают. Псы притаились за пирамидой ящиков, сваленных в дальнем конце двора. Спускаться в люк рядом с трупом было равносильно самоубийству, а чтобы дотянуться рукой до кожаных лямок, не хватало каких-то тридцати сантиметров. Наконец он придумал. Засунул конец железного прута в канавку люка и соорудил что-то вроде крючка. Затем, одной рукой поводя из стороны в сторону пистолетом, опустил крюк в яму.

Рюкзак весил килограммов десять, не меньше. Как и хозяина, его не тронули зубы хищников. От поклажи мертвеца исходила слабая, но устойчивая горьковатая вонь. Артур принюхался и обнаружил, что точно так же пахли брюки убитого и портупея, которую он реквизировал. Это меньше всего походило на запах гниющей плоти, скорее создавалось впечатление, что вещи пропитаны специальным составом. Артур решил, что

исследует содержимое находки попозже. Пусть даже там окажется кусок другого трупа — оставаться здесь он больше не мог. Обитатели подвалов ждали случая, чтобы напасть.

Еще не дойдя до ворот, Артур понял, как сюда попал малый в противогазе. Оба гидравлических привода отсутствовали, створки свободно покачивались на сквозняке. Видимо, парень забежал во двор по глупости, спасаясь от погони, заметался в четырех стенах и не нашел ничего лучшего, как спрятаться в люке. Тут его и застрелили. В спину. Коваля передернуло. Что происходит в Питере, черт возьми?

Действительность превзошла самые кошмарные прогнозы. Жители покинули город...

Скрепя сердце Артур вынужден был признать очевидный факт: даже за двадцать лет асфальт бы не сдался под натиском зелени. Что-то произошло со временем. Или с капсулой. Узкий переулок, обсаженный редкими тополями, превратился в неухоженную лесную просеку. Асфальт вздыбился, раскрошился на куски, порой Артуру приходилось искать место, куда поставить ногу. Под лопнувшим уличным покрытием змеились корни деревьев, кое-где образовались каверны глубиной в несколько метров, отовсюду лезла трава, достигавшая метровой высоты. Тополя, осины, ели, даже клены и дубы сплетались в вышине, загораживая небо. Деревья прорвали линии электропередачи, лезли ветвями в разбитые окна. Артур заметил бетонный столб, вырванный из земли и повисший на проводах как нелепое украшение могучего тополя.

Этот парень в люке... Если несчастье, поразившее людей внутри института, случилось так давно, почему убитый разгуливал в противогазе? Неужели зараза жива до сих пор?

Коваль, сжимая в руке пистолет, пробирался вдоль стены здания, тут ему казалось спокойнее. Метров через двести, он знал, переулок свернет направо, а там рукой подать до Каменноостровского проспекта. В тенистой листве голосили птицы. Артуру показалось, что в траве промелькнуло мелкое животное, возможно, кошка, или, чем черт не шутит, заяц. Один раз он совершенно отчетливо расслышал в ветвях заунывное мяуканье, но кошка к нему не спустилась. Другой раз, он мог поручиться, из чащи прозвучало козлиное блеяние.

За поворотом он опять вдали увидел псов, штук восемь. Судя по всему, стая охотилась, но явно не на него, или преследовала какое-то крупное животное. Издалека послышался яростный лай, затем все стихло. Здания дореволюционной постройки, вдоль которых он брел до сих пор, кое-как держались, но открывшийся за поворотом вид заставил Коваля охнуть. Вдоль бывшего теперь Каменноостровского парковалось когда-то множество автомобилей. Теперь от них остались, в лучшем случае, истончившиеся ржавые скелеты. На проезжей части кое-где сохранялась разметка, но мостовую во всех направлениях рассекали глубокие трещины, заросшие диким кустарником. Большинство новых домов на противоположной стороне проспекта частично обрушилось, первые этажи зияли провалами разбитых витрин. У семиэтажной стеклянной призмы выпала на тротуар вся фасадная стена, обнажив торчащие пеньки перекрытий. Тысячи ласточек сновали сквозь бесчисленные щели в стенах. У многих зданий проломились крыши, и через окна верхних этажей Коваль различал нежное вечернее небо. Впереди, метра на три над землей, вертикально вздыбился обломок бетонной лестницы с перилами. Артур постоял минуту над жерлом облицованного мрамором тоннеля.

«Метрополитен. Станция «Австрийская площадь». Половина букв с гранитной стенки осыпалась. Любопытно, при нем эту станцию еще не построили. Очевидно, совершенно новая ветка, по которой он почти наверняка никогда уже не проедет. Возле ступеней Коваль наткнулся на полустершуюся металлическую табличку: «Внимание! Зона карантина! Проход только по пропускам!»

После станции метро он прошел мимо двух роскошных магазинов. То есть они давно не могли называться роскошными, но отголоски былого величия сохранились. Продуктовый супермаркет, весь в зеркалах, был буквально вывернут наизнанку, точно внутри потопталось стадо слонов. Зато следующий магазин напомнил Ковалю пыльные купюры из сейфа института. Артур стоял перед ювелирной лавкой. От уличных стеклянных витрин ровным счетом ничего не осталось, зато в глубине помещения, на прилавках, аккуратными рядками поблескивал благородный металл. Он намеревался зайти внутрь, как вдруг обострившееся чувство опасности заставило его обернуться.

Дорогу перебегала огромная серая кошка, держащая в пасти только что убитого, еще трепыхавшегося голубя. А возможно, это была совсем и не кошка: разве у кошек торчат наружу нижние клыки, как у кабанов? Как ни странно, голубь напомнил Артуру о еде. Он чувствовал, что восприятие потихоньку притупляется или измученный мозг, защищаясь, возводит своеобразную преграду между сознанием и внешним миром. Артур зашел в ювелирный и расстегнул молнию на дурно пахнущем рюкзаке.

В обоих отделениях не встретилось ничего протухшего. Несколько кусков вяленого мяса, кулек с окаменевшим обломком сероватого сахара, огромная телефонная трубка, похожая на первые изыски «Форы». Фляга с водой, порядочный кусок хлеба, пузырек с маслянистой желтоватой жидкостью внутри и самое тяжелое — железный ящичек. Первым делом Артур впился зубами в хлеб и не мог остановиться, пока не сожрал половину краюхи. Вода во фляге обладала потрясающим вкусом... Совершенно точно, что не водопроводная.

Ужиная, он не прекращал следить за обстановкой на улице. Один раз в дебрях кустарника скользнуло что-то черное, но Коваль не успел разглядеть. Ему крупно повезло проснуться не лютой зимой, а в период белых ночей. Но ночь, пусть и белую, проводить под открытым небом недопустимо. Ему необходимо найти убежище. Он заметил, что начал рассуждать, как заправский индеец. И с едой он поступил соответственно, половину хлеба и мясо оставил на потом. Артур решил, что дойдет до Невы, и если никого не встретит, то придется срочно определяться с ночлегом. Убирая остатки ужина, он замер с протянутой рукой. Издалека донесся тоскливый, леденящий кровь вой.

Да, нужно срочно найти ночлег...

Коваль вскрыл плотно притертую крышку стеклянного флакончика, и в нос тут же ударила многократно усиленная волна того самого горького запаха, что пропитал все вещи. Возможно, это лекарство или средство от насекомых, выкидывать не стоит. Железный ящичек оказался на поверку термосом. Внутри корпуса находилась колба с широким горлом, а внутри нее, переложенные тряпочками, стояли плотно закупоренные пробирки. Температура в термосе давно выровнялась с температурой снаружи, и содержимое пробирок, вне сомнения,

испортилось, но, следуя странному наитию, Артур закрыл термос и снова сунул его в рюкзак.

Метров через пятьдесят, там, где раньше располагалась резиденция «Ленфильма», он наткнулся на баррикаду. Причем не самодельную, а построенную по всем правилам военного искусства. Проспект перегораживали грамотно уложенные противотанковые ежи, дальше в несколько рядов тянулись разные виды колючей проволоки, мешки с песком, над которыми прищурились бойницами долговременные огневые точки. Четыре дота были построены на славу, из подручных материалов, но щедро облиты цементом, и походили на торчащие из асфальта серые фурункулы. Сейчас цемент раскрошился, в трещинах росли полевые цветы, порыжевшую колючую проволоку разметало ветром. Коваль, тщательно глядя под ноги, поднялся на бруствер из мешков, оглянулся в обе стороны. От кого держали оборону строители баррикады? Ясно лишь одно: ее воздвигли, чтобы не пропустить врага в центр города, на Троицкий мост.

Проспект расстилался, словно забытая в лесу взлетная полоса... Ни взорванных танков, ни останков пехоты на подступах к ежам. Спускаясь с верхотуры, Артур заметил на песке множество следов. Некоторые принадлежали собакам, но имелись тут и следы копыт, и даже отпечатки голой ступни человека. За последним дотом он набрел на полностью разложившийся труп лошади под седлом, а дальше лежали четыре собачьих трупа. У двоих псов в лобных костях зияли аккуратные отверстия.

Коваль хотел пройти мимо, но вдруг затормозил. У этих собак с шерстью было все в порядке, и, насколько он разглядел, не наблюдалось никаких отклонений. Он заставил себя подойти вплотную, достал из-за спины прут и потыкал в серую шкуру ближайшего зверя.

— Сдохнуть мне, если ты не волк! — сообщил Артур оскаленной челюсти.— Где же тот, кто тебя пристрелил?

Возможно, стая взяла человека на лошади в кольцо, он отстреливался, а потом бросил лошадку волкам и бежал пешком? Нет ответа. Артуру последнее открытие совсем не понравилось. Лесные хищники в центре Петроградской стороны; ладно бы еще где-нибудь в новостройках... Начинало смеркаться, солнце закатилось за крыши; он прибавил ходу, держа курс на мечеть.

Издалека он различал полосатый шлагбаум и новый ряд песочных укреплений, прямо под минаретами. Над шлагбаумом полоскался на ветру железный щит с белыми выцветшими буквами. Артур изо всех сил напрягал зрение, пытаясь прочесть, что же там написано. Он уже не прятался в тени домов; дважды, прямо на глазах, сверху падали куски лепных украшений и фрагменты водосточных труб. Теперь он выбрал другую тактику — шел прямо по центру проспекта, далеко обходя препятствия, за которыми могли спрятаться собаки или другие хищники.

Надпись на плакате стала вполне различимой. Коваль сложил разрозненные буквы в слова, перечитал снова и снова, не доверяя собственному зрению, и тут его впервые серьезно отвлекли.

Глава пятая

Чужой среди своих, или О важности огневой подготовки

Зелень возле метро «Горьковская» меньше всего походила на аккуратный садик. По правую руку от Артура переливался всеми оттенками зеленого настоящий бурелом, точно вид с картины Шишкина. Чащоба выползла на проезжую часть, раскроила остатки булыжной мостовой, вырвала из земли рельсы. Но плотную стену леса разрезала выжженная широкая, метров пяти, просека, ведущая к ступеням метрополитена. Видимо, дорожку неоднократно поливали каким-то горючим веществом, чтобы преградить путь растениям, поэтому поверхность земли покрылась толстым слоем золы. Артур обогнул лежащий на боку, проросший шиповником остов автобуса и увидел первых живых людей.

От счастья у него чуть не остановилось сердце. Несколько раз Артур разевал рот, но так и не смог выговорить ни слова. А когда к нему наконец вернулась речь, выяснилось, что люди находятся в серьезной беде. Двое парней, по виду совсем молодые ребята, держали круговую оборону как раз посередине просеки, между облезлой тумбой метрополитена и выходом

на проспект. Один из них был ранен и не мог уже стоять на ногах. Привалившись спиной к ноге товарища, парнишка натягивал зубами конец бинта, обмотанный вокруг левого предплечья. В правой руке, уперев ложе в колено, парень держал спортивный арбалет. По левой, разодранной, штанине растекалось темное пятно. Буквально в трех шагах, нашпигованные стрелами, подыхали три лысые собаки. Еще несколько тварей, прижимаясь к земле, кружили поодаль. Напарник раненого держал друга за шкирку и рывками тянул в сторону станции подземки. Одежду парней составляли грубые брезентовые куртки и такие же штаны, словно скроенные из палаточной ткани. На затылках у обоих болтались на ремнях респираторы. За спиной у стоящего на ногах крест-накрест висел охотничий дробовик с пистолетной рукояткой и длинный тесак в самодельных ножнах, в свободной руке обороняющийся сжимал еще какое-то оружие.

Парочка, несомненно, пыталась пробиться к метро, но путь к ступеням преграждали еще не менее десятка собак. По сравнению со стаей в институтском дворе эти, видимо, гораздо лучше питались в детстве и выросли, как на подбор, до размеров крупной овчарки. Впрочем, с такой внешностью размеры теряли значение. У самого мелкого между лопатками просматривались два позвоночника, другого отличала полная асимметрия, словно его слепили из двух разных собак. Один кобель валялся на спине с выжженной в боку дырой, еще один крутился волчком, наматывая на лапы собственные кишки. При этом никто не лаял и не рычал, слышалось лишь шумное дыхание. Парень водил оружием из стороны в сторону, дергая за собой ослабевшего товарища; псы перемещались, не решаясь напасть, но все время сужали кольцо. Либо у оборонявшегося кончились патроны, либо он берег последний, но Артур был уверен, что стрельбу бы он услышал издалека.

Еще минута, и обоим ребятам конец! Артур скинул с плеча лямку рюкзака, проверил в кармане запасную обойму и, не скрываясь, побежал через улицу. Перепрыгивая трещину в асфальте, он заметил на рыхлой сырой земле четкий отпечаток огромной когтистой лапы. Здесь не так давно прошла кошка, скорее всего, из тех кошек, что оглашают ревом африканские

саванны. Почти не испытывая удивления, он вспомнил о находящемся поблизости зоопарке.

— Эй! — что было силы завопил Артур.— А ну стой!

Псы, атаковавшие раненого, его услышали и мгновенно обернулись. Глаза ближайшего зверя покрывала белесая пленка катаракты, но шириной грудной клетки он мог бы поспорить с лучшим ротвейлером. Для собак картина боя резко поменялась, четверо из них теперь сами оказались в окружении. В стороны разбежаться они тоже не могли. Загородив зверям выход на проспект, Артур понял, почему обуглившаяся аллея не уступала зарослям жасмина, наседающего с обеих сторон. По обочинам были вкопаны в землю и связаны между собой куски двухметровой железной ограды.

Людей появление подмоги поразило не меньше, чем собак. Артур не ошибся, парни были совсем молодыми, хоть и заросли бородами.

— Ты подземник? — хрипло выкрикнул раненый. Он глядел на Артура округлившимися глазами и, забыв о своей ране, выронил изо рта бинт.— Где твоя маска? Даляр, ты взгляни, он ходит без маски!

Тот, кого звали Даляром, чуть отодвинулся в сторону, и Артур понял, почему он не отвечает и почему не было слышно стрельбы. В зубах бородатый Даляр сжимал длинный узкий кортик, а в свободной руке — сигнальную ракетницу.

— Я не подземник! — покачал головой Коваль.— Как их прогнать?

— Стреляй! — немедленно откликнулся раненый.

— Я могу попасть в вас! Я плохо стреляю! — пожаловался Коваль.

Точно разгадав, о чем он говорит, собаки выстроились на одной линии между людьми. Теперь Коваль действительно не мог стрелять без риска зацепить ребят.

— Сзади! — выкрикнул вдруг раненый.

Артур крутанулся на пятке, и очень вовремя. Длинными плавными прыжками к нему приближались еще две огромные собаки. До первой оставалось не более трех метров, когда он перехватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил. Отдача толкнула Артура назад с такой силой, что он споткнулся и упал на одно колено.

С деревьев вспорхнули сотни пернатых, город откликнулся пистолету громоподобным эхом. Первые два выстрела не причинили никому вреда, ствол пистолета сразу же задрался вверх. Но пес уже летел, готовясь вцепиться Ковалю в горло, и сам наткнулся на пулю. Вторая собака передумала атаковать и рывком ушла в сторону, в метровые заросли крапивы.

В ту же секунду четверка окруженных за спиной Артура сделала попытку прорвать кольцо. Они оставили в покое раненого и гуськом понеслись вдоль ограды.

— Убей их! — вопил парень.

Артур, не вставая с колена, повернулся и совсем близко от лица увидел безжалостные голубые глаза и распахнутую розовую пасть. Пуля угодила псу в глотку и отшвырнула его назад, на бегущих следом приятелей. Даляр отпустил воротник раненого, взмахнул кинжалом и одновременно разрядил ракетницу.

Один из лысых мутантов, пронзительно скуля, отлетел к ступеням метро, ракета с шипением воткнулась ему в бок и продолжала гореть, разбрызгивая оранжевые искры. Другие развернулись и бросились бежать, протискиваясь в щель под покосившейся оградой. Раненый опрокинулся на спину, но успел выпустить стрелу, затем аккуратно отложил арбалет в сторону и метнул в убегающих врагов два ножа. И стрела, и ножи достигли своих целей. Отдаленный потомок черного терьера тоненько завизжал, зашатался и рухнул. Стрела пробила ему затылок и вышла под горлом.

Ножи перебили сухожилия на задних лапах следующему беглецу, но он упорно ковылял прямо на Артура. Коваль слышал собственный крик и продолжал давить на спусковой крючок, пока мускулистое черное месиво перед ним не прекратило шевелиться.

Люди выиграли бой. Одиннадцать собак погибло, остальные бежали. Даляр как ни в чем не бывало ходил от одного трупа к другому и при помощи кинжала извлекал ножи и арбалетные стрелы. Раненый парнишка забинтовал наконец руку и занялся прокушенной ногой. Артур устал так, словно целый день разгружал угольную баржу, он мог только сидеть и дышать ртом. Тошнотворный запах паленого мяса забивал ноздри. Даляр закончил собирать стрелы, вернул их напарнику,

извлек из подсумка шприцы и трижды уколол его в ногу и руку. Только после этого он обратил внимание на Артура:

— Что у тебя с головой? Ты из Чухни?

— Нет, я местный. Я долго спал... — Коваль впервые осознал, что не сможет внятно объяснить, откуда появился. У него крепло подозрение, что эти люди понятия не имеют об анабиозе.— Я ученый, из института...

—Ученый? — Парни переглянулись.— Ты из южного каравана?

— Нет, я же говорю — я местный. А голова обработана специальным составом, чтобы не росли волосы.

— Где твоя маска? Маска, не понятно? — Даляр тронул ремень респиратора.— Ты что, ковбой?

При этих словах раненый бородач звонко расхохотался:

— Какой из него ковбой! Он стреляет, как мамаша Рубенс. Выпустил двенадцать пуль, и только три в цель. Дружище, у тебя патроны растут на грядке? Кто учил тебя стрелять?

Коваль слегка обалдел от такого напора.

— Ты не подземник, не ковбой и не пришел с караваном! — подытожил Даляр, поигрывая кинжалом.— Ты не из команды губернатора, иначе стрелял бы, прежде чем поднимать крик. И ты не из портовых, те не ходят без клинков. Без маски гуляют заразные или дураки. Лучше тебе оказаться дураком, приятель! Как тебя зовут?

— Вы могли хотя бы сказать спасибо! — запоздало обиделся Коваль.— Меня зовут Артур.

— Извини Даляра, дружище! — вступился раненый.— Он злится, потому что израсходовал на меня всю столбнячную сыворотку. Меня зовут Людовик.

— Много болтаешь! — окрысился Даляр.— Ладно, Лю прав. Спасибо тебе. Дыши! — Он достал из кармана тонкую пачку бумажек, оторвал одну и положил в двух шагах от Коваля.— Ты что, не понял? Дыши!

Артур потянулся за крохотным розовым листочком и только тут заметил, что Людовик вполне серьезно целится ему в лицо из арбалета. Артур поднес листок ко рту, старательно подышал. Ничего не произошло, но парни облегченно вздохнули.

— Порядок! — сказал Даляр.— Ты тоже шел в подземку?

— А эти собаки... — Артур покосился на трупы.— Они могут вернуться?

— Он точно не питерский.— Людовик, опираясь на плечо товарища, поднялся на ноги.— Ты встречал хоть одного местного, кто не знает повадок булей?

Даляр задумчиво покачал головой, не спуская глаз с притихшей улицы:

— Они вернутся, когда уйдешь ты. Були не выносят огнестрельного и портовых клинков. Но если ты собираешься и дальше бродить здесь один, то лучше отдай пистолет мне. Через час появятся летуны и волки, они не боятся пороха.

— Я не хочу тут оставаться! — подскочил Артур.— Возьмите меня с собой, пожалуйста. Возьмите меня к людям.

— Все люди разные! — философски улыбнулся Людовик.— К каким людям ты хочешь попасть?

Теперь они оба выжидающе глядели на Коваля. Артур понял, что, если он сейчас скажет что-то неправильно, как-то неверно себя поведет, парни просто бросят его здесь, наедине с волками. Он зря понадеялся на их благодарность. Точнее, на благодарность он и не рассчитывал, он сломя голову кинулся на помощь, просто потому, что его так воспитали... Кто меня воспитал, спросил он у спящей памяти? Кто мои родители? Нет, с капсулой явно что-то случилось, раз я не могу даже вспомнить, как выглядели самые близкие люди!

— Я хочу попасть к людям,— осторожно произнес Коваль,— которые следуют законам.

— Законам? — усмехнулся Людовик.— Как ты считаешь, Даля, папа Рубенс следует законам? Знаешь, дружище, если у тебя есть чем заплатить подземникам, можешь отправиться с нами к папе, и сам ему задашь вопрос.

— Мне нужно забрать рюкзак!

Артура охватило невыразимое облегчение. Опасаясь, что новые друзья передумают, он чуть ли не бегом вернулся за своей поклажей. Парни ждали его на ступеньках. Если они собираются спуститься в метро, подумал Коваль, то я пас. Пешком топать по тоннелям — ничего страшнее не придумаешь.

— Почему вы зовете Рубенса папой? — спросил Артур.

— Обычно спрашивают, почему папу зовут Рубенс! — скупо улыбнулся Даляр.

Оказалось, что у него тоже имелся багаж, просто во время сражения два длинных баула валялись в стороне. Теперь Людовик не мог нести свою поклажу, и Артур вызвался помочь. Баул был не столько тяжелым, сколько неудобным, и казалось, что набит внутри травой.

— Он папа, потому что папа! — Людовик протянул Ковалю старинный портсигар, заполненный вручную скатанными папиросами.— Там, откуда ты появился, иначе называют людей, способных иметь детей?

— Эээ... Вот я, например, вполне способен иметь детей, но никто не зовет меня папой.— Артур бросил эту вполне невинную фразу, подтягивая лямки вещмешка, и потому не сразу заметил повисшее вокруг тяжелое молчание. Он в испуге поднял глаза. Неужели все-таки сморозил какую-то оскорбительную глупость? Оба попутчика находились в явном замешательстве.

— Откуда ты знаешь, что можешь иметь детей? — К Даляру вернулось обычное недоверие.

— Ну, видишь ли... — Артур замялся.— Так получилось, что моя девушка дважды от меня... беременела.

Ну конечно! Как он мог забыть... Наташка. В мозгу Коваля словно что-то перевернулось, он скривился, сжав руками виски. Мгновенно все стало на свои места. Он жил с Натальей, на папкиной даче под Сестрорецком, а родители последние два года осваивали новую квартиру на Ржевке. Он вспомнил мать и отца, вспомнил до мельчайших подробностей, как они с папашей закладывали фундамент и как Наталья отказалась жить вместе с его предками... Господи, что с ними со всеми? Где сейчас Наташа?

— Это такая шутка, приятель? — Даляр положил руку на рукоятку кинжала. Артур впервые обратил внимание на холодное оружие своего визави. И кинжал, и внушительный ятаган за спиной Даляра были настоящими произведениями искусства. Затейливая резьба покрывала сталь, на гарде переливались грозди драгоценных камней.— Ты хочешь сказать, что дважды выигрывал маму? Или в вашем городе избыток родящих женщин?

— Это не шутка! — заторопился Артур.— Я все объясню. Просто до того, как я уснул, мы жили вдвоем с моей девушкой...

Вечернюю тишину прорезал далекий рев. Людовик встрепенулся и не дал Артуру закончить фразу. В который раз бородатый весельчак разрядил обстановку:

— Даля, надо спешить! Приятель помог нам, а остальное подождет!

— Ты прав! — Даляр оставался мрачен, но руку с оружия убрал.— Уходим! — Он повернулся и первым направился к пандусу.

Коваль мысленно перекрестился. Чтобы остаться в живых, ему придется теперь взвешивать каждую фразу! А еще предстояло выяснить, какой же идет на самом деле год?

Вместо стеклянных дверей все входы и выходы из метро ощетинились грубой каменной кладкой. Только в одном из проемов вместо камня блестел металл. Даляр первым зашел в узкую нишу, приподнялся на цыпочки, и в руке у него оказался старинный эбонитовый телефон с ручкой и переговорным рожком. Таким аппаратом пользовался еще Ленин в фильме про революцию. Даляр осторожно размотал провод, сделал несколько вращательных движений. Артур глядел, затаив дыхание. Человечество откатилось назад как минимум на сотню лет! Только сейчас он всерьез поверил в происходящее. Из трубки аппарата раздался треск, затем мужской голос отчетливо произнес: «Горьковская».

— Три человека на «Адмиралтейскую»,— словно речь шла о вызове такси, отозвался Даляр.— Мы из Эрмитажа.

— Пароль? — скучно спросил голос.

— Минога.

Даляр передал трубку Людовику, скинул рюкзак и, на ходу вытаскивая кинжал, ринулся вниз по ступенькам. Артур напрягся, хватаясь за пистолет, но ничего опасного не предвиделось. Один из тех псов, которых поразил Людовик из арбалета, каким-то чудом выжил и медленно отползал в кусты. Даляр нагнулся и легким движением перерезал собаке горло. Затем не поленился проверить остальных. Коваль снова ощутил тошноту.

— Так обязательно поступать? — тихо спросил он у Людовика, ожидающего у трубки.

— Раненый буль не умирает! — просто ответил бородач, и тут трубка разразилась длинной тирадой.— Хорошо! — ответил

кому-то Людовик и вернул телефон в железный ящичек, крепившийся на косяке.— Ждать минут двадцать. Слышишь, Даля?

Налетевший порыв ветра принес запах большой воды. Артур вдруг заметил, что жутко натер ноги в резиновых сапогах. Он ощупал себя и убедился, что пакет с журналом не потерян, а только соскользнул на спину. Людовик присел, вытянул забинтованную ногу и принялся чистить арбалет. Даляр хмуро пыхтел папироской, быстро скользя глазами по окрестностям. Живых собак не было видно, на каркас лежащего автобуса с громким хлопаньем крыльев приземлились два баклана. Где-то вдали раздавалось заунывное мяуканье, но низкий рык больше не повторялся. Артуру показалось, что в густеющей синеве над кронами деревьев кружатся несколько хищных птиц.

— Скажите,— осмелился он,— эта надпись, она давно там висит?

— Какая надпись? — не понял Даляр.

— Вон там, возле мечети. Насчет захоронения.

В который раз он вызвал своим поведением замешательство.

— Ты владеешь письмом? — почти с уважением осведомился Людовик.— Тогда прочти нам.

— Там написано... — Артур откашлялся. Наорался он за последний час, а связки все никак не окрепнут.— Там написано: «Зона строгой изоляции. Захоронение номер шесть. Въезд по пропускам!»

— Это было всегда! — непонятно отозвался Даляр, катая в зубах вонючую папиросу.

— Отчего умерли эти люди? — решился Артур.

— С какого острова ты приплыл, приятель? — Даляр выплюнул окурок, подхватил с гранитных ступеней вещмешок. За нержавеющей дверью метро кто-то гремел засовами.— Только не говори, что научился читать в лесу!

— Но я и правда не знаю! — взмолился Артур.— Мой папа об этом не рассказывал! — на ходу сочинил он.

Дверь с противным скрежетом поползла вбок. Изнутри ударил поток настоящего электрического света. И в этом волшебном сиянии, словно ангел, преграждающий смертным доступ в рай, стоял огромный мужик с пулеметом Дегтярева

наизготовку. Людовик, придерживая кровоточащий локоть, уколол ухо Коваля усами:

— Все люди передохли от болезни СПИД, дружище! И если на твоем острове не знают, что это такое, да еще и раздают девок, клянусь мамой Рубенс, я хоть завтра отправлюсь туда!

Глава шестая

Пленник Эрмитажа

В вестибюле станции, кроме волосатого громилы с пулеметом, Коваль, впервые с момента пробуждения, встретил женщину. Оба сотрудника подземки одевались так, словно готовился авангардный показ мод. Но если амбал просто ограничился потертым лисьим полушубком и расклешенными штанами из портьерного бархата, то на женщине под меховой накидкой поблескивало атласное платье, а голову венчал восточный головной убор с остатками роскошного плюмажа. Они разбирают одежду из музеев, вскользь подумал Коваль. У женщины было простое круглое лицо и почти не портящие ее тяжелые очки с бифокальными линзами. В руках она держала внушительный гроссбух.

— Проездные предъявлять в открытом виде! — Громила добродушно ощерился, указывая на табличку со знакомым текстом, висящую над останками турникетов.

Людовик открыл подсумок и передал женщине несколько мелких предметов; та ссыпала их в металлический ящик с петлями, затем навесила на петли замок и сделала запись в журнале. Тут оба подземника разглядели лысую голову Артура и удивленно замерли.

— Он без маски! — пророкотал великан.— Даляр, вам надоело жить?

— Я его проверил, он чист,— парировал бородатый.

— Чем заплатишь, красавчик? — деловито осведомилась женщина, занеся над гроссбухом перьевую ручку.

Коваль нерешительно открыл рюкзак и показал содержимое. Людовик присвистнул, Даляр поболтал на свету пузырек с вонючей жидкостью и покачал головой.

— Ты прикончил кого-то из людей губернатора? — очень спокойно поинтересовался громила с пулеметом. Артур обратил внимание, что у мужика не хватало трех пальцев на правой руке.— Ладно, мазь меня устроит. Пошли!

— Зато нас не устроит,— холодно сказал Даляр.— Запиши на него трудодни.

Подземники переглянулись.

— Нам все равно,— хмыкнула женщина.— Но мы его не знаем. Я запишу трудодни на тебя.

— Годится! — кивнул Даляр и опустил пузырек к себе в карман.

После чего великан снял с плеча пулемет и вернул железную дверь на место. Женщина подняла свой переносной сейф и исчезла в боковом проходе, там, где еще читались полустершиеся буквы: «Линейный отдел милиции».

— Вперед,— сказал подземник и первым шагнул в наклонную шахту.

В эту секунду Ковалю стало ясно, куда девались лампочки из института. Одна свисала на длинном шнуре, освещая круглый зал станции, другая неярко горела примерно посередине шахты, следующая угадывалась внизу, в вестибюле.

Они спустились пешком, на замершем эскалаторе кое-где не хватало ступенек. В нижнем вестибюле Артур понял, зачем подземники напяливали на себя мех. Если наверху гостило лето, то на станции не выветривался промозглый застоявшийся холод. Свет одинокой лампы не достигал жерла тоннеля, почти на уровне рельсов плескалась маслянистая вода. Сквозь бурый налет лишайников на осыпающемся кафеле угадывался веселый рекламный щит: сочная блондинка приглашала посетить турецкие курорты. Мужик с пулеметом не делал попыток спуститься в тоннель, остальные тоже чего-то ждали.

И дождались. Сначала раздался стук, потом из мрака, лязгая и скрипя, выкатилась платформа поезда, без стен и крыши, зато с двумя рядами сидений и прилично сохранившейся кабиной машиниста. За сиденьями, в сетчатом коробе, оглушительно ревел дизельный движок. Водитель дрезины, всклоко-

ченный рыжий субъект в тулупе, лихо затормозил напротив группы новых пассажиров. Кроме него на платформе кутались в меха еще четверо. Их лиц Коваль так и не сумел разглядеть.

Путешествие в подземке он запомнил, как сплошную пляску зубов. Когда дрезина разогналась под горку, передние фары достаточно разгорелись, освещая бесконечные лужи и струящиеся по бетонным сводам ручейки. В самом глубоком месте дрезина выскочила на ярко освещенный пятачок. Коваль успел заметить десятка два рабочих, копошащихся возле насоса. Другие закидывали лопатами цемент в бетономешалку. Говорить не было никакой возможности, в узком пространстве тоннеля рев двигателя заглушал все звуки, от запаха солярки слезились глаза, но, когда дрезина вылетела к платформе «Невского проспекта», Артур решился задать вопрос:

— Зачем они цементируют стыки? Это же бесполезно. Под давлением породы кольца расходятся, потому что проржавела арматура!

— Если подземники перестанут затыкать дыры, их зальет водой! — пожал плечами Даляр.— Ты можешь предложить что-то поумнее?

— Следовало бы сначала укрепить кольца,— осторожно настаивал Артур.— Можно было бы изнутри вбить клинья, а затем наварить жесткую конструкцию... То есть, я хотел сказать, если, конечно, имеется сварочный аппарат...

— Сварка у нас есть,— отозвался вдруг рыжий машинист.— Но сейчас нет никого, кто умеет работать с газом. А ты что, инженер? Ты справишься с аргоном?

Все пассажиры вагона прекратили курить и разом уставились на Коваля. Он почувствовал себя крайне неуютно, черт его потянул за язык! Дрезина неподвижно зависла посреди полутемных аркад «Невского проспекта», дизель постукивал на малых оборотах. Двое мужчин вышли, обменявшись рукопожатием с водителем, зато добавилось сразу четверо вооруженных до зубов парней, и с ними маленькая женская фигурка, с головы до ног закутанная в меха. Машинист не трогал с места, очевидно, ждал кого-то еще.

—Да, я инженер! — ответил Коваль, гадая про себя, хорошо это или плохо.— И думаю, что сумел бы запустить аргоновый аппарат. Но не в одиночку, конечно...

— Даляр, твой приятель москвич? — почтительно осведомился машинист. От волнения он даже вспотел, на чумазом лице сверкали зубы и слезящиеся белки глаз.— Дружище, я не поверю, что ты музейщик. Даляр, давай я отвезу его к полковнику, и, если он не врет насчет сварки...

— Парнишка, если ты инженер, так, может, и моторы перематывать умеешь? — обернулся к Артуру другой подземник, из тех, что сели на дрезину раньше его,— кряжистый мужик, закутанный в облезлый тулуп.

Артур чуть не ответил, что для замены обмотки совершенно не требуется инженерное образование, но тут Людовик довольно сильно пихнул его в бок.

— Он едет с нами к папе Рубенсу! — пресекая дальнейшие расспросы, отрубил Даляр.— Если полковник захочет получить инженера, пусть сначала договорится о цене!

Подземники не стали возражать. Артур потихоньку пришел к двум любопытным выводам. Во-первых, он научился отличать служащих метро от пассажиров. Абсолютно все, кто работал внизу, одевались в мех, невзирая на лето. Иначе, видимо, сырость и холод, а также полное отсутствие вентиляции легко приводили человека к простудам и ревматизму. А во-вторых, Артур почувствовал, что его не особо глубокие, базовые знания могут сослужить неплохую службу, возможно, даже сделать его большой шишкой... Из полумрака на перрон вышли еще трое пассажиров, одетых точно так же, как мертвец, с которого Коваль снял портупею. Сердце екнуло у него в груди, но мужчины не обратили на соседей ни малейшего внимания, уселись впереди и разом задымили. Дрезина тронулась с места. Перед погружением в тоннель в самом конце станции на проволочной растяжке висели сразу два мигающих фонаря. Под фонарями на мраморной стене Коваль прочел крупные буквы, отпечатанные трафаретом: «Нахождение в метро без средств индивидуальной защиты карается смертью! Военный комендант...»

Метров через триста водитель виртуозно притормозил прямо напротив очередной лампы, снял с петли на стене телефонную трубку:

— Диспетчер? Это шестой экспресс. Я на Невском, ухожу по кольцу на «Адмиралтейскую», затем вернусь обратно.

— Правый путь свободен! — прохрипела трубка.— Будешь возвращаться, пропусти одиннадцатый!

— Принято! — ответил машинист, затем скинул тулуп, нашарил под сиденьем монтировку и спрыгнул в невидимую лужу.

Оказалось, что до пояса он на нем охотничьи сапоги. Перекинув стрелку, рыжий вернулся на свое место, и платформа, громыхая, устремилась в боковой тоннель. Из всех пассажиров только люди губернатора, одетые в серые комбинезоны, обладали сносным огнестрельным арсеналом и настоящими противогазами. Четверо угрюмых мужчин, вошедших вместе с дамой, даже здесь не разомкнули кольцо вокруг нее. Артуру показалось, что за спиной у каждого из них торчат тонкие блестящие полоски наподобие длинных шашлычных шампуров, но спрашивать Людовика он не рискнул.

На «Адмиралтейской» машинист соскочил со своего сиденья, чтобы лично попрощаться с Артуром. Людовик при этом раздувался от гордости. Даляр недовольно сопел и с нарочитой озабоченностью затягивал на спине инженера лямки вещмешка, демонстрируя, кто здесь хозяин. К счастью, станция оказалась неглубокая, наверху короткой лестницы троицу поджидал коротко стриженный дед в изгрызенном молью собольем палантине. Обязанности кассира исполняла высокая тощая девица в чернобурке, с обрезом за спиной. Людовик послал ей воздушный поцелуй. Кассирша фыркнула и отвернулась с нарочитым безразличием, но, когда бородач проходил мимо, охнула и потребовала показать ей раны. Дед отодвинул тяжелые засовы и выглянул наружу, держа наизготовку потертый «калашников». Даляр нетерпеливо постукивал ногой, Людовик с театральным удовольствием показывал девушке следы укусов. Наконец раненый получил в подарок чистый бинт, короткий поцелуй в щеку, и подземка осталась позади.

На брусчатке Дворцовой площади Коваля вновь охватило чувство полной нереальности происходящего. Он прихрамывал в арьергарде, оберегая натертую пятку, и вертел головой. Оба его провожатых решительно двигались к парадному входу в Зимний дворец, нисколько не отвлекаясь на красоту летнего вечера. Едва покинув подземку, Даляр шумно втянул ноздрями воздух и вытащил из ножен осыпанный алмазами

ятаган. Людовик натянул тетиву арбалета. По площади среди холмов мусора ветер катал целые океаны тополиного пуха. Ни единого прохожего не встретилось им навстречу, но на горбу Дворцового моста, возле костра, Коваль разглядел три малюсенькие фигурки всадников. Начало пустынного Невского перегораживала еще более внушительная баррикада, чем на Петроградской. Между покосившихся пулеметных гнезд из залежей песка торчал спаренный хобот корабельной зенитки. Вдоль Александровского сада змеился глубокий ров с размытыми краями и остатками колючей проволоки. В разбитых окнах бывшего морского училища гнездились сотни чаек, окаменевшие сосульки птичьего помета свисали с карнизов. Шестерка коней на арке Главного штаба находилась на месте, но половина скульптур с карнизов Зимнего осыпалась вниз. Или их столкнули, мрачно подумал Коваль... Зато на крыше крутились десятка два ветряков и стоял непонятно как туда взлетевший вполне целый троллейбус без колес. На подступах к царскому крыльцу начиналась гораздо более свежая линия обороны, построенная по иному принципу.

Из булыжной мостовой торчали два ряда наклонных деревянных кольев, а далее дворец окружала густая сеть колючей проволоки разной конструкции. Артур не видел, что происходит на набережной, но со стороны Мойки ограда достигала здания Эрмитажного театра и терялась в сумраке Миллионной. По углам здания и возле мостика, держа под прицелом площадь, замерли три бронетранспортера. Стены до второго этажа превратились в сплошные жестяные заплаты. Судя по выбоинам, Зимний неоднократно обстреливали. Выше защитники музея ограничились решетками, во многих окнах горел свет. Из узкой бойницы, прямо над Каретным въездом, в лицо Артуру нацелились стволы пушек. Между рядами колючки оставался проход в виде сложного лабиринта, так что путники шли сначала влево, а затем вправо, по очереди подставляя бока наблюдающим снайперам. Снайперов Коваль заметил, уже когда к Даляру вышел часовой. Как минимум трое, посверкивая прицелами винтовок, дежурили на крыше. Очевидно, если бы Артур шел во дворец один, то не добрался бы живым и до Александровской колонны. Музейщики, повторял он про себя, музейщики. Банда, захватившая Эрмитаж во главе с папой Рубенсом, который знает, что такое законы. Зву-

чит. Впрочем, он мог бы остаться в метро; судя по всему, тамошний полковник ничем не хуже и любит инженеров.

Часовой перекинулся с Даляром парой слов, затем кивнул и исчез за маленькой дверцей. Внутри товарищи Артура сняли с него мешок, и Людовик отправился в госпиталь. Больным он не выглядел, но раны требовали более серьезной обработки. В последний момент, перед тем как захлопнулась калитка, Артур невольно оглянулся на площадь. Со стороны Адмиралтейского проспекта, разрывая тишину дробным цокотом, рысила, запряженная цугом, четверка лошадей. Длинный закрытый экипаж на колесах размером в рост человека мягко покачивался на рессорах. Кучер сидел в закрытой будочке, а выше, из люка в крыше, по пояс торчала девушка в каске и бронежилете. Из-под уродливого головного убора выбивались длинные светлые локоны. Лица девушки Артур так и не увидел, его закрывал бронированный щиток. Стрелок медленно вращался, опершись рукой о крышку люка. При появлении дилижанса из бронетранспортера выскочили четверо парней и потянули в стороны ажурные створки тяжелых ворот. Еще двое спешно организовали проход в колючей проволоке. Не снижая темпа, кучер заложил вираж, и копыта лошадей загрохотали во внутреннем дворе. Артуру вспомнился мультфильм про маленького муравья, который во что бы то ни стало стремился засветло достичь родного муравейника.

Над равнодушным ангелом поднимался бледный серп луны. Голодный ветер свистел над безлюдным городом, где-то далеко, на пределе слышимости, раздалось несколько выстрелов и конское ржание. Затем, один за другим, раздалось десять ударов колокола. По периметру площади шел человек с факелом и разжигал огонь в железных бочках. Языки пламени с гудением лизали прохладный воздух наступающей белой ночи. Во дворе фыркали лошади, пахло сеном и жареным мясом.

— Артур! — позвал Даляр.— Тебя зовет папа Рубенс.

Часовой выкинул наружу окурок и захлопнул калитку. У него не было огнестрельного оружия, но грудь перепоясывал патронташ, в гнездах которого вместо патронов торчали узкие метательные ножи. Не менее десятка. На роскошной плечевой перевязи висел тяжелый казацкий палаш. Но не стальной голубоватый лед клинка напугал Коваля больше всего.

В глубине вестибюля, на изысканной восточной оттоманке, увешанной золочеными кистями, царапая когтями древнюю парчу, дремало создание, словно сошедшее со страниц «Тысяча и одной ночи». Впрочем, сказками тут и не пахло. Артуру хотелось ущипнуть себя за ногу.

Лысые собаки, по сравнению с полутораметровым монстром, оседлавшим бесценную кушетку, представлялись невинными ягнятами. Животное ни в коем случае нельзя было назвать безобразным, скорее наоборот, оно обладало воистину дьявольской грацией. Коваль вспомнил, что он когда-то читал о тигре-альбиносе. Безусловно, зверь принадлежал к отряду кошачьих, к густой белой шерсти хотелось прижаться щекой и запустить в нее руки. Все четыре ненормально длинные конечности, в отличие от присущих кошкам подушечек, заканчивались вполне оформленными пятипалыми кистями. Громадная голова «тигра» росла из необычайно вытянутой, складчатой, как у мастифа, шеи, и дремал он, откинув ее на спину, на манер африканского фламинго. Зубы под усатой губой ничем особым не выделялись, зубы как зубы, как у нормального взрослого тигра. Словно почувствовав внимание, зверь приподнял веки и потянулся.

Артур встретился с ним глазами и понял, что по своей воле он из дворца не выйдет.

Глава седьмая

Семейка Рубенс

Поспевая за своим молчаливым провожатым, Коваль уже не сомневался: в Зимнем проживало гораздо больше народу, чем в бытность российских императоров. Дворец превратился изнутри в настоящий мегаполис, скорее, даже в гигантский табор. Почти весь первый этаж и подвалы занимали производства. Здесь располагались пекарня, слесарный и столярный цеха, конюшня, автоцех, мастерская экипажей, сапожники и даже маленький пивной завод. Впрочем, далеко не все делалось лишь в целях собственного потребления; проходя, например, мимо стеклодувного цеха, Артур успел

заметить целые штабеля остывающих бутылок, проложенных соломой, словно предназначенные к отправке.

Ценнейшие паркетные полы почти нигде не сохранились, на месте снятых гобеленов тянулись километры телефонных проводов. Сантехники, дробя античную мозаику, вбивали крепежные крюки для прокладки водопровода, по мраморным лестницам волокушами поднимали дрова. От зеркал остались одни рамы, зато картины и скульптуры не сильно пострадали от нашествия людей. Большинство наиболее дорогих произведений искусства было когда-то давно, еще до эпохи папы Рубенса, отправлено в подвал и заперто под замок. Чего нельзя было сказать о драгоценностях. Уничтожению, разборке, распилу подверглись все без исключения предметы из золота и прочих драгметаллов. Точно так же люди растащили все холодное оружие и пригодную для бытовых нужд посуду. Музей преобразился в колоссальное общежитие, где каждый метр пространства поклонялся богу функциональности.

Большинство залов второго этажа разделялись на секции, двери запирались, и жизнь за дверями во многом напоминала коммунальное сосуществование. Даляр показал Артуру пятачок, где орудовали жилищные маклеры; наиболее ценными считались «квартиры» с исправными каминами и действующей канализацией. Туалеты и водопровод проводить начали буквально пару лет назад и дотянули еще не везде, сантехники как раз заканчивали монтаж насосной станции. Остро не хватало людей, способных производить элементарные инженерные расчеты. Старшего водопроводчика, по словам Даляра, купили на три месяца в Москве и отдали за него четырех дойных коров и два ящика патронов к пистолетам, не считая оплаты труда. Коваль хотел спросить, какой валютой рассчитались с инженером, но тут путь преградила забавная процессия.

Люди сновали во всех направлениях, поодиночке и группами; после заброшенных переулков Петроградки Артур снова, почти с наслаждением, ощущал себя городским жителем. Внезапно Даляр рванул гостя за рукав, увлекая в сторону. Шедшие впереди женщины также прижались к стене. По лестнице, раздвигая толпу, поднимались шестеро мордоворотов в мотоциклетных шлемах. Первый непрерывно дул в свисток, замыкающий прикрывал спину широким плексигласовым щитом.

А между ними, почти незаметные на фоне огромных охранников, взявшись за руки, почти бежали шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. Кавалькада с топотом пронеслась по коридору, свист постепенно удалялся, а прохожие как ни в чем не бывало возвращались к своим маршрутам. Встреченным детишкам было от пяти до десяти лет, и до Артура вдруг дошло, что ни одного свободно гуляющего ребенка во дворце не встретилось. Раза два он видел подростков лет четырнадцати, и то исключительно в сопровождении взрослых...

На момент пробуждения Коваля в Зимнем проживало более четырех тысяч человек, но точную цифру Даляр назвать затруднился. Артуру хотелось о многом спросить, но, верный своей мрачноватой манере, Даляр неохотно раскрывал рот. За позолоченной дверью с табличкой «Санчасть» Коваля встретила черноглазая женщина в зеленом халате, респираторе и резиновых перчатках. Не успел Коваль осмотреться, как с него стянули одежду, в вену воткнули иглу, довольно грубо обследовали рот, уши и отправили в душ. Вода! Господи, какое счастье, оказывается, всего лишь окатиться двумя ведрами горячей воды. Больше двух ведер ему не предоставили, и мыло в санчасти оказалось какое-то черное, вонючее, но и этого убожества хватило, чтобы вернуть коже естественный цвет.

Едва одолев приемную папы, Коваль понял, откуда взялись такие нерусские фамилии. Стены канцелярии украшал полный набор картин однофамильца. Искусство Фландрии немного потеснили, заняв пространство вдоль стен шкафами, но в целом зал остался прежним, добавочный интерьер поражал вакхическим размахом. Очевидно, папе нравились женщины известного телосложения; Коваль не стал уточнять. В приемной к ним присоединился перебинтованный заново и сменивший одежду Людовик. Переодевался он, без сомнения, в большой спешке, исполосованные шрамами руки по локоть торчали из французского парадного камзола восемнадцатого века.

Двое охранников, вооруженных «калашами», вторично заставили Артура раздеться и развязать мешок. Пистолет и железные прутья пришлось оставить на ответственное хранение. Кроме папы, в кабинете толпилась уйма народу. Артур не сразу понял, к кому подходить представляться. Возле огромной раскрашенной карты Питера суетились с мелками два старич-

ка в военной форме без знаков отличия. Девушка в кожанке кормила сквозь решетку сидящих в клетке волчат. Она сидела на пятках, держа на коленях миску с мясом, и обернулась на шум. Коваля встретили распахнутые карие глаза, чуть вздернутый нос и запачканные сажей румяные щеки. Несмотря на то что локоны она спрятала под кепку, Артур моментально узнал пулеметчицу с дилижанса. Он улыбнулся и кивнул как можно приветливее, но ответной улыбки не дождался. Девушка опять отвернулась к визжащим от нетерпения молодым волкам.

За грандиозным письменным столом, заваленным бумагами, оживленно беседовали четверо. У Артура мелькнула мысль, что дубовым мастодонтом вполне могли пользоваться российские самодержцы. Следовало отдать должное «скромности» нынешних владельцев Зимнего. Коваль наметил толстого усача, но папой оказался совсем другой человек, поджарый сухопарый дядька с сигарой в зубах. Папа ухитрялся разговаривать сразу по двум телефонам, но, заметив Даляра, приглашающе помахал рукой:

— Я слушаю.

Следующие двадцать минут Коваля никто не перебивал. У папы Рубенса дважды гасла сигара, и дважды он наклонялся к тлеющей жаровне с торчащими оттуда палочками благовоний. Девушка в кепке разожгла старинный примус и поставила сверху простенький трехлитровый чайник, украшенный вензелями с императорской короной. Несколько раз, поочередно и вместе, тарахтели телефоны; трубку брал либо смуглый усатый толстяк в кашемировом свитере, либо другой сосед, хмурый, чернявый, похожий на кавказца. Коваль не сразу заметил, что в кабинете появилась еще одна женщина, рослая, пышнотелая, настоящая русская красавица. Ее спокойную, уверенную красоту не портил даже шрам на щеке. Мама Рубенс не стала садиться в кожаное кресло, которое ей подвинул кто-то из мужчин, вместо этого она, бесшумно двигаясь, расставила на ломберном столике чашки немецкого фарфора, розеточки под варенье и серебряное блюдо на львиных лапах, полное орехов и сухофруктов.

Чем дольше Артур говорил, тем понятнее ему становилось, что папа Рубенс не зря занимает свой пост. Зрачки главаря музейщиков кололи собеседника, как лезвия стилетов. На его худощавом скуластом лице не отражалась ни одна эмоция. Когда

Артур выдохся и замолчал, в канцелярии установилась гробовая тишина; лишь волчата возились в клетке, и задумчиво посвистывал чайник. Никто не проронил ни слова, пока не подал голос папаша Рубенс:

— Еще раз назови адрес, где ты нашел убитого.

Старичок в военном френче быстро сверился с картой.

— Это не территория мэрии, папа. Район слева от Каменноостровского держат ребята мамы Кэт.

— Идиоты,— процедил кавказец.— Мама Кэт хочет войны с мэром?

— Это был человек губернатора! — Папа кивнул на открытый термос с пробирками.— И мы знаем, что это такое, не так ли, Сапер?

Сапером звали длинного худого человека, одетого в шелковый халат и убийственно похожего на артиста Басова.

— Если это вытяжка, значит, губернатор опять заигрывает с колдунами!

— Но он не дошел? Почему вытяжку не забрали? — спросил усатый.

— А может, его прикончили случайно? Дикари?

— Мама Кэт не жалует убийц в своем районе. Дикари бы не решились...

— Я имел в виду желтых дикарей.

Коваль вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл разговора.

— А кто у вас главнее — мэр или губернатор? — спросил он Людовика. За все это время Людовик и Даляр не произнесли ни слова. Вежливо слушали старших.

— У губернатора больше солдат,— откликнулся папа Рубенс.— Но мэр контролирует электростанцию и водит дружбу с нефтяниками. Предоставь нам разобраться с твоей находкой. Ты сказал, что был инженером? Умеешь работать со сваркой?

— Да. Хотя я давно не пробовал...

— Электродвигатели?

— В принципе...

— Понимаешь схемы проводки?

— Думаю, что справлюсь.

— Подземникам ты сказал, что справишься наверняка.

— Справлюсь, если хоть немного почитать...

— Впрочем, насильно тебя здесь никто не держит. Можешь переночевать и отправляться куда угодно. Можешь прожить у нас неделю. Вот это... — Папа покрутил в руке пузырек с желтой мазью.— Это лучшее доказательство, что ты не врешь. Один флакон мази против булей стоит дороже месяца работы любого инженера. Ты мог использовать мазь, и були бы тебя не тронули. Ты никудышный солдат, но бросился на помощь нашим людям. Они заслуживают взыскания. Ходили покупать у ковбоев лечебные травы и не взяли достаточного количества патронов...

Даляр и Людовик понурились.

— Его могли снабдить колдуны! — возразила мама Рубенс.

Впервые Артур услышал ее низкий мелодичный голос и тут же понял, что этой женщины, возможно, следует бояться больше, чем ее мужа.

— Колдуны не станут нарушать соглашения с губернатором,— осторожно возразил Сапер.

— Я не хочу никуда уходить! — твердо заявил Артур.— И я не встречал ни одного колдуна!

— Тогда чего ты хочешь? — Папа Рубенс, не мигая, буравил его иголками зрачков.— Мы не дикари. Назови цену. Что ты хочешь за мазь, вытяжку и пистолет?

— Мне ничего не надо! — разозлился Артур.— Я не знаю, сколько я проспал. Я не знаю, какой сейчас год. Я только недавно вспомнил, кто мои родители и моя жена...

— Жена?! — хором воскликнули старички у карты.

— Жена?! — словно эхо, откликнулась мама Рубенс.

— Ну да, жена... Ну, не официальная, гражданская жена.— До Артура запоздало дошло, что он сморозил очередную глупость.

Даляр кашлянул и поднял руку, словно школьник за партой:

— Разреши, папа! Я не успел доложить. Он читает на двух языках и говорит, что женщина дважды понесла от него ребенка.

Вот теперь в канцелярии повисла не просто тишина, а общее немое изумление.

— Он утверждает, что способен быть папой?

— Да что тут такого необычного? — взорвался Артур.

— Мы проверим! — шепотом произнесла мамаша Рубенс, но ее услышали все. Мамаша покосилась на белокурую девушку в кепке. Та сидела на краешке широкого подоконника и, заметив взгляд мамаши Рубенс, скривила губы.— Мы проверим. Миша, если приятель не врет, то отпускать его нельзя.

— Да я и сам не хочу уходить! — У Артура немного отлегло от сердца.

— Когда я еще был ребенком,— папа в очередной раз разжег сигару. Ни Артуру, ни остальным соратникам курить он так и не предложил,— полвека назад, я слышал истории о том, что на Кавказе сохранились деревни, где почти каждый мужчина мог делать живых детей...

— Сколько лет назад? — жалобно переспросил Коваль, но Рубенс его не услышал. Или сделал вид, что не слышит.

— Вот что, Артур,— перебил главарь сам себя.— Завтра уходит большой караван в Москву, нам будет не до тебя. Остановимся пока на трех моментах. Ты становишься музейщиком. Согласен?

Артур кивнул.

— Когда караван уйдет, ты проводишь моих людей в свой институт, и мы заберем ветряные электростанции. Странно, что мама Кэт их проглядела...

— Их тяжело заметить... — вставил Коваль, но Людовик уже пихнул его ногой, призывая заткнуться.

— Второе! — невозмутимо продолжал папа.— Я повторюсь. Мы не дикари. Это значит, что у нас все работают. Неделю можешь отдыхать, мазь того стоит. Затем найдешь Сапера, он распределяет трудодни и командует производством. Примешь присягу. Если захочешь уйти после присяги, тебя найдут и убьют. И последнее. Твой случай уникален. Мы не слышали ничего подобного. Если ты можешь быть отцом, ценность твоей личности резко возрастает. Никогда и никому больше об этом не говори, если не хочешь, чтобы тебя выкрали. Даляр, заберете его к себе. Охраняйте его жизнь, как он охранял вашу.

— Мы поняли, папа!

— Для остальных сочиним сказку. Пусть все думают, что ты пришел с караваном ковбоев из Риги. Никто не сможет это проверить, ковбои не нанимают охрану в городе. Всем понятно? Я спрашиваю, все поняли, что Артур пришел с ковбоями

из Риги? — Михаил оглядел присутствующих немигающим стеклянным взглядом. Ковалю показалось, что по залу пронеслась, шевеля волосы на макушках, невидимая секира.

— Поняли, папа...

— Понятно...

— Отлично! — сменил тон Рубенс.— Лидия, налей нам чаю. Ближайшие дни я буду занят, нам не удастся поболтать. Так что пользуйся чаепитием, задавай вопросы. Я вижу, ты чувствуешь себя неловко в нашем обществе?

— Да нет, все нормально. Просто я...

— Меня зовут Чарли! — подал руку толстяк.— Я старшина Торговой палаты Питера и веду в Эрмитаже коммерческий отдел. Надумаешь что-нибудь купить, сперва посоветуйся со мной.

— Чарли в курсе всех сделок от Чухни до Кавказа! — рассмеялась Лидия, наливая Артуру заварку.— Он знает цены на товар раньше, чем его привозят на торги. А это Руслан,— представила она черноволосого кавказца.— Наш министр обороны.

— Рад познакомиться! — Рукопожатие Руслана больше походило на стальной зажим.— Перед тем как выйти в город, проведешь недельку в тире. Даляр тебя проводит. Хочешь жить — научись метать ножи.

Кроме Сапера в чаепитии приняли участие и оба похожих друг на друга старичка. Впрочем, они на поверку оказались братьями. Лев возглавлял учебный процесс для детей и курсы ликбеза для оболтусов вроде Людовика, а заодно отвечал за перепись книг и библиотечный обмен с другими колониями в городе и за его пределами. Аркадий ведал строительством и в текущий момент исполнял обязанности главного инженера, но признавал, что знаний у него для этого недостаточно. Недаром Чарли Рокотов был вынужден с согласия папы выписать из Москвы толкового сантехника. Зато у Аркадия имелся потрясающий нюх на нужные для коммуны приспособления и инструменты. Как понял Артур из разговора, не так давно Аркадий доложил папе, что по заброшенным домам собрано достаточно материалов для строительства новой котельной. Подключив новую котельную, музейщики могли бы попытаться протопить корпус Генерального штаба и до зимы переселить часть людей туда. Если верить Людовику, население дворца прирастало, разными путями, человек на десять в месяц.

Кто-то приходил от ковбоев, иначе говоря, обычных фермеров, кто-то откупался из других коммун или соглашался продаться навсегда, прельщенный лучшими условиями содержания. Лев не строил оптимистичных прогнозов относительно роста населения; никто толком не понимал, становится людей больше или нет. Артуру эти упоминания о мягкой «работорговле» немного резали слух, но постепенно он привык. Выяснилось, что торговцы, такие как Чарли, участвуют от имени своих коммун в постоянных «ярмарках вакансий», и для специалиста совершенно незазорно стоить сотню верховых лошадей или двадцать подвод с картофелем.

Оставался еще один член Совета, мама Рона, строгая черноглазая женщина средних лет в зеленом халате, что брала у Коваля кровь. Она появилась на несколько минут, во всеуслышание поздравила Артура с успешным прохождением экспресс-теста и удалилась, сославшись на тяжелых пациентов. Ковалю объяснили, что медики уровня мамы Роны представляли собой колоссальную редкость; и даже когда ее покупали на время чужаки, папа посылал вместе с ней четверых телохранителей. Неделя работы мамы Роны в чужом госпитале и обучение тамошнего персонала стоили покупателям пяти ящиков дефицитнейших патронов, или тонны овечьей шерсти, или сотни пар первоклассных кирзовых сапог. Дороже медиков, сказал Чарли, стоят только мамы. Но главную головную боль для мамы Роны во дворце представляли не обычные больные, пострадавшие от укусов хищников или подхватившие лихорадку.

Главной заботой был детский сад. Теперь Артуру стало ясно, почему жители Зимнего прижимались к стенкам, освобождая путь телохранителям, ведущим детей в санчасть на прививку. Детский сад прятали в самой надежно охраняемой части здания. Очень давно, еще при прежнем папе, специально заколотили окна в висячие сады, чтобы создать малышам возможность без опаски гулять на свежем воздухе. Под детским садом понимались и ясли, и школа, где преподавал Лев,— все возрастные категории от грудного возраста до двенадцати лет, когда детям разрешалось опять жить с родителями и вместе со старшими впервые покидать дворец. Никто из членов Совета не мог припомнить, кем и когда был установлен такой

порядок, но все сошлись во мнении, что изоляция обеспечивает для маленьких жителей наибольшую безопасность. Там, где детей не охраняли, процент гибели был намного выше.

И последней, кого представили Артуру, была та самая нахохлившаяся пулеметчица в кепке. Арина, третья дочь Лидии и приемная дочь папаши Рубенса. Девушка так и не оттаяла, напротив, отозвав мать в угол, несколько минут с ней о чем-то шепотом пререкалась и вернулась красная и еще более злая. Тем не менее кабинет она не покинула, осталась до конца трапезы. Артур сначала думал, что Арина просто пользуется служебным положением отчима и не имеет к Совету никакого отношения, и был крайне удивлен, узнав правду. Скорее из вежливости к столу пригласили Даляра и Людовика, которые вели себя тише предметов обстановки.

Арина в свои двадцать четыре года возглавляла Стражу караванов. Было бы естественным предположить, что она подчиняется «министру обороны» Руслану, но ситуация оказалась намного тоньше. Девушка обладала какими-то чрезвычайно редкими способностями, позволявшими ей заранее чувствовать опасность. Она сопровождала дальние экспедиции с двенадцати лет и своим присутствием спасла не одну сотню жизней, не говоря уже о товарах. Одной коммерческой ловкости Чарли для ведения дел было недостаточно, а статус начальника стражи ставил Арину наравне с членами Совета.

Папа ясно дал понять, что не хочет распространяться на эту тему, и Артур сдержал любопытство. Судя по тому, что папа Рубенс, несмотря на явные заслуги, не освободил незадачливых сборщиков трав от наказания, никакой демократией в Зимнем не пахло. Людовику и Даляру предстояло по пять лишних дней отработать на заготовке дров.

В течение ужина Коваль имел неоднократную возможность убедиться в организаторских талантах и непреклонной воле Михаила. Раз десять в дверь стучали, приходили люди с различными донесениями и просьбами. Папа молниеносно решал вопросы, звонил кому-то, иногда посылал курьера. Но чаще не сходя с места переадресовывал проблемы подчиненным, подчеркивая, что приемные часы Совета длятся круглые сутки. Возражений он не слушал, просто стоял и смотрел на собеседника или молчал в трубку. Первым, допив чай, ушел

Руслан, сославшись на проверку караулов. Затем откланялись Чарли с Сапером и отправились готовить караван. Коваль хотел покинуть канцелярию вместе с парнями, но хозяин кабинета остановил его движением руки. Наконец в зале осталось семейство Рубенс и «министр образования».

Как выяснилось, семья не ограничивалась мамой, папой и дочкой. Лидия, помимо Арины, родила еще троих дочерей и двоих сыновей. Из всех детей лишь младшая дочь оказалась мамой и принесла, начиная с семнадцати лет, Рубенсам уже троих внуков. Первый муж Лидии, отец Арины, погиб, когда дочери исполнился год. Михаил Рубенс трижды выигрывал Лидию в честном состязании, заслужив право на постоянную семью с ней. При этом он со спокойным лицом сообщил Артуру о том, что Лидия уже в браке родила двоих детей от других мужчин, и эти дети по договору были отправлены к отцам: сын — в Москву, а дочь — в Хельсинки. За каждого из этих «незаконных» детей мама получила порядочный выкуп, что моментально сделало ее состоятельной женщиной. Финны заплатили стадом в двести голов скота, а богатые московские подземники рассчитались пятью сотнями доз антибиотика. Не так давно на одном из фармацевтических предприятий бывшей столицы удалось восстановить производство пенициллина. Но такие выкупы действительно могли себе позволить только богатые коммуны.

Мама Рубенс тоже совершенно не тяготилась изменами, настолько редким даром стало материнство. Артур сначала понял так, что Михаил трижды дрался за Лидию в буквальном смысле слова, но опять не угадал. Среди дикарей так и происходит, подтвердил Лев, потому они и не могут десятилетиями создать устойчивых коммун. Самый сильный там получает маму, и прекрасно, если он не может стать отцом. Потому что его неминуемо прибьют из-за угла, и общество лишится будущих детей, которых и так чрезвычайно мало. В цивилизованном обществе все иначе. Женщина, способная рожать, а таких около десяти процентов, не вольна жить где и с кем захочет. Она не может быть одна, но может взять в мужья сразу троих, ее право, лишь бы они были папами. Во всех питерских коммунах таких женщин брали на полное содержание и требовали от них только одного — рожать как можно больше и, по возможности, от раз-

ных мужчин. Реальных производителей мужского пола появлялось на свет еще меньше, чем потенциальных рожениц. Лев сказал, что виной всему последние вакцины, использовавшиеся во время разгара пандемии.

Михаил не дрался за Лидию на ножах, просто редкие заезжие конкуренты, даже предлагавшие невесте целые состояния, не выдерживали беспристрастного отбора. Кто-то баловался наркотиками, кто-то имел явные признаки мутаций, кто-то был неизлечимо болен. В этом месте рассказа Артура подкараулило очередное потрясение. Отбором занималась не невеста, а отдельный независимый орган — Совет врачей. Медики, вроде мамы Роны, съезжались для консилиумов со всего города и принимали решения. Естественно, той качественной диагностики, какой она была до массовых смертей, не существовало, но в среде лекарей находились люди, подобные Арине, умевшие предугадывать отклонения в развитии плода. Совет врачей не мог допустить, чтобы мама потеряла два-три года жизни на вынашивание больного ребенка. Посему лишь спустя двенадцать лет отыскались двое здоровых, которым Лидия родила детей.

Теперь-то Ковалю стало ясно, почему все так переполошились, узнав о его «редких» способностях. Здорового папу могли, конечно, выкрасть, но проще было его купить на время, так что Рубенс несколько сгущал краски. В то же время мамаш берегли как зеницу ока. На сегодняшний день в Эрмитаже на тысячу двести женщин приходилось сорок восемь здоровых рожениц, а большой караван, уходящий утром в Москву, вез на продажу четырех будущих молоденьких мамаш. Девушки стоили больше, чем все остальные товары, вместе взятые.

Артур какое-то время сидел, совершенно оглушенный от полученной информации. Он даже не сразу придумал, о чем еще можно спросить.

— А этот зверь, внизу?..

— Подарок с Урала,— улыбнулся Михаил.— У нас их несколько. Понятно, что тебя так напугало. И тигр, и були, и многие другие новые виды, которые появляются постоянно, еще не самое страшное. Були, например, возникли именно здесь, на берегах Балтики. Мой отец рассказывал, что во времена его молодости их еще не было. Поэтому нам и нужен толковый сантехник, чтобы обезопасить водозабор...

— Я читал в старых газетах,— добавил Лева, почесывая редкую бородку,— что в Балтике растворяется огромное количество вредной химии, сброшенной туда во время прежних войн. Кроме того, в год Большой смерти испортились очистные сооружения, а спустя десять лет умерли леса на юге, там, где стоит брошенная ядерная станция. Птицы, собаки и другие звери пили эту воду и пьют до сих пор. Тебе повезло, что не встретил летунов или болотных котов. Впрочем, они редко заходят в город или днем сидят в подвалах... Тигр очень тихий, по сравнению с тем, что можно встретить, скажем, на правом берегу...

— И по сравнению с людьми, Лева! — уточнил Рубенс.— Понимаешь, Артур, Лева среди нас, музейщиков, самый образованный человек. Не так давно он выдвинул одну теорию, и я склонен считать, что он прав.

— Он перетаскал сюда всю Публичную библиотеку. Даже в коммуне соборников нет столько книг. И он прав, иначе этот бред не объяснить! — Лидия ласково погладила мужа по плечу и подлила ему кипятку в чашку.— Лева, расскажи!

Лев покраснел от смущения, но было видно, что ему очень льстят похвалы начальства.

— Идея абсолютно не нова. Но, приняв ее на веру, мы почти сразу получаем объяснения многим странностям, которые происходят последние годы, а для вас, Артур, они, очевидно, покажутся чудесами...

— Вот что! — Папа Рубенс поднялся. На высокой спинке его резного кресла красовался двуглавый орел со скипетром и висел облезлый горностаевый палантин.— Лева, забирай Артура с собой, там поболтаете, а я вынужден вас покинуть. Или после долгого сна тебе не терпится поспать, дружище?

— Так сколько же я проспал? — Шутка Рубенса вернула Коваля на грешную землю. О самом главном он так и не выяснил!

Мама Рубенс мягко потрепала его по плечу, Лев сделал вид, что ищет что-то в своей кружке, Арина отвернулась к волчатам.

— Идет две тысячи сто двадцать седьмой год от Рождества Христова, приятель.— Михаил обогнул ломберный столик, испытующе глядя Артуру в глаза.— Соборники, хранящие время, не ошибаются. Ты проспал в холоде сто двадцать лет!

Глава восьмая

Новая русская нечисть

Несмотря на преклонный возраст, Лева проскакивал сумрачные повороты Зимнего с резвостью теннисного мячика. Даляр заступал в ночной караул, а раны Людовика не очень понравились маме Роне, и она забрала юношу в госпиталь. Остаться одному после последнего известия Артуру совсем не улыбалось, лучше провести ночь в обществе книжника. Коваль внезапно осознал, что означает срок в сто двадцать лет. Даже если бы не случилось массовых смертей, за век растворились в земле все, кого он знал. Он не найдет даже детей и внуков своих друзей... Он не найдет даже могилы матери и могилы жены.

— На мой взгляд, слово «нечисть» не годится! С мифологией указанные явления не имеют ничего общего...

— Простите? — Артур помотал головой. Оказывается, Лева давно что-то говорил, а он прослушал самое интересное.

— Я повторяю. Нечисть существовала в сказках. Ни один сказочный персонаж не встречается в реальной жизни. Осторожно, ступеньки!

«Министр образования» уверенно спускался по спиральной лесенке. Коваль уже позабыл, насколько Эрмитаж огромен. Кроме того, Лев вел его закоулками, недоступными простым экскурсантам двадцать первого века. Здесь не так пахло горелым деревом, дымом и уборной, как в жилых помещениях

— Идея состоит в следующем! — Чувствовалось, что библиотекаря безумно тянет с кем-нибудь поделиться. Лидеры коммуны, по горло занятые бытовыми проблемами, слишком редко уделяли время отвлеченным теориям. Это безнадежно, вскользь подумал Артур, люди деградируют, и процесс не остановить, пока не восстановится нормальный прирост населения... — Идея состоит в том, что с падением численности людей возникают... как бы это сказать... Держите свечу, здесь темно! Я надеюсь, вы читали книги? Ах, о чем я спрашиваю? Все

люди до года Большой смерти читали... Большой смертью мы называем две тысячи двадцать шестой год.

И что я заметил? Максимум так называемых чудес пришелся на незапамятные библейские времена. А если мы коснемся национальной сказочной традиции? Русские ведуны, волхвы прекрасно себя чувствовали, пока во всей Древней Руси проживало не более десятка миллионов человек. А змеи горынычи, кикиморы, лешие и прочая нечисть? Я ничего не утверждаю, но то, что происходит последние десять лет... Вы меня понимаете? Поставьте свечку сюда. Сейчас я разожгу камин...

— А что происходит?

Артур осмотрелся. Лева действительно перетаскал в Эрмитаж значительную часть Публички. В центре уставленной книжными шкафами залы на потертом персидском ковре покоился огромный глобус в человеческий рост. На глобусе, свесив лапы, дремала здоровенная летучая мышь.

— Может быть, ничего не происходит.— Лева присел на корточки перед мраморным зевом камина, достал из-за уха плачущего Купидона лучинку.— Может быть, все это было и раньше, но умело хорошо прятаться. Но, вероятнее всего, мы стоим на пороге совершенно новой эры, эры возрождения альтернативного разума. И альтернативных форм неразумной жизни. Такое впечатление, что вернулся прежний вакуум, агрессия человечества на планете прервалась, и вакуум стремится заполниться... Понимаете? Судя по Питеру, людей на планете осталось немного. В городе постоянно живет не более сорока тысяч человек. Шесть больших коммун и десятка три мелких банд. Одиночки погибают. Насколько нам известно, то же самое в других крупных городах. Здоровые мамы рождаются слишком редко, молодежь не учится грамоте, их заставляют с двенадцати лет работать. Отсюда и суеверия... Взгляните, это летун! — Лев пощелкал пальцами перед носом летучей мыши.

Зверек расправил крылья, приподнял узкую морду и вдруг одним прыжком переместился на подставленный книжником локоть. Коваль невольно сделал шаг назад. В позе охотничьего сокола ночной хищник достигал размеров взрослого гуся. Но помимо двух когтистых лап, обнявших руку библиотекаря, мышь имела еще одну точку опоры. Метровой длины голый крысиный хвост продолжал обвиваться вокруг круглого на-

балдашника, которым заканчивалась ось глобуса. Последние десять сантиметров хвоста были плотно зашиты в кожаный мешочек.

— Это летун, и если с ним себя правильно вести, то в доме не страшны никакие грызуны. Даже були их побаиваются. Но в некоторых коммунах уже расцветает мракобесие, люди всерьез приписывают летунам волшебные способности. Что я могу сделать один? Еще двадцать лет, и вырастут сегодняшние дети. Мы сами готовим почву для нечисти, понимаете? Я тридцать раз ходил с караванами на юг, на запад и на восток. На пути караванов встречаются немыслимые создания. Но мы не дикари, пока не дикари. Мы понимаем, что эти создания — не оборотни, не вампиры. Возможно, последствия аварий после года Большой смерти. Но поймут ли это наши дети? Не я один храню знания, но передавать их малышам все труднее. Еще пара поколений, и суеверия захлестнут мир!

— Я тоже сперва испугался булей. В них есть что-то... Что-то сверхъестественное.

— Ни в малейшей степени. Они способны к примитивному гипнозу, регенерируют ткани, дышат под водой и дьявольски изворотливы. Но вам простительно... Бог мой, до сих пор не могу поверить, что говорю с человеком, родившимся до Большой смерти. Слушайте, неужели вы понимаете латинское письмо?

— Английский и немного немецкий.

— Потрясающе! Если вы не выберете инженерную должность, я буду на коленях просить папу оставить вас моим преемником. Английский, подумать только! — Лева нежным движением вернул вампира на верхушку глобуса.— Но мы отвлеклись. До последнего времени я был уверен, что все природные чудеса можно объяснить вредной химией. До последнего времени. Пока не понял, что возник вакуум разума.

— И кто же его хочет заполнить? — В колеблющемся свете камина Артуру почудилось, что тени на лепном потолке движутся как-то не так. Он громко откашлялся, отгоняя наваждение.— Колдуны? Вы сами сказали, что чудес не бывает...

— Колдуны — всего лишь люди, родившиеся под Красной луной. Не вздумайте болтать об этом во дворце, но... — Лев заговорщически поманил Коваля к себе.— Например, Арина. Если

бы она родилась не здесь, а в лесных колониях или в Озерках, то стала бы самым настоящим колдуном. Она возит с собой в караване мальчишку; ему всего тринадцать, но парень уже слышит зло. Мы отдали за него соборникам четыре тонны масла и сорок свиней. Соборники поклоняются Христу, но Христос их не выручил...

Хе-хе! Дураки, они продешевили. Колдуны из Озерков опоздали, мы первыми явились за парнем. Колдуны рождаются, когда стоит полная луна, а свет заката наполняет ее кровью. Они рыщут повсюду, отыскивая детей, родившихся под Красной луной. Но два года назад на один из сборных караванов губернатора под заброшенным городом Тверь — ты слышал о таком? — напала банда. Там заправляли колдуны, которые научились переделывать обычных детей. Понимаете, к чему это ведет? Мы стараемся сохранить цивилизацию, а они еще хуже соборников, они тянут человечество не к Богу, который покинул нас, они тянут нас в леса. Смотрите!

Лева подхватил со стола тяжелый серебряный подсвечник, поманил Коваля за собой. На стене, за стеллажами, висели две огромные карты — города и страны.

Артур пригляделся. Год издания две тысячи двадцатый. За шесть лет до Большой смерти. Карта города была разлинована разноцветными мелками, из карты России, в европейской части страны, торчало несколько флажков.

— Здесь наша территория, от Дворцового моста до Лавры, оттуда вниз, до набережной Робеспьера, а на юге, как видите, до синего собора. А здесь — маршруты караванов...

— Погодите! Я встретил Даляра на Петроградской.

— Мама Кэт гарантирует нам безопасность. Мы лечим ее людей. Вы же видели, у нас сохранилась прекрасная лаборатория и лучший больничный комплекс в городе. За это они снабжают нас бумагой, тканями и выделяют солдат для охраны сборных караванов. Мама Кэт контролирует дорогу на Чухню, до старой крепости.

— Там, наверху, в стенах следы обстрелов.

— Войны в городе давно закончились. Если мелкая шайка совершит убийство, против нее объединятся все. Их уничтожат, как бешеных волков.

— Как булей?

— Не путайте. Булей нельзя уничтожить. Разве можно уничтожить вид, который потеснил крыс?

— Зачем же тогда пушки, колючая проволока и караулы? Кто на вас нападает?

В танцующем пламени свечей печальное Левино лицо походило на сморщенную мордочку лесного гнома. Он помолчал, разглядывая что-то на потолке, затем тяжело вздохнул:

— Об этом я вам и говорю. Суеверия, которые могут оказаться не совсем суевериями. Два месяца назад не вернулись наши голуби из Гатчины. Там жила сильная коммуна ковбоев. Причинить вред ковбоям считается страшным преступлением, понимаете? Они откармливают скот, пекут хлеб.

Лев перевел дух. Извлек из кармана кусок вяленого мяса, не глядя швырнул летуну. Вампир, секунду назад казавшийся воплощением сна, рванулся вперед и молниеносно щелкнул челюстями.

— И что случилось с ковбоями? — Коваль облизнул губы. Он вспомнил, что придется в одиночку возвращаться назад по неосвещенным потайным переходам Зимнего и разыскивать холостяцкое жилье Даляра.

— Случилось нечто непонятное. Коров и свиней охватило бешенство, даже домашнюю птицу пришлось уничтожить. Много людей пострадало... Это надо видеть, сложно описать. Вам покажется невероятным, но существуют силы, способные управлять растениями. Ковбоев никто не трогает, они умеют постоять за себя. Даже мелкие банды выделяют им людей на трудодни. Идут слухи, что возле города видели Качальщиков. Тех, кто раскачивает землю,— Библиотекарь понизил голос.— Месяц назад собиралась Дума, пришли даже колдуны из Озерков и Рыбацкого. Раньше они игнорировали Думу, но после того как Качальщики стерли город Вологду...

— Как это «стерли»?!

— Там не было жителей. Но караваны, идущие к Северному морю, останавливались там на отдых. Пять недель назад город Вологда исчез, растворился в лесу. Качальщики умеют делать такие штуки, но считалось, что они не появляются ближе Уральского хребта. Многие вообще полагали, что их не существует.

— Как они могли растворить в лесу целый город, пусть и заброшенный? — Подлаживаясь под тон старика, Артур тоже понизил голос.

Где-то вдали раскатисто ударил колокол, ему ответил другой, повыше тоном, и опять все стихло. Вампир на глобусе поскреб когтями по лакированному дереву, и Артур вспомнил очень похожий звук, что он слышал в подвале института. Летуны с ядовитыми колючками на хвостах, одним ударом парализующие взрослого волка. Летуны, предпочитающие для дневного сна сырые подвалы старого города...

— Качальщики — не совсем люди.— Лев смотрел без тени иронии.— Если не сказать хуже. Очень непросто описать то, чего сам никогда не видел. Эти... существа умеют находить слабые точки мироздания и раскачивают Землю... Они могут настроить природу враждебно к человеку. По сути дела, они считают, что Бог недоделал свою работу в год Большой смерти. Но кроме них есть и другие. Шептуны, дети Чингисхана, это дикие банды на лошадях. Они жуют дурман и становятся неуправляемыми. Это дети тех, кто до катастрофы жил в деревнях, в крови у них зависть, в их легендах поет ненависть. Некоторые банды скатились до уровня первобытных племен, от русского языка у них остался один мат, а шептуны из-за дурмана рано теряют голос и даже матерятся шепотом.

Когда нам приходится идти с ними на контакт, мы специально гоним для них дурную водку, потому что только водку они уважают. Если они попадают в дома, то любят испражняться прямо в комнатах, где едят, но при этом им нравится жить в тепле и иметь горячую воду. Но они хотят все сразу и бесплатно. Иногда прорываются в город, воруют женщин. Вы видели охрану на мосту? Пока работает подземка, с севера мы защищены, но Нарвская коммуна дважды подвергалась разграблению. Но я не это хотел показать. Видите черные флажки с датами? Это места, где исчезли караваны.

— На них напали?

— Вероятно. Еще двадцать лет назад мы торговали с Екатеринбургом, Нижним и Пермью, а прежний мэр отправлял товары даже в Новосибирск и Красноярск. Сначала пришлось забыть о сибирских маршрутах, хотя там есть многое, чего нам не хватает. Потом, как видите, перестали ходить и на Урал.

— А железные дороги не сохранились? Караваны идут пешком?

— Железные дороги? А, вы о паровиках! В Москве пытаются наладить сообщение. А еще я встречал паровиков из Новосибирска. Они приезжали в Нарвскую коммуну, специально насчет покупки паровозов. На территории нарвских есть целый музей древних машин, но нет угля. Угля полно на Урале и в Кемерово...

— И что? — Коваль понял, что знает ответ.

— И ничего. Они ушли назад с караваном бывшего мэра Черняка, и больше не вернулись. Караван тоже исчез. Хотите печенья?

— Нет, благодарю... — Артур ощущал настоятельную потребность вырваться на свежий воздух. Казалось, что книжные шкафы кружатся вокруг, затопляя воздух миазмами плесени и смерти. Миллионы мертвых слов, которые никто не читает, кроме несчастного старика. Они — как миллионы погибших людей, прах которых порождает теперь чудовищ... — А тот караван, что идет завтра? Он тоже сборный? Если на дорогах так опасно...

— На Московской трассе шептуны и чингисы нам не страшны. Арина слышит их за десять километров, понимаете? А серьезную угрозу представляют только они. Торговлю нельзя останавливать...

— Я помню. Либо мы строим цивилизацию, либо уходим в лес.

— Именно. Караван не сборный, но охраны достаточно. Мы наняли ковбоев и людей мамы Кэт.

— А дикари могут от кого-нибудь узнать заранее о караване? О товарах?

— Дело не в товарах, но они нападут наверняка, если узнают, что мы везем женщин.

— А сколько стоит нанять солдата со стороны?

— Недешево. Спросите лучше у Чарли, это его стихия. Но Рубенс вынужден нанимать чужих, мы же не можем оголить караульную службу. А еще Руслан обязан выставлять людей в городские патрули...

У Коваля родилась отчаянная идея:

— Папа сказал, что мне придется целую неделю толкаться без дела, пока я не приму присягу. Может, мне заменить одного

из наемников и поехать с караваном? Я чувствую себя обязанным. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен в дороге?

— На самом-то деле вас обидело, что Рубенс запретил вам покидать музей? — Лева улыбнулся, снова напомнив Артуру детские книжки про хитрых гномов.— Здоровый папа слишком ценен для коммуны. Вы можете получить максимум благ, вообще не закрывая трудодней.

— Я так не смогу. В любом случае я буду работать. Наверное, из меня плохой солдат, но что-то я умею... — Артур хотел показать Леве ту часть рабочего журнала Телешева, из-за которой он так стремился попасть в караван. Но что-то его остановило.

— Не сомневаюсь. Уже знание английского дает преимущество. Нам не придется нанимать у соборников толмача на переговорах с финнами и шведами.

— Значит, меня не отпустят с караваном?

Библиотекарь удивленно покачал головой:

— Артур, вы меня неверно поняли. Никто не может вами командовать до присяги. Я уверен, что папа сочтет ваше предложение благородным. Скажу по секрету: вы уже за один вечер заслужили у Михаила репутацию. А он не из тех, кто легко доверяется чужим.

— Это я заметил... А что будет со мной после присяги? Я буду обязан ходить на цыпочках? Он пользуется здесь царской властью?

— Конечно.— Лева был чрезвычайно серьезен.— Абсолютной властью. До следующих выборов.

— Слава богу! Я уж думал, он у вас пожизненно.

— Гм! Вот у мамаши Кэт власть пожизненная, но это их внутреннее дело. Выборы проходят раз в год, тайным всеобщим голосованием.

— Всеобщим?

— А как же? Не я один читаю старые газеты, Артур. Нам известно, как выбирали своих лидеров до года Большой смерти. Перед толпами дураков разыгрывали целые представления, молодым было на все наплевать, а старики голосовали за тех, кто обещал им кусок хлеба и новые вставные зубы. Потом бумажки с подписями кидали в отхожее место, и у власти оставались те же воры. Пока нас мало, Артур, мы можем позволить себе тайное всеобщее голосование. За месяц до вы-

боров кандидаты пишут свое имя в вестибюле. Потом они могут два раза выступить перед людьми. Папу выбирают все члены коммуны с двенадцати лет. Голоса подсчитывают прилюдно, на большом Совете. Впрочем, закон действует не так давно. Лет тридцать назад даже у нас голосовали криком, за год могли смениться четверо старейшин. Тогда коммуна чуть не погибла...

— Подождите, Лева! — Артур понял, что ему не давало покоя.— Выходит, что музейщики живут и работают как одна артель? У вас нет частной собственности? В таком случае напряженность неизбежна!

— Одному не выжить. Можете попытаться.

— А что произойдет, если папа?..

— Вы хотите сказать, если папа попытается узурпировать власть? Присядем!

Лев опустился в бархатное кресло, погладил ладонями золоченых грифонов на ручках. Коваль осторожно разместился напротив. Мебель императорского двора жалобно скрипнула. Вампир на глобусе приподнял одно сморщенное веко и снова погрузился в свои охотничьи мечты. Дрова в камине горели ярко и ровно, распространяя несравненный аромат деревенского уюта. На фоне этого домашнего тепла Артур почувствовал вдруг, каким промозглым холодом тянет по ногам.

Книжник придал осанке торжественность:

— Во время ужина вы спросили о законах. Перед вами человек, которому доверено их сохранять и укреплять. После меня этим займется мой преемник. Папа Рубенс не зря пропустил ваш вопрос мимо ушей, это моя обязанность просветить новичка. Принципиальных законов в коммуне музейщиков немного, и написаны они давно, когда я еще был ребенком. Все очень просто. Воровство, насилие, предательство, убийство караются виселицей. Драка, пьянство, трусость в бою, отказ от работы, оскорбление любого жителя музея, неподчинение приказам Совета влечет за собой год работ в подземке или высылку. Большинство провинившихся предпочитают подземку.

— У вас настолько хорошо живется?

— Вы напрасно иронизируете. Между коммунами поддерживается постоянная связь. В лучшем случае, у преступника есть слабый шанс примкнуть к заводским бандам. Даже со-

борники в Лавре, хоть и кричат о гуманизме, не возьмут к себе вора.

— Значит, оступившийся человек обречен?

— Артур, Эрмитаж никого не держит силой. Если человек ничего не должен коммуне, он волен забрать свою долю в любом виде и поселиться где угодно. Он может даже нанять стражу для переезда, скажем, в Хельсинки или Стокгольм. А потом вернуться назад и вторично принять присягу. Но вас, насколько мне помнится, интересовал вопрос силового захвата власти. Так вот, коммуна Эрмитажа существует уже семьдесят лет, она имеет самую устойчивую традицию, заведенную еще мамой Ксенией, мир ее праху. Поэтому мы живы, а других давно нет. Выбранный папа клянется на могиле Ксении служить своему народу. Он может ошибаться, как любой человек. Совет заседает без папы каждую неделю и каждую неделю спрашивает у меня, хранителя законов, не сделал ли папа что-то сознательно против интересов музейщиков.— Лев выразительно помолчал.

— И если такое произойдет, вы отправите Михаила в отставку? — с легким сарказмом осведомился Коваль.

— Михаил у власти уже шестой год, и пока люди выбирают его,— невозмутимо ответил библиотекарь.— Но такие решения на моей памяти Совет принимал дважды. Это тяжелые решения, потому что они грозят бунтом... Артур, я вам ясно прочел, что гласит закон. За предательство полагается смерть. Никакого суда. К отцу, предавшему народ, немедленно пошлют палача.

Глава девятая

Караван

Московский караван выглядел более чем внушительно. Вымершая ночью, Дворцовая площадь походила с раннего утра на раздольную деревенскую ярмарку. Грохот колес, звон железа, хохот, лай собак, разноголосое пение сливались в оглу-

шительный озабоченный хор. В распоряжении музейщиков было несколько вполне работоспособных тягачей и достаточный запас солярки, пополняемый коммуной нефтяников, но осилить развалившийся тракт могли лишь повозки на конской тяге и тяжелые тракторы.

Впереди обычно ехал тот самый запряженный шестеркой броневик, встретившийся Артуру вечером, причем лошадей тоже укрывали защитными попонами. Вооружение броневика составляли два пулемета, снятые с танков, и скорострельная пушка с патрульного пограничного катера. За броневиком шел «Кировец» с поднятым ковшом — на случай дорожных завалов. Позади кабины тракториста мастеровые оборудовали вращающееся «рабочее место» стрелка. Следом построились восемнадцать обитых металлом «вагонов» на базах многоосных прицепов. Только колеса на осях крепились весьма специфические,— широкие — утыканные самодельными шипами, способные преодолеть любые ямы. Каждую платформу также волокла четверка тяжеловозов. Для заболевших лошадей и фуража выделялся отдельный «вагон». Далее катился спальный дилижанс для пассажиров и домик для отдыха свободной смены охраны. Замыкающим шел еще один трактор, он тащил на лебедке настоящий, почти не гнилой «Урал» с прицепом. В крытом кузове грузовика умещалась легкая зенитная установка, а в прицепе, на платформе,— пушка с противолодочного крейсера. Пушку для каравана любезно смонтировали портовые в обмен на все тот же остродефицитный пенициллин. Дополнительно на крыше каждого грузового фургона размещался пулеметчик, и десятка два конных охранников с ружьями скакали по сторонам.

Коваль разглядывал маленькую армию в безмолвном удивлении. Он с трудом представлял себе, каким безрассудством надо обладать, чтобы схлестнуться с подобной мощью — либо на вооружении у дикарей, в валдайских лесах, имелся танковый корпус. Словно отвечая его тревогам, мимо прошли четверо солдат, пригибаясь под тяжестью армейских минометов. Еще двое катили тележку с гранатами. Возле каравана суетились не менее сотни человек. Грузчики, построившись змейкой, передавали в чрево фургонов мешки с тканями, вязанки сапог, закатывали бочки с соленой рыбой и ягодой, вязанки

волчьих шкур и свиных кож. На носилках бережно поднимали переложенные соломой ящики со спиртным. По волокушам канатами втягивали грубые стальные болванки. Верещала в клетках племенная птица, рвались с поводков собаки, ржали лошади. Наконец-то Артур встретил обыкновенных собак. Их привели ковбои — меднолицые заросшие дядьки на конях. Они же предоставили Эрмитажу недостающих лошадей. В счет оплаты Чарли Рокотов брал с собой троих пассажиров из фермерской команды.

Всего пассажиров, не считая мамаш, набралось семнадцать человек, из них четыре женщины. Мама Рона отправляла в Москву одну из своих подручных учиться новым приемам в стоматологии. Под присмотром Руслана из дворца показалась шестерка дюжих «гвардейцев», сопровождавших сундук с дорожной казной. Золото вернулось в свои права, и Артур лишний раз поразился дальновидности давно почившей мамы Ксении, мир ее праху, занявшей под колонию именно Эрмитаж. Как оказалось, мэр печатал на Монетном дворе некоторое количество золотых денег, но весовые обломки из запасников дворца обеспечивали музейщиков «твердой валютой» на десятилетия вперед.

Своей должности шеф безопасности соответствовал идеально. Несмотря на сутолоку и постоянный приток народа, Руслан обеспечивал на площади идеальный порядок. По периметру, никого не пропуская, стояли цепью солдаты с собаками и ручными волками на длинных поводках. Еще дальше, встречая гостей, носился покореженный военный джип с автоматчиками. Стрелки на обитых железом тачанках держали под прицелом Мойку и Адмиралтейский проспект. Руслан сам подошел поздороваться. Артур испытывал перед ним некоторую неловкость, потому что от его услуг в качестве охранника отказались. Папа, однако, нашел хитрый выход и придумал для дополнительного пассажира особое поручение. Еще с раннего утра люди Рубенса сгоняли к мамаше Кэт и заявили права на ветряные мельницы, обнаруженные Ковалем. Полный комплект отбить не удалось, но и две штуки стали знатной добычей, что дополнительно подняло рейтинг Артура. Заглянувший после ночного караула Даляр пожал Артуру руку и подарил прекрасный охотничий нож.

— Жаль, что Лю огорчится! — скупо усмехнулся солдат.— Он ведь поверил, что ты с рыбацких островов, где не прошлась Большая смерть.

Коваль получил еще одно доказательство того, что папа Рубенс ничего не забывает. И сержант Даляр, и Людовик были сняты с караулов и вместо других солдат приписаны к каравану. Наказание теперь ждало их по возвращении. Папа Рубенс вручил Артуру рекомендательное письмо для главы московской коммуны паровиков. Но еще сильнее, чем железная дорога, Михаила вдохновил проект радиосвязи между столицами. Коваль ничего не обещал, но высказался в том духе, что если ему отыщут два прилично сохранившихся телеграфных аппарата, то он попробует что-нибудь наладить. О проводной связи пока никто и не мечтал; большинство столбов по дорогам давно попадали, потянув за собой кабель. С подачи Коваля главному инженеру поручили совершить набег на Музей связи, о котором почти забыли. Артур был немного ошарашен скоростью, с которой папа принимал решения. С одной стороны, это не могло не радовать. Без такой буйной энергии удержать в кулаке дивизию разномастных граждан было бы непросто. В случае успеха проекта Артуру светила великолепная карьера — должность начальника всей питерской дальней связи. В случае успеха...

Он особо не обольщался. В тот момент ему казалось странным, что за столько лет не нашлось никого, способного организовать элементарный телеграф. Артур никак не мог привыкнуть к мысли, что люди просто не помнили, как пользоваться техникой двадцатого столетия. Старых книг никто не читал, а технические навыки передавались практически без записей, живым примером наставников. Нефтяники хранили в танкерах море сырья, но ни одна живая душа не представляла, как запустить производство солярки. Коваль решил пока помалкивать о своих школьных знаниях, чтобы папа не передумал и не посадил его на цепь.

Между фургонами подвесили телефонные провода, охрана построилась для последнего напутственного слова, и караван начал разворот в походный порядок. Номинально старшим назначался Чарли, но на весь путь до бывшей столицы бразды правления переходили к Арише. Коваль видел, с каким почтительным вниманием слушают хрупкую девушку головорезы

мамы Кэт и суровые деревенские парни, увешанные дробовиками. Всего под ее командой собралось сто двадцать бойцов и тридцать человек обслуги. Изнутри штабной дилижанс оказался половинкой купейного вагона от николаевского экспресса, и Чарли Рокотов забрал Коваля в свое двойное купе. За перегородкой размещалась личная охрана, отборный «спецназ» Руслана и дорожная казна. В следующее купе, отделанное мехами, никто не допускался. Артур краем глаза заметил там ванну и маленькую кухню с керосиновой плиткой. Будущих мам заранее окружали комфортом.

Следующий час Артур почти безвылазно провел переходя от одной смотровой щели к другой. Караван миновал арку Генштаба, свернул на Невский, затем на Садовую и, чуть замешкавшись у баррикады в начале Московского проспекта, вышел на стартовую прямую. Не прошло и суток, а Коваль рассматривал родной город под совершенно иным углом. Не как несчастный голый беглец, а в статусе значимой персоны. Центральные районы сильнее всего пострадали от уличных боев. Артур мог только догадываться, какие вооруженные драмы разворачивались тут век назад.

У Елисеевского гастронома не хватало половины фасада, обуглившиеся аркады Гостиного двора торчали, как ребра уснувшего морского исполина. По шпилю бывшей Думы, вне сомнения, палили из пушек. Не менее страшным разрушениям подверглись и другие дома на Перинной, крыша торговых рядов рухнула, словно примятая великанской пяткой. Из выбитых окон Пассажа на всех этажах росла трава. Могучие жеребцы Клодта оставались на местах, зато особняк Белосельских-Белозерских выгорел дотла. Но за дорожным покрытием в центре присматривали, кто-то регулярно выжигал наступающие армии кустарников, по центру проезжей части в несколько рядов были уложены бревна. Возле спуска в метро копошились десятки человеческих фигур, пара лошадей тащила по Садовой дребезжащий трамвай с понуро торчащей стрелой подъемного крана. Пропуская караван, подземники махали вслед, кто-то перекрестил трактор, две пожилые женщины в черном держали иконы.

На Московском проспекте в районе парка Победы произошла первая остановка. На стенке штабного купе висели три

доисторических телефонных аппарата, по одному из них Чарли коротко поговорил и раздраженно выругался. Оказывается, банда под героическим названием «Восьмая дивизия» требовала плату за проезд. «Дивизионщики» размещались в сталинских домах, примыкавших к парку, и в здании новой Российской библиотеки. На арене бывшего стадиона они разводили скотину и содержали неплохой ипподром.

Коваль вслед за Чарли поднялся в башню над вагоном. Пассажирам категорически возбранялось покидать караван вне запланированных привалов, и Артур никак не мог увидеть, что происходит впереди. Чарли снова перекинулся парой фраз с Ариной; выяснилось, что «Восьмая дивизия» права, музейщики оставались должны по какому-то старому спору двадцать трудодней или соответствующий эквивалент в золоте. Когда вопрос был урегулирован, «Кировец» взревел, на передней карете ударили в колокол, и гигантские колеса снова загремели по деревянной мостовой.

Артур прилип к смотровой щели. Ему хотелось зажмуриться или протереть глаза. На обочинах проспекта стояли четыре танка. Гусеницы боевых машин давно прогрызли сорняки, но поворотные механизмы башен выглядели вполне исправно. Верхом на сияющих свежей краской стволах восседали молодые люди в коротких армейских дубленках на голое тело и провожали караван задумчивыми взглядами.

— Чарли! — спросил Коваль.— Эти ребята, они приносят какую-то пользу? Нам обязательно им платить?

— Как тебе сказать... — Рокотов скорчил забавную рожу, показывая, что понял иронию.— Считается, что банда охраняет южный въезд. Иногда они проводят скачки или кулачные бои и приглашают всех желающих. Здесь не так-то много развлечений.

— Они берут со всех плату за проход?

— Со всех плату взять невозможно, только с тех, кто нуждается в хорошей дороге. Любой всадник объедет их заставу по соседним дворам.

— Выходит, они не защищают город, а только собирают мзду с караванов?

— Ты прав, но не торопись с выводами! — Чарли бросил на Артура быстрый взгляд.— Питер невозможно обнести стеной.

Уже много лет коммуны и банды выставляют мобильные патрули. Они надежнее любых застав. С тех пор, как шептуны вырезали банду речников. Знаешь, где когда-то был Речной вокзал?

Артур кивнул.

— В патрулях есть особые люди, их присылают колдуны,— продолжал Рокотов.— А иногда обходимся без их помощи. У губернатора есть двое мальчишек, и у портовых тоже; их носят на носилках и охраняют надежнее, чем золото. Зато наши колдунчики помогают вылавливать шпионов, проникших в город.

— И что с ними делают? Убивают?

— Ну зачем же? — искренне опечалился главный коммерсант.— Раньше убивали сразу, потом пытались отправлять на пожизненные работы. Но дикари не любят труд. Так что теперь, если поймают живьем,— Чарли сделал паузу,— их продают другим диким племенам. Им всегда нужны рабы, а платят они хорошо.

— Как так можно? — опешил Артур.— А если человек пришел с миром? Так и меня могли продать кочевникам?

— Тебя бы не продали. Тебя видела Арина, и, кроме того, ты понравился Лапочке.

— Лапочке?

— Ну да, тигру. Это не просто сибирский кот. Он, пожалуй, поумнее некоторых людей! — Чарли заразительно захохотал и сразу стал похож на шкодливого мальчишку.— Пошли вниз, надо успеть позавтракать. Слышишь колокол?

— А куда мы опаздываем? — Коваль потеснился, уступая место пришедшему на смену новому стрелку. Прежний парнишка отсалютовал и передал сменщику подводную маску.

— Встречаются ловкачи,— объяснил Рокотов,— способные со ста шагов попасть отравленной стрелой в глаз. Угощайся, у нас с собой целая бочка прекрасной рыбы из Ладоги!

Артур отдал должное: жареная рыбка, действительно, была восхитительна.

— Мы не опаздываем.— Чарли промокнул усы вышитой льняной скатеркой.— Но скоро на нас нападут.

— Как это?

У Артура рыба застряла в горле. Он приставил глаз к дырочке в стене. Караван, набрав умопомрачительную скорость, километров пятнадцать в час, неторопливо рассекал совхозные просторы. За стенками дилижанса метров на двадцать тя-

нулась полоса выжженной земли, а дальше сплошной стеной поднимались настоящие северные джунгли.

— Очень просто! — Рокотов с наслаждением рыгнул и похлопал себя по внушительному животу.— «Восьмая дивизия» ухаживает за дорогой до развилки, а дальше мы предоставлены самим себе. Ты доел? Хорошо, тогда можешь взглянуть. С другой стороны!

Коваль прильнул к смотровой щели в коридоре и мысленно поблагодарил попутчика за проявленную заботу о его аппетите. По правую сторону зарастающего шоссе в два ряда стояли виселицы. «Восьмая дивизия» наглядно демонстрировала заезжим «туристам» свое гостеприимство. Некоторые мертвецы были вполне свежими, от других остались одни кости. Под виселицами шныряли какие-то мелкие животные, но из дилижанса рассмотреть их было невозможно. Под высокими, небрежно сколоченными вышками горели костры. Часовые прятались в закрытых «скворечниках». Коваль успел заметить, как с одной из вышек взлетели два белоснежных голубя. За неимением лучшего человечество возвращалось к проверенным почтовым технологиям.

Мы обязаны возродить нормальную связь, подумал Артур. Он и сам не заметил, как употребил местоимение «мы». Музейщики постепенно становились его новой семьей...

За частоколом виселиц тянулся последний форпост цивилизации: грандиозная линия дзотов даже спустя столько лет не потеряла своего устрашающего величия. По обе стороны от шоссе, несмотря на буйную молодую поросль, угадывались остатки широкой контрольно-следовой полосы, некогда оставленной защитниками Петербурга. На том месте, где водителей встречал указатель поворота на Пушкин, сохранился пробитый множеством осколков железный щит. Под щитом, покуривая, сидели у костра несколько бородатых мужиков в тулупчиках «Восьмой дивизии». Внезапно конная охрана каравана сбила строй. Лошади под ковбоями хрипели и вставали на дыбы. Ближайший наездник вынужден был спешиться и, осыпая коня градом ударов, буквально волок его за собой.

— Видишь? — равнодушным голосом спросил Рокотов.— Там, за пушкой...

Артур всмотрелся. Чуть в стороне от костра, прикрытая маскировочной сетью, несла дежурство артиллерийская батарея. Если губернатор контролировал арсенал несуществующего нынче МВД, то «восьмая» почти сплошь состояла из потомков военнослужащих. Вполне естественно, что в их распоряжении оказались значительные «осколки» военной техники, а выстрелить из пушки по прямой мог бы и дебил. За сетью взгляд Артура нащупал какое-то шевеление.

— Они что, тоже ручные? — только и мог выговорить он.

— Они хуже диких!..— прокомментировал «министр торговли».

Связанные цепями в упряжки, на привязи бесновались шесть болотных котов. Артур уже не удивлялся, что лошади испытывали такой панический ужас. На своих домашних предков серые чудовища походили не больше, чем альбинос Лапочка. Каждый размером со взрослую рысь, только в два раза шире, с вытянутыми вперед кабаньими клыками и торчащими, как у тойтерьеров, щетинистыми ушами — настоящие исчадия ада. В стане хищников валялся обглоданный лосиный скелет. Могучие рога, как протянутые кисти рук, взывали к низким облакам.

Сразу за развилкой хорошая дорога закончилась. Шипованные колеса запрыгали в глубоких колеях. Двое дядек в полковничьих папахах вручную крутили тяжелый ворот, задвигая на трассу бревно шлагбаума. На расстрелянном щите Артур не без усилий прочитал выцветшую от дождей надпись: «Водитель, стой! Въезд только для санитарного транспорта. За нарушение режима открываем огонь без предупреждения!»

С ума сойти, поежился будущий начальник связи, какой кошмар должен был происходить вокруг города, если оборону держали воинские части! А судя по разбитому в хлам центру, удержать оборону они не смогли...

В купе негромко постучали.

— Пошли! — сказал Чарли.— Тебя ждут.

В центре вагона было оборудовано нечто вроде кают-компании с овальным столом посередине. Сейчас тут собрались все пассажиры, кроме мам, и свободная от вахт охрана. Четверых юных «невольниц», похоже, не видел никто; их провели в вагон через второй тамбур и заперли в купе.

Люди буквально стояли друг у друга на головах. Коваль невольно поежился, попав под обстрел десятков любопытных взглядов. На фоне лохматой толпы он, с едва появившимся пушком на темечке, чувствовал себя голым. Но отвертеться от пресс-конференции не удалось. Еще во дворце Чарли предупредил, что слухи разносятся быстро, и полгорода в курсе о человеке, родившемся до года Большой смерти. Легенда о парне из Риги провалилась.

— Спрашивайте! — обреченно предложил Коваль и уселся на предоставленный ему стул венецианской работы.

Последующие два часа он четырежды прикладывался к бутылке с драгоценным пшеничным пивом, чтобы промочить горло. Он никогда так долго не говорил. Артур переживал, что людей будут волновать какие-то глобальные проблемы, связанные с катастрофой, ведь об этом периоде он ничего не знал. Но большинство вопросов были зациклены на самых земных, обыденных темах.

Большой ажиотаж вызывали семейные отношения; многие попросту не верили, что женщины и мужчины могли свободно сходиться и расходиться, строить новые союзы и разрушать старые. Несколько раз откровенная беспардонность ставила Артура в тупик, он беспомощно оглядывался на Рокотова, ища его поддержки, но торговец только пожимал плечами. Ему, как и прочим, совсем не казалось бесстыдным копаться в чужом белье. Шоком для присутствующих стали сведения о старом российском Уголовном кодексе и о свободном перемещении детей по городу.

— Как это может быть,— возмущался взъерошенный старичок в потрескавшихся очках и огромной, до колен, нейлоновой рубахе,— чтобы вор украл дважды и после этого был опять отпущен на свободу?

Кают-компания согласно загудела.

— О каком перевоспитании ты говоришь, дружище? — брызгал слюной очкарик.— Если вор уже получил год подземных работ или год рубил лес, этого вполне достаточно, чтобы воспитать любого. Следующим наказанием может быть только виселица.

Коваль не знал, что ответить. С сегодняшней точки зрения, старик был абсолютно прав...

— Как опасна была ваша жизнь! — тоненьким голоском протянула одна из женщин.— Нам читали древние газеты, но

мы и поверить бы не могли, что под колесами телег тогда гибло больше людей, чем жителей в нашей общине...

У Артура комок подкатил к горлу. Он все еще не мог привыкнуть к тому, насколько неузнаваемо изменился мир. С этими недоверчивыми, заскорузлыми людьми предстояло провести неделю; вот во что превратились привычные восемь часов в ночном поезде. Расстояния снова измерялись средневековыми мерками, и если люди срочно не наладят связь и не запустят паровики, то дальше станет еще хуже. Шоссе окончательно зарастут лесом, в котором станут хозяйничать кошмарные герои сказок. А там, по логике вещей, недолго до человеческих жертвоприношений! Артур и представить себе не мог, насколько скоро сбудутся его мрачные прогнозы...

Склянка на головном броневике отбила полдень.

— Привал! — объявил Чарли, вытаскивая слегка одуревшего от жары и духоты Артура из плотного кольца любопытных. Пассажиры все никак не желали его отпускать, и пришлось пообещать, что завтра экскурс в прошлое будет продолжен.

На самом деле, невзирая на усталость, Артур был даже рад. Благодаря попутчикам он почти полностью восстановил в памяти детали последних дней. А главное, он вспомнил, как так могло случиться, что он согласился на двадцатилетнее погружение. Это замечательно, что он проснулся сейчас и здесь; в ушедшем мире ему снова бы не захотелось жить...

Тосно караван обошел стороной. Коваль спросил, почему не поехали по новой трассе, которую прокладывали еще при нем, а выбрали старую двухколейную дорогу. Рокотов сумрачно потеребил усы и пообещал кое-что показать.

Фургоны организованно разворачивались в широкое кольцо посреди просторного участка земли, вытоптанного следами тысяч колес и конских копыт. В центре круга оказались обе пассажирские повозки и целый табун запасных лошадей, которых Коваль раньше не заметил. Очевидно, ковбои пригнали их позже. Броневик и «Урал» с гаубицей неторопливо баррикадировали снаружи, а третий, дальний, круг образовала редкая цепочка конных стражников.

Артур соскочил с подножки. От лесного чистейшего воздуха кружилась голова. Он огляделся и, к собственному удивлению, убедился, что место ему знакомо. Караван остановился на подступах к нефтебазе. Из бурьяна торчали почерневшие от времени останки автозаправки, на опушке в зарослях малины угадывались фундаменты административных зданий, а над кронами леса, словно забытые космические корабли, пузырились стационарные танкеры.

— С другой стороны! — подсказал Рокотов.

Артур сначала не понял, куда указывал толстый палец коммивояжера. Взбегающий по пологому склону лес выглядел вполне обычно. Но все же, все же...

— Черт! — выдохнул Коваль.— Но так не бывает!

Глава десятая

Зеленая атака и дети Красной луны

— Поэтому уже девять лет никто не ходит по верхней дороге.— Чарли свернул самокрутку и поднес к глазам бинокль.— На Валдае такие вещи происходили слишком часто. Там никто не хочет селиться, хотя для скота места отличные. Здесь тоже жили ковбои... — Он передал Артуру бинокль.

Коваль настроил оптику и замер.

Сначала ничего не происходило. Лес как лес.

Затем он опустил взгляд чуть ниже и убедился, что зрение его не обмануло. Ветра не было, но трава шевелилась... Совсем недавно на месте чащобы расстилалось вспаханное поле. На краю опушки, там, где дикая зелень вгрызалась в оставшиеся от стоянки авиационные плиты, еще клонились от ветра недозревшие ржаные колосья и прослеживались отчетливые следы вспаханных борозд. Но дальше, метрах в десяти от пятна бетонки, раздвигая культурные побеги, непроходимым колтуном поднимались колючие заросли. Лес шел в атаку на поле. Именно такое, шекспировское, сравнение пришло Арту-

ру в голову. И наступление тянулось не годами, что было бы нормальным, оно происходило прямо на глазах.

Словно от ветерка, чуть шевельнулись кусты боярышника, в другом месте тень от осины стала капельку длиннее. На другом конце стоянки ярко-зеленое покрывало травы чуть пригнулось, по нему прокатилась слабая волна, будто пробежали сотни полевок, и снова все замерло. Но травка стала заметно гуще и оказалась ближе к дороге. Совсем капельку, возможно, на пять сантиметров. Если не смотреть внимательно, можно и не заметить! Было в этой тихой атаке что-то непередаваемо жуткое; Артур не представлял себе, как он теперь босиком сможет пройтись по лугу. Если растения обрели такую скорость роста, то что им помешает изменить и способы питания?

Полная тишина и едва заметное движение слева. Артур мигом повел окулярами. Осыпалась земля на борозде, полегло еще с десяток колосков, на их месте, откуда ни возьмись, расправлял жесткий ствол люпин. Теперь — то же самое справа. Только что там торчал продолговатый камень, а теперь его заслонила россыпь невянок. Цветы покачивались, будто их сию секунду воткнули в землю... Нет, полнейшее наваждение! Коваль мог бы поклясться, что группа молоденьких ясеней секунду назад занимала другое положение. Но ни один представитель флоры на Земле не способен в таком темпе пускать новые побеги. Исключение составлял бамбук, которого в Ленинградской области в помине не водилось, да и бамбук вел себя повежливее!

Притихший научный сотрудник вернул бинокль молча наблюдавшему за ним Рокотову.

— Они... оно сожрало поля фермеров?

— Угу. Растворило. И привело в бешенство скотину. Но дело не в посевах. За горкой — отсюда не видно — стоял большой поселок и завод. Поселок мертвый, там никто после Большой смерти не жил. Завод очень грязный, там все завалено старой резиной, целые поля старой резины. Даже земля ею пропахла. Наверное, они делали из старых колес новые, не знаю. Или просто жгли колеса. Там была труба, и вся земля в округе черная. Теперь нет ни завода, ни деревни, ничего. Но зараза поползла дальше и захватила чистые ранчо...

— И что? Ничего нельзя сделать?

— Уже делают.— Рокотов сплюнул.— Нефтяники выжгут заразу. Вторично оно не вырастет, но ковбои уже не вернутся. Они никогда не возвращаются туда, где... где собственные свиньи пожрали их детей. А ты бы вернулся? Вот именно! — Чарли похлопал Коваля по плечу и тяжело спрыгнул в засохшую грязь. Два рослых бодигарда уже поджидали его внизу, еще двое остались в вагоне.

Артур поплелся следом, вспоминая вчерашнюю речь библиотекаря.

— Лева Книжник — самый умный человек в Совете,— тяжело сопя, покивал Чарли.— Пожалуй, даже умнее меня. Хаха! Но я не могу говорить его умными словами. Я умею торговаться и знаю, как не разорить коммуну. Но как остановить Тех, кто раскачивает...

— Неужели с ними нельзя договориться?

— Они не желают ни с кем договариваться. Когда им что-то надо, они приходят и берут. Иногда платят. Они не враждуют с городскими, они враждуют с городами, и никто не может их остановить... А вот и нефтяники. Наконец-то!

В просвет между фургонами с треском и грохотом вкатился удивительный экипаж, мечта вошествующего футуриста. Широкая платформа на гусеничном ходу венчалась решетчатой башней, на вершине которой в будке от подъемного крана сидел человек в водолазном шлеме и держался за ручки огнемета. То, что это именно огнемет, а не водяная пушка, Артур догадался сразу: хобот орудия и передний бампер машины почернели от копоти. Гусеницы были не «родные», а узкие, снятые с портативных немецких экскаваторов. Под башней, поверх платформы, стоял снятый с колес американский кабриолет вызывающего оранжевого цвета. В нем сидели еще двое, без шлемов, но в компании с огромным бурым медведем.

«Господи,— быстро произнес Артур, зажмурив глаза,— Господи, не дай мне сойти с ума! Если у них собаки плавают, как акулы, то почему бы медведям не летать?»

Но медведь никуда не полетел. Лошади, спокойно жевавшие сено, забеспокоились, но мохнатый гигант вел себя удивительно мирно. На шее у зверя крепился широкий ошейник с цепью, намотанной вокруг заднего сиденья кабриолета. Позади шестиместного ландо на платформе тягача помещались

баллоны с горючим для огнемета и высокая проволочная клетка. В клетке на деревянном чурбане сидел чумазый мальчишка лет десяти и играл с двумя крошечными медвежатами. Дизель последний раз взревел, заслонка на трубе поднялась, выпустив в небо струю жирного дыма, и все стихло.

Пассажиры дилижанса боязливо обступили нефтяников. С водительского места поднялся худой мужчина с обветренным смуглым лицом, в брезентовой пожарной робе. На плече у водителя, перебирая морщинистыми лапами, восседал какой-то крылатый хищник, похожий на сокола. Нефтяник окинул толпу мимолетным взглядом и безошибочно выделил Арину.

Они помахали друг другу, затем мужчина легко спрыгнул на землю. Сокол захлопал крыльями, но удержался на плече. Начальница стражи пожала приезжему руку, затем о чем-то спросила мальчика в клетке. Медведь вел себя так, будто его ничего не касалось. Чарли, увлекая за собой Коваля, протиснулся сквозь толпу, и Артур разглядел топтыгина вблизи. Медведица-мать, несомненно, побывала не в одном сражении; под шерстью змеились десятки грубых шрамов, отсутствовали половина уха и треть нижней губы, на левой лапе когда-то неправильно срослась кость. Артур попытался представить зверя, который мог бы сломать медведице лапу, но ничего страшнее капкана не придумал.

— Привет, Рокотов! — звучно пробасила женщина с пассажирского сиденья лимузина.— Ты не научишь Андрюшу, как растолстеть? Он жрет за троих, но не может набрать и капли жира!

Андрюша захохотал так, что сокол чуть не свалился с плеча.

— Мама Луга! — Чарли церемонно поклонился, приложив ладонь к сердцу.— Это чудесная тайна моего рода, как сохранять жир в теле, и я унесу ее в могилу.

— Маме Луге нравятся заморыши вроде тебя! — Андрей обнялся с торговцем, быстрым взглядом скользнул по белому комбинезону Коваля.— Как здоровье мамы Рубенс?

— Спасибо, нефтяник. Она сильна, как твои медведи.

— Доволен ли папа Рубенс мазутом?

— Мазут прекрасно горит. Ты получил наш металл?

— Да. Железо крепкое. Я рад тебе, торговец.

— Я рад тебе, нефтяник.

Арина Рубенс терпеливо ждала, когда церемония приветствий закончится, никак не подавая виду, что караваном командует именно она.

— Что ты скажешь нам, дочь Красной луны? — непринужденно повернулась к девушке мама Луга.

Артур вздрогнул, но остальные восприняли обращение как нечто само собой разумеющееся.

— Я слышу их за рекой,— нахмурилась девушка, поправляя каску.— А что скажешь ты, сын Медведя?

Началось, механически отметил Коваль, взрослые люди непроизвольно играют в индейцев. Мы тихо сползаем к тотемам, ритуальным кострам и пляскам смерти...

Сын Медведя, держа на руках пушистого медвежонка, вылез из клетки и передал сына мамаше; та немедленно начала его вылизывать. Второй медвежонок, оставшись один, жалобно повизгивал. Мальчик уселся на гусенице, болтая босыми ногами в дырявых штанах.

— Они за рекой,— подтвердил мальчик, наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь.— Сотня конных в болоте, еще сотня в лесу, и с ними...

— Я слышу железо,— немного погодя добавила Арина.

— Пушки? — напрягся Чарли.

— Нет, не пушки.— Девушка сняла каску, наморщила лоб.

Артура сзади подергали за рукав. Он оглянулся и увидел расплывшуюся до ушей физиономию Людовика. На ноге незадачливый воин еще носил повязку, но это не освободило его от первой смены караула.

— Будет драка! — возбужденно поведал Людовик.

Он хотел еще что-то сказать, но тут сын Медведя встрепенулся:

— Дети Чингиса привели крылатых змей!

По толпе пронесся ропот. Чарли открыл и закрыл рот, Людовик икнул и перекрестился.

— Откуда, приятель, ты знаешь про крылатых змей? — грозно спросила мама Луга.— Не пугай людей сказками!

Она шевельнулась на своем сиденье, укрытая вязаной попоной, и тут Артур увидел, что мама Луга кормит грудью ребенка.

— Ты хочешь переждать день? — Главный нефтяник повернулся к Арине. С Рокотовым военные вопросы не обсуж-

дали.— Утром, если захочешь, мы пошлем за ковбоями. Проводят вас до Вечного пожарища. Семьдесят клинков они выставят. Заплатишь всадникам золотом, а коммуне — пару коней.

— Мы не будем ждать! — поджала губы Арина, рыкнула глазами по толпе, нашла Людовика.— Солдат, ступай в мою машину, скажи, чтобы сыграли подъем. Мы выступаем!

Людовик без единого слова сорвался с места. Над стоянкой поплыл колокольный звон.

— Ты права, дочь Красной луны! — одобрительно кивнул Андрюша и погладил сокола.— Чем раньше вы переправитесь, тем меньше времени останется у дикарей на подготовку. Мы наведем понтон.

— Мы знаем, что нас ждет засада, и полезем напролом? — Коваль никак не мог воспринять такую нелепую логику.

Спешащий к вагону Чарли остановился так резко, что Артур стукнулся о живот главного торговца.

— Приятель, Арина знает, что делать. Если мы промедлим, дикари поймут, что мы боимся. А если мы боимся, у них может возникнуть мысль переплыть реку и напасть на нас тут. А если это случится, о дружбе с нефтяниками мы можем забыть!

Чарли повернулся, но Коваль схватил здоровяка за локоть:

— Подожди! Кто-то сообщил дикарям, что мы идем? Не слишком ли вовремя засуетились эти лесные братья? Возможно, я плохо стреляю, но мозги у меня в порядке. Нефтяники предлагали вам нанять фермеров, но сами умыли руки. Дикари ждут нас на том берегу, но не суются на этот. Что ты на это скажешь?

Чарли попытался вырвать руку, но Коваль держал его крепко.

— Знаешь, приятель,— нехотя огрызнулся торговец,— я ведь не верил, что ты проспал сотню лет в ледяной ванне. Я склонялся к мысли, что ты приплыл с норвежских островов. Но теперь я тебе верю. Только идиот из прошлого может так рассуждать. Клянусь прахом мамы Ксении, тебя убьют раньше, чем ты примешь присягу, если не научишься жить среди людей!

— Я спросил тебя: почему дикари не трогают нефтяников? Мама Луга продает им горючее, ведь так?! А нас считает хорошим тоном предупредить?

Артур посторонился, пропуская бегущих минометчиков. С крыш фургонов опускали на борта дополнительные листы железа, лошадей укутывали толстыми попонами, поверх крепили кольчужные сетки.

— А если и так?! — перекрикивая команды сержантов, вспылил Рокотов.— Это их дело, а не наше. Горючее нужно всем. Мама Луга не спрашивает меня, с кем я иду торговать. Она выполняет свои обязательства. На территории ее коммуны мы можем прожить хоть месяц, и ни один чингис или шептун нас не тронет. А если ее люди захотят пожить на площади перед дворцом, мы тоже умрем, но никого к ним не подпустим. На древнем языке это называется ди-пло-ма-ти-я! Ты понял, приятель? Ну, чем ты еще недоволен? Надумал остаться? Валяй! Присягу ты не принял, вольный человек. Ступай к маме Луге, она со своим караваном отправит тебя в город...

— Я-то тебя понял, уважаемый член Совета! — Вслед за телохранителями Артур поднялся в штабной вагон.— Только твоя дипломатия называется немножко иначе. Это куриная слепота.

Караван на рысях вылетел к воде. Старый мост через Тосну провалился посередине. Сотней метров ниже команда нефтяников на тросах тянула к пирсу секцию армейского понтона. Коваль позаимствовал у Рокотова бинокль, навел на противоположный берег.

Зубчатая стена деревьев, завалившаяся на бок опора передач, засыпанная сучьями нитка шоссе. Где-то вдалеке, на пределе видимости, поднимались к темнеющему небу ниточки дыма. Волнистая линия холмов подернулась туманной дымкой, четкие линии размазывались, растекались, точно неокрепшие краски на промокшем холсте. Низкие угрюмые тучи на горизонте соединялись в сплошной свинцовый фронт и, крадучись, цепляясь мохнатыми щупальцами за кроны деревьев, ползли к реке. Словно силы зла собрались там, подумал Артур, и тут же себя одернул. Не хватает еще, чтобы он начал верить в чертей и драконов! Нет и не может быть твари страшнее человека...

— Если умеешь, помолись! — серьезно посоветовал Чарли, натягивая поверх свитера мелкоячеистую кольчугу.— Здесь кончается цивилизация. Дальше до города Клин нет ни одной

коммуны. Нам никто не поможет. А если ты полагаешь, что мы кого-нибудь боимся...

Он принял от помощника два снаряженных арбалета, просунул в оконную щель дуло охотничьей двустволки. На столике появились самодельные патроны, набитые мелкими гвоздями.

Нефтяники притянули понтон к железному пирсу; две каурые лошадки, повинуясь кнуту, ходили по кругу, наматывая на бобину стальной трос. Выше по берегу Артур заметил трактор с огнеметом и медведицей. Андрюша и сын Медведя сидели на капоте и передавали из рук в руки бутылку. Мама Луга кормила ребенка.

Колокол звякнул трижды. Ведущий «Кировец» выпустил облако дыма, опустил ковш и, лязгая, выполз на просевший пирс. Погонщики щелкнули бичами, и переправа началась.

Глава одиннадцатая

Драконы чингисов

Все обитатели пассажирского вагона, за исключением Рокотова с охраной и Коваля, улеглись на пол. Всадники растянулись эскадроном и первыми вступили на доски понтонов. Арина безостановочно отдавала по телефону короткие распоряжения, сержанты отчитывались о готовности к бою.

Раскачиваясь на колдобинах, груженая колонна вползала в лес. Никто больше не трепался, доносился лишь скрип несмазанных подшипников и хруст сухих веток под колесами. Коваль сидел напротив Чарли, сжимая в руке ствол, и спрашивал себя, боится он или нет. Страха, пожалуй, не было, но нервы натянулись до предела. Далеко впереди заржала лошадь, чуть громче обычного заревел трактор. Опять все стихло. И в ту же секунду, словно по команде, воздух разорвал душераздирающий вой. Чингисы кинулись на абордаж.

По стенам вагона что-то дробно заколотило, в спертом и без того воздухе распространился жуткий смрад. Потянуло горелым. Чарли схватил в каждую руку по арбалету и ринулся в

тамбур. В своем железном одеянии и мотоциклетном шлеме с надписью «вервольф» он походил на разъяренного носорога. Двое охранников с автоматами так и остались сидеть на сундуке, а двое других кинулись догонять патрона. Артур в три прыжка поднялся по лесенке в «башню». Не успел он добраться до верхней ступеньки, как в пулеметную щель влетела стрела с горящей тряпкой на конце. Вот она, ваша дипломатия, матерился Артур, затаптывая пламя. По счастью, никого из четверых бойцов, лежащих у амбразур, не задело. Ближайший пулеметчик повернул красное от напряжения лицо, и Коваль узнал Даляра. Люди Арины не получили пока приказа стрелять, караван продолжал движение. Артур прильнул к свободной щели и увидел дикарей.

То, что он увидел, ему совсем не понравилось. Может, они и не читали газет, но орудовали совсем не как глупые индейцы в вестернах. Никто из чингисов не скакал вдоль поезда, подставляясь под пули. Несколько десятков всадников совершали непрерывный круг по лесу. Появляясь по одному, они выпускали горящие стрелы и сразу исчезали в чаще. Их мишенью были не крытые железом фургоны, а ноги лошадей. Несмотря на длинные, волочащиеся по земле попоны, дикари своего добились, ровный ход экипажей застопорился. Возницы не могли спуститься с козел, чтобы помочь взбесившимся от боли животным. Для перестроения в боевой порядок у фургонов не хватало места, деревья примыкали к дороге почти вплотную.

И тут на прицепе «Урала» заклокотала пушка. Ковалю показалось, что он моментально оглох. В лесу в течение нескольких секунд образовалась довольно широкая просека, в которой взлетали вверх щепки, целые кусты и окровавленные ошметки тел. Затем после непродолжительного молчания канонир перенес огонь на левый фланг. Еще пять-шесть секунд непрерывного грохота. Потери врага было трудно оценить, некоторое время из леса никто не показывался. Зато, повинуясь приказу Арины, из нижних люков фургонов посыпались стрелки и выдвинулись на обе обочины, где и залегли с арбалетами и винтовками. Сверху Коваль их прекрасно видел. Погонщики получили возможность заменить раненых животных. Ни один из пулеметчиков в «башне» так и не выстрелил. Не успел к Артуру вернуться слух, как из броневика разом шарахнули гранато-

меты. Четыре гранаты со свистом ушли в зенит, чтобы разорваться совсем недалеко, метрах в ста от трассы. Земля содрогнулась, и опять все стихло, но спешившихся ковбоев уже не было видно. Они обеспечили прикрытие и углубились в лес.

Ай да девчонка! Если минометчики сумели взять правильный угол, то почти наверняка их огонь достиг цели. Коваль сильно сомневался, что Арина разбирается в военном деле, но «лунный» дар позволял ей чувствовать скопление неприятеля. Звякнул колокол, и караван тронулся с места.

Минуту спустя лес начал редеть, потянулось мшистое болото, утыканное сгоревшими трупами деревьев. Из «башни» было видно, что впереди болото исчезало, сменяясь довольно сухим плоским участком, где фургоны могли бы встать кольцом. Караван набрал порядочную скорость, километров двадцать пять в час, лошади пошли рысью, сбиваясь в галоп, свистели кнуты, гортанно кричали возницы. Артур уже начал надеяться, что бой завершился, но оказалось, что все только началось.

Головной «Кировец» уткнулся в завал. Ни малейшего сомнения в том, что стволы, в два обхвата толщиной, приволокли сюда загодя! Следовало бы показать эту баррикаду «великому дипломату» Чарли, но Рокотов наверху не появлялся. Впрочем, со своим животом он бы застрял на лесенке!

Не успела по эстафете пройти команда «Стой!», как прозвучала следующая: «Лошадям — лежать!» На глазах изумленного Артура происходили чудеса дрессуры. Закутанные в тлеющий войлок лошадки послушно подгибали колени, превращаясь в покрытые сетью холмики. Мгновением позже зазвонил телефон, и Даляр взял трубку. Еще миг спустя Коваль глянул в щель и замер.

По болоту мчались драконы.

Конечно, им было далеко до легендарных змеев горынычей, но при соответствующем уходе, лет за «цать», крылатые змеи вполне могли бы дать почву новому фольклору. Коваль как завороженный следил за приближением чешуйчатых гадов и вспоминал документальный фильм про аллигаторов. Если аллигатору повезет, то он достигнет максимальной величины к пятидесяти годам...

Не может быть, чтобы эти уродцы собирались жить так долго! Напротив, все дело в бешеной смене поколений; очевидно,

мутация ускорила развитие до такой степени, что за пару десятков лет могли появиться совершенно новые адаптивные способности... Крылатые еще неважнецки летали; им требовалась возвышенность или долгий разгон. Они лупили по воздуху трехметровыми кожистыми крыльями и щелкали неприятными треугольными челюстями. Задача детей Чингиса была видна, как на ладони: запугать врага, чтобы музейщики не смели и носа высунуть из укрытий. Первая часть плана дикарям вполне удалась, защитников каравана практически парализовало от ужаса. Младшие командиры надрывали глотки, почти непрерывно звенел колокол, трещали телефоны, но приказы выполнялись плохо. Если дикари начнут выбивать музейщиков из каждой повозки поочередно, нам каюк, решил Артур...

Завершить мысль ему не пришлось, потому что из мха, в двух десятках метров, поднялся юноша с кустиком на голове и выстрелил в штабной вагон из заплечной ракетной установки. В долю секунды, пока дикарь жал на курок, его горло насквозь пробила арбалетная стрела. Поэтому палец юного «ракетчика» дернулся, и снаряд угодил в стоящий спереди фургон с сеном.

У Артура появилось ощущение, словно ему врезали по обоим ушам раскаленными утюгами. Задняя половина фургона перестала существовать, а передняя горела, как нефтяной фонтан. В этом фонтане бились и заживо сгорали три раненых коня. Огромное окованное колесо взлетело в воздух и, падая, убило еще одну лошадь. Даляр кричал на подчиненных, открыл огонь одиночными, но остальные стрелки вжали головы в плечи, провожая глазами пикирующих змеев. Броситься вниз и забиться под полку парням мешала угроза петли.

Из болота поднялся еще один камикадзе со «стингером», но его уложили до выстрела, как вскочившую мишень в тире. Из соседнего вагона пытались стрелять по летающим ящерицам, которые, не причиняя особого вреда, кружились над обочиной. Две штуки подбили, еще одну срезал кто-то впереди, и тут разом затарахтели тяжелые пулеметы броневика и автоматчик в тракторе.

Мох зашатался, как поверхность студня, и десятки почти голых, перемазанных глиной людей с воем и гиканьем припустили в атаку. Почти сразу же объявился еще один «ракетчик», на сей раз слева. Он метил в грузовик с пушкой, и его снаряд достиг цели. Прицеп подпрыгнул и завалился набок, колеса

беспомощно вращались в воздухе. Из упавшего прицепа, словно живой факел, вылетел канонир и, размахивая конечностями, угодил в самую гущу дикарей. Артур понимал, что со своим пистолетом он не внесет серьезных изменений в ход сражения, оставалось только крутить шеей и наблюдать. Автоматчики кое-как мобилизовались и срезали первую волну нападавших, но дикари не залегли, а продолжали неистовый бег. Затем защитники каравана получили новую команду, и в ход пошли арбалеты. Раз огнестрельное оружие не остановило врага, Арина решила экономить патроны. Из леса с саблями наголо вырвалась конница Эрмитажа и обрушилась бандитам во фланг. Бой сразу стал протекать намного тише, пока не случились два события, качнувшие чашу весов в пользу чингисов.

Сквозь кусты ломилась толпа вражеских всадников, не добитых в первой атаке. Две конные когорты схлестнулись с оглушительным лязганьем. Даляр перевел пулемет на стрельбу очередями и за полминуты опустошил магазин. После этого у него остался маленький импортный автомат. Примерно то же самое произошло и с другими стрелками.

Конница врага несла тяжелые потери, но авангард добрался до фургонов. Возниц закалывали прямо в будочках, десятки вопящих дикарей влезли на крыши, взламывали забитые окна и двери. Отдельный отряд чумазых тащил на себе бревна, которые просовывали между спицами колес, другие набрасывали на ступицы ржавые цепи.

Вдоль дороги послышалось нарастающее тарахтение. Шедший впереди колонны трактор развернулся и, прыгая по кочкам, возвращался по обочине назад. Дикари облепили кабину, как муравьи сахарную голову, колотили дубинками по кожуху мотора, но тракторист упорно мчал вплотную к фургонам, сметая зазевавшихся. Стрелок за его спиной садил по нападавшим короткими очередями, ему вторили тяжелые пулеметы броневика. Но тракторист, укрывшийся за толстой обшивкой, смотрел только вперед, и не мог видеть того, что происходило сзади. А сзади из болота показалось черное дуло; чингисы подтянули артиллерию! Предупредить смельчаков не было никакой возможности, подбитый двигатель «Кировца» ревел на пределе, из-под капота валил дым; под колеса трактора угодило не менее десятка зазевавшихся дикарей...

Пушка выстрелила.

Первый снаряд угодил в заднюю ось дилижанса охраны. Многотонная конструкция поднялась на дыбы, роняя куски брони. Всадники в волчьих шкурах, визжа, как сотня чертей, прыснули в стороны. Многие не успели отскочить и погибли вместе с защитниками дилижанса. Почему молчит наша пушка, думал Артур, что случилось? Пулемет Арины — Коваль уже узнавал его по звуку — тарахтел непрерывно; дикари не смели приблизиться к передним повозкам, там их срезало, словно нож проходил сквозь масло.

Один из соседей Даляра откинулся назад, вместо глаза зияла черная дыра. В салоне визжали женщины, кто-то надсадно кашлял и матерился. Сквозь пол поднимался запах горящего мазута. Дикари снизу подожгли фургон! Десятки рук раскачивали забитые окна, срывали листы обшивки. Визг мамаш в укрепленном купе срывался в ультразвук.

— Пушка! — крикнул Артур в ухо почерневшему от копоти Даляру.— Надо зарядить пушку!

Тот, не отвечая, тер слезящиеся глаза и лихорадочно перезаряжал дробовик. В его автомате патроны тоже кончились. Коваль махнул рукой и решил спуститься вниз. Следовало что-то немедленно придумать: из лесочка к горящей колонне неслась очередная партия свежей конницы. Из-за обилия засохшей глины на лицах физиономии дикарей напоминали оскаленные красные черепа.

За всадниками, хрипя от натуги, тяжеловозы волокли по трясине еще одно орудие, на сей раз гораздо более серьезного калибра. Целый взвод чингисов, утопая по колено в грязи, помогал лошадям, но дело продвигалось медленно. Зато вторично жахнула та пушечка, что разнесла фургон стражи. Снаряд попал в трактор. Когда рассеялось облако от взрыва, на площадке «Кировца» не оказалось ни кабины, ни люльки стрелка. Мотор, как ни странно, продолжал работать, и двухметровые колеса кружились на месте, волоча за собой куски человеческих тел. Чингисов, похоже, не волновала убыль в своих рядах; вместе с трактористом разнесло на части человек восемь дикарей.

Коваль решил не дожидаться, когда пушка выстрелит в третий раз, спрыгнул в проход, и, как оказалось, очень вовремя. Недоразвитые дракончики, которых он чуть не пожалел,

планировали сверху на крыши вагонов. Кто-то управлял действиями гадов и людей, потому что дикари разом отхлынули от вагонов. Чарли в тамбуре издал радостный боевой клич, и двое лесных жителей, не успевших пригнуться от его стрел, повалились замертво.

Двухдюймовые когти заскребли по металлу, и почти сразу раздался душераздирающий вой. Кричали автоматчики в «башне», кричал Даляр, сбивая с волос пламя. Треугольная чешуйчатая морда ящера просунулась в амбразуру и выпустила ревущую струю синего пламени. Вторая рептилия добралась до заколоченного досками окна и тоже дыхнула огнем. Внутренняя обшивка кают-компании вспыхнула, как порох.

Люди орали и бросались в тамбур, закрывая лица, в узком проходе образовался затор из тел. Артур схватил чей-то противогаз, перекатился на боковую полку. Сверху из башенки вывалился Даляр. Бровей у него не было, половина бороды превратилась в пепел, куртка на спине дымилась. Второй автоматчик истошно орал и катался, суча ногами. В соседних вагонах дела обстояли не лучше, организованная оборона разваливалась. Нападение с неба совершенно деморализовало музейщиков. Отовсюду слышались вопли обожженных людей, кашель и стоны. Драконы почти одновременно атаковали все отверстия и щели в обшивке; часть защитников побросала оружие и лежа молилась...

— Зенитка! — крикнул Артур.— Даляр, как добраться до зенитки?!

— Ляг на пол и молчи! — На щеке сержанта расплывался ожог.— Если я покину фургон без приказа, меня казнят! Твое дело — доехать живым, не высовывайся!..

Никто не доедет живым, подумал Коваль, если и дальше следовать приказам. Из «башни» опускался тошнотворный запах паленого мяса. Дракон, очевидно, взлетел набраться сил. Его товарищи атаковали передние повозки, оттуда доносились нечеловеческие вопли вперемешку с беспорядочной пальбой. От забитого досками хвоста вагона надвигалась сплошная стена огня. Пожар охватил стенку купе, где ехали мамы, и подбирался к казне. Изнутри в дверь со всей силы колотили, но в общем вое девушек никто не слышал. Стражники подняли в полу крышку люка и хотели пропихнуть туда

кованый сундук, но пассажиры прыгали в дыру, спасая собственные жизни.

Артур сорвал с подушки наволочку, намочил водой. Затем обмотал мокрой наволочкой голову и, пригнувшись, ринулся в огонь. Дверь в купе мамаш удерживал запор с висячим замком. Коваль ощупал дужки и приказал визжащим внутри девушкам отойти влево. Вроде бы его услышали. Артуру пришлось выпустить три пули, прежде чем скоба развалилась пополам. Затем он навалился на косяк, чувствуя, как расплавленная пластмасса капает на руки.

Одна девица, наглотавшаяся дыма, лежала без движения, Коваль неловко закинул ее на плечо. Трое остальных, непрерывно визжа, вжимались в стену. Отодвигая дверь, Артур успел увидеть коричневые когти. Змея висела снаружи, отдирая доски с забитого окна. Артур выстрелил трижды, во все стороны полетели щепки, но когти разжались.

Мамочки, не дожидаясь приглашения, пряча под платками волосы, выскочили в коридор. По внутренней обшивке сидений плясали верткие алые язычки. Навстречу мамашам уже спешил амбал, охранявший казну; ему и передал Артур потерявшую сознание девушку. В последний момент мамочка очнулась и, словно не желая расставаться со своим спасителем, вцепилась Артуру в лямку комбинезона. Совсем близко от своего лица Коваль увидел пухлые губы и огромные, залитые слезами, серые глаза. Ему почудилось...

На мгновение время для него остановилось. Девчонка была как две капли воды похожа на...

Но тут змея забарабанила в соседнее окно, и время опять потекло в бешеном темпе. Артур вылил себе на темечко остаток воды из фляги и поспешил к Чарли.

Пулеметы броневика еще огрызались, им вторили автоматчики из того трактора, что шел в арьергарде. Коваль, перехватывая руками за выступающие части, как обезьяна, под потолком рванулся к передней площадке. Несколько обезумевших пассажиров разметали телохранителей Рокотова и выскочили наружу, прямо под стрелы залегших в болоте дикарей.

Обе двери стояли нараспашку. Чарли и его парни организовали своеобразный конвейер. Двое стреляли в обе стороны из арбалетов и ружей, третий, по центру, заряжал. Затем они ме-

нялись. Все трое были ранены, в кольчуге коммивояжера застряли две стрелы, плечо пропиталось кровью, но он словно не замечал этого. Стрелял Чарли метко и поворачивался удивительно шустро для своей комплекции. У подножки вагона выросла целая гора трупов; уцелевшие дикари расползались в стороны. Те пассажиры, что в поисках чистого воздуха покинули фургон, также лежали убитыми.

— Мы сгорим! — Артур пытался перекричать бушующее за спиной пламя.— Надо вывести людей!

— Не время! — Чарли спустил тетиву, кинул арбалет заряжающему и тут же пригнулся. Прямо над его шлемом ударилась о железный лист вражеская стрела.— Они только этого и ждут, чтобы захватить пленных! Груз они тоже не тронут. Гляди, сейчас ребята мамы Кэт зададут им жару!

Коваль сначала не понял, о чем тот говорит, но выглянул в проем и застал совершенно фантастическую картину. Драконы описывали над колонной восьмерки, поднимаясь вверх и пикируя, как заправские штурмовики. Двое ящеров рвали на части застрявшую в постромках лошадь, еще несколько лошадей горели заживо, не в силах выбраться из-под кольчуг. Вдоль линии фургонов на обочине образовался сплошной завал из мертвых дикарей. Уцелевшие отошли в болото и вяло перестреливались с защитниками каравана.

Среди горелых стволов мелькала фигурка с двумя ракетными установками на плечах. У врага закончились ракеты, но длинноствольную гаубицу уже начали разворачивать к дороге. С расстояния примерно в сто пятьдесят метров бойцы Арины могли только наблюдать за приготовлениями чингисов. Снайперов в отряде не было. Внезапно доморощенные артиллеристы в третий раз выстрелили из маленькой пушки. Снаряд прошел с перелетом, но, словно дождавшись этого сигнала, из лесочка, в тыл дикарям, ударил «засадный полк». Это были те самые бойцы мамы Кэт, которых Арина отправила в лес после первого залпа минометов. Не ожидавшие подвоха дикари развернули коней, но расчет большой гаубицы уже был напрочь уничтожен. Затеялась рукопашная, «глиняные морды» отвлеклись от обстрела фургонов...

В отряде мамы Кэт народу было немного, человек двадцать, но дрались они как черти, используя тактику древних.

Первая пятерка пальнула картечью из обрезов и тут же залегла. Вслед за ней отстрелялся второй эшелон.

Дикари валились, как костяшки домино, пятясь, отступали к дороге, но оказаться под огнем драконов им тоже не улыбалось. Ружья у них присутствовали, но большей частью чингисы посылали стрелы или сражались холодным оружием. Коренник, тащивший гаубицу, провалился в яму, его добили ножами. Ствол орудия задрался вверх и начал медленно оседать в сторону.

— Пора! — скомандовал своим Чарли.— Комар, выводи мамочек через низ. Сначала мамы! Всех вперед, в фургон с железом, там есть место. Вратарь, смени Лося на золоте! Вратарь, ты оглох?!

Артур обернулся к притихшему Вратарю и почувствовал, как встают дыбом волосы на затылке.

Глава двенадцатая

О пользе ПВО

Не успел громадный Комар броситься мимо Артура в пылающее нутро вагона, как его напарника постигло несчастье.

— Берегись! — завопил Коваль, но было уже поздно.

Напротив левой распахнутой двери повисла черная тень. Двухметровая крылатая тварь уцепилась когтистой лапой за косяк и сунула в тамбур уродливую голову с непропорционально большими, выпуклыми, как у коровы, буркалами. Телохранитель отшатнулся, хватаясь за нож, и его движение спасло жизнь остальным. Змей уже разевал пасть, и Коваль видел, как из-под вздернутой верхней губы выдвигаются две дополнительные ороговевшие ноздри, точно миниатюрные ракетные сопла.

Но тут Вратарь взмахнул ножом, змей переключил внимание, вторая «куриная» лапа ударила человека в плечо и оторвала от пола. Нож застрял у змея в брюхе, охранник завизжал, Чарли бросил арбалет и потянулся за револьвером на поясе. Змей, опираясь на хвост и вторую лапу, лупил снаружи вагона крыльями и таскал обмякшего охранника по тамбуру, как куль с тряпьем. Из плеча его фонтанами била кровь, глаза

закатились. Наконец ящер отшвырнул израненного солдата прямо на грудь Рокотову, тот не удержался на ногах, и они вместе повалились на пол.

Дракон зашипел, встряхивая лапой. Вся рука солдата, до плеча, осталась у него в когтях. Коваль обеими руками обхватил пистолет, уперся спиной в раскалившуюся стенку и выстрелил шесть раз, прямо в разинутую пасть.

— Делаешь успехи, дружище! — простонал Чарли.— Ах скотина! Эта скотина убила Вратаря...

Вратарю уже никто не смог бы помочь; еще до того как парень истек кровью, у него была сломана шея. Мертвого дракона отбросило наружу вместе с рукой Вратаря и куском переборки. Еще не долетев до земли, зеленое туловище гада вспыхнуло; очевидно, Коваль перебил в теле крылатого трубопровод с горючей смесью. Артур спрыгнул вниз, и почти сразу возле уха просвистела стрела. Он распластался и пополз под защиту колеса. Колеса действительно горели, но с другой стороны. Сквозь нижний люк Комар с Лосем принимали кашляющих, отплевывающихся людей. Пассажиры гуськом пробирались по направлению к фургону с металлом. Артуру предстояла прогулка в другую сторону.

— Приятель, вернись! Тебя порвут на части! — Внушительная пятерня Рокотова схватила его за шиворот.

— Я бы рад! — отозвался из канавы Коваль.— Отправь тогда людей к зенитке! Змеев надо отогнать!

— Не могу! — простонал толстяк.— Они боятся! Если ты погибнешь, папа утопит меня в Неве!

Артур чуть не рассмеялся. Историческая фраза! Даже теперь Рокотова пугал гнев Рубенса. Мгновение спустя Артура чуть не раздавила туша торговца. Они переглянулись и, не сговариваясь, поползли назад под чадящей повозкой охраны. Дилижанс, где должна была отдыхать свободная смена, выгорел почти дотла, но несущая база от седельного тягача и шасси остались целыми. Натянув маску, ежесекундно ожидая выстрела или хлопанья адских крыльев, Коваль достиг задних колес и прямо перед собой увидел изрешеченную пулями морду «Урала». Трактор стоял в стороне, скатившись на обочину, с задранным вверх ковшом. Мотор работал, и оба человека в кабине были живы, но остались без патронов.

Стоило водителю приоткрыть дверцу, как из болота прилетала стрела и отскакивала от обшивки.

Тракторист проводил ползущего в канаве «министра торговли» застывшим взглядом и снова убрал лицо подальше от щелки. Миновав трактор, Коваль понял, почему тот не едет. Дикари намотали на заднее колесо нечто вроде рыбацкой сети с длинными крючками. Стрелок в задней люльке прикончил как минимум шестерых; чумазые дядьки в лаптях и грязных шкурах устроились в болотной траве, в затылок друг другу.

Они жуют дурман, вспомнил Артур. Они жуют дурман и перестают бояться смерти. Им приказали остановить трактор, и они пошли, прекрасно видя, что наматывать сеть придется прямо перед дулом пулемета! Лежа в глубокой колее, Артур почти ничего не видел и молил об одном: чтобы с неба не спикировала еще одна летающая паяльная лампа. Один дракон, громыхая железом, разгуливал по крыше, прямо над головой. Другой рвал на части трупы, лежащие на обочине. Рокотов шумно пыхтел за спиной. Молодец, с неожиданной теплотой подумал Коваль. Вот я лезу на рожон от безысходности, а он вообще не обязан подвергать себя риску. Мог бы переждать, но не сидится ему!

Прицеп с пушкой лежал на боку, но орудие выглядело совсем неплохо. Вражеский снаряд разбил в щепу заднюю часть платформы вместе с поворотным механизмом. Башню теперь придется крутить вручную, но сначала надо перевернуть прицеп! В кабине «Урала» кто-то громко стонал. Артур поднял голову, и кровь застыла у него в жилах. Казалось, уже ничему он сегодня не мог испугаться, но вид крылатого змея, выгрызающего человека сквозь пулеметную амбразуру, заставил бы любого неделю не спать.

Гад висел, опираясь широким крокодильим хвостом о капот, а единственной целой лапой вцепившись в зеркальце заднего вида. Голову и чешуйчатую шею он просунул в кабину.

— Я прикончу эту суку! — Чарли щелкнул револьвером.

— Нет! — прошептал Артур.— Не трать патроны, он и так подохнет. У него перебиты крылья и хлещет кровь. Скорее, нам надо расчехлить зенитку!

Тем не менее остаток пути под открытым небом до бампера он проделал на боку, с замирающим сердцем ожидая струи

огня. Но ящер так и не прервал трапезы. Чарли прикрывал Артура, пока тот взбирался на высокий борт, затем и сам, оглядевшись, направился следом. Но опасаться им было некого. Внутри под тлеющим шерстяным пологом, утыканным стрелами, словно шкура дикобраза, остывали четыре мертвых дикаря.

Впервые Артур рассмотрел их вблизи. Несмотря на пугающую боевую раскраску, последователи Чингисхана являли довольно жалкое зрелище. Как и расстрелянные на дороге сородичи, эти четверо также не отличались молодостью и богатырским сложением. Ничего удивительного, что они выкупают своих пленных, подумал Артур, пробираясь по трупам к зенитке, ведь у них почти нет молодежи. Нелепый способ поддержания рода — выкрасть четверых девчонок ценой сотни убитых! Нет, здесь что-то неправильно...

Боевой расчет орудия защищался до последнего. Врагов, напавших на машину, было намного больше, но остальные ушли, не найдя для себя в кузове ничего интересного. Из кабины стонов уже не доносилось, но дракон все еще был там, хрустел челюстями.

— Помоги мне их оттащить! — попросил Коваль, разрезая ножом полог на борту.

Он посмотрел на свои руки и удивился, что они практически не дрожат. А еще он сорвал ноготь, порезался, вся левая кисть была в крови и ожогах, но боли не ощущалось. Вдвоем с Чарли они вытащили зенитчиков из кресел.

— Ты умеешь из этого стрелять? — благоговейным шепотом произнес толстяк.

— Придется научиться! — Коваль снял подаренный Людовиком свитер и подстелил его на металлическое сиденье. Не хотелось усаживаться в кровавую лужу. Теперь он остался в своем привычном, но давно не белоснежном комбинезоне.

— Арина! — сказал Рокотов.

— Что «Арина»?

Коваль покрутил ручки; зенитка была древняя, как баллисты Архимеда, но механизм находился в рабочем состоянии. Интересно, сколько у него в лентах патронов?

— Пулемет молчит... — Здоровяк всхлипнул.

Тут только Артур заметил, насколько стало тихо. Оба пулемета с броневика Арины молчали.

— Откинь тряпку и ложись! — Коваль и сам не заметил, как начал отдавать приказания.

Чарли сдернул полог, откатился в сторону. В глаза ударил солнечный свет. Словно по закону подлости, грозовые тучи раздвинулись, подставляя место баталии для обзора равнодушной синеве. Коваль опустил щиток целеуказателя, нащупал педаль, левая ладонь легла на рычаг горизонтального разворота. Четыре ствола послушно сместились вправо. Максимальный угол возвышения не превышал шестидесяти градусов, дальше в механике что-то заклинило. Коваль смутно догадывался, что без компьютера верную точку упреждения ему не поймать, оставалось бить прямой наводкой.

Над караваном кружили драконы; за несколько последних минут их стало еще больше. Музейщиков сковал страх, фургоны выглядели брошенными, ни одна живая душа не высовывалась наружу. Драконы разгуливали по крышам, пробуя на зуб башенки стрелков. Почти из всех амбразур валил жирный дым. Чадили колеса, трупы животных, и вонючее облако гари плотным одеялом расстилалось над болотом.

— Отец-Спаситель! — пробормотал Чарли, мелко крестясь.— Это все колдуны! Проклятые колдуны! Мы погибли...

— Вы не встречались с крылатыми раньше?

Рокотов повернул белое, как промокашка, лицо. Из прокушенной губы капала кровь.

— Никогда! Мы слышали о змеях, что плюются огнем, но не верили... Эту высотную пушку мы таскаем с собой против летунов, но им хватало легкой взбучки!

— Я бы тоже не поверил. Тут что-то не так... — Артур освоился с вертикалью, бросил взгляд на болото.— Чарли, у меня к тебе две большие просьбы. Ты слушаешь меня? Во-первых, подбери автомат и прикрывай мою задницу!

—Уже! — Торговец быстро приходил в себя; привычный румянец возвращался к нему на щеки. В обеих руках он держал по АКМ, снятых с убитых зенитчиков.

— И второе! — добавил Коваль, устраивая пальцы на гашетке.— Обещай мне, если останешься жив, разобраться с нефтяниками!

Секунду спустя он сильно пожалел, что не снял с головы убитого стрелка пробковый шлем с наушниками. Грузовик задергался, как погибающий в агонии мамонт, трупы дикарей

подпрыгивали на платформе, словно марионетки. Чарли что-то орал, раздувая щеки, еле успевая уворачиваться от летящих под ноги болванок. Коваль пытался удержать в центре визора хотя бы одну крылатую цель, но установка скакала в руках, подбрасывая его на сиденье; четыре ствола с сумасшедшей скоростью поочередно откатывались назад, выплевывая гильзы и требуя новый патрон.

Он разжал онемевшую ладонь и услышал наконец, о чем тщетно кричал Рокотов.

— Они уходят! Смотри! Эти суки испугались!

Штук пять Коваль превратил в решето; остальные змеи, не делая попытки напасть, разом взмыли вверх и, точно повинуясь неслышной команде, замахали крыльями в сторону леса.

— Ими кто-то управляет, ты понял?! — Артур все не мог прийти в себя от возбуждения.— Они расчищали дорогу пехоте! Чингисы вернутся!

Далеко на болоте «засадный полк» из ковбоев и бойцов мамы Кэт под ударами вражеской конницы нестройно откатывался к лесу. К счастью, пехота имела в болоте преимущество, лошади застревали в чавкающей грязи, но у охраны каравана, отрезанной от арсенала, кончились патроны. Коваль оказался прав. Едва крылатые выстроились в косяк, дикари пришли в движение и снова бросились к фургонам. Мало того, впереди, там, где мох кончался и зеленел лужок, показалось еще десятка четыре всадников. Артур проверил боезапас.

— Чарли, я удержу их! Беги к Арине, к своим людям, собирай всех. Мы должны немедленно перейти в атаку, сблизиться с ними! Иначе они снова загонят нас в повозке и натравят змеев!

Рокотов прислонил к борту один из автоматов, секунду помялся, затем махнул рукой и спрыгнул вниз. Коваль проводил взглядом его неловкую тучную фигуру и вернулся к обязанностям стрелка. В перекрестье прицела Артур не видел ничего смешного, но на губах его играла улыбка.

Невидимый факир, управлявший змеями, не рассчитывал, что у противника имеются средства ПВО. Коваль уже немного освоился с системой наведения и бил короткими очередями. Зенитка выплевывала в секунду не меньше полусотни снарядов. Две цепочки трассирующих огней догнали плотно летящую крылатую стаю и в одно мгновение превратили ее в фарш.

Артур прошелся слева направо, затем сверху вниз. Возможно, кто-то выжил, но старшего научного сотрудника это мало интересовало. Бегущие по полю дикари тоже заметили бесславный конец своей авиации и, дико улюлюкая, сменили направление.

Господи, хоть кто-нибудь их может отвлечь? Неужели все бойцы Эрмитажа погибли? Максимум три минуты, обреченно прикинул Артур, и уроды будут здесь. Вот и напросился в Москву, сам виноват...

Он до максимума опустил стволы и с радостью убедился, что свеженький конный отряд на поляне накрыть успевает. Пехоту уже поздно, а вот конников — легко. Кстати, там были не только конные, Артуру на мгновение показалось, что вдали, за линией всадников, стоял открытый экипаж, и в нем сидел кто-то в белом... Наверное, показалось, да и какая разница, если через десять секунд от кавалерии чингисов остался мелко нарезанный гуляш.

Осинки, березы, липы переламывались пополам, как спички. На том месте, где гарцевали всадники, теперь горела земля. Вот и все, зенитка замолчала. Очень возможно, что где-нибудь лежали запасные ленты, но на перезарядку у Артура не было времени. Он спустился в кузов, подобрал автомат, посмотрел на него, как на детскую игрушку. После корабельной артиллерии старый добрый «калашников» выглядел несерьезно. Сколько же лет старичку?

Возможно, секунд сорок у него еще оставалось. Коваль осторожно высунулся и не поверил своим глазам. Чингисы исчезли, все до единого. Среди подгнивших пеньков, с трудом доставая увязающие копыта, бродили покинутые лошади. Скрипнула дверца трактора, оттуда осторожно выглянул солдат. Увидел мертвого ящера на капоте «Урала» и вжал голову в плечи.

Дверца штабного вагона распахнулась, на обочину, озираясь, спустились три внушительные фигуры. Коваль узнал Комара и Лося. Караван медленно возвращался к жизни, хлопали крышки люков, послышался первый смех и плач, удары топоров. По мокрым кочкам, еще не веря своему счастью, обалдело озираясь, возвращались из леса остатки бойцов мамы Кэт.

— Наше дело правое! — Артур выпустил из рук автомат и без сил привалился к кабине.— Мы победили! Я вам покажу «дипломатию»!

Глава тринадцатая

Дорожная демократия

— Эй, ты что, оглох?

— А?..— Визгливый голос доносился до Коваля, словно через толстый слой ваты.

— Тебя зовет госпожа Рубенс. Пошевеливайся, приятель. Если ты не можешь идти, я тебя отнесу.— Солдат заметно смягчился, углядев, в каком состоянии находится человек, за которым его посылали.

Коваль на самом деле чувствовал себя не лучшим образом, его буквально качало от усталости. Если бы сейчас снова пришлось стрелять, он не сумел бы поднять пистолет. Ковыляя за своим провожатым в командирскую повозку, он трижды упал. Вокруг «поезда» шла вялая восстановительная работа, но люди двигались заторможенно. Солдаты не решались удаляться от обочины, при каждом громком звуке многие боязливо приседали. В стороне, среди трупов дикарей, Артур заметил раненого дракона. Упавшей лошадью придавило крыло, тварь могла только громко шипеть и бить по воздуху хвостом. Солдаты, увидев змея, попрятались за повозкой; не нашлось смельчака, который бы вышел и пристрелил его.

Плохо дело, вяло подумал Коваль, они совершенно деморализованы. Это я должен забиться в щель, а не они, профессионалы, черт возьми!

Беглого взгляда хватило, чтобы понять — Арина Рубенс тяжело ранена. Лицо девушки покрывала смертельная бледность, поперек щеки тянулся стянутый суровой ниткой шрам. Ковалю бросился в глаза ворох пропитанных кровью тряпок в изножье койки. Рослый мужчина в кольчуге навалился на девушку, удерживая ее, пока лекарь извлекал стрелы. Коваль видел только смуглую тонкую кисть с обкусанными ногтями, вцепившуюся в предплечье «санитара». В качестве антисептика лекарь использовал спирт. А еще раненой вкололи какой-то наркотик, потому что, когда наконец Арина заговорила, зрачки ее плавали и туманились, а все движения потеряли резкость.

— Мне доложили... что ты спас молодых мамаш и караван...

— Это неправда,— попробовал отбиться Коваль.— Я всего лишь на время заменил убитого стрелка.

— Не лги мне, приятель! — Арина сглотнула, в уголке ее рта проступила капля крови.

Двое бойцов из ее личной охраны придерживали начальницу в сидячем положении. Артур уже знал, что случилось. В последнем усилии, убедившись, что подчиненные окостенели в страхе, а пулемет выведен из строя, Арина перехватила поводья у кучера своего броневика и, свернув с дороги, протаранила вражескую пушку.

Расчет орудия бежал, двоих дикарей Арина пристрелила из револьвера, но дилижанс застрял в грязи. Его мог бы вытащить трактор, но трактор тоже был подбит. В дилижансе на тот момент кроме девушки находились шестеро бойцов, все отчаянные рубаки, и мальчишка, будущий колдун Эрмитажа. Никто из них, несмотря на страх перед ящерами, не прекратил стрельбу, но, когда они вылезли, чтобы извлечь броневик из грязи, затаившиеся дикари напали. Завязалось самое настоящее побоище, Арину ранили четырежды. Одного ящера старшина телохранителей Серго зарубил рыцарским мечом. Несомненно, погибли бы все, но как раз в этот момент Коваль дал первый зенитный залп, и враги разбежались.

— Серго, звони общий сбор... — Каждое слово Арине давалось с трудом, но щуплая начальница продолжала удерживать власть.

Врач непрерывно промокал ей лоб и подносил к ноздрям коробочку с белым порошком. В дверях броневика один за другим появлялись младшие командиры. Тот, кого звали Серго, горбатый крепыш с рукой на перевязи и забинтованным ухом, бросился отбивать склянки. Явился Чарли в сопровождении Комара.

— Госпожа, мы потеряли двадцать семь человек и половину лошадей. Целиком выгорело четыре повозки. Кормушка для скота, вахтовый запас спирта и кухня. Также не удалось спасти сушеную ягоду, птицу, часть кожи. Опрокинулся фургон со стеклом, развалился пополам. Автомобиль с пушкой также испорчен, не сможет ехать своим ходом. Один трактор разбит. Запас топлива не пострадал, казна в сохранности. Погибли четверо пассажиров, госпожа. Один парвский, один соборник,

двое наших. Ковбои молчат, но солдаты мамы Кэт хотят повернуть назад. Их сержант говорит, госпожа, что они возвратят двойную плату, но не пойдут дальше. Они говорят: даже если впрячь всех коней чингисов, нам не сдвинуть караван...

— Мамы? — перебила девушка.

— Все целы, госпожа, но одной очень плохо. Мы потушили пожар и вернули их в купе. Та светленькая, Надя, дочь Авроры Ван Гог, она надышалась дыма и не приходит в себя...

Вернулся Серго, выполнявший, видимо, и обязанности начальника штаба:

— Люди боятся строиться на открытом месте, госпожа!

— Скажи им... — Арина закашлялась, выгнулась на койке. Врач и телохранители бросились поднимать свалившееся одеяло. На секунду перед Артуром мелькнули бурые от крови бинты. Всю верхнюю половину тела девушки, живот и грудь закрывала сплошная повязка. Он невольно вздрогнул, представив себе, какую боль дочке Рубенса приходилось испытывать.— Скажи им, я слышу... Чингисы ушли. Впереди чисто. На два дня пути чисто. Крылатых тоже нет, кроме двух... Двух раненых. Добейте их...

— Нет! — вклинился Артур.— Пожалуйста, госпожа! Оставь этих змеев в живых...

Сержанты переглянулись. Кроме Даляра, остальных четверых Артур не знал. Чарли пытался подавать Ковалю знаки. Арина с трудом сфокусировала на нем огромные зрачки:

— Зачем тебе жизнь демонов, приятель? Хочешь продать их в Москве?

— Госпожа, дай мне четверых солдат,— заторопился Коваль. Он ощущал ускользающее внимание девушки.— Я хочу показать всем людям, что им нечего бояться. Тогда тебе легче будет восстановить порядок. Я привяжу змеев, чтобы они бежали за повозкой, и, когда мы войдем в Москву, мальчишки будут смеяться и кидать в них камни...

— Он ненормальный, госпожа! — обратился к Арине один из командиров, рослый бугай, похожий на прибалта.— Никто не посмеет коснуться демона, плюющего огнем! Это посланцы ада, вызванные колдунами! Все знают, но никто не смеет говорить об этом громко: есть плохие места, и их все больше. Там быстрее растет трава, и родятся птенцы о двух

головах. Там светится вода в ручьях, и рыбы умеют выползать на берег. В такие места уходят колдуны, чтобы пролить на плохую землю свое семя. И от семени их плохая земля рождает демонов — крылатых змеев и других чудовищ. Не слушай чужого, госпожа. Мы должны облить нечисть мазутом!..

Аудитория зашумела.

— Госпожа, надо вернуться к нефтяникам, купить хлеба!..

— Пусть ковбои приведут свежих лошадей!

— Собрать новый караван, вместе с губернатором!

— Вернуть угоревшую девчонку маме Роне!..

Арина, словно не замечая общей паники, задумчиво смотрела на Коваля. Он оглянулся, ища поддержки, и внезапно обрел ее в лице вихрастого подростка с котенком на руках. Парень встретил растерянный взгляд Артура и неожиданно открыто улыбнулся. Арина с усилием подняла руку, мужчины разом примолкли.

— Тебе надо взять второе имя, приятель...

— У меня есть фамилия, госпожа. Коваль.

— Это непонятно... Что такое «коваль»?

— На украинском языке это «кузнец».

— Хорошо... — Она сделала попытку улыбнуться.— Ты работал, как настоящий кузнец... Дайте ему сказать. Этот человек проявил храбрость и достоин, чтобы его выслушали. Демоны плюются огнем. Как ты сделаешь, чтобы люди их не боялись?

Арина быстро переглянулась с Чарли и Серго. Артуру показалось, что относительно его персоны уже принято какое-то решение.

— Госпожа... — Коваль сосредоточился.— До того как уснуть долгим сном, я изучал строение животных и человека. На земле не рождается существ, способных создавать в организме горючую смесь. Не потому, что это невозможно теоретически, но любой внутренний орган отвечает тем или иным функциям питания, сохранения рода и так далее. Выработка жидкости или газа, которые способны вступить в скоростную реакцию с кислородом, не дает ничего, кроме... — Коваль почувствовал, что его не понимают. Он выражал мысли слишком заумно...

— Страх! — вдруг добавил из своего угла подросток. Мужчины уставились на мальчика с нескрываемой робостью, но

тот лишь снова улыбнулся, уже привычный к своему привилегированному положению.— Ты смеялся, но плакал. Потому что умный и глупый. Огонь живой и мертвый. Он для страха и смеха, верно?

Арина улыбалась, смежив веки. Шрам на ее щеке с каждой минутой все сильнее набухал.

— Ты прав... сын Красной луны! — поклонился Артур. К нему вдруг вернулось самообладание, словно мальчишка посылал по воздуху невидимые флюиды.— Пока все прятались, я разрезал ножом одного из мертвых демонов! — Он подождал, пока уляжется эффект от сказанных слов, и обратился опять исключительно к начальнице стражи: — Так вот, госпожа. Это никакой не демон, а всего лишь ящерица с измененным ДНК... Э-э-э, как же вам объяснить? Ее вывели искусственно. Я постарался изучить орган, вырабатывающий пламя. Такого органа нет.

— Как нет? — подскочил Рокотов, другие тоже заворчали.— Караван до сих пор горит!

— Такого органа нет! — повышая голос, повторил Артур.— Есть лишь устройство для хранения под давлением какого-то количества газа, воспламеняющегося при контакте с воздухом. Когда газ внутри кончается, змей превращается в большую кусачую ящерицу. Достаточно опасную, если сунуть ей руку в пасть, но неповоротливую на земле и неуклюжую при боковом ветре в воздухе. Я наблюдал, как они летели. Крылья тоже до конца не продуманы...

— Ты хочешь сказать?..— Арина жестом подозвала лекаря, тот промокнул ей лоб и пересохшие губы тряпкой.

— Я хочу сказать, госпожа, что змеев сделали люди — инженеры-генетики. Но при этом у них отсутствовало воображение. Они сделали змеев именно такими, какими сами представляли демонов по древним книгам, накачали их горючей смесью, чтобы напугать нас. Когда горючий газ кончился, их позвали назад, чтобы «зарядить» снова. Но змеев даже не смогли научить отличать своих от чужих, они бросаются на все живое. Я сразу не обратил внимания, но теперь вспомнил, где я их видел. Жил такой художник — Иероним Босх, он рисовал...

Рев протестующих голосов заглушил его речь. Больше всех распалялись двое — татуированный дядька, с бородой, запле-

тенной в косички, весь в грубой свиной коже, и длинный, в матросском бушлате, с набором метательных клинков за спиной. Перекрикивая друг друга, они наперебой требовали от Арины вернуться в стан нефтяников за подмогой, а лучше — вообще отступить до Питера. На рукавах у обоих были вышиты две золотые полоски — знаки сержантской власти.

— Если мы повернем назад,— медленно выговаривая слова, Рубенс подозвала к себе мальчика с котенком,— то после нас не решится пройти ни один караван.

— Но такого никогда не было, госпожа!

— Чтобы у дикарей появились пушки и змеи!

— Они продались колдунам! Они заколдованы...

— Серго, скольких мы убили? — перебила паникеров Арина.

— Семьдесят четыре трупа, госпожа! — отрапортовал «начальник штаба».— Не считая тех, кого догнали в лесу. Не считая тех, кого убил Артур Кузнец. Слишком мелкие куски.

— Ты называешь их «заколдованными», Василий? — спросила начальница, обращаясь к татуированному громиле.— Серго, скажи им.

— Мы нашли раненого Качальщика.

Горбун извлек из-под лавки инкрустированную кавалерийскую саблю, потрогал ногтем острие и, как бы невзначай, оставил оружие на коленях.

— Что?!

Фраза Серго произвела оглушительный эффект. Даже угрюмый Даляр подпрыгнул на месте.

— Артур Кузнец стрелял по нему из зенитки. Мои люди собирали оружие и нашли двух целых коней и коляску. В коляске был Качальщик. Мы насчитали шестерых Желтых из его охраны. Все мертвые. Качальщик ранен.

— Ты уверен, что это Качальщик? — нервно спросил Рокотов.

— В коляске был тигр. И еще... кто-то. Там ничего не разобрать. Качальщик успел выстроить круг. Он защитил себя, но вокруг него сплошная каша. Кабан нашел его, кинул нож и промахнулся с пяти шагов. Ты можешь представить, Даляр, чтобы Кабан промахнулся? Это Качальщик, больше некому. Он ранен осколками, но не подпускает...

Сержанты ахнули. Живого Качальщика никто из них не встречал. У Коваля голова шла кругом.

— Но мы никогда не теряли столько своих людей! — на грани истерики продолжал Василий.— Ты же знаешь, госпожа, я ходил с тобой восемь раз. Я дрался с шептунами у Быстрой реки, с Желтыми дикарями из Клина, с их болотными котами. Я не испугался колдунов из Ярославля, хотя они напустили на наших людей язву...

— Но сегодня ты испугался, Василий!

Мгновенно возникла тишина. Слова Арины прозвучали не как намеренное оскорбление, скорее как... приговор.

— Сегодня ты испугался! — с усилием повторила она, сплетаясь пальцами с мальчишкой-колдуном. Тот прикрыл глаза, опускаясь на колени у деревянного ложа. Между детьми луны настраивалась невидимая, неощутимая связь. Котенок зашипел и метнулся под лавку.— Ты укрылся за броней, как трусливая старуха, вместо того чтобы поднять свой взвод в бой! А ты, Матрос, где был ты, когда Артур Кузнец, человек, не принявший присяги, один воевал с демонами? Где были твои смельчаки, кто обязан был сменить убитых возле высотной пушки? Ты лежал задом кверху под кроватью и молился?

Лицо Матроса приобрело багровый оттенок. Снаружи доносился визг пил, частые удары топоров: рабочие восстанавливали обгоревшие колеса, скрепляли оборванные телефонные провода. Внутри броневика раздавалось лишь сиплое дыхание раненой, и прыгала в клетке под потолком однокрылая синичка.

Коваль не успел заметить, настолько быстро все произошло. Серго, не вставая с железной лавки, выбросил вперед саблю. Клинок воткнулся Василию в грудь, пришпилив его к стене, как огромную бабочку. Один их охранников Арины перехватил руку Матроса с ножом, другой неуловимым движением перерезал сержанту горло. Артур оцепенел. Чарли, Серго, Даляр и оба оставшихся в живых командира выглядели спокойными, будто ничего и не случилось. Все были ранены по несколько раз, но правдоподобно изображали равнодушие к собственным порезам. Лекарь, худенький мужичок в резиновом фартуке, снял щипцами со спиртовки железную миску со шприцами.

— Христофор назвал мне еще шесть имен... — У Арины изо рта снова пошла кровь, но она не выпускала из потной руки исцарапанную грязную ладошку мальчика.— Серго, ты каз-

нишь их перед строем. Дашь Кузнецу людей, пусть он сделает с крылатыми все, что хочет. Он прав. И если не найдется мужчины, кто посмеет убить Качальщика, это сделает Кузнец. Он пройдет в круг...

— Будет сделано, госпожа!

— Теперь ты! — Раненая повернула мутные запавшие глаза к Артуру.— Я скоро умру... Я верю Христофору... Он умеет слышать людей лучше, чем я... Что бы ты сделал на моем месте? Говори!

У Артура вторично возникло чувство, будто за него заранее все решили. Как бы выступить, чтобы самому не оказаться с дыркой в животе?..

— Ты поступила верно, госпожа. Эти люди своей трусостью подвергли опасности всех. Я считаю... — Он оглянулся на Чарли, но торговец был невероятно серьезен.— Я считаю, что караван должен идти дальше. Но не только днем. Дикари знают, где караваны останавливаются на ночевки. Мне кажется, имеет смысл сбить их планы и идти ночью. Идти безостановочно. Троих надежных людей послать назад, пусть купят у нефтяников лошадей. За двойную или тройную цену. Потом они нас догонят. Трактор поставить сзади, пусть тянет сразу три фургона, самые легкие. Зенитку поставить вперед. Впереди колонны, в двух километрах, я бы послал легкую повозку с бочкой горючего и несколько конных. Чтобы шли по сторонам дороги, максимально широко, и поджигали лес. Мы создадим, таким образом, сплошную полосу огня. Получится просека, нам легче будет возвращаться... — Артур перевел дух.— Я разберусь со змеями, но позволь сохранить жизнь Тому, кто раскачивает землю...

— Ты не понимаешь! — встрял Серго.— Если мы не сожжем его, он убьет всех нас. Он снова напустит на нас крылатых. Качальщика нельзя зарубить или убить пулей, его оживит земля. Только огонь...

— Это правда? — обратился Артур к Христофору. Ему показалось, что парнишка едва заметно улыбается.— Никто не видел Качальщика, но хорошо известно, как с ним поступить.

— И правда, и неправда! — отозвался малыш, баюкая безвольную ладонь Арины.— Он виноват, но прав. Он злой, но добрый. Он мертв, но жив.

Да, к стилю этого парня еще нужно привыкнуть, подумал Артур, а вслух продолжал:

— Если он тот, кого все так боятся, то нам вдвойне важно захватить такого пленного. Девушка действительно может умереть от отравления. Если то, что я слышал о Качальщиках от Левы, правда, то мы заставим его вылечить мамочку! Что касается остальных дикарей... Я не знаю, что вы обычно делаете с трупами?

— Бросаем волкам! — отозвался Даляр.

— Если госпожа позволит, я бы поступил иначе, как парни из «Восьмой дивизии». Не лучше ли потратить лишний час и прибить их к деревьям, вдоль дороги? Пусть те, кто придет сюда ночью, а они придут, устрашатся твоего гнева...

— Нефтяники не продадут нам коней,— тихо возразил Чарли,— а пошлют к ковбоям. Мы потеряем сутки.

— Продадут, если мы сделаем так, как я предлагаю. Когда они наведут переправу, я сам перееду на ту сторону реки с пушкой и поставлю их перед выбором. Или лошади, или я подожгу нефть. Они предатели.

— Ты с ума сошел, приятель! — разинул рот незнакомый сержант.

— Помолчи, Кастет! — приказала Арина.— Ты слышал, Кузнец, что люди боятся идти. Их не собрать даже в строй походного Совета. Такое случается, не удивляйся. Нечасто двадцать человек сгорают заживо.

Очередной ребус, в отчаянии подумал Коваль. Они из меня оракула собрались сделать, что ли? Какого черта я при всех резал эту змею? Вспомнил, как лягух в институте препарировал, и не удержался от соблазна. Он бы не удивился, обнаружив в теле дракона детали искусственного механизма. Действительно, и дилетанту в физике стало бы очевидно, что при массе в двести кило подъемной силы крыльев явно недоставало для длительного полета. Драконов словно собрали из кусков, на живую нитку...

— Я не считал себя жестоким человеком, госпожа. Напротив, из меня неважный боец, но если ты спрашиваешь... — Артур вздохнул.— Сотню лет назад так никто не поступал, но сейчас я бы не стал собирать всех бойцов вместе, а попытался бы поднять дисциплину повзводно. Чарли мог бы сообщить,

что выдает жалованье, чтобы взводы заходили в штабной вагон по очереди. А там мы бы спросили каждого, хочет он бежать, как крыса, или остается верен присяге. Полагаю, достаточно повесить троих-четверых, и дисциплина восстановится. Но когда соберется... Как вы это назвали? Строй походного Совета, имеет смысл расстрелять перед строем или зарезать,— он глянул на лежащего в луже крови Матроса,— тех, кто раньше пытался перечить командирам...

— Да, я снова ошиблась в тебе, Артур Кузнец! — Арина подставила лекарю вену.

Коваль внутренне сжался, ожидая нападения, но никто не шевельнулся. Христофор что-то говорил, склонясь к самому уху девушки. Даляр задумчиво покусывал ус, Чарли менял окровавленную тряпку на плече. Серго ножиком счищал грязь с сапога, его сабля так и торчала из груди убитого сержанта. Вытащить ее никто и не подумал.

— Мое решение! — Новая порция наркотика придала светловолосой атаманше сил.— Мы идем в Москву. Пока я жива, но не могу ходить, я назначаю нового начальника охраны вместо себя. Если я умру, Серго соберет Совет. Тогда вы кинете жребий. Маршал, я верно излагаю закон?

Лекарь почтительно поклонился:

— Твоя власть, госпожа.

— Чарли Рокотов, ты представляешь в караване правую руку папы Рубенса. Спроси у этого человека, Артура Кузнеца, хочет ли он принять присягу.

Особого выбора Ковалю не предоставили. Он понял, что отказаться означало нажить себе множество врагов, невзирая на боевые заслуги. И кто его за язык тянул? Ехал бы себе спокойненько дальше эконом-классом, под боком у главного торговца, кушал бы рыбку, глядишь, и до столицы бы добрался. А теперь сунут в руки меч пуда на полтора, или арбалет, и пойдет он маршировать под командованием Даляра. Маршировать — это ерунда, на военной кафедре учили, а вот как правильно махать этим самым мечом? Вот ведь вляпался!

Его поставили на колени перед построившимся каре и надрезали левую руку. Три старых члена коммуны трижды повторили вопрос, и Артур трижды ответил положительно о своем желании по гроб жизни служить папе и музею. Коваль

повторял слова, словно украденные из клятвы юных пионеров, и смешивал свою кровь с кровью Чарли, Даляра и Людовика. Людовика принесли на носилках, он поминутно впадал в беспамятство от новых ран, но сам вызвался быть поручителем.

Весьма неприятной частью церемонии стал болезненный татуаж левого уха. По завершении процедуры произошло то, чего старший научный сотрудник и обладатель белого военного билета никак не мог ожидать. Он легко бы вступил в коммуну и без поручителей. Но только благодаря доверию троих чужак мог надеяться на ответственный пост. Принесли Арину, закутанную в одеяло, с лицом, будто присыпанным мелом. Христофор остался в броневике. Позже Артура посвятили в страшную подробность: в случае возможного пленения охранники были обязаны убивать детей Красной луны, но не оставлять их врагам.

— Этот человек пришел к нам недавно, но трижды показал свою преданность Эрмитажу и храбрость в бою. Он спас двоих наших солдат от своры булей, он спас от гибели наших мамаш, он не испугался крылатых змеев. Я не могу вести караван. Мое решение: старшина Абашидзе займет место начальника стражи до моей смерти. Артур Кузнец вместо Серго становится старшиной моей личной охраны. Слово Совета?

Вперед выступил Серго:

— Музейщики! Есть тут человек, кто скажет слово против Артура Кузнеца?!

Солдаты и торговцы молчали. Коваль был уверен, что кто-нибудь да возмутится, но по важным физиономиям Серго и Рокотова понял — все давно решено.

— Слушайте все! — из последних сил напрягая связки, вещала девушка.— Там, за болотом, на холме лежит раненый Качальщик! — По нестройной линии солдат прошел боязливый шорох. Пассажиры, стоящие отдельной группой, загомонили, женщины заплакали. Арина выждала, пока установится тишина.— Точнее, мы думаем, что он из этой породы. Я слышу его иначе, и Христофор слышит в нем кровь нелюдя. Вокруг него четверо наших с ружьями, но пули не берут демона... Артур Кузнец сказал, что сам пройдет в колдовской круг и возьмет Качальщика в плен. Мы везем четверых ма-

маш, и одна из них умирает. Артур Кузнец сказал, что уговорит Качальщика очистить девочке кровь. После этого он вернется и займет место старшины охраны.

Строй замер, полторы сотни пар глаз нацелились на человека, стоящего на коленях в центре. Даже женщины перестали голосить. Насколько Артуру помнилось, он обещал несколько другое. Коваль поднялся, отряхнул с колен налипшую траву. Отступать было поздно. Арина и ее юный помощник рассудили хитро; близкий контакт с «демоном» должен был немедленно поднять авторитет новоиспеченного начальника.

Артур вздохнул и хотел уже направиться к полянке, где истекал кровью таинственный колдун, но Серго схватил его за рукав:

— Ты не можешь просто уйти, старшина. Тебе подчиняются десять человек, это лучшие бойцы папы. Дай команду, что им делать. Назначь мне двоих новых сержантов. Четверо из тех, на кого показал Христофор, бежали в лес, но двое трусов тут. Прикажи своей охране их казнить. Можешь оставить при себе людей Арины или набери других. Строй не разойдется, пока ты не позволишь...

Да, подумал Коваль, вот оно, бремя власти. В прежней жизни старший научный сотрудник и кандидат наук командовал четверкой очкариков и отчасти уборщицей. Теперь неизвестно за какие заслуги ему достался десяток головорезов и четыре девицы на выданье. Совершенно некстати Артура посетило недавнее виденье. Пухлые кривящиеся губы, огромные серые глаза, слезы на полудетских щеках. И запах. От девчонки пахло сладковатым теплом, как от ребенка...

— Слушай мою команду! — Будущий старшина прочистил горло. Его маленькое войско построилось отдельно, рядом с носилками Арины.— Вы двое — остаетесь наводить порядок в броневике и ухаживать за госпожой. Смазать оружие, проверить ходовую часть. Затем вы двое — поймайте двух свежих лошадей, впрягите вместо убитых. Найдите чем покормить. Остальные до моего возвращения поступают в распоряжение старшины Абашидзе. Серго, я доверяю вам назначить новых командиров взводов... — Начальник стражи одобрительно кивнул. Коваль набрал воздуха в легкие: — Разойдись!

Из люка броневика Артуру улыбался Христофор.

Глава четырнадцатая

Тот, кто раскачивает землю

Последние метры до обломков кареты Артур преодолел на подгибающихся ногах. То, что он увидел, никаким объяснениям не поддавалось. Он переступил через оторванную ногу лошади, через останки белого тигра. Артур старался не глядеть, куда ставит ногу; выделенные Рокотовым ботинки хлюпали при каждом шаге. Поляна, где поджидал исхода битвы кортеж Качальщика, превратилась в форшмак из конского и человеческого мяса. Но посреди этого кошмара в окружении четверых испуганных солдат возвышалось почти целое кожаное сиденье и кусок задней рессоры. Остальные части кареты выглядели так, будто ее перемололи в мясорубке. Среди щепок и тлеющей горы гусиного пуха, выставив кадык, лежал труп Желтого дикаря. Точнее, верхняя половина трупа. Под потеками охряной краски на щеке убитого проступала самая обычная кожа. Это иллюзии, прикрыв глаза, повторял себе Коваль. Сплошные иллюзии, атрибуты воинской чести, никакого волшебства нет!

— Ты пришел, Проснувшийся демон...

Человек в карете улыбнулся Артуру одними губами. Он должен был очень страдать. Ниже левого колена, прорвав кожу, выступал обломок кости, белая свободная хламида превратилась в грязную бахрому. Один острый осколок торчал у человека из плеча, другой распорол лоб.

Но Качальщик улыбался. Его длинные седые волосы были заплетены в безукоризненные тонкие косички. Возраст колдуна Артур бы затруднился определить, он вообще не мог сконцентрироваться на его внешности. Черты лица человека в белом будто ускользали, расплывались, стоило на секунду задержать взгляд. Четверо бугаев с ружьями нестройно читали молитвы, не решались подбираться ближе пяти метров; один держал перед собой в вытянутой руке распятие.

— Я не демон,— сказал Коваль.

Внезапно он увидел круг радиусом метра полтора, о котором говорил Серго. Внутри круга не упал ни один снаряд; даже несмотря на ранения, человек на сиденье кареты выглядел, словно спустился в ад с небес.

— Но ты проснулся.— Голос Качальщика звучал, как шепот осенних листьев.— И не боишься магии земли. Помоги мне. Ведь ты пришел, чтобы мне помочь?

— Не подходи к нему, дружище! — истерически выкрикнул за спиной боец с распятием.— Он выпьет твою память, он нашлет на тебя язву!

Остальные держали побелевшие пальцы на спусковых крючках. Стук топоров у дороги затих. Коваль обернулся. Десятки застывших лиц, видимых отсюда, с холма, как размытые пятнышки, следили за ним. Где-то там был улыбающийся Христофор.

— Ты прошел в круг, а меня боишься, Проснувшийся демон? — вновь улыбнулся обладатель африканских косичек.— У меня нет оружия, а вас — пятеро. Если ты мне не поможешь, я умру.— Качальщик левой рукой приподнял обрывки одеяния, и Коваль увидел еще одну страшную рану на правом боку, заткнутую пучками травы.— Ты хочешь, чтобы я умер, старшина?

— Я не дам тебе умереть,— решился Артур,— если ты дашь клятву, что поможешь мне!

— Точнее, не тебе, а мамочке, так? — Смех Качальщика прозвучал печально и тихо, но Коваль почувствовал, как колени снова становятся ватными.— Конечно, я спасу ее. Ведь я не меньше твоего желаю ей долгой жизни.

— Мое дело — довезти ее живой до Москвы! — не согласился Артур, потихоньку приближаясь к кругу.— Дальше меня не касается. Теперь я понял! Это ты затеял побоище. Посмотри, мерзавец, сколько людей погибло по твоей прихоти!

— «Прихоти»? — вполне искренне удивился человек в белом.— Этому сброду были нужны ваши никчемные товары, а девок бы они насиловали и держали впроголодь. В лучшем случае, родилось бы двое-трое детей, и те погибли бы от гнуса и лихорадки.

— Это ты наслал драконов?!

— Ну конечно! — нисколько не смутившись, отозвался Качальщик.— Меня интересуют только мамы. Вашему бестолко-

вому Рубенсу не раз и не два предлагали вдвое больше золота, чем вы получите в Москве, и, заметь, без людских потерь. Я охотно поболтаю с тобой попозже, а теперь помоги мне встать. Иначе мне наступит конец и твоя девица умрет!

Коваль шагнул в круг, наклонился и сделал попытку взять Качальщика на руки. Он «нелюдя» пахло на редкость приятно, сухим сеном и цветочным чаем, совсем не так, как от немытых солдат. Сзади щелкнул затвор, охранники испустили одновременный сдавленный стон. Но ничего ужасного не произошло. Качальщик оказался легким и горячим.

— Не надо меня нести,— почти приказал он.— Просто помоги мне достать ногами землю и отгоняй этих насекомых...

Раненый небрежно махнул головой в сторону солдат и с видимым наслаждением погрузил ступни в сырую траву. Артур примостился рядом, придерживая Качальщика за плечи.

— Солдат, позови сюда лекаря и носилки. Скажи Маршалу, что здесь открытый перелом и рваная рана в подвздошной области... Впрочем, ты не запомнишь. Пусть захватит все, что есть.

— Будет сделано! — Бойцу не терпелось смыться с места происшествия.

— Погоди! Передай Рокотову, чтобы маму, ту, что не дышит, тоже срочно сюда! Срочно!

— Ты делаешь успехи, Проснувшийся!

Качальщик разогрелся, как маленькая доменная печка. Несмотря на крохотный рост и потерю крови, он с удивительной силой цеплялся за Артура обеими руками. От каравана уже бежали подручные Чарли с девушкой на носилках. Артур на минутку отвлекся, а когда вновь повернулся к Качальщику, не поверил своим глазам.

Трава вокруг босых ног волшебника скукожилась и осыпалась пеплом. Кривой осколок снаряда, торчавший из плеча, исчез; рваная дыра на лбу также затянулась новой розовой кожей. Качальщик уже не держался за Артура, он скатился с сиденья, упал на бок и прижимал обе ладони к земле. Там, где легли его ладони, влажная почва трескалась, превращаясь в поверхность иссушенной зноем степи. Острые лопатки трепыхались под хламидой, как зачаточные крылья. От всего маленького тела колдуна шел настолько нестерпимый жар, что солдаты с ружьями попятились, отворачивая лица.

— Клянусь святой Ксенией, мир ее праху! — прошептал доктор, выпуская из рук металлический чемодан со своими инструментами.

Коваль кинул взгляд на Надю Ван Гог. Этот идиотизм с новыми фамилиями, позаимствованными с полотен мастеров, начал его доставать. Девушка выглядела хуже некуда. Бледный оттенок ее кожи сменился на синюшность, волосы прилипли к потному лбу. Комар и Лось мягко опустили носилки в десятке шагов, не решаясь подойти ближе. В их глазах плескался первобытный ужас. Если сейчас кто-нибудь из этих идиотов выстрелит, маме наступит капец, подумал Коваль. Выход только один. Он с хозяйским видом достал из кобуры свой пистолет и приставил к затылку распластавшегося на земле Качальщика.

— Вы все! Уберите ружья и отправляйтесь работать. Сержант скажет, что вам делать. Доктор, ближе ко мне! Лось, Комар, нечего пялиться, разойдитесь на двадцать шагов и прикрывайте нас. А ты!

Коваль схватил колдуна за шкирку и чуть не завопил от боли; на ладони моментально вспухли волдыри. Но он превозмог себя и, взяв под мышки, рывком поднял Качальщика на ноги. Тот болтался, как сломанная марионетка, а на том месте, где он только что лежал, почва спеклась коричневой коркой, точно под действием напалма. Одежда на раненом «арестанте» полностью выгорела, но раненым он уже не был, скорее пребывал в подобии шаманского транса. Обнажилась худая мускулистая спина. Чудовищный порез справа, под солнечным сплетением, практически зарубцевался, малая берцовая кость непостижимым образом вернулась на место, раздувшаяся лиловая икра опадала на глазах.

— Если ты немедля не займешься женщиной, я тебя пристрелю! — пообещал Артур.— Я вытащил твою поганую задницу из круга, иначе бы ее давно нашпиговали дробью. Действуй, или я стреляю!

Предоставленный сам себе, Качальщик опять мягко сложился, точно из него вынули все кости. Коваль уже хотел пнуть его в бок или приказать облить водой, как вдруг чародей очнулся:

— Принесите ее мне. Сюда, под руки. И не угрожай мне смертью, демон.

Потом они сидели с лекарем в сторонке и ждали, вдыхая воздух через рот. Вокруг все настолько пропиталось запахом горелой плоти, что Артуру казалось невозможным хоть когда-нибудь отмыться. Он вспомнил бойцов, заживо сгоревших в башне вагона, и новая волна ненависти к голому придурку поднялась в груди. Качальщик, точно услышав чужие мысли, отвернул на секунду лицо от лежащей перед ним мамы и взглянул Артуру в глаза. Впервые он сознательно не прятал свою внешность, а словно вызывал противника на дуэль. Маршал сгорбился, прикрываясь руками, но старшине охраны не пристало бояться лесных знахарей!

Коваль отважно встретил взгляд прозрачных, как слеза, студенистых зрачков и почувствовал, будто его мозг включили в розетку. Пистолет в руке вдруг стал невероятно тяжелым, сердце застучало быстрее, затем замедлилось, вызвав по всему телу волну холодного пота.

— Она будет жить, демон. Еще раз говорю: не пытайся угрожать мне смертью, даже мысленно. Ты не рад, что она будет жить?

— Я рад, что коммуна не потеряет деньги.

— Если тебе нравится врать мне, я не могу это запретить... — Шелестящая музыка неторопливой речи колдуна струилась, как змея между мшистых камней... — Но не ври себе, Проснувшийся. Я слышу, о чем ты думаешь. Ты думаешь о том, что девчонка похожа на твою бывшую женщину, которую ты убил...

— Заткнись, подонок! — прошипел Коваль. Подняться не было сил.

— Ты думаешь, что хитрее всех остальных. Думаешь, что разгадал ее план, этой дочурки Рубенса.—Длинные бледные пальцы Качальщика плавали в сантиметре от тела неподвижно лежащей мамаши, но зрачки его дрожали в унисон со зрачками Коваля.— Ты полагаешь, что достаточно войти в магический круг, и тебе, простофиле, не умеющему держать в руках оружие, доверят охрану? Папа Рубенс большой зазнайка и самодур, но он не идиот. Знаешь, с кем он поговорил первым делом, после того как докторица принесла ему твои анализы? С моим братом. Он послал голубя моему брату. В письме было сказано, что в Эрмитаж пришел чистый, совсем чистый человек из прошлого, о котором предупреждали Те, кто раскачи-

вает. Ты не просто производитель. Есть надежда, что твои дети, поголовно, станут папами и мамами...

— Стало быть, я — живая легенда? — Артур вдруг заметил, что лекарь давно и крепко спит, а охранники отошли слишком далеко и ничего не слышат.

— Не перебивай! — слегка рассердился Качальщик.— Этому индюку Рубенсу мы предложили за тебя столько, что папа любой другой коммуны согласился бы не рассуждая. Но он уперся. Вместо того чтобы отдать человека, который пришел к нему случайно, папаша придумывает сотни способов, как тебя возвысить. Разве я не прав, демон? Наверняка музейщики предлагали тебе самые теплые местечки? И тут некстати подвернулся караван в Москву. Насколько мне известно, тебя готовы были посадить под арест, лишь бы ты не сбежал в другую банду. По мне, так все они одинаковы, вымирающее бездарное племя... Но в последний момент Рубенс испугался на тебя давить. Он испугался, что ты сбежишь или, того хуже, сбежишь в Москве. Он придумал для тебя все мыслимые сладкие должности...

Коваль чувствовал себя абсолютно раздавленным.

— Не переживай так сильно, ты действительно проявил храбрость в бою. В вашем караване есть трое, которые слышат меня, и я слышу их, особенно мальчишку. Это он подсказал дочери Рубенса возвысить тебя до старшины. Это большая честь по их понятиям, можешь гордиться. Девчонка обрадовалась, что таким образом может угодить отцу. Потому что, как они считают, теперь Кузнец никуда не убежит. Не обманывай себя, Проснувшийся. Ты потеряешь власть при первой же ошибке. Чтобы казнить неугодных, надо быть членом их дурацкого Совета...

— А ты-то что хочешь? Зачем ты напустил змеев?

— А мы хотим с тобой одного и того же, демон.

Качальщик показал верхний ряд зубов, общее выражение его лица по-прежнему ускользало от собеседника. Зато Коваль увидел другое.

Уже не маленький пятачок, а здоровенный круг обугленной земли, метров шесть в диаметре, окружал чародея и Надю Ван Гог. Все, что валялось в траве, в пределах круга — мертвые дикари, лошади, сбруя,—словно расплавилось, как сало на сковороде. Книжник Лева рассказывал Ковалю о таких выжженных пятнах, их называли «плевками Сатаны». Артур обернулся к дороге.

Солдаты закончили разборку завала, возницы впрягали лошадей, трактор волок по обочине прицеп с пушкой. Человек тридцать, не отрываясь, следили за манипуляциями Качальщика.

— Мы хотим одного,— повторил волшебник.— Только я не вру себе. А ты врешь. Я хочу получить женщин, и ты хочешь получить женщину, именно эту. Ты просто об этом не задумывался, но я слышу тебя. Она напоминает тебе... Ладно, не буду! — Он мягким движением погладил волосы девушке.— Твоя натура не воспринимает, как это может быть, чтобы женщин продавали на племя. Как это может быть, что женщина не принадлежит тебе безраздельно. А у питерских музейщиков, поверь мне, еще весьма мягкие взгляды в данном вопросе. Женщин не хватает, в большинстве банд их вообще ни о чем не спрашивают. Я слышу тебя, демон. Ты растерян, ты в панике. Ты не можешь поверить, что отношения вернулись к своим естественным началам. Если мы не поможем друг другу, ты обречен. О каких железных дорогах идет речь? Где вы возьмете чугун? Ты видел, что стало с рельсами? В лучшем случае, ты получишь у них двойную порцию свеклы и станешь хряком-производителем.

— Скажи мне честно... — Артур замялся.— Вы люди или нет?

— Такие же, как ты, и совсем другие. Но не путай Тех, кто раскачивает Землю, с презренными бандами колдунов, пожирателями поганок. Мой дед родился на Вечном пожарище, слышал о таких?

— Ты предлагаешь мне предательство, Качальщик?

— Я предлагаю тебе идти с теми, кто тебя ждал. Ты не найдешь в Москве тех, кого надеешься оживить.

— Откуда ты знаешь, зачем я иду в Москву?! — У Артура по спине поползли мурашки.

Надя Ван Гог открыла глаза. Секунду девушка лежала, ничего не соображая, затем согнулась пополам в припадке рвоты. Словно разбуженный ее кашлем, очнулся лекарь, попытался вскочить на ноги и тут же отпрянул назад. Подошвы его ботинок дымились. Качальщик и мамочка словно находились в эпицентре взрыва, куда никто не мог проникнуть.

— Мой дед родился на Вечном пожарище в те времена,— Качальщик легко разогнулся, повязал вокруг бедер остатки хламиды,— когда земля на пожарище еще светилась по ночам. Он был

из первых, кто научился раскачивать, из первых, кто составлял Книгу. Он сказал, что Проснувшийся демон будет один. Мой дед, мир праху его, никогда не ошибался. Ты один, Артур Кузнец. Мама будет жить. А теперь можешь связать мне руки. Насекомые побоятся ко мне подойти. И помни — ты обещал мне жизнь.

Глава пятнадцатая

Рабочий журнал

...Меньше всего я хочу предстать старым пердуном, который обо всем догадался заранее. Никто не представлял, чем все закончится, даже деятели в Кремле, что делили прибыль от нашей смерти. Но, как всегда, интересы государства оказались у нас в стране выше интересов личности. Разве в России когда-нибудь было иначе? Если кто-то доберется до моих записок, это еще не будет означать, что болезнь отступила. Но когда она действительно отступит, тогда на обломках нашей мудрой власти появится совсем новое общество. Я надеюсь, ничего общего с тем, что сегодня, и сам смеюсь над своими надеждами. Все повторяется...

Слишком пафосно вышло, не правда ли? Но вполне простительно для человека, который знает, сколько ему осталось. Очень вас прошу — внимательно прочитайте эти строки. Так и хочется выкрикнуть: будьте бдительны! Но это не мои слова, да и призыв бесполезный. Мы никогда не научимся бдительности, наш народ слишком доверчив. Те, кто наверху, они еще лет двести бы заставляли нас ходить строем, окажись среди них хотя бы парочка толковых экономистов. Но они срезали все мясо, а мы по вечерам, на кухнях, грызли бесконечные мослы под названием «русская духовность». Очень удобное питание; тратишь уйму усилий, дабы не помереть с голоду, но отвлекает от мыслей о мясе...

Возможно, одно из самых больших заблуждений — это нелепая вера в тех, кого мы «выбрали» нами руководить. Не дайте себя обмануть тем, кто говорит, что лучше вас знает, что вам

нужно. Мы дали себя обмануть в очередной раз. Наш великий народ в очередной раз сам себя засунул в петлю, а потом удивился, почему государство не хочет ему компенсировать потери. Мы так любим все получать на халяву. Только на сей раз все гораздо хуже. Дело не ограничилось Россией.

Последние месяцы я много прочел о ВИЧ и сделал несколько любопытных выводов. Собственно, я начал читать, только когда дело коснулось меня лично.

Вот вам первый вывод. Маленький человек считает, что он вправе думать только о себе, потому что обо всех нас позаботятся те, кто наверху. Это не так. Без комментариев.

Второе. Если у вас под окнами раз в месяц зарежут человека, вы начнете паниковать. Если убийства будут происходить раз в неделю, вы начнете пользоваться другим выходом, и приобретете пистолет. А если трупы начнут находить ежедневно, вы станете спокойно перешагивать через них, спеша с утра на работу. Мы привыкли к ВИЧ-инфекции, и она перестала быть модным словечком дня. Немножко выросли продажи презервативов. Немножко чаще наркоманы стали покупать новые шприцы. Это все. СПИД растворился в рекламных роликах, как мода на атипичную пневмонию, зеленую лихорадку и птичье бешенство. Проблемы техногенного террора, аэрозольные наркотики и прочие щекочущие темы поставили СПИД в один ряд с раком и инфарктом. Конечно, от болезней сердца умирает гораздо больше людей, но когда в медицине описан инфаркт, а когда появилась эта новая напасть!

Итак, мы привыкли.

Третье и последнее. Я устал драться за науку. Они говорят, эти великие государственные мужи: что вы суетитесь? По всему миру происходит миграция ученых, это нормальный процесс!

Я не возражаю. Пусть уезжают, раз это нормально. Мы живем вроде бы в свободной стране. Тогда, говорю я, дайте нам те десять миллионов, которые вы собираетесь отдать за рубеж! Мы сделаем вакцину лучше и дешевле! Ведь те люди, которым вы платите за границей, опираются на труд моих же учеников!

Спорить с ними бесполезно. Они нанимают инофирмы для ремонта Кремля. Турки строят нам дома, итальянцы копают метро, а украинцы мостят дороги. Немцы снабжают нас материалом для зубных коронок, а финны продают нам бумагу.

Это называется вход в рынок, это называется интеграция. Я спрашиваю, почему мы финансировали сто миллионов доз, завезенных из-за океана, а не построили на эти деньги новейший центр по борьбе с вирусом? Те люди, что доят страну десятилетиями, опять распорядились иначе. Им, как всегда, было наплевать, что несчастная дойная корова уже еле стоит на ногах. Им нужна международная суета, «круглые столы» и вечный «откат» в их безразмерные карманы. На эти деньги мы могли бы испытать десятки вариантов вакцины.

Возможно, я неправ, и в стране уже не осталось умов, способных одолеть проблему. Сейчас, когда подо мной трясется пол, а по улицам грохочут танки, поздно рассуждать. Но еще пять лет назад можно было спасти положение, и я об этом кричал на всех углах. Не я один, нас были сотни, и не только в России. Но кто услышит сотню старых дураков, когда страну ждет великое будущее? Ее всегда ждет великое будущее, потому что у нее великое прошлое. Жаль, что настоящее подкачало. Сегодня гремят фанфары, потому что дядя Сэм снимает торговые ограничения, великая страна входит в еврозону, получает кучу привилегий, которые никто из нас не заметит! А от России всего лишь требуется не упрямиться и подписать несколько долговременных пакетов!

Мы покупаем у них ферментированную курятину и униженно просим приобрести у нас немножко стали. Мы радуемся, что их «Шаттл» застрял на орбите Марса, поскольку это даст нам парочку мелких заказов на производство устаревших носителей. От Карелии до Камчатки мы развлекаем подростков и старух их телешоу, но держим на голодном пайке десятки молодых режиссеров. Они уже воротят нос от нашей нефти, но Министерство здравоохранения — с помпой! Как всенародный праздник! — объявляет о том, что мы должны купить сто миллионов доз. Для начала. А затем еще четыреста миллионов — для проведения полного курса. Потому что в России нет, видите ли, достаточных мощностей для такого производства. Потому что если не купить сегодня, то завтра будет поздно. Гениальная уловка коммивояжеров, в лучших традициях героев О'Генри!

Нас никто не собирался травить. Поверила не только Россия, поверил весь мир. Ведь испытания прошли успешно, это

подтвердили ведущие медики. Весь мир увидел больных, вернувшихся к жизни. За три года были получены две Нобелевские в разделе медицины, и все в связи с победой над СПИДом. А какая атака началась на моих коллег, которые рискнули заявить, что имеются собственные разработки, ничем не хуже. Только дайте нам немного денег на оборудование, на клинические исследования, говорили они. Нам достаточно одной десятой, нет, одной двадцатой от тех сумм, что пойдут за океан и на всеобщую вакцинацию...

Их практически заклевали. Что показывали пять лет назад по телевизору, между рекламой музыкального унитаза и предложениями индивидуальных телешоу? Показывали, как счастливая голая парочка выбрасывает в окно презерватив и кидается в постель под недремлющим оком веселой медсестры с иньектором в руке! СПИД побежден, четыре укола, и вечный иммунитет гарантирован. Пять лет им казались вечностью.

Если после пожаров, которые неминуемо начнутся, выстоит библиотека, то попрошу обратить внимание на мои статьи в «Аргументах», «Красном кресте» и «Ведомостях». Мои статьи легко обнаружить по той реакции, которую они вызвали: «Господин Профессор отказывает в жизни восьми миллионам инфицированных детей!», «Почем гуманизм для избранных, доктор Телешев?»

И так далее, огромный снежный ком, целая лавина. А я всего лишь утверждал, как и многие мои коллеги, что пять лет — совершенно недостаточный срок для того, чтобы осмелиться на поголовную вакцинацию. Лечите больных в последней стадии, но не трогайте детей! Кто нас услышал? Нас заглушил хор несчастных матерей, и они были правы. Тысячи подростков умирали ежедневно, в две тысячи двадцатом году уже никто не мог назвать точного числа инфицированных. В африканских странах вообще прекратили подсчеты... Мало того, мне указали сверху, оттуда, где распределяют наши с вами деньги. Они сказали, что это вообще не моя профильная проблема, и посоветовали дальше замораживать своих лягушек. Иначе, тонко намекнули они, можно ведь повернуть дело и так, что на опыты с анабиозом не хватит средств в бюджете. И я вышел из игры. Те, кому надо, знали, что мы давно ушли от лягушек и получили неплохие результаты на добровольцах. Теперь я уже не

боюсь сглазить, потому что для меня все закончено, я могу с гордостью сказать — результаты потрясающие! При этом никому не интересно, что кандидаты наук поочередно моют полы в отделе, потому что за подобную зарплату у нас больше месяца не задерживается ни одна техничка.

Прошло четыре года, и наркоманы вернулись к многоразовым уколам. Грандиозный успех вакцины, ничего не скажешь! От гепатита, правда, она не защищала, как и от венерических инфекций. А еще спустя три месяца начался этот кошмар. Оказалось, что вирус никуда не исчез, а перешел на четыре года в латентную форму и приобрел устрашающие свойства. Теперь новые штаммы не разрушались во вредных для них средах организма, а устойчиво диффундировали в слюнные железы. ВИЧ стал воздушно-капельной инфекцией, и мы никогда не узнаем, какую роль сыграла в этом пресловутая вакцина. Но я уверен, что она спровоцировала коллапс, она подтолкнула вирус к изменениям. Когда опасность заметили и оценили, начался такой хаос, который вам не представить. Инкубационный период сократился до трех месяцев. Прежний вирус был гораздо лояльнее. Думаю, вас окажется слишком мало, чтобы вообразить, как сотни тысяч людей штурмуют больницы в поисках спасения. И такие же толпы пытаются вырваться из города; у кого имеется загородная недвижимость, те надеялись отсидеться. Только отсидеться не получается. В отличие от старого доброго ВИЧ новая зараза чрезвычайно устойчива. Она сохраняется в воздухе и воде неопределенное время. Наверняка существует способ обеззараживания, но некому этим заняться.

Нельзя сказать, что американцы подкачали. Они в ускоренном темпе начали производство новых вариантов вакцины, и на сей раз раздавали ее безвозмездно. Один вариант, другой и третий. Но стоило им блокировать один штамм, как появлялся следующий. Также бесплатно они поставляли миру респираторы и противогазы. Аналогичные акции начались и в других странах. К слову сказать, у нас эти абсолютно бесплатные подарки внезапно обрели стоимость. Небольшую, но все-таки... Люди, которые знают, что нам нужно, ухитрились сделать так, что гуманитарную помощь продают на каждом углу. Они извлекают деньги даже из нашей смерти. Впрочем, на смерти делать деньги порой легче всего...

Слишком поздно. Я валюсь с ног. Нужно колоться шесть раз в сутки, строго по часам, приходится вставать ночью. Вакцина ненадолго блокирует вирус, но все мы медленно умираем. Кто забыл сделать хотя бы один укол — умирает быстро. Вчера я был наверху, жуткое зрелище. Ваши дети, если они родятся, никогда не узнают, как прекрасен был этот город белыми ночами. Они увидят лишь то, что от него осталось. Красный Крест не успевает собирать трупы. Без противогаза на улицах появляться нельзя, могут забить камнями. Примут за бешеного, из тех, кто хочет утащить за собой в могилу побольше народу. При мне люди дрались у больницы, стенка на стенку, милиция не вмешивается. Последние месяцы милиция занята исключительно защитой себя. Люди превращаются в зверей. Некоторым кажется, что, если попеременно принимать старую и новую вакцину, можно остановить заразу, но старых ампул почти не достать. Аптеки разграблены. На моих глазах убили женщину-фармацевта, которая отказалась пустить грабителей в склад. Я хотел отоварить карточки на хлеб и четыре часа простоял в очереди. Так и не дождался. Еду раздают армейские полевые кухни. После того как ввели комендантский час, на улицах стало спокойнее, но подростки подкарауливают стариков, получивших свою порцию консервов. Все время стреляют. Пьяные офицеры гоняют с девками на джипах, а солдаты стреляли по женщинам. Армию пустили в город, и теперь никто не знает, как городу от нее защититься. Целая толпа женщин отправилась к продовольственным складам. Впереди шли священники с иконами. Прошел слух, что на Бадаевских складах прячут муку. Когда я пришел отоварить свои мучные талоны, трупы кидали в грузовики. Вповалку, как засохшие новогодние елки. Именно тогда, стоя среди розовых от крови сугробов, я понял: это конец.

В город вошла Восьмая бронетанковая дивизия, страшное дело. Им приказано поддерживать порядок. Кто осуществляет власть, не совсем понятно. Губернатора никто давно не видел. Из продовольственных магазинов вынесли все, даже соль, метро не работает. Таксисты не останавливаются, мне с трудом удалось поймать машину. Деньги водителя не интересовали, только еда. Деньги — это такие бумажки, на которые можно было поменять любой товар. Хорошо, что у меня с собой была суше-

ная рыба, Денисов привез. Денисов снабжает меня водой. Он и Мирзоян нашли источник, там собирается не так много народу по ночам и стоит военный патруль, так что драк почти не случается. В одни руки разрешено наливать двадцать литров, не больше, но и то замечательно. В городе могут появиться серьезные инфекции, в некоторых районах не действует канализация. Денисов говорил с танкистами. Они утверждают, что есть места, где люди ходят без масок и почти нет заразных. Какие-то деревни под Псковом, куда не доехала вакцина. Вполне вероятно, что заразились не все, но проверить это невозможно. Остается уповать на наше бездорожье; глухие деревни выживут, но в кого превратятся их обитатели? Выезд из города закрыт, поезда стоят. Денисов пытался проехать на велосипеде, но везде солдаты с собаками и стреляют в воздух.

Молодежь насильно забирают на уборку трупов. Им выдают скафандры и двойной армейский паек. Бригады вскрывают квартиры, а затем ставят на дверях кресты, если жильцов не осталось. Денисов говорит, что не мог есть свой паек после кладбища... Это не кладбище, а братская могила. Это конец. Осталось два телевизионных канала, но нам не показывают, что происходит в мире. Ходят слухи, что Останкино под контролем силовиков. Показывают одни старые фильмы и эстраду. Вечный праздник. Они опять решают за нас, что мы хотим смотреть и слушать. Полгода тому назад главный эпидемиолог Москвы предлагала проверить детские учреждения и вывезти всех здоровых детей в лагеря. Вместо этого столичный мэр устроил парад воздушных шаров. Очень красивое зрелище.

Удивительно, но электричества нам пока хватает. Благодаря нашему закрытому статусу институт запитан отдельным защищенным кабелем. Весь квартал вокруг стоит без света, а мы греемся у рефлекторов. Я стараюсь не покидать подвал, все время находится какая-то работа. Мирзоян слышал разговоры военных. Атомную электростанцию решено заглушить, но нас как военный объект это никак не коснется. Энергия будет поступать...

Теперь о главном. Слева по коридору титановая дверь. Это называется «камера анабиоза», но вам название ничего не скажет. В первой капсуле спит человек, наш сотрудник. Артур Коваль. Для того чтобы его оживить, достаточно нажать

кнопку или опустить рычаг на пульте. Пройдет три часа, и он проснется. После пробуждения, если все пройдет нормально, надо достать из-под пульта бикс. Там витамины в порошках и инструкция. Человек будет нуждаться в этих порошках. Я хочу сказать... Если Артур выживет, значит, институт работал не зря. Хотя вам этого не понять.

Я виноват перед тобой, Артур. Очень виноват.

Ты ведь помнишь, как мы все были против — и научный совет, и кафедра. Все были против этого безумного плана — загрузиться на двадцать лет. Я пытался тебе помочь, хотя никогда не стал бы так поступать из-за женщины. Ты сделал для нее все, что мог, ты бегал вечерами на вторую работу, ты брал переводы. Еще раз повторюсь — ты ни в чем не виноват, парень. Я не отец тебе, но теперь мне простительно высказаться, потому что все позади, и я помню тебя и твою девочку студентами. В молодости хочется брать от жизни все, я сам был таким. Однако если ты проснешься среди людей, вспомни мои слова. Семья — это гавань, а не океан, хотя в океане, вне сомнения, много интереснее...

На совете возникло множество трудностей. Никто не хотел верить, что человек добровольно согласился уйти в капсулу на двадцать лет. Ты об этом не знаешь, но Ракитский назначал две психиатрические экспертизы под видом штатного обследования. Они пытались найти причину твоего поступка и не находили. До чего мы дошли, раз не верим в то, что кто-то может пожертвовать собой ради других! В этом вся беда. Те, кто решает за нас, не верят в героизм. Они боятся, что мы вдруг можем поверить. Этого они не допустят. Верить, с их точки зрения, можно только в интерес. В «откаты»...

Поэтому, Артур, я и прошу у тебя прощения. Я обманул и тебя, и Толика, и Сашу, и всех остальных ребят. Никто бы никогда не дал разрешения на такой эксперимент. Двадцать лет. Мне пришлось пойти на большие хитрости. Для всех, кроме пятого отдела,

Первая капсула считается аварийной. Мы ежедневно, все эти годы, отслеживали, как у тебя дела. Мы не прикасаемся к твоему столу и шкафчику с одеждой. Но я виноват перед тобой дважды. А может быть, ты еще скажешь мне спасибо, если проснешься. Потому что неделю назад я перепрограммиро-

вал капсулу. После того как умерла Лена Красовецкая. После того как стало ясно, что она заразилась и наградила нас всех. Кроме меня, знает Толик Денисов. Теперь он совсем не тот Толик, с которым ты учился на одном курсе. Возможно, ты не узнал бы в лысом толстяке, отце двоих детей, своего закадычного дружка. Прошло девятнадцать лет. Денисов давно ушел от нас преподавать, но в этом месяце он вернулся. Ему просто некуда стало идти. Толик похоронил всех домашних, похоронил всех друзей на кафедре в Университете. Он пришел ко мне с собачкой на руках. После нас останутся собаки и кошки...

Денисов очень помог. Честно говоря, была у меня мыслишка и самому замерзнуть лет на двадцать. Чего скрывать, надежда-то всегда остается. А вдруг спустя двадцать лет наши друзья за океаном нащупают ту самую спасительную вакцину? Нет, конечно, нет. Некому искать лекарство, за океаном тоже все кончено. И сердце не выдержит погружения. Денисов запустил ветряки. Толик провел колоссальную работу, хотя ноги его держали все хуже. Последний день Толик кололся восемь раз за сутки... Я перепрограммировал капсулу на двести лет сохранения. Когда упадет напряжение в городской сети, включатся наши дизеля. Затем питание камеры будет осуществляться от ветряков. Если и они сдохнут, заряда батарей хватит на расконсервацию... Артур, все данные говорят о том, что организм сохранится и сто, и двести лет в капсуле.

Конечно, лучше бы ты «залег в берлогу» на десять лет позже, потому что в Штатах появились новые криопротекторы, дающие гарантию стопроцентной однородности при охлаждении. Четвертая серия, что заменила твою кровь, безнадежно устарела. Но ткани растрескаться не должны, и давление капсула держит превосходно. Относительно мозга ничего определенного сказать не могу, огромный срок. Прежние трудности с памятью наверняка будут иметь место. В любом случае, при повышении температуры на полградуса схема циркуляции реагента сама начнет вырабатывать энергию. Эту гениальную разработку, новый тип аккумулятора, Денисов принес из военного института, где преподавал. Вроде бы мы предусмотрели все. Но не только это.

Артур, я послал Мирзояна в Москву. Через друзей в комендатуре он выбил себе пропуск. Тех, кто не является носителем,

военные берут к себе в самолет. Нам понадобились все связи, чтобы отправить Алика. Две недели назад я говорил по спецсвязи с Ракитским, сотовые операторы давно отключились. У них, в НИИ холода, лежали на тот момент в капсулах пятеро. Две супружеские пары, по семь лет каждая, и еще один мужик, ты его должен помнить аспирантом — Антонов. Он испытывает новую, «сухую», капсулу. Сухую капсулу предложили швейцарцы, уже после тебя. Якобы есть любопытные данные для онкологов. Теперь уже неважно. Важно другое.

Пришлось сказать Ракитскому о тебе, он выслушал почти спокойно. Мне кажется, я убедил его не будить этих пятерых. Кроме того, я просил его найти Патрика, созвониться с Берном. Мирзоян получил от нас с Денисовым все инструкции по сборке батарей и комплектующие. Беда в том, что связь пропала окончательно. Я не знаю, успел ли Алик перепрограммировать капсулы.

Наверное, я не имел права так поступать с тобой. Возможно, ты проснешься последним человеком, не затронутым вирусом. Но если спустя двести лет чудо произойдет, на всякий случай не забывай о пятерых в столице. И еще. Если ты встретишь женщину, которая будет ждать тебя дома и не будет ждать, когда ты отвезешь ее на курорт, вспомни мои слова.

Дамы и господа! Тем, кто найдет эти записки. Если человек в первой капсуле погиб, запишите координаты в Москве, Берне, Ганновере и Париже. Там находятся аналогичные лаборатории, но самая передовая база — в американском Институте криоников...

Глава шестнадцатая

Как трудно стать чекистом

Ниже твердым почерком Телешева были указаны адреса и нарисованы подробные схемы проезда. Дальше текст повторялся на английском и немецком языках. С обратной стороны журнала страниц сорок занимали распечатки с результатами

опытов, которые Коваль прочел раньше. Сухие цифры и графики, для непосвященного бы показавшиеся полной абракадаброй. Коваль вырвал листок с адресами. Он и сам не знал, почему не показал журнал папе Рубенсу. Что-то его остановило.

Пять человек. Две супружеские пары, что вполне естественно, и какой-то Антонов, которого он должен знать. Наверное, такой же неудачник. Или, напротив, счастливчик. Улегся и проспал всю гражданскую войну... Шанс, что они живы, ничтожен. Тем не менее он обязан без помощи всяких там пап и мам добраться до НИИ. Чтобы у Рубенса не возникло ненароком мыслишки, будто все пятеро станут его пожизненными вассалами. Если они не погибли раньше, сказал себе Артур, я сам их вытащу. Московский институт я помню. «А что ты будешь делать, если они разморозились? — спросил его ехидный голосок.— Оседлаешь коня и поскачешь в Швейцарию или в Германию? В самолет тебя никто не посадит, это точно. Или вырежешь из бревна весла и поплывешь через океан? Там не пять, в Америке все пятнадцать капсул...»

Он сидел, кутаясь в тулупчик, и воспаленными от дыма глазами следил за проплывающей цепочкой костров. Караван шел не останавливаясь и не сбиваясь с ритма. За последним фургоном, привязанные за шеи цепями, шипели и плевались в пыли два крылатых змея. Рептилии ни черта не видели в темноте, спотыкались, но неумолимые цепи волокли их за караваном. Изредка кто-нибудь из крылатых пытался плюнуть огнем, но на бегу это плохо получалось. Сидящий на платформе грузовика охранник по приказу Коваля хлестал змея бичом, приучая к хорошим манерам. Не дожидаясь удара, твари принимались верещать, припадали на лапы, как побитые собаки. Солдаты хохотали. Именно этого Коваль и добивался — чтобы люди перестали бояться. За спиной костры разгорались, превращаясь потихоньку в неровную алую просеку. Даляр покуривал рядом, баюкая на плече автомат. Когда мы пойдем назад, подумал Коваль, ни одна сволочь не подберется к нам незаметно. Я превращу эти заросли в степь. Я буду их жечь до тех пор, пока на километр от дороги не останется ни единой травинки.

И мы дойдем до Москвы. Если дружки Качальщика попробуют нас остановить, я прикажу казнить его и повешу вверх ногами на стреле крана. А в Москве я найду Институт холода.

Это эгоизм, но человеку очень плохо, когда он один.

Коваль не мог отделаться от мысли о капсулах в столичном институте. А еще он вспоминал эту девчушку, Надю Ван Гог. Интересно, какая на самом деле у нее должна была быть фамилия? Она и вправду похожа на Наталью. Она такая, какой Наташка была в ее возрасте, лет в семнадцать. И взгляд, и жесты удивительно, до боли, напоминают обо всем. Пользуясь нынешним статусом, Артур имел право навестить мамочек,— двойная золоченая повязка открывала ему беспрепятственный доступ в купе. С ней, черт возьми, стоило поговорить, чтобы стряхнуть наваждение! Почти наверняка она окажется недалекой, зацикленной на своей исключительности дурехой. Скорее всего, не умеет читать и писать и никогда не высовывала носа за пределы центра города.

Какой интерес может вызывать девица, не способная внятно связать пару фраз? Достаточно этой самой пары фраз, чтобы посмеяться над собой и над ехидными пророчествами колдуна! Так Артур твердил себе и с раздражением убеждался, что наваждение не проходит...

Общим решением девушек перевели в дилижанс к Арине и выделили одну из четырех клетей. Здесь им было не так удобно, но гораздо спокойнее под неусыпным вниманием четверых подчиненных Коваля. Несколько раз за вечер он порывался туда отправиться осведомиться о ее здоровье. И всякий раз придумывал повод, чтобы не идти. Потому что в пятом фургоне, в железном сварном баке, куда в Москве засыплют порох, трясся седой человек в ватнике на голое тело.

Арина сказала, что Качальщика ни в коем случае нельзя подпускать к земле и даже везти его в деревянной клетке. Вокруг него должен быть металл, чтобы колдун не набрался от природных материалов новой страшной силы. Когда Коваль вел связанного врага мимо фургонов, люди расступались в стороны и отворачивали лица. Качальщик улыбался и не делал малейшей попытки сбежать.

Теперь Коваль был вынужден сам носить злодею воду, потому что от еды старик отказался. И снова он лишь молча улыбался своему тюремщику из мрака железной темницы. Только один раз, когда Коваль предложил ему выйти и размять ноги среди тюков с товарами, Качальщик тихо спросил:

— Ты не забыл мои слова, демон? Мы оба хотим одного и того же. Мы оба хотим, чтобы девчонка родила тебе детишек. Ты ведь думаешь о ней, я слышу...

Когда Коваль с грохотом захлопнул тяжелую крышку люка, пальцы его дрожали. Двое солдат, стоявших возле походного «карцера» с ружьями наизготовку, отшатнулись, увидев его лицо. Коваль в последнее время чувствовал, что рядовые бойцы и в нем самом подозревают какое-то мистическое начало. Он трижды проверил вооружение броневика, познакомился с подчиненными. Затем обстоятельно выяснил у Серго свой круг обязанностей. Второй раз в жизни сел на лошадь и, нервничая под взглядами ковбоев, объехал караван. Слава богу, удержался в седле. Затем он проверял караулы и полевую кухню. Как он уже догадался, старшина личной охраны совмещал должности начальника штаба, фискального органа и исполнителя наказаний. Последнее было малоприятно, но крайне почетно. Он становился глазами и ушами Арины. Артур дал себе слово, что не станет ни на кого «стучать», его ведь могли нарочно спровоцировать, чтобы проверить лояльность. Положение главы тайной полиции во все века было крайне двусмысленным. Либо ты подозреваешь всех, либо поплатишься за доверчивость. Самым неприятным оказался момент, когда Абашидзе познакомил его со «штатными осведомителями». Круг замыкается, тоскливо размышлял Артур, выслушивая данные о череде мелких правонарушений. Легкие наркотики, поножовщина, азартные игры... Этого лишить дневного жалованья, того отправить в наряд по кухне, а задремавшего на посту вообще полагалось гнать из коммуны. Или повесить. Вот тебе и возврат к честной артели! Впрочем, кто он такой, чтобы воспитывать людей?

Старшине выдали обмундирование: пару кожаных сапог и шерстяные носки. Ему полагался теперь лишний кусок вяленого мяса и сколько-то овощей, но Коваль отдавал льготное питание в общий котел. Гораздо более приятными подарками стали автомат и метательные клинки, оставшиеся от Матроса. По возвращении старшина должен был получить четыре доли золотом от жалованья рядового бойца.

Словом, Коваль провел день и ночь в бесконечных хлопотах, не позволяя себе думать о девушке в купе. И чем чаще он приказывал себе о ней не вспоминать, тем отчетливее убеждался,

что попал под действие известного синдрома «белой обезьяны» Ходжи Насреддина. Он чувствовал, что стоит дать слабину, и Качальщик возьмет над ним верх. Неизвестно как, но подчинит себе. Проезжая мимо порохового погреба, Коваль невольно втягивал голову в плечи. Пленный враг улыбался ему оттуда сквозь тройную стену из дерева и металла. Руки Артура саднили от ожогов, и мази Маршала помогали мало. Он догадывался, что старый лис с косичками мог бы вылечить его гораздо быстрее, но обращаться к демону ни капельки не хотелось.

Возможно, Качальщик врал насчет Москвы. Даже наверняка врал, чтобы запутать и запугать, чтобы Артур почувствовал себя совсем одиноко. Какие-то телепатические способности у мерзавца явно имелись. Артур никому не рассказывал об их последнем коротком разговоре. Еще когда он вел связанного демона к фургону, а люди расступались в стороны и отворачивали лица, тот внезапно осклабился и тихонько сказал:

— Три цены...

— Что «три цены»? — не понял Коваль. Он был взвинчен до предела; похоже, солдаты и ему начинали приписывать магические способности. Только этого не хватало, испугался Артур, подобные страхи закончились в свое время кострами инквизиции...

— Ты думаешь о том, как выкупить девчонку, демон! — практически не разжимая губ, нашептывал Качальщик.— Тебе и за двадцать лет не скопить столько золота. Мои братья дадут за каждую из них три цены. Слышишь, три цены! А сероглазая будет твоя, я тебе обещаю. Она будет твоя... Ты только отдашь нам первых троих детей, больше мне ничего не нужно.

— Заткнись! — Коваль еле сдерживался, чтобы не ударить полуголого старика.— Торговаться будешь не со мной!

— Только с тобой, Проснувшийся, только с тобой. Вам не пройти дальше Вечного пожарища, спроси об этом сына Красной луны. Мальчишка знает... — От смеха Качальщика в животе у Артура началось брожение.— Мне нечего обсуждать с насекомыми. Они вымрут, как вымерли остальные. Пусть несут дальше свою вонючую рыбу и меняют ее на зерно. Если ты пойдешь со мной, караван останется цел, я обещаю...

У Артура тряслись поджилки, когда он захлопнул за колдуном тяжелую крышку «карцера». Возможно, ублюдок врал насчет московской лаборатории, на которую надеялся Телешев.

Но Надя Ван Гог была чертовски похожа на Наталью.
И старшину Кузнеца чертовски тянуло ее увидеть.
И все это происходило жутко не вовремя.

Глава семнадцатая

Жизнь после смерти

С первыми лучами солнца над башней броневика Коваля четырежды ударил колокол. Новоиспеченный старшина едва ухитрился заснуть под самое утро на постоянно скачущей жесткой койке. До этого он часа полтора лежал на спине, уставясь в темноту, и решал для себя банальнейшую дилемму. Или колдун берет «на понт», или каравану действительно грозит серьезная опасность. Перебрав все варианты, ночью Коваль пошел советоваться с Христофором. Арина спала, укутанная, как бабочка перед появлением на свет, и Маршал к ней никого не подпускал.

Христофор не удивился, он словно ждал заранее, когда его разбудят. В обычной своей иносказательной манере мальчик подтвердил, что за пожарищем большая опасность. А может, и не опасность. Качальщика следовало убить, но нельзя этого делать. Иначе будет плохо, но хорошо. Последняя мысль потрясала своей глубиной. Трактуй, как душе угодно!

А потом прискакал Серго, весь черный от копоти, потрепал обескураженного старшину по плечу и сказал, что нет ничего необычного. Мамочек постоянно пытаются перекупить в пути, и Качальщики в том числе. Только они никогда не действуют сами, это первый случай. Ни одна питерская коммуна, если ее руководство в здравом уме, не отдаст своих женщин в лес, даже за большие деньги. Кто из москвичей с ними будет после этого торговать?

Коваль так и не понял, как ему поступить. Лично его никто не обвинял в сочувствии к лесному колдуну; в конце концов, тот спас от смерти самое ценное — не рожавшую маму. Но му-

зейщики, похоже, не верили, что поимка Качальщика сойдет с рук. Чарли — тот вообще с Артуром почти не разговаривал, вроде как сторонился.

Колокол вторично отбил четыре удара. Коваль высунулся из люка, протирая глаза, и увидел Вечное пожарище. Открывшаяся картина настолько не походила ни на один земной пейзаж, что старшине расхотелось завтракать. Нечто, вызывающее сердцебиение и одновременно завораживающее, отголосок кибернетических фантазий и череда биологических ошибок... Никакого пожара тут не было и в помине. Угрюмая равнина пепельного цвета поросла папоротником, но не целиком, а неровными участками, словно ровесники мамонтов отваливались с поверхности почвы. Проплешины покрывал колючий серебристый мох, издалека похожий на ковер из кривых гвоздей. Изредка встречались бугры из тесно сплетенных между собой уродливых стеблей, покрытых бледным желтоватым налетом. Артур настроил бинокль. Возможно, посреди стелющегося пятнистого покрывала, которое он вначале принял за папоротник, росли совсем новые виды деревьев. Но, присмотревшись, он узнал в скрюченных, лишенных коры стволах... березы. Во всяком случае, ни на что другое эти грибообразные создания не походили. Он долго, пока на сетчатке не начали плясать мушки, вглядывался в горизонт. Над чуждым, лишенным хлорофилла ландшафтом не вспорхнула ни одна птица. Кое-где серую равнину пронизывали узкие лощинки, похожие на звериные тропки, но ни один листик не шевелился. Тот, кто протоптал ходы, не стремился к знакомству...

На память пришли рассказы библиотекаря. Мертвые леса на юге Питера, дожди, после которых с елей опадали иголки, отработавшая в закрытых технологических циклах вода, просочившаяся в почву и реки... Коваль попытался представить местность с высоты птичьего полета.

Вечное пожарище напоминало гигантский язык, протянувшийся через Новгород, через Ильмень-озеро и дальше на восток, туда, где должен был находиться городок Барановичи. Длину «языка» оценить было невозможно, а в ширину он превышал сорок километров. Караван подошел к границе «мертвой зоны» в темноте, и Серго впервые нарушил план, предложенный Артуром. Через пожарища ночью не ходили. Никто не

мог припомнить, чтобы днем здесь случалась какая-либо неприятность, никогда не нападали звери или дикари. Но бывалые путешественники передавали из уст в уста веселенькую легенду. Даляр поведал эту историю без намека на улыбку; Ковалю не хотелось верить, но в этом мире редко шутили.

На другом Вечном пожарище, что пересекало мурманскую трассу, несколько лет назад потерялся конный отряд, человек в тридцать. Дикарей в тех краях практически нет, слишком холодно зимой, и движение слабое. Люди очень торопились; по слухам, они везли в Питер что-то скоропортящееся и решили не устраивать ночлега на границе «живой» травы. Через четыре дня их вышел искать другой отряд. Нашли нетронутые грузовики. Рыба, естественно, испортилась, лед растаял, но половина протухшего груза оказалась раскиданной на дороге, словно его растаскивали вручную. Затем поймали двух лошадей под седлом, точнее, животные сами вышли к людям. Потом нашли еще одну лошадь. Она стояла в стороне, метрах в десяти от дороги, понурившись, будто спала. Отыскались смельчаки, решившиеся подобраться поближе. Когда к лошади подошли вплотную, оказалось, что она не дышит и словно одеревенела. И внутри, под кожей, она была пустая, как барабан. Не падала она только потому, что ноги ее сантиметров на десять ушли в синий мох. Синий мох не просто поглотил ее ноги, он забрался лошади в уши, облепил снизу живот и даже торчал из ноздрей.

— Синий мох? — переспросил Артур и облизнул пересохшие губы.

— Синий,— спокойно подтвердил Даляр.— Там синий мох и желтые сосны. На соснах видели летунов, но не таких, как в Питере. Крупнее.

— Так это летуны? — Артур припомнил флегматичного вампира на глобусе.

— Нет. Летуны пьют кровь, но не могут высосать коня изнутри. И упыри не съели бы сорок человек,— подчеркнул сержант.— Но через пожарища ночами больше не ходят. Днем безопасно, главное — не покидать дорогу.

Лошади шагали через мертвую равнину больше семи часов. Здесь примолкли даже собаки ковбоев, над потными конями не кружили слепни, затих стрекот кузнечиков. Даже солнце

светило тусклее обычного, словно задыхаясь в колышущемся жарком мареве. Волчий вой, преследовавший караван всю предыдущую ночь, остался далеко позади.

Вероятно, Сосновоборская АЭС, размышлял Коваль, вращаясь вместе с биноклем. Нет, далековато. А может, совсем другая станция, о которой он ничего не знает, также брошенная служащими. Сколько лет прошло, с тех пор как радиоактивная туча пронеслась над этим местом, и какую дозу тут можно подхватить сегодня? По идее, все давно должно улечься, но почему не видно даже насекомых? Случилась протечка в хранилище отработанной воды, или рвануло, как в Чернобыле? Неизвестно, никто уже не вспомнит.

— Старшина! — С броневиком поравнялся один из всадников «зажигательного» отряда.— Здесь ничего не горит, слишком сыро. И кони не сойдут с дороги...

Артур вглядывался в порождения мирного атома и убеждал себя, что ошибается. Возможно, с радиацией тут все в порядке, но каких масштабов тогда достигало химическое заражение? Да и какой химией без авиации можно превратить такой кусок земли в пепелище? Наверное, сюда долетали семена и споры нормальных растений и пытались укорениться в почве. То, что прижилось, хотелось обойти стороной и ни в коем случае к нему не прикасаться. Торчащие из рыхлой земли скрюченные корни, усаженные блестящими образованиями вроде гриба чаги. Только чага не колышется от ветра, будто студень... А вот здесь наверняка стояла деревня; сохранились фундаменты домов, покрытые тем же сероватым, крапчатым налетом, как и ветки прорастающих сквозь камни кустов. Между фундаментами, там, где когда-то хозяйки копались в огородах, тянулись к небу полуметровой высоты поганки. Или не поганки, а, скорее, моховики с волосатыми шляпками. Только в каком учебнике описаны моховики, у которых ножки, как у банановых пальм? Коваль отвел глаза и стал смотреть на дорогу. Покрытие здесь сохранилось даже лучше, видимо, трава погибла когда-то прямо под асфальтом. Кони стражников без приказа рысили теперь впереди броневика; животные не желали делать и шагу в сторону. Солнце вставало, разгоняя на своем пути густую пелену тумана, но в звенящем безмолвии слышался лишь рокот «Кировца» и дребезжа-

ние десятков колес. Ни один жучок, пчела или стрекоза не проснулись в отравленных папоротниках.

Однажды Артуру почудилось какое-то движение в группе искореженных березок на пригорке, метрах в пятидесяти от шоссе. Он резко повернулся и успел уловить, как что-то черное спряталось под пологом стелющейся пятнистой листвы. В кого могло превратиться животное, обитающее здесь? Старшина вспомнил слова Качальщика: «Мой дед родился, когда земля на пожарище еще светилась...» Возможно, дьявол с косичками имел в виду совсем другое пожарище. Никто ведь не считал, сколько таких же чумных языков лизнули Россию, сколько вредных производств рухнуло, источая вокруг себя смерть.

Колонна миновала длинный, держащийся на честном слове мост. Из мелкой ленивой речки торчали обломки какой-то конструкции, возможно, затонувшей пристани. А на горизонте, к великому облегчению Коваля, непроходимыми дебрями поднимался самый обыкновенный лес.

И на опушке горели костры.

Глава восемнадцатая

Застава шептунов

Передний дозорный поднял руку с желтым платком; насторожившиеся пулеметчики облегченно вздохнули. Навстречу шел другой караван. Там, где Вечное пожарище заканчивалось, на вытоптанном поле среди самой обыкновенной травы музейщиков поджидали пятнадцать фургонов. Это шли навстречу ребята из Петрозаводска. Рокотов обнялся с их главным коммивояжером, сторговал в аренду десяток свежих тяжеловозов. Толпа людей собралась вокруг привязанных драконов.

Новости разносились быстро и столь же быстро обрастали сказочными подробностями. Не прошло и десяти минут, как солдаты и торговцы стали подходить к броневику Арины, как на экскурсию, чтобы посмотреть на Артура Кузнеца. Но после того как обнаружилось, что в пороховом танке содержится живой Качальщик, старший встречного каравана не-

медленно протрубил подъем. Несмотря на то что у многих нашлись старые знакомые и все были рады встрече посреди безлюдного тракта, у Артура возникло противное ощущение. Присутствие Качальщика словно сделало людей Эрмитажа изгоями, возле них теперь боялись надолго оставаться. Коваль в который раз спрашивал себя: как поступить, если стражники взбунтуются и потребуют казни демона? Кроме Христофора, похоже, один Серго понимал важность живого пленника; рядовые солдаты, да и члены торговой миссии, помощники Рокотова, носили всевозможные амулеты, обереги и искали способ, как уклониться от вахты при «карцере».

У северян имелся свой «оракул», девчонка лет семнадцати, она полагала, что на два дня пути все чисто. Христофор на это лишь покачал головой и остался при своем мнении. Арина в дебаты не влезала, весь день у нее был сильный жар.

Когда последние повозки северян растаяли в дрожащем воздухе пожарища, Коваль попытался прислушаться к собственной интуиции. Ничего хорошего интуиция не говорила. То, что представлялось мирной пасторалью для парней с Онеги, вполне могло выйти боком для музейщиков. Когда светило начало клониться к закату, колонна преодолела еще одну речку, и сразу за мостом дозорный выкинул красный флаг. Команда «поджигателей» уже успела сделать свою работу, поэтому в клубах расползающегося дыма Артур не сразу заметил препятствие. Что-то там стояло, впереди на горке. Что-то блестящее.

— Шептуны,— сказал Христофор и положил в рот вареную картофелину.

— Много их?

Мальчик поднял котенка и потерся носом о пушистую мордочку. Иногда Коваль спрашивал себя, на кой черт они катают с собой этого прохвоста.

Серго трижды прозвонил в колокол, давая сигнал к обороне. На сей раз вокруг дороги расстилалась ровная поляна, и возницы начали немедленное перестроение в боевой порядок. Но закончить не успели. Пока команда Артура задраивала щели и занимала места в оружейных башнях, совсем близко раздался такой забытый и такой сладкий для ушей Артура шум — неторопливое тарахтение четырехтактного мотоциклетного движка. На пару секунд Коваль словно растворился в этом рокоте. Это звучало...

Это звучало, словно отголосок колыбельной, и в то же время словно по горлу провести холодным лезвием. Этот низкий рокот возвращал его в упоительные мгновения детства и поднимал со дна души то, о чем он мечтал никогда не вспоминать. Это было то, что убило Наташку...

Артур загнал в двустволку патроны и выпрыгнул наружу. Между всадниками охраны, нарочито не замечая нацеленных стволов, в седле роскошного «харлея» развалились двое шептунов. Для своих более чем преклонных лет мотоцикл выглядел совсем неплохо. Очевидно, дикари недавно распотрошили забытый склад автоконцерна. Кроме того, у них в шайке имелся одаренный механик, виртуоз своего дела. Коваль сразу отметил «неродные», неестественно огромные амортизаторы, крепящиеся на приваренных профилях, и широченные шипованные колеса. На передней вилке вместо фары крепился пулемет со спиленным стволом.

Шептун заглушил мотор. Стало совсем тихо. Оба байкера выглядели под стать транспортному средству; скорее всего, экипировку они подобрали там же, где мотоцикл. И оба, судя по расширенным зрачкам, как следует накачались «дурью». Водитель, скуластый, похожий на башкира, сложил руки в обрезанных перчатках на руле. Сложной огранки камни переливались на его татуированных фалангах. Пассажир, смуглый, бородатый, лицо в мелких точках окалины, откинулся на спинку сиденья. Заходящее солнце отражалось в десятках заклепок на его куртке, под коленями раздувались объемистые кожаные сумки с вышитыми орлами...

— Я слушаю,— ровно сказал Серго.

Башкир облизнул губы. Артур кинул быстрый взгляд на дорогу. В сотне метров тарахтел еще один «харлей».

— Торжок,— сиплым голосом сифилитика, никаким не шепотом произнес бородатый.— Дорожная застава.

— Это хорошо,— согласился Абашидзе.— Хорошо, если в Торжке появилась новая коммуна. Я верно тебя понял, шептун?

Башкир осклабился, обнажив черные огрызки зубов. Похоже, ему доставляло удовольствие видеть десяток направленных на него ружей. Его сосед пошевелил ногой в клепаном «казаке», медленно выпустил изо рта сгусток коричневой слюны и медленно сплюнул.

— Ты врубился, городской. Забашляй, и получишь полста бычков до Твери. Прокатишься, муха не насрет.

— Звучит соблазнительно,— мягко кивнул Серго.— С охраной спокойнее. Но мы только что встретили колонну из Петрозаводска. Впереди нет ни желтых, ни чингисов. Или для нас особые правила?

— Не кроши сухарь, городской! — Шептун запалил папиросу.— У тебя четыре мамки. Толкнешь одну нам и вали.

— Ты же вроде говорил о налоге? — удивился Серго.— За женщин уже уплачено. Ты прекрасно знаешь, шептун, так дела не делаются. Застолбите место, откройте коммуну или хотя бы общину. Вступите в пакт вольных поселений. После этого торгуйте. Мы не можем продавать женщин в никуда.

— Три цены.— Бородатый опять сплюнул. От его папиросы воняло совсем не табаком.— Налог — херня. Насыплешь хавки для кобыл.

К Абашидзе бесшумно подошел сержант, пошептал что-то на ухо, затем переместился к Артуру:

— Они обходят нас по лесу, двумя колоннами, старшина. Два огнемета, человек сорок лучников, десятка два с огнестрельным.

Серго по-прежнему вел себя крайне миролюбиво, словно и не получал предупреждения.

— Ты не хочешь торговать честно, шептун? Люди — не кобылы. Я вижу, что говорю с дикарем. Мы не продаем своих людей дикарям.

Башкир не перестал улыбаться, но теперь его улыбка выглядела так, будто в рот сунули распорку.

— Кого ты назвал дикарем, подвальная крыса? — Руки бородатого медленно потянулись к седельным карманам. Но он тут же спохватился и толкнул напарника в бок.

Двигатель «харлея» взревел, из-под заднего колеса полетели камни.

Серго отвернулся, что-то скомандовал подчиненным.

Мгновение спустя бородач перекинул ногу, развернулся задом наперед. Из выхлопных труб ударили жирные струи дыма.

Лошадь ближайшего всадника в испуге поднялась на дыбы. В дилижансе колокол сыграл тревогу.

Мотоцикл проехал уже метров пять, набирая скорость. Второй «харлей», на пригорке, тоже завел мотор. Музейщики, не обращая внимания на байкеров, разбегались по фургонам. Хлопнули бичи, повозки пришли в движение, готовясь замкнуть круг.

— Старшина!

Артур обернулся. Сержант махал ему, собираясь задвинуть бронированный люк.

Абашидзе вприпрыжку бежал к пушке, на ходу выкрикивая команды. Возницы выпрягали лошадей.

Хохочущий байкер на заднем сиденье «харлея» поднимал обе руки с обрезами.

Коваль вскинул двустволку, удивляясь, как медленно все происходит, и спустил курки. Он никогда в жизни не стрелял из охотничьего оружия и не додумался даже упереть приклад в плечо.

Ружье ударило его в грудь с такой силой, что старшина запнулся и при всем честном народе шлепнулся в грязь. Цель удалилась уже метров на двадцать, но дробь шептунов догнала. Бородатый дикарь принял в грудь содержимое обоих патронов, однако и башкиру хватило гвоздей. «Харлей» вылетел с дороги, словно крыльями, взмахнув кожаной бахромой на изогнутом руле. Смуглолицый тоже успел выстрелить, но запоздал самую малость. Пуля просвистела в сантиметре над головой начальника стражи.

— Я попал! — засмеялся Коваль.— Мать твою, я попал!

Все лица повернулись к нему. Серго почесал в затылке и показал Артуру большой палец. Мотоцикл, как огромный блестящий жук, крутился на боку. Вылетая из седла, дикарь выкрутил газ до предела. И сразу же, точно выстрелы Коваля послужили сигналом, по стенам фургонов заколотили пули. Артур еле успел вкатиться под спасительную защиту брони. Ружье осталось на улице. Внутри пулеметчики лязгали лентами, вопил котенок, верещали в своей комнатке мамочки, поэтому старшина не сразу расслышал слабый голосок Арины:

— Береги мам, Кузнец...

— Постараюсь! — бодро откликнулся он.— Эй, левый борт! Стрелять только одиночными! Ваш сектор от края дороги до столба. Задняя башня от поваленного столба до малинника. И только по моей команде! Не выдавать себя!

— Понял, старшина!

Справа, за пригорком, из бурьяна торчали остатки стен какого-то длинного одноэтажного строения, и первые шептуны появились именно оттуда. Ковалю хватило секунды, чтобы ощутить разницу с предыдущим противником. Эти парни вообще не стремились атаковать. Они не высовывались из укрытия.

— Они ждут... — пробормотала девушка.— И это плохо...

— Плохо! — согласился жующий Христофор.— Понятно и непонятно.

— Что тебе понятно, мать твою?! — в сердцах выругался Артур.— Ты можешь хоть на минуту прекратить жрать и сказать что-нибудь вразумительное?

Мальчишка засмеялся. Вместо него ответила Рубенс:

— Они окружили нас... чтобы задержать... Они ждут... Я слышу.

В тишине зазвенел телефон. Коваль схватил трубку.

— Старшина? Это я, Серго. Посмотри вперед, на дорогу.

Артур пересек коридор. У соседней смотровой щели тяжело дышали бойцы. Каждый из этих «элитных» охранников стоил в бою как минимум пятерки дикарей. А может, и целого десятка. Они метали ножи с обеих рук в кувырке и попадали с десяти шагов в цель. Каждый из них с кинжалом мог выйти против своры булей, что являлось высшим экзаменом. О такой «спецподготовке» Коваль мог лишь мечтать. Но сейчас оба дрожали, как побитые дворняги, учуявшие волчью стаю. Артур прищурился, ломая голову, что могло так напугать его отважных подчиненных.

По центру дороги, не скрываясь, неторопливым шагом приближались три фигуры в белом. Слева шел мужчина, он держал на согнутом локте берестяное лукошко и угощал своих спутниц. Обе женщины были немолоды, с длинными седыми гривами, схваченными повязками, как конские хвосты. Поравнявшись с рокочущим мотоциклом, который так и вспахивал задним колесом воздух, крайняя женщина сделала брезгливый жест рукой, словно отгоняя от себя надоевшего комара. В мгновение ока вокруг погибших байкеров возникла ревущая стена огня. Соседи Коваля отпрянули от щелей, сам он не мог оторвать взгляда. Еще секунда. Женщины подставили ладони, мужчина насыпал им ягод из лукошка. Пламя улеглось,

словно ничего и не было, а на обочине образовалась неровная блестящая клякса, точно поверхность застывающей лавы.

— Плевок Сатаны! — выдохнул пулеметчик.— Храни нас святая Ксения!

И словно в ответ на его мольбу в железном ящике захохотал пленный Качальщик.

Главаа девятнадцатая

Пчелиный эскорт

Переговоры шли недолго, минуты две. Дабы ни у кого не осталось сомнений, одна из женщин легким взмахом руки убила четверку коней, жевавших сено. При этом она их даже не могла увидеть, все животные находились внутри сплошного кольца повозок. Затем Качальщица вызвала начальника стражи. Абашидзе шел к ней через пустой круг, образованный повозками, и, казалось, стал меньше ростом. Он даже не сделал попытки выстрелить или достать саблю. Стоял понурившись и слушал. Зато, пока Серго слушал, из кустов попытались выстрелить в него. Наверное, кто-то из шептунов надумал отомстить за смерть друзей-мотоциклистов.

Раздалась автоматная очередь, но Артур мог поклясться, что мужик с лукошком опередил ее на микроскопическую долю секунды, словно предвидел. Не оборачиваясь, продолжая закидывать в рот спелые ягоды малины, колдун пошевелил пальцами. Вокруг Серго и троицы в белом на краткий миг повисла прозрачная, почти неощутимая завеса и вновь пропала. И в тот же момент сквозь траву, сквозь кусты и обломки коровника пронеслась тугая волна, оставляя после себя гладкий след. Точно гигантская змея проползла, сминая все на своем пути. Никто так и не увидел, что стало со стрелком. Зато минутой позже все увидели войско шептунов, улепетывающее со всех ног к лесу.

Переговоры закончились. Абашидзе повернулся к командирскому броневику. Сквозь бойницы на него смотрели сотни напряженных глаз.

— Кузнец! — еле слышно произнесла Арина. Она вообще ничего не могла видеть, лежала в постели, задрав к низкому потолку заострившиеся скулы.— Кузнец, они хотят тебя.

— Меня?!

— Тебя и наших мам. Они говорят, что предлагали тебе побег вместе с Надей Ван Гог, еду и свой дом в их деревне. Это правда?

— Правда, госпожа...

— Они говорят, что ты отказался. Почему ты мне не сказал?

— Не знаю... — Коваль смутился.— Я боялся, что все начнут подозревать меня... Ну, что я рано или поздно сбегу.

— Не лги мне! — Арина хрипло рассмеялась и тут же закашлялась.— Если бы ты согласился, мы потеряли бы одну маму, а нынче потеряем всех. Самое смешное, что они заплатят. Святая Ксения, мир праху ее! Никогда такого не было, чтобы я не довела караван до Москвы...

В люк постучали. На пороге стоял Серго. На него нельзя было смотреть без жалости.

— Они требуют освободить демона, госпожа.

— Ты начальник стражи,— отмахнулась Арина.

Лекарь суетился возле нее, собираясь менять повязки. Мамочки высыпали из своей каютки в узкий коридор и стояли плотной стайкой, прижавшись друг к другу. Артур поймал взгляд Нади Ван Гог. Наконец-то он смог ее увидеть, и никто не посмеет сказать, что Кузнец подстроил это свидание нарочно. Девушки выглядели даже менее испуганными, чем солдаты. Конечно, подумал Артур, они же привыкли, что их носят на руках. При любом раскладе с мамашами будут обращаться не как с обычными пленными. Им до старости обеспечено содержание, даже у дикарей. Надя, закусив губу, тоже глядела на старшину. На ней было надето простое платье из грубой ткани, но Артур знал, что за каждой мамой числится несколько сундуков с приданым, а в Москве каждую ждет почти полкило золота в виде украшений.

— Они требуют выдать Кузнеца и всех мамаш. Иначе мы не пройдем.

— Твое решение, Серго?

— Я сказал им, что, если нас не пропустят, мы убьем Качальщика. На это они ответили... — Старшина тяжело вздохнул.—

Они ответили, что я не могу угрожать смертью, поскольку сам не умирал.

Коваль хмыкнул. Абашидзе покосился на него и продолжал:

— Они сказали: никто не знает, что такое смерть. Может быть, сказали они, быть мертвым гораздо лучше, чем живым. Смешно угрожать добром, сказали они. Мы можем убить Качальщика, дочь Красной луны, пока он замурован в железе, но это нас не спасет. Тогда они возьмут свое силой и не заплатят. Я не могу решать один, дочь луны. Позовем Чарли. Пусть это будет решение Совета.

— У нас есть время на Совет? — Арина подставила левую руку для укола. Маршал перетянул ее плечо веревкой, растер посиневший, истерзанный локоть самогоном.

— Да, госпожа. У нас есть время, пока Те, кто раскачивает, не доели ягоды. Так они сказали.

В броневик ввалился увешанный оружием Рокотов:

— Плохо дело... Над нами пчелы.

— Пчелы? — непонимающе наморщил лоб Серго.— Какие еще пчелы?

— Дикие, мать вашу! Да поглядите сами!

Старшины бросились к двери. Едва взглянув вверх, Артуру захотелось спрятаться, и почему-то мучительно зачесалась шея. Метрах в пяти от земли, прямо над фургонами наливалось и крепло гудящее черное облако. Зрелище было одновременно жутким и завораживающим. Артур почувствовал себя кроликом, попавшим в поле зрения питона. Наверное, примерно то же самое ощутили и остальные бойцы, кто успел заметить новую опасность.

Серго вполголоса выругался по-грузински, Чарли стянул с темечка кольчужный капюшон и вытирал вспотевший лоб. Кто-то молился за плечом Артура, быстро и почти беззвучно. Туча становилась все гуще и насыщеннее, сотни и тысячи насекомых вливались в нее ежеминутно, добавляя свои тонкие голоса в общее яростное рычание.

— Их миллионы! — прошептал Рокотов.— Как такое возможно, сейчас не сезон...

— Здесь им вообще неоткуда взяться! — отозвался Серго.— Вокруг сплошной сырой лес. Демоны привели их за собой. Будь у нас тысяча ружей, это не поможет...

Ревущая туча плавно изменила очертания, превратившись в огромное пульсирующее кольцо и достигая уже десятка метров в диаметре. Затем кольцо медленно наклонилось, будто поворачиваясь на невидимой оси, и так же медленно начало сдвигаться к задравшим головы командирам. Артур представил себе, как вся эта масса, оснащенная миллионами ядовитых жал, ринется на них. Это конец, у музейщиков не оставалось выбора.

— Скажи им! — Коваль потряс Абашидзе за плечо.— Скорее, скажи им, что мы согласны! Я выпущу Качальщика и уйду с ними!

— Я не могу! — завопил Серго.— Папа утопит меня за трусость.

— Тогда ты погубишь всех! — Коваль обернулся. В просвете между бортами сдвинутых фургонов было видно, как три пожилых человека безмятежно лакомились ягодой, словно их ничего не касалось.— Ты погубишь караван. Христофор, эй, обжора! Посоветуй что-нибудь!

Мальчик вылез на подножку, сложил ладошку домиком, вглядываясь в дьявольский пчелиный хоровод. Затем закинул в рот кусок сушеной груши и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Кто уходит, тот возвращается. Всем плохо, и всем хорошо.

На этом закончился малый полевой Совет. Освобожденный Качальщик, как ни странно, больше не злорадствовал. Он несколько раз сморгнул, привыкая к солнечному свету, затем блаженно улыбнулся, коснувшись босыми ступнями земли. С минуту покачался на пятках и ушел, не оглядываясь, к своим товарищам. Пчелы гудели, лошади фыркали и жались друг к дружке. Несколько человек уже были укушены, но никто не жаловался. По одежде Артура ползали сразу три пчелы, а на крыши фургонов они опускались тысячами, подвижными гирляндами свисали с веревок и проводов. Несколько ковбойских собак перегрызли поводки и, поджав хвосты, приседая, устремились к лесу, другие прятались под колесами машин.

Колдуны позволили мамочкам взять с собой приданое и не возражали против оружия Артура. Из-за поворота выкатился небольшой крытый экипаж, запряженный четверкой серых превосходных рысаков. Стараясь не смотреть вверх, втягивая головы в плечи, торговцы покидали в багажное от-

деление тюки и сундуки. Кроме личных вещей, Коваль на правах старшего распорядился перенести в новое походное жилье ванну и пару самодельных «буржуек» с запасом угля. Рокотов на все махнул рукой, а Качальщики были заняты неспешной беседой, точно семья воскресным вечером на травке дачного участка. Серго молчал, поглаживая саблю. Пчелиное гудение перекрывало прочие звуки, людям приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Когда все было закончено, один из возниц вручил Ковалю кнут и показал, как управляться с лошадьми. Старшину понизили до кучера, невесело пошутил Даляр. Он глядел на боевого товарища, как на мертвеца. Качальщики доели ягоды и поджидали на обочине. Было заметно, что у многих так и чешутся руки открыть по ним огонь, но против мириадов маленьких убийц никто бы не устоял.

— Я был неправ,— сказал Артур Арине Рубенс на прощание.— Лучше бы мы пожертвовали одной мамой тогда...

— Нет! — отмахнулась девушка. Наркотик уже сделал свое дело, и глаза ее снова налились огнем.— Не твоя вина. Нас ждали. Посмотри, демоны поступили благородно. Это их плата.

Артур выглянул в окно и обомлел. Вдали, между каркасом поваленной водокачки и одиноко торчащей кирпичной трубой, на склоне холма копошилось что-то желтое. Коваль сначала не понял, что это может быть. Просто мозг отказывался поверить глазам.

— Один к тридцати, вполне справедливо! — нервно хохотнул Рокотов, и тут же затих под стальным взглядом Арины.

На пологом склоне лежали и сидели, связанные веревками, десятки людей, больше похожие на диких зверей, чем на представителей гомо сапиенс. Спутанные гривы волос, немытые тела в разводах краски, не одежда, а обрывки тряпок. Что-то с толпой было не так: то ли дикари нанюхались дурмана, то ли все поголовно были пьяны.

— Но... это же люди! — выдавил Артур.

— Это Желтые дикари,— без улыбки отчеканила дочь Рубенса.— Сто двадцать штук. Мы продадим их в Твери шептунам или погоним до Москвы. За тебя не дали ничего, кроме вот этого.— Она указала на небольшой ящик, укрытый тканью.— Открой, Кузнец, только осторожно. Береги пальцы, щенки опасны.

— Пусть они дикари, но они люди! — упорствовал Коваль.— Разве Эрмитаж занимается работорговлей?

— Ты знаешь умные слова, как наш Лева! — Арина поморщилась: лекарь принялся срезать с ее плеча присохшие бинты.— Есть разные Желтые дикари. Эти — хуже волков, но могут работать. Качальщики подобрали их на Желтых болотах. Ты слышал про Желтые болота? Нет? Чарли, скажи ему!

— Это далеко отсюда,— толстяк махнул рукой на восток.— Там раньше, до Большой смерти, делали химию для полей. Люди умерли, а химия осталась и течет с речной водой. В тех местах рождаются уроды. С ними невозможно разговаривать, но можно заставить работать. Шептуны продадут их угольщикам, на шахты. Им там будет даже лучше. Будут кормить и дадут теплую постель.

— Это немыслимо!

Артур покачал головой, но спорить было не с кем. Хваленая демократия Эрмитажа трещала по швам. Качальщик снова оказался прав. Люди вернулись к истокам, «право сильного» больше не прикрывалось либеральными лозунгами. Артур откинул тряпку с ящика. Это оказался не ящик, а крепкая железная клетка. В ней, обнявшись, лежали два маленьких, длинношеих, белых, как пух, тигренка. Вот они, подарочки с Урала, вспомнил Артур. Вот он, дружеский привет папаше Рубенсу.

— Я не хотел говорить! — Он задержался в дверях, последний раз оглядев «командный состав». Возможно, и сейчас не следовало развязывать язык, но Артур совсем не был убежден, что встретится с музейщиками еще раз. Возможно также, что его слова приведут к смуте и брожению в коммуне. Однако сотня беззащитных связанных идиотов подействовала на него сильнее, чем сотня чингисов, которых он сам предложил повесить на деревьях. Те были врагами и погибли в бою, но узаконивать рабство — это уж слишком! — Арина, для тебя не станет новостью, что папа Рубенс предупредил Качальщиков обо мне?

— Что?! — Все трое выпучили глаза.

— То самое,— устало подтвердил Коваль.— У твоего отчима на голубятне есть птицы, которые летают к братишке нашего бывшего арестанта. Не знаю насчет мамаш, но про меня Качальщики знали заранее. Выходит, папаша обменял меня на двух тигрят?

Он махнул рукой и, не дожидаясь реакции, зашагал к ожидавшему экипажу. Пчелы гудели, свиваясь в колышущуюся «восьмерку». Качальщица угощала мамочек ягодой. На козлах кареты сидел бывший «арестант». Заметив Артура, он приветливо похлопал по скамейке подле себя и тут же, как заправский возница, щелкнул кнутом.

Стоило лошадям тронуться, пчелиный рой тоже пришел в движение, сопровождая карету на солидном расстоянии, как почетный эскорт. Артур последний раз оглянулся на караван. В открытом люке броневика торчала тоненькая фигурка Христофора. Одной рукой мальчик держал яблоко, другой махал вослед Ковалю.

Кто уходит, тот возвращается, сказал маленький философ.

Но философии больше не было, осталась одна биология.

Глава двадцатая

Надя Ван Гог

Артур потерял счет дням. На восьмые или девятые сутки карета вкатилась на центральную площадь провинциального городка, и Качальщики позволили провести первую ночь в постелях. До этого лошади шли беспрерывно, хотя и крайне медленно. Пчел давно отпустили, вместо них экипаж сопровождала стая волков. Звери явно шли не по своей воле, иногда начинали грызться между собой, но не отставали. Бежать при таком раскладе не было никакой возможности, да Артур и не решился бы на побег в этих глухих местах. Качальщики продвигались проселочными дорогами, почти все время на восток.

Иногда встречались участки, где колея напрочь заросла травой. Тогда Ковалю вручали длинный нож, оба колдуна также слезали на землю и помогали расчищать дорогу. Иногда карета буквально продиралась сквозь заросли, чтобы через минуту опять очутиться на тропе. Артур не представлял себе, какой надо обладать памятью, чтобы запомнить сотни развилок и поворотов. Типа с косичками, бывшего арестанта, звали Исмаил, его товарища, управлявшего волками,— Прохор.

Женщины оказались сестрами, фантазия их родителей не пошла дальше Анны Первой и Анны Второй. Как понял Коваль, существовали еще Анны Третья и Четвертая. Дальше знакомства разговор не пошел. Анны кормили и купали девушек, грели воду, порой помогали мужчинам толкать застрявшую повозку, по ночам поочередно несли вахту. Хотя в вахтах особой надобности не возникало; Артур давно понял, что на Качальщиков не осмелится напасть ни одна живая тварь.

Они миновали десятки бывших поселений, иногда на горизонте возникали дымки, по ночам на склонах холмов мелькали огоньки костров. Несколько раз на пути встретились «плевки Сатаны», сгоревшие черные проплешины. Либо в этих местах кто-то из Качальщиков восстанавливал силы, либо оборонялся против врагов. Исмаил оставил прежнюю болтливость, замкнулся, а Прохор, похоже, общался исключительно с животными. Он мог часами идти впереди кареты под проливным дождем, баюкая на руках волчонка.

Наконец маленький караван добрался до приличного асфальта. Измученных волков отпустили в лес.

— Город Шарья,— коротко пояснил Исмаил.— Будете спать в гостинице. Никуда не выходить, воду не пить, ночью окна не открывать. Здесь полно... — Он подумал и не закончил фразу.

За сотню лет гостиница сохранилась совсем неплохо. Первые два этажа были разграблены и почти полностью выгорели, но выше в запертых номерах Артур нашел даже застеленные постели, а в душевых — и кусочки задубевшего мыла подле мутных зеркал. Сначала он разместил девушек. Прохор добыл где-то гвозди и молча кивнул на оконные проемы. Сквозь потеки многолетней грязи стекла почти не пропускали света, но Ковалю пришлось наглухо забить окна, разломав для этого несколько столов. Он попытался было выяснить, кого следует опасаться, но Прохор, по обыкновению, не ответил.

Сам Качальщик бродил без оружия и безбоязненно поворачивался к Артуру спиной. Когда «люди в белом» собрались вчетвером посреди площади и разожгли костер, Коваль вновь поймал себя на том, что не может ясно запомнить их лиц. Все приятели Исмаила тщательно маскировали свою внешность. Коваль следил за ними с балкона. Чего добивались эти люди или нелюди? Ради какой забавы они преодолели путь почти в тысячу киломе-

тров и собирались идти еще дальше? Неужели только ради глупого предсказания? Ну, прозрел в свое время облучившийся старичок, так что теперь, из живого человека хотят сделать идола?

В дверь номера тихонько поскреблись. От многолетней сырости дерево тысячу раз разбухало, косяки перекосились, от петель остались одни воспоминания. Поэтому Артур просто прислонил дверь к проему и придвинул одну из кроватей. Для приличия. Снаружи в темном коридоре, отвергая приличия, стояла Надя Ван Гог.

— Заходи! — Хозяин пропустил гостью, широким жестом указал на брошенную на полу шубу.— На кровать лучше не садись.

— Я знаю,— кивнула девушка.— Там живут жуки. Мы тоже спим на полу.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, как Исмаил подбрасывает сучья в огонь. Спиной он чувствовал ее взгляд. За девять дней лесных переходов Артур ни разу не заговорил с ней. Когда его просили помочь девушкам, он подходил и помогал, таскал воду, ломал ветки, делил мясо. Только он был виноват в том, что четыре мамы не добрались до Москвы. Он подвел музейщиков, подвел Чарли. Когда карета застревала, мамочки выходили и ждали. Артур, увязая по колено, вытаскивал облепленное грязью колесо и старался не оглядываться. Потому что на него смотрела Надя. А стоило ей отвернуться, как он сам впивался в нее глазами. Эта молчаливая игра продолжалась ежедневно, а вечерами он боролся с желанием подойти и сесть рядом с ней у костра.

Он подвел караван, и это было замечательно. Слишком стремительно, слишком непредсказуемо все поменялось; возможно, его ожидала кирка в угольной шахте или цепь на шее в пещере оракула... Но Надя Ван Гог не попала в столицу, и это было также замечательно.

На площади рассыпались искрами уже четыре костра, и Прохор затевал пятый. В доме напротив отеля в пустых проемах первого этажа колыхались обрывки занавесок. Словно голодный великан ползком подкрадывался к людям, быстро шевеля языком в беззубой пасти.

— Как твое имя, Кузнец?

— Артур.— С ней надо было что-то делать. Или немедленно прогнать, отгородившись грубостью, или приласкать.

Девушка подошла и встала рядом, опершись коленкой о низкий подоконник. Этот, якобы непроизвольный, жест был ему так хорошо знаком. Вечная игра, подумал Артур, даже здесь ничего не меняется. Наверное, это здорово, но, чтобы прикоснуться к ней, мне понадобится выпивка. Надя была слишком похожа на ту, другую, которую он сам послал когда-то навстречу гибели... А если я ее прогоню, то потом не прощу себе!

Девушка оперлась кулачками о раму и чуточку прогнулась, бессознательно повинуясь мужскому взгляду. Женственная фигурка, копна густых волос, в которые мучительно хотелось запустить руки. Она прогнулась еще капельку, и под платьем обозначились две крепкие налитые половинки.

— Это правда, что ты проспал сто двадцать лет?

— Правда.— Он заставил себя смотреть ей в глаза.— А это правда, что у тебя уже есть ребенок?

Она кивнула. В огромных серых глазах отражались пляшущие точки костров.

— Девочку увезли скобари.

— Ты скучаешь по ней? — Артур понимал, что делает ей больно, но не мог остановиться.

— Скучаю?.. Да, но так заведено. Девочку увезли по договору.— Надя дотронулась до его руки.— Я не смогла поблагодарить тебя, Артур Кузнец. Подруги сказали, что ты вынес меня из огня.

— Не за что,— Коваль пожал плечами.

Мамочка совсем недавно купалась, от ее волос пахло свежестью и горьковатым травяным настоем. Он уже знал, что самодельные шампуни отпугивают насекомых. Рокотов тоже мазал голову, но от торговца в результате нестерпимо несло чесноком.

— Почему ты сторонишься меня, Артур Кузнец? Разве я не нравлюсь тебе?

— Сколько тебе лет?

— В прошлом месяце исполнилось девятнадцать.

— Ты мне очень нравишься.— Он никак не мог понять, кто за кем ухаживает. Девчонке стукнуло девятнадцать, а она уже распрощалась с собственной дочерью.— Ты пришла, чтобы переспать со мной? Тебе так велел Качальщик?

— Исмаил сказал, что ты можешь быть папой.— Она не обиделась, но и не улыбнулась.— Если бы меня продали в Москву, мне достался бы мужчина только в той коммуне. Раз

все сложилось иначе, я выбираю тебя. Или тебе больше нравится Марина?

Коваль даже не помнил, кого из мам как зовут. Остальные были для него на одно лицо.

— Я не хотел бы просто переспать с тобой...

— А чего ты хочешь?

— Если нас разлучат, мне будет больно. Поверь мне, девочка, я знаю эту боль. Не хочу пережить это снова...

— А если не разлучат?

— Ты не боишься Качальщиков?

Он дотронулся до ее щеки, провел большим пальцем по бровям, по верхней приподнятой губе. Девушка чуть заметно подалась навстречу ласке, прикрыв ресницами глаза.

— Мне не сделают дурного,— просто сказала она.— Но они не хотят, чтобы люди жили в городах. Их все боятся, но колдуны страшнее. Я была еще маленькой, когда папа Рубенс вел войну с озерными колдунами. Все коммуны воевали с ними. Я помню, как мы стояли у окна и смотрели на площадь. Пойманных колдунов вешали, а потом сжигали.

— Зачем такая жестокость? — Артура передернуло. Он снова почувствовал, как они далеки. Эта юная женщина, спокойно рассуждающая о виселице, вполне могла бы быть потомком Наташи, правнучкой. Если бы он сам не убил собственных будущих детей...

— Потом с колдунами помирились. Они обещали, что не будут больше насылать болезни и насильно кормить своих рабов грибами...

Надя придвинулась еще ближе, теперь ее губы шевелились в сантиметре от его губ. Коваль взял ее левой рукой за затылок и сразу почувствовал, как спадает напряжение. Волосы на ее затылке были мокрыми после купания, и горячая спина под платьем тоже не до конца просохла.

— Тот, кто раскачивает Землю, сказал, что мы можем жить вместе, Артур Кузнец.— Она шептала Артуру в ухо, медленно двигая всем телом, отвечая поглаживаниям его рук.— Мы можем жить, сколько захотим, а потом можем уйти, когда я рожу троих детей...

— Зачем им наши дети? — Коваль поцеловал ее в шею, правая его ладонь соскользнула вниз. Мамочка Надя пришла к

нему в одном платье на голое тело и пушистых шерстяных носках с помпончиками.— Я не желаю провести остаток дней в лесу...

— Они догонят тебя, котенок! — Надя потянула какую-то тесемку, и платье распахнулось у нее на спине. Затем она привстала на цыпочки, давая возможность запустить руку в жаркую ложбинку меж ягодиц, а сама уверенно просунула коленку ему между ног.— В городе скучно... Гораздо лучше жить в сельской общине. Я родилась в семье ковбоев. Когда мне исполнилось восемь, чингисы сожгли посевы, и отец переселился к музейщикам. Он и сейчас пасет стадо на этом... как его... на Марсовом поле. М-м-м! Еще раз дотронься до меня там... Ты построишь дом, и соседи не будут орать за стенкой, как в этом жутком Эрмитаже... Ах, сильнее, еще...

— Так ты не питерская?

Артур стянул с нее платье, затем нагнулся и снял с ее ног носочки. Прошла тысяча лет с тех пор, как он хотел женщину с такой неистовой силой. Надя держалась за его плечо, послушно приподнимая одну и вторую коленку. Оставшись нагишом, она положила руки на затылок и медленно повернулась спиной. Коваль пожалел, что в мире больше нет фотоаппаратов. Вышел бы отличный снимок — изящная фигурка, утопающая по щиколотку в мехах. Чуточку полные ноги, но тяжеловатый низ лишь добавляет изящества тонкой бархатной спине. Последние закатные лучи разрезают мглу, играют на трепещущих ямочках ягодиц, на блестящих мускулистых бедрах, на приподнятых, напрягшихся икрах... Она точно извивалась под его голодным взглядом; под матовой кожей от покрытой пушком шеи до пяток пробегали мягкие, упругие волны.

— Сколько у тебя было мужчин? — Какая-то часть его «я» все еще сопротивлялась столь нахальному натиску. Оставалась вероятность, что девушку просто загипнотизировали, чтобы добиться естественной реакции самца...

— Только один... — Надя снова не обиделась, скорее удивилась. Она, не отрываясь от шубы, расставила ноги чуть шире, затем медленно оглянулась и облизнула два пальца. Так же неторопливо провела рукой у себя между ягодиц. На спине остался влажный след, Коваль не мог от него оторвать взгляд.— Ты совсем не знаешь законов, котенок. Мама может ложиться только с папой. Потрогай меня, как раньше...

— Ты любила его?

Артур скинул куртку. Теперь он каждым волоском на груди чувствовал тепло ее лопаток. Он развязал ленточки в ее волосах и зарылся губами во влажную, пахнущую травой макушку.

— Я хочу любить тебя, котенок... — Она качнулась, а затем бережно, но крепко, обеими руками, взяла его между ног.— Разве ты не хочешь лечь со мной? Я же видела, как ты смотрел. Ты ведь смотрел на меня, правда?

Правда, подумал Коваль, и это была его последняя связная мысль. Какого черта, сказал он себе, стряхивая с ног штаны! Если люди распилили все золото Эрмитажа, на которое не смели дышать сотни лет, чтобы купить коров, а коровы эти жрут траву там, где горел вечный огонь, значит, и ему не зазорно стать производителем в новом человеческом стаде.

Для своих лет Надя Ван Гог была слишком опытна, но Артуру стало наплевать на ее прошлое. Главное, что она слушалась его рук и ни разу не ошиблась, выполняя его безмолвные команды. Артур клал ей ладонь на скользкую от пота поясницу, и девушка прогибалась, оставляя зад во власти его второй руки, а плечами и грудью вдавливаясь в колючий мех. Затем он брал ее за горло, и она моментально переворачивалась, упираясь в пол лишь затылком и ступнями.

Закатив глаза, выходила в фантастически высокий мостик, но не сжимала колени, а, наоборот, раскрывалась еще шире, точно не желая отпускать его мокрые, жадные пальцы. Затем Надя оседлала его и начала дрожать всем телом и в последний миг упала Артуру на грудь, кусая его запястье. Но он тогда сдержался и заставил ее приподняться, и она послушно поднялась на корточки, занавесив запрокинутое лицо волосами. И только застонала, когда он дал ей облизнуть оба своих средних пальца и, преодолевая слабое сопротивление, завел их оба «с черного хода». Потом она расслабилась и начала слабо шевелить бедрами, пропуская его все глубже, и Артур ощущал пальцами толчки собственной плоти в глубине ее жаркого, источающего мускус тела.

И снова она падала на него лицом и до крови кусала плечо, удерживая клокочущий крик. И, едва отдышавшись, брала обе его ладони и клала себе одну на грудь, а другую — в пах, точно приглашая своего господина повелевать. И, повинуясь,

моментально разворачивалась спиной, распахивая перед ним самую желанную для мужчины картину. И нетерпеливо вздрагивала на слабеющих коленках, ловя раздвинутыми до предела половинками его раскаленное, бушующее желание. А затем билась в судорогах, сплетая с ним пальцы, ухитрилась довести его почти до края, чтобы в последнюю секунду перевернуться и упасть ему на грудь, обвивая шею и подставляя поцелуям мокрое от пота горло. Артур попытался вырваться, но не сумел, его уже захлестнуло потоком и тащило сквозь искрящуюся воронку туда, где взрывались тысячи бенгальских огней...

— Я хочу, чтобы родился мальчик... — Надя прижималась к нему животом, грея дыханием ключицу. Капельки пота стекали в ложбинку ее позвоночника; Артур собирал их пальцем и облизывал. У нее был очень вкусный пот... — Качальщик сказал: если я рожу мальчика, его воспитают Хранителем равновесия...

— Это еще что за чертовщина? — Ковалю было лень разозлиться, даже присущее ученому неистовое любопытство хотело спать.

— Я не знаю, котенок! — честно призналась Надя.— Наверное, это кто-то важный в их общине.

— Неужели они не могли найти мамочку поближе? Стоило затевать бучу, переть полмесяца по лесам ради нас с тобой, чтобы воспитать из ребенка шамана?..

Надя подняла голову. Коваль не видел выражения ее лица под шапкой волос. Из потолочных трещин свисали лохмотья паутины, блики костров плясали на остатках кафеля в душевой. Где-то вдали за мертвым городом нарастал тоскливый волчий вой. Косая ухмылка полумесяца поднялась над перилами балкона.

— Качальщик сказал... — Надя помялась, лизнула Артуру сосок.— Он сказал, что Хранители рано умирают, потому что плохая наследность.

— Наследственность?

— Да, это самое слово... Они никак не могут сделать, потому что их слишком мало, с хорошей наслед...ственностью, ага. Они не выдерживают ветра... Исмаил сказал, что если я рожу от тебя двоих чистых мальчиков и они это... удержат ветер, то третьего ребенка я смогу оставить себе.

— Да что они не могут сделать-то?! Какой ветер? — Коваль подумал, что напрасно сердится. Качальщик вряд ли что-то скрывал, у девчонки просто не хватало словарного запаса.

— Ветер... — Она смешно наморщила лоб.— Ветер, чтобы сломать равновесие. Чтобы не осталось городов.

Глава двадцать первая

Хранители равновесия

На второй день от скуки Артур принялся выбивать двери в свободных номерах. На третьем этаже он обнаружил несколько мертвецов и бар, набитый пыльными бутылками со спиртным. На четвертом старшине повезло. Парочка влюбленных, видимо, знавших, что смерть уже близко, устроила в комнате грандиозную попойку. Помимо обнявшихся под остатками одеяла скелетов, Коваль нашел в шкафу любимое оружие Терминатора: два короткоствольных «ремингтона» в густой смазке и несколько коробок патронов. Также присутствовали бейсбольная бита, два ржавых револьвера и АКС без патронов. Либо человек, скончавшийся в лучшей гостинице провинциального городка, был криминальным авторитетом, либо в какой-то момент оружие стало доступным каждому. Неизвестный эпикуреец прихватил с собой на тот свет сразу трех подружек.

Еще два женских трупа лежали валетом в почерневшей ванной. Перед дверью в ванную громоздилось несколько ящиков с бутылками из-под шампанского, а на полочке среди засохшего мыла, шампуней и птичьего помета валялось пыльное зеркальце, трубочка и вскрытая пачка желтого порошка. Ласточки пробрались в номер через разбитую форточку и устроили несколько гнезд под люстрой.

Артур забрал годные стволы и вернулся к себе. Висящая над городом тишина угнетала. Качальщики третий день жгли костер и ночевали под открытым небом рядом с пасущимися скакунами. Выходить на улицу не хотелось, все это он видел еще в Питере. Русла покинутых улиц, словно пересохшие вены, на пе-

рекрестках тромбы из автомобильных кузовов. И потрескавшаяся площадь, заросшая, красная от ржавчины, точно остановившееся сердце. Девушки тоже не вылезали из номера, они разместились все вместе и коротали вечера песнями, не желая слушать заунывные стоны ветра в прогнившей вентиляции.

Утром четвертого дня за ним пришли. У костра появились два новых персонажа. Один — такой же, как Исмаил, бледный, с косичками и плавающим, неразличимым лицом — оставался в седле. Коваль плохо разбирался в скаковых породах, но жеребец под всадником показался ему огромным, гораздо выше и крупнее всех виденных когда-либо коней. Предрассветный туман скрадывал детали, и, лишь подойдя вплотную, Коваль убедился, что это не сон. Мужчина среднего роста мог пройти под брюхом коня, почти не нагибаясь. Шкура титанического животного отливала агатовым блеском, мускулистая грудь была шириной с капот «Запорожца». Неподалеку пощипывал травку второй такой же монстр, а его хозяин жарил над огнем грибной шашлык. Над площадью поднимался тревожный, щекочущий ноздри запах. Коваль уже привык, что люди в белом ничего не делают просто так, и не стали бы зря поддерживать шесть костров. В каждый они кидали щепотки разных снадобий, и к смолистому аромату примешивался дурман колдовских добавок.

— Это и есть Проснувшийся, пощадивший моего брата? — Любитель подосиновиков поднял косматую голову.— Угощайся, демон.

Впервые Коваль встретил молодого Качальщика и сразу понял, что мужчина чем-то отличается от остальных. Не только сорокалетним возрастом. Он принадлежал к иной породе, к какой-то из восточных национальностей, возможно, квартерон от таджика. Артур примостился напротив, отдал должное грибам. В конце концов, новые хозяева не сделали ему ничего плохого, и следовало отвечать вежливостью.

— Зачем тебе столько железа? — спросил парень. Его черные глаза под густыми нахмуренными бровями смеялись.— Винтовка, пистолеты... На кого ты собрался охотиться? Оставь все это здесь. Мы с тобой немного прокатимся,— и коротко свистнул, подзывая коня.

Исполинский конь подбежал; от каждого его шага вздрагивала земля. На спине жеребца крепилось двойное седло, и свисали

две пары стремян. Прохор подсадил Артура и отправился дальше, опорожнять над кострами свои мешочки. Исмаил запрыгнул позади второго наездника, обе Анны остались сидеть на тротуаре, взявшись за руки, в позах индийских йогов. Коваль поднял глаза. С балкона гостиницы ему махала Надя. Артур внезапно понял, что, если их надумали разлучить, он перетрет любые цепи и найдет ее, пусть даже придется идти пешком через всю страну...

В следующую секунду Качальщик дал шенкеля. Артур судорожно вцепился в луку седла, чтобы не полететь с высоты двух с половиной метров на щебенку, оставшуюся от бывшей мостовой. Отстав на два корпуса, за ними пылил второй всадник.

Черный жеребец оказался иноходцем. Покачиваясь в плавном механическом ритме, он проносился вдоль покосившихся, ушедших в землю домиков предместья. Подкованные могучие копыта, каждое размером со сковороду, высекали искры из бордюров, когда всадник срезал путь через дворы. Раскинувшись в шпагате на широкой спине, Артур чувствовал себя трехлетним мальчишкой, которого отец привел в парк покататься. Качальщик вдруг перебросил босую ногу в белых мешковатых штанах и повернулся к пленнику лицом.

— Натрись! — «Таджик» протянул Артуру баночку со знакомым желтоватым горьким содержимым.— Здесь водятся плохие кровососы. Обычно они летают ночью, но, если такой комарик укусит тебя днем, будешь долго болеть.— Он молча смотрел, как Артур втирает мазь в лицо и шею.— Оставь у себя; когда будем у воды, натрешься еще раз.

— Ты не похож на других,— сказал Коваль.— Зачем я тебе нужен? Некому оплодотворить женщин?

— Зови меня Бердер. Ты тоже не похож на других. Исмаил убил много городских, но ты не взял его жизнь. Почему?

— Он спас угоревшую маму.

— Ты мог убить его позже. Почему не убил?

Коваль растерялся. Что он мог ответить на такой вопрос? Что надеялся сделать из живого Качальщика выгодного заложника?

— Ты надеялся на ответное благородство? — угадал Бердер.— Сто лет назад все воины так поступали?

— Понятия не имею! — признался Артур.— Я не воин и никогда им не был.

— Я вижу, что ты не воин. Ты обвесился железом, но не умеешь с ним обращаться. Я просил тебя выкинуть весь металл, но ты оставил нож. Выброси! Ты книжник?

— Да... Пожалуй, я книжник.— Артур с сожалением проводил глазами улетевший в кусты десантный нож Матроса.— Ты не ответил. Зачем я вам нужен?

— Таких, как я, называют Хранителями равновесия,— улыбнулся Качальщик и что-то сделал со своим лицом, точнее, прекратил его прятать под зыбкой пленкой тумана. Он был похож на американского итальянца Сильвестра Сталлоне в молодости, губы так же кривились книзу, когда Бердер выдавливал улыбку.— Там, куда мы едем, нельзя носить железо. Железо мешает ветру.— Он еще раз пошевелил краешками губ и повернулся к Артуру спиной.

Кони пронеслись мимо облезлой, покосившейся звонницы, и город Шарья как-то разом оборвался. Кончились унылые безжизненные кварталы, провалившиеся тротуары и поросшие крапивой крылечки. У Артура захватило дух при виде открывшейся перспективы. Встающее над лесом светило окрасило туман во множество оттенков розового. Стальная поверхность реки, будто проснувшись от ласкового прикосновения солнечных лучей, подернулась рябью, вздохнула; в глубине качнулись бесчисленные пряди водорослей, серебряными искрами пронеслись стаи рыб. На высоком берегу поднимали свои золотые головки легионы одичавших подсолнухов. И под всплывающим, точно пуховая перина, речным туманом гуляли черные кони. А ниже, на обкатанной ветрами гальке, на отмели, сидели в кружок восемь мужчин в белом.

— Бердер, осталось шесть минут!

Исмаил соскочил на землю, обнялся с каждым на пляже. Все они были мужчины в возрасте, только один, крайний слева,— почти подросток. Артура завели в круг, кто-то потеснился, уступая ему место на циновке. Как и прежде, он не чувствовал себя пленником, скорее почетным гостем. Исмаил ни разу не сказал ему «спасибо» за то, что остался жив, но остальные, несомненно, были наслышаны о приключениях каравана. Качальщики передавали из рук в руки берестяную флягу, предложили и Ковалю. Пожалуй, это была первая шутка лесных колдунов. От кислейшего клюквенного морса у Ар-

тура чуть не возникло косоглазие. Он осмотрелся. Окружающие помалкивали, словно кого-то ждали. Через шесть минут должно было произойти нечто, ради чего Коваля сюда и привели. Одно из опасных таинств, к которым он себя готовил все эти дни, и все равно оказался не готов...

Подросток положил в середину круга обломок доски, затем принес и поставил на нее высокую птичью клетку. Только вместо попугая внутри, изнемогая от тесноты, дрожал бобер. Бедное животное скребло когтями, прихватывало зубами железные прутья, но не имело возможности даже повернуться. Складывалось такое ощущение, что бобер вырос в клетке, постепенно заполняя ее собой.

— Ты долго учился, книжник Артур! — Бердер вытащил из-за пазухи скальпель в кожаном футляре.— Но все твои знания здесь ничего не стоят. Ты хочешь понять, но не поймешь, пока сам не увидишь. Ты хочешь увидеть? — Солнечный луч плясал на отполированном острие. Бобер жалобно повизгивал в клетке.

Коваль сглотнул. На противоположном берегу реки из зарослей высокой травы высунулись две треугольные морды. Затем еще две, и еще. Целое семейство драконов со сложенными за спиной крыльями направлялось на водопой. Подслеповато щурясь на солнце, рептилии погружались в жидкую грязь, довольно отфыркивались, хлопая по воде хвостами. Два змея устроили шумную возню, не поделив дохлую рыбину. Качальщики не обратили на драконов ни малейшего внимания. Ни у кого из них не было часов, но Артур не сомневался, что время они чувствуют идеально. Девять человек ждали, замерев, точно каменные изваяния. Драконы напились и уползли. Кони щипали траву.

Нечто назревало. У Артура закололо в висках. Он сдержал себя, чтобы не оглянуться; казалось, огромная тень подкралась и дышит в затылок.

— Пора! — Старец по левую руку от Бердера тряхнул косичками.

— Пора! — подтвердил Исмаил.— Во благо равновесия!

— Во благо равновесия! — словно эхо, отозвался Бердер и кольнул бобра скальпелем.

Животное забилось и заплакало, прямо как маленький ребенок. Коваль хотел отвернуться, но сидел, точно завороженный.

— Во славу Книги! — В руке другого Качальщика также мелькнуло острие.

Грызун уже не плакал, а визжал, кровь заливала его мех и стекала наружу, на камни. Клетка чуть не упала на бок, но кто-то подхватил ее и вернул на место.

— Во славу Книги! Во благо равновесия! — Удары сыпались на беззащитного зверька со всех сторон, но ни один укол не был смертельным.

— Смотри! — Исмаил схватил Артура за локоть.— Смотри, демон, как расплавится мерзкая кучка камней!..

Артур не сразу понял, куда надо смотреть, а когда поднял глаза, забыл и про бобра, и про крокодилов на берегу Ветлуги.

Город Шарья расплавлялся. При каждом ударе скальпеля с окраинными домами происходили удивительные изменения. Маковка церкви дрогнула, накренилась и обрушилась в клубах пыли. Несколько лодочных гаражей надулись, словно их распирало изнутри, и разом взорвались. Голыши на пляже тряслись, подпрыгивали, как шкварки на сковороде; глинистый откос покрылся кавернами, корни сосен шевелились, будто гигантские разъяренные анаконды. Кирпичный забор, огибавший дюжину двухэтажных коттеджей, на которых до сих пор висели тарелки спутникового телевидения, закачался и осел. Коттеджи век назад погибших миллионеров складывались, как карточные домики.

От богатых резиденций фронт невидимой волны переместился дальше. Бесшумно, точно смятая промокашка, рухнул пятиэтажный фасад банка, фабричная труба пошла трещинами и взорвалась на миллион кусков. Наступила очередь девятиэтажек. Эти не распадались на части, а уходили под землю с низким вибрирующим гулом, словно вместо фундаментов под ними разверзлась пустота.

Коваль и не догадывался, как мало нужно, чтобы стереть с лица земли целый город. Всего лишь легкие толчки. Впрочем, в этих краях никогда не наблюдалось сейсмической активности... Какая, к черту, активность, оборвал он себя, почти оглохнув от воплей бобра. Истерзанное существо в клетке больше ничем не походило на трудолюбивого строителя запруд, теперь это был сплошной комок визжащего мяса.

Но не это оказалось самым страшным. Лес наступал на город, а впереди него катилась полоса жары. Вода у берега вскипала; там, где река плескалась о камни, поднимался пар. Голыши под доской, на которой сидел Артур, раскалились, как в сауне. Сама доска начала снизу обугливаться. На крайней улочке, где еще минуту назад вздымались тучи строительной пыли, стремительно прорастала трава. Взламывая ошметки железобетонных конструкций, словно великаны, потягивающиеся после долгого сна, разворачивались ветви деревьев. Коваль мог бы поклясться, что подобные исполины никогда бы не выросли естественным путем на российском Севере. Как, впрочем, и крылатые аллигаторы. Как и лошади размером с американского бизона.

Еще до того как бобер умер, все было кончено. Огромный пласт почвы сдвинулся и сполз в реку. Тысячи тонн воды хлынули в новое русло, смывая остатки пристани и мощенного декоративной плиткой променада. Последние часовые цивилизации, бетонные фонарные столбы над прокисшей дорогой, вдруг один за другим ушли в землю, словно их засосали зыбучие пески. А потом не стало и самой дороги, по которой черный конь привез Артура на пляж. Камни остывали.

Но общество на берегу не расходилось. Мальчишка унес клетку, бросил на камни мокрую мешковину. Фляжка с морсом пошла по второму кругу. Те, кто раскачал Землю, выглядели не лучшим образом. Исмаил будто постарел лет на пять, у Бердера капала кровь из прокушенной губы, а под глазами залегли черные тени. Его сосед, старик с косичками, поднял трясущуюся руку:

— Да пребудет мир в равновесии, братья!..

Через щиколотку Коваля скакнула лягушка, затем еще одна. Он отдернул ногу; по камням спешил целый выводок змей. За змеями последовали тучи насекомых; выше по склону, в сторону нового лесного массива, с хрустом ломилось зверье покрупнее. Несколько лосей переплыли реку и отряхиваясь вышли на берег метрах в десяти от людей. Растопырив лапки, с ветки на ветку перелетали многочисленные беличьи семейства. Ковалю показалось, что выше по течению вдоль кромки воды пронеслась огромная кошка с торчащими кисточками на ушах.

Бердер подозвал коня.

— В городе... там остались женщины! — Артур вспомнил про Надю. К собственному удивлению он обнаружил, что образ Натальи уже не мешает ему, как раньше. И еще он обнаружил, что безумно соскучился по маленькой лохматой шалунье.

— Города больше нет! — Бердер скривил губы.— Садись на коня, книжник. Баккарди их вывел, не тревожься!

— Ты все понял, Артур Кузнец? — За спиной, опершись на плечо самого юного участника колдовства, стоял Исмаил.

— Я понял... Вы уничтожаете все, что создано человеком. Сначала вы расплавляли деревни, затем принялись за брошенные города. Я одно не возьму в толк. Какого черта ваши братишки напали на ковбоев под Тосно? Вы знаете, сколько людей остались без крова?! Чем вам не угодили мирные фермеры?

— Ты меня разочаровываешь, Проснувшийся! — Оба коня шагали бок о бок по заросшей молодым ельником опушке.— Лично мне на них наплевать. Но нарушается равновесие. Никто не желал зла фермерам. Возле Тосно оставался вредный завод, и узел уже звенел, притягивая ветер. Если бы мы не поторопились, Земля бы качнулась на тысячи километров. В Шарью мы вернули равновесие тоже вовремя, теперь Слабые метки ушли...

— Равновесие, это когда домашние свиньи бросаются на детей, я правильно понял? — Что-то в Ковале непоправимо сгорело за эти дни. Он никогда в прежние времена не приходил с такой скоростью в ярость. Или все еще находился под впечатлением от колдовства и не мог себя контролировать. А возможно, виной его бешенства был сладкий дым от костров...

Над всадниками тремя эшелонами летели птицы. Пернатые, подчиняясь воле людей, тоже переселялись на новые квартиры. Огненной стрелкой промелькнула впереди лисичка. Оглянувшись на людей, приподняв черную лапку, зверек на секунду замер; в зубах у лисицы, растопырив конечности, висел ее новорожденный щенок.

— Равновесие было нарушено не вчера и не в год Большой смерти. Люди нарушили порядок в те века, когда построили первый вонючий город и заявили, что законы Земли их больше не волнуют. Они придумали для себя отдельные законы, и первый, самый удобный, гласил... Знаешь, как звучит главный принцип человечества, Проснувшийся книжник? Я тебе ска-

жу! — Исмаил нагнулся к Артуру, от него остро пахло чесноком.— Он звучит так: все, что растет, бегает, плавает и летает на этой планете, это для нашего удовольствия и наших желудков.

— В год Большой смерти,— добавил Бердер,— равновесие чуть было не восстановилось.

— Но не восстановилось! — весело подхватил Коваль.— Потому что люди выжили. Какая жалость, правда? Зато теперь шайка свихнувшихся садистов режет бобров, чтобы довести Божью кару до конца. А другая шайка заживо сжигает мирных торговцев. Это путь к равновесию, колдун?

— Совсем не обязательно бобры. Для раскачивания подойдет любое живое существо, иногда — растение. Самое сложное — это отыскать и удерживать Слабые метки, узлы натяжения. Метки рождаются там, где осталась грязь прежнего мира. Если за ними не следить, не кормить их грязью, то может родиться такая Слабая метка, с которой уже не справится никто. Тогда в мир придет иное равновесие, в котором людям не будет места... — Хранитель помолчал, вглядываясь в жаркую темноту леса.— Иногда мы справляемся втроем, иногда собирается девять братьев. Череповец расплавляли двумя общинами, день и ночь. Мне исполнилось восемь лет, но отцы взяли с собой всех, кто уже мог слышать метки. Три человека погибли, мир их праху, но ветер мы удержали... Раскачивать Землю несложно, этому мы учим обычных городских детей, а Хранителей мало. Истинными Хранителями становятся только потомки тех, кто родился на Вечных пожарищах.— Разозлить Бердера не представлялось возможным, перед Артуром сидел фанатик, истово преданный своим диким ритуалам.— Наши деды начали писать Книгу, не вашу дурацкую Библию, а настоящую Книгу нового мира. Мы закончим работу, потому что так сказано, и равновесие вернется в мир. И ты поможешь нам, Проснувшийся, так сказано в Книге!

— Вы всерьез считаете, что я помогу вам изгонять фермеров? — У Артура в голове все смешалось.— Даже если бы я умел воевать, я не стану убийцей мирных граждан. Вы меня с кем-то спутали, ребята, я самый обычный человек.

Его отважная речь не произвела на Качальщиков должного впечатления. Исмаил насыпал в ладонь Бердера горстку сухофруктов, его молчаливый спутник набивал трубку. Кони пере-

секли бетонную дорогу, ведущую теперь в никуда. Вместо кольцевой развязки с указателями улиц возник непроходимый частокол елей.

— Ты обычный человек, но в тебе есть забытая справедливость. Твоя справедливость отвечает трем главным узлам равновесия, но она же приписывает нам злобу и коварство. Ты дашь свое семя мамам и вырастишь Тех, кто раскачивает. Ты будешь жить в общине Хранителей и будешь учиться, пока не станешь нашим клинком. Ты получишь женщину, которую выбрал. Так сказано в Книге. А затем, когда ты поймешь нашу правоту, ты покинешь общину и сделаешь то, ради чего проснулся...

Жеребец под Артуром всхрапнул, почуяв кобылу. Впереди, на залитой солнцем полянке, из каменных плит развалившегося фундамента поднимались заросли малинника. Там же стояла знакомая карета, и Анна Первая подвешивала кобылицам на морды торбы с зерном. Мамочки собирали ягоды, повизгивая от радости, как выпускницы детского сада. С Надей ничего не случилось. Коваль прикрыл глаза, чувствуя теплую волну, прокатившуюся по сердцу. Как мало человеку надо, подумал он, иногда достаточно слышать смех женщины, с которой провел всего пару часов в постели... Черт, неужели эти маньяки запрут его на несколько лет в чащобе? Да и пусть запрут, лишь бы с ней!

— Так ради чего я, по-твоему, проснулся?

Коваль спрыгнул с коня; Надя уже бежала навстречу.

— Ты найдешь Слабые метки там, куда нам закрыт вход. В вонючем городе, где равновесие нарушено сильнее всего, где собрано все зло российской земли. Ты разрушишь Москву, Проснувшийся демон.

Глава двадцать вторая

Враги и союзники

Артур потерял счет дням. Первые два месяца он делал зарубки ножом на столбах у входа в новое жилище, но потом запутался. Много раз ему приходилось покидать дом, отправ-

ляясь вместе с Качальщиками в дальние экспедиции, а вернувшись, он не мог восстановить календарь. Собственно, ему предоставили не один дом, а целых три, но большую часть из редких спокойных ночей Коваль проводил с Надей. После тридцатой зарубки он еще строил планы на побег, а после сорок второй понял, что никуда не уйдет, пока не подержит в руках будущего ребенка.

Надя Ван Гог была беременна, и еще две женщины понесли от него. Обеих Артур увидел в лесной общине впервые, их привезли из каких-то дальних уральских поселений. Единственным человеком, который испытывал стыд и неловкость при подобных обменах, был сам Артур. Если Надя и ревновала, то никак этого не показывала. В конце концов будущий отец успокоил себя тем, что после вторых родов его супруге должны были подыскать нового муженька на пару ночей. Это было дикостью, но здесь это было нормально. Женщины-Качальщицы точно так же, как городские, страдали бесплодием.

Сознание Артура притупилось, он словно плавал постоянно внутри огромного звуконепроницаемого пузыря. Неделя проходила за неделей, но скучать было некогда; напротив, он с трудом урывал минуты для отдыха. Ему ни разу не напоминали о далеких стратегических планах, и постепенно Артур примирился с пленом, с тяжелым трудом и изматывающей муштрой. Он учился, прижав ухо к земле, узнавать походку лесных зверей. Он учился по запаху определять вредные промышленные зоны. Первый раз он просидел неделю на болотной кочке, пока не угадал, в каком месте Бердер зарыл ртутный термометр.

Три месяца он стонал и плакал, пока ноги не привыкли ходить босиком. А потом снова плакал, потому что пришлось босиком ходить по снегу. Дважды он едва не замерз, когда Бердер оставлял его спать в сугробе. Пока он не привык регулировать температуру тела, он передвигался вприпрыжку, поминутно растирая пальцы. Его кусали восемь раз, прежде чем он нашел общий язык со всеми собаками деревни. А после Бердер возил его вместе с другими учениками, подростками, в другие деревни, чтобы и там бросить наедине с собаками.

Когда он почувствовал себя комфортно и мог засыпать, привалившись к любому незнакомому псу, и уже считал себя лучшим кинологом всех времен и народов, Бердер перешел к

волкам. Сначала, правда, к волчатам. А затем отдал Артуру на воспитание едва вылупившегося крылатого змея.

По вечерам метали ножи; Бердер полагал, что при свете дня и дурак успеет попасть в две подкинутые глиняные плошки. Сам он сбивал, не давая долететь до земли, целых шесть штук. Ночами разыскивали заброшенные деревни и колодцы с чистой водой. Находить деревни, где не водилось вредных производств, было тяжелее всего, они почти не «пахли». Но только навострившись отделять невинные скопища домишек от источников злостной химии, можно было перейти к поиску Слабых меток...

Артур говорил себе, что никто не заставит его пойти на убийство невиновных, но ничего плохого нет в том, чтобы получше изучить общество самых загадочных, окутанных легендами жителей Урала. Никто не требовал от него присягать на верность, как папа Рубенс, и никто не проводил с ним политинформаций. Все были слишком заняты.

Артур понятия не имел, сколько сотен километров они отмахали от Шарьи по дорогам и без дорог, прежде чем достигли общины. Сначала около часа лошади рысили среди огородов и возделанных полей, затем показались первые дымки и крепкие, сбитые из цельных бревен дома. Деревня располагалась в лесу, под таким густым пологом листвы, что даже в сильные дожди капли до земли почти не долетали. Пленник так и не узнал, сколько людей проживало здесь постоянно, мамочки и детишки появлялись и исчезали. Одним краем деревня выходила на реку, по ней сплавлялись на лодках и плотах, но воду никто не пил, потому что сразу за границей вековых елей начиналось Вечное пожарище, откуда и текла река. За пожарищем ленивыми зелеными горбами тянулся Уральский хребет.

Здесь не росли пятнистые папоротники, местная пустыня уже начала зарастать первыми здоровыми побегами, но со стороны мертвой зоны на несколько километров тянулся высокий рукотворный вал и ров с черной водой. Это был единственный забор в деревне и за ее пределами. В сезон сбора урожая Качальщики приводили издалека пленных дикарей; те помогали собирать картошку, косить на зиму сено и подсыпали вал. Затем вдоль рва проходили Хранители и рассеивали над водой черный порошок. Вряд ли это служило целям обеззаражива-

ния, зато Коваль собственными глазами видел, что лесные зверьки и отставшие от стада коровы резко поворачивали в сторону, едва учуяв преграду. Очевидно, граница сдерживала ту, другую, живность, что могла явиться со стороны пустыни...

Он навидался разных дикарей — и шептунов, и чингисов, и Желтых, и много других племен, рассеянных по забытым совхозным усадьбам и уцелевшим поселкам. Многие сохранили речь и выглядели вполне разумными, но встречались и такие, кого понуждали к работе лишь порцией дурмана. Некоторые пытались бежать. Застав пару таких попыток, Артур навсегда отказался от подобной идеи. За беглецами не отправляли стражу, да и не было среди Качальщиков вооруженных бойцов. Повинуясь приказу, над лесом взлетали крылатые змеи. Или, уткнув морды в землю, неторопливой трусцой исчезала в зарослях волчья стая.

Старшего Хранителя законов звали Прохор Второй, он жил в длинной избе на пригорке вместе с четырьмя учениками и ученицами. Там же располагалась своего рода лаборатория, где Хранители выводили новые виды. Коваля в лабораторию не приглашали; подобные умения были доступны лишь потомкам первых мутантов. Зато Прохор Второй беспрепятственно пускал его в библиотеку, хотя книги здесь оказались весьма специфические. Атласы по зоологии и анатомии, всевозможные учебники по химии и ботанике, справочники по рефлексотерапии, иглоукалыванию и прочим восточным хитростям. Помимо драконов, к первому снегу Анна Четвертая, любимая ученица Хранителя, вывела чрезвычайно полезную в хозяйстве породу двухметровых бескостных окуней. Окуни задумчиво плавали в пруду и жрали все, что им кидали.

Прохор признавал, что крылатые змеи удались не вполне, но продолжал их штамповать, скрещивая клетки жаб, пойманных на границе пожарища. В хозяйстве от драконов не было никакого толку, но в качестве средства устрашения дикарей они подходили идеально. Единственный серьезный минус — на всю зиму рептилии засыпали.

Анна Третья, дочь Первой, увлеченно занималась ночными птицами. Несколько раз, задрав голову, Коваль наблюдал, как пятнадцатилетняя девчонка, усевшись верхом на ветке, кормит сырым мясом филина, размерами не уступающего взрослому

грифу. Коваль не мог отделаться от мысли, что он где-то уже все это видел. Словно наряду с волшебными способностями Качальщики впитали в кровь разрозненные обрывки сказочного фольклора. Девочки, кормящие филина, огнедышащие змеи, гигантские кони с двумя сердечными мышцами и кошачьими глазами, способные сутки напролет скакать по лесам...

Он уже знал, что существуют как минимум четыре большие общины Качальщиков, и самая крупная — на севере, в месте бывшей дислокации атомоходов. Артур смутно вспоминал, что там же, в беломорских шхерах, военные консервировали отработанное топливо с подводных лодок. С северянами поддерживалась постоянная связь без всяких голубей; именно туда и повез пленника Бердер в первую «командировку». Первые два дня пути их сопровождали трое мужчин, затем попутчики свернули. Им предстояло растворить какой-то городок, где обнаружился намек на звенящий узел. Слабые метки постоянно смещались, и служба Хранителя меток днем и ночью просиживала над картами. Когда три «плавающих» узла собирались треугольником, Качальщики ловили благоприятный момент и срывались в лес. В дом Хранителя меток Коваля не приглашали, но и не отказывали в посещениях.

Судя по старым картам страны, к зиме сто двадцать седьмого года колдуны очистили от следов цивилизации колоссальные области. К востоку от Урала на тысячу километров не оставалось ни одной деревни. Кое-как держались крупные города, и в этом заключалась самая интересная для Артура тайна. Качальщики избегали крупных технических объектов. Исмаил не врал. Поселки, где жители восстановили промышленность, они не трогали. На европейской части страны экспансия «новых зеленых» шла медленнее, а к поясу московских пригородов ни один колдун не приближался.

Коваль научился спать в седле и не боялся уже управлять черным иноходцем. Жеребец мчался за своим собратом, не останавливаясь, с разгона переплывал реки и взбирался по кручам, а позади, отставая, чтобы полакомиться всем, что движется, мчалось звено крылатых. Когда бестолковые ящеры чересчур увлекались преследованием добычи, Бердер слезал с коня и нещадно стегал их кнутом. Коваль всякий раз вздрагивал, когда чешуйчатые твари щелкали зубами возле

сапог Качальщика. Он не решился бы повторить такой опыт, для плотоядных рептилий Артур еще долго оставался чужим.

В северную общину Коваль ездил трижды и всякий раз проводил там по три недели. Местные Качальщики резко отличались от уральских, и здесь он впервые встретил настоящих уродов. Очень многие рождались и вырастали лысыми, даже в пятом поколении. Многие страдали врожденной слепотой. Как ни странно, слепой была и Хранительница Книги.

Высокая худая женщина в длинном шерстяном пончо быстро провела ладонью по лицу Артура. За ее спиной на укрытых мехами лавках собралось все взрослое население деревни. Коваль чувствовал дьявольскую усталость после недельной гонки, но отдохнуть ему не позволили. Оглядываясь потом в прошлое, он так и не смог вспомнить ни одного праздного дня.

Он представлял себе священное писание Качальщиков в виде громоздкого тома, но книг оказалось несколько. Старые книги размножали и рассылали по общинам, а свежую заполняли прямо сейчас. По сути, история народа писалась ежедневно. Все большие и малые новости, происходящие в мире Качальщиков, находили немедленное отражение в Книге. Второй раз после пробуждения Коваля усаживали перед аудиторией, и снова он говорил больше четырех часов. Но, в отличие от лекции в пассажирском вагоне, здесь его никто не перебивал и не задавал идиотских вопросов. Иногда вежливо просили повторить, когда трое писцов не успевали. Наконец страницы, посвященные Проснувшемуся демону, были завершены, просушены и подшиты в новую тетрадь.

Больше от пленника не требовали раскрывать рот. Три недели Артур постигал новые предметы. В пять утра он окунался в бочку с ледяной водой и разогревал ее своим телом, затем до завтрака растирал в ступке травы, учился накидывать лассо и объезжать оленей. Кормили невкусно, но до отвала. После завтрака он надевал толстые перчатки и штаны. Его тренировали обороняться против собак. На исходе второй недели он потерял килограммов пять веса, но, не допуская укусов, ломал лапы четверым, а то и пятерым зверям. После обеда ему предоставляли час на сон с одним условием: спать приходилось на тонкой ветке или лежа в колодце с полой трубочкой во рту. К концу первой «командировки» Артур засыпал по команде

стоя или в любом другом положении. И просыпался тоже по команде. После «отдыха» он вместе с местными подростками учился читать следы или выходил на рыбалку.

Рыбу следовало ловить голыми руками. Добыча начинающего охотника и рыболова становилась его ужином, поэтому Коваль почти каждый вечер ложился спать на голодный желудок. В лучшем случае ему удавалось перехватить ягод или запечь парочку грибов. Охотиться он так и не научился ни на Севере, ни «дома», на Урале.

После ужина начиналось самое трудное — рукопашный бой. Представления местных «инструкторов» о самообороне значительно отличались от методик начала двадцатого века. По крайней мере, от европейских методик. Артур не обладал и малой толикой тех навыков, которые достались мутантам по наследству. Зализывая раны, он с горьким смехом вспоминал, как обманчиво легко повязал раненого Исмаила. Артура ставили в центр круга диаметром метра два и кидались в него камушками. Сначала два, затем четыре человека обстреливали его, норовя попасть в голову. Когда он научился уклоняться, в ход пошли пращи, а круг под ногами уменьшили до размеров канализационного люка. На восьмой день Бердер несильно выстрелил в Коваля из лука. Стрела застряла под лопаткой, и было очень больно. На одиннадцатый день ему завязали глаза и велели ловить камни. Пару штук он поймал, но едва не лишился зубов.

Когда наступала темнота, переходили к последней процедуре — игре в пятнашки. Бердер сказал, что настоящий воин не должен допустить контактной борьбы. Воин, обнявшийся с противником, подставляет под удар спину. В тесной землянке при свете масляных ламп за Артуром гонялись четверо с короткими дубинками в руках. Периодически «водящий» менялся, и Артур, в свою очередь, преследовал полуголого лысого пацана, норовя достать его палкой. Обороняющемуся было разрешено все, нападавшие могли только салить.

К финалу третьей недели Коваль мог уже продержаться почти четверть часа, не задетый дубинкой. Бердер сказал, что для начала неплохо. Большей похвалы от него Коваль за два года не услышал.

Иногда тренинги сменялись не менее захватывающими химическими опытами. Следовало запомнить запахи нескольких

сотен травок, собранных от Поморья до Кубани, и безошибочно подбирать пропорции лечебных мазей. В следующий приезд на Север ему доверили подготовку ядов и наркотических препаратов. Все, что годилось для лечения, точно так же могло и убивать. Особую осторожность надо было соблюдать с растениями, собранными в зонах пожарищ. Одна капля выжимки из какого-то неведомого гриба могла остановить кровь и заживить любой порез, но две капли этого же вещества убивали человека за полсекунды. За подобные препараты городские очень хорошо платили, и Артур вспомнил найденного им во дворе института убитого курьера. Тот тоже нес в термосе выжимку...

Едва завидев дымки родной деревни, Артур ощутил в груди нарастающую радость. Он начал привыкать к своим новым соседям и не мог пока сказать, хорошо это или плохо. Человек может выжить везде, говорил он себе, обнимая ночью Надю Ван Гог. Вопрос в том, как человек видит свое предназначение. Эти суровые люди, несмотря на свои безумные теории равновесия, создали достаточно крепкое и справедливое общество. Общины удерживались артельным трудом, практически не развивая частную собственность, и в основе крепости отношений лежала великая цель. Сознание исключительности прививалось с детства, хотя при этом же оборотной стороной медали вырастал червячок ущербности. Качальщики вырастали, зная о всеобщей ненависти и страхе, зная, что путь в города им отрезан. Ссориться с сородичами было бесполезно, так и так вернешься в деревню...

Возможно, здесь ему тяжелее, чем в родном городе, но зато безумно интересно. Его не поставили, как пленного дикаря, чистить выгребные ямы или ухаживать за свиньями. К обязательным повинностям относилась работа на полях и охота, но в поисках пропитания участвовала вся деревня, не исключая старейшин. А могло ведь все оказаться иначе, и жил бы Артур не в отдельном, пусть и однокомнатном, домике, а в сыром бараке под охраной голодного крокодила. Пусть Исмаил с Бердером лелеют насчет него самые бредовые планы, главное — продержаться, а там посмотрим. Главное — пережить зиму, не забыть алфавит, не опускаться до животного...

Коваль вваливался ночью и целовал спящую жену. Во сколько бы он ни появился, за полночь или под утро, Надя поднималась и с закрытыми глазами шла доставать из печи го-

рячие кастрюльки, закутанные в полотенца. Даже когда жена была нездорова, Артура ждала натопленная баня и свежая постель. Коваль жалел ее, пытался отговаривать, но перешибить воспитание Надиной матери так и не сумел.

Еще одна житейская мудрость. Возможно, у них с Натальей и возникало столько проблем от незанятости. Слишком много свободного времени оставалось для самокопания и взаимных упреков. Чем меньше мы рассуждаем о любви, тем крепче наши семьи, посмеивался новый многоженец. Люди вернулись к естественным отношениям, и пропала нужда в психоаналитиках, потому что, когда все заняты, нет места неврозам. Вот и она, пусть не счастлива, но вполне довольна. И носит моего ребенка, как странно... А счастлив ли я? Шут его знает. Говорить с ней особо не о чем, курорты и модные показы не появятся в ближайшую тысячу лет...

После первой поездки Коваль участвовал в семнадцати больших и сорока малых охотах, и как-то зимой, пробираясь за компанию с псами сквозь сугробы, он впервые почувствовал медвежью лежку. Это было, как внезапно понять чужой язык или научиться плавать. С того дня он начал выходить в лес один. Он перестал бояться, теперь он слышал. Он знал, как правильно прикрыть глаза и погрузить себя в состояние отрешенности, когда в ушах начинают стучать сердечки всех теплокровных в округе. Прохор Второй учил его подчинять себе любое животное. Это оказалось намного сложнее, чем уклоняться от камней. Когда по команде Артура с дерева спустилась белочка, чтобы минутку посидеть на его плече, он чуть не завопил от радости. И тут же потерял тонкую нить волевого усилия, что удерживала грызуна в повиновении. Белка укусила его и стрелой умчалась по стволу, но Коваль был счастлив. Прохор Второй улыбался в бороду.

Пока Артуру подчинился ящер, прошло еще три месяца. И прошло еще полгода, прежде чем на зов человека из бурелома вышел медведь и улегся у его ног. Кроме Прохора Второго, наибольшие проблемы Ковалю доставляла Первая Анна. Он чувствовал себя полным идиотом, сидя по четыре часа с зажатым в кулаке стебельком травы. Лучше бы я проснулся в век качественного колдовства, в век заклинаний и вредных гоблинов, жаловался супруге несостоявшийся старшина. Надя не спорила, она прекрасно пользовалась языком, но не для поддержания

бесед. А травинка в кулаке оставалась сухой и холодной, потому что о колдовстве и заклинаниях Анна ничего не знала и научить не могла. Оживлять сено следовало усилием мысли.

Коваль думал об этой проклятой травинке по утрам, когда перехватывал ладонью летящие стрелы. Он вспоминал о ней по ночам, когда со связанными кистями рук убегал от вооруженных кнутами всадников. Он проклинал ее, когда учился метать пращу и добывать в сыром лесу огонь. Он тысячи раз втыкал соломинку в снег, зная, что добивается невозможного. Рядом с ним у Анны Третьей, Хранительницы в шестом поколении, посреди сугроба расцветал розовый куст. Эти детки, они были другими, в их жилах текла измененная кровь пожарищ...

Он оживил травинку в тот день, когда Надя Ван Гог родила сына. Коваль был ужасно доволен, что двух других беременных от него женщин давно увезли из деревни. Качальщики жили по своим правилам и обменивались живой силой, еще находящейся в утробе матерей.

Возле хибарки Коваля собралась вся деревня. Он трогал полустершиеся зарубки на столбе, глядел в холодное апрельское небо и слушал крики своего ребенка. Он уже не знал, кем себя чувствует,— пленником, подмастерьем или пресловутым Клинком, обещанным Книгой. За девять месяцев Артур не прикоснулся к огнестрельному оружию, ни разу не услышал оскорбления и не поймал на себе косой взгляд. Питер он вспоминал все реже, и не разрушенный Питер, где разгуливали лысые псы, а тот, прежний, где под пролетами вздыбленных мостов плавали катера, а на граните набережных целовались парочки...

На влажной весенней земле раскидали солому и поставили длинные столы. Здесь были все: и Хранительница времени, старуха Ильма, и Хранитель полей, одноглазый Борис с сыновьями, и знатоки Слабых меток, Матвей и Алина. Пришли с детьми и внуками, точно так же, как приходили и в другие дома, когда там рождались дети. Они не делали разницы между семьей Коваля и своими родичами...

Хозяйка рода, мама Клавдия, приняла роды и вынесла младенца показать толпе. Ее появление встретил общий рев и грохот глиняных кружек. А запутавшийся в чувствах папаша переживал на задворках избы последние пароксизмы боли. Слезы лились из его глаз, Артур смеялся и плакал, держась за живот. Его

учителя явно перестарались, последние дни от мучений жены он неоднократно валился на снег, сжимая зубы, чтобы не закричать.

Черт подери! Он не женился до погружения, а эта девочка, с которой его не связывало ничего, кроме удивительного совпадения и нечастых битв в постели, девочка, которую он не видел месяцами, стала теперь его семьей. Настоящей семьей, которую надо кормить и о которой надо заботиться...

И в этот момент Ковалю попался на глаза пучок соломы. Он присел на корточки и проделал в мерзлой земле ямку. Воткнул туда засохшую травинку и обнял ее ладонями, уже не сомневаясь, что на сей раз все получится. Когда Артур, спустя четверть часа, разжал руки, глаза заливал пот, сердце колотилось, но посреди обледенелого двора тянулся к солнцу зеленый росток.

— Неплохо! — сказал из-за плеча Бердер и увел ослабевшего ботаника за праздничный стол.

— Когда вы заберете ребенка? — между поздравлениями осмелился спросить Артур.

Бердер переглянулся с мамой Клавдией. Повитуха смеялась, подливая мужчинам хмельной квас.

— Сегодня ты сделал мертвое живым. Когда ты научишься делать живое мертвым, ты будешь готов уйти.

— А если я никогда не научусь? Ведь пчелы меня так и не слушаются. И невидимкой быть не получается. И дерево без пилы не могу повалить...

— Значит, мы ошибались! — пожал плечами Бердер.— И зря ловили для папаши Рубенса тигрят.

Оба улыбались, и оба понимали, что говорят не о том. Оба понимали, что говорят не о ребенке и не об ожившем пучке сена. Итальянские губы Хранителя силы кривились, за зиму Бердер еще больше поседел, и Артур вдруг представил себе, каким станет воспитатель бойцов лет через двадцать. Возможно, все останется как есть, и вы сохраните свою смехотворную лесную демократию, думал он, прихлебывая черный квас, но все ведь может пойти иначе. Вдруг ты решишь, что на правах лучшего воина тебе незачем подчиняться старейшинам и стоит потребовать самый жирный кусок мяса за риск? А вот сидит Борис, Хозяин дерева, лучший плотник, столяр, мастер. Что, если ему надоест получать общий паек наравне со скотоводами, и он потребует

платы за каждый табурет? А потом начнет учить пацанов за деньги... Сколько еще продержится ваш первобытный строй? А что случится, если попробовать забрать ваших деток в большой город, которого вы так боитесь? Вдруг никто не погибнет, как вы им внушаете, а напротив, детишкам там понравится? Не бог весть что, ни театров, ни музеев, но какие возможности для начинающих капиталистов...

— Через месяц мы снова едем в Мурманск.— Бердер поднял за шкирку крутящегося под столом волчонка.— Вместе с тобой еще три ученика. Хранительница ждет тебя, чтобы продолжить Книгу. Потом мы поговорим о Москве.— Он повелительным жестом велел Артуру замолчать.— Если у ребенка нет отца, старейшины решают, кем он вырастет.

— А если отец уходит и возвращается? — Артур понизил голос, но Хранитель силы легко угадывал слова по губам.

— Пока отец жив, никто не имеет права на его женщину и его детей.

— Ты негодяй! Это называется бить «ниже пояса»! — покачал головой Коваль.— Ты говорил, что Надя должна родить еще от двоих мужчин?

— Не обязательно! — глядя Ковалю в глаза, Бердер сунул волчонку ладонь в пасть.— Мы сами пишем Книгу, Клинок. А когда мы ее потом читаем, рождаются законы. Ты поговоришь с Хранительницей и сам решишь, как тебе поступить.

Вот сволочи, подумал Коваль, принимая очередное поздравление, вот мерзавцы! Они поймали его в капкан. Теперь, когда он не побоялся бы один пройти полстраны, когда лес стал для него родным и ни одно живое существо не задержало бы его на пути в столицу, чертовы колдуны добились главного.

Теперь ему есть что терять.

Глава двадцать третья

Как писать книги

— Расскажи мне о ней.— Мама Рита курила кальян. Незрячие глаза ей заменяли сверхъестественная ориентация и слух. По звуку перьев на бумаге она моментально угадывала, кто из

писцов допустил ошибку.— Ты слишком часто вспоминаешь о ней, Проснувшийся, из-за этого не можешь обрести равновесие. Расскажи, и я не буду давать тебе советов.

И неожиданно для себя Артур начал говорить. Он молчал целый год, ни с кем не делясь своей застарелой болью. Ему казалось, что раз не нашлось друзей, способных понять, даже в институте, то уж всяко незачем мусолить прошлые беды со вшивыми дикарями.

— Она... Мы познакомились на моей защите. Ах, что я говорю? Как же вам объяснить... Впрочем, неважно. Я был книжником, ученым, я работал в таком месте, где придумывали, как лечить людей холодом и как сделать, чтобы человек мог заснуть на много лет и проснуться без потерь для здоровья. Понимаете? А Наташа была студенткой, она писала диплом... Черт, опять не то!

— Не волнуйся, Клинок! — мягко перебила мама Рита.— Говори, как умеешь, не ищи слова для меня.

— Ну вот. Мы начали встречаться, а потом стали жить вместе. Все началось из-за моей матери, то есть нет, нельзя так говорить. Я один виноват. У Наташи мы жить не могли, потому что там тесно, и ее отец тогда сам недавно женился. Ее мать умерла, словом, ситуация была непростая. Мы могли бы снимать квартиру, но я пожадничал. Все, что случилось, вышло из-за моей жадности. Мои предки были, в общем-то, не против, чтобы Наталья переехала к нам, в трехкомнатную. Места бы всем хватило. Сначала мы так и сделали, месяц все было хорошо, но потом...

— Наташа не поладила с твоей матерью?

— Да, то есть нет. Все сложнее, а вообще-то такая глупость. Понимаете, моей матери стало казаться, что отец...

— Что он заигрывает с твоей женщиной? — Как хорошо, что мама Рита была слепой. Коваль бы не выдержал сейчас чужого сочувствия.

— В общем, да. Такого никогда раньше не случалось, я хочу сказать, что даже представить себе не мог. Но родители со мной эту тему не поднимали, я уходил утром и возвращался поздно вечером... Вы только не подумайте, никаких сцен не было, но однажды вечером...

Однажды вечером я пришел, а Наталья сидела во дворе, на качелях, и она была пьяна. Впервые я видел ее пьяной. Она

сказала, что наверх больше не поднимется и чтобы я забрал ее вещи. Она сказала, что сейчас же уедет домой, а если я хочу строить отношения и дальше, то должен выбирать между ней и мамочкой. Она прямо-таки выплюнула мне в лицо — «с мамочкой»! Мне так и не удалось заставить ее вернуться. Когда я пришел домой, мать наглоталась сердечных капель и заперлась, не стала со мной говорить. А отец пил водку и понес такую чушь, что я уже не знал, к кому из них первому вызывать «скорую»... то есть лекарей. Я отвез Наташу на такси к ее мачехе, отец ее был в командировке. Короче, общая истерика...

Никто мне так и не признался, в чем дело, сколько я ни бился. Вы поймите, я очень любил эту девушку и тогда бы, наверное, простил ей все. У меня не было случая ее ревновать, просто мы... Мы тогда почти нигде не бывали вместе, я работал, Наташа ухаживала за умирающей матерью, я никогда бы не стал следить за ней...

— Ты узнал, что она заигрывала с твоим отцом у тебя за спиной, так?

— Тогда я ничего не узнал.— Артур, как ни странно, начал постепенно успокаиваться.— Наташа даже перезванивалась с моей мамой. Они словно сговорились, упирали на то, будто слегка повздорили. Ну, две хозяйки на одной кухне, и все такое...

Вы понимаете? Я не стал докапываться, да и некогда было во все влезать. Теперь я думаю, что, если бы тогда настоял на своем, все пошло бы иначе. Папа пару раз пытался со мной поговорить, он видел, что я дуюсь на маму, и чувствовал свою вину. Как-то он даже выпил для храбрости и целый вечер крутился возле меня. Наверное, у меня были проблемы на работе в тот день, я уже не помню, но помню, что вернулся и нагрубил матери. Она спросила что-то вроде: «Когда ты остепенишься?», а я крикнул в ответ...

Короче, я выразился в том духе, что пытался остепениться, но из-за бабской стервозности, скорее всего, останусь холостяком. Маме стало нехорошо, и отец чуть было не рассказал мне все, но так и не отважился. Теперь я не понимаю, как я мог не замечать его мучений. В сущности, он не сделал ничего страшного...

— Почему вы не построили отдельный дом, Артур?

В жаркой тишине натопленной избы слышалось лишь потрескивание поленьев и скрип пера. Артур уже привык, что

все слова Проснувшегося демона становились частью Книги, частью общей истории Качальщиков. Ученица разожгла для мамы Риты кальян.

— Тогда жилье было слишком дорого... — Он замялся.— Даже дом в лесу стоил больших денег.

— Кто с тебя брал золото за постройку дома в лесу?! — Мама Рита была искренне поражена.

— Государство, или владелец земли. Кроме того, стройматериалы были, мягко говоря, мне не по карману...

— Государство? — Хранительница оживилась.— Кучка старейшин, заявлявших, что реки и леса принадлежат им, так ведь?

— Ну... не совсем так, но в принципе верно. Одним словом, при той моей зарплате это было невозможно — купить квартиру или дом. Но у папы была дача в садоводстве. Э-э-э... это такой домик за городом, в котором живут только летом, там нет отопления... Глупо звучит, да? И я подумал: пока жарко, почему бы нам не пожить с Наташей на даче? Огурцами мы не занимаемся, электричка рядом, до города полчаса. Ну, лето перебьемся, а там придумаем что-нибудь. Ведь получилось нелепо, всего месяц прошел семейной жизни, и разбежались. У меня водилась монета, я подрабатывал на переводах, мог бы снять хату. Но я пожадничал, повел себя, как последний скопидом. Я так хотел скопить на новый мотоцикл... Мотоцикл — это такая машина...

— Я знаю, что такое мотоцикл.— Мама Рита выдохнула дым.

— Наташа согласилась пожить лето на даче. Мне показалось, она даже обрадовалась. И она сама нашла «харлей». Мой старый мотоцикл, даже не мой, а отца. Это была жутко древняя модель, но исправный, на ходу. Я гонял на нем, пока учился в школе, когда приезжал на каникулы, и все пацаны мне жутко завидовали. В тот вечер мы отпраздновали... повторное начало семейной жизни, выпили немного, короче, валяли дурака. Наташка попросила ее покатать, а потом заявила, что и сама умеет ездить. Оказывается, ее бывший парень занимался в мотоклубе. Милая история, да? Если бы я не был под мухой, я ни за что бы не согласился. Да кроме того, мне бы и в голову не пришло, что «харлей» заведется, аккумулятора вообще не было...

Но он завелся с разбега, представляете? Да, эта проклятая железяка завелась, и мы часа два гоняли по дорожкам садоводства, распугивая коз и велосипедистов. Наташа меня просила

дать ей самой прокатиться, но я боялся. Хотя там было пусто, и ни одной машины. Мы даже подрались тогда, в шутку, конечно... — Коваль спрятал лицо в ладонях.— А потом мы решили поехать в круглосуточный магазин, купить чего-нибудь сладкого к чаю, и еще шампанского. Я пошел в магазин, а ее оставил в седле, и мотор работал. И, как назло, представьте себе, в одиннадцать вечера в лабазе собралась очередь. Там орала музыка, и не было слышно, что происходит на улице. Когда я вышел с шампанским и с вафельным тортом, она уже уехала.

— Она была смелой женщиной...

— Да, пожалуй. Хотя я не назвал бы это смелостью. Потом, после похорон, когда мать мне все рассказала, я понял. Это называлось «попробовать в жизни все». Я ее совсем не знал, Наташу, не знал, чем она занимается без меня. Я был настолько влюблен, что не замечал очевидных вещей.

— Она упала с мотоцикла?

— Она столкнулась с грузовиком, с мусоровозом. Там, на скамеечке, сидели ребята, пили пиво, они мне потом рассказывали. Сначала она ждала меня, затем проехалась пару раз по кругу, но не знала, как включить фару. Выключатель давно сломался, там следовало соединить проводки. Так она и уехала, без света. Главная аллея освещалась фонарями, но Наташка, наверное, решила проехать по кругу, как это делали мы вместе. Или просто разогналась и не успела развернуться в конце дороги, успела только свернуть. Мусоровоз сдавал задом, огни были в порядке, но шоферу бы и в голову не пришло, что кто-то влезет ему под задние колеса. Он и увидел ее уже после того как мотоцикл загорелся... — Артур налил мятного чая из огромного медного самовара.

— Ты не все рассказал.

— Почти все. Просто мама решила, что, возможно, мне будет не так больно, если я узнаю... За тот месяц, что мы прожили вместе, она дважды заставала отца на кухне с Наташкой и один раз видела их вместе в мороженице. То есть ничего такого, понимаете? Они кушали на кухне и хохотали, вот и все. Но мама прожила с папой много лет и заметила, что он стал тщательнее бриться и перестал носить дома тренировочный костюм. Второй раз она застала их, когда папка с Наташей пили вино и сидели почти в обнимку. А потом мать встретила их в мороженице.

— Что такое «мороженица»?

— Гм... Это такое место, куда люди приходили покушать.

— Общинная кухня?

— Нет, не совсем. Там подавали только сладкое замерзшее молоко, смешанное с ягодами и орехами.

— Это хорошая мысль. Кушать замерзшее молоко было непристойно?

— Конечно, нет. Да это и не было дорогое кафе, а так, буфет в магазине. Отец сидел с сумками, с хлебом, да он и не пытался прятаться. Наоборот, заметил маму и помахал ей. Но это... Как бы вам объяснить? Папа не сделал ничего плохого, дело было не в нем, вы понимаете?

— Думаю, да... — Хранительница задумалась.— Твоя женщина позорила твои чувства. Ты любишь ее и теперь, Клинок?

— Теперь мне легче. В те дни... В те дни мне не хотелось жить. Я никого не любил до нее. Были, конечно, увлечения, но так, несерьезно... Все девушки мне казались скучными, они норовили устроиться перед телеком с вязанием в руках. Наталья была совсем иная, с ней я никогда не скучал. В общем, когда ее не стало, я потерялся. Я ухватился за эту идею — уснуть на двадцать лет. Мы не нашли бы ни одного добровольца на такой срок, понимаете? То есть вышло так, что я смалодушничал, я спрятался от своей вины в капсуле. Вместо того чтобы заниматься наукой — а ребята во мне нуждались,— я спокойненько уснул...

— Ты доволен семьей?

— Да, мама Рита. Я встретил добрую женщину и уже год живу с ней в согласии. Она родила мне сына. И поверьте, порой я даже благодарен Исмаилу. Если бы не он, я бы так и жил прошлым...

— Я обещала тебе не давать советов.— Сухие губы Хранительницы тронула улыбка.— Но скажу то, что думаю. Ты считаешь, что несправедливо избежал гибели в год Большой смерти. Но Хранители памяти вписали твое имя в Книгу почти семьдесят лет назад. Хранители памяти умеют видеть грядущее, но селятся отдельно. Тебе незачем с ними встречаться,— перебила она вопрос Артура.— Этим людям тяжело в сегодняшнем дне, они слышат другие времена. Ты поступил верно и проявил смелость. Твой старейшина Институт — я правильно его называю? — мог усыпить вместо тебя вора или

убийцу, но ты решился испытать новое волшебство на себе. Ты благородно поступил, и оставим это.

Послушай теперь меня. Еще два года ты будешь учиться, пока твоя женщина выносит второго ребенка. Ты будешь оберегать ее от тяжелой работы и учиться. Тебе никогда не стать таким, как наши воины, но Бердер сделает все, чтобы ты мог выжить один. В городе и в лесах. Молчи, не перебивай меня, я слышу твои мысли. Ты думаешь, почему мы не выбрали кого-то другого? Ты думаешь, мы, как ваши городские соборники, молимся на Книгу и боимся ступить шаг? Нет. Лишь два года назад Хранителям памяти открылось, что наша борьба не будет успешной, пока существует Москва. Другие города не так важны. Москва притягивает метки... Они приходят с Востока и кружат, кружат, как трупоеды, они слышат грязь. Если Хранители пропустят к Москве одну из Слабых, по-настоящему Слабых меток, что способны взрывать Землю...

Мы можем воспитать ребенка, даже двадцать или сто детей, и воспитать из них настоящие клинки, в сто раз лучше тебя. Но у нас нет столько времени ждать, пока дети вырастут. А те, кто сейчас в твоем возрасте, боятся и не пойдут в город. Туда могут пойти только горожане, но кто из них захочет служить Качальщикам? Кто из них поверит Книге?..

— А почему вы считаете, что я должен поверить? — робко осведомился Коваль.— Вы понимаете, что идете против естественного исторического пути? Промышленность неизбежно будет развиваться, и неизбежно появится государство, сколько бы вы ни старались...

— «Государство»! — фыркнула старуха.— Это слово шипит, как десяток вонючих летунов. То, что ты рассказывал здесь старейшинам про ваше государство, звучало страшно, как стон шатуна, и воняло, как гнилая вода, текущая с пожарищ. Что для тебя сделало государство? Ты не имел дома, где растить детей, ты ночами боялся отпускать свою женщину на улицу. Твой друг не хотел быть воином, но его увезли насильно, так ведь? Его увезли, и дали оружие, и заставили стрелять в мирных селян в горах. Потому что старейшинам в Москве так захотелось. Его убили, и никто не помог старикам. И тогда твой отец продал мотор, и мать продала золото, чтобы купить тебе... как это? Освобождение, так? Скажи мне: они поступили мудро?

— Я у них был единственный сын.

— Я спрашиваю: они поступили мудро или глупо?

— Это тяжелый вопрос... Наверное, в то время они поступили правильно. Они спасли меня от Чечни.

— Значит, когда простые горожане, не книжники, выкупают своих сыновей, это хорошо. А старейшины, которые правили в Московской крепости, посылали вас умирать. Эти люди в горах... Почему нельзя было поставить граничную стражу, выкопать ров вокруг их деревень и отозвать воинов? Ты говорил, что горцам принадлежало не так много земли.

— Все так запуталось... — Коваль нахмурился, подыскивая ответ.— Они этого и добивались, чтобы отсоединиться. Правительство считало, что нельзя нарушать целостность государстза...

— Опять ты произносишь это слово, Клинок. Какой бы вопрос я ни задала тебе о временах до Большой смерти, выходит, что люди хотели одного, а государство всегда делало наоборот. А когда я спрашиваю тебя, чьи решения были мудрыми, ты вздыхаешь и боишься собственных ответов. Я спросила тебя, почему твоя сестра хотела жить в Петербурге и не могла наняться на работу. Что ты ответил? Ваше государство не давало ей... как это? Про-пис-ку! Потому что она приехала из азиатского города...

— Из Душанбе.

— Да. Я забываю это имя... А там твою сестру и ее мужа чуть не убили и отняли у них дом. Что сделало твое государство? Кто послал воинов, чтобы заступиться за людей? А что ты говорил о своей матери, помнишь? Она нанималась много лет, но за работу получала не золото, а бумагу. Я знаю, вы все тогда получали бумагу. Но твоя мать отдавала свои бумаги... как это?

— В банк.

— Банк! Звучит как выстрел. И что сделало государство, когда старейшины этого самого банка ничего не отдали твоей матери? Не ты ли мне рассказывал в свой прошлый приезд, что эти же старейшины опять собирают золотые бумаги и живут в богатых домах на морских островах? Почему их не повесили за ноги и не надрезали им вены, чтобы ночью их поганые глаза выедали совы? — Хранительница закашлялась. Одна из девчонок поднялась и принесла маме чай.— Я не буду спорить с тобой, Клинок. Ты будешь учиться. Год, если надо, два или три. Пока не найдешь равновесие в душе. Ты верно чувству-

ешь справедливость, но тебя приучили быть послушным. Когда ты сумеешь жить по справедливости, а не по запретам, ты будешь готов стать Клинком.

— Но ведь я и здесь слушаюсь! — уперся Артур.— Иначе будет полная анархия. Ведь Качальщики тоже стремятся к организации, госпожа!..

Хранительница поднялась, давая понять, что аудиенция завершена.

— Ты ошибаешься в главном, Клинок. Ты слушался Бердера и других старейшин, потому что все это время боялся. Мы сделаем все, чтобы ты перестал бояться. Ты станешь свободен и поймешь, что никто тебя не держит. Ты мог бы уйти из общины в любой момент. Я хочу, чтобы тебя держал не страх, а справедливость.

— Госпожа! Только один вопрос, госпожа... — Артуру показалось, что второго такого момента не будет.— Моя жена, Надя... Это Исмаил так сделал, что я влюбился в нее?

Хранительница от души рассмеялась, закутываясь в шубу:

— Хоть мои глаза и не видят, я семь раз становилась матерью и познала пятерых мужчин. Но только одного я не могу забыть, Клинок. Он был норвежцем и не говорил по-нашему. Кожа его пахла солью, а ладони были шершавые, как кора столетней сосны. Он исколол меня бородой, так что утром пришлось намазаться маслом. Он оставил мне синяки по всему телу, так сказала моя сестра. Пальцы его были крепкие, как волчьи капканы. Он приплывал ко мне дважды, пока не стало ясно, что я понесла. Папа Клемент отдал ему на корабль четверых оленей. Прошло тридцать лет, Артур Кузнец, глаза мои так и не открылись. Но, если ты меня спросишь, я выберу не солнечный свет, а вкус соли на языке. Если ты сам не отдашь душу злу, никто не выберет за тебя, Артур.

Глава двадцать четвертая

Начало большой политики

Буланый рысак переступил тонкими ногами и потянулся доверчивой мордой к человеку за шлагбаумом. Кобыла отвер-

нулась и, натянув поводок, пощипывала молодую травку в расщелинах дороги.

— Путевая скотинка! — Человек в зеленой фуражке потрепал коня по холке.— Сколько хочешь за него, мужчина?

Бородатый дикарь в седле вежливо улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Лошади не продаются, стражник. Я могу бесплатно угостить тебя и твоих друзей чистой водой, вяленым мясом и фруктами, но я ничего не продаю. Я уже сказал, что не торговец.

— Тогда кто ты такой?

Человек за шлагбаумом быстро переглянулся с обоими подчиненными. Один солдат прятался в узкой бойнице цементного бункера, другой сидел, развалясь на коляске мотоцикла, и держался за приклад автомата. Стражнику не нравилось спокойствие дикаря. Конечно, всадник был дикарем, кожа его лица обветрилась до красноты, а ступни босых ног в стременах казались вырезанными из мореного дуба. К бокам коня были приторочены набитые кожаные баулы, но ни ружья, ни арбалета у гостя не имелось. По крайней мере, на виду. И это казалось очень странным.

— Откуда ты едешь? Ты отстал от каравана?

— Нет, я один.— Бородатый почесал коня за ухом, и у стражника вдруг екнуло сердце. За обшлагом рукава незнакомца блеснула сталь.— Я еду из... скажем так, из окрестностей Екатеринбурга.

— Что?! Ты смеешься над нами, мужчина? Где твое оружие? Ты один едешь верхом от Урала? Ты колдун?

— Не совсем один, и не колдун... — Дикарь опять улыбнулся, но улыбка его не была теплой.— Мои товарищи отстали немного. Они не хотят идти в Москву, а у меня там есть дела. Я ответил тебе, стражник? Пожалуйста, открой и пропусти меня...

— Я не стражник! — озлился обладатель военной формы.— Ты что, не видишь погон? Я капитан безопасности. Ну-ка, дыхни! — Он протянул уже знакомую дикарю розовую бумажку.

Тот послушно дыхнул. Цвет не изменился.

— Разве болезнь еще ходит? — удивился бородатый.— Мне говорили, что последнего заразного забили камнями лет десять назад... А ты действительно капитан! — вгляделся босоногий наездник.— Послушай, капитан. Я мог объехать ва-

шу заставу полем, но не хотел терять время. По пути я проехал десятки селений, где живут люди, и, как видишь, цел. Я стою здесь и разговариваю с тобой, хотя солнце садится, а мне хотелось бы до темноты достичь Москвы. Как ты думаешь, служивый, почему я добрался досюда сквозь заставы?

Капитан кинул косой взгляд на напарника и подумал, не позвонить ли в гарнизон. Солдат на мотоцикле, одетый в железнодорожный китель и пятнистые штаны, навел оружие на конного. Капитан вдруг понял, что ему еще в этой истории не нравится. Собаки не лаяли. Все три волкодава должны были уже рваться с поводков, но ни один даже не появился из-под навеса.

— Мне плевать, как ты ехал раньше,— сплюнул старший пограничник,— но здесь положено платить. Заплати, я тебе дам жетон, по нему тебя пустят переночевать в нашем гарнизоне. Или у тебя нечем заплатить? Тогда мы вызовем патруль и сдадим тебя майору. Он проверит, кто ты такой и откуда взялся!

Капитан взял коня под уздцы. Теперь, если будет доказано, что он поймал колдуна, а скорее всего, так оно и есть, одна из лошадок ему гарантирована...

— У меня есть чем заплатить,— не меняя тона, ответил дикарь.— Но тебе я ничего не дам, потому что платить не за что. Если сумеешь, подойди и возьми сам.— С этими словами бородатый расстегнул висевший у седла подсумок, засунул туда руку и показал целую пригоршню драгоценных камней. Затем матерчатая крышка подсумка опустилась, а дикарь вернул руку на седло.

Капитан беспомощно оглянулся на сержанта. Он не решался просто так выхватить револьвер и пристрелить наглеца. Солдат в амбразуре присвистнул; он немножко разбирался в камнях. Если это не подделки, то на майских торгах за то количество, что небрежно таскал в сумке вшивый дикарь, можно было бы купить целое стадо! Последние годы камни снова пошли в цену...

— И возьму!

Капитан кивнул сержанту. Тот, уже не скрываясь, поднял автомат. Дикарь скрестил руки на груди и отвернулся, словно речь шла не о нем. Капитан пролез под шлагбаумом и запустил руку в глубину подсумка.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что боец в дзоте, которому судьба отпустила еще пятьдесят лет, всякий раз

начинал задыхаться и махать руками, не в силах внятно описать события. У капитана кровь отхлынула от лица, он потерял фуражку и вытаращился на свою ладонь, на которой теперь не хватало трех пальцев. После этого он завопил тонким голосом, брызгая слюной, а сержант открыл стрельбу. Точнее, он передернул затвор и выпустил очередь в землю. После этого выронил оружие и схватился за левый глаз, из которого торчал метательный нож. Третий стражник располагал только арбалетами, причем последней модификации, сразу на три стрелы без перезарядки. Три стрелы он и выпустил, а затем еще три. Когда он снова поглядел в щелку, дикарь все так же незыблемо сидел на коне, а капитан валялся в пыли, прижимая к груди изуродованную кисть. Босоногий колдун поднял голову и, глядя арбалетчику в глаза через темную прорезь бойницы, выпустил из ладони шесть сломанных стрел.

— Выйди и подними бревно! — приказал колдун.

Солдат, чувствуя, что его неудержимо тянет по-большому, семенящими шагами покинул укрытие. На стенке висел телефон, и он мог бы позвонить, и должен был позвонить, но не решился ослушаться жуткого гостя. А еще он мог бы спустить собак, достаточно было выдернуть крюк из железного кольца. Арбалетчик спустился на три ступеньки из цементной башенки, увидел псов и понял, что отныне он сделает все, о чем бы ни попросил пришелец. Клыкастые звери, каждый крупнее взрослого волка, повизгивали, как щенята, и, натягивая цепи, ловили кусочки мяса, которые швырял им колдун. Зажмурившись, стрелок крутанул ворот с противовесом. В руках у колдуна, как и прежде, не наблюдалось никакого оружия.

— Мои пальцы! — верещал капитан.— Эта сволочь откусила мне пальцы!

Шлагбаум поднялся, и дикарь тронул коня. Кобыла неохотно припустила следом. Арбалетчик не смел поднять взгляд, по спине его струился пот, он чувствовал, что еще немного, и он обделается, не сходя с места, на дороге. Прямо напротив его лица очутилась голая мускулистая лодыжка, вся в шрамах и ссадинах.

— Ты тоже хочешь плату? — Дикарь приоткрыл подсумок.

Боец задрожал всем телом, но любопытство пересилило. Он взглянул и, пошатнувшись, плюхнулся задом в апрельскую грязь. Из сияния драгоценностей торчала плоская треу-

гольная голова с двойным рядом загнутых внутрь зубов в открытой пасти. В зубах монстр перекатывал безымянный палец капитана с надетым широким железным кольцом. Кольцо, видимо, и мешало обитателю сумки проглотить добычу.

— Я не убью тебя,— сказал голос сверху,— если ты мне пообещаешь, что не пошлешь по следу других. Если за мной будет погоня, я вернусь и отдам тебя крылатому. Он еще маленький, ему требуется много мяса, чтобы вырасти. Ты веришь, что я вернусь?

Солдат закивал, истерически всхлипывая.

— Теперь послушай,— бесстрастно продолжал колдун.— Слюна Мига не позволяет крови сворачиваться. Твой капитан, скорее всего, умрет. Если ты перевяжешь ему руку, он выживет и скажет майору, что это ты поднял шлагбаум и пропустил колдуна. Он подлый человек.

— Я... я... я не трону его.

— Это твое дело. Что такое Гарнизон? Это коммуна?

— Нет... Здесь у нас три... — Арбалетчик все еще всхлипывал.— У нас три коммуны. Гарнизон подчиняется Кремлю.

— Вот как? — Кажется, впервые дикарь удивился.— Сколько солдат в гарнизоне?

— Во... восемьдесят.

— А в коммунах нет своих бойцов? Сами они не могут защитить город?

— Им запрещено. Указ президента...

— Надо же, у вас появился президент! Я три года не был в... Москве, солдат. Кто вас, в таком случае, кормит? Коммуны?

— Нет, это тоже запрещено... — Солдат размазывал по лицу слезы.— Не три года... Прости, господин, я не хотел сказать, что ты лжешь. Но такой порядок установлен уже больше пяти лет. Коммуны платят оброк в Кремль, а уже оттуда нам присылают жалованье и еду. Гарнизоны следят, чтобы оброк уходил вовремя...

— Экономичная схема, а главное — оригинальная... Я не понял, для чего тут стоит гарнизон, солдат. Я не вижу следов боев. Кто нападает на город, солдат?

— Никто... — Арбалетчик осмелился поднять глаза.

Колдун спустился на землю, чтобы забрать автоматы стражников. Вблизи он оказался совсем не таким высоким и

страшным, как казалось раньше. Длинные русые волосы, связанные в две косицы, были заправлены за ворот свободной дерюжной хламиды. И боже мой! Арбалетчик ощутил тошноту. За спиной у демона висел длинный мешок, из которого, прорвав ткань в двух местах, торчали желтые когти.

— Я люблю животных! — не оборачиваясь, сообщил колдун. Он отрешенно посмотрел на корчащегося в луже крови капитана и легко запрыгнул в седло.— Значит, на город никто не нападает? Это я знаю и без тебя, солдат. На три дня пути от транспортного кольца дикарей нет уже много лет. Тогда зачем ты здесь? Тебе нравится отнимать деньги у тех, кто слабее? Отвечай!

— Не убивай меня, господин, прошу тебя!

— Отвечай, это важно! Откуда ты родом?

— Я из тульской общины оружейников. Папа послал меня в гарнизон в год Холодной смуты... Это все отец, я не посмел ослушаться. Он сказал, что солдатом безопасности быть почетно и спокойно. Безопасность не дерется с дикарями, нас все слушаются...

— Это что за чертовщина — «холодная смута»?

— Но ты сказал, что не был в Москве всего три года!

— Черт возьми, приятель! Если хочешь знать, я вообще из Питера, но политикой интересовался мало. Говори!

— Что ты хочешь узнать? Когда семь лет назад президенты начали дележку земель за Кольцевой дорогой, они договорились, что их люди будут драться на холодном оружии...

— Час от часу не легче! Так у вас тут несколько президентов?

— Было четверо, теперь осталось двое. Наш гарнизон подчиняется кремлевскому папе Ивану. Есть еще президент большой Думы, но скоро его свалят... Папа Иван — настоящий президент России, потому что только у него есть огненные грибы.— Арбалетчик ощутил легкое дрожание почвы. Он сразу понял, что это такое: грузовик вез патрули на смену, двенадцать человек. Дикарь сидел, понурившись, в седле, и долю секунды солдат колебался. Но затем он вспомнил про шесть пойманных в полете стрел:

— Господин, сюда едут. Тебе надо уходить...

— Я слышу,— отозвался колдун, задумчиво почесывая бородку.— Как ты сказал: «огненные грибы»?

— Да, господин. Папа Иван дружит с колдунами со Старой площади. По слухам, такой колдун может пожать тебе руку, и через три дня наступит страшная смерть... А еще колдуны показали папе Ивану тайную комнату, где живет страж огненных грибов. Никто не знает, что это такое, но колдуны никогда не врут...

— Все ясно! — Колдун подобрал поводья.— Я проехал полстраны и не верил тому, что мне говорили друзья. Здесь невозможно дышать, солдат. Прощай, и прими совет — уходи в коммуну, пока тебя не засосало. В тебе еще есть честность.

— Спасибо тебе! — Стрелок облизнул пересохшие губы, провожая глазами маленький вьючный караван.— Спасибо, что не убил меня, господин!

У колдуна оказался превосходный слух. Он придержал коня и обернул к сидящему в грязи человеку неожиданно грустное лицо:

— Ты умрешь и без меня, приятель. И очень скоро, если не бросишь свое занятие.

— Я брошу! Я уйду, клянусь, господин!

— Вот и хорошо.— Колдун пришпорил жеребца босыми пятками.

Над столбе шлагбаума болтался щит с кривыми буквами: «Город Королев».

Глава двадцать пятая

Клинок и порядок

Следующий раз одинокого путника с двумя навьюченными лошадьми пытались задержать на Второй кольцевой дороге. Стража пропускного пункта издалека, с вышки, следила, как путник искал проход в сплошной полосе противотанковых ежей. Он медленно ехал вдоль шоссе и на ходу грыз цыпленка. Лейтенант безопасности прекрасно видел лицо дикаря в мощный армейский бинокль.

— Задержать? — лениво осведомился один из сержантов.— У него нет на шее жетона.

— Вижу, что нет. Похож на южного ковбоя, мог выйти и без жетона.

— И пешком обошел Москву? — фыркнул сержант.— Я возьму Ласку и схожу проверю, лады?

— Давай! — согласился лейтенант и занялся мозолями на ногах.

Когда спустя минуту он заметил, что внизу подозрительно тихо, то выглянул с башни и от удивления уронил на ногу кусачки. Ласка, непредсказуемая зверюга, лежала, раскинув лапы и довольно раззявив пасть. Дикарь спустился с коня, сидел рядом на травке и почесывал урчащего «азиата» по рыжему мохнатому животу. Сержант Халява лежал здесь же, лицом в землю, с руками на затылке и не делал попыток подняться. Ниже его скрещенных рук, вцепившись когтями в голую шею, восседало настолько кошмарное чудище, что остальные стражники на башне начали немедленно творить молитвы.

— Не стоит, лейтенант! — Путник поднял глаза.— В меня вы не попадете, а парнишка умрет. Летун нервничает, когда шум... Лучше отоприте калитку.

— Не стрелять! Никому не стрелять! — выкрикнул лейтенант, как-то сразу поверив, что шесть винтовок не зацепят единственного человека.— Я калитку не открою. Не открою я, не открою!

Летун задрал мышиную морду с красными лучиками кошачьих зрачков и пронзительно зашипел. Лейтенант понял, что он ни за какие сокровища не спустится вниз.

— Гора не идет к Магомету? — непонятно спросил дикарь и исчез.

Что-то сверкнуло, шестеро бойцов в левой башенке Ярославской заставы на мгновение зажмурились, а когда лейтенант открыл глаза, посланец ада уже стоял рядом с ним. Хозяин вампира меньше чем за три секунды поднялся по вертикальной бревенчатой стене. И при этом он был босиком.

— Пощади меня, великий чародей! — Старший патруля бухнулся на колени.— Пощади, я поставлю за тебя дюжину больших свечей Блаженному!

— Не надо мне свечей.— Колдун открыл планшет, развернул на полу карту столицы.— Рисуй.

— Что рисовать, господин?

— Ты человек служивый, должон все знать. Рисуй мне границы коммун. И подписывай.

— Я... я не знаю точных границ, великий... И у нас нет коммун, в столице только гарнизоны. Я не имею права!

— Мне позвать моего друга? — Бородатый чужак внезапно схватил лейтенанта за мизинец и больно его вывернул.— Ты знаешь, как охотится летун? — Бешеные зрачки ввинчивались патрульному в мозг.— Когда он бьет хвостом, никто не успевает увернуться. Никто. У вас тут таких нет, это балтийские, северные зверушки. Он ударит тебя и отлетит. Он будет ждать. А я ждать не буду, я уйду. Летун будет ждать, пока у тебя не отнимутся ноги. Потом руки. Потом он начнет тебя есть. А поскольку он маленький, а ты большой, то трапеза затянется надолго. Ты будешь рисовать, паршивец?

Лейтенант потянулся к мелку.

— Сколько всего жителей сейчас в городе?

— Никто не считал! — буркнул лейтенант.— Говорят, что внутри кольца живет около ста двадцати тысяч.

— Скажи своим орлам, чтобы открыли ворота. Ты пойдешь со мной. Скажи, что, если за нами будет погоня, я отдам тебя летуну.

— Нет! Меня повесят за уход с поста!

Дикарь задрал подбородок. Над потолочной крестовиной башни ворковали почтовые голуби. Секунду спустя пушистые белые трупики попадали вниз. Лейтенант закрыл глаза и читал все молитвы, которые помнил.

— Мне очень жаль птиц. Я всего лишь хотел попасть в Институт холода. Я готов был заплатить за вооруженную охрану по городу. Вместо этого твой солдат спустил на меня собаку. Этот город разочаровывает меня второй раз за день. Садись на лошадь и поезжай впереди. Будешь показывать дорогу, вот адрес. И не вздумай меня запутать. Кстати, оторваться тоже не пытайся, кобыла слушает только меня. Ласка мне нравится, ее мы возьмем с собой.

Несчастный пленник в этом нисколечко не сомневался. Почти в полной темноте всадники миновали спорткомплекс «Олимпийский». Над чашей стадиона полыхали костры, оттуда доносились нестройные вопли и лязг оружия; шло какое-то состязание. На пересечении с Сухаревской всадников остановил патруль Чистопрудного гарнизона. Лейтенант показал жетон безопасности.

Он мог бы закричать и броситься с лошади на землю, но на спине, в тоненьком холщовом мешке, поскрипывал зубами летун. Начальник патруля просто был не в состоянии ни о чем думать, кроме как о ядовитых шипах на хвосте упыря. Колдун с интересом поглядывал по сторонам, иногда задавал нелепые вопросы. Они довольно долго ждали на Сретенке, пока ковбои прогоняли скот. Лейтенанту показалось, что колдун рассердился, когда узнал, что стадо, клейменное квадратом, принадлежит не гарнизону, а лично папе Якову, главе Чистопрудных. Потом странный чародей долго не мог поверить, что некоторые гарнизоны открыли бордели, и женщин туда отдают за долги.

Они дворами проезжали места последних боев, где упрямцы из Китай-города пытались противостоять солдатам Кремля. Ни за какие блага патрульный не осмелился бы один, в темноте, путешествовать по чужой территории, но владелец летуна был непоколебим и требовал вести коротким путем. Лейтенант с гордостью поведал, что лично выкуривал повстанцев из Ивановского монастыря. Эти глупцы не соглашались продавать своих пацанов президенту по твердым ценам. Они утверждали, видите ли, что Ярославль и Питер платят больше за будущих бойцов. Пришлось их научить порядку. Теперь главари сидят в тюрьме, самых ярых повесили, остальные отрабатывают на полях.

— Их убивают за то, что они хотят торговать по свободным ценам? — мрачно уточнил волшебник.

— Они нарушили порядок, господин. Но «китайцев» мы подмяли быстро, вот с курскими пришлось повозиться. Сказать по правде, господин, большая ярмарка собиралась на земле курских много лет. Туда вся Россия съезжалась. Но получилось как? Папа Иван, наш президент, очень добр. Он предложил курским без драки перевести большую ярмарку за Малый Каменный мост. Потому что приходят тысячи со всей страны, и никто не платит Кремлю. Курские отказались, дураки! Теперь у них нет ни ярмарки, ни гарнизона. Теперь на Курском вокзале заправляет префект президента.

— У Кремля больше всего людей?

— М-м-м... Три тысячи стволов мы можем выставить в один день, господин. Да к нам все время приходят новые люди, отовсюду...

— Значит, президент Иван заставляет другие гарнизоны продавать Кремлю товар по низким ценам?

— Почему по низким? По справедливым, господин. Вот, например, речники. Год назад они взбунтовались, потому что хотели на всех пристанях торговать рыбой по своей цене, а дальше их не касалось. Но папа Иван радеет за народ, он сказал речникам, что люди бедные и не станут больше платить за рыбку, как за свинину. Он честно предложил этим жадным гадам, что Кремль будет скупать у них все на первой пристани по хорошей цене. Они уперлись. Конечно, сотню лет наживались на нас, а теперь им прижучили хвост!

— И чем кончилось?

— Сейчас полный порядок. Мы утопили четыре баржи вместе с их главарями. Теперь все общины речников продают рыбку только Кремлю.

— А в Москве после этого не стало меньше рыбы?

— Ты прав, господин, несколько месяцев рыбы вообще не было. Как и ковбои, речники перестали ездить на ярмарки. Но потом мы послали к предателям гарнизоны, и все наладилось. Кое-кого пришлось повесить, конечно, не без этого... Мой взвод, господин, усмирял шайку речников в Рублево. Четыре дня мы выкуривали этих демонов из их землянок, пока они не сдались. Полковник пожаловал мне перстень, и еще мне было позволено взять двух девок. Жаль, ни одна не оказалась мамашей...

— И что с ними? Ты живешь с ними?

— Зачем, господин?! Я отдал их в бордель. Одна, правда, померла во время черной язвы, но вторая до сих пор приносит мне доход. Она красивая и здоровая. Если господин пожелает...

Постепенно заложник успокоился: чародей не проявлял явной враждебности. Возможно, мне еще удастся его задобрить, размышлял лейтенант, я отдам серебряные браслеты, я оплачу ему девок из «Балчуга»... А может, я ему понравлюсь, и чародей возьмет меня в обучение? Вдруг он сам предложит? Ведь отказываться нельзя, его мышь сожрет меня заживо! Святой Василий, мир праху твоему, за что ты меня караешь?..

— Здесь! — сказал лейтенант, указывая на темную гранитную громаду, окруженную широкой полосой кустов.— Тот адрес, что ты искал, господин. Если позволишь зажечь фонарь, там на стене должны быть цифры, номер дома.

— Нет! — Колдун спешился.— Никакого огня. Теперь давай мешок и уходи.

— Как «уходи»? Ты меня отпускаешь?

Лейтенант двумя пальцами передал хозяину его мешок с мышкой, и только тут до него дошло, что придется возвращаться пешком через весь город. А после объяснять капитану, почему остался жив. И неожиданно для себя он проблеял:

— Позвольте мне остаться с вами, господин.

— Ты боишься темноты? — Бросив уздечку, колдун уверенным шагом продирался сквозь кусты к воротам здания.— Хотя, конечно... Как тебя зовут, лейтенант?

— Мое имя Андрей Порядок.

— Как?! — Босоногий демон расхохотался, настолько непринужденно хлопая себя руками по ляжкам, что Порядок невольно улыбнулся в ответ.— Это знаковый момент! — непонятно сказал демон.

— Я осмелюсь спросить: как твое имя?

Лейтенанту очень хотелось вытащить из голенища нож; он никогда не ходил в темноте без ножа, но при колдуне стеснялся. Тот тем временем толкнул дверь. Ласка сунула во мрак лохматую голову и коротко рявкнула.

— Зови меня Артур Клинок. Теперь запали фонарь.

— Что ты здесь ищешь, господин? Эти улицы проверены много раз, там ничего нет.

— Помолчи. Посвети здесь...

— Я боюсь спускаться, господин. Эта лестница такая старая. Видите, там над входом звезда, значит, внизу пусто! У меня всего одна бутыль масла, господин! Смотрите, великий, даже собака не хочет спускаться!

Овчарка кружилась вокруг лестничного пролета и ворчала, оскалив пасть. Что-то она унюхала там, внизу, куда не достигал ни единый луч света. В здании института пронзительно пахло мышами и гнилым деревом.

— Вот что! — Клинок нетерпеливо обернулся.— Ты служишь в безопасности и на голову выше меня, а ведешь себя не как Порядок, а наоборот. Или ты заткнешься, или подожди меня тут.

— Нет. только не тут. Я отсюда в жизни один не выберусь! Говорю тебе, господин Клинок, я знаю парней, что проверяли этот квартал. Мой бывший капитан...

Беспрерывно стеная, он ковылял вслед за колдуном. Один пролет, другой. Здесь ступени треснули и обвалились вниз, пришлось пробираться по опорному, звенящему под ногами швеллеру. Перила тоже оторвались и повисли над пропастью, словно воротничок из чугунного кружева. В неясном свете масляного фонаря по мокрым от протечек стенам ползали мокрицы и улитки. Лестница спускалась вокруг квадратной шахты. Ласка урчала, осторожно пробуя каждую ступеньку лапой. Порядок заглянул в проем шахты и на самом дне разглядел фрагменты человеческого скелета. Кого-то уже скинули вниз... Нельзя было идти ночью, в отчаянии сетовал лейтенант. Ласка никогда не боится просто так; если здесь окопались крысы с полигона, нам не жить...

— Это здесь,— сказал Коваль. Овчарка подпрыгивала, норовя лизнуть Артура в шею. Он провел ладонью по глухой бетонной стене.— Посвети мне!

Телешев не мог ошибаться, думал Артур, разглядывая вырванную из журнала страницу со схемой. Где-то здесь должен быть рубильник... И рубильник нашелся, но электроны в щитке замерли много десятилетий назад. Понадобятся гранаты, а скорее — направленный взрыв.

— Хочешь послужить великому делу порядка? — Коваль придал голосу торжественность.— И прекрати озираться. Это всего лишь крысы.

— Я хочу послужить, господин, но это не крысы. То есть это могут быть не совсем крысы. Даже Ласка боится...

Огромная собака действительно терлась между людей, как беспомощный щенок. Коваль расслабился и перенес всю энергию восприятия на зрение. Метрах в двадцати за поворотом лестницы, по которой они спустились, копошились три живых существа. Явной угрозы они не излучали, но Коваль усилил напор. Два широких коридора крест-накрест, их пересекают два прохода поуже. Множество полузатопленных помещений, ни одного крупного животного. Дальняя часть подвала обвалилась, повсюду плескалась вода. Видимо, не так давно просело все цементное основание здания и продолжало мягко уходить в грунт. Лишь за спиной Артур чувствовал мощный титановый каркас. Несомненно, сейсмотамбур. Но входа не было.

Из бокового прохода двигалось нечто живое и, судя по вздыбившейся шерсти собаки, крайне злобное. Всего лишь крысы, но крысы очень большие, размером с фокстерьера.

— Порядок, они агрессивны?

Лейтенанта в который раз затрясло. Он почти перестал бояться своего собеседника, но теперь оживали его худшие предчувствия. Он не видел соперника и заранее готовился к смерти.

Коваль следил, для верности закрыв глаза. Две хвостатые твари, принюхиваясь, продвигались вдоль стенки. Еще две исчезли. Фонарик скорее коптил, чем светил. Артур стоял на ледяном цементном полу, но тут у него мелькнула замечательная идея. Он переместился на шаг в сторону, и правая нога провалилась в лужу. Какое счастье, земля! Кольцо восприятия немедленно замкнулось, разгоняя сердце, сжигая жиры, но он сразу услышал и собаку, и лошадей, и крыс. Секунду спустя он уже знал, что их окружают минимум восемь подвальных хищников. И никто из них не подчинится воле Артура. Как и пчелы, как и прочие представители коллективного разума. Подобные штуки городскому, пусть и демону, были не по плечу.

— Если это черные крысы, господин, то не страшно. Если рыжие — их завезли с южного полигона,— то нам конец... Я видел, как одна такая крыса ела человека, хотя у нее не было задней части...

— Встань мне за спину и помолчи.

Коваль зажал зубами четыре ножа, крайне осторожно откупорил плоский флакончик в поясной сумке. Затем по очереди макнул лезвия в яд.

У него имелось тридцать клинков, понадобилось тринадцать. Бердер бы сказал: «Плохо» — дважды кидал в одного зверя. Извиняло только то, что кидал в полной темноте.

— Все,— сказал Артур, успокаивая сердце. Он срочно нуждался в глюкозе.— У тебя есть еще масло для фонаря?

— Немного, господин, и тряпка кончилась... Великий колдун, возьми меня к себе в ученики! Как ты это делаешь?! Я чуть не уделался со страху!

— Я не колдун. Возьми нож и обрежь шерсть собаке, сделай факел. Потом сходи и принеси мне тринадцать ножей. Надень перчатку и не прикасайся к лезвиям, пока не прокалишь их на

огне. Для смерти достаточно малейшей капли. Я не слышу радости, Порядок? Неважный настрой для ученика.

Когда на перекошенных плитах, покрытых белесой грибницей, задымил вонючий костерок, Коваль увидел своих противников. Грызунам досталось от людских экспериментов еще больше, чем питерским булям. Темно-рыжая, в проплешинах, шерсть, голый хвост, щетинистый горб на затылке. Скакательный сустав на задних лапах развернут в обратную сторону, и вообще задняя конечность вдвое длиннее передней, как у кенгуру. Слепые бусинки глаз, точно у крота, и неправильный прикус. Нижняя челюсть выдавалась вперед, обнажая зубки, скорее подходящие доберману. Ласка тихо подвывала у Артура за спиной.

— Они не живут при свете, господин. Говорят, что их завезли случайно, с полигона, где добывают гранаты. Там бункеры и гнилая вода. От гнилой воды все изменяется. Комары вырастают с воробья, а крысы их ловят. Мы выслеживаем их и сжигаем, но днем. А ночью они нападают на скот. Одна крыса может задрать целое стадо свиней, просто так, будто волк...

— Пошли! — скомандовал Коваль. У него в голове забрезжила новая мысль. Если повезет, можно будет обойтись без гранат.— Нам выше этажом, но надо найти эту же точку.

Точку они искали недолго. У патрульного заметно отлегло от сердца, потому что на первом этаже в окна проникал лунный свет, и, стало быть, крысы здесь не достанут. Коваль развязал мешок, вручил Порядку топор:

— Ломай пол, приятель. Вскрывай-вскрывай, пока не дойдем до перекрытия.

Лейтенант скинул куртку и взялся за дело. Вдвоем они часа за два содрали верхний слой досок, вычерпали труху и достигли кожуха вентиляционного колодца.

— Руби железо!

Затем лейтенант спустился в дыру и на ощупь прорубил еще две металлические преграды, а также несколько сетчатых фильтров. Когда отверстие стало достаточным, Коваль опустил в темноту веревку с горящим концом. И почти сразу увидел край анабиозной капсулы. Ласка сунула нос в дыру, но ничего подозрительного не унюхала. Лейтенант сидел на полу и дышал, как загнанная лошадь, разглядывая то, что осталось от

топора. Хорошо, что я прихватил этого тяжеловеса, порадовался Коваль. Если придется вытаскивать людей через вентиляцию, один я не справлюсь...

Они сколотили из досок подобие лестницы. Высота потолка в камере превышала три с половиной метра. Затем накидали вниз топлива для костра и спустились. У Артура пересохло в горле, когда он с факелом в руках подошел к первой капсуле. Свершилось то, о чем он мечтал три года. Чудо уже то, что он сюда добрался, несмотря на препятствия. А вдвойне будет чудом, если из московской пятерки кто-то окажется живым...

Из окошка первой капсулы на Коваля смотрела оскалившаяся мумия. Порядок охнул и забормотал молитвы. Вне сомнения, он считал, что присутствует на дьявольском обряде в заколдованном подземелье, откуда живым уже не выйдет.

— Это обычные люди! — как можно мягче сказал Артур.— Они уснули до Большой смерти, понимаешь?

Вторая и третья капсулы. То же самое. Даже не мумии, а сплошное месиво, видимо, температура реагента поднялась слишком быстро. Ковалю хотелось заорать от безысходности. Следующие два агрегата стояли пустые. Еще одна капсула, с мертвецом внутри. Порядок молился. Очевидно, он полагал, что колдун прямо сейчас оживит скелеты, и они полезут к нему обниматься.

И тут Коваль увидел слабый свет. Совсем крохотные голубые огоньки у изголовья двух последних лежанок. Та самая криобатарея, о которой писал Телешев, последняя разработка Толика Денисова. Замерев от вспыхнувшей надежды, Коваль протер иллюминаторы. Мужчина и женщина. Оба целы, хотя лиц практически не разглядеть. Маски на месте, а выше, словно застывшая слюда, сантиметровый слой реагента. Он нагнулся к пульту, но все приборы оказались мертвы. Единственным доказательством, что капсулы в режиме функционирования, оставалось бледное свечение индикатора.

Выбора нет, сказал себе Коваль, и повернул оба выключателя. Моментально пространство внутри капсул осветилось, и в окошках побежали перевернутые задом наперед зеленые ци-

фры. Точно такие же, что встречали его три с лишним года назад. Программа реанимации запустила обратный отсчет.

— У нас три часа, лейтенант! Можешь поспать,— сказал Артур, поудобнее усаживаясь на мешке.

В дыру на потолке проникал неясный лунный свет. Овчарка время от времени поднимала мохнатую голову: Ласка терпеливо дожидалась нового хозяина, ушедшего под землю.

— Я не усну, господин, тут слишком холодно! — Порядок лязгал зубами. Периодически он разжигал костер, а затем задыхался от дыма.— Ты пришел в столицу, чтобы оживить этих могучих магов, господин?

Колдун долго не отвечал, и патрульный уже решил, что тот заснул.

— Не только за этим! — наконец отозвался голос из мрака.— Мои друзья, они живут далеко отсюда, просили меня узнать, как тут у вас дела... — Колдун вздохнул.— Они считают, что в Москве царит беззаконие и страдают много людей.

— Но это совсем не так! — горячо заступился за родимый край лейтенант.— Ты же заметил, господин, какой на улицах порядок. Если бы господину было угодно задержаться, я показал бы ему столицу днем. С моим жетоном безопасности,— он звякнул цепочкой,— мы пройдем везде...

— Я видел виселицы на мосту. Человек двадцать, не меньше.

— Ах эти! Это бунтовщики из Люберец, они посмели заявить, что будут сами торговать птицей с Ярославлем. Представь себе, они хотели оставить казну без оброка.

— А Ярославль? Их коммуны тоже подчиняются Кремлю?

— Пока нет, господин. Но это ненадолго! Ходят слухи, великий,— Порядок понизил голос,— что очень скоро мы выступим туда и поставим гарнизон. Они совсем обнаглели, ярославские!

— Я слышал, что у папы Ивана есть огненные грибы? — как бы невзначай осведомился Коваль.

— Мой господин, об этом нельзя говорить, но... — Патрульный подобрался поближе, словно его кто-то мог подслушать.— Наш мудрый президент, мир дням его, заключил союз с колдунами из полигона, что добывают порох и гранаты. Никто не знает где, но за городом есть большие подземелья. Там стоят моторы, которые можно разбудить. А на моторах лежат желез-

ные трубы. В трубах спят огненные грибы. Есть тайные заклинания, которые могут их разбудить...

У Коваля внезапно заломило виски. Это круто, дальше некуда, рассуждал он. Видимо, оперативно-тактические ракеты малого радиуса. А почему бы и нет? Он представил себе армаду грузовиков на деревянных колодках, законсервированных в ангаре, щедро политых маслом, и зачехленные тупые рыла боеголовок. А тайные комнаты? Забытые командные пункты, где хранятся шифры на запуск, или как у них там это называется? Возможно, что для подобной техники не нужны никакие шифры...

— Знаешь, господин, я сначала испугался, что ты из Тех, кто раскачивает... Ведь известно, что они умеют подчинять себе зверей и убивают одним взглядом. Я так испугался, господин, но потом увидел, что ты сражаешься железом. Я уже решил, что сбывается легенда о Проснувшемся демоне...

— Как ты сказал?!

— Ну, это, конечно, сказки, но есть те, кто верит. Нам рассказывал на моленье настоятель собора Святого Василия. Он хоть и колдун, но добрый человек, прямо как ты, господин. Он говорил про гадания на крови дикарей. Когда поймали и пытали мерзких колдунов с востока, что насылали язву на скот, они признались, что гадали на крови и видели, как придет в Москву Качальщик по имени Проснувшийся демон, и наступят от него великие беды и гибель... Это глупость, я понимаю, господин. Мерзкие колдуны всегда обещают погибель, когда их пытают. Но они плохие, не такие, как ты, великий...

— Помолчи-ка! — Коваль снова почувствовал себя рыбой, поддетой на крючок.— Ты поведал мне много интересного. Раньше я склонялся к мысли, что в Москве мне делать нечего, но теперь я, пожалуй, задержусь.

— Я так счастлив, господин! — В мыслях патрульный уже представлял, как он приведет столь ценного человека к капитану. Или нет, лучше сразу к полковнику! — Ты даже можешь, господин, если захочешь, быть представленным самому президенту. И заслужишь великие богатства благодаря своим чудесным умениям. Ты увидишь, что твои друзья ошибались, и в столице полный порядок.

— Это меня больше всего и пугает! — чуть слышно отозвался колдун.

Глава двадцать шестая

Хотеть в Париж не вредно!

Пробуждение прошло нормально. Последние минуты Артур провел, неотрывно наблюдая за процессами в капсулах. Едва загорелась надпись об успешном завершении процесса, он не стал ждать, пока человек внутри очнется, и принялся крутить подъемный винт вручную. В первой капсуле лежала женщина. Едва открыв глаза, она принялась орать, забилась в угол и глядела на Коваля с выражением пещерного ужаса. Даже электроды с головы позабыла снять. Мужчина из второй капсулы вел себя приличнее, хотя тоже здорово перетрухнул. Артур уже решил, что оба повредились мозгами, и теперь у него на руках окажется вместо соратников парочка пускающих пузыри идиотов. Он открыл мешок и кинул им одежду. Женщина осознала свою наготу и тут же прикрылась. Коваль даже не успел заметить, красива ли она. Потом он поставил себя на место проснувшихся людей, отошел в тень и заговорил. Он употребил все свое красноречие, чтобы успокоить их страхи.

Спустя какое-то время мужчина натянул штаны и подошел представиться:

— Сергей Дробиченко. А это моя жена Людмила.

Людмила стучала зубами. Для Коваля, который давно не обращал внимания на такую ерунду, как холод, стало очевидным, что спасенные в самом скором времени попросту замерзнут. Он поднял за шкирку лежащего ничком на полу лейтенанта. Порядок тут же бухнулся на колени и принялся умолять великих колдунов сохранить ему жизнь. Как ни странно, поведение и одежда стражника подействовали на супругов Дробиченко отрезвляюще. Кое-как все четверо по самодельной лесенке выбрались наверх и, к радости Порядка, разожгли наконец нормальный костер.

При виде того, во что превратился институт, у полуголого инженера отвалилась челюсть. Коваль послал к Людмиле Ласку; женщина обхватила собаку и уставилась в огонь. Артуру

очень не нравилось ее состояние, лучше бы она продолжала плакать. Искры взлетали к высокому потолку, выхватывая из темноты развороченные стеллажи и обломки оборудования. В разбитые окна стучали кусты, порывами налетал колючий ночной ветер.

— Господи! — сказал Дробиченко, вернувшись с короткой экскурсии по этажу.— Там за окошком стоит лошадь!

— Это моя! — кивнул Артур.— Не желаете подкрепиться?

Он вытащил из мешка свои запасы. Слишком хорошо Коваль помнил, как его сгибало в дугу первые часы. Убедившись, что Людмила способна самостоятельно питаться, он протянул супругам журнал Телешева. Закончив читать, Дробиченко некоторое время сидел неподвижно и шевелил губами, как двоечник, забывший у доски ответ. Он был очень смешной, лысый и тощий, с оттопыренными ушами. Людмила повязала на голове какую-то тряпку, чтобы скрыть бритую макушку. Коваль посчитал это добрым знаком: раз женщина вспомнила о мужском внимании, стало быть, оклемается...

— Выходит, Ракитский, не спросив нас, изменил режим? Но это произвол!

— Иначе вы были бы мертвы,— холодно ответил Артур.

— А остальные? Там сказано, что...

— Никто больше не выжил. Остальные капсулы повреждены. Теперь вы можете слушать? Люда, я к вам обращаюсь!

Женщина кивнула. Останавливая взгляд на костюме и черных пятках Коваля, она и теперь слегка замирала, но самообладание уже возвращалось к ней. Артура вторично кольнуло нехорошее подозрение. Ему очень не нравилось, когда люди не смотрят в глаза.

Он снова заговорил. Ученые понимали по-английски, и Коваль, насколько позволила память, объяснил им, кто такой его спутник и почему не стоит быть особо доверчивыми в его присутствии. Затем отослал лейтенанта сторожить вход, хотя в этом не было никакой надобности. Он ни слова не сказал о Качальщиках, но попытался в общих чертах передать ситуацию в Москве и за ее пределами. Дробиченко долго молчали, переваривая оглушительные новости. Только теперь до Артура дошло, что совсем не обязательно ученые его послушают и уедут в Питер. Для него раньше не

возникало сомнений, что именно так следует поступить, но теперь он крепко задумался. Рядом сидели взрослые самостоятельные люди, которые, безусловно, требовали ухода и поддержки, но вполне могли отказаться от его услуг.

— Стало быть, работорговля? — опустив голову, уточнил Сергей.

— Все к тому идет.

— И фашистская клика во главе?

— Пока что скорее мафиозная структура. По крайней мере, кремлевцы строят жизнь «по понятиям». И контролируют они даже не все Подмосковье. Но замахиваются на всю страну. Один мой местный знакомец назвал это возвратом к естественным общественным отношениям.

— Ну разумеется... — Дробиченко пожевал копченую цыплячью ножку.— А что за границей?

— Примерно то же самое. В смысле плотности населения. Последние лет двадцать наладилась торговля. Про Москву не знаю, но питерские ходят караванами в Финляндию, Польшу, Литву, Швецию... Впрочем, границы теперь весьма условны.

— И что вы предлагаете нам делать? Чем лучше ваш папа Рубенс, чем новый президент? Может, лучше махнуть в эмиграцию?

— Именно это я и намеревался вам предложить. Вместе отправиться в Берн или Париж. Возможно, нам удастся разбудить коллег...

— Вы только что сказали, что нет ни поездов, ни авиации! — гневно перебила Людмила.— Вы полагаете, что мы пойдем в Париж пешком?! Больше делать нечего!

— Ты же сама хотела! — заикнулся супруг, виновато поглядывая на Коваля.

— Хотеть не вредно! — всхлипнула Людмила.— Ты как всегда, Серж. Сначала бросаешься, ни с кем не посоветовавшись...

— Да, знаете ли... — нерешительно добавил Сергей.— Мы вам, конечно, верим, но хотелось бы пообщаться с кем-то из руководства...

— Руководство?! — Артур сдержал ругательство. Черт подери, с этим инженером они говорили на разных языках! Или он за три года совсем одичал? — Вы можете присоединиться к

любому из столичных гарнизонов, а их более двадцати, не считая пятидесяти мелких банд.

— Позвольте! Мы похожи на людей, способных вступить в банду?

— Вам так или иначе придется кому-то подчиняться,— развел руками Артур.— Но здесь я прогнозирую бесконечную войну за сферы влияния. Папу Ивана рано или поздно грохнут, как любого тирана, может даже начаться общее восстание.

— Он действительно Иван, или претендует на лавры Грозного?

Артур посмотрел в окно. Над столицей занимался рассвет. Радуясь первому теплому утру, в палисаднике принялись куролесить сотни пернатых.

— Не он, так другой... Ребята, нас отшвырнуло назад на тысячу лет.

— Вы сами убивали людей?

Людмила не сводила с Коваля колючего взгляда, но стоило ему повернуться, как она тут же прятала глаза. Коваль почувствовал, что начинает раздражаться, а это было совсем ни к чему.

— Иначе бы убили меня, сударыня. И вы бы навсегда остались в капсуле. Вас устраивает такой ответ?

— Секундочку! — забеспокоился Сергей.— Уж не намекаете ли вы, что и нам придется стрелять? Меня от этого увольте!

— Вы можете поехать со мной в деревню. Там вам не придется брать в руки оружия...

— В деревню?! — саркастически хмыкнула Людмила.— Для того я готовила докторскую, чтобы копаться в навозе?

Оба Дробиченко, насупившись, молчали. Артур решил смягчить разговор:

— Я предлагаю вам поехать со мной, и совсем не обязательно в Питер... Я так ждал этого дня. Я ждал, когда смогу пообщаться не с дикарями, а с современниками.— Он не находил, что еще сказать.— Но сейчас вам лучше подождать меня здесь. Я добуду вам еду и лошадей. Ни в коем случае не выходите наружу. Ласка останется и будет вас защищать...

— Мне нужно принять душ! — перебила Людмила.

— Сожалею, но здесь нет воды.

— Нет воды?! Но я же не могу ходить как...как...

— Как я, вы хотите сказать? Я уверен, что найду вам воду.

— И это! Что это за дрань? — Людмила брезгливо рассматривала кожаные штаны.— От них воняет!

— Да, одежонка слегка подкачала! — неловко рассмеялся Сергей.— И правда, воняет. Видимо, мездровали некачественно. Кроме того... Короче, я уже распорол ногу. Вы не могли бы найти нам обувь? У меня сорок второй, а у Люды тридцать седьмой размер...

— Тут же была раздевалка! — вспомнила Люда.— Там все мои вещи и косметика. Серж, сходи посмотри!..

— В раздевалку вы не попадете! — урезонил женщину Артур.— Все подвальные помещения затоплены.

— Бред какой-то! Но магазины-то работают?

Ковалю показалось, что он сходит с ума. Чтобы не нагрубить, он быстро пробормотал слова извинения и покинул комнату.

Лейтенант исчез. Сбежал, собака, подумал Артур, полной грудью вдыхая талую апрельскую свежесть. Конь обрадовался, увидев хозяина, подошел и ткнулся в ухо слюнявыми губами. Некоторое время Артур прикидывал, как лучше поступить. Вряд ли Порядок приведет подмогу, он же понимает, что его не будут здесь ждать. Да, не вышло из парня ученика чародея, ну и бог с ним. Такого все равно не перевоспитаешь. А вот с Дробиченками гораздо хуже, пройдет время, прежде чем они адаптируются. Нет, не то чтобы он разочарован, но неужели у академика Ракитского не нашлось в штате никого поумнее?..

Коваль покормил дракона и поднялся в седло. Затем долго свистел в бесшумный свисток, подзывая летуна. Наконец, сытый до неприличия вампир появился, плюхнулся в мешок и уснул, выставив раздутое пузо.

—Хорошо тебе! — сказал летуну Артур.— Ты при любой власти пожрать найдешь!

Летун открыл один глаз и сказал «Кха!» С его морды свисал пучок вороньих перьев. Коваль сверился по карте и отправился в сторону ярмарки. Если где-то и продают лошадей, то именно там. Потом он представил себе, как долго придется уговаривать Людмилу Дробиченко сесть на лошадь, и посжился.

Москва была огромна, она разрослась еще больше. Многое Артур узнавал, но за двадцать лет до катастрофы построили и кое-что новенькое. Москворецкая набережная стала двухъярусной, за Устьинским мостом появился еще один, высокий,

однопролетный. У Москворецкого моста он издали заметил трехуровневую развязку, а под ней баррикаду, прогуливающихся часовых и посчитал за лучшее объехать по другой стороне реки. Прямо под опорами моста стояли на якоре четыре сцепленных между собой рыбачьих баркаса. На одном из них дымилась печурка, а дядьки в ватниках готовились выбирать сети.

Не встретив больше ни одной живой души, Коваль огородами выехал к храму Георгия Победоносца, оценил размеры разрушений и свернул к Болотной набережной. Он вынужден был согласиться, что столичные улицы смотрелись лучше. Скорее всего, судя по отсутствующим перилам набережных, армейские бульдозеры в дни кризиса просто сметали в реку брошенный транспорт. Несколько таких заросших лопухами машин, точно стадо слонов, пришедших на водопой, Артур заметил у самой воды. Потом ему встретился подбитый танк. Следов тяжелой артиллерии пока не наблюдалось, но стены всех нижних этажей зданий были густо нашпигованы пулями.

Навстречу проехал почти целый джип, только вместо резины на скатах крутились какие-то тряпки. Трое небритых парней, сидевших в машине, проводили всадника хмурыми взглядами. На борту джипа красовался аляповатый трехцветный символ. Коваль вспомнил, что уже встречал такие же на стенах домов. Принадлежность одного из гарнизонов. Они уже поделили весь город, мрачно размышлял он, везде метят территорию. Наверное, тут нигде нельзя просто так взять и вселиться в полюбившийся дом. Вот я, например, с детства мечтал пожить в исторической сталинской высотке... Высотки, кстати, остались на местах, ни одна пока не рухнула. Но помимо них, всматриваясь в рассветное марево, Коваль заметил еще целый ряд циклопических сооружений, скорее всего, на самых окраинах города. Часть из них почернела от бушевавших некогда пожаров, но кое-где на большой высоте светились огоньки.

Ярмарку он сначала унюхал, а уже потом увидел. Несмотря на ранний час, остров кишел народом. Здесь раскинулись сотни, а может, и тысячи палаток. Торговали с телег и высоких фур, запряженных быками, из сбитых на скорую руку контейнеров и прямо на земле. Всю Берсеневскую набережную занимал бесконечный ряд дощатых сходней, к которым в очередь швартова-

лись целые флотилии рыбацких судов. С грохотом и песнями грузчики катили бочки и кидали из рук в руки товар помельче. У дальнего причала стояла длинная баржа-лесовоз; такелажники вручную разворачивали стрелу с подвешенной сетью, заполненной дровами. Со стороны Большой Полянки ржала и мычала сухопутная колонна. Стражники с жетонами Кремля на груди поднимали бревно, пропускали телеги по одной. На облучок взбирался мальчишка и, как заправский лоцман, сопровождал очередного негоцианта в отведенный ряд. Везли все подряд. В конце апреля Артур никак не ожидал встретить фрукты, но мимо прокатились три телеги, забитые ящиками с яблоками.

Свиные полутуши в мешковине, засыпанные колотым льдом, привязанные за ноги вопящие индюшки, откормленные на печень неповоротливые гусаки. Следом за гусями прошла повозка, заполненная валенками, и закрытый железный фургон с оружием. На крыше передвижного арсенала восседали четверо молодцев самого свирепого вида. Коваль отыскал коновязь, где за мелкую монету можно было оставить лошадь. В который раз он убедился, что отстал от жизни. Служитель «паркинга», вороватого вида малый в кроличьей безрукавке на голое тело, наотрез отказался принимать золотой лом. Только президентские монеты, настаивал он, стреляя глазами, но в конце концов жадность взяла верх. Артур получил медный номерок, не догадываясь еще, что совершает глупейшую ошибку. Он оставил притороченными к седлу оба тюка и подсумок.

И он оставил в подсумке дракона.

Глава двадцать седьмая

Знакомство с инквизицией

Ярмарка производила грандиозное впечатление. Несмотря на гвалт и суету, в оптовых секторах царил полный порядок. Коваль уже понял, что все товары сначала выставлялись здесь, проходили через посредников Кремля и лишь потом разбирались мелкими торговцами. На его глазах в считанные минуты

купили целый караван с медом. Главная контора, где проходили крупные сделки, находилась, очевидно, в бывшем Театре эстрады, но среди рядов тоже бродили оптовики в окружении четверых дюжих офицеров безопасности. Деньги носили в кованых неподъемных сундуках. К «обменнику» тянулась длинная очередь, начальство ярмарки разрешало к свободному хождению только местное золото и серебро. Медь принималась и посторонней чеканки, но шла по абсурдно низкому курсу, практически на вес.

Артур постоял минутку, пытаясь разобраться в хитросплетениях цифр на огромной грифельной доске. Рубли ярославские, казанские, рязанские, тамбовские... Чем дальше шли торги, тем быстрее курс менялся не в пользу провинции. При равном весе и содержании золота в монетах ни один российский рубль не достигал в цене и восьмидесяти процентов от столичного. Но самое интересное ждало Коваля на другой доске. Марка, крона, фунт... Черт подери, выходит, от евро ничего не осталось и старушка Европа возвращается к удельным княжествам?

Он заставил себя оторваться от расчетов и уже направился в сторону усыпанной песком арены, где по кругу галопировали лошади, когда все и произошло.

— Вот он! Это он! — Истошный крик перекрыл остальные звуки.

Все головы повернулись в одну сторону. Разрезая толпу, как нож режет масло, к Артуру неслась шестерка вооруженных солдат. За их спинами, прижимая к груди обмотанную окровавленным тряпьем руку, бесновался тот самый придурок, которому Артур доверил коня.

— Это он, мерзкий колдун! Это Качальщик, убейте его!!

Все стало ясно. Воришка, вместо того чтобы защищать доверенное имущество, полез в сумку с камнями и напоролся на вечно голодного Мига. Если дракончика не кормить, он бы еще долго оставался маленьким и надежным стражем карманов; последняя модификация, выведенная Прохором Вторым, позволяла замедлять рост на несколько месяцев.

— Убейте его!

В Артура, почти в упор, целились из шести ружей. То, что осталось от несчастного Мига, один из патрульных держал на острие казачьей сабли. Толпа мигом отхлынула в стороны, ос-

вобождая круг. Коваль проклинал себя за глупость. Проехать полстраны, миновать два пожарища, дважды драться с дикарями, чтобы попасться таким нелепым образом! От пули не уйти... Он расслабил дыхание, концентрируясь на обступивших его солдатах. Нет, бесполезно. Коваль мог бы их обмануть, всех шестерых, но с рынка его не выпустит толпа. Он видел, как женщины показывали пальцами на мертвого змея, как крестились старики и сжимали кулаки мужчины. Неужели они убили и коня? В крайнем случае, он мог подозвать жеребца свистом...

— Я умираю! Лекаря! Позовите лекаря! — «Парковщик» катался в пыли, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Ты можешь спасти его, мужчина?

Артур обернулся. На площадке перед обменным пунктом почти не осталось людей. Толпа отступала, растворяясь в щелях между повозками. Перед Ковалем стояли трое. Один — высокий, очень худой человек с желтым лицом и набрякшими мешками под глазами. В руках человек держал очки с сильными стеклами и неторопливо протирал их замшевой тряпочкой. Высокие залысины, парадная офицерская шинель без знаков различия и блестящие, как зеркало, хромовые сапожки. На шаг позади говорившего насупились двое амбалов, по виду обычные телохранители. Оба также целились в Коваля из револьверов.

Единственным острым воспоминанием, посетившим Артура в тот критический момент, была отчетливая картинка: Надя Ван Гог стоит на пороге дома, держа за руку старшего сына. Маленькая Белочка лежит, спеленутая овечьим одеяльцем, у отца на руках. Повитуха ошиблась, вторым родился не мальчик... Он целует дочь в розовую пуговку носика и передает теплый сверток матери. Потом поворачивается и уходит не оглядываясь. Он так и не успел понять в безумном ритме лесной учебы, любит ее или нет...

— Могу... — осторожно ответил Коваль.— Могу вылечить и его, и тебя.

— Спаси его! — Человек надел очки. Он прекрасно собой владел, но от Коваля не укрылось, что вторая часть фразы была услышана.— Возможно, я сохраню твою жизнь.

Отступать было некуда. Коваль достал из поясной сумки нужный флакончик. Бедолаге развязали руку; из обрубков пальцев хлестала кровь.

— Это все? — Очкарик оставался недвижим.

— Все! — сказал Коваль.— Рана затянется. Этот человек — вор, он пытался...

— Мне это известно. Он будет казнен,— холодно отрубил собеседник.— Ты Качальщик?

— Нет! — Артур лихорадочно продумывал линию поведения. Какое счастье, что он оставил летуна возле института, охранять кобылу! — Я просто странник из Питера и подобрал этого зверька на пожарище...

— Ты не Качальщик.— Голос очкарика звучал, как скрип несмазанного колеса.— Те не заходят в города. Ты колдун, раз сумел приручить дьявольское отродье...

— Умоляю! Пощадите, ваша святость! Пощадите, это все он, колдун! — «Парковщик» уже оправился от своей раны и теперь бился в руках двоих сержантов безопасности.

Очкарик на раненого даже не взглянул, он продолжал изучающе рассматривать Коваля.

— Ваша святость? Ты соборник... господин? — вовремя поправился Артур.

— Я настоятель собора Святого Василия Блаженного, отец Карин.— Было видно, что Карин ожидал от Артура какой-то реакции и не смог сдержать удивления, когда реакции не последовало.— Взять его. Если у тебя есть оружие, лучше отдай сам.

В затылок Коваля уперлись два ствола. Мгновением позже он был обыскан; отняли все ножи, отняли пращу, золото и наборы химикатов. Кое-что, впрочем, не нашли. Карин пошевелил носком сапога горку «вещественных доказательств»:

— В каземат его.

— За что? — осмелился Артур. Раз на месте не расстреляли, следовало попробовать на зуб местное законодательство.— Я не сделал ничего дурного, пришел купить лошадь.

— За что? Ты убил двух патрульных в Королеве. Ты провез в город крылатую змею. Ты похитил офицера безопасности и пытался обратить его в колдуна. Ты расплачивался кусковым золотом. За каждое из этих преступлений ты заслуживаешь казни.

У Артура все внутри опустилось. Не стоило недооценивать ищеек Кремля. Видимо, служба оповещения была поставлена здесь гораздо лучше, чем он мог предполагать. Ему заломили руки и бегом пронесли через опустевшие ряды. За пределами

рынка Карина ждал обитый жестью автобус «мерседес». Коваля втолкнули в заднюю дверь и повалили на пол железной клетки, приковав наручниками к прутьям. Он даже не мог приподняться и сесть, так и лежал всю дорогу, набивая шишки. В салоне витала чудовищная смесь запахов из отрыжки, немытых тел, горелого можжевельника и жженого сахара. С поправкой на повсеместное отсутствие асфальта, автобус мчал на бешеной скорости.

Когда Артура вытащили наружу, левый бок болел так, словно его час топтали ногами. Но ногами арестованного не били, только сунули пару раз в ребра для придания верного направления. На шею накинули затяжную петлю и поволокли по низким сводчатым коридорам. Это были старые, очень старые казематы; возможно, они помнили еще крики поднятых на дыбе стрельцов. Возможно, в этих сумрачных застенках раскаленными щипцами пытали зачинщиков многочисленных русских смут...

Он видел в темноте, но смотреть было не на что. Камера едва превышала четыре квадратных метра, а разогнуться мешал мокрый кирпичный потолок. Коваль ощупал стены. Толщина их составляла не меньше метра, кроме того, застенок явно находился ниже земной поверхности. Тяжелая дверь, запертая двумя щеколдами и крюком. И, что хуже всего, слой безжалостного камня под ногами, ни клочка земли, где можно было бы почерпнуть силу. Холод его не беспокоил, а без еды Артур мог обходиться много дней. Больше, чем за себя, он волновался за супругов Дробиченко. Что с ними будет, даже если лейтенант Порядок не привел в институт солдат? Они остались без еды и пищи в промерзшем здании, где подвалы кишат крысами-людоедами...

Артур расслабился и постарался разглядеть внешние границы своей темницы. На этаже размещались еще четыре каморки и запертая снаружи дверь на лестницу. За ней человек, охранник. Как минимум еще одна железная дверь, выше этажом, за ней Коваль тоже чувствовал людей. Он так и не придумал, как себя вести. Допустим, положить тюремщика, когда тот принесет воды, не составит труда, но дальше ему не прорваться. Это только в кино злодеи покидают тюрьму, прихватив заложника. Коваль почему-то не сомневался, что Карин, не сморгнув глазом, пожертвует десятком подручных.

Он заставил себя плюнуть на проснувшихся ученых, но мысли о семье отогнать не мог. Возможно, подобные чувства начинает испытывать каждый заключенный, раздувая в себе память об оставленных на воле близких. А у кого нет близких, начинают их придумывать, чтобы хоть как-то убаюкать себя, будто их кто-то ждет и помнит за пределами темницы... Он не мог с уверенностью ответить даже себе, какие чувства испытывает к матери своих детей. Привязанность? Симпатия? Уважение? Нелепые, поблекшие слова из сгинувшей эпохи, давно растерявшие смысл. Здесь понимали глагол «любить», очевидно, этот символ пребудет вечно, даже если выжившие после катастрофы перебьют друг друга и на планете останутся два последних человека...

Он так мало времени проводил с женой наедине. Двадцать дней в месяц он гонял с Бердером и другими наставниками по лесам и болотам наравне с мальчишками и девчонками, как перероеток Ломоносов, осваивал науку выживания и науку подчинения земли. Его прежние знания оказались невостребованными; в отличие от городских жителей Качальщики почти не интересовались техникой прошлого. И проникаясь собственной обидной никчемностью, бывший отличник и стипендиат сильнее других вгрызался в неразрешимые, казалось, тайны. А когда пролетели три года, случилось, похоже, как в известной сказке Пушкина. Он понял, что никаких тайн не существует, но есть люди, принявшие дар общения с живым миром Земли... Он глазом не успел моргнуть, как сделал первые шаги сын и произнесла первое слово дочка.

Они так и не поженились официально и не справляли никаких обрядов. Теперь он вспоминал Надины глаза перед расставанием и корил себя, что так и не сказал ей нечто важное. Редкими ночами, когда Артур оставался дома, они неистово занимались сексом, а после он спал как убитый, чтобы вскочить в полпятого, окатиться ледяной водой и снова нестись... Но всегда под рукой оказывался узелок с едой и чистая одежда. А потом он возвращался и колол дрова, и резал вместе с мужиками скотину, и возил картошку с полей, и давил масло, и стриг овец, и опять валился замертво. Даже уходя, он не был с ней ласков...

Двадцать семь часов девятнадцать минут. Чувству времени его научил Исмаил. Спустя двадцать семь часов и девятна-

дцать минут за Ковалем пришли. Когда с головы сняли мешок, Артур не смог удержаться от улыбки.

— Чему ты смеешься, колдун? — Карин стоял в глубокой дверной нише, заложив руки за спину. Несмотря на жар, идущий от огромного очага, шинель он даже не расстегнул.

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Ты, должно быть, умный человек, раз достиг высокого положения, а пользуешься дешевыми эффектами.

— Ты говоришь непонятные слова. Откуда ты родом, колдун? — Карин стянул с рук перчатки и бросил их на низкий дубовый стол. По соседству с перчатками лежал полный набор «заплечного» инструмента: щипцы, клещи, гвозди и прочие малоприятные штуковины.

— Я родился в Петербурге.

— В какой коммуне?

Карин махнул солдатам. Артура прислонили спиной к металлической решетке, кисти рук замкнули в широкие стальные браслеты.

— Это была маленькая банда, Литейщики,— соврал Артур.— На Выборгской стороне. Теперь ее нет.

— Я выясню. Как твое имя?

— Меня зовут Клинок.— Артур подумал, что стоит назваться последним, сельским, именем. Если у соборника есть глаза и уши в Питере, его легко рассекретят. Люди Рубенса вряд ли позабыли своего «зенитчика». Что касается банды Литейщиков, то команда с таким именем действительно существовала и рассыпалась, по словам книжника Левы, лет двадцать назад. Пусть копают...

— У кого ты учился магии? — Карин жестом отослал подчиненных.

— Моя мать разбиралась в травах. Это все, что я умею, святой отец.— «Прости меня, мама»,— подумал Коваль. Он ведь почти и не соврал, мама работала в аптеке.— На самом деле я инженер.

— Вот как? — Карин прошелся по залу. Подкованные сапоги звякали о каменные плиты.— От чего ты хотел меня вылечить, инженер?

— От хронического гепатита, святой отец. Твоя печень серьезно больна. Кроме того, у тебя почечная недостаточность и артроз.

— Не понимаю, говори проще!

— У тебя желтуха, и болят суставы, святой отец.

— В Кремле лучшие лекари не могут вылечить мою желтуху.

— Они лечат правильно, настоятель. Но ты усугубляешь болезнь. Ты пьешь нечистую воду и слишком много самогона.

— Ты мечтаешь купить свою жизнь, Клинок?

— А ты пытаешься угрожать мне смертью, настоятель?

— Только безумцы не боятся смерти.

— Тебе ли не знать, святой отец, что смерть может оказаться благом?

— Клянусь святым Василием, это великолепно! — Карин захлопал в ладоши. Четыре его тени от укрепленных в стенах нефтяных факелов заметались, как попавшие в силок птицы.— Инженер, который возит полную сумку алмазов, ручного змея, лечит желтуху и рассуждает, как монастырский монах! Я скоро начну гордиться знакомством с тобой! — Настоятель, кусая губы, прошелся между пыточных орудий.— Если ты такой умный, почему не работаешь на богатого папу? Что ты искал в Москве?

— Я уже говорил. Всего лишь хотел купить запасную лошадь.

— Вот как? А я почти поверил, что ты умный.— Настоятель дернул за свисающую вдоль косяка веревку. Узкая стрельчатая дверь отворилась, и в помещение ввели... Сергея и Людмилу Дробиченко. Оба щурились, приноравливаясь к темноте, но выглядели совсем неплохо. Руки не связаны, ни следа побоев. На груди Сергея красовалась треугольная бляха со сложной гравировкой; из своего угла Артур не мог в деталях ее рассмотреть.— Ты для них хотел купить лошадей? Думаю, ты опоздал, колдун. Эти люди уже приняли присягу президенту, мир дням его, целовали крест в соборе и получили рабочие места. Мужчина показал свои знания и удостоился звания подмастерья. Возможно, он станет мастером или даже инженером. Мы ценим умных людей, преданных великому делу объединения России. Очень скоро мастер Сергей, если будет хорошо работать, сможет сам купить табун коней... Это он поднял вас из волшебного сна? — Карин указал на распятого Артура.

— Да, ваша святость.— Сергей прятал глаза, Людмила с ужасом оглядывала зал.— Это он разбудил нас.

— Он призывал вас бежать из Москвы?

— Да, ваша святость...

— Почему? — Дробиченко затих. Настоятель прошелся из угла в угол.— Если вы будете молчать, я могу подумать, что лейтенант безопасности Порядок солгал перед военным судом.

— Он не солгал! — Коваль услышал срывающийся голос Людмилы.— Лейтенант сказал правду... ваша святость. Этот человек утверждал, что в Москве у власти находятся злые люди...

За бывшими научными сотрудниками захлопнулись двери. Карин грел ладони над огнем. Сполохи пламени дрожали в его измученных бессонницей глазах.

— Мне жаль тебя, настоятель...

— Вот как? — Карин продолжал думать о чем-то своем.

— Да, мне жаль тебя. Ты поднял тяжелую ношу, и она не дает тебе спать ночами.

— Кто ты на самом деле, Артур Коваль?

— Подойди поближе, я тебе скажу.

Карин остановился напротив. Его дыхание отдавало гнилью, морщинистая щека подергивалась.

— Раз ты не хочешь вымолить для себя жизнь, как насчет свободы? Ты останешься жив, но пожалеешь об этом. Я даю тебе последнюю возможность задержать меня здесь. После этого тобой займутся мои люди, а мы не увидимся очень долго. Возможно, несколько лет.

— Я воспользуюсь твоей любезностью, святой отец. Когда-то меня звали Артур Коваль, но это в прошлом.— Артур смотрел соборнику в зрачки. Настоятеля качнуло, точно под воздействием невидимого магнита он сделал неловкий шажок вперед, затем еще один. Теперь пленник и инквизитор стояли лицом к лицу.— Меня зовут Проснувшийся демон.

Глава двадцать восьмая

Новые опричники

Карин с коротким воплем отшатнулся, но было уже поздно. Шип воткнулся ему в нижнюю губу. Артур выплюнул тонкую трубочку и аккуратно выкатил из-под языка следующую.

Настоятель, дрожа всем своим длинным телом, валялся на полу. Остановившиеся глаза уставились в закопченный потолок.

— Слушай меня, Карин! Ты слышишь только меня, других звуков для тебя нет. Только мой голос, Карин, голос твоего господина. У тебя жутко болит голова, у тебя раскалывается голова. Ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не подчиняется тебе...

Ты слышишь только меня. Твои уши готовы взорваться изнутри. Ты чувствуешь, что они вот-вот лопнут. Только я могу тебя спасти. Только я могу помочь тебе и убрать страшную боль. Только я могу помочь тебе встать. Без моей команды ты обречен на неподвижность...

Ты слышишь только меня. У тебя так шумит в ушах, ты почти оглох от боли и слышишь только мой голос. Я — твоя последняя надежда на спасение, Карин. Сейчас ты встанешь и поможешь мне освободить руки. Я случайно зацепился. Если ты не поможешь мне, головная боль убьет тебя... — Настоятель катался по полу, сжимая виски ладонями.— Только я спасу твои глаза. Если я не помогу, твои глаза зальет кровь. Ты уже чувствуешь, как кипит твой мозг. Встать!!

Со второй попытки настоятель поднялся на ноги.

Артур походил по пыточной камере, разминая затекшие руки, осторожно подергал дверь. В отличие от соборника он уже никуда не торопился. Напротив, теперь следовало поступать крайне взвешенно. Он уже поспешил вчера, слишком поспешил, и проклинать несостоявшихся докторов наук нет никакого смысла. Кафедральные ученые; он и сам был таким же когда-то. Нет, пожалуй, в чем-то он от них отличался...

Еще несколько минут, пока наркотик будет действовать, инквизитор мог сообщить немало ценного.

— Отвечай мне. Сколько человек входит в Совет президента?

— В Большом круге — шестнадцать...

— Есть еще и Малый круг? Отвечай! Иначе я верну боль в твою голову!

— В Малом круге четверо...

— Ты состоишь в Малом круге?

— Да... Я главный духовник святого войска...

— Экая каша у вас в башке, святой отец... Замполит, стало быть. Это правда, что ваши люди через отравленные перчатки убили двоих кандидатов в президенты?

— Не так... Семена Задиру отравили грибами.

— Тоже неплохо!

Коваль прислушался. Из дымохода донесся далекий низкий звук. Потом еще, снова и снова. Он насчитал одиннадцать раз. Колокола собора опережали его «внутренние» часы на две минуты.

— Сколько гарнизонов Москвы не подчиняются вам?

— Три...

— Когда вы намерены их уничтожить? Говори! Говори, иначе я запущу тебе в рот зубастого червя, и он выгрызет изнутри твои глаза. Смотри! — Коваль поднес к желтому лицу настоятеля пустую ладонь.— Видишь, какие зубы? Он очень голоден и с удовольствием полакомится тобой...

— Нет, прошу тебя, не надо!! — Карин бессильно задергался в стальных браслетах.

— Тогда отвечай! Кто еще бунтует против отца Ивана?

— Чертановские ковбои... Они не платят десятину. Выгнали кремлевский гарнизон... Туда пойдет моторный батальон с минометами...

— Что их ждет?

— Малый круг постановил забрать в Кремль только мам. Остальных молодух — в бордели...

— Можешь не продолжать. Сколько солдат у Кремля здесь и сколько в удаленных гарнизонах?

— Сорок сотен в столице и шестнадцать за Кольцевой дорогой...

— Солдаты и офицеры получают что-то еще, кроме еды и монет?

— Всем... Всем, кто честно служит, Большой круг нарезает землю.

— Ага! Земли тех гарнизонов, что вы подчинили?

— Да...

— Стало быть, вся Москва уже поделена! С ума можно сойти... Что принадлежит тебе лично, какие здания? Отвечай, или я выпущу червя!

— Мне пожалована земля между Москвой-рекой и каналом и право на сбор налогов с ярмарки и пристаней...

— А что папа Иван будет делать дальше? Когда вы подчините все малые города за Кольцевой? — Артур затаил дыхание. От ответа Карина зависело очень многое, хотя в главном сомнения уже отпали. Единожды начавшись, экспансия не закончится. Новоявленные опричники постепенно втянут всю страну в гражданскую войну.

— Малый круг будет думать, а не Иван...

— Как так? — Этого Артур не ожидал.— Разве не президент у вас главный?

— До власти все охочи, Клинок... — Похоже, Карин начал трезветь.— Сегодня один папа, завтра другой, а России крепкий кнут завсегда нужен. Иван трусоват... Третий год уж говорим, что пора ярославцев в реке топить. На Рязани-то обжегся, у них много пушек на моторах сохранилось...

— Мне говорили, вас все боятся, потому что у Ивана есть ключ от огненных грибов?

— Ключ! — Карин сдавленно хихикнул.— Вот что тебе нужно в столице... Ты никакой не демон! Не по росту шапку выбирать вздумал, колдун! Ты, дурак босоногий, хоть слышал, что такое электричество? По ночам стража зажигает сотню ламп над Кремлем, но надо в сто раз больше, чтобы справиться с ядерным оружием...

— Я не ослышался? Ты сказал «ядерное оружие»? Откуда ты знаешь это слово, настоятель?

— Я умею читать... Теперь я понял, кто ты.— Карин окончательно пришел в себя и, даже будучи связанным, попытался принять величавый вид.— Мы думали, это байки пьяных стариков. Люди болтали, что в Питере объявлялся человек, проспавший много лет в стеклянной кровати, так же как эти... Как я сразу не понял? Так ты инженер?.. Послушай! — Настоятель перешел в наступление.— Если бы ты признался сразу, не сидел бы в каземате. Развяжи меня, я приглашаю тебя пообедать со мной! Ты получишь дом, слуг и щедрое жалованье. А главное, звание инженера! Нигде тебя не будут ценить так, как в Москве!

— Заткнись.

— Что?! — Желтое лицо настоятеля пошло пятнами.

— Ты слышал. Дай мне подумать.— На верстаке, предназначенном для выламывания суставов, Коваль нашел узелок со своими пожитками, отобранными на рынке, и очень обрадо-

вался. Он закатал штанину и вернул в потайной карман два неиспользованных дурманящих шипа.

— Забудем то, что было! — Карин взял себя в руки.— Ты нарушил закон, но тебе очень повезло, что я оказался на ярмарке. Стражники могли пристрелить тебя...

— Я ценю твою доброту, святой отец! — Коваль отцепил один из наручников, пропустил цепь через прутья решетки и опять защелкнул его на руке настоятеля.— Теперь пошли!

Коваль дернул шнурок. Снаружи раздался топот кованых сапог и лязганье засова. Еще до того как дверь отворилась, Артур учуял запах перегара. Два кряжистых опричника в форме речного флота и летных погонах, толкая друг друга, скатились по ступенькам и замерли, не успев достать оружие. Коваль держал лезвие у горла настоятеля. Минуту спустя он тщательно запер раздетых и связанных лейтенантов и продолжил путь к солнцу. Выше этажом Коваль наткнулся на некое подобие проходной. Карин плелся впереди, подбадриваемый уколами в шею, и засевший в будочке служивый вытянулся во фрунт.

Впрочем, в отличие от предыдущих алкашей этот среагировал необычайно быстро. Он попытался зарубить Артура палашом. Настоятель немедленно воспользовался моментом, свалился на пол и шустро пополз через порожек в открытую дверь. Стражник ударил трижды, два раза попал в стену, третий раз угодил в торчащий из кладки крюк и сломал клинок у самой гарды. Артур уже повернулся, намереваясь распрощаться, но услышал за спиной щелканье затвора. Неудачливый фехтовальщик поднимал карабин. Ковалю жутко не хотелось никого убивать; до сих пор, стоило закрыть глаза, он видел лицо мертвого мотоциклиста на заставе, но времени на уговоры не оставалось. Он нырнул под ствол, отводя взгляд противника левой вскинутой рукой, и коротко кольнул его в солнечное сплетение.

Настоятель за это время чуть не успел удрать, возвращать его вниз по ступенькам пришлось волоком. У Артура возникла идея навестить остальных заключенных. В первой камере парились сразу трое. Увидев соборника, дружно повалились в ноги. Судя по офицерским регалиям, все обитатели застенка принадлежали к кремлевской армии.

— Недоимщики! — брезгливо процедил Карин.— Собирали дорожный налог в своих областях, да много от казны утаили...

— Дорожный налог — это хорошо! — согласился Артур, запирая камеру.— С ними сами разбирайтесь. А кстати! Раз дорожный налог в области берете, стало быть, новые дороги там строите?

— У себя в областях пусть сами общины и строят! — брезгливо скривил рот святой отец.— Нам своих почти пять сотен азиатов прокормить надо, что Тверскую мостят. Москва — в первую голову!

— Это завсегда! — охотно поддакнул собеседник, поднимая очередной крюк.— Москва в первую голову, а дальше пусть все дерьмом зарастет...

В трех следующих камерах сидели:

1. Майор, незаконно оттяпавший себе кусок площади со всеми строениями в районе метро «Таганская». Причем судить его собирались не за то, что он выгнал на улицу несколько десятков человек из разоренного чужого гарнизона (за это его, наоборот, наградили), а за то, что в свою пользу трактовал земельный кадастр.

2. Пожилая, добродушная на вид мама, бывшая глава одной из бывших Люберецких шаек. Сопротивляясь притязаниям законной власти, она собственноручно потравила большую часть своих родственников. Ей вменялся саботаж. Артур подумал и решил, что не хочет освобождать старушку.

3. Группа юных грабителей. Работали в столице по найму, но вкалывать оказалось тяжело и скучно. Гораздо проще оказалось нападать по ночам на загулявших торгашей. Всей четверке был прямой путь в суд большого круга, а оттуда на виселицу, не начни они при аресте выкрикивать антипрезидентские лозунги. Уголовниками радостно занялся политический сыск. Коваль поглядел на избитые таджикские хари и грустно притворил дверь.

— Негусто,— сообщил он настоятелю.— Не получилось из меня Зорро... Кстати, где мой конь?

— Я достану тебе любого коня или мотор...

Карин еле стоял на ногах; до Артура запоздало дошло, что настоятель был далеко не молод и в любой момент мог из заложника превратиться в беспомощного пациента. Вот только «скорой помощи» здесь взяться неоткуда...

— Ты хочешь мотор? — прохрипел Карин, опираясь на стенку.— Я никогда не вру и не предлагаю дважды. Я дам те-

бе лучший мотор и жетон безопасности. Отпусти меня, мне плохо...

— Нет, родной...— Коваль подхватил настоятеля в охапку, закинул на плечо карабин и шагнул к выходу.— Я слишком многим поверил за последние дни... Я почти отвык от вашей долбаной цивилизации. Настраивайся на долгий путь!

Глава двадцать девятая

Уголь маркиза Карабаса

Коня ему было жаль. Такого орловца не достать днем с огнем. Оставалась еще надежда, что патрульные не нашли Чернику, которую он привязал во дворе института. Лошадей на местный рынок, со слов того же злополучного Порядка, гнали преимущественно из Средней Азии, и ничего путного на ярмарке Артур встретить не ожидал.

За последней дверью никого не было. Вот так все просто, удивился Коваль, оглядывая загаженный Васильевский спуск, стаи ворон на мусорных кучах и непременную принадлежность крепостей — торчащие из красных зубцов самой известной стены России перекладины виселиц. Он уже понял, где находится. Над головой нависала мозаичная твердыня, спасенная двести лет назад от разрушения другой тиранией. Настоятеля пришлось переодеть в сержантскую форму. Из собора непрерывно тянулись люди, и Артур рассудил, что слишком знакомая столице фигура в шинели соберет целый полк заступников. Карин неловко брыкался, когда его лишали сапог, и отказывался от чужих растоптанных ботинок. Пришлось его несколько раз стукнуть по больной почке, а затем слегка усыпить.

Красная площадь изменилась неузнаваемым образом. ГУМ сгорел до основания; по завалам ползали фигурки в пестрых халатах и откалывали годные для будущих строек кирпичи. Внизу стоял немецкий грейдер с прицепом, в который кирпичи бережно складывали. В дырявом чреве бэтээра стражники жгли огромный костер. Спасская башня лишилась звезды и половины циферблата. Видимо, в свое время по ней стреляли долго и без-

наказанно. Вместо елок вдоль плит с урнами вождей тянулся двойной ряд бревенчатых изб. Оттуда на всю площадь разносился запах жареного мяса, звон гитар и нестройное хоровое пение.

Брусчатка исчезла под толстыми слоями прессованного мусора. В нескольких местах, там, где не оттаяли еще последние сугробы, мусорные кучи вздыбились волнами, точно курганы степных воинских захоронений. В Воскресенские ворота непрерывным потоком вливались груженые подводы. Обратный, порожний, поток, грохоча по деревянным настилам, уходил по Варварке. С диким свистом пронесся поставленный на автомобильную раму паровик. В клубах дыма голые по пояс люди закидывали в топку метровые поленья.

В Мавзолей, очевидно, стреляли из крупного калибра и прямой наводкой. Усыпальница обрушилась, а в стене позади нее появились две зигзагообразные трещины. Прямо над уцелевшей гранитной плитой с буквой «Е» на веревочках сушилось белье и гуляла коза. Коза питалась остатками веников, потому что крайняя в ряду изба, судя по столбу дыма и воплям изнутри, исполняла функции бани. И отовсюду невыносимо воняло. Весна растапливала залежи отбросов, смердящие разноцветные ручейки сливались в потоки и устремлялись к реке. Коваль старался дышать ртом. Сегодня он, как никогда, понимал Качальщиков. Наверняка в Эрмитаже пахло немногим лучше, но три года, проведенные на свежем воздухе, давали себя знать. Он пожалел, что не захватил противогаз, но в столице почему-то не носили масок. Возможно, он отстал от жизни, и маски не носили уже нигде?

Он принял решение. Подхватив Карина в охапку, дождался, когда мимо пойдет длинная пустая подвода, укрытая рогожей, и рванул с места. Им встретилось несколько мужчин без знаков различия; Артур весело помахал, изображая пьяного, тянущего под мышки еще более пьяного дружка. Ноги соборника волочились по земле. Когда Коваль закинул его нескладное туловище на телегу, один ботинок остался на дороге. Возница обернулся и собрался поднять крик, но Артур подскочил и мигом снял все вопросы. В карманах святого отца нашлось достаточно золота, чтобы купить экипаж вместе с кучером.

— Напился, видишь? — Артур запихал настоятеля под рогожу. Тот моментально стал черным: телега ехала с разгрузки уг-

ля.— Мужчина, не подвезешь нас?..— Он назвал адрес, готовясь упрятать под рогожу и возницу, если тот начнет упрямиться.

Но парень не упрямился. Его ожидал еще один рейс в угольную гавань, от такого количества денег он слегка ошалел и долго подозревал какой-то подвох, пока Артур не выдумал легенду о двух питерских инженерах, подрядившихся на ремонт подземки, сорвавших солидный куш и на радостях наклюкавшихся. Артур, в свою очередь, был потрясен, когда узнал, что собеседнику едва стукнуло двадцать четыре года. Выглядел тот на все сорок. Шелушащаяся серая кожа, заеды на губах, остатки жидких волос. На жилистой, почерневшей от угольной крошки груди в разрезе ветхой рубахи кошмарной россыпью бугрились прижженные головки фурункулов.

Когда Артур осторожно дал понять вознице, что работал у подземников по найму и теплых чувств к папе Ивану не питает, парень сразу подобрел и разговорился. Дальше пассажиру оставалось только поддакивать и поглядывать назад. Повозка, запряженная двумя костлявыми пожилыми меринами, ползла еле-еле, и ускорить их задумчивый шаг не представлялось возможным. Оставалось уповать, что Карина не хватятся хотя бы час.

Паренька звали Маркиз, потому что в доме, где он вырос, единственная книга, не пошедшая на растопку печи, повествовала о похождениях маркиза Карабаса. Кто такой был на самом деле маркиз Карабас, юный «аристократ» не знал, а Коваль решил, что просвещать его не стоит. Детство Маркиз провел в Брянске, и, как почти всякое детство, оно оставило ему одни хорошие воспоминания. Разве что жрать было нечего. И постоянно холодно. И многие умирали, потому что иногда в городе появлялись заразные больные. Артур так и не понял, о каких болезнях шла речь — о неведомых отголосках ВИЧ или о более вероятных в такой грязи тифе и холере. Еще на общину Маркиза нападали дикари, но потом пришли колдуны и предложили защиту. Колдуны вылили в речку немножко плохой воды, совсем немножко, и сказали, чтобы никто не пил три дня. Потом в речке всплыла вся рыба, умерли те, кто не послушался и попил. А еще несколько коров. Но это ерунда, потому что умерли почти все дикари, что жили ниже по течению. Здорово, правда?

— Здорово! — согласился Артур, прикидывая после этого рассказа, где бы поскорее отмыть ноги.

Карин тихонько похрапывал под рогожей, никто за ними не гнался, и Артур уже почти поверил, что удастся добраться до лошади. Главное, найти Чернику, а дальше, ночью, он выберется...

После того как дикарей потравили, колдуны поселились в городе и брали к себе маленьких за плату. Колдуны пришли с юга, с Украины, и многие были очень страшные, но к ним привыкли и почти не боялись. Мамы к ним не шли, потому что пап среди колдунов было всего двое, но и от тех дети рождались страшные. Один такой страшный, с подогнутыми ногами и мягкой головой, родился, еще когда Маркиза не было на свете. Женщины плевались, когда видели его, но страшный вырос и потом стал самым лучшим лекарем. Именно он приказал остальным колдунам сжечь за городом повозку со снадобьями, которые они когда-то привезли с Украины. Зато он умел заговаривать кровь, и к нему приносили женщин, кто не мог разродиться. Он держал их за руку, и все получалось легко и быстро, почти без крови.

Страшный первый сказал мужчинам, что на Украине есть под землей черный горючий камень, и много камня осталось в паровиках на станции Конотоп. В Москве уже давно появились деньги, и страшный сказал, что можно хорошо заработать, если возить черный камень в столицу. И топить им дома лучше, чем деревом.

Уродец оказался прав, и отец Маркиза уже в первую зиму хорошо заработал на горючем камне. Община сумела купить хороших коней, а их было тогда совсем мало. Настолько мало, что пахать пытались на коровах и свиньях. А потом все стали возить уголь и жили хорошо, пока из Москвы не пришел гарнизон папы Ивана. Случилось это четыре года назад. В Брянске сосуществовали четыре общины, часто дрались, но уличные бои закончились до рождения Маркиза. Поэтому, когда в городе объявился батальон солдат с автоматами, никто не почувствовал угрозы. Кроме колдунов, которые ушли заранее. Капитан похвалил брянских и сказал, что отныне Москва их будет охранять. От кого охранять-то, удивились местные? От орловских, что ли, али от калужских? Так там, почитай, половина родичей...

— А как же дикари? — разволновался капитан.

— Дак вот,— похвалились брянские,— а арсенал-то на что? Стволов-то полно от прежних лет осталось, а патронов прикупили, потому как теперь при деньгах. Ни один дикарь не сунется.

— Патронов прикупили? — покачал головой капитан.— А кто вам разрешил незаконно приобретать и хранить? Еще с позапрошлого года президент возложил охрану вас на нас. Так что либо сдавайте все железо добровольно, либо отберем силой! — И солдаты для убедительности пальнули из пушки. По складу с углем. Понятно, чем кончилось.

— Да, кстати, насчет уголька! — вспомнил капитан, когда общинники осознали, что от восьми вагонов конотопского топлива остались одни воспоминания.— Кто тут у вас самый главный? Извольте подписать две бумаги! Торговать с Москвой вам теперь будет намного выгоднее, радуйтесь! Во-первых, вам не придется больше развозить уголь по всяким дырам вроде Калуги, все тащите к нам. Мы сами разберемся, кому сколько дать и почем. И насчет цен можете больше не беспокоиться, не придется думать, сколько удастся выручить. Как большой круг определит, такая оптовая цена и будет... А второй договорчик, так тот вообще зашибись! Согласно ему наш гарнизон будет вас круглый год охранять. То есть на Украину мы с вами не поедем, там уж вы сами, и до Москвы тоже не поедем, мало ли чего в дороге может случиться... Зато тут, в Брянске, и заставы поставим, и подорожные будем собирать, чтоб не шлялись всякие. Прикиньте, удобство какое? Не надо вам больше своих преступников судить. Сами все сделаем, по московскому закону. Не дай бог, какая сволочь от работы отлынивать будет... Ну, это я так, к слову! Так, кто главный, прошу подписать!

— Так вить... не шибко грамоте обучены! — застеснялись папы, все еще не отошедшие от гибели плодов своего двухмесячного труда.

— Это фигня! — приободрился будущий генерал-губернатор.— Я и сам, кроме слов на заборах... Но порядок есть порядок! Да, чуть не забыл. Кто откажется подписать, тот не патриот России и враг государства. Кто хочет быть врагом государства?

Старейшины посмотрели на пушку и поставили крестики на неведомых договорах. Никто не захотел быть врагом государства.

— А теперь,— повеселел капитан,— ознакомьтесь с обязанностями по договору. Обязанностей у вас всего две, мне даже стыдно о них упоминать. Первая — это полностью кормить, поить и одевать охраняющих вас парней. Дома мы себе сами выберем. А вторая повинность — будете отдавать в казну пятую часть барышей. Делиться надо, мужики!

— Как это, как это? — пискнул кто-то шибко грамотный.— В Москве оберут, ишо и тут пятую часть отдавать? Два оброка с одного барыша? Да где ж такое видано?!

Миром дело не закончилось. Горожан собралось раз в двадцать больше, и кремлевский батальон спешно отступил, оставив на поле боя десяток убитых. Москва большая, сказали старики, на хрена платить этим выскочкам? И повезли опять уголек в столицу. Только дальше Калуги подводы не прошли, наткнулись на заставу. Пришлось заплатить, не так чтоб шибко много... Но в столице их ждал серьезный удар. Никто из прежних клиентов не хотел покупать уголь. И не только уголь, но и картоху, и свеклу, и соленья... И даже меняться, как раньше бывало, отказывались. Все торги только через кремлевский рубль да через ярмарки.

— Вишь, как повернулось! — шепотом делились бывшие компаньоны.— Ивановские псы откопали в подвалах золота немеряно, что до Большой смерти страна копила. Указ издали, что у кого нержавейные металлы найдут или стволы нарезные, тот не патриот и враг единой неделимой России. А по такой вине кара одна, известно какая... А теперича все нержавейные рубли других городов они плавят, из них свои льют, чтобы только кремлевские ходили. А на рынках ставят свой рубль чуть не в два раза тяжелее даже питерского. Во как! И менялы все из псов безопасности.

— Так может, это, ну их, ваши ярмарки? — выдвинули гениальную идею брянские.— Давайте отъедем за город и там по-быстрому махнемся? А то у нас уже варенье на жаре киснет!

— Ехай без нас! — извинялись компаньоны.— Не то нас потом в вашем же варенье и утопят! На пять дней пути вез-

де ихние гарнизоны! Не поймешь, кто правит. То ли старики, то ли сопливые мальчишки с автоматами...

— Да откуда ж они столько народу-то набрали, чтоб вторую власть устроить?

— А очень просто! Плотют-то им сколько? То-то! И лошади с кормом дармовым им положены! И мотоциклы от немца им завезли, во как! И любой дом для гарнизона, самый лучший в городе, могут забрать! А ишо грамоты, пустые, с подписями да печатью Малого круга, им дают! Это значит, чтоб наделы раздавать! Кого хочут, того и впишут!

— Дык земля-то общая завсегда была...

— Была, да сплыла. Плюнуть не успели, пяти лет не прошло, а на самых жирных кусках столбы с московскими бляхами. И заводы, что по железу, и нефтяные бочки... Сами-то в крепости сидят, а попробуй сунься...

— Так выходит, они сами себе все грамоты и раздают?

— Выходит, что так. Кто ж из молодых не захочет у них-то послужить? Это тебе не уголек возить, не за клюквой кверху жопой по болотам шарить! Так что везите все на рынок, нет больше правды, заместо нее — закон.

Делать нечего, не везти же все назад. Слили брянские ребята свой товар оптом. Подсчитали — прослезились. В обратный путь закупились — так чуть не разрыдались, такие цены в столице накручены. Назад приехали, а там не батальон, а войско целое стоит. И амбары с зерном горят. И самые ярые враги единой неделимой государственности развешаны на березах. Вместо капитана войсками командовал высокий человек с желтым лицом. Он не кричал и не хихикал. Он показал два подписанных договора и очень тихо объяснил, что старейшины общин нарушили закон.

Кое-кто из вновь прибывших припомнил, что договором предусматривались твердые цены, но в столице приняли топливо совсем на других условиях. Для особо непонятливых человек растолковал, что за истекший месяц изданы новые поправки к законам. И поправок будет столько, сколько пожелает Большой круг. Ибо все это в интересах народа. А кто против народа, пусть сделает шаг вперед.

Врагов народа в Брянске не нашлось.

С тех пор Маркиз гонял подводы с углем и дарами леса. Что интересно, сделки теперь оформлялись на рынке, а потом приходилось переться через весь город и выгружаться, где укажут. В Кремле — это еще хорошо, близко. Гораздо более загадочной стала система расчетов. Москвичи все охотнее брали в долг.

— Вы что, нам не верите? — удивлялись они, когда брянские просили оплатить хотя бы предыдущую партию.— Куда мы, по-вашему, денемся? Мы же представляем не частную лавку, а государство! Эх вы, темнота! Кремлю сейчас нужны ваши деньги, ненадолго. Для вашего же блага! Мы покупаем слона. Вы же хотите, чтобы в нашей великой стране был живой слон?

— Оно конечно!..— мялись брянские, придавленные широтой столичных замыслов.— Однако нам вить налог бы надо вам же заплатить! И гвоздей бы прикупить, стекла, одежонки...

— Какое нахальство! — в сердцах восклицали оптовики.— Вы их только послушайте! Вы же сами хотели торговать со столицей. Получили самые выгодные условия. Ну где вы еще найдете такой рынок? Ну, не хотите, катитесь в Питер или в Астрахань... если живыми доберетесь.

Московский тракт теперь надежно охранялся, а до Питера или на юг пришлось бы собирать большой караван с охраной. Денег на это не было. Как не было и уверенности, что загадочный закон не запрещает торговать с Питером.

— Так что вот какие дела, господин инженер! — закончил Маркиз.— Дальше проехать не могу, вишь, разворочено все...

— Ничего, здесь уже близко. Мы дойдем.

В переулке не было видно ни единой живой души. Когда-то здесь прорвало водопроводную магистраль, размыло грунт, и огромный пласт асфальта встал на ребро, перегородив проезжую часть. Над открывшейся ямой возвышался край ледяного тороса, точно оплавившаяся сахарная голова. Крыша ближайшего особняка давно обвалилась и увлекла за собой перекрытия двух нижних этажей; в результате шикарный дом превратился в иллюстрацию для учебника по гражданской обороне. Артур предположил, что пройдет насквозь. Он нахлобучил Карину на лицо шапку, взвалил обмякшее тело на плечо.

— Эка братишку твово разморило-то... А у вас-то, в Питере, все босиком ходят или тока инженеры? — вдогонку выкрикнул возница.

— Те, кто за правду,— босиком. Кто за порядок — по-всякому! — не оборачиваясь, отозвался инженер. Увлеченный прыжками по подгнившим балкам, он не заметил, как в другом конце переулка из подворотни выкатился открытый вездеход.

— Босиком чешет! — сказал своим спутникам кудрявый, покрытый шрамами детина.— Дуло спрячь! За мертвого и десятки не дадут!

Глава тридцатая

О пользе домашних животных, или Проделки летуна

Коваль нашел невредимую Чернику и страшно обрадовался. Кобыла от тоски погрызла все сухие ветки во дворе, но летуну было вообще нечем поживиться. Без хозяина он даже ночью не осмелился вылезти из мешка, но из вредности изорвал в клочки свою переносную «квартиру». Теперь скалился изнутри, злой и пристыженный. Чернику бы летун ни за что не тронул, поскольку был воспитан, как сторожевой пес, и полагал ее частью хозяйского имущества. Кроме того, частью детской дрессировки являлось упражнение с миской лошадиной крови. Человек давал попробовать и тут же больно ударял по носу прутиком, пока не возникало стойкой гастрономической неприязни. А главное оружие — хвост — наливался транквилизатором лишь на второй год жизни. К счастью, на боку у не расседланной Черники оставался еще один кожаный баульчик с сушеным мясом и фруктами, так что лакомства хватило на всех.

Артур не стал заходить в институт. Если бы у парадного входа появились чужие, он бы заметил. Судя по следам, Сергей и Люда Дробиченко ушли сами, никто их не заставлял. Сначала пробирались вдоль кустов, затем свернули на подъездную аллею, ведущую к упавшим воротам. Собака ушла за ними. По пути Ласка несколько раз останавливалась и оглядывалась, не решаясь подчиняться новым хозяевам. Скорее всего, она уже вернулась на ярославскую заставу.

Артур разбудил Карина. Сначала тот не мог понять, куда его завезли, затем попросился в туалет, после сообразил, что находится в Москве, осмелел и потребовал еды. Получив отказ, надулся, но на лошадь влез без споров. Видимо, рассудил, что лучше путешествовать верхом, чем с мешком на голове поперек седла. Он предпринял единственную и последнюю попытку сбежать, пока Артур перетягивал подпругу. Отпросившись по-большому, невинно отошел в кустики, а затем тихой сапой принялся отступать за угол. Он полагал, что пробирается незаметно, но производил больше шума, чем стадо кабанов на водопое.

— Святой отец,— тихо позвал Коваль, заканчивая собственное бритье,— вернитесь, я вам что-то покажу.

Чертыхаясь, Карин побрел обратно. Безусловно, трусом он не был, но реально оценивал шансы. Против человека, который трижды почти не сходя с места уклонился от удара палаша, шансов выстоять не имелось. Карин вернулся и увидел летуна.

— Когда ты неосторожно упал на лестнице в соборе, святой отец, я вытер тебе разбитый лоб платочком и дал моему другу понюхать.— Коваль блефовал, настраивать летуна на убийство было делом опасным.— Не уходи далеко, святой отец, мой друг догонит тебя. Я смотрю, тебе знакомы его повадки?

— Да, я их встречал... — Настоятель совсем упал духом.— Только не черных, а зеленых. В детстве у меня в клетке жил один.

— Значит, правду говорят, что ты из общины колдунов?

— Я из гадальщиков.

— Здорово! Садись на лошадь, только не вздумай держаться за мою шею... — Артуру почудилось, что за зданием со стороны улицы затарахтел мотоциклетный движок. Еще один мотор проехал по параллельному переулку, где они распрощались с угольщиком Маркизом. Не слишком ли бурные потоки транспорта в квартале, где никто не живет? — Так погадай мне, святой отец! Например, скажи... Те люди, что караулят нас за углом, начнут стрелять, зная, что могут попасть в тебя?

Карин окаменел.

— Не оборачивайся, святой отец. Двое идут сзади, но они за забором и пока нас не видят.

Артур перехватил поводья левой рукой. Стрелком он как был, так и остался никудышным, именно поэтому разрядить трофейный карабин следовало в первую очередь. Чтобы не давил лишним грузом.

Черника тоже чувствовала опасность, холка ее напряглась, уши вздрагивали. Поэтому Артур так и горевал о потере жеребца; эти коники воспитывались в лесу и на чужаков реагировали враждебно.

До угла массивного здания института осталось три метра. Другого выезда из дворика не предусматривалось. Прямо по курсу — накренившаяся стена соседнего дома и узкий проход налево. Под копытами Черники хрустело бетонное крошево. Когда-то здесь поднимался грузовой пандус, но теперь ушел в землю вместе с подвалом.

Позади треснула ветка. Преследователи преодолели ограду и продирались сквозь кусты. Артур отпустил поводья и сунул левую руку под куртку. Можно было бы забраться в угловое окно и убежать коридорами первого этажа. Но лошадь не умела лазить в окна. Лошадь, которая его не бросила, как другие, а честно ждала больше суток...

— Ша, приехали! — произнес низкий прокуренный голос, и навстречу вышли четверо.

Карин втянул голову в плечи, а мгновением спустя и Артур понял — братишки не имели к кремлевской армии ни малейшего отношения. Скорее, они имели к ней серьезные претензии.

— Слазий давай! — со скучной интонацией, точно выполняя ежедневную надоевшую работу, приказал главарь. Рот у него до конца не закрывался, потому что левую щеку оттягивали вбок три или четыре уродливых шрама. Шапка каштановых кудрей на фоне перекошенной рожи выглядела нелепым париком. За его плечом, прикладом вверх, болталось богато инкрустированное ижевское ружье с обрезанным стволом.

Все четверо нарядились не по погоде и чем-то смахивали на кочаны с капустой. Скорее всего, спали, никогда не раздеваясь, в этом же сборном гардеробе выезжали на «промысел». А менять ночлег им приходилось частенько; лейтенант Порядок с большим удовольствием рассказывал Артуру, как обращается законная власть с бандами. Если разбойников находили,

то квартал оцепляли с собаками или с волками, но в отличие от прежней милиции зверей отпускали с поводков.

Рыжий косоглазый парень в кожаном пиджаке без рукавов нацелил на Артура ружье:

— Винтаря сюды, жива!

— Ну, лови! — Артур послушно кинул карабин. Кинул чересчур сильно, так что бандюги малость отшатнулись. Рыжий поймал карабин за ствол, прикладом попало по плечу кучерявому.

Коваль синхронным движением выхватил из манжетных петель клинки. Разговаривать тут было не с кем.

Рыжий упал на четвереньки, хватаясь обеими руками за горло. Атаман успел дернуться, лезвие пробило ему щеку и застряло в верхней десне. Самое интересное, что применять огнестрельное оружие никто не спешил. Третий разбойник выхватил турецкий ятаган и попытался отрубить Артуру ногу. Четвертый, заросший бородой кавказец, схватил Чернику под уздцы.

Это была с его стороны непростительная ошибка. Артур шлепнул кобылу в бок, она прянула назад, готовясь встать на дыбы, и оставила на лбу и груди кавказца четкие следы от подков. После такого демарша темпераментный горец упал, и земные печали для него закончились. Карин тоненько взвизгнул и кубарем скатился на землю.

Обладатель ятагана, промахнувшийся в первый раз, снова пошел в атаку. Он исполнял для устрашения несложный, но очень эффектный трюк; Артур когда-то видел подобные представления в цирке. Лезвие крутилось вокруг кисти с такой скоростью, что сливалось в сплошной блестящий круг. Атаман ревел, пытаясь извлечь из щеки нож, рыжий норовил встать и снова падал, фонтанируя кровью из распоротого горла, Карин что-то бубнил внизу...

Коваль потянул из седельной сумки ни разу не опробованный «ремингтон» и запоздало осознал, что саблей крутили перед его носом совсем не для устрашения.

На шее затянулась петля. И сразу же рванули с такой силой, что, будь его ноги в стременах, оторвали бы голову. Но стремена Артур уступил настоятелю; вылетая из седла, он успел сделать три вещи: щипнул летуна, разрезал веревку и спустил курок.

Летун, словно того и ждал, вырвался из мешка и вцепился в харю кудрявого главаря. На свету зверь видел плохо и реаги-

ровал на кровь. Чувствуя, что ему заживо сдирают кожу с лица, кудрявый забился в истерике и получил два удара ядовитым хвостом.

Коваль в этот момент пролетал над задыхающимся Карином. Того тоже душили арканом, но отвлеклись на более занятные события.

Любитель фехтования, увидев, что за пакость кромсает голову коллеге, попытался голыми руками схватить летуна за крылья, но это было неправильно. Потому что, в отличие от осы, парализующей жидкости у вампира хватало на шесть ударов. Коваль кривил душой, пугая незабвенного лейтенанта Порядка медленным поеданием заживо. На самом деле паралич наступал очень быстро.

Артур упал. Веревку он перерезал лезвием, вшитым в манжет, но эти сволочи делали арканы из какой-то синтетической бечевы. Петля настолько глубоко врезалась в кожу, что остановился кровоток в сосудах; еще немного — и конец.

Он упал, но не на спину, как ожидали те четверо, а на ноги, как учил Бердер. Выстрел всех напугал, но никого не задело. Определенно, ребятишки привыкли заниматься своим ремеслом в тишине. Артур отшвырнул оружие, обеими ногами посылая тело в сторону, противоположное наклону головы. Гильза еще не успела упасть на землю, когда он раскрутил цепь с грузилом и, один за другим, послал два ножа. В ответ просвистел заряд дроби, но основная масса угодила в то место, где Коваль находился мигом раньше. Четыре дробины ужалили в бок, в ключицу и обожгли в двух местах плечо. Досталось и Чернике.

Бедняжка жалобно заржала и метнулась в сторону, прихватив за собой хрипящего настоятеля. Его левая нога так и висела в стремени.

Двое из оставшейся четверки съежились, как бумажные фантики над пламенем свечи, баюкая свои вспоротые животы. Третий, разглядев летуна, издал вопль на грани ультразвука и помчался наутек. Он успел сделать полтора шага, когда обвившаяся вокруг шеи цепь рванула его назад, спиной на острие кинжала.

Лошадь брыкалась в тупичке, по ее глянцевой шкуре многочисленными ручейками стекала кровь, но навзничь лежащий Карин застрял между двух деревьев и не давал Чернике

сбежать. Тот, что стрелял в Артура, высокий здоровяк с перебитым носом и абсолютно белыми безумными глазами, сделал еще один заход. Он отступил на шаг, переломил ствол и судорожно пытался подцепить ногтем горячий капсюль.

— Уходи! — посоветовал Коваль и вытащил из-за обшлага очередное лезвие.— Брось ружье и уходи!

Не послушав совета, грабитель одной левой защелкнул затвор, а в правой руке у него уже появился тяжелый длинноствольный пистолет. Так он и свалился, целясь из двух стволов в вечереющее, ослепительно чистое небо... Коваль подошел и, кривясь от запаха, при помощи кинжала извлек клинки.

Его левый рукав стал горячим и мокрым, на боку тоже расплывалось пятно. Головой он мог двигать лишь с большой осторожностью. Срочно требовалось найти тихое место и залатать пробоины. Но не здесь...

Как ни удивительно, косой рыжеволосый парень был еще жив. Артур знал, что стоит вытащить нож из его горла, и все закончится. Смертельно раненный, рыжий смотрел на свою недавнюю жертву с такой мольбой в глазах, что у Артура не поднялась рука его трогать. Проверять остальных не возникало желания, тем более что летун не закончил трапезы.

— Зачем... я тебе... нужен? — проскрипел настоятель, когда к нему вернулась речь.— Или... убей меня... сейчас, или нас... убьют вместе!

— Нет уж! — возразил Артур, кое-как, наспех, накладывая шину на сломанную ногу.— Мне нужно, чтобы с тобой, святой отец, пообщались мои друзья...

— Мне нечего скрывать... Что ты хочешь, я и так расскажу, без пыток...

— Вот и прекрасно!

Артур смазывал раны Чернике. Большинство дробин он сумел «вытянуть» руками. В своем организме он навел порядок довольно быстро, но принял решение два инородных тела пока не трогать. После, все после...

— Мне и надо, чтобы ты все рассказал, святой отец.

— Ты не вырвешься из Москвы... Это были бандиты, а не стража. Поэтому не стреляли, хотели продать нас дикарям... Совсем обнаглели, днем нападают! Но меня ищут и знают в лицо. Убьют лошадь, пешком не уйдешь...

— А мы, святой отец, дальше на лошади не поедем!

Хоть бы подвернулся навстречу приличный человек, горевал Артур, обнимая дрожащую кобылу за шею. Отдал бы тебя бесплатно, лишь бы не обижали. Еще одна подобная стычка, и Чернику застрелят. Да где тут найдешь приличных людей?..

Глава тридцать первая

Байкер поневоле

За поворотом в тени стоял обшарпанный до невозможности вездеход без крыши, армейский жесткий вариант. Артур так и не сумел угадать его марку; складывалось впечатление, что джип собирали не так давно. А за джипом Коваля ждал очередной кусок преследующего его наваждения. Задрав, как сорочьи хвосты, самодельные глушители, там отдыхали два спортивных байка. Коваль перенес соборника в машину, туда же покидал мешки и все пригодное оружие. Уложил Карина на заднее сиденье, закутал одеялом. Адепт малого круга выглядел хуже некуда, по лицу его крупными каплями стекал пот, и без того нездоровая кожа потемнела. У Коваля даже мелькнуло сомнение, правильно ли он поступил, захватив столь хворого «языка»...

Затем предстояло самое тяжелое. Хрипя от натуги, Артур втолкнул через заднюю откидную дверь тяжелую двухцилиндровую «ямаху». Модель была абсолютно незнакома, и некоторые детали компоновки наводили на мысль, что машина создана уже после того, как он «уснул». Бак мотоцикла разбойники заполнили по горловину, но, открыв его, Артур удивился, как двигатель до сих пор справлялся. Безусловно, в столице отыскался умник, восстановивший производство бензина, но пока научатся делать горючее требуемого качества, вся техника встанет. А вот переборкой движков вряд ли кто-то занимается.

Аккумулятора и ключей зажигания он не нашел, зато обнаружил торчащую сбоку в капоте ручку с тросом, как в лодочных моторах. С четвертой попытки вездеход затрясся, выплю-

нул черное масляное облако, из всех щелей в салон хлынули отработанные газы, а скрежет и визг вентилятора оповестили прилегающие кварталы о начале автопробега. У Артура нашлись даже зрители, двое мальчишек лет двенадцати. Он встретился с ними в третьем по счету переулке, куда пытался свернуть в поисках ровного асфальта. Когда Артур, налетая грудью на руль, сражался с подгоревшим сцеплением, дети проводили его огрызками яблок и дружеской матерщиной.

При повороте на Басманную Артур освоился и промахивал рытвины, почти не снижая скорости. Видимо, эта трасса считалась стратегической. Поверх растворившейся мостовой в три наката лежали огромные бревна, стянутые костылями и проволокой, так что Артур отважился переключить на третью передачу. Черника послушно бежала следом. На дырявом пассажирском сиденье в мешке недовольно шипел обожравшийся крови летун. Артур не позволил хищнику кусать никого, кроме главаря банды, который был заранее обречен. Настоятель подпрыгивал, скрипел зубами, но молчал.

В том месте, где раньше зеленел сад Баумана, при свете костров валили деревья, тут же обрубали сучки и волоком доставляли к дороге. Дальше, у станции подземки, улица сужалась. Здесь дорожники укладывали самую свежую мостовую, ярким пламенем в бочках горел мазут, и варились в котлах бараньи ребра. Коваль осторожно объехал толстого мужика в желтой каске и резиновом плаще, по виду — начальника работ. Толстяк стоял под полиэтиленовым навесом, там, где над столом горела электрическая переноска и ругались бригадиры. На Артура никто не посмотрел, гораздо больше внимания привлекла его породистая лошадь.

Чем дальше они продвигались к Кольцевой, тем безлюднее становились проспекты. Основная масса служивых и мастеровых переселилась ближе к центру, а граждане «независимых» гарнизонов жили компактно в своих «исторических» квартирах и в сумерках не особо разгуливали. Коваль почти не смотрел по сторонам, все внимание сосредоточивая на жутких ямах и нерастаявших сугробах. Сюда дорожники еще не добрались. Зима в этом году пришлась снежная, сточные колодцы давно забились грязью, и порой казалось, что вездеход не едет, а плывет среди бесконечных струй талой воды. Несколь-

ко раз машина застревала, тогда Артур выходил, впрягал уставшую Чернику, и вдвоем они кое-как справлялись.

Он рассудил, что выбираться стоит там же, где вошел в город. Собственно, мегаполис простирался на многие километры и за пределами кольца, но обитали там в основном ковбои, лесорубы и охотники. Артур встречался с десятками людей из этой породы и почти не сомневался, что ярых сторонников президента среди них нет. Главное — незаметно миновать ворота...

Незаметно не получилось. Он сделал все, чтобы обойти площадь Трех вокзалов по самой большой дуге. Несколько раз, завидя впереди подозрительное движение, снова и снова забирал вправо, но на пересечении с Краснопрудной машину обстреляли. Позже Артур убеждал себя, что мог бы проехать иначе, но в тот вечер, натыкаясь на завалы и ряды колючей проволоки, он не решился соваться во мрак старых московских переулков. На Ярославском вокзале три года назад обитала та самая коммуна «паровиков», к которым и посылал его Рубенс. Как давно это было, поразился Артур... Он успел забыть о том горделивом, боевом настрое, который владел им тогда. Как он надеялся восстановить связь, пустить тепловозы, а там, чем черт не шутит, и электровоз! Он всерьез уверял библиотекаря Леву, что достаточно запустить пару котлов на теплоцентрали, и энергии хватит для подземки...

Он спрашивал себя: что если забрать Надю и переселиться в город?

Допустим, не сюда, пусть Качальщики разбираются с Москвой как хотят, а в Питер. И можно не к папе Рубенсу, который также поступил не совсем красиво, можно пойти к мэру. Инженеры нужны везде. Многое он подзабыл, но это не страшно, почитает. Страшно другое: он слишком привык к тому, что недалекий перевозчик угля Маркиз называл объемным словом «правда».

Вполне вероятно, что лесная демократия Качальщиков не продержится долго, и прав окажется старый книжник из Эрмитажа. Население возрастет, старые волшебники станут легендами, колдуны уже тянутся в города, и образовавшуюся брешь планетного разума опять заполнят самые обычные люди. Малые и крупные царьки с имперскими замашками и подавленным детским честолюбием. И священная борьба соратников Бердера сохранится лишь в виде Книги. Хотя вряд ли

сохранится; такие люди, как Карин, обычно жгут книги из самых лучших побуждений...

От тягостных мыслей Коваля отвлек свист пуль. Палили из автомата, издалека, и очередь прошла высоко над головой. На севере города когда-то шли серьезные бои; он ошибался, полагая, что столицу не затронули волнения. Гостиница «Ленинградская» светилась множеством ярких огненных точек над безжизненными руинами кварталов, точно океанский лайнер среди холодной пучины океана. Коваль уже понял, что ошибся, и надо было с самого начала уходить по Сретенке, там, по крайней мере, расчищали проезжую часть...

Еще одна очередь, и сразу же стук копыт. Их догоняли. Артур огляделся. Слева — сплошная мешанина из сгоревших станционных зданий, перевернутых вагонов, упавших железнодорожных кранов. Справа — бесконечное море тающего снега и вздыбившиеся над ним, точно вершины затонувших аттракционов, изогнутые обломки рельсов. Единственная сухая дорожка, по которой он приехал, прямиком вела к завалу. Лошадь пройдет, но для джипа оставалось слишком мало места. Коваль сам загнал себя в тупик.

Он оглянулся. Три всадника миновали полузатопленное здание депо и готовились выйти на «финишную прямую». До того, кто скакал первым, оставалось метров триста. Отступать было некуда, но после схватки с грабителями у Артура не добавилось желания драться.

— Я не вышел на моление... — глухо произнес настоятель.— Это патруль безопасности. Если ты отпустишь меня, я скажу, чтобы тебя не трогали... Ты сможешь уйти.

— Начнется стрельба — не вздумай высунуться, святой отец! — Артур пошарил в мешке, выложил на капот три булыжника. Вместе с конем он потерял значительную и лучшую часть своего арсенала. На ярмарке остались маленький арбалет и лук, и оба бумеранга, и очень удобные палочки, нечто вроде нунчаков... — Отпустил бы меня на рынке — махал бы сейчас кадилом!

— Не понимаю...

— Тогда молчи.

Трое с автоматическим оружием — это серьезно, подпускать нельзя. Артур встряхнул кистью и начал плавно раскручивать пращу.

Молоденький сержант, что было сил погонявший низкую мохнатую лошадку, ничего не успел понять. Час назад капитану позвонили по вертушке, он всех поднял по тревоге и велел прочесывать улицы. На авто приехал взмыленный посыльный из Кремля и сообщил, что из каземата малого круга сбежал опасный колдун. А после этого, озираясь, посыльный сообщил уж совсем невероятную новость, в которую никто не поверил. Якобы колдун темными чарами опутал самого настоятеля собора и утащил за собой.

Никто точно не знал, как выглядит колдун. Одни приписывали ему крылья, как у огненного змея, и раздвоенный язык длиной в метр. Другие, напротив, утверждали, что он снаружи, как человек, но пасть, как у волка, и вчера утром откусил человеку голову на рынке. Не совсем было понятно, кого и где искать, но гонцы полетели и в те гарнизоны, куда не дотягивались телефонные провода. Всех мужиков собирали с оружием, под команду свободных кремлевских офицеров.

Меднолицый человек в джипе с трусящей позади кобылой не только не остановился по приказу, но зачем-то свернул в тупик. А теперь он стоял возле машины по щиколотку в ледяной воде и крутил над головой какой-то тряпкой. Потом человек сделал непонятное движение, точно поскользнулся, а секунду спустя что-то тяжелое и твердое ударило сержанта в левый глаз, и он завалился набок. Лошадь пробежала еще немного, затем перешла на шаг и остановилась в недоумении. Солдат, скакавший следом, сам был из ковбоев, знал, что такое праща, но заметил второй бросок слишком поздно. Солдату повезло больше, камень попал в лоб, скрытый под меховой шапкой, и только на время его оглушил. Третий участник состязаний, отставший на сотню метров, дал еще одну бесполезную очередь и ускакал за подмогой.

Артур откинул одеяло. Солнце почти закатилось, но и в сумерках было заметно, что у Карина начинается сильный жар. За три года в лесу Артур, конечно, не стал первоклассным медиком, да Качальщики никого и не лечили. Единственным пациентом в деревне был он сам, и дважды в первую зиму простужалась Надя. Качальщики не лечили и не лечились, они слушали свой организм и настраивали его на дыхание Земли. Этим врожденным навыкам никто Артура учить и не пытался, зато дали с собой в путь десяток пузырьков на все случаи жизни.

— Выпей! — Он с трудом заставил святого отца разжать зубы.— Не бойся, это травяной сбор. Поможет твоей печени... Теперь выпей это, укрепляющее. Я привяжу тебя ремнем. Не вздумай за меня хвататься...

— Ты безумец... Нас уже ищет вся Москва...

Коваль сознавал, что придется бросить все. Запасную одежду, еду и, главное, Чернику. Самый лучший орловец не угонится долго за мотоциклом... Затем он помолился. Молитва его состояла из пяти слов: «Всем моим врагам таких прогулок...»

«Ямаха» завелась легко, круга три пробежался — и готово. В одном цилиндре клапаны отбивали собственный похоронный марш, другой нагло дымил, сцепление еле слушалось, но в целом доисторическое чудо откликалось на руки человека. Все управление скоростью было переброшено на ручной акселератор, что Артура вполне устроило. Он поерзал на седле...

Тело вспоминало. Четыре года назад, нет, сто двадцать четыре года назад он дал себе зарок не прикасаться к байку. Он не то чтобы садиться, он на них смотреть не мог. Это была абсолютная нелепость, и Коваль внутри прекрасно сознавал, что старенький «харлей» ни в чем не был виноват. Но именно оттого, что невозможно было найти виноватого и не на ком было выместить злобу, он по странной прихоти возненавидел лучшего товарища своего детства. Кроме «американца», отец покупал сыну в свое время «яву», а позже, уже после института, Артур сам собрал денег на старую «хондочку». Погонял на ней два года, затем покрасил, подновил хром и втридорога продал пацанам из мотоклуба. Тогда по стране гуляла несусветная инфляция, а начинающий аспирант нуждался в компьютере. Наука становилась важнее любимой техники...

Он тронул с места, боясь какой-нибудь странной реакции организма, боясь, что загнанные внутрь воспоминания вырвутся наружу, но ничего такого не случилось. Машина пошла легко и мощно, заполняя тело восторгом, полузабытым чувством покорителя. На лошади совсем иначе, лошадь — это твой товарищ, напарник, иногда друг. Но когда под задницей, чаще стука сердца, взрываются порции бензина и два центнера железа готовы встать на дыбы от одного движения ладони, это вам не в «мерсе» пылить...

— Тебя убьют! — простонал в самое ухо Карин.— На всех заставах — пулеметы!

— Ты прав, но мы не поедем через северные заставы! — Артур сбросил обороты, разогнался, пробуя тормоза.— Мы двинем на юг, по Варшавскому или Каширскому тракту, там, где ночью выходят караваны.

— Генерал безопасности посадит сотню солдат на мотоциклы!..

— И все ваши солдатики гоняют с тринадцати лет? — зло рассмеялся Коваль.— Они прошли мотоклуб и байкерские тусовки? — Он отпустил сцепление и, взметая фонтаны брызг, покатил в обратном направлении. Растерявшаяся Черника запоздало бросилась следом.

Артур больше не скрывался и мчал напропалую, держась южного направления. Карту центра он представлял смутно и, чтобы не сбиться с дороги, рванул по верхнему ярусу Садового кольца. Здесь, как и в Питере, встречались остатки баррикад, но большинство из них растащили, освободив широкие проходы. По левой стороне Садового кольца сто лет назад шли танки. Скелеты многих из них, «обглоданные» новыми жителями внутри и снаружи, до сих пор «украшали» вечернюю столицу. Там, где кружились танковые колонны, от асфальта ничего не осталось.

По правой стороне приходилось двигаться галсами, чтобы не столкнуться с медленно ползущими повозками. Карин скулил от страха и боли, когда Артур укладывал байк почти параллельно земле. Но больше соборник боялся летуна в рюкзаке, который от потери ориентации прихватывал когтями спину пассажира. На двух заставах их пытались задержать. Артур замедлялся, изображая послушание, затем в последний момент поднимал машину на дыбы, и стражники успевали только отскочить. За Краснохолмским мостом за ними увязалась конная погоня, но вояки быстро отстали. Артур провел кусочек показательного выступления.

Моля Бога, чтобы не попалась яма, позволил всадникам приблизиться вплотную. Они не стреляли — видимо, информация о похищении Карина прошла по официальным каналам. Дождавшись, пока рядом, слева и справа, замелькают ноги лошадей, он резко дал по тормозам, выкручивая руль, упал всей

массой на левую сторону, тут же поддал газу... «Ямаху» развернуло на месте, задним колесом угодило ближайшей лошади по ногам; та взбрыкнула и упала, кувыркаясь вместе со всадником. Остальные четверо кавалеристов по инерции пронеслись вперед, бестолково осаживая коней. Артур дал газу. Карин ему жутко мешал держать равновесие, но хотя бы не брыкался.

Наездник, скакавший справа, успел развернуться лишь наполовину и тут в метре от своего бока увидел неудержимо приближающееся широченное резиновое колесо. Конь от удара повалился набок, сломав наезднику в двух местах ногу о дощатую мостовую. Еще одного, усатого парня с накрученным на локоть лассо, Артур ранил метательным ножом. И тут же дал стрекача. По мосту приближался целый эскадрон.

Как только стало темно, пришлось снизить скорость, но Артур сразу получил преимущество. Теперь он видел патрули издалека и заблаговременно объезжал их. Солдаты жгли факелы и, растянувшись цепью, обшаривали дворы. Один раз Артур минут десять простоял в нише, ожидая, пока подвыпившая, хохочущая поисковая группа пройдет мимо. В подвальные окна бойцы кидали горящую паклю или фонари на палках, но сами спускаться не отваживались. Карин скрипел зубами, наблюдая такое «усердие».

— А чего ты хотел, ваша святость? — успокаивал Артур.— Тебя ж никто не любит.

В тот момент, когда вдали заполыхали сотни огней большой стоянки, настоятель впервые всерьез поверил, что его увозят из Москвы. Справа от Каширского тракта и до и после Кольцевой бетонки ночевали многие десятки погонщиков и бедных торговцев, у которых не было лишних денег заплатить за ночлег в гарнизонах. Утром вся эта громадная масса придет в движение, одна река подвод потечет в южные губернии, другая двинется к ярмарке — пополнять карман связанного, избитого человека, что трясся на заднем сиденье мотоцикла.

— Зачем я тебе нужен... демон? — безнадежно спросил Карин.

— Чтобы спасти Москву.— Артур полной грудью вдыхал ароматы просыпающихся от зимней спячки полей.— Ты расскажешь моим друзьям все то, что говорил мне. Как хорошо у вас жить и как все счастливы, что появилась крепкая власть. И сколько сделал для народа президент. Видишь ли, мне мои друзья не очень ве-

рят. Я им много раз говорил, что без государства никуда, они не верят. Вот я и подумал, не с пустыми же руками возвращаться, возьму тебя с собой... То, что мне было нужно для... э-э-э... работы, украли вместе с конем. Так что настраивайся спасать Москву, речь готовь.

— Да от кого? — опешил настоятель.— От кого спасать-то?

— От меня, ваша святость. От меня.

Глава тридцать вторая

Спор без выигрыша

— Не дергайся! — сердито повторил Исмаил.— Если будешь мешать, я сломаю тебе ребро.

Артур так и не удалил две дробины, теперь обе обросли мясом, но при беге и даже при быстрой ходьбе доставляли неудобства.

— Я виноват. Я потерял обоих коней и змея... Чернику убили просто так, представляете? Ни за что. Эти сволочи убили ее из вредности, за то, что она бежала за мной. А я ничем не мог ей помочь... — Артур лежал на широкой доске и говорил без передышки, чтобы отвлечь себя от боли. Несмотря на всю полевую анестезию, пулевые отверстия нагноились. Исмаил раскалял над огнем крючки и довольно грубо ковырялся в ранах.— Я потерял все твои приспособы для меток, учитель... Я не специально...

— Это ничего. Слабая метка может быть чем угодно. Лежи тихо...

Когда Артур покидал «базовый лагерь», Качальщиков было всего трое — Бердер, Исмаил и Анна Вторая. Расположились в заброшенной деревеньке, не доезжая Сергиевого Посада, в единственном прямо стоящем здании, маленькой церквушке. Большинство изб на обеих улицах деревни превратились в покатые холмики. Вернувшись, Артур, к немалому изумлению, застал в церкви «старшего генетика» Прохора и еще двоих незнакомых старичков из какой-то дальней общины. Мотоциклист так устал, что мог лишь смотреть и хлопать глазами. Прохор смеялся в бороду, он мало говорил. Оставалось

предположить, что чародеи догнали авангард экспедиции по воздуху.

Как всегда, Те, кто раскачивает, знали о приближении любого человека заранее, и даже знали, что Коваль везет с собой пленного. Уже наготове была куча раскаленных камней, оставалось смести с них угольки, намочить веники, и следующий час Коваль провел, нежась в самой потрясающей баньке... Исмаил непрерывно окуривал всю округу таежными благовониями, но даже на таком удалении лесные жители ощущали запах столицы и никак не могли от него избавиться. Артуру, напротив, казалось, что после липкой, гнилостной атмосферы он попал в настоящий рай.

В пути Артур заправлялся дважды, по сути дела, отнимал топливо у встреченных автовладельцев. Но после второй заправки мотор застучал с перебоями, и до деревни он доехал почти на честном слове. Бердер вышел навстречу, дождался, пока Артур слезет и отстегнет от себя пребывавшего в полной отключке Карина. Артур уже знал, что последует дальше: один из тех «фамильных» трюков, которые ему не суждено было постичь.

Три секунды спустя на месте, где стояла «ямаха», бугрилась и опадала раскаленная спекшаяся корка. После проведенной стерилизации плевок Сатаны просуществует две недели, а потом на его остатках еще сильнее пойдут в рост побеги.

— Зачем ты привез его с собой? — Исмаил пустил по кругу ковшик с густым пахучим отваром.— Этот жалкий колдун не сказал ничего нового.

Седой Качальщик мотнул головой в сторону лежанки, где забинтованный, словно мумия, тихо страдал настоятель. В процессе осмотра выяснилось, что у святого отца сломано два ребра, воспалились фурункулы на спине и почти отказала почка. Теперь он лежал, до ушей залитый отварами, намазанный притираниями, и редко дышал через рот. Его даже не унесли в сторонку, пусть себе слушает...

— Я поверил... — Артур чувствовал каждой клеточкой тела такую блаженную истому, что самые простые слова давались с трудом.— Мне казалось, он сумеет убедить вас...

— Убедить в чем, Проснувшийся?

— В моей правоте. Историю нельзя остановить... То, что делают эти люди, жестоко, но необходимо.

— Необходимо было бить тебя и угрожать пытками? — поднял брови Бердер.

Белые старички переглянулись и одновременно затянулись из узких лакированных трубочек. Они курили не табак, а какую-то цветочную смесь, от которой у Артура все плыло перед глазами.

— А разве ваше племя ласково обращается с врагами? Вы продаете людей, как скотину!

Артур знал, что может выплескивать из себя любые оскорбления, наставников это не трогало. Заставить их изменить принятое мнение могли не слова, а только очень серьезные обстоятельства.

— Хорошо! — сдался он.— Хорошо, попробуем иначе. Вы надеялись, что едва я вернусь в город, как тут же воспылаю к нему ненавистью. Не скрою, так и случилось, но это не повод, чтобы навязывать сотням тысяч людей, как им жить. В таких решениях нет справедливости, о которой вы печетесь... Разберитесь вы, наконец, в собственных терминах! Я прожил тридцать лет в обществе, где справедливость понималась точно так же, люди были не глупее вас, но есть справедливость частная, а есть общественный интерес.

Меня забрали в тюрьму, могли пытать или даже убить. С точки зрения моей жены, это было бы жуткой дикостью и вандализмом, потому что я не сделал ничего плохого. Для большинства рыночных торговцев, я уверен, солдаты Карина тоже малосимпатичны. Подумаешь, паренек расплатился осколком от яйца Фаберже! Подумаешь, отрубил палец ворюге! Да так жулику и надо! При других обстоятельствах меня бы, возможно, даже спрятали от патруля. Это и есть та самая правда, о которой вы так заботитесь, чистой воды анархизм. А теперь взглянем на дело иначе.

Вот вам другой пример. В восемнадцатом веке жил один неглупый мужик, он объяснял это лучше меня... Так вот: скажем, меняльная лавка, из нее когда-нибудь вырастет первый московский банк. Богатый меняла дает денежки в долг, под процент. Не понимаете? Ну, чтобы вернули больше, чем взяли. Кто занимает деньги? Бедный караванщик, скажем, из Брянска. Ему надо перекрутиться, купить-продать, оставить семье и так далее... И вот бедняга не справился, не может вернуть долги.

О чем кричит ваша «справедливость»?! Как так можно, заявляете вы, тащить доброго, ни в чем не виноватого трудягу в тюрьму, бить его плетьми, продавать в рабство? И вас, конечно, поддержат сотни тысяч бедняков. Они с радостью похватают камни. И если солдаты, охраняющие менялу, не будут смельчаками и не разгонят толпу из пулеметов, можете не сомневаться: ваша «правда» возьмет верх. Конечно, это же так очевидно! Как можно давать еще больше наживаться лихоимцу, который и без того ездит на моторе и захапал себе кучу денег!

Но эти же ненавистные солдатики спасли бы рыночного воришку от расправы толпы. А торговцы, которым очень хотелось бы махнуться напрямую — ты мне сапоги, я тебе — груздей моченых, втайне рады, что появилась наконец стабильная валюта и за нее можно приобрести на рынке все. Все, что нужно, а не метаться по темным углам в поисках товара. Плюс к тому, на рынке тебя охраняют, и ближние дороги уже стали спокойны...

— Ты хочешь сказать, что доволен Москвой?

— Совсем нет,— горько улыбнулся Артур.— Но люди не были довольны и до года Большой смерти. Я просто стараюсь, в который раз, втолковать, что вы заняты безнадежным делом. Вы пытаетесь отделить добро от зла, а это нереально. Не я это сказал. Мне тоже очень хотелось бы помочь забитому ковбою, которого обдирают налогами московские вояки. Мы можем прийти в его деревню и прогнать гарнизон. Мы можем заставить купца вернуть деньги тем беднякам, что брали у него в долг, а теперь проданы ему с потрохами. И чего мы добьемся? Лично я не желаю стать героем фольклора вроде Емельки Пугачева или Стеньки Разина. Эти чудовища со своим обостренным пониманием правды не принесли народу ничего, кроме многолетних страданий. Поймите же, мы можем спасти десяток обиженных, но нанесем удар по системе взаимной безопасности, по общественному интересу. Купец больше не даст денег в долг, рубль обвалится, и пострадают все! Ковбой откажется содержать солдат, и рано или поздно его дом сожгут соседи или дикари. Только никто уже не защитит его! Пусть сейчас всем плохо, но так бывало и раньше. Либо появится сильное государство, либо по дорогам будут носиться банды шептунов...

Качальщики молчали. Незнакомые старики посасывали свои трубки, заполняя прогретую внутренность церкви сладко-

ватым дурманом, Бердер раскладывал вокруг костра сырые поленья. Карин валялся, спеленутый, на постели из еловых лап и не подавал признаков жизни. Дым от костра поднимался к прорехам в крыше, обволакивал стены, где в вышине еще грозили пальчиками почерневшие лики православных святых. Сразу за церковью начиналось кладбище, но за век снега и дожди размыли могилы. Сквозь пролом окна Артур видел кусок решетки, изъеденную временем верхушку косого креста и почти вертикально торчащую из лужи крышку цинкового гроба. В таком гробу когда-то привезли из Чечни соседа Серегу... На деревьях уже набухали почки, по обломкам рухнувшей звонницы сосредоточенно вышагивали грачи, подступивший к деревне лес вздыхал, точно живой, и отряхивал на землю миллионы брызг.

— Мы не отделяем добро от зла,— медленно произнес Исмаил.— Мы слушаем Землю, а Земля для всего сущего на ней — всегда добро. До Большой смерти не было Тех, кто раскачивает. Потому что земля справлялась сама с теми ранами, что вы ей наносили. Мы читаем книги, Артур. Последнюю сотню лет до Большой смерти Земля почти не справлялась. Вы забрали у нее почти все, не спрашивая. Как нас назвал твой знакомый музейщик? Альтернативным разумом? Сложное слово, но я понимаю. Этот самый альтер... разум должен был появиться намного раньше. Но я имею в виду не Тех, кто раскачивает, совсем другое. Теперь неважно, после Большой смерти Земля качнулась, они погибли...

Ты думаешь, Проснувшийся, что Вечные пожарища — это самое печальное, что есть на планете? Это не так. Ты знаешь, что последние двадцать лет вытекает в землю из древних заводов? А такие заводы повсюду. Люди ушли, а порошки, несущие смерть, остались. Мы пытаемся их остановить, но не успеваем, нас слишком мало. Ты помнишь, я брал тебя с собой на северный берег? Помнишь кладбища птиц, целые стаи птичьих скелетов? Помнишь рыб без глаз, рыб, покрытых язвами, тысячи мертвых рыб, вмерзших в лед у берега? Они погибли от огненных грибов, что давали тепло и свет... Только Те, кто раскачивает, поняли, чем опасны огненные грибы. Они остаются внутри рукотворного камня, они больше не дают тепла, они не двигают больше подводные корабли, но они не спят... Они продолжают раскачивать Землю, а не мы.

Понимаешь? Если бы миллионы людей не умерли от болезни СПИД, Земля скинула бы их. Она уже начала раскачиваться, еще тогда, но вы не замечали!

Исмаил говорил все быстрее. Это была первая столь долгая проповедь, которую услышал от него Коваль за три года. Сейчас Качальщик не на шутку разгорячился; на обычно безмятежном, непроницаемом лице разлился румянец, сцепленные в замок руки, напротив, побелели.

— Вспомни хорошенько, Клинок, разве не было такого в давние времена, чтобы большие рыбы сами бросались на сушу, ища себе смерть? Разве не было такого, чтобы из грязных озер навсегда улетали птицы? А сколько тысяч уродов рождалось у ваших женщин?

— Такое случалось, но...

— Просто вы не понимали, что это значит! Земля уже качалась, Слабые метки уже бродили по ее поверхности, и достаточно было самой малости... Когда мой дед был еще ребенком, он нашел на краю теплого пожарища живую траву. Это пожарище не породил мертвый завод, там сошел с пути паровик, что вез военную химию... Мой дед взял в ладонь эту травинку, она была единственной посреди пустыни. Он дотронулся до нее и понял, что нашел один из звенящих узлов. Он нашел такую Слабую метку, которая могла бы раскачать не то что Вологду или Шарью, она могла бы раскачать всю Землю между океанами. И знаешь, что он сделал, Проснувшийся?

Ты чувствуешь справедливость, ты не тронул бы этой травы, возможно, даже бы полил ее водой, но не более того. А такой человек, как Карин, он бы прошелся по ней сапогом. Просто так, без удовольствия, но наступил бы, чтобы зеленые лепестки не нарушали серого цвета смерти! И таких, как твой соборник, в городах — большинство.

Если они встретят цветок, то непременно сорвут его, чтобы выкинуть. Если в городской пруд спустится дикий лебедь, они убьют его и зажарят, как будто им не хватает еды! Они сливают свое дерьмо в реку, из которой пьют воду! Они плодят болезни вокруг своих жилищ, потому что каждый выплескивает нечистоты под дверь соседу!..

Они боятся всего, что не подчиняется их бездарному городскому колдовству, они боятся нас и запугивают детей. Они не

представляют, сколько сил мы тратим, чтобы сохранить равновесие Земли. Они ненавидят нас, потому что мы раскачиваем слабые узлы, а на самом деле мы их же и спасаем! Посмотри, что ревнитель церкви носит на груди! — Хранитель расстегнул на спящем Карине рубаху, брезгливо подержал на ладони целую пригоршню амулетов и оберегов.

Чего там только не было! На веревочках вперемешку висели христианские кресты разных конфессий, полумесяц пророка и могендовид, какие-то баночки с волосяными кисточками, пожелтевший зуб тигра и даже миниатюрный костяной слон с позолоченными бивнями.

— Этим насекомым все равно, кому лизать пятки. Они будут поклоняться тому знаку, который носит их хозяин. Если папа любит объезжать коней, то они, ради того чтобы остаться при власти, тоже полюбят эту забаву! Они готовы отбить себе жирные задницы и свернуть шеи, но будут делать вид, что им нравится падать в грязь. Если старого хозяина убьют и придет новый, покровитель холодного оружия, они специально выучатся махать саблей, лишь бы не потерять милостей новой власти. А прежнего хозяина тут же забудут и знак его силы упрячут подальше... А ты, Клинок, нахваливаешь мне их «государство»!

Мой дед был одним из первых Хранителей равновесия, он три дня пролежал возле кустика на пожарище, оберегая его своим теплом, укрывая его от ветра и насекомых. Когда шел дождь, он расстилал одежду, чтобы собрать для растения побольше воды. Там его и нашли родичи. Не все умели слышать, в те годы небо было отравлено дурным запахом смерти. Земля тогда еще не забрала кости миллионов умерших, повсюду жгли костры из человеческих тел, и запах этот мешал Хранителям. Моя прабабушка, мать моего деда, рожала его в первой лесной общине, возле пожарища, но сама она была городская, из Перми. Когда она захотела привезти сына в город, он сразу начал задыхаться. И остальные маленькие тоже. Тогда и стало понятно, что дети из Вечных пожарищ не могут вернуться в города.

И вот они, родичи, собрались вокруг моего дедушки и смотрели, как он спит на сером пепле, обняв зеленый росток. И стали они охранять этот кустик по очереди, не отлучаясь ни днем, ни ночью, ни в самые лютые холода. Охраняли его долго, пока рядом не выросла еще трава и метка не потеряла силу. Те, кто

умел слышать, понимали, что дед случайно нашел огромную редкость. Слабые метки такой мощности попадаются раз в двадцать лет и обычно там, где нет ничего живого... Где живое пытается вернуться, и если его убить, то Земля не выдержит и взорвется...

— Что значит «взорвется»? — Коваль уже не знал, чему верить. За три года он привык, что никакого волшебства, в смысле черной магии или говорящих котов, не существует, а нынче его снова погружали в трясину сверхъестественного.

— Взорвется — это не означает, что погибнет.— Голос Исмаила был печален, а глаза засасывали, как ледяные бездонные омуты.— Земля сметет всех нас, и ей будет все равно, что шесть поколений Хранителей отдали жизнь во имя спасения равновесия... Ты слышал о Хранителях памяти?

— Мама Рита, мир дням ее, говорила, что мне незачем с ними встречаться.

— Она права! — кивнул Исмаил.— Эти люди плохо выносят общество. Мой младший брат Кристиан один из таких, он живет у озера Валдай со своей женщиной и детьми...

— Так это ему донес Рубенс о моем появлении в музее?

— Да. Кристиан не ищет общения, но к нему ездил и Миша Рубенс, и другие питерские папы, кто хотел увидеть будущее. Но будущее предсказать не так уж сложно, потому что перед нами всегда лишь его малая часть. Время похоже на старую сосну. Далеко вверх тянется голый ствол прошлого, затем идет тонкий срез настоящего, который тут же сменяется кроной. И каждая веточка на кроне, каждая иголка — это один из путей, который ты выберешь. И Кристиан может разглядеть лишь одну из тысяч иголок...

— Это называется многовариантностью...

— Пусть так. Я не знаю умных слов. Я познакомлю тебя с Кристианом, но не ради будущего. Он покажет тебе прошлое, для него это легко. Не то прошлое, которое тебе знакомо. И не то прошлое, о котором ты читал в книгах. Он покажет тебе такое давнее прошлое, о котором не слышал ни один книжник до Большой смерти. То, что было пять миллионов лет назад. И то, что было двадцать миллионов лет назад. И шестьдесят миллионов лет назад.

— И что я должен увидеть? Процесс размножения мастодонтов? Или любовные игры диплодоков?

Исмаил укоризненно покачал головой:

— Я не знаю, кто такие диплодоки. Ты увидишь разумных, Проснувшийся.

— Твой младший брат ошибается. Миллион лет назад на планете не существовало людей.

— А разве я говорил о людях?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Кристиан не видит все ветки будущего, но прошлое понятно ему, как ствол сосны. Трижды на Земле появлялись разумные, и трижды они нарушали равновесие, раскачивали живую природу до предела... И всякий раз на планете начинался хоровод Слабых меток. Как гнойная сыпь, что предшествует распаду тела. Как таежные клещи, что вгрызаются под кожу и делают там норы, а затем одним ударом яда отнимают у человека жизнь. Планета терпит разумных, пока они не нарушают равновесия... — Исмаил вытер пот со лба. Коваль чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Это не было гипнозом, но от Качальщика исходила такая энергия, что спина покрылась мурашками и покалывало в подушечках пальцев.— Когда Слабых меток становится так много, уже не нужно ждать, пока соберется узловой треугольник. Взмах серпа, раздавленный под сапогом жук, пролитая в реку бутылка нефти — все что угодно!! Трижды планета рожала разумных, и трижды они несли угрозу самой жизни. И планета сметала их, как ты сметаешь с одеяла насекомых, прежде чем положить туда своего сына!

Затем пришли люди. Ты много нам рассказывал, Клинок, о том, сколько атомных станций вы построили. О том, сколько рек вы перегородили плотинами. Сколько леса вы вырубили, чтобы печатать книги. Сколько нефти вы взяли из почвы, и сколько миллионов моторов превращали эту нефть в смертельный дым. А теперь я спрошу тебя. Ты до сих пор уверен, что болезнь СПИД поразила человека случайно?

— Ну... Находились соборники, которые кричали, что это небесная кара, Божий промысел...

— Если бы на небе жил Бог,— отмахнулся Исмаил,— мой брат сказал бы мне об этом первому... Теперь послушай Прохора, он скажет тебе главное.

— Считая от года Большой смерти, никогда не плодилось столько Слабых меток... — Прохор Второй немного гнусавил:

один из «экспериментальных» медведей когда-то заехал ему лапой в нос.— Мы следим за теми, что бродят вблизи древних заводов или там, где под землей спят огненные грибы. Мы расплавили тысячи поселков, и там, где мы прошли, звон прекращался, и наступало равновесие. Теперь метки уходят на запад, они стягиваются вокруг Москвы, потому что Земля чувствует здесь наибольшую угрозу. Пока еще, после Череповца и двух военных баз за Уралом, ни разу не складывался звенящий узел такой силы, как нашел дед Исмаила, но это может случиться в любой момент. Равновесие пока что держится. Как только папа Иван или кто-нибудь из его врагов, неважно кто, доберется до древнего оружия, миру наступит конец. В столице и вокруг нее слишком много опасного...

— Погоди, Прохор! — Коваль плеснул себе в лицо колодезной воды, сразу стало лучше, мысли потекли ровнее.— Если я верно понял, Москву надо расплавить, чтобы выжил род людской? Но это же абсурд! Есть ведь и другие города!

— Петербург не так опасен.— Прохор достал из золы картофелину.— Сегодня там нет человека, который собирается отравить целый город.

— Господи! Да о ком это ты?!

— О президенте Иване... — Артур чуть не подпрыгнул. Вместо Прохора ответил настоятель. Дышал он через силу, но температура, по-видимому, спала, снадобья Хранителей сделали свое дело.— Папа Иван собирается отравить воду в Волге, чтобы вынудить Ярославль платить налог.

Глава тридцать третья

Новый друг лучше старых трех

— Да это же черт знает что! — подскочил Артур.— Волга, она же длинная, так и до самой Москвы дойдет!

— Не дойдет... — Карин слабо подвигал пальцами.— Колдуны сказали, что яд разлагается быстро, у них есть книги...

— Уж не ты ли, гад, сам и предложил? — вкрадчиво осведомился Коваль.— А теперь решил под святого закосить?

— Не он! — отозвался Бердер.— Он предлагал копить силы и выступить против Ярославля большой армией на следующий год. Но в голове у нашего соборника есть задумки и похуже. Я прав, насекомое? Это место, к западу от Москвы, называется Красногорск-3. Скрытый въезд под землю, большие ворота. За воротами другие. Там стоят моторы, не меньше тридцати. Все они исправны. И на моторах уложены ракеты. Отдельно, ниже этажом, хранятся детали к этим ракетам. Без деталей они не могут взрываться. Моторы можно запустить, а ракеты нельзя, потому что ими управляло... м-м-м... стеклянный сосуд с нержавейными металлами внутри...

— Компьютер! — подсказал Коваль.— Там и золото, и платина...

— Эти ком... пьютеры они оживить не могут. Но люди Карина забрали с собой одну ракету и дали инженерам. Инженеры сказали, что ракету можно оживить, хотя это опасно, но внутри нее есть еще один... ко... эта самая штука, и непонятно, как ракету направить.

— Без гироскопов она начнет метаться, как заяц в капкане! — успокоил Артур.— Но скорее всего никуда без программы не улетит, взорвется на старте.

— А это неважно, где она взорвется! — сказал Бердер.— Даже если ракета не породит огненный гриб, может возникнуть та самая Слабая метка...

У Карина задергалась щека. Телепатия Качальщиков повергала его в панический ужас. Артур вспомнил, как Исмаил в день знакомства довел его до белого каления угадыванием мыслей. Он обернулся к Бердеру:

— Если вы... начнете расплавлять Москву, погибнет уйма народу!

— Я говорил тебе три года назад и сейчас повторю. По тем Слабым меткам, что бродят вокруг Москвы, нам быстро не собрать узлы. Нас слишком мало, а город огромен. Есть метки в самой Москве, в центре. Если качнуть оттуда, распад пойдет тихо...

— Очень тихо! — вставил слово Исмаил.— Люди успеют заметить и уйти.

— Мы не убийцы! — добавил Прохор Второй.

Теперь все пятеро смотрели на Артура. Просто смотрели, ничего не говоря. И снова, как ни странно, на помощь пришел Карин:

— Мы можем пойти вместе... Меня люди послушают. Я скажу им, что был у Красных колдунов, и они предсказали землетрясение.

— Ты первым делом побежишь спасать президента! — Артур пожалел, что так и не врезал святому отцу в ухо, пока тот был цел.

— Иван — трус и дурак! — скривился Карин.— Против него готовят заговор. Когда его убьют, будет трое желающих сесть на его место. Тут уж как повернется...

— Все ясно! — сказал Артур.— Тебя могут повесить за компанию... Значит, другого пути нет? — повернулся он к поджидающим Хранителям.— Нет другого пути остановить эти самые Слабые метки? Н-да... И потом! — спохватился Артур.— Я этому серому кардиналу не верю, он сдаст меня с потрохами. А если его отпустить вперед, то меня пристрелят, не доезжая до Кольцевой! Там полгорода с автоматами гуляют!

— Вы отправитесь вместе, Проснувшийся! — улыбнулся один из незнакомых дедушек.

— Ты ошибся, Качальщик! — Хохот настоятеля звучал, как воронье карканье.— Ты тоже веришь в глупые сказки? Ваш подмастерье никакой не демон! Поищите кого-нибудь понадежнее. Если бы не я, его забили бы кольями темные крестьяне на рынке!

— Это не сказки, соборник! Так написано в Книге, а наша Книга никогда не врет! — важно заявил Прохор.

— Я тоже доверял Красным колдунам,— отмахнулся Карин.— И чуть было не поверил ему, но затем кое-что вспомнил! Проснувшийся демон должен был явиться в Москву верхом на крылатом змее, а ваш Клинок приехал на кобыле. У него, правда, имелся змей, но тот вряд ли бы и зайца унес!

— Ах, вот ты о чем!

Прохор внезапно повеселел, засмеялись и старички, похожие на добрых лесных гномиков. Затем расхохотался Исмаил и, наконец, вечно неулыбчивый Бердер. Артур переводил глаза с одного на другого и никак не мог понять причину общего веселья.

Он вообще никогда не видел Качальщиков смеющимися, да еще столь упоительно, разве что на праздниках рождения детей...

— Ты нам очень помог, соборник! — утирая слезы, выговорил Исмаил.— Ради одних этих слов тебя следовало сюда притащить и вылечить! Выходит, что Красные кровопийцы не всегда врут! В Книге не было этих строк, но теперь все совпало! — И старик кинулся обниматься с Бердером, что было уж совсем большой редкостью.

— Да что я такого сказал? — недоумевал Карин, не зная, то ли обидеться, то ли подхихикнуть вместе с этими непонятными Качальщиками.

Прохор Второй загадочно посмотрел на Артура, затем сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Сначала ничего не произошло, затем пропали голоса птиц. В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает остывающая зола и свистит в кронах озорной весенний ветер. А потом Артур краем глаза уловил какое-то движение, оглянулся на разбитое окно и... прирос к полу.

На лужайку перед церковью величественно и неторопливо выходил крылатый змей. Этот взлетит, почему-то сразу понял Коваль и чуть не поперхнулся слюной. На сей раз Прохор постарался на славу. Любопытно, как это ему удалось так долго скрывать свою последнюю разработку? Заодно стало понятно, каким образом троица генетиков догнала авангард с такой скоростью...

Это был настоящий Змей Горыныч, совсем не классический пузатый дракон из области британского фольклора. Существо, стоящее на лужайке, обладало вполне приличными аэродинамическими качествами. Поджарое тощее тело, метров шести в длину, маленькая узкая голова. Короткий мощный хвост не волочился бестолково по земле, как у прежних «моделей», а приподнимался вверх наподобие паруса. Зато две пары крыльев за спиной. Каждое из передних, маховых, крыльев превышало длину тела. Задние, очевидно, выполняли функции рулей и, как выяснилось позже, позволяли змею зависать на месте по принципу вертолета. Лапы остались прежние, крокодильские, слишком маленькие для такого огромного туловища, отчего рептилия слегка смахивала на таксу.

— Прохор, ты превзошел себя! — прошептал Артур.— Восемь конечностей, это нереально!

Карин тоже оглянулся. Под впечатлением от увиденного вскочил на сломанную ногу и упал в костер. Если бы не Бердер, пришлось бы лечить настоятеля от ожогов.

— Я на... на этом никуда не полечу! — помертвевшим голосом заявил настоятель.

— Не правда ли, она прекрасна? — Прохор вышел на улицу, потрепал зверя по голове. Драконихa сразу потянулась к сумке, ожидая от хозяина лакомства.— Это не только моя заслуга. Семен и Марти, мы работали вместе! — Он махнул в сторону своих скромных помощников. В глазах обоих старичков светилось обожание. Они буквально боготворили свое детище.

— Из какой детской книжки ты ее вытащил?

Артур тоже вышел на воздух. На спине змея крепилась сложная упряжь. Три седла, место под багаж, даже крепления для оружия. Сложная уздечка из сыромятных ремней крепилась под крыльями и нижней челюстью, охваченной толстым металлическим намордником.

— Никакие удила не выдержат давления зубов, мы пробовали! Кроме того, она хватает птиц на лету! — любовно поглаживая зверя по жесткой зеленой чешуе, нахваливал Прохор.— Теперь самое главное, Клинок. Мальвина очень пуглива. Если этот безумный соборник будет продолжать свои вопли, девочка испугается и может перевернуться...

— Как... как ты ее назвал?! — давясь от смеха, спросил Артур.

— Мальвина! — ответил маленький Семен. Он доставал из мешка и кидал в пасть драконихе нещипаных куриц, та заглатывала, не жуя.

— Вроде бы это имя из датского фольклора! — проявил осведомленность Прохор.— Мне подсказал кто-то из детей. Слушай, Клинок, я покажу тебе, как управлять. Запомни три вещи. По земле ее не гонять, это полетный вариант. Фруктами не кормить, будет поносить. И ни в коем случае не ругать и не замахиваться. Это тебе не лошадь, с ней надо обращаться бережно! Она лучше, чем оба твоих коня и Миг впридачу, она стоит троих старых друзей, поверь мне! Подойди, Мальвина понюхает тебя, и мы вас оставим наедине. Все как обычно, ты же знаешь. А потом посмотрите по карте, куда лететь, это в самом центре...

Установив первый ментальный контакт с драконом, Артур еще раз поразился творческому гению Прохора. Мальвина бы-

ла гораздо умнее обычных змеев. И гораздо более тонко устроена, что ли...

— Ну что, милая? — спросил Артур, глядя драконихе в томные, обрамленные двойным рядом ресниц глаза.— На тебя вся надежда. Рот открой, у тебя там гадость какая-то застряла...

Мальвина послушно раззявила пасть. Артур вынул нож и вытащил застрявшую между резцов куриную лапу. Каждый зуб превосходил размерами спичечный коробок. Мощные когтистые лапы нервно скребли дерн.

Коваль оглянулся. Позади стоял Бердер. Его белая льняная рубаха раздувалась на спине, как парус.

— Ты хотел о чем-то спросить, Клинок?

— Да, учитель.

— Наш ответ: да. Если ты сделаешь все, как надо, сможешь забрать женщину и обоих детей. Можете уйти, когда захотите.

— Ты тоже хотел спросить меня, учитель? — Коваль вдруг вспомнил, как он когда-то не мог рассмотреть лиц Качальщиков. Насколько ловко они прятались от всякого чужого, и насколько родными эти фанатики стали для него теперь...

— Я уже спросил и уже получил ответ, Клинок.

А я вот не получил ответа, подумал Артур, глядя вслед учителю.

Я не уверен, что хочу возвращаться в Питер.

Глава тридцать четвертая

Проснувшийся демон

Коваль чуть не плакал от восторга. Даже несмотря на лютый холод, качку и встречный ветер, пробиравший до костей, ему хотелось кричать на всю округу. Мальвина махала крыльями с пугающей частотой, пока не набрала километровую высоту. Здесь она периодически отдыхала, отдаваясь во власть воздушных потоков, а затем под седлом снова начинали сокращаться стальные мускулы, оба седока зажмуривались и прижимались к горячей, как печка, спине. Сиденье скорее на-

поминало не седло, а жесткие штаны с двумя широкими лямками, крест-накрест облегающими плечи. В противном случае никакой наездник не сумел бы удержаться; драконiха, в отличие от сказочных собратьев, рыскала из стороны в сторону, а иногда проваливалась в воздушные ямы. Лица пришлось натереть жиром и вдобавок замотать головы толстыми шарфами.

В таком виде Коваль больше походил на старую цыганку или бедуина, но зато появился повод посмеяться над иллюстраторами старых романов-фэнтези. Никто из этих ребятишек и близко не представлял, каково это — подставить рожу ветру на скорости километров двести в час, да еще на такой высоте.

Он сверился с внутренним будильником и потянул на себя вожжи. Мальвина чуть развернула левое крыло навстречу ветру и, гася скорость, начала снижение по плавной дуге. Заходящее солнце выкинуло последний отчаянный луч из темной гряды облаков, и вокруг Артура, насколько хватало глаз, развернулась панорама неописуемой красоты. Излучина Москвы-реки полыхала всеми оттенками, от бледно-розового до глубокого ультрамарина. Прямо над головой, так близко, что казалось — протяни руку и утащишь за собой, свисали снежно-белые сталактиты облаков, небо на западе переливалось алым, а на востоке переходило в осязаемую чернильную завесу.

Гусиный клин, смешно вытягивая шеи, разворачивался чуть ниже пересекающимся курсом, а еще ниже, словно неведомые волшебные деревья, покачивались у земли тонкие колонны сонных дымков. Сверкнули в закатном мареве шпили университета; принимая перекличку, откликнулись огнем армады южных небоскребов, потянули спины уставшие за день мосты, и сквозь неумолчный свист ветра докатились, наконец, перезвоны со столичных колоколен. Растянувшиеся до горизонта кварталы погружались уже в сумрак, но в центре сияли сотни огней. Влажная майская морось колыхалась над великим городом, и, точно злой вестник ночи, спускался в сияние костров восхищенный и плачущий человек, прозванный Проснувшимся демоном.

Над застывшим озером ЦПКиО Артур отважился на резкий вираж, чуть не стоивший дрожащему позади настоятелю двух передних зубов. Мальвина все команды воспринимала без задержки и, сложив крылья, камнем рванулась вниз. За-

тем Карин вторично стукнулся носом о спину Артура, когда захлопали задние крылья и драконихa пошла на посадку. Десятка два метров она неслась у самой поверхности земли, перебирая лапами, и казалось, что собирается с размаху врезаться в громаду Центрального Дома художников, но все обошлось.

В наступившей тишине было слышно, как перекликаются часовые на Крымском валу и тарахтит на реке простуженный дизель.

— Ступай! — сказал Коваль, высвобождая застывшего настоятеля из плена ремней.— У тебя час с небольшим. Если я узнаю, что ты пошел не в ближайший гарнизон, а в Кремль, ящерица тобой позавтракает.

Карин, опираясь на костыль, сделал два неуверенных шага. Его здоровое колено подогнулось, и настоятель плюхнулся на обломок каменной тумбы. Затем его вырвало. К счастью, в темноте Артур не видел его лица.

— Мы ведь больше не увидимся, демон? — глухо спросил из мрака Карин.— Я хотел бы как-то отплатить тебе...

— Предупреди людей. Это лучшая благодарность.

— У меня больше не болит в правом боку... И пропала кровь, когда я хожу по нужде. И что-то в ноге изменилось. Спасибо.

— Лучше бы у тебя в голове что-нибудь изменилось... Что ты будешь делать, святой отец? Вряд ли кремлевских радостно примут погостить в той же Туле или Брянске?

— Не знаю... — Карин тяжело вздохнул.— Я попробую собрать новую общину.

— Без Ивана? Опять рвешься к власти?

— Иван не доживет до утра! — Настоятель зло рассмеялся.— Я говорил ему, что нельзя трогать спящее оружие! Мои братья дважды гадали на козлиную кровь и дважды видели бездну. Я уйду на юг и соберу новую общину, из преданных людей...

— Ступай уже! Горбатого могила исправит...

Когда ковыляющая фигура настоятеля скрылась у моста, Артур привязал Мальвину к дереву. Сделал он это чисто символически; легче было бы удержать дога привязанным к одуванчику. Затем скормил ей остаток курицы и велел ящеру

притвориться корягой. Артур поймал себя на том, что бессознательно оттягивает главный момент. Самостоятельно он занимался этим первый раз и оттого немного психовал. Он не ощущал в себе морального права раскачивать, его родители не мерзли в болотах под радиоактивными дождями, не дрались за кусок хлеба, не приручали диких зверей...

Он развязал мешок и на ощупь слил в котелок жидкости из трех бутылочек. Затем добавил туда же нужные порошки. Подождал, пока разгорится огонь под котелком, и осторожно слил бурлящую вонючую похлебку в миску. Теперь предстояло действовать с предельной аккуратностью, малейшая ошибка могла погубить все дело. Он сделал короткий надрез на левом запястье и проследил, как кровь, капля за каплей, тонет в зеленоватом бульоне. Как только жидкость зашипела и окрасилась в ровный кирпичный цвет, он отдернул руку и замочил в миске заготовленные тряпки. Затем, встряхивая обожженными пальцами, слегка отжал тряпицы и вытащил из заплечных ножен длинный кривой нож. Бердер затачивал лезвие больше часа, водя по куску грубой кожи, и малейшее неосторожное прикосновение могло нанести глубокую рану. Артур натянул длинные плотные перчатки. Из отдельного запечатанного пузырька, стараясь не капнуть на кожу, он пролил на лезвие черную, как смола, воду. Одна капля такой воды — и человека не спасет даже Анна Первая, лучшая знахарка общины. Черную воду готовили особым образом из той мертвой влаги, что сочилась в ров на краю пожарища.

Коваль искал молодые деревья, старые не годились. Он выбрал три подходящих ствола, обернул вокруг них еще горячие, остро пахнущие травами тряпки и сделал на коре по два надреза в виде косого креста. Мальвина следила за хозяином, ее глаза вспыхивали, как у огромной кошки, отражая лунный свет. Затем она улеглась на брюхо и принялась шумно устраиваться на ночлег.

Первые деревца оказались ложным следом. Артур повторил операцию, затем еще раз, отойдя подальше. Бердер не мог ошибаться...

Седьмой по счету ясень оказался именно тем, что он искал. Еще не веря собственным глазам, чувствуя предательскую дрожь в коленях, Артур подобрался к дереву вплотную. Сла-

бая метка, вот она! Он, самый обычный человек, никому не известный инженер, только что вызвал к жизни страшную силу природы! У Артура было такое чувство, будто он активировал детонатор водородной бомбы. И почти сразу же сквозь мозг пронеслась теплая, ободряющая волна — это откликнулись разумы пятерых дожидающихся его Качальщиков.

Юный трехметровый ясень колотило, как в лихорадке. Словно гигантский чокнутый крот подкопался под корни и пытался вытолкнуть дерево наружу. Артур сделал еще один надрез. Теперь раскачивался не только ясень, теперь в движение пришли как минимум шесть или семь крупных деревьев вокруг.

Мальвина подняла голову и низко заворчала. У ясеня сползала кора, скатываясь, точно засохшая змеиная кожа, одна за другой чернели и отпадали налившиеся соком почки. Затем раздался протяжный хруст, и ствол треснул пополам. Обрывки мокрых тряпок полетели на землю. В местах надрезов древесина превратилась в гниющую труху.

Артур застыл на месте, не в силах оторвать глаз. Соседний большой ясень накренился, с чавканьем из почвы показались узловатые переплетения корней. Земля под ногами вздрагивала все ощутимее.

Над парком вспорхнули сотни птиц, но не улетели, а построились в жутковатый могильный хоровод. Они не каркали, не чирикали и не курлыкали, они молча носились по кругу, и каждую секунду к ним прибывало пополнение. Внезапно Артур ощутил резкую боль в правой лодыжке. Он нагнулся и, если бы не отточенная реакция, был бы вознагражден укусом в лицо.

Белка промахнулась самую малость, приземлилась и тут же бросилась в атаку вторично. Артур зарубил зверька в полете, почти машинально. Еще две белки прыгнули на него из темноты; их постигла та же участь. Мальвина зарычала в полный голос и поднялась на ноги. Тугой поток воздуха от взметнувшихся крыльев ударил Артура в спину. Драконихa чувствовала колебания земли гораздо острее человека и нервничала в опасном месте.

Птиц стало очень много. Коваль почти их не различал на фоне ночного неба, но чувствовал, что их уже несколько тысяч. Там кружили перелетные пернатые, не добравшиеся еще до родных водоемов, и местные, зимовавшие в Москве синицы,

галки, голуби... С ужасающим грохотом отломилось сразу несколько веток у дряхлого тополя. Артур еле успел отскочить. Нападение белок его отрезвило. Хорошо, что в парке нет других, более крупных, зверей. Правда, Мальвина его защитит, если что, но против столь многочисленного воздушного противника и дракон может оказаться неважным телохранителем. Задрав оскаленную пасть к небу, драконица тоже прислушивалась к неумолчному шелесту тысяч маленьких крыльев.

Земля уже не просто вздрагивала, она плясала под ногами. Артур чувствовал себя как на палубе катера, у которого в шторм отказал мотор. В десятке метров от него почва вздыбилась, пошла трещинами, из которых тут же хлынула вода. Несколько деревьев попадали, образовав непроходимый частокол. Обветшавшая каменная беседка на пересечении аллеек вдруг подскочила в воздух и рассыпалась на части. И тут ушей Артура достиг низкий вибрирующий гул. Он отскочил в сторону от летящей сверху ветки, обернулся и... ощутил, как встают волосы на затылке. Громада Выставочного зала медленно, но неуклонно уходила под землю. К счастью, здание не очень подходило для жизни, ни единый огонек не мелькал в черных провалах оставшихся на месте окон. Исполинская конструкция, кряхтя, расползалась, с визгом отлетали облицовочные камни, словно тонкая проволока, рвалась железная арматура...

Но зал не просто засасывало в почву, что-то происходило и с рекой. Артуру почудилось, что река приблизилась. Или часть берега вместе с набережной ушла под воду, или начался неслыханный доселе разлив. С оглушительным ревом, подобно цунами, вода заливала внутренности бетонной коробки. Рядом с погибающим Домом художников тянулись в небо какие-то легкие ажурные конструкции. Только когда они со скрежетом и звоном начали распадаться на части, Артур понял, что это такое. В парке оставался кусок американских горок, каким-то чудом продержавшихся стоймя целое столетие. И теперь эта циклопическая «верблюжья спина» и кольцо «мертвой петли» начали неторопливое падение.

Артур кинул взгляд в сторону Крымского вала. Святой отец не подвел, на мосту нарастало движение. На фоне горящего в бочках мазута хорошо было видно, как из центра потянулся ручеек подвод и моторных транспортных средств. Слы-

шались крики, целая толпа собралась у парапета, показывая пальцами в парк, носились всадники с факелами и газовыми фонарями. Если эпицентр находится здесь, подумал Артур, стало быть, разошлось еще не так далеко! Но сумеют ли Качальщики выполнить вторую часть плана и «погасить волну» за пределами столицы?

В эту секунду земля заходила ходуном, и в метре от Артура образовалась глубокая расщелина. Он отпрыгнул, но нога встретила пустоту. Для того чтобы вернуть равновесие, надо было найти хотя бы одну точку опоры. Артур упал, и тут же что-то острое ударило его в спину. Ворона. Коваль машинально отмахнулся, но птица спикировала второй раз. Он перекатился на спину, готовясь обороняться. Большой, отравленный ядом нож пришлось выкинуть, а вместе с ним и перчатки...

Несколько болезненных щипков вернули его к реальности. Ворона была не одна, с десяток птиц кружили, норовя заехать клювами ему в голову. Артуру показалось, что среди ворон появился какой-то хищник; мгновение назад он отчетливо видел короткий изогнутый клюв, но теперь большая птица исчезла.

Защищая локтем глаза, он поднялся на ноги и тут же услышал низкий рык Мальвины. Все что угодно, только не это! Если дракон сойдет с ума или решит переметнуться в лагерь нападавших, ему не выбраться из парка! Артур рванулся что было сил, подзывая ящера коротким свистом. Бердер просил дождаться, пока в центре не обозначится «знак отлива», иными словами, пока «волна» не уйдет дальше, оставляя пятачок спокойствия. Но, судя по поведению птиц, до спокойствия было далеко...

Он продвигался вперед, думая только о том, чтобы не упасть, и почти ничего не видя перед собой. Второй длинный кинжал остался в седле, поэтому отбиваться приходилось двумя короткими клинками. С каждым взмахом руки он рассекал одну, а то и сразу двух обезумевших птиц, стараясь не упустить момент, когда появится настоящий враг.

Он снова свистнул, но Мальвина не слышала его. В парке творилось настоящее светопреставление. Один за другим, точно костяшки домино, рушились дома, примыкающие к лесному массиву по Большой Якиманке. Они даже не рушились, а почва под ними становилась вдруг жидкой и засасыва-

ла здания, тут же сжимая их и перетирая в крошку. Грохот стоял такой, точно вблизи закрутились десятки каменных жерновов.

Из-за шума Коваль окончательно растерялся. Он не слышал, не чувствовал, где находится драконица, вокруг громоздились сплошные завалы, ровные аллеи превратились в ямы и кратеры, а птицы продолжали молча пикировать на голову. Слава богу, им недоставало ума нападать снизу.

Обе руки Артура по локоть были покрыты стекающей кровью, лицо он опустил вниз, отбиваясь вслепую, и в подобной позе, вспоминая хичкоковский кошмар, выбрался наконец на относительно ровное место. И почти сразу ему в ногу вцепилась крыса. От неожиданности он покачнулся и чуть не упал. Привычное, выработанное годами тренировок восприятие покинуло его. Обычно хватало легкого усилия, чтобы подчинить своей воле птицу или мелкое млекопитающее, но сейчас ни одна из этих безумных тварей не проявляла признаков послушания. Вторая крыса бросилась на грудь, совсем близко от лица Коваль увидел ее ощеренную пасть. Одновременно острый клюв ударил в левое плечо, а по лицу хлестнуло мощное крыло.

Артур расслабился, высвобождая энергию боя, и тут же завертелся в диком танце. Он колол и рубил налево и направо, он кувыркался и давил их ногами, иногда не различая, где верх, где низ. Кто бы мог предположить, что в крохотном лесочке посреди города обитает такое множество мелкого зверья! Под натиском наступающей воды крысы катились бесконечным визжащим потоком, и не только крысы. Каждое животное, почуяв человека, забывало о вселенском ужасе и кидалось на него, обнажив клыки. Коваль зарезал десятка три крыс, по счастью, самого обычного размера, штук пять баклановв и кошек, без счета чаек и птиц помельче.

Его одежда превратилась в лохмотья, левую штанину по колено оторвала дикая собака, Артур сломал о врага четыре последних лезвия. Мышей, белок и прочих мелких грызунов, норовивших забраться под одежду, он давил голыми руками. Но большинство из них успевали укусить его хотя бы раз. Хуже всего была рана на локте. В горячке он не сразу заметил, что рука перестает слушаться, а затем в рукаве стало горячо, а пальцы скрутило, как у паралитика...

В тот момент, когда невидимая крупная птица схватила его когтями за шею и рассекла клювом лоб, что-то изменилось вокруг. Могучая туша дракона стремительно надвинулась из темноты и подмяла человека под себя. Испугаться у Артура не хватило сил. Он лежал на спине, почти раздавленный брюхом ящера, и сплевывал кровь. Мальвина услышала его крик и пришла на помощь. Она защищала хозяина, как защищала бы детенышей, накрыв своим телом.

Верхняя губа Мальвины приподнялась, освобождая скрытую пару ороговевших ноздрей. Миг спустя горло рептилии содрогнулось, и над трясущейся поляной пышным фиолетовым сполохом раскрылся огненный цветок. Плотная струя огня ударила в небо, в самую гущу птиц, мигом превратив их в кричащие факелы. Затем Мальвина повела головой, выжигая полукруг на поверхности земли, и опять задрала морду вверх.

Живое море хлынуло вспять, крысы и мыши на бегу превращались в скелеты, дикие кошки катались, теряя остатки шерсти. Освещая побоище, сверху падал настоящий ливень из горящих трупов птиц. Несколько облезлых псов, роняя слюну, кинулись на Мальвину сбоку и повисли на крыле. Драконица взвыла, стараясь их скинуть, Артур освободился и кое-как встал на четвереньки.

Ему удалось усилием воли остановить кровь, но левый глаз ничего не видел. Правый локоть превратился в сплошной голый нерв. Вокруг стало светло как днем. Горело все, даже то, что не должно было гореть: сырые корни деревьев, насквозь промокший кустарник. Отвратительно воняло паленой шерстью. Мальвина каталась по земле, ударами хвоста раскидывая нападавших, но тех было слишком много даже для такого гиганта, как она. За кругом затухающего пламени Артур видел тысячи и тысячи маленьких свирепых глаз, полчища наземных и летающих живых существ, порожденных его волшебством. На земле огонь слабел, но в спутанных ветках ближайших кустарников неистово бушевал пожар. Улучив момент, когда Мальвина перекусила шею очередному псу, Коваль прыгнул в седло.

— Хоп-па! — Он дергал вожжи, но рептилия, взбешенная дракой, не реагировала.

Она крутилась на месте, делая короткие плевки. Каждый сгусток огня достигал цели, но сражаться против вставшей на

дыбы природы они не могли. Артур понятия не имел, на сколько еще Мальвине хватит заряда. Чтобы набрать полный объем горючей смеси в мешок, расположенный между легкими, Прохор в течение недели каждый вечер поил свою питомицу особыми тайными отварами. Синтез в организме ящера заканчивался лишь на пятый день.

— Хоп-па!

Коваль завладел наконец вторым кинжалом и почувствовал себя увереннее. Драконихa ревела, приседая на вздувшихся лапах, одна из кожаных пластин крыла была располосована когтями. Под сорванной броней чешуи на боку багровели лохмотья мяса. И тут на Коваля бросилась корова. Такого поворота он никак не ожидал, корова не могла родиться в степи, она принадлежала людям. В паху буренки раскачивалось увесистое вымя, на лопатке виднелось треугольное клеймо, а на шее болтался кусок оборванной веревки. Налитые кровью глаза излучали такую свирепость, что Артур пожалел об оставленном в деревне ружье. Корова бежала, сосредоточенно выставив рожки, и ей, похоже, было наплевать, кто там впереди — дракон или болонка. Никакие метательные ножи бы ее не остановили. Мальвина как раз отвлеклась на очередную собаку, когда корова с разбегу ударила ее рогами в бок. Такого удара чешуя не выдержала, рептилия издала сумасшедший вопль, дернулась всем телом, рога застряли, и корова тут же сломала себе шею.

— Хоп-па! — Коваль дубасил драконихy пятками и наконец поймал слабый отголосок ее возбужденного сознания.— Давай, милая, давай!! — умолял он, оттяпывая головы сразу двум осатаневшим котам.

Мальвина распустила все четыре крыла и без разбега поднялась в воздух. Артур обнаружил, что забыл просунуть правую ногу в седельные «штаны», и какое-то время с риском для жизни болтался над пропастью. Подтягиваться он мог только левой рукой, правое предплечье, порванное собачьими зубами, бездействовало. Кровь уже не сочилась, рукав намертво прирос к коже, но при любом движении боль стреляла от кончиков пальцев до затылка.

Он направил дракона в сторону, иначе они угодили бы в самый центр птичьей стаи. Несколько секунд крылатый змей ле-

тел как бы между двумя живыми пульсирующими облаками. Снизу, давясь от ярости, выпрыгивали в воздух очнувшиеся от сна сухопутные обитатели парка. Сверху, угрожающе шелестя крыльями, нависала орда еще более грозного противника...

Потом, когда Коваль понял, что опасность миновала, что они вырвались, он позволил себе достать флягу и, скрипя зубами от боли, отмыл спекшиеся ресницы. Внизу разворачивалось страшное и безумно красивое зрелище. От солнечного диска на западе оставался узенький серп, и в косых лучах заката бывший Парк культуры трепетал, словно живот умирающего в агонии зверя. «Волна» достигла середины реки, и маслянистоблестящая стена воды готовилась обрушиться на Пречистенскую набережную. Парк смотрелся так, точно туда недавно угодил метеорит, деревья валились спиралью, кронами от центра. Выдергивая ветки, поднимая в воздух тучи грязи и строительного мусора, раскручивался невиданный для центра России смерч. Там, где проносился вихрь, срывало даже верхний слой почвы. Но Коваль уже знал, что на месте погибших растений через короткое время, как на дрожжах, поднимутся свежие непроходимые заросли.

Храм Святителя Николая накренился под углом градусов в двадцать и вот-вот собирался осыпаться. Не осталось ни Выставочного зала, ни жилых кварталов к востоку. По прилегающим улицам во всю мочь удирали пешие и конные, а асфальт под их ногами расплавлялся и проседал. Вдали столкнулись и горели два автомобиля. Артур не мог не усмехнуться. Последние минуты его пробирал безотчетный нервный смех. Очевидно, это было первое серьезное дорожное происшествие с участием моторных средств за прошедшие сто лет.

Он направил дракона к Кремлю. Пока что здесь не качало, но внизу наблюдался беспорядок. На площади горели десятки костров и поминутно вспыхивали новые. Непрерывный поток беженцев уходил по Воздвиженке и Тверской, мощным набатом гудели колокола. Где-то в темноте северных кварталов проносились трассирующие автоматные очереди. Цунами, поднятое первыми толчками, улеглось, но как раз в этот момент волна достигла опор Москворецкого моста и разом смыла несколько десятков подвод и автомобилей.

Артур напряг зрение. В черной воде среди ледяного крошева барахталось целое стадо мычащих, обессилевших коров. Некоторые пытались выбраться, но течение волокло их за собой. Люди с пристаней кидали веревки и сами бросались в реку, пытаясь спасти скотину. Лучше бы они этого не делали, мрачно подумал Коваль. Как только «волна» накроет район, скот взбесится и кинется топтать своих же хозяев. Все будет против людей. Все будет против людей, пока не восстановится равновесие...

Последнее, что он видел, разворачивая все еще ворчащего дракона на север, была мгновенная кончина причалов вокруг большой ярмарки. Баржа с лесом стояла почти вертикально, словно последний кутузовский гренадер, отдававший честь погибающему городу.

Глава тридцать пятая

Право на лево

— Ты хочешь, чтобы я решала за тебя? — Надя вынула из печи дымящийся пирог с брусникой и поставила перед ним на стол.

Артур вздохнул:

— Я никогда ни о чем не советовался с тобой.

— Ты не такой, как другие музейщики. И ты не такой, как здешние. Ты сердишься тогда, когда другие смеются, и смеешься, когда другие серьезны.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты не можешь скрыть своей злобы... — Надя Ван Гог распустила волосы и принялась их расчесывать, как делала всегда, когда волновалась.— Ты сердишься оттого, что я должна в будущем году лечь с другим мужчиной.

— А я должен радоваться? — Он свирепо кромсал пирог левой рукой. Правый локоть до конца так и не восстановился. Порванное сухожилие срослось неправильно, и Бердер намеревался в ближайшем будущем провести новую операцию.

— Я же говорю, ты не такой, как все. Ты прожил со мной почти четыре года, но в чем-то не меняешься... Ты же знаешь, что год мой живот отдыхал, а теперь я обязана понести нового ребенка.

— Кстати, почему не слышно детей?

— Твой сын ушел в лес с Хранительницей. Она хвалит его, говорит, что он добьется успехов. А Белочку ты, как всегда, не приметил. Она спит в обнимку с собаками.

— Ты могла бы родить еще ребенка от меня.

— На кого ты сердишься, Кузнец? На законы, которые дают жизнь всем? Или на Землю, которая отняла эту жизнь в год Большой смерти?

— И ты туда же, вслед за Хранителями? Подводишь научный базис...

— Ты опять говоришь непонятно! — Надя подошла, отобрала у мужа нож и придала пирогу божеский вид.— Ты очень умный, Артур Кузнец. Иногда я думаю, что ты не только умнее меня, ты умнее и многих здешних мужчин... Я не знаю, о каком базисе ты говоришь, но Анна Вторая мне многое рассказала. После Большой смерти мать-Земля сделала так, что женщины разучились рожать. Земля высушила их чрева, чтобы люди никогда больше не плодились... А те, кто стали мамами, несут свой долг с радостью. Если мы не будем ложиться с чужими мужчинами и не будем продавать им детей, люди погибнут.

— Я все понимаю, но мне от этого не легче...

— Тем более, ты знаешь, Артур: я лягу с ним всего раз, ну, может, два. Он хороший папа, он сделал здорового сына внучке Прохора. Он приедет и уедет. Вы даже не встретитесь, и заплатишь ему не ты, а община.

— О! Еще этого мне не хватало!

— И ребенок проживет с нами совсем недолго. Его увезут на юг.

— Прелестно! Я, конечно, понимаю твое спокойствие. Тебе ведь известно, что я спал с другими женщинами. Теперь вроде как твоя очередь, да?

— Ты хочешь обидеть меня, Артур Кузнец? Ты обязан был делать детей, ты же папа... Почему я должна страдать, ведь ты не ушел навсегда к другой маме?

— Куда я от тебя денусь...

Положительно, ее невозможно было переубедить. Любые аргументы, любые его эмоциональные всплески неизменно разбивались о преграду из меланхоличной доброты. Из ее слегка замедленного, умиротворенного добродушия. Из ее запаха, в котором он всякий раз безвозвратно тонул, теряя остатки раздражения.

— Ты же мать, ты не будешь скучать по ребенку?

— Не знаю, наверное, буду...

За окошками сгущался сумрак, и Надя отошла зажечь свечи.

Коваль смотрел, как она тянется к полке, напружинив сильные икры, как выгибается знакомо и маняще ее спина, и с облегчением подумал, что жена почти не располнела после очередных родов. Он спорил с ней, даже ругался, и чем дольше ругался, тем отчетливее понимал, что говорит не о том и в который раз не говорит с ней о главном.

С Натальей все было иначе, по сути дела, Наталья стала первой женщиной, с которой он отважился вместе жить. Чувства здесь ни при чем, чувства — это совсем другое. Нельзя ставить рядом две зубные щетки только потому, что тебе с ней хорошо в постели. Так говорил Артуру отец, и Артур полностью разделял папкины взгляды.

Вот, например, принято считать, что семью надо строить с той женщиной, с которой мужику удобно. Такую фразу как-то раз выдала Артуру замечательная, разумная девушка, сокурсница. А что такое «удобно»? — подумал он тогда. Это когда тебя ждет горячий суп и белье постирано? Или когда она сидит в уголке и вяжет, не мешая мужу смотреть футбол или отправиться в бар с друзьями, чтобы дернуть пивка? Или удобная — это та, что никогда не станет тебя пилить из-за маленькой зарплаты и будет радоваться каждому подаренному одуванчику?

Он легко влюблялся, как-то довелось испытать настоящую страсть, но стоило Артуру представить, что очередная пассия станет его заученно целовать перед сном и встречать с работы с телефонной трубкой в одной руке и половником — в другой, как вся страсть улетучивалась. Не сразу, конечно, не в один день, но вожделение уступало место животному страху. Он уже не видел в очаровательном длинноногом создании источник наслаждения, он способен был представлять ее лишь рас-

трепанной, стервозной каргой, днем и ночью вытрясающей из него душу нелепыми и бестолковыми требованиями.

Но со «стервозной каргой» он был готов смириться. В конце концов, ревность и чувство собственницы у них у всех в крови от рождения. Гораздо сильнее, если призадуматься, его пугало другое. Пугало как раз то, что составляло оборотную сторону домашнего «удобства». Артур не представлял, как люди, даже имеющие деньги, десятилетиями проводят семейные вечера у телевизора. Как это можно, вооружившись чипсами или орехами, обняться и часами сидеть, уставившись в «ящик». Он отказывался понимать, почему, располагая средствами, нельзя нанять няню для ребенка, а самим весело проводить время.

Наташка была первая, кто сказал ему, что деньги нужны для путешествий. Она никогда не надевала дома тренировочный костюм. Либо носила летние брючки, либо, когда предки уезжали, разгуливала перед ним по квартире голая. Она не смотрела сериалы и не затевала готовку сложных салатов, чем постоянно раздражала маму. Мама считала, что сын погибнет от голода. Наталья запросто могла позвонить ему на работу и сообщить, что у нее на руках билеты на ночной концерт. Она без малейшего сожаления отказалась от покупки шубы в пользу Мальдивских островов. До островов они так и не доехали...

А теперь... Что случилось со мной теперь, спрашивал себя Коваль, покачивая на коленке столь знакомое и, черт возьми, родное тело Нади Ван Гог. Неужели я старею, раз счастлив этому брусничному пирогу, и свитерам, что она мне вяжет, и разогретой бане?..

— Может, я и буду скучать,— задумчиво произнесла Надя,— но у меня есть ты и есть двое детей. Кроме того... Ты опять будешь сердиться, но послушай! Ведь мы же не доехали до Москвы, я так и не получила золота. Я знаю, в этом ты похож на Качальщиков, для тебя богатство — не важная вещь. Но если ты хочешь, чтобы мы вернулись в Питер, мы не можем поехать бедными. Там везде теперь деньги! У Анны есть друзья среди тамошних колдунов. Они говорят, что торговцы теперь покупают все только за рубли... А если мне суждено родить здоровую мамочку, старухи сразу скажут об этом. Ты же знаешь, здесь все такие умные, гораздо умнее питерских лекарей. Если мы про-

дадим мамочку, то станем очень богатыми. Мы отдадим общине половину и все равно останемся богатыми...

— Тогда, по твоей логике, надо нарожать еще пяток детишек от разных мужиков, так? Представляешь, сколько свиней или дикарей ты сможешь купить?!

— Ты опять сердишься. А ты знаешь, Артур Кузнец, что случилось бы со мной, если бы я доехала до Москвы? Анна мне рассказывала, и я ей верю. Ты не веришь ей?

— Да верю-верю, тут не врут...

Надя вытащила из печки горшочки с мясом, разлила по ковшикам напитки. Алкоголь в будние дни не полагался, но она поразмыслила и все-таки выставила бутыль ягодного самогона. Гости могли постучаться с минуты на минуту.

— Я жила бы в Москве очень хорошо. Даже гораздо богаче, чем в Питере. Если хочешь знать, мне никогда бы не пришлось работать, как я работаю тут, в лесу... Ну пожалуйста, не обижайся! Вот ты опять сердишься, но ты же не виноват, что мы попали к Качальщикам. Зато мы теперь вместе, и я не жалею, что приходится работать. Там я бы ничего не делала, это точно. За мной бы всюду ходила охрана, и каждый месяц мне платили бы столько, сколько имеет мастер или даже инженер. Я могла бы купить целое стадо овец, тысячу или даже больше. И могла бы купить землю и нанять десять женщин сучить шерсть и вязать зимнюю одежду, как я это делаю тут одна. Я это говорю только для того, Артур Кузнец, чтобы ты понял: я довольна тем, что живу с тобой. Знаешь почему? Потому что в Москве женщин покупают, как желтых дикарей. Я была бы богата, но жила бы с тем мужчиной, который бы меня купил...

— Но караван вез вас всех в коммуну паровиков! Вас покупала коммуна, а не какой-то уездный князь!

— Как будто ты не слышал, что стало в Москве с коммунами! Когда мы ехали в караване Рубенса, паровики уже подчинялись папе Ивану. Они делали все, что им приказывали из Кремля. Когда у них не было денег расплатиться за пищу, они отдавали кремлевским своих мам, чтобы те рожали детей!

— Я ничего не знал об этом!

— Откуда тебе знать? Ты пробыл в музее всего сутки... Ты рассказывал мне о большой ярмарке, помнишь? А ты слышал

о том, что в Москве, до того как вы ее расплавили, было целых два ночных рынка, где продавали людей?

— К этому я уже привык, лучше молчи. Не начинай старых споров, для тебя ведь дикари тоже не люди!

— Я говорю не о тех, кто потерял язык... Я говорю о том, что в Москву приходят караваны с юга. Не с Украины, а с юга, где живут богатые азиаты. Анна мне рассказывала. Они торгуют ночью и дают за русских женщин столько золота, сколько не может заплатить ни одна община, ни один гарнизон. Не знаю, куда теперь они будут ходить, когда Москвы не стало. Может, доберутся до Питера... Анна говорит, что, пока в столице было четыре президента, там тоже собиралась Дума, и вместе они решили, что ни женщин, ни мастеров не будут продавать азиатам. Никому — ни азиатам, ни немцам, ни пшекам.

— Но мастер может и сам уйти...

— Ты забыл законы? В Москве еще строже, чем в Питере. Если мужчина хочет уйти, он уходит, но оставляет коммуне все. Женщину он тоже забрать из города не может. Но от немца многие возвращались, там хорошо жить, и наших мамочек не обижают. А от азиатов никто не возвращался. Анна говорит, там женщин одевают в платья из золота, но не выпускают одних из дома. Там у одного мужчины может быть три жены...

— У них и раньше так было принято.

— Я не знаю, что было до Большой смерти, Артур Кузнец.— Надя расставляла на скатерти блюда с соленьями.— Но я вижу, что стало бы со мной, если бы караван дошел. Я ходила бы в золотом платье, и дети мои...

— Опять ты про золото?! — Коваль, забывшись, хлопнул по колену правой рукой и чуть не завопил от боли.

— Я не про золото, Кузнец... — Жена подошла к нему вплотную, обвила шею руками.— У тебя столько шрамов, ты стал, как настоящий солдат... — Она поцеловала его в лоб, туда, где остался след от когтей.— Я говорю о том, что счастлива с тобой. Я говорю о том, что ни о чем не жалею. И мне грустно, когда я вижу, как ты не спишь ночью. Молчи, молчи, дай мне сказать... Когда ты веселый, я радуюсь вместе с тобой, потому что ты — мой мужчина. Но я вижу, как иногда ты скучаешь о другой женщине. Ты умный, ты был книжником, и до сих пор

читаешь. Ты думаешь, что тебе нужна умная жена, такая, как Арина Рубенс. Умная, смелая, как воин, красивая, сильная. Я не такая, Артур, я не умею читать, я не всегда понимаю твои слова. Когда ты болел, когда Исмаил привез тебя из Москвы, и лежал целую неделю горячий, ты называл меня Наташей.

Я не хотела это вспоминать и никогда бы не вспомнила, но сегодня ты начал ругать меня из-за чужих мужчин... Эта Наташа, она была твоей женой до года Большой смерти, да? Ты любил ее, Артур, я понимаю. Она, конечно, была не такая дура, как я. Она умела читать и управлять мотором и еще много чего. Тогда женщины вели себя иначе, да? И ты много раз говорил с ней, пока лежал горячим, а мы тебя лечили. Ты говорил и просил у нее прощения. У меня ты никогда не просил прощения, Артур. И со мной ты никогда не говорил так, как с ней. Я многого не поняла, о чем ты говорил, но я не сердилась на тебя. Потому что ты мой мужчина, Артур Кузнец. Я и сейчас не сержусь... — Она поцеловала опешившего мужа поочередно в оба глаза.— Я только не хочу, чтобы ты думал, что я живу с тобой, потому что так решил Исмаил или кто-то еще...

— Я так не думаю! С чего ты взяла?! — Он чувствовал, что краснеет, и ничего не мог с этим поделать.

— Ты думаешь... — Надя закусила губу и на секундочку стала той же девчонкой, которую Коваль когда-то выносил из огня.— Ты думаешь, что счастье — это что-то громкое... Я не знаю слов, Артур. Ты думаешь, что в Питере тебе было бы лучше, потому что там столько людей и женщин... Знай только, что, если ты уйдешь и останешься там, я всегда буду тебя ждать. Всегда, пока земля не заберет меня...

Глава тридцать шестая

Тайна старой бочки

— Так!! Это что за слезы?! — В дверях стоял Прохор Второй, баюкая на плече новорожденного медвежонка. Из-за его могучей спины выглядывали Анна и две лукавые мордашки ее дочерей.

Надя вскочила, утирая глаза, и завертелась, рассаживая первых гостей.

Артур чувствовал себя немного оглушенным и не сразу сообразил, что это такое горячее лизнуло его в нос.

— Вырастишь сам! — громоподобно вещал Прохор.— Если что, Четвертая тебе поможет. Самый сильный в помете, должен быть самым сообразительным. Николку не подпускай, не удержит. Эй, Клинок, ты меня слушаешь?

— Да, я слушаю, учитель... — Коваль перевернул медвежонка, ощупал лапы, заглянул в глаза.— Спасибо тебе, это дорогой подарок!

Анна принесла еще более ценный сувенир — полный набор оживляющих лекарских снадобий взамен того, что пропал вместе с конем на ярмарке. В многочисленных кармашках кожаного пояса в пузырьках и мешочках таились такие редкости, за которые любой озерный колдун отдал бы если не руку, то половину зубов. Причем Анна не рыскала по полям, она чувствовала растения издалека и никогда не запоминала их названий. Обе дочери, Третья и Четвертая, подарок приготовили сообща. Несколько странный выбор для девочек-подростков, но обе очень старались. В плотном мешочке гудел пчелиный рой.

— Это солдаты! — гордо заявила Четвертая.— Ты будешь их кормить, И они будут тебя защищать. Ты ведь не умеешь сам приручать пчел... — и немедленно получила подзатыльник от матери.

Пришел Исмаил и положил на стол нечто длинное, завернутое в промасленную тряпку. Присутствующие дружно закрутили носами. Коваль уже понял, что под ветошью скрывается металл. Такие подношения были совсем не свойственны лесному народу, стремящемуся избегать игрушек ушедших времен. Артур развернул тряпки и ахнул. Незнакомый ему «никонов», модификации двадцатого года со складным кевларовым прикладом, лазерной оптикой и вороненым глушителем на подвижном стволе. Четыре спаренных рожка патронов. Оружие буквально плавало в густой жирной смазке.

— Я тут подумал,— крутя ус, небрежно заявил Хранитель,— ты ведь не только с пчелами обращаться не умеешь, но и стрелок никудышный...

Грянул такой хохот, что подпрыгнула посуда на столе, а медвежонок со страху спрятался под лавку. В сарайчике заворчали проснувшиеся собаки.

— Спасибо, учитель...

— Сегодня я не учитель,— отмахнулся Исмаил, не скрывая удовольствия.

Бердер пришел с женой Катериной и притащил еще один пережиток прежних веков — ножное точило. Маленький Семен принес на себе огромный мешок ангорской шерсти, выменянный у южных Качальщиков. Хозяйка рода и главная акушерка мама Клавдия презентовала две пары потрясающих непромокаемых сапог на меху. Потом пришли соседи, знатоки меток — Матвей и Алина, с новеньким неводом. И последним заявился еще один мучитель Артура, Хранитель полей. Одноглазый Борис оставил всех троих сыновей на уборке урожая, но сам не посмел нарушить новую традицию.

Первое слово, по старшинству, предоставили маме Клавдии. Артур мимоходом подумал, что именно благодаря ему у лесного народа проснется тяга к праздникам. А там и до гуляний недалеко, и до украшения елок! Качальщики сидели вокруг стола с закусками притихшие, непривычно смущенные, как детишки в детском садике накануне Восьмого марта.

— Я болтать-то не мастерица! — Мама Клавдия поскребла волосатый подбородок. На ее плече, укрытом пуховым платком, шевелил усиками белый крысенок.— Тебе, Клинок, вроде как сегодня тридцать пять лет. Сам сказал. Это хорошо. Скажу так — это лучше, чем восемьдесят один. Самый крепкий год для мужика. Еще и хрен стоит, и седой волос не пошел... Раньше мы пили, когда малыши рождались. Редко веселились. Поэтому мне по нраву, что сегодня и бражка на столе, и водочка. Вот только думаю: это когда ж мы работать будем, коли каждый захочет на свое рождение гостей созывать? Мне ж тогда и роды принимать некогда станет, а? Буду пьяная круглый год ходить!

Она раскатисто захохотала, показав два оставшихся зуба. Гости на протяжении речи изо всех сил сдерживали смех. Даже Надя, вытирая платочком набухшие от слез глаза, и та невольно прыснула.

— Бердер мне сказал, что желание за тебя загадать надо! — посерьезнела Клавдия.— Вот какое желание тебе, Клинок.

Много силы в тебе, много. И правду ты понимаешь верно, ту правду, что для всех... Ты для всех добра хочешь. Это хорошо. Только во всяком человеке есть две правды. Та, что для всех, и та, что для себя. Вот моя правда — она маленькая. Что старухе надо? Варенья немного да чтоб дровишки в печи были, косточки погреть. У каждого свое, не будем... Я о тебе, Клинок. Нам не говори, себе скажи, чего хочешь, какую правду выберешь. Для всех мил не будешь, нет... Ах, не мастерица я болтать-то! Выпьем, что ли?

Выпили. И опять выпили. И ушла потихоньку напряженность, и уже сбегал хозяин в подвал за новой бутылкой можжевеловой настойки, и хохотали, вспоминая охоту, и как рыба утащила сына одноглазого Бориса в реку, и обсуждали виды на урожай, что можно и что нельзя продать. И так же спокойно, как зерно и кормовую свеклу, обсуждали, сколько желтых дикарей нужно оставить на зиму, а сколько можно отпустить — или лучше не отпускать, а продать на север. Исмаил возражал, утверждая, что желтые дикари плохо выносят заполярный климат, часто мрут и что больше для продажи годятся чингисы, те спокойно спят на снегу...

Потом обсудили торговлю с бурятами. Прохор посетовал, что узкоглазые в обмен на алмазы требуют все больше только городских детей, новорожденные дикарей их теперь не устраивают. Постепенно разговор вернулся к Слабым меткам. Матвей летал на втором драконе Прохора к Москве, там теперь постоянно дежурили трое Качальщиков из южных губерний. Земля успокоилась, лишь на день пути не достав до Твери. Метки исчезли, это было хорошо. Большинство людей успело спастись, это было неплохо. Качальщики воспользовались моментом и задешево покупали у нищих отчаявшихся переселенцев их малолетних детей...

Артур слушал и не слушал. Он выпил гораздо больше обычного, комната качалась перед глазами. Подперев щеку, он смотрел через стол на жену. Господи, думал он, вот оно, то самое, что так верно подметила старуха! Все эти милые люди, которые приняли его как родного и принесли ему самое дорогое на день рождения, навсегда останутся для него дикарями. Все они — и Качальщики, и горожане — останутся для него чужими, если он не привыкнет жить по законам этого мира. Хранители, если

потребуется, будут сражаться за него, и они же, не моргнув глазом, его подставили. Они послали его на массовое убийство, исходя из своих представлений о правде.

И они не настолько глупы, чтобы не чувствовать эту разницу. И Бердер, и тем более Исмаил. Вчера их бредовая фантазия принесла гибель столице, и он был с ними заодно. Какую идею выдаст завтра их безумная Книга? Эти твердолобые не понимают, что мир не может застрять на уровне примитивного рабовладения... Господи, зачем я столько выпил? И Надя, Наденька... Какой я дурак...

— ...Лес растет очень быстро... — До Артура дошло, что Матвей продолжает говорить.— На месте столицы сейчас непроходимая чаща, и лес продолжает наступать. Я дважды облетал на крылатом и не нашел места для посадки.

— Что тут такого? — Осоловевший Прохор пьяненько хихикал.— После возвращения равновесия... так всегда происходит... Мать-Земля пожирает следы людей!

— В этот раз зелень наступает слишком быстро! — Матвей опасливо покачал большой круглой, как горшок, головой.— И впереди идет трава, которой раньше не было... Метки исчезли, но мне было неспокойно! По слухам, Ивана убили, но другой президент собрал солдат, и сейчас они штурмуют Казань. Они требуют дать им место внутри города и еду...

— Это не наше дело! — рассмеялся маленький Семен.

— Если Иван жив, то снова создаст свое царство! — Артуру было не до смеха. История возвращается, повторял он про себя. Они же ни черта не знают, для них мир только начинается, они не верят, что все их идеи давно высказаны и истлели вместе с книгами... Ох, на кой ляд я так нажрался?..

Вместо того чтобы применить свои способности для спасения тысяч голодающих, эти чокнутые анархисты плодят сказочных зверей, они отгородились завесой жутких суеверий, они верят, что можно прожить, собирая орехи и воруя чужих детей. А что они станут делать, когда в общине соберется не полтораста человек, а несколько тысяч?..

— Пойдем на воздух! — Бердер потянул именинника под мышки.— Нам надо поговорить, Клинок!

— Я идиот! — пожаловался Артур, когда учитель усадил его на врытую в землю скамейку.

— Ты просто перебрал медовухи! — Вот кто всегда держал себя в руках, так это Бердер. Воспитатель воинов смотрел трезво и печально, массируя ученику одним пальцем точку в основании шеи.

Артур поочередно растер левой ладонью уши. За окнами избы метались огоньки свечей и хохотали гости. Июльская листва нашептывала свои вечные колыбельные засыпающим птицам. С полей к амбарам ползла последняя груженая телега. Лохматый мальчишка, сын Бориса, с длинной трубочкой в зубах важно восседал на вершине горы из корнеплодов. На пригорке, там, где собрались в кружок соседские избы, словно соревнуясь, чья печь издает более вкусный запах, водили хоровод девчонки с венками на русых головках. А высоко, где купались в бескрайнем океане рваные клочья ваты, одна за другой зажигались далекие искорки звезд.

— Представить не могу, мне тридцать пять,— сказал Артур, словно пробуя на вкус эту цифру.

— Это хорошо,— уголками губ улыбнулся Хранитель.— Ты сумел дожить до зрелости.

— А я ведь сделал гитару! — рассмеялся именинник.— Ага, сделал и забыл вам сыграть. Ты хоть знаешь, что такое гитара?

— Анна мне говорила, что ты просил ее подобрать жилы... Это для музыки?

— Да, это для музыки... — Артур полной грудью вдыхал вечерний аромат, избавляясь от остатков хмеля.— Представь себе, Хранитель, я до сегодняшнего дня не знал, что такое счастье. Ты знаешь, что такое счастье?

— Расскажи мне.— Бердер утрамбовал в трубочку цветочный табак.

— Ха! Об этом непросто рассказать... Знаешь, пока я учился в школе, я гонял на мотоцикле и слушал рок. Девчонкам нравилось, что я их катал на байке, а мне нравилось, что можно легко менять девчонок. Это было потрясное время, Хранитель! А потом я решил сам выучиться играть на гитаре. Тогда я считал, что делаю это потому, что смогу играть как настоящие звезды, как Маккартни или даже как Хэндрикс... Все это ерунда, теперь смешно вспоминать. На самом-то деле все мы выкобенивались, чтобы понравиться девушкам. Только и всего. В глубине души, вот здесь,— он постучал себя в

грудь,— я понимал, что никакой рок-звезды из меня не выйдет. И байк, и гитара, и баскет — все это было и продолжалось в институте...

А потом началась эта дурацкая война, началось это побоище в Чечне, и никто ни хера не понимал. Никто не понимал, как такое случилось, что ушли войска и оставили все оружие, и никто из толстожопых генералов, как всегда, ни в чем не виноват. А к соседям приехал гроб. В гробу был мой лучший друг, он был старше меня на два года. Когда его забрали, никто не сказал, что повезут в Чечню, он даже автомат в руках не умел держать! — Коваль всхлипнул. Снова начала кружиться голова — то ли от алкоголя, то ли от дурманящего дыма, что облачком висел вокруг Хранителя.— Ты понимаешь, Бердер, мы даже не смогли с ним проститься, так его изуродовали. Гроб приехал уже запаянный.

И тогда моя мать сказала, что она лучше даст себя убить, чем отпустит сына в армию. Мои предки продали все, что могли, чтобы меня отмазать. Это было... Это было как обухом по голове. Я чувствовал себя полным дерьмом, понимаешь? Не потому, что мне было стыдно не идти маршировать, тогда уже многие косили, а потому, что я не знал, как смотреть в глаза дружкам, которые возвращались... И знаешь, я в первый раз тогда задумался, что такое счастье. Мы сидели втроем с мамой и папой, и я спросил маму: ну что ты плачешь, все уже позади, не пойду я в армию. А она сказала, что для нее единственное счастье — видеть сына живым. А отец сказал, что, если я буду продолжать гулянки и вылечу из института, он ничего не сможет сделать. И я поверил...

Я не словам его поверил, а поверил, когда мы гроб с телом Сереги несли... И я забросил все, в один момент повзрослел. Я хочу, чтобы ты врубился, Бердер, дело не в том было, что я испугался. Ты же знаешь, я дерусь, и убивать научился! Но подохнуть ни за что! Подохнуть, потому что наверху кто-то так за меня решил! Я за мать испугался и послал все к черту — и группу, и байкерские тусовки, и баскетбол, и на дискач ходить перестал. Для чего все это, я потом понял. Все это для женщин, чтобы быть самым крутым и нравиться теткам. В этом вся соль. Все, что мы делаем, даже когда не сознаем этого, мы делаем только для них.

Я пришел к папаше и сказал... Гляди, сказал я, я продал мотоцикл. Вот деньги. И гитару продал. А теперь скажи мне, в чем твое счастье? Неужели ты живешь, как мама, ради меня? Папка дал мне подзатыльник и ответил, что я длинный балбес. Я живу, чтобы была счастлива твоя мама, сказал он.

И когда я в эту тему воткнулся, я стал лучшим на курсе, прикинь! Это я, один из главных прогульщиков. Мне уже на четвертом предложили место в аспирантуре, потом я перевелся, но это другая песня... Я воткнулся, что все для них, и надо стараться чего-то достичь, иначе ни одна нормальная девушка не захочет иметь со мной дело. Бердер, я работал, как черт... Наверное, я хорошо работал, раз до сих пор жив, правда? Ха-ха!

Но я ошибался в другом, Хранитель... Я все время искал нечто особенное, понимаешь? Мне казалось, что моя жена никогда не станет домашней клушей. Она должна быть самой красивой, самой стильной, иметь престижное образование, как минимум знать английский... Я представлял, как мы вместе займемся дайвингом, горными лыжами... и всякой прочей лабудой. И мне казалось, что я нашел такую. А потом я сам посадил ее на мотоцикл...

Ладно, к черту! Все к черту! Сегодня я понял... Я понял, что зря подсмеивался над предками. Счастье, оно... совсем не в дайвинге и не в английском... Вот так.

Бердер выколотил трубку. На его загорелом скуластом лице ничего не отражалось.

— Я не понимаю многих слов, но я слышу твои мысли, Клинок. Я рад, что не ошибся в тебе. Прости маму Клавдию, она не хотела тебя обидеть.

— Да ерунда!

— Нет, не ерунда. Ничего не произносится случайно. И мама Клавдия знала, о чем я буду с тобой говорить...

— Мать вашу, что еще стряслось?! Если тебе пришло в голову расплавить Питер, то на меня не рассчитывай. Я лучше суну Мальвине башку в пасть!

— Мальвина не станет тебя есть! Речь совсем о другом... Пойдем прогуляемся до реки! — Бердер неожиданно взял Артура под локоть.— Мама Клавдия очень боится и попросила меня подготовить остальных...

— Да что такое?! Почему именно она?

— Потому что она занимается маленькими детьми. Поговорим сначала о тебе, Клинок. Ты поступишь так, как решил. Но ты не можешь уехать в Питер прямо сейчас. Во-первых, твоя рука. Во-вторых, я не отпущу тебя, пока мы не закончим с урожаем и не набьем на зиму дичи. Это месяц. Но это не все. Мальвина донесет тебя до Ильменского пожарища, дальше придется идти пешком. Вокруг города живут тысячи ковбоев. Если насекомые увидят змея, тебя убьют. Ты научился неплохо драться, но ты не Качальщик и не сможешь остановить толпу! Исмаил соберет для тебя хоть сотню дикарей, но...

— Я не удержу их!

— Да, ты не Качальщик и не умеешь владеть толпой. Это невозможно воспринять. Ты освоил, как при помощи укуса травы управлять лишь одним человеком... Поэтому мы считаем, что тебе еще надо кое-чему научиться.

— Мы? Кому это так важно, чтобы я дошел?

— Важно мне и маме Клавдии. Нет, не пугайся, Слабых меток искать не надо. Если ты согласишься задержаться еще на год, я постараюсь научить тебя.

— На год?!

— Ты вправе уйти хоть сегодня. Но помни, что в Москве тебе повезло! Тебя предали люди, которых ты же освободил от волшебного сна! Исмаил предостерегал тебя, чтобы ты не пытался их разбудить! Книга никогда не врет — Проснувшийся демон только один. Эти жалкие насекомые наверняка погибли, а в Питере у тебя нет друзей. Папа Рубенс уступил власть губернатору...

— Ты не говорил мне об этом!

— А зачем? Послушай и поверь мне. Я тебя никогда не обманывал. Тебе надо научиться управлять дикой стаей. Не прирученным летуном, а дикой стаей! Тебе надо научиться убивать живое, не прикасаясь, и научиться скрываться там, где скрыться негде. И задерживать дыхание под землей. И наводить морок на толпу. И еще многое другое... Времени очень мало, я прошу всего год. Один год, Клинок!

Артур оглянулся на деревню. От волшебной панорамы убегающих вдаль пологих холмов у него всегда захватывало дух, но сегодня вечером было не до привычных пасторалей.

— На что тебе мало времени, Хранитель?

— Ты знаешь, что дети, рожденные от Качальщиков, не выносят городов. Не те дети, которых мы покупаем или берем силой, а прямые потомки рожденных на пожарищах... — Бердер отвернулся и смотрел на поднимающийся серп луны.— Так вот. У Хозяйки рода есть бочка из-под химии, она спрятана глубоко в подполе, в старой хижине... Ни один Качальщик не может провести возле этой бочки больше минуты. И новорожденные тоже начинают задыхаться. Твои сын и дочь не задыхались, они городские. Но месяц назад впервые...

Артура пронзила догадка:

— Возле бочки выдержали дети Качальщиков?!

— Да. Правнук Семена. Он не знает, не вздумай сказать. И еще одна девочка с Севера. Мы точно знаем, что ее отец Качальщик. Это седьмое поколение, Клинок... — Хранитель сгорбился, точно нес неподъемную тяжесть.— Сегодня тайна известна нам троим, но завтра это же произойдет в других общинах. В Книге сказано об этом, но раньше мы не могли прочесть. Там сказано: «Когда взойдет седьмой колос, корни его сгниют, но початок нальется невиданной силой»...

Завтра это станет известно всем, а послезавтра дети подрастут и поймут, что смогут уйти в города. Теперь ты понимаешь, почему я прошу тебя задержаться? Я соберу старейшин и обещаю тебе, что чужой мужчина не притронется к твоей жене.

— Но что я могу?..

— Если ты выживешь в Питере, ты сможешь сделать так, чтобы там выжили наши дети. Иначе придет день, когда некому будет хранить равновесие.

Глава тридцать седьмая

Хищник против терминатора

Всадник водил биноклем слева направо и никак не мог ухватить мало-мальски приемлемый ориентир. Каурый жеребец нетерпеливо перебирал ногами, но хозяин не спешил. Той дороги, по которой шли когда-то московские караваны, боль-

ше не существовало. Вместо нее сквозь серое волнующееся море Вечного пожарища разбегались десятки узких тропок. Само пожарище тоже сильно изменилось; повсюду поднимались угловатые островки скрюченных деревьев, покрытые желтоватой густой паутиной, будто мухи, закукленные запасливым пауком. Эти желтые островки неровными рядами тянулись до самого горизонта. Они взбирались на холмы посреди высокого папоротника, они торчали в лощинах, раздвигая заросли голубоватого грибного студня, они рассеивали споры даже вдоль границы пожухлой зеленой травы.

В то же время всаднику показалось, что пожарище съежилось, уменьшилось в размерах. Он оглянулся назад, туда, откуда приехал. За спиной кружила пурга из кричаще желтых, оранжевых и бурых листьев. По осеннему лесу метались и опадали бесконечно яркие шуршащие буруны. Да, удовлетворенно кивнул всадник, оно отступает. Раньше мертвечина захлестывала за бетонный блиндаж ГАИ, но за четыре года жизнь отвоевала себе почти километр. Это хорошо.

— Хорош-ш-шо, хорошш-шо... — повторил сентябрьский лес, словно соскучился по человеческой речи.

Всадник нагнулся и поворошил лезвием сабли рыхлую кочку. Из павшей листвы пустыми глазницами в небо смотрел человеческий череп. Но человека на коне не интересовали кости, он навидался их слишком много, чтобы уделять внимание такой ерунде. Он щипал ус и думал о тех, кто проделал тропинки в море пятнистых папоротников.

Дорога заросла. Об этом предупреждал Кристиан, брат Исмаила. Старый Хранитель выполнил обещание, проводил до скита и познакомил Коваля со своим загадочным родственником. Коваль ожидал, что встретит насупленного затворника, но тот оказался крепким улыбчивым мужиком лет пятидесяти, лет на двадцать моложе старшего брата. И жил он с семьей не в землянке, а в добротном кирпичном коттедже посреди целого поселка из таких же, только заброшенных, миниатюрных замков. Кристиан накормил гостей, но, невзирая на родственные связи, коня оценил очень дорого. Исмаил, очевидно, надеялся получить для своего протеже хотя бы намек на пророчество, но брат молчал. Когда Качальщик помахал им рукой, сделав прощальный круг на Мальвине, до Артура дошло, что

улыбка хозяина была лишь маской, навечно прилепившейся к лицу. За вечер здоровяк едва выдавил пару слов. Получив плату, он потрепал Дятла по холке и сказал только одно:

— Люди злы. Выбери в союзники меньшее зло... — И ушел, захлопнув дверь.

Артур поднял глаза к ржавому флюгеру на крыше «замка» и понял, что ждать здесь больше нечего. Размышляя, что могла означать фраза человека, к которому на поклон ездили лидеры общин, Артур миновал остатки поселка, потом долго ехал вдоль реки и наконец уперся в пожарище. Внутренний компас не мог его подвести. Лес окончательно победил московскую трассу. Можно было попытаться объехать пожарище, дать небольшой крюк в сотню километров, но человеку свойственно держаться известных путей. У Артура не было никакого желания углубляться в озерный край. Еще более опасным представлялись восточные леса, кишевшие дикарями...

Он тронул поводья. Навьюченный конь не подавал признаков тревоги. Часа полтора дела шли совсем неплохо, пока пламенеющий лес окончательно не исчез за горизонтом. Артур вслушивался в нежное бормотание ветра, вслушивался в себя и не мог понять, откуда возникла безотчетная, сосущая тоска. Небо оставалось изумительно чистым, ни одно насекомое, ни одна птица не вспорхнули из-под копыт. Иногда крапчатые листья папоротника поднимались высоко, почти вровень со стременами, и тогда Артур видел, что конь шагает не по голой земле, а по пружинящему ковру из жесткого серебристого мха. Иногда человек устраивал перекличку с прочими членами «команды». Пчелы ни о чем не думали, их коллективный мозг был занят растворением большого куска свекольного сахара, а оба летуна ощутимо нервничали в карманах сумок. И чем дальше человек углублялся в безмолвие серой степи, тем сильнее они волновались.

Коваль старался держать направление, но не позволял Дятлу сходить с тропинок. В какой-то момент, объезжая очередное скопление больных растений, окутанных желтой паутиной, он заметил впереди прогалину. Затем пришлось свернуть вправо, потому что на пути возникла россыпь огромных бородавчатых грибов. Конь остановился как вкопанный, захрапел и категорически отказался приближаться к «поганкам» ближе десятка метров.

Когда они обогнули неприятный участок, Артур поднес бинокль к глазам и присвистнул. Сомнений не осталось: впереди и слева виднелась дорога. Тот кусок асфальта, что пропал раньше, появился снова. Значительный участок шоссе состоял из авиационных плит, которым не могла повредить никакая камнеломка даже за сотню лет. Но, выбравшись на бетон, Артур не почувствовал облегчения. До заката оставалось совсем немного времени, а впереди с обеих сторон трассы, насколько хватало глаз, расстилалась зловещая серая плешь, утыканная бугорками желтой паутины.

Коваль резко обернулся. Никого. Ему почудилось мимолетное движение за спиной, словно что-то маленькое и темное перелетело через дорогу. Конь всхрапнул и насторожил уши. Артур поехал рысцой по самому центру полосы обгона, изо всех сил крутя головой по сторонам. Лучше бы он остался на ночлег в лесу или в коттеджном поселке, ну потерял бы еще часов пятнадцать! По сравнению с прошедшим годом это фигня...

На сей раз человек был настороже и успел обернуться, прежде чем обитатель пожарища юркнул в мох. То, что Артур увидел, ему совсем не понравилось. Нечто длинное, масляно-блестящее, похожее на гофрированный черный шланг со множеством мохнатых ножек. И неизвестно, видел он все тело или только кончик хвоста. Летуны уже не просто нервничали, они ворчали и шипели в сумках. Коваль расстегнул оба кармана, давая возможность маленьким дружкам подышать воздухом, и пустил коня галопом. Цокот копыт раскатился звенящей дробью, горький ветер, словно тугое полотнище, обвил лицо, и Артур понял, что его так угнетало. Не было эха. Подковы жеребца взметали фонтанчики цементной пыли, грохот поднимался над трассой и тут же исчезал, словно поглощенный сырой периной тумана.

Туман наползал справа, тянулся к дороге тысячами голодных щупалец. Черт знает что, г одумал Коваль, подгоняя коня, только что ведь было сухо, как в предбаннике! Один из летунов вдруг зашипел и высунулся, стреляя пунцовым язычком. Впереди на обочине дороги возвышалось что-то большое. Чуть просевшая набок крытая грузовая машина, запряженная парой мохнатых низкорослых лошадок. Обе лошади выглядели совсем как живые, и, если бы не ржавчина, насквозь проевшая борта машины, Артур решил бы, что путники свернули с

дороги совсем недавно. За кузовом первого грузовика, перегораживая путь, лежала на боку длинная шаланда, прицеп без мотора. Задние колеса торчали над дорогой, а весь передок глубоко утонул в... траве. Еще одна новость! Коваль и не уловил, когда папоротник сменился высокой травой, такой же серовато-бурой, смахивающей на осоку, но покрытой сверху донизу короткой белой щетиной. Трава колыхалась и издавала мерзкий скребущий звук, словно тысячи кузнечиков терли крылышками. С платформы упавшей шаланды на бетонку высыпалась груда ящиков, но никто их не собрал. Артур резко осадил коня и снял с плеча автомат. Требовалось всего лишь на пару метров углубиться в траву, чтобы обойти препятствие, но он удержал коня. Ветер стих, но трава шевелилась неправильно. Чуточку сильнее, чем следовало...

Обе лошадки, запряженные в грузовик, стояли понурясь, не шевелясь. Ветерок играл их спутанными гривами, шкуру покрывали темные пятна лишая, но морд не было видно, бурая осока поднималась здесь очень высоко. Бока у Дятла дрожали, не слушаясь человека, он боязливо отступал назад. Второй летун тоже наполовину высунулся из кармана и задрал хвост. Задранный хвост был очень плохим признаком, хуже некуда, вампир чувствовал настоящую опасность и готовился не к нападению, а к обороне.

Гибкое лоснящееся тело проскользнуло среди щетинистых стеблей. Коваль не успел нажать на курок, как неуловимая тварь исчезла.

Снова шорох позади.

Коваль дал команду летунам. Новая порода вампиров была воспитана так, что они практически не испытывали чувства страха, но это замечательное качество имело свои минусы. Летуны быстро заводились и перли на рожон. Артур посмотрел туда, куда указывали чуткие мышиные носы, и обмер.

Из темного пятна на боку мертвой лошади, которое он издалека принял за лишай, высунулась блестящая черная голова, похожая на мяч для регби, лишенная глаз и ушей. Несомненно, прототипом кошмарного создания послужило насекомое, скорее всего червяк, но во что он превратился! За головой, прикрытой подвижными хитиновыми пластинами, потянулось блестящее змеиное тело, усеянное десятками волосатых

крючков. Наконец монстр выбрался целиком и устроился на спине лошади, поводя из стороны в сторону дрожащим рыльцем. Пластины на кончике его морды раздвинулись, и показался подвижный розовый хоботок наподобие комариного, но толщиной в руку ребенка. Если это червяк, сказал Коваль летуну, то я — самый маленький лебедь. Летун не возражал.

Вторая такая же полутораметровая гусеница выбралась из дыры на затылке второй лошадки. Обитатели пожарища пожирали трупы изнутри! При этом паралич наступал настолько быстро, что животные не успели даже упасть. Затем гусеницы, очевидно, обрабатывали внутренности животных каким-то цементирующим составом, превращая их в свои жилища. И не просто жилища... Артур почувствовал, как к горлу подступает рвота. Вслед за большим червяком из дыры в шкуре на свет выбрались два совсем крохотных, длиной меньше локтя, и устроились рядом с мамашей. Безглазые морды поблескивали на солнце, как опущенные мотоциклетные щитки.

Но бóльшую тревогу вызывало другое. Все, чему Артур кропотливо учился, ему не помогало. Уродливые и в то же время гармоничные в своем уродстве создания, плоды молекулярных аномалий, не желали подчиняться его воле. Либо они были слишком глупы и не обзавелись развитым мозгом, либо их разум неизмеримо отличался даже от разума летуна, который тоже не состоял в родстве с канарейкой... Но летуны слушались, и драконы, и прочие «произведения» Прохора! Артур достиг высшей степени концентрации, он слышал на десяток километров вокруг, но его сознание не воспринимало ничего, кроме тока жидкостей в безмозглых растениях.

Миг спустя тренированное тело, опережая мысль, отреагировало на опасность. Еще не полностью развернувшись в седле, Артур метнул клинок. Летуны взвились в воздух, их шипение показалось Артуру самой прелестной музыкой. Блокируя пути к отступлению, по дороге с невероятной скоростью приближались сразу три «гусеницы». Ближайшая спружинила и откатилась в сторону. Нож ударился о бетон и отлетел. Коваль не мог поверить своим глазам: мутант опережал его в скорости реакции!

Старый летун Чакка молнией упал на врага сверху и замолотил хвостом. Второй летун перехватил червя уже в полете. Членистое тело согнулось дугой и вдруг подскочило вверх, вытяги-

вая хобот. Артур сдернул автомат с предохранителя и повел длинной очередью по траве, боясь зацепить мышей. Оставался один только выход — бежать вперед, но коня предстояло провести по обочине в обход перевернувшегося прицепа. Чакка, старый и более опытный охотник, перекусил противника надвое и бросился на помощь другу. Второму летуну повезло меньше, червяк извернулся и ткнул его в бок хоботком. Летун засадил ядовитые шипы в хвост врагу, но, когда подоспел товарищ, был уже мертв. Обе половинки разорванного червя, брызгая черной кровью, расползались в разные стороны.

Артур поливал огнем тех чудищ, что жили в мертвых лошадях. Одна «гусеница» разлетелась на части, а другие с удивительным проворством шмыгнули в траву. Лошадь завалилась набок, словно деревянная кукла. Чакка взлетел на крышу грузовика, грозно щелкая челюстями. Второй летун замер на дороге в обнимку с чудовищной гусеницей и на глазах превращался в окаменевший памятник самому себе. Метрах в шести от машины трава заколыхалась, и на дорогу высунулись еще два удлиненных черных рыла. С задранных вверх хоботков стекал зеленоватый сироп. Обе твари будто намеревались высморкаться. Дятел дергался и ржал, вне себя от ужаса.

Артур вспомнил кое-что и сменил рожок. Теперь он стрелял зажигательными, и щетинистая трава на обочине вспыхивала, как порох. Для верности он повел стволом по широкой дуге. Оставалось заставить Дятла шагнуть с дороги в горящую траву, чтобы обойти шаланду. Конь совершенно вышел из повиновения, Артуру пришлось спрыгнуть на землю и буквально тащить его за собой. Летун завопил, как сотня разъяренных кошек, и бросился на очередную гусеницу. Чудищу опалило половину туловища, но оно продолжало двигаться в немыслимом темпе. Летун дважды ударил хвостом, зависая в воздухе, и дважды промахнулся. Червь бежал, не приняв боя.

Артур заставил жеребца обогнуть препятствие и снова вскочил в седло. Его окружали еще четыре живых «шланга» на бетонке и несколько штук в дымящихся зарослях. Позади за шаландой Чакка из последних сил сдерживал врага. Судя по воплям, отважный упырь пока что сражался.

— Хищник против Терминатора! — сказал коню Артур и вспорол мешочек с пчелами.— Как это мило, что мы породили и тех и других...

Улей послушно повис на протянутой ладони.

— Вперед, братва! — выкрикнул Артур и сменил автомат на дробовик.

Верный «ремингтон» спасал его второй раз. Ближний червяк сложился пополам и готовился плюнуть, когда заряд крупной дроби оставил от него кровавые ошметки. Пока в ладони невыразимо долго скользил затвор, дымящийся ствол уже развернулся в противоположную сторону. Из травы, точно королевские кобры перед броском, выскочили сразу два монстра. Пластины на их мордах приподнялись, как усы у оскалившегося черного терьера. Совсем близко Коваль увидел сетчатую мембрану рта, покрытую слизью, и две пары коротких трепещущих щупалец по бокам. Дробовик рявкнул, от отдачи коня шатнуло в сторону, обеим гусеницам снесло головы. Еще один хищник плюнул из дальних кустиков, но Артур пришпорил Дятла и опередил врага на долю секунды. Он уже насмотрелся, чем грозит прямое попадание.

Пчелы вели себя замечательно. Потеряв две трети личного состава, отважная армия сладкоежек очистила местность за шесть секунд. Коваль не стал раздумывать, сколько еще гусениц спешит к нему выяснить отношения, и что было сил стегнул перепуганного Дятла. Тому не понадобилось повторять, и спустя минуту они летели по дороге, оставив дьявольский серпентарий далеко позади. Остатки пчелиной семьи догнали хозяина, уже когда впереди замаячили первые нормальные деревья. Летун не вернулся.

Дав измученному жеребцу отдых, Артур честно подождал маленького друга минут двадцать. Ветер нес из леса прохладу и запахи далеких дымков, а со стороны отравленной саванны подкрадывалось вязкое облако тумана.

— И все-таки молодцы мы, что не пошли в обход, верно? — спросил Коваль у жеребца.

Тот вращал налитым кровью глазом, могучие ребра ходили ходуном, с морды капала пена.

— Страшновато к озеру-то соваться! — доверительно продолжал Артур.— Там колдуны, говорят. Ну их к богу! А тут полчаса позора, мокрые штаны — и мы почти дома. Верно я говорю?

Глава тридцать восьмая

Разочарованный странник

Артур почел за лучшее просочиться сквозь заставы «Восьмой дивизии» в темноте. Остаток ночи он провел в одном из заброшенных домов на окраине Павловска. Пришлось сделать изрядный крюк, поскольку старые дороги рассыпались окончательно, а следуя проселочным колеям, он трижды выезжал на частные ранчо ковбоев. Всякий раз одинокого путника встречал бешеный собачий лай, а однажды его обстреляли. Нечего было и надеяться, что кто-то ночью окажет гостеприимство. Вокруг Павловского дворца в парке полыхали костры, прогуливались вооруженные люди, а возле ограды он приметил парочку болотных котов без ошейников. Артур решил, что выяснять отношения с местной коммуной ему незачем.

В пять утра он остановил коня перед величественным когда-то аникушинским обелиском. Стела и гранитное кольцо, символизирующее разрыв блокады, сохранились, но от скульптурных групп остались одни обломки. Гостиница «Пулковская» перенесла в свое время прямое попадание снаряда, или на нее скинули авиабомбу. Во всяком случае, ударная волна, превратившая здание в гору щебня, пронеслась по площади и сшибла с постаментов все фигуры. Сама площадь в человеческий рост заросла травой и кустарником, и оттого памятник казался упавшим и забытым марсианским звездолетом.

Артур вспомнил о танковом заслоне в районе парка Победы и решил двигаться вперед исключительно дворами. До Обводного канала у него это неплохо получалось. Он заметил, что в городе стало намного больше людей. В шесть утра уже гремели подводы, кто-то пытался заводить мотор, навстречу проехал трактор, тащивший за собой целых три прицепа с бочками для питьевой воды. На Обводном путника шокировала новая линия заграждений. Раньше — он мог поклясться — этих заслонов не было. Напротив каждого моста со стороны

центра выросли свежие баррикады, торчали пулеметы, а из второго этажа бывшего Фрунзенского универмага обнюхивали канал стволы легких пехотных пушек.

Еще меньше Ковалю понравилось то, что он увидел, заглянув за парапет. По центру канала в грязной вонючей воде плыла баржа со связанными людьми на борту. Четверо парней с собаками охраняли полтора десятка арестантов. На груди у тюремщиков Коваль разглядел убийственно знакомые бляхи... Нет, не может быть, уговаривал он себя, просто померещилось!

К мосту стекалась разношерстная толпа работяг, стремящаяся перебраться на тот берег. Крестьяне, рыбаки, мастеровые проходили или проезжали через распахнутую настежь проходную, и никто их не задерживал. Но когда подошла очередь Артура, навстречу ему, подняв ладонь, выступил дюжий стражник в железной рубахе.

— Ты чей?

— Музейщик.

— Ты не похож на музейщика.— Парень перекатывал в зубах жвачку и смотрел не моргая. Сзади, опираясь на приклад карабина, выдвинулся еще один стражник.

— Я был в Перми, четыре года работал инженером. Теперь вернулся домой.— Артур постарался ничем не выдать своего волнения. Не стражники его пугали, а то, что болталось на шее у второго. Кремлевский жетон безопасности.

— Долго же ты шел! — с непонятным выражением заметил часовой.— Как твое имя, и кто может подтвердить, что ты из Эрмитажа?

— Меня зовут Артур Кузнец. Меня знает Старшина торговой гильдии Чарли Рокотов, Хранитель закона Лев Свирский, распорядитель работ Сапер... А еще лекарь Эрмитажа мама Рона, начальник охраны Руслан... Этого достаточно? — Ковалю отчего-то не хотелось называть имена Рубенсов.

Оба стражника при упоминании о Руслане переглянулись и ощутимо напряглись.

— Эй, служба! — Старик-крестьянин свесился с высокого борта повозки.— Не задерживай народ! Отведи в сторожку и разбирайся!

Вслед за дедком принялась скандалить вся очередь. За Артуром собралось уже человек сорок.

— Слезай с коня! — приказал Артуру часовой.— Мы проверим, кто ты такой!

— А кто ты такой, чтобы проверять меня?

— Видел это? — Стражник продемонстрировал бляху.— Или ты, деревенщина, не знаешь, что это такое?

Его напарник лениво перехватил ружье за ложе:

— Где твой паспорт? Почему прешь в центр с автоматом? Где у тебя клеймо на автомате?!

— Паспорт не успел обменять... — Коваля этот диалог перестал забавлять.— Я проеду в Эрмитаж и получу у Рубенса документ. И проеду со своим оружием.

Вокруг внезапно стало очень тихо. Из железного, слепленного из разноцветных кусков вагончика появился третий стражник, краснолицый толстяк с лейтенантскими звездочками на плечах.

— Кого ты хочешь надуть, мерзавец? — От лейтенанта несло перегаром.— Твоего Рубенса давно сместили. Город подчиняется господину губернатору. Слезай немедля и покажи, что в мешках! Не слышал, что тебе сказал офицер внутренних войск?!

— Как вы мне надоели! — простонал Коваль, освобождая ногу от стремени.

В следующий миг он перехватил дробовик за ствол и сунул караульному, что стоял ближе всех, прикладом в зубы. Железные доспехи лязгнули о мостовую. Его товарищ не успел вскинуть ружье, как вороненый ствол уперся ему в лоб.

— Кинь пушку и прыгай в воду! Ну, живо! — Коваль придал лицу зверское выражение. Часовой попятился, выставив перед собой ладони, отпустил ружье и проворно полез через парапет. Из канала взлетел фонтан брызг, очередь нестройно захохотала. Лейтенант мигом протрезвел и попытался нащупать за поясом пистолет.

— Даже не пытайся! — сурово одернул Артур.— Ну, твоя очередь купаться! Считаю до трех! Раз...

Долго упрашивать лейтенанта не пришлось. Горланящая толпа, радуясь неожиданной бесплатной оказии, с криками ломанулась через ворота. Две мокрые головы, отдуваясь, как тюлени, разрезали грязную поверхность воды, стремясь к ближайшему спуску. Третий стражник ворочался в луже, пуская

кровавые пузыри из разбитого рта. Поток людей обтекал его слева и справа, а какой-то мальчишка нагнулся и снял с руки лежащего массивный золотой браслет.

К вечеру весь город будет знать, хмурился Коваль, нахлестывая жеребца. Первый признак диктатуры — это заборы. Они ставят заборы и разоружают людей. Но сами разбегаются при малейшем сопротивлении... Они способны бить только слабых, только тех, кого легко запугать. Но люди, черт подери, и не планируют сопротивляться, у них совсем другие задачи. Они кормят семьи и растят детей, пока эти гады набирают силу! Ей-богу, с такими подонками поневоле станешь анархистом...

Ворота в Зимний покачивались, распахнутые настежь. У въезда во дворик внутри огороженной площадки мужик с саблей сторожил десяток самых разных автомобилей. За пределами «охраняемой стоянки» в полном беспорядке расположилось великое множество конных и моторных экипажей. Некогда чисто выметенная, площадь представляла собой настоящую мусорную свалку. У подножия Александровской колонны двое молодых людей, взобравшись на козлы, рисовали на огромном холсте чью-то усатую физиономию. Со стороны Адмиралтейства, там, где раньше бил фонтан, у свежесколоченной коновязи кушали овес десятки нерасседланных лошадей. Памятуя о столичных приключениях, Артур заранее спрятал под куртку автомат и посулил сторожу золотой за особое внимание к его коню. Впрочем, одноногий инвалид на жулика не походил.

Никем не остановленный, одинокий странник поднялся по мраморной лестнице. На втором этаже ему снова встретилось усатое лицо со слегка выпученными глазами. Здоровенный лист крашеной фанеры висел под самым потолком. Из-за фанерки выглядывало слегка обиженное «Святое семейство». Затем Артуру пришлось потесниться, пропуская целый взвод юношей, у каждого из которых на левой стороне груди поблескивал бронзовый треугольник. Внутри треугольников изображался какой-то символ; не звезда, как в столице, что-то иное. Артур не стал всматриваться, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Святая Ксения! — прошептал Лева, роняя очки.— Этого не может быть! Откуда ты взялся?! Ты сумел бежать от Качальщиков?

— Можно и так сказать...

Артур прошелся по библиотеке, потрогал глобус, машинально погладил дряхлого сонного летуна. У книжника при этом невинном жесте округлились глаза. Все в этой сумрачной зале осталось по-прежнему: карты на стенах, паутина по углам, уютный запах подсыхающих поленьев в камине. И Лева был все тот же, седенький, шустрый, но поведение его заметно изменилось. Он стал каким-то пришибленным, что ли...

— Я жил у них в общине. Я работал. У меня трое детей и жена. Думаю, пока тебе достаточно? — Артур не мог сдержать улыбки при виде обалдевшей физиономии книжника.— Теперь ты мне скажи: что с папой Рубенсом?

Лева стрельнул глазами на дверь:

— Так ты ничего не знаешь? После того как стало известно о его дружбе с колдунами, начался бунт. Михаил бежал вместе с женой. Папу выставила родная дочь. Арина вышла замуж за сына губернатора...

— Вот как? А почему внизу нет охраны? Где Лапочка?

— Так ты совсем... Не вздумай ни с кем говорить, иначе угодишь на виселицу. Есть люди, которые еще помнят, как ты голыми руками повязал Качальщика и спас целый караван. Мне рассказал Рокотов, о Кузнеце ходили легенды! А тигр... Лапочку застрелили, охрана теперь только ночью, и только из офицеров тайной службы...

— Тогда почему меня должны повесить?

— Потому что легенды теперь не нужны, и вспоминать героев опасно. Свободной коммуны больше нет, а ты говоришь крамольные вещи. Весь город уже год подчиняется губернатору. Началось с драки в Думе. Они и так вечно скандалили, а в тот раз сцепились из-за того, чья очередь выделять людей на осушение подземки и подвоз чистой воды. От нас в Думе заседала Арина Рубенс, Рокотов, Аркаша, мой брат, и еще двое. Они предлагали голосовать в закрытую, но тут приперлись эти, мелюзга с правого берега, и заявили, что тянуть жребий нечестно. Потому что в их общинах мало народу, а у нас от каждой тысячи представлено по человеку. Получается, что крупные коммуны их забивают. Они сказали, что вообще больше не дадут людей в патрули, потому что «Восьмая дивизия» собирает с входящих в город нечестный налог, а с патрульными из общин не делится...

Слово за слово, заварилась такая каша, что думских пришлось разливать водой. Пока они дрались, губернатор собрал своих головорезов и окружил здание. Он их продержал целый день и заставил проголосовать за передачу власти ему одному. Он все сделал хитро, и лично мне кажется... — Лева горестно возвел глаза к потолку.— Лично мне кажется, что без Арины тут не обошлось. Она умная, и, кроме того, ее дар слышать... Конечно, она начала играть в пользу своего свекра, а как же иначе?

Я ее не осуждаю. Арина вернулась во дворец с солдатами губернатора и разоружила обоих братьев Абашидзе, Руслана и Серго, ты их должен помнить. Потом у них якобы нашли письма от Мишки Рубенса и обвинили в заговоре. Абашидзе бежали из города, и с ними десятка два верных им парней...

Так и пошло, они захватывали власть, поочередно нападая на разные районы. Мама Кэт держалась дольше всех, но губернатор объявил, что набирает новое войско, общее для всего города. Так и назвали — «внутренние войска». Им положили двойное жалованье и стали выделять квартиры в Михайловском замке. Раньше там жила община папы Арбузика, его губернатор обвинил в уклонении от налогов на строительство дорог. Всех выгнали из замка и раздали комнаты солдатам. Я говорю, без Арины не обошлось; только она умеет угадывать, кто что думает... Ну вот, мужики от мамы Кэт тут же побежали наниматься в войско.

— Постой, Лева! — Коваль затряс головой.— Я не могу поверить, что губернатор подмял весь Питер. Насколько я помню, он пожилой больной человек и не гнался за властью...

— А он и не гнался! Все началось с этого соборника.

— Как ты сказал?! — Артур поперхнулся чаем.

— Ты знаешь, что случилось в Москве? — Лев понизил голос, на цыпочках подбежал к двери, проверил, не подслушивают ли снаружи.— Москвы больше нет. Ее растворили Качальщики, это точно. Лишь они способны поднять Землю на дыбы! Из Москвы целый год шли к нам беженцы. И приперся целый гарнизон их поганого президента, папы Ивана. Президента убили его же солдаты, гарнизон привел один из московских соборников. Они встали за городом, больше трех тысяч штыков, представляешь? Там были не только бойцы, почти тысяча

женщин и дети. И все кремлевские слушали этого соборника, как родного отца. Он сказал, что будет говорить с тем, кто в Питере главный. К нему поехали старейшины от Думы, никто не хотел, чтобы такая голодная армия вошла в город.

Но соборник не стал говорить с думскими, он тайно встретился с губернатором. Он заставил Думу принимать решения под дулами автоматов. Этот лис убедил губернатора принять всех солдат на довольствие губернаторской коммуны. Они заняли Серый дом. Это там, на Литейном...

— Я знаю. Там им самое место.

— И все, Артур! Спустя месяц губернатор разогнал Думу и запретил коммунам содержать свою стражу. Кто не послушался... Парни из гарнизона сожгли две коммуны дотла. Они умеют воевать гораздо лучше нас. А потом они поставили своих людей на всех дорогах и назвали себя пограничными войсками. И к ним тут же побежали присягать бандиты из мелких шаек. Всем понравилось быть пограничниками, собирать деньги на дорогах и ничего не делать...

— А что Арина? Ты же говорил, она имеет влияние на губернатора?

— Еще какое! Стало быть, она тоже была не против. Если хочешь знать, я думаю, девочка побаивается кремлевских или договорилась с ними отдельно. Если уж быть до конца честным, Артур, то много и хорошего сделано. Губернатор отобрал у мэра золото и запретил другим чеканить монету. Он открыл большие ярмарки, как было раньше в Москве. Он посылает солдат собирать урожай. Теперь мы меньше зависим от ковбоев, город не только покупает еду, как раньше, а получает натуральный процент в казну и на склады. Амбары забиты зерном на два года вперед. Он мостит дороги и посылает команды гонять булей...

— Значит, вам нравится при новой власти? Кстати, а как выглядит этот соборник? Случаем, не такой высокий, хромой, в очках?

— Так ты его видел? — возбужденно всплеснул руками книжник.— Его же встречают только на проповедях. Считается, что Питером управляет губернатор, но все знают, кто стоит за его спиной. Потому что солдаты преданы...

— Карину?

— Тише, Артур, тише! Помимо внутренних войск, он устроил тайную полицию и личную стражу, и еще особый отдел при войске. Называется тра... три...

— Трибунал?

— Ага! Я все забываю, что ты родился до Большой смерти. Как жаль, что мы так и не поговорили, ты столько знаешь! Да, в этом трибунале люди с закрытыми лицами, они следят за остальными солдатами и офицерами, и все их боятся...

— Я что-то слышал вскользь об этом Карине,— небрежно бросил Коваль.— Почему его нельзя увидеть?

— Потому что он сажает деревья.

— Что?! — Такого поворота Артур не ожидал.

— Сажает деревья,— подтвердил библиотекарь.— Не один, конечно. Выгоняют команды девчонок на поля, где шли вырубки, и заставляют пропалывать и сажать. У кого саженцы не привьются, тех отправляют под землю. Они обложили дерном древние свалки, свалок больше нет, повсюду посадки. А весной знаешь, что случилось? Никто в Думе бы до такого не додумался! Это все он...

Рыбу глушить запретили! Еще деды наши глушили, а тут указ вышел: на ловлю рыбы особый жетон, за деньги, и только трем общинам рыбаков. А глушить вообще нельзя, смертью карается! Инженера из Чухни выписали, губернатор ему дом подарил и дикарей дал в прислугу, чтобы рыбный завод на Ладоге поставил. Теперь вся рыба вроде как казенная, и свободных цен больше нет! А еще соборник наладил очистку воды, привез от немцев инженеров. Теперь за ведро помоев, вылитое в Неву, можно схлопотать пять лет подземных работ. И нужники нельзя ставить где попало! Все помои приказано сливать в специальные бочки и вывозить за город, на свалку. Этот Карин, он помешан на чистоте, но не только...

С ним всюду полусотня, преданные ему бандиты, они готовы по его приказу перерезать глотку любому и умрут за хозяина. Карин раздобыл старые военные карты, что нарисованы до Большой смерти. Он ездит со своими людьми по тем местам, где жили военные, и сжигает все. А если они находят подземные хранилища оружия, они взрывают выходы и засыпают землей! Я точно знаю, без Арины он не находил бы эти места так легко. А еще он убедил губернатора отогнать из го-

рода все корабли, где есть химия. Всю химию, что находят по старым заводам, тоже собирали на баржи и вывозили, но не в залив. Ты бы видел! Они заставили ковбоев пригнать сотню быков и утащили баржи с химией вверх по течению, а там перегружали и везли в лес. Карин нашел место, бетонное хранилище...

— Значит, он чистит город? Не вижу в этом ничего дурного...

— Он открыл новую церковь, а соборников из Лавры заставил повторять его проповеди. Кто не послушал... — Лева сделал характерный жест рукой возле горла.— Он говорит, что Питеру придет конец, как и Москве, если не будут следовать его заветам. И ему верят, Артур! Ты бы видел, какие толпы он собирает. Он так говорит, что люди рвут на себе волосы и катаются в пыли. Он всех убедил, что он один знает, как спасти наш город.

Люди Карина ловят буля и режут на части на глазах у прихожан. Это становится традицией — убивать животных, вроде...

— Вроде жертвоприношений?

— Хуже. Когда древние резали коз на алтарях, они молили богов о благодати. А Карин не говорит о хорошем и не взывает к Богу. Он доводит себя и других до безумия, он кричит о близкой гибели. Если мы не спасем город, кричит он, придут твари с пожарищ и пожрут нас, а земля засосет наши дома. Ты бы видел, что творится с толпой, когда кремлевские режут булей! Страшно смотреть...

Понимаешь, губернатора устраивает вся эта трескотня. Никто не копает под его власть, напротив. Вот рыбаков разорили, куда им податься? Они теперь за краюху хлеба горбатятся, дороги кладут. Карин предложил издать указ, запрещающий вырубки в парках. Чтобы на дрова теперь можно было рубить только старые дома. Губернатор сначала противился, затем подписал и только выиграл от этого. Все здания в городской черте теперь принадлежат казне. Хочешь обзавестись дровишками на зиму — плати! И пожаров меньше стало; почитай, гореть нечему уже. А срубишь дерево — заплатишь своей шкурой. Рубли так и посыпались в казну, а Карина еще больше боятся. К власти он не рвется...

— Но ты же ему не веришь?

— Как тебе сказать? — Книжник отвел глаза.— Чарли многих знал в Москве. Только гарнизон Кремля вышел из столи-

цы почти без потерь... Они пришли с золотом, бабами и даже со своим скотом. Люди говорили, что там творилось. Три дня Москва качалась, но местные надеялись, что все уляжется. Не улеглось, им пришлось бежать, побросав имущество. А кремлевские ушли в первую ночь и забрали все ценное, что могли унести. Земля вставала дыбом, и река бросалась на город, как болотная кошка... Соборник знал, он заранее предугадал то, что случится.

— Сволочь!

— Что?

— Нет, ничего, продолжай. Выходит, он предвидел катастрофу, а спас только своих?

— Ну не только. В Питер до сих пор идут тысячами, но больше народу осело у ковбоев. Честно говоря, не всем по вкусу новая власть... Ведь мы в Эрмитаже больше не шьем платье, не льем стекло. Мы гоним спирт. Да-да, это Карин так надоумил губернатора, чтобы каждая коммуна занималась одним делом. Конечно, оно выгоднее для города, это понятно. Водку можем делать только мы. Если у кого найдут самодельную — виселица. Доходы большие, но ковбои начали пить. Раньше так не пили, Артур, раньше работали и просили взамен товары мастеровых. Теперь все готовы обменять на водку...

— А кто командует Эрмитажем?

— Мой брат, Аркадий.— Лева бросил косой взгляд на Коваля, проверяя его реакцию.— Конечно, ты скажешь, что Аркаша — не личность, не герой. Так оно и есть. Он и как инженер не особо одарен. Но губернатору такие и нужны! Сидит тихонько в Думе, кивает вместе с остальными. В общинах нынче правят не папы, а эти... пири... при... Московское словечко, все время забываю!

— Префекты?

— Во-во! Ты все знаешь, ты ведь книжник... Что поделать, не время для орлов, Артур! Поэтому я за тебя и боюсь... Народ присмирел, а для меня счастье, что префектом поставили Аркашу. Благодаря его заступничеству я могу читать...

— Эка! Я не пойму, Лева, губернатор запретил читать?

— Почему же? Читай, коли умеешь, но... Я умоляю тебя, Кузнец, эти слова не для чужих ушей. Ты как появился в музее, сразу уехал, я не успел познакомить тебя с Самуилом Кро-

хой. Мой друг, он живет у портовых. Он умеет рисовать. Ты видел, на площади малюют портрет губернатора? Кроха давно собирал детишек, у кого получалось водить углем или кистью. А нынче все они рисуют губернатора и получают за каждый портрет по рублю серебром. Не хочешь рисовать губернатора — топай, работай в другом месте. Не хочешь работать — отправят под землю! А знаешь, что делают с портретами, Кузнец? Люди губернатора их продают...

— Да быть не может? Кому нужна его харя?

— Тише, умоляю тебя, тише! Мальчишке, что малевал, платят рубль серебром, а продают по три рубля золотом. Корову можно купить! Общины же и покупают. Аркадий вон для Эрмитажа шесть штук заказал. Зато когда усатый в гости приезжает, доволен!

— Черт знает что! — Ковалю казалось, что он никак не может очнуться от сна.

— Так что Кроха запил,— грустно продолжал библиотекарь.— И мне учить детей больше не позволено. Теперь всех вместе учат, в Лавре соборники школу открыли. Утром на портрет губернатора молятся и читают хором про его великие дела... Разбуди ночью любого ребенка и спроси — на сколько пудов картошки мы собрали больше в этом году, чем в предыдущем. Не сомневайся, тебе ответят. На утренних проповедях только и твердят о том, на сколько пудов мы живем лучше, чем в прошлом году.

У меня был ученик, его дед возит в город торф для растопки. Пять лет назад он возил торф, и сейчас возит, и будет таскаться в лес на своей телеге до самой смерти. Как ему платили буханку в день и пять монет серебра в месяц, так и платят, только губернатор заменил серебро медяками. Все серебро уходит на закупки нефти. Соборники в школе твердят детям, что в нынешнем году город собрал в казну на шесть пудов серебра больше прежнего, а через шесть лет удвоит запас. А дед возит торф, ему без разницы, что там удвоится. Может, он и не проживет эти шесть лет...

Древние книги читать детям не велено, а мне указано собирать лекарские да по инженерному делу. Про остальное говорят, что вредное. Что ни день, боюсь, как бы указ не вышел пожечь книги-то...

— Дай мне очухаться, Лева! — Коваль походил из угла в угол, растирая уши.— Значит, без паспорта я жить не могу?

— Никак. И Аркаша тебе не даст. Только в учетном приказе, на Исаакиевской площади.

— И выбирать, где жить, тоже не имею права?

— Пятьдесят километров отмахай, там без бумаги заселяйся. И то — неведомо, сколько так проживешь... И потом — ты за паспортом придешь, в оборот возьмут. Или подмастерьем, или мастером придется соглашаться.

— А в Эрмитаже я могу остаться? Полно же пустых комнат?

— Всюду клерки бродят, которые по учету,— угрюмо отозвался библиотекарь.— Не спрячешься, продадут. Наши же и продадут. Испоганились людишки, Артур, раньше не было такого. Друг за другом следят. Страшно мне, ночами не сплю, так страшно... Вроде и сыты все, и даже праздники древние вспомнили, в Новый год хоровод водили и елку зажигали...

А мне страшно. Самуил спился, Чарли пьет, Сапер повесился... А еще Санечка был, в коммуне мэра, музыку умел на рояле делать, ноты понимал. Никто не умел, он один. Ему сказали, что заберут с роялем в Думу, для них музыку делать, для старейшин. Он отказался, просил, чтобы детей дали учить, как раньше. Детей ему учить больше не позволили, рояль сломали. Он бежал в Чухню, а кто-то его у норвегов видел...

Клерки ходят и солдаты с ними. Ежели в пустом доме заколоченном кого найдут без гербовой бумаги — сразу в кандалы. А то и пристрелят, это запросто. Им за каждого бродягу платят больше, чем офицерам. Детишки больше не в тайную стражу хотят, а в клерки. Там сытнее.

— Это точно,— согласился Коваль.— Там всегда было сытнее. Вот что, Лева! Я тебя покину, у меня на заставе небольшой спор утром состоялся. Не хочу, чтобы из-за меня проблемы появились. Позже еще увидимся! И пожалуйста, не говори никому, что я приходил, ясно?

— Да уж куда яснее! — печально усмехнулся книжник.— Куда пойдешь-то?

— Да вот, один добрый человек посоветовал... — Артур напоследок угостил летуна кусочком сала.— Я его слов поначалу не понял, а теперь все разъяснилось. Пойду искать в союзники меньшее зло.

Глава тридцать девятая

Меньшее зло

Артур не стал брать с собой огонь. Глаза быстро приспособились к темноте, а дым факела отбивает обоняние. За последнюю неделю он трижды выбирался из города и трижды возвращался назад, переодеваясь и меняя лошадей, чтобы не маячить на породистом животном. Коня он оставил на попечение Левы, а поклажу и оба ствола спрятал в капсуле. В городских катакомбах автомат ему не помощник. Спустя четыре года Артур вернулся туда, откуда начинался его путь наверх.

Проходя по гулким коридорам пятого отдела, он испытал смешанные чувства. Вот шахта, по которой он карабкался с липкими от ужаса руками, не представляя, что ждет его наверху и обмирая от каждого шороха. А за этой дверью, где они с Мирзояном и Денисовым в незапамятные времена обсуждали очередной матч или новенькую сотрудницу, он впервые столкнулся с лысым псом... Сегодня вечером он был вполне настроен на такую встречу, но институт хранил молчание. Артур слышал, как в глубинах чердака любовно перекликались голуби и дребезжала на ветру оторванная оконная рама. Институт был мертв, как океанский лайнер, навсегда потерявший свою преданную команду. «Навсегда»,— повторил Артур. Слово каталось на губах, словно засохшая ягода, безвкусная и чуточку горькая.

Команды «зачистки», несомненно, побывали здесь еще раз, но оба корпуса не сочли пригодными для жилья. Исчезли остатки паркета, деревянные перила и двери. Вынесли даже стенные панели — словом, все, что могло гореть. Следы десятков сапог взбаламутили вековую пыль. Доблестные клерки даже сняли ботинки с трупов, валявшихся на лестнице.

Он спустился в канализацию через люк котельной. Большая труба имела слабый уклон, и он прикидывал, что метров через двести окажется под руслом Невки. Артур считал шаги.

В пространстве, где ни зрение, ни обоняние не могли зацепиться за какой-то достаточно верный ориентир, приходилось полагаться на шестое чувство. Или считать шаги.

Через пятьдесят метров Коваль вышел к развилке и разглядел высоко над головой маленький рваный кусочек неба. Он угодил в один из канализационных коллекторов; грязь под ногами уже не чавкала, а хрустела, как пересохшие листья. Если предыдущий отрезок был почти свободен, то впереди трубу на треть заполняли многолетние отложения.

Артур дотронулся до огромного вентиля. Что-то хрустнуло, и половина железного колеса осталась у него в ладони. Из прогнившего косого фильтра шелестящим дождем посыпался поток ржавчины. Здесь даже не пахло гнилью. Очевидно, сточные колодцы находились выше уровня мостовой, или вода уходила в почву сквозь трещины.

Еще через пятьдесят шагов Коваль начертил угольком крест на вогнутой стене трубы. Теперь ему приходилось идти согнувшись, рискуя зацепить головой свисающие из люков обломки лестниц и куски арматуры. Грязь стала чуть жиже, и далеко впереди послышался какой-то равномерный ухающий звук, словно работала помпа. Потом он услышал запах, почти незаметный, но это был тот самый запах. Окажись Артур здесь четыре года назад, он не почувствовал бы ничего, кроме паники и дикой клаустрофобии. Со всех сторон ему бы чудились клыки и когтистые лапы...

Он медленно продвигался вперед, ухающий звук стал ближе, теперь среди глухих тонов различалось металлическое звяканье. Либо труба проходила вблизи ветки метро, где заключенные откачивали воду, либо на поверхности над одним из люков работал мотор. Внезапно труба стала шире. Артур приподнял нос, шевеля в темноте ноздрями, точно терьер, выслеживающий лису. Он не сразу догадался, где находится. В конце концов, сюда приглашали на экскурсию не каждого горожанина.

Труба никуда не исчезла, она плавно сворачивала, но в месте поворота, очевидно, произошел разрыв. Сразу за разрывом жерло перекрывала толстая решетка, а за ней Артур чувствовал следующую, с более мелкой ячейкой. Еще он чувствовал впереди огромную массу металла и воду, много тонн стоячей

цветущей воды. До сих пор в подземелье не встречалось ни мокриц, ни других насекомых, любящих влагу, а теперь Коваль слышал неумолчное зудящее пение сотен комаров.

Он находился на границе очистных сооружений, на первом форпосте. Мощный стальной каркас, удерживающий переплетения труб и очистные ванны, просел под собственной тяжестью, или его подмыли грунтовые воды. Так или иначе, сварная конструкция лопнула и потянула за собой трубопроводы. Артур мелкими шагами добрался до места разрыва. Труба под ногами слегка раскачивалась. Он оценил расстояние до решетки метра в два с половиной, опустился на четвереньки и ощупал край. Запах стал сильнее. Из провала тянуло сырой землей, но он уже не сомневался, что придется прыгать; трещина уходила слишком глубоко.

Он щелчком, вслепую, убил комара, затем еще одного. Можно было вернуться и попытаться пройти с другой стороны. И потерять еще три часа. Три часа он ползает под городом... Нет, случайностей не бывает. Если ему суждено подохнуть в этой дыре, то не играет роли, через какой люк он поймает за хвост свою смерть!.. Коваль оттолкнулся и прыгнул.

Ноги повисли над пропастью, но руками он намертво вцепился в решетку. Фильтр давно держался на честном слове, осталось его только раскачивать. Спустя четверть часа его пальцы кровоточили, плечи и колени онемели от напряжения, но прутья подались. Вторую и третью решетки Артур выбил с одного удара. А дальше труба закончилась, он не удержался на скользком порожке и полетел в воду. По счастью, тут оказалось совсем неглубоко, но воняло так, что Артура чуть не вырвало. Впервые за годы он почувствовал себя некомфортно босиком. Ступни точно погрузились в ледяной шевелящийся кисель. Здесь, в очистных ваннах, кишела жизнь, и жизнь не в самых приятных ее проявлениях. Слава богу, он влил в себя достаточно снадобий Анны и не боялся заразиться.

Артур уже понял, что к центральной городской станции этот подвал не имеет никакого отношения; скорее всего, он пробрался в сточную систему одного из крупных заводов. Как и прежде, он не видел ни зги, но обострившееся восприятие подсказывало, что подземное сооружение имеет по крайней мере три уровня и занимает пару тысяч квадратных метров.

Он успокоил дыхание, вытер руки о штаны и шагнул на узкий металлический мостик. Мостик подозрительно заскрипел, но Коваль уже ничего не слышал. Он увидел глаза.

Две голубые льдинки перемещались в полутора метрах над ним, затем замерли. К ним присоединилась еще одна пара, чуть больше первых.

— Хорошая собачка,— сказал Артур и потянул за лямку рюкзачка.— Смотри, какая вкуснятина у меня есть для тебя. Хорошая собачка! — Он вспомнил, как точно так же подлизывался к лысому крокодилу в курилке.

Коваль чувствовал, как еще один буль подкрадывается сзади, совсем молодой, почти щенок. Он подкрадывается и сам очень боится человека. Замечательно! Человек шел на запах и не ошибся. Здесь у них гнезда, и наверняка есть выход к реке, куда псы выплывают за рыбой. Но еще больше человека возбуждало то, что он их слышал... В отличие от плюющихся червяков с пожарища разум собак был открыт для него. И разум не был враждебным. Они не доверяли, они боялись, они готовились защищать щенков, они страшно хотели есть, но... они слышали и откликались.

Артур не видел щенка, которого кормил с рук. Потом к нему подплыли еще два, совсем маленькие; толкаясь и ворча, они принялись сражаться за кусок бекона. Их мать заволновалась и негромко рявкнула из темноты, но Артур успокоил ее одним ласковым прикосновением мысли.

— Хорошие собачки! — повторил он, вытряхивая последние крошки.— А теперь мне нужно, чтобы вы пошли и привели остальных. Я отведу вас туда, где много-много свежего мяса... Я отдам вам целую свинью, нет, целое стадо свиней.— Он без труда представил себе это стадо — освежеванные дымящиеся туши на крюках — и швырнул этот образ собакам.

Булей трясло от возбуждения.

— Приведите сюда остальных, приведите всех! У нас будет самая сильная, самая смелая стая! — Его волосы взмокли от пота. Артур чувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы на щеках и под глазами. Удерживая волю на пике, на самом острие сознания, он раздувал внутри себя огонь вожака. Стая приняла его за своего, но не к этому он стремился. Они должны быть готовы умереть за вожака...

В три часа ночи Коваль вывел их к скотобойне. Точнее, его вывели туда були, но сами псы давно бы уже не отважились на такой поход. Как и положено, бойни имелись у каждого из трех рынков, но их охраняли не хуже арсенала. По периметру цеха прогуливалась шестерка матерых волков и сторожа с пулеметами. Волки свободно бегали между двумя линиями колючки, и до прихода утреннего смотрителя никто бы не отважился к ним подойти. Кроме одного человека.

Артур позволил волкам облизать себе руки. Затем выдернул щеколду и выпустил их во внутренний двор, туда, где носился кислый аромат забоя и вокруг дубовых колод валялись кости животных. Выскочившие на шум сторожа, не протестуя, отдали колдуну оружие и ключи от бетонного ангара. В стойлах, чуя хищников, исходили пеной коровы. За перегородкой оглушительно верещали свиньи. Артур запер горе-охранников в сторожке и позволил волкам выпотрошить свинью. Пока волки насыщались, они были неуправляемы, и Артур не смел к ним подходить. Потом он запер их в сарайчике и привалил дверь. Настала очередь его стаи.

Их собралось несколько сотен. Многие пришли под землей, по водопроводу и канализации. Они пробирались дворами и плыли по каналам, неуловимыми тенями пересекали проспекты и бесшумным валом катились по заросшим травой переулкам. Лева был прав: военные вытеснили дикую живность из центра, большинство булей обитали в новостройках, стараясь держаться Невы. Коваль знал, что не имеет права показать робость, но внутренне он содрогнулся. Разлагавшаяся в водах Балтики химия превратила животных в ходячие экземпляры для кунсткамеры. Более того, в темноте ему показалось, что на зов откликнулись не только собаки. Во всяком случае, не совсем собаки... Он отрезал себе изрядный ломоть грудинки и зажарил над огнем в будочке охраны. Не подкрепившись, не стоило и думать, чтобы двигаться вперед. Он потерял слишком много сил под землей, но Бердер сказал бы, что сделано неплохо. По другую сторону забора, окружавшего базарные ряды, надрывались обычные собаки. Сделано неплохо, но главное только начиналось...

Часовому, что боролся со сном на третьем этаже резиденции, вдруг почудилось, что площадь перед памятником царю

подернулась мелкой рябью. Он встряхнул головой, хотел окликнуть товарища, но, когда снова посмотрел вниз, ничего странного не заметил. На противоположной стороне здания другой солдат обратил внимание на то, что Мойка ведет себя как-то странно.

Только что стоял полный штиль, и тут поверхность воды покрылась волнами, будто вверх по течению шел косяк рыбы. Но тревогу он поднимать не стал, потому что ничего опасного не случилось. Вместо этого он оглянулся, не подсматривает ли сержант, и быстро раскурил самокрутку с дурманящей травой. За кило травки он отдал азиату на рынке полный рожок патронов, но дело того стоило. За дурман могли, конечно, вышвырнуть из тайной стражи и отправить в пограничный гарнизон, но без риска жить неинтересно. Зато девчонкам нравится...

Парадное крыльцо стерегли двое «безликих», из тайной полиции. Они не спали и не курили, вместо курева они жевали совсем другую траву, дающую ночную бодрость и зоркость. Лица обоих полицейских скрывали вязаные капюшоны с дырками для рта и глаз. Старший последние семь минут все чаще поглядывал на большие напольные часы, установленные в специальной будочке. За дверями у печки давно уже грелась смена передвижного патруля, а машина все не показывалась. Джип должен был вернуться с объезда минимум четверть часа назад, но, сколько полицейский ни вслушивался, знакомое тарахтение мотора не достигало его ушей. А своим слухом он гордился. Ничего, только плеск воды и лязганье весел в уключинах ночующих за мостом лодок. Машины иногда ломались, но не обе же одновременно. Кроме того, куда-то запропастился конный патруль городской стражи. Последний раз они подлили горючего в бочки, стоящие по периметру площади, три часа назад, и с тех пор не появлялись. Полицейскому это совсем не нравилось. Он решил, что подождет еще пять минут и ударом в рельсу поднимет все свободные смены...

— Кто-то идет! — озабоченно произнес молодой напарник и упер сошки пулемета в мешок с песком.

— Ты рехнулся! Кто может идти в три часа ночи? — Старший оглядел пустую площадь, но на всякий случай дернул за веревку. В холле дворца коротко забренчала трещотка.

— Да вон же, вон!

— Да где, черт тебя дери? — Полицейский передернул затвор и влез по лесенке на вершину баррикады. Он различал лишь темную громаду собора и конную скульптуру древнего императора на пьедестале. Пламя в бочках почти погасло.

— Эй, что там, капитан? — Трое «безликих», побросав кружки с чаем, выскочили на крыльцо.— Мотор приехал?

— Ни хрена не вижу! — злобно отозвался капитан.— Яшка, лупи в рельсу, кажись, неладно что-то!

— Святые отцы! — пробормотал, не двигаясь с места, молодой полицейский. Вместо того чтобы подать сигнал тревоги, он словно прирос к прикладу.— Он смотрит на меня! Там, справа!

Капитан скосил глаза и чуть не проглотил свою жвачку. Со стороны Морской улицы, царапая сотнями когтистых лап по сырой брусчатке, на него катилась нескончаемая волна диких псов. За спиной капитана трое патрульных вскинули обрезы, но не успел прозвучать первый выстрел, как на втором этаже забили в колокол. Затем дважды тявкнула пушка; ослепив до рези глаза, вспыхнули на площади фонтаны разрывов. На короткое время живая лавина замедлилась, но бреши тут же затянуло.

Новый звук заставил капитана перевести взгляд налево. В Мойке кипела вода. Десятки и сотни блестящих тел выпрыгивали из глубины, взлетали над парапетом и, сливаясь во второй яростный вал, стремились к крыльцу. Им не было числа.

Одновременно грохнули обрезы, и со второго этажа заговорил автомат. Первую шеренгу собак раскидало. Полицейский не верил своим глазам: раненые падали и скуля продолжали ползти вперед. Колокол звенел не переставая. В верхних покоях и казармах вспыхивали огни.

— Он смотрит! — продолжал стонать Яшка.

— Стреляй! Стреляй, дурень! — прохрипел капитан, сам бросаясь к пулемету.

Он оттолкнул напарника, положил щеку на приклад и в прорези прицела увидел человека. Человек неторопливо брел по центру площади, зарываясь голыми ногами в гниющие листья, а слева и справа от него бурлило море голубых глаз. Лысые псы расступались, оставляя человеку проход. Человек шел и смотрел прямо в глаза капитану.

Полицейский почувствовал, что не может пошевелить пальцем. Ему требовалось совсем небольшое усилие, чтобы на-

крыть колдуна и его свору градом свинца; лоб покрылся потом, мочевой пузырь дал слабину, но палец на курке не сдвинулся и на миллиметр. Где-то наверху зазвенело разбитое окно, с карниза сыпался дождь из горячих гильз, над ухом дважды выстрелили из обреза, кто-то из подчиненных тряс полицейского за плечо.

Потом стало совсем тихо, и капитан понял, что остался один. Он продолжал смотреть в глаза грустному бородатому человеку и не мог ни встать, ни пошевелить рукой. Яшка лежал рядом, запрокинув голову. Из-под его вязаной маски стекала тонкая струйка крови. А на груди у младшего патрульного, шевеля жабрами, устроилось мокрое голубоглазое чудовище. Оно улыбнулось капитану двойным рядом зубов и прыгнуло ему на горло. Это было последнее, что увидел начальник «безликих».

Подобно кипящей лаве, свирепая лавина ворвалась в здание и растеклась по коридорам, сметая все на своем пути. Дежурная полусотня личной стражи была уничтожена прямо в казарме. Через пять минут от мечущихся между коек солдат остались клочья одежды и залитые кровью полы. Проснувшиеся клерки и члены семей прыгали в окна со второго и третьего этажей, кто-то пытался выбраться через чердаки. Но всюду люди натыкались на сплошное сужающееся кольцо собак. Возле покоев губернатора стражники с пулеметами ненадолго замедлили атаку булей. Собаки карабкались по трупам своих же товарищей, пока гора из мертвых тел не закупорила напрочь два лестничных пролета. На второй лестнице четверо телохранителей развернули рукав огнемета. Двое без устали, скинув куртки, дергали рычаги ручного бензонасоса, а вторая пара, покрытая копотью, словно черти в аду, заливала площадку огнем. Их ладони, несмотря на толстые рукавицы, покрылись волдырями, но стражники не отступали. Терять им было нечего.

Буквально позавчера именно эти двое под руководством его святости распяли троих щенков булей, выкололи им глаза, а затем медленно выпустили кишки. Изловить щенков было совсем несложно, всем известно, где були выходят по ночам рыбачить. В центре их почти не осталось, но на правом берегу полно нор; достаточно подвесить слегка протухшую рыбку над железным сачком, и молодняк попадется в ловушку! Теперь

стражники не сомневались, что свора пришла мстить. Мстить за всех, кого они убили в последний год.

Командовал охраной плотный старик, он служил губернатору пятнадцать лет с того дня, как нынешний глава захватил свой пост. Он хорошо помнил прежнего губернатора, глупца задушили ночью в собственной постели. Он потакал книжникам, а старую гвардию, что привела к власти его отца, заставлял работать наравне с крестьянами. Нынешний губернатор жил по закону и отлично знал свое место. Командир охраны мог бы забрать своих людей и сбежать от собак, он знал тайные ходы, что вели наружу к Неве или выходили во двор к гаражам. Но знал он и то, что, если губернатор погибнет, соборник Карин найдет их из-под земли. Этот чертов колдун видел насквозь...

Командир личной стражи приказал бросить бесполезный огнемет и прочее железо. Он собрал оставшихся в живых людей, их было не больше дюжины, и приказал любой ценой удерживать угловой коридор, где находились спальни губернаторской семьи. Вот-вот должно было подойти подкрепление. Находясь наверху, он не мог знать, что квартировавшая на первом этаже рота «безликих», приставленная Кариным, вырезана до последнего человека, почтовые голуби валяются на чердаке мертвыми, а телефонные провода перекушены. Не знал он и о том, что в гараже давно горит броневик губернаторской семьи, а от лошадей в стойлах остались обглоданные скелеты.

Стражники жевали траву и оттого не чувствовали страха. Они перегородили коридор старой мебелью и собрались плотной группой, обнажив сабли. Пожар еще сюда не добрался, он веселился этажом ниже — жадно обгладывая шкафы с документацией, уничтожал многолетние труды клерков. Уже погибли данные по оброкам и недоимкам, погибли дарственные на землю и карты наделов, погибли важнейшие государственные бумаги. Из покоев семьи губернатора выскакивали полуодетые люди; все, кто мог носить оружие, спешно разбирали ружья и автоматы. Атака псов прошла настолько быстро, что никто не успел понять, кого надо бояться. Гражданские выбегали в коридор, но не видели ничего опасного, только дюжину ощетинившихся клинками телохранителей. Все слышали рев пожара и спрашивали друг друга, что случилось. Окна покоев были давно и наглухо заколочены в целях безопасности после

давнего нападения шептунов на Нарвскую коммуну. Начальник стражи колотил в дверь спальни губернатора, он нуждался в ключах от пожарной лестницы. От дыма становилось невозможно дышать, на этаж поднималась удушливая вонь горелого мяса.

Получив ключи, старик-полковник, стараясь не сорваться на бег, отправился к пожарному выходу. За ним, отшвыривая друг друга, ринулась толпа домочадцев. Общими усилиями скинули крюки с тяжелых дверей. На пожарной лестнице не было ни дыма, ни собак, только паутина и кромешная тьма. Тут до всех дошло, что впопыхах забыли прихватить фонари. Молодые мужчины побежали назад, женщины и дети жались друг к дружке, не решаясь сделать и шагу вниз.

— Что там, ребята? — крикнул подчиненным старшина.

— Пусто! — отвечали ему верные рубаки. Они уже устали держать сабли и ножи наизготовку. Они закрыли лица мокрыми тряпками, выбили ставни на окне в торце коридора и по очереди бегали глотнуть свежего воздуха. Перекрытие этажа раскалилось настолько, что начали уже тлеть доски и дымились подошвы сапог.

— Пусто, никого нет!

— Они отступили!

— Эти гады боятся огня!

Ни черта они не боятся, подумал старый вояка. В отличие от зеленой молодежи он дрался с булями еще в те годы, когда они безбоязненно бросались на людей в центре Питера. Он был ребенком, когда из города, спасаясь от псов, тысячами бежали крысы. И в том, что псы перестали нападать на горожан, совсем не было заслуги соборников, как они врали на молениях. Старики прекрасно понимали, что из реки ушла наконец древняя химия и очистились леса. У зверюг появилась пища; еще немного, и они сами покинули бы город и убрались к Ладоге. И то, что происходило этой ночью, командир стражников никак не приписывал личной мести.

— Тихо! — Старшина поднял руку. Тут было не до субординации.— Тихо, заткнитесь все!

Солдаты затаили дыхание. Ровный гул наступающего пламени. Хлопки взрывающихся бутылок на нижней кухне. Ни лая, ни криков...

— Господин полковник! — робко позвал один из бойцов.— Стоит ли тащиться через гараж, если парадный вход очистился?

— Заткнись! — Старик обернулся.

Люди губернатора все так же толпились за поворотом, не отваживаясь спускаться. От группы полуодетых женщин отделилась стройная фигура в кольчуге.

— Ты тоже слышишь, госпожа? — одними губами прошептал полковник. Они стояли плечом к плечу, тертый служака и третья из невесток губернатора. Стояли и смотрели в темный задымленный пролет, где уже плясали первые язычки огня.

— Прикажи им бросить оружие,— столь же тихо ответила женщина.— Это не поможет...

Собаки покинули здание, в огромном дворце остались лишь горы трупов и горстка насмерть перепуганных жителей. Тех, что еще вечером представляли в городе верховную власть.

Но интуиция никогда не подводила командира.

Самое страшное только начиналось.

Глава сороковая

Правды и законы

Теперь слышали и солдаты. По охваченной пламенем лестнице шлепали босые ноги. Первым на площадку шагнул высокий небритый мужчина. Его темно-русые волосы были уложены в две аккуратные косички вокруг загорелого лба. По краям серых глаз разбегались лучики морщинок. Торс мужчины облегала плотная матерчатая куртка со множеством накладных карманов и широкими загнутыми манжетами. Ночной гость носил кожаные короткие, чуть ниже колен, штаны. Из заплечных ножен торчала рукоять кинжала, еще два ножа висели на поясе. Но человек не воспользовался оружием.

Он привел его с собой.

Следом за мужчиной, фыркая на огонь и поджимая лапы, поднимались по ступенькам четыре болотных кота. В молодости полковник хаживал с подобными зверюгами в патрули;

они слушались, пока их досыта кормили, но даже тот, кто кидал им мясо, не рисковал поворачиваться спиной. А таких здоровых полковник и не встречал...

Коты равнодушно оглядели солдат и принялись вылизывать шерсть. Чужак перешагнул через груду оружия на полу, бросил косой взгляд на вжавшихся в стену бойцов.

— Здравствуй, госпожа.

— Здравствуй и ты, Кузнец.

— Я рад, что ты выздоровела.

— Мы тоже не верили, что ты жив.

Коваль обошел Арину и направился к плотной группе людей, собравшихся у черного выхода. Мужчины отважно прикрывали спинами женщин. Огромные кошки закончили туалет и припустили вслед за хозяином. В толпе раздались сдавленные крики, одна из старух забилась в истерике. Коваль подошел вплотную; мужчины прятали лица. Но не все. Тоненький рыжеволосый юноша лет семнадцати стоял чуть в стороне и, глядя с улыбкой на укротителя котов, жевал овсяную лепешку.

— А ты все так же жрешь не переставая? — усмехнулся Артур.— Не ожидал я, что и ты с ними...

— Я с ними и без них. Ты нашел, но ищешь.— Юноша перестал улыбаться и спрятал лепешку в карман.— Смелый, но боишься.

— Что я ищу, Христофор?

— Нашел правду — потерял закон. Нашел закон — потерял правду.

— Тут ты прав, дружище... Где он, Арина? — не оборачиваясь, спросил Артур.

— Оставь отца в покое, прошу тебя!

Арина Рубенс слишком резко шагнула вперед; коты разом выгнули спины и оскалили зубы. Одного сжатия челюстей хватило бы, чтобы перекусить мужскую лодыжку. Полковник лихорадочно вспоминал все забытые в детстве молитвы. Две женщины истерически завизжали.

— Где он? — повторил Артур, осаживая хищников взглядом.— Тот, кто посылает людей на смерть, и сам не должен быть трусом...

— Это правда, а не закон,— тихо вставил Христофор.

— Согласен,— кивнул Артур.

— У него больное сердце... — Арина боялась сделать шаг. Напротив нее сидел кот, облизывал лапу и тер себя между ушами. Полосатая голова мутанта находилась на уровне ее пояса.— Тебе же не он нужен, правда, Кузнец?

Старшина охраны оглянулся. Огонь достиг верхней площадки и в бешеном темпе пожирал коридоры. Один за другим плавились и разлетались плафоны ламп, апельсиновой кожурой свернулась краска на стенах, разом вспыхнули несколько картин в дорогих рамах. Закрывая лица руками, пятились уцелевшие солдаты; под ногами у них чадил утеплитель и горели два слоя досок. Артур и кошки очутились как бы в окружении: слева дюжина безоружных бойцов, справа — два десятка гражданских.

— Кто из них твой муж? Этот?

Артур поймал перестрелку их взглядов. Арина тщательно скрывала растущую панику. На секунду он даже позавидовал дочери Рубенса. Она искренне любила мужа и боялась за него. Напротив Коваля, понурившись, стоял яркий, красивый парень с тонкими усиками на подвижном лице. В его физиономии без труда угадывались черты папаши, даже усы он отпустил из фамильной гордости. Парень изо всех сил старался сохранить горделивую осанку, но это у него неважно получалось.

Одна из кошек подошла и потерлась Ковалю о бедро. Он потрепал хищника по кисточке на ухе. Секундой позже в толпе произошло какое-то быстрое движение. Артур мгновенно присел, и короткая стрела воткнулась в дверной косяк. Один из бойцов за спиной Коваля сдавленно крикнул и упал, суча ногами.

— Нет! — крикнула Арина.

Женщины с визгом подались в стороны. Кошка зашипела и намеревалась рвануться вперед, но Коваль ухватил ее за загривок. Его правая ладонь уже снова была пустая.

На полу с клинком в глазу корчился один из родственников правителя. Возле него валялся маленький разряженный арбалет.

— Ты и ты! — приказал Артур, безошибочно определяя носителей угрозы.— Две секунды разоружиться!

И обернулся к солдатам за спиной. Боец, что не выкинул револьвер, тоже был мертв.

— Я же просила тебя! — Арина готова была вцепиться полковнику в волосы. Тот отступал от нее, белый как мел.

— Полковник! — Артур поманил старика в погонах.— Кто среди этих людей занимает посты в правительстве? Ты видел, что я не люблю, когда меня обманывают. Быстро, иначе по твоей милости погибнут невиновные!

— Кошки устали,— вдруг не к месту вымолвил Христофор. Впервые, насколько Артур его помнил, юный оракул выдал нечто неоспоримое. И он был прав. Коты все тяжелее удерживались в подчинении, они боялись огня, боялись людей и отвратительно чувствовали себя среди здешних запахов.

— Еще как устали! — согласился Коваль.— Я жду, полковник!

— Не надо! — подался вперед муж Арины.— Я занимаю пост Старшины топливной палаты. Мой брат,— он кивнул на соседа,— Старшина дорожников. Еще здесь наш племянник, Георгий, он начальник подземки. Больше никого. Остальные ни в чем не замешаны. Это просто наши семьи. Можешь убить нас, но отпусти детей.— Артуру показалось, что сын губернатора был почти горд тем, что проявил отвагу на глазах у жены.

— Полковник! Скомандуй солдатам, пусть выводят людей через черный ход. Там внизу, в гараже, сидит кошка, но вас не тронет. Я ей скажу. И всех переправьте к Думе. Если посмеешь меня ослушаться, люди погибнут! А вы, родные, останьтесь!

Коваль чувствовал жуткую усталость. Самым сложным оказалось не привлечь к боевым действиям котов, а вывести из боя и отправить вплавь на тот берег тысячу собак. Он до сих пор чуял боль их ран и неугасший боевой настрой.

— Я никуда не пойду! — заявила Арина, прижимаясь к мужу.

— Как угодно! — Коваль не настаивал. Ему попался на глаза жующий Христофор.— Ты, я смотрю, тоже не торопишься?..

Старый усатый человек с выпученными глазами лежал на высокой кровати и действительно выглядел очень больным. Но Коваль очень быстро определил, что губернатора сегодня, как назло, посетил один из обычных ночных приступов, о которых никто, кроме ближнего окружения, не догадывался. Через часок все войдет в норму, думал Артур, разглядывая новоявленного тирана. Такие вот сморщенные глисты, несмотря на больное сердце и прочие пробоины, доживают обычно до глубокого маразма...

— Берите его на руки! — скомандовал Коваль.— И галопом вниз. Если, не дай бог, у кого-нибудь появится идея ткнуть меня в спину, лучше заколите себя сами. Всем понятно?

— Куда мы едем? — готовясь к смерти, спросил кто-то из сыновей.

Артур, собираясь в поход на резиденцию городского главы, позаимствовал в губернаторском гараже приличную карету. Моторному транспорту он доверял все меньше.

— Мы едем в Думу. Там подождем остальных.

— Что ты задумал, Кузнец? — Арина Рубенс сверлила его глазами.— Тебе ведь не мы нужны?

— Где он, Арина?

Копыта коней отбивали дробь по ночным мостовым. За кучера сидел Христофор. В городе, судя по всему, заметили пожар. Сразу в нескольких местах колотили в рельсы, звенели колокола. Навстречу пронеслось несколько экипажей, набитых людьми с баграми и прочим пожарным инструментом.

— Он за городом, со своими «безликими». Собирался на запад, в сторону Нарвы, но я не уверена... Никто не знает, где он.

— Ты позовешь его сюда.

Арина переглянулась с мужем.

— Ты боишься его, дочь Рубенса? Я запомнил тебя совсем другой. Что они сделали с тобой, девочка?

Арина смотрела в окно; губы ее кривились:

— Не сомневайся, Кузнец. К нему уже поехали и без меня!

— А ты, родимый, стало быть, топливом командуешь? — переключился Артур на губернаторского сынка.— Ты, наверное, инженер?

— Нет... — потупился тот.

— Через твою палату идет в Питер вся нефть, уголь, торф, да? И дерево тоже?

— Только то дерево, что на растопку...

— Замечательно! Это твои бойцы вешают замерзающих зимой людей за срубленную елку?

— Артур, я прошу тебя, прекрати! — взмолилась Арина.

Ее супруг покрылся пунцовыми пятнами, прочие родственнички помалкивали. Губернатор, завернутый в одеяла, тихо стонал позади. Карета, подпрыгивая на ухабах, въехала на мост.

— А ты помолчи! — бросил Артур.

— Не я пишу законы! — пытался оправдываться «нефтяной король».

— Сколько тебе лет, парень?

— Двадцать семь...

— Ты учился у книжников?

— Нет...

— Ты разбираешься в том, как нефть перегнать на бензин? Ты хоть знаешь, что можно купить на те медяки, что вы платите за торф и уголь? Ты осведомлен, сколько топлива в сезон потребляет город?

— Нет, нет, нет...

— Ты запретил малым артелям продавать лес кому они хотят? Ты знаешь, сколько народу ваша сраная лавочка пустила по миру?

— Я только исполнял! — Парень чуть не плакал.— Я делал, как решала Дума...

— Но ты же понимал, что душишь малых собственников? Ты оглох? Я тебя спрашиваю, говнюк! Ты понимал, что разоряешь людей?

— Легко спросить о правде. Нелегко спросить о законе,— прокомментировал с облучка жующий Христофор.

— Павел, будь мужчиной! — прикрикнула на мужа Арина.— Что ты воешь, как баба?!

— Я... я понимал... — выдавил наконец третий сын губернатора.— Но так было лучше для города. Я старался для всех, я верил отцу и выполнял решения Думы. С них и спрашивай, откуда такие указы...

— Мне ваша коллективная порука вот где! — Артур провел ногтем по горлу.— Это болезнь! Во всей стране не найти человека, который готов отвечать за воровство! Ничего, я вас заставлю...

Два кота, которых он взял с собой в экипаж, норовили ухватить кого-нибудь за пятку. Несчастные собеседники Артура то и дело поджимали ноги.

— Так, теперь ты! — Коваль повернулся к Арине.— Меня всегда интересовало, милочка, что чувствуют жены бандитов. Расскажи-ка мне!

— Павел не бандит!

— А кто бандит? Тот, кто грабит прохожих на большой дороге?! — Коваль схватил женщину за плечо.— Может, и так, а может, у мальчишки с большой дороги просто не было отца, чтобы накормить и всыпать по заднице! Он, конечно, не прав,

но он всего лишь мелкий пакостник по сравнению с твоим свекром. А у твоего Павлика все есть, и папа, и мама. И сытое детство, и слуги, и охрана. Все, что надо, хоть обожрись! Но это не мешает вашей веселой семейке грабить народ!

Вот я и спрашиваю тебя, Арина Рубенс. У тебя отросла вторая задница?! Зачем лично тебе две спальни и еще пять комнат? Твой отец никогда не спал на двух кроватях. Слушай, больше ста мелких артелей и общин посылают в город людей на заработки. Потому что им не прокормиться. И что творят твой Павлик с братьями и папашей? Они платят работягам медяками, которые невозможно обменять на серебро. А музейщиков вы заставили гнать самогон и поставили кабаки по всем дорогам. И эти самые нищие общинники, заработав в Питере копейки, тут же сливают их в ваших кабаках.

Что ты мне скажешь, дочь Рубенса? Когда-то я думал, что меня предал Качальщикам твой отец. Потом я был ему благодарен. Ты предала отца, ты подняла бунт против него и уничтожила лучших людей, самых преданных Эрмитажу... Почему ты молчишь, Арина? Ты сама выбрала этот путь, в отличие от муженька, тебе не приказывала Дума. Я спрашиваю, как тебе спится ночами, жена?..

— Ты убьешь нас? — глухо ответила она.

— Следовало бы вас судить. И вас, и всех остальных начальничков...

— Ты хочешь бунта, Кузнец?! Ты будешь доволен, если пьяная толпа растерзает нас и разграбит казну?

— Поэтому суда не будет... — вздохнул Артур.— Не доросли вы еще до этого. А может, и не дорастете никогда. Слушай меня, дочь Красной луны. Сейчас мы приедем в Думу, твой муж пошлет гонцов ко всем старшинам палат и ко всем выборным кивалам. И ко всем начальникам застав, чтобы сняли патрули и привели личный состав на площадь. Когда все соберутся, ты сообщишь людям три новости. Ты скажешь, что губернатор очень болен и не может руководить городом. Он уезжает в деревню на долгое лечение.

Ты скажешь, что соборник Карин задумал убить всех старейшин и семью губернатора. Для этого он поджег дворец и натравил псов. Всех вас спас Артур Кузнец, он заставил псов отступить и держит их в своей власти... И Артура Кузнеца губернатор назначает, вместо себя, командовать городом.

— Но мне никто не поверит!

— Поверят, когда увидят собак. Були ждут нас в подвалах Думы. Дума единогласно проголосует за нового губернатора. После этого я отпущу заседателей и назначу новых старшин палат. И последнее, что ты скажешь. Всех командиров патрулей, начальников малых гарнизонов, что квартируют в городе, ты пригласишь в здание. Там с ними поговорю я. Кто откажется сдать оружие, будет убит на месте.

— А что будет с нами?

— Разве я не сказал? Поскольку мне не собрать честный суд, вы все отправитесь в одно прелестную деревушку на Урале. Там вас быстро перевоспитают. Сколько всего старшин? Человек тридцать? Значит, с семьями наберется сотня. Там прекрасный воздух, грибы, рыбалка. Лет за десять окрепнете, заодно вспомните, как работать в поле.

— На Урал?! Мы погибнем в дороге...

— Ты забыла, как водить караваны, детка? Не трусь, караван будут сопровождать твои старые друзья. Не забыла еще братишек Абашидзе?

— Серго?! Ты врешь, чертов колдун! — Арина уже не сдерживалась, орала во весь голос.— Он сбежал к моему отчиму и наверняка сгинул среди озерников!

— А вот тут промашка вышла! — широко улыбнулся Коваль.— Я отыскал и Серго, и Руслана. Руслану найдется о чем с тобой поговорить в пути. А чтобы у вас не возникло желания повернуть с полдороги назад, я придам ему в помощь сотню-другую булей.

— Они сожрут нас!

— Будете вести себя тихо — не сожрут. Под Новгородом караван встретит один улыбчивый дяденька, кстати, самый настоящий Качальщик, давний знакомый твоего отчима. Со всеми жалобами на собак до конца путешествия будете обращаться к нему...

— Но ты же один, Кузнец! — опомнилась Арина.— Как ты один заставишь нас уехать? У Павла сотни преданных солдат...

— Уже нет, госпожа. Сегодня ночью предатель Карин послал булей в Михайловский замок и Серый дом. У вас больше нет солдат. Разве что пограничные гарнизоны, которые уже завтра присягнут новому губернатору. Но у меня имеется неплохая личная стража. Двадцать штыков под командой Серго Абашидзе.

Арина и трое мужчин выглядели абсолютно раздавленными.

— И когда... Когда ты хочешь нас выселить?

— Сразу после того как распущу Думу. Фургоны уже готовы.

Артур отдал проголодавшейся кошке последний кусок мяса.

— Так вот чего ты добивался, Кузнец! — глотая слезы, злобно прошипела Арина.— Кричал о справедливости, а сам незаконно мечтаешь захватить власть?! Чего тебе не хватает? Ты мог бы все иметь и так! А теперь берегись. Каждую минуту ты будешь ждать пули в спину...

— Хотел правды, получит закон! — звонко расхохотался Христофор. Юнец обернулся, и Коваль увидел, что глаза его оставались очень грустными.— Сам теперь станешь законом — потеряешь правду...

— Я об этом догадываюсь, дружище... — почесал затылок Артур.— Этим всегда и заканчивается. Но я попытаюсь удержаться, честное слово, попытаюсь...

Глава сорок первая

Десять лет спустя

— Ты так и не поймал соборника, папа?

— Нет, сынок. Никто не знает, куда он сбежал.

— А вдруг это он подсылал к тебе убийц в прошлом году?

— Нет, сынок. Это были наши, питерские, соборники. Не бойся, Серго всех переловил.

— Их повесили, папа?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты говорил, что мы никогда не должны врать друг другу, так?

— Да, сынок. В противном случае мы потеряем уважение и дружбу.

— Я слышал, как дядя Христофор говорил с какой-то женщиной. Она сказала, что губернатор Кузнец повесил шестерых невиновных. Что только трое сговаривались отравить тебя... Это правда, отец?

— Я доверяю Серго. Он спасал меня от трех покушений.

— Ты говорил, что, если человек не хочет врать другу, он должен сказать, что не будет отвечать на вопрос. Ты не хочешь мне ответить, папа?

— Я отвечу тебе. За последние годы погибло много людей, чья вина не заслуживала смерти. Не шестеро, а намного больше.

— Почему все так? Старшина книжников, когда ведет у нас уроки права, говорит, что в Петербурге правит диктатор. Это плохое слово, да? Он называл тебя плохим словом?

— Ах, Лева! Болтает при детях всякую чушь... Книжник прав, сынок. Но тут ничего не поделаешь. Слово не очень хорошее, но иначе никак. Не получается жить так, чтобы все были довольны. Кто-то страдает. Представь себе, дружище, что соборникам удалось бы отравить и меня, и Серго. Зато те шестеро, которых считают невиновными, остались бы жить. Так тебе больше нравится?

— Мама говорит, нельзя накликать беду! Не говори так... Я бы тогда отомстил за тебя.

— Вот видишь. Ты начал бы войну, и погибли бы сотни. Это тяжелый выбор, сын. Постарайся пока не думать об этом. Скажи лучше: тебе нравится здесь?

— Я соскучился по маме и по деревне.

— Тебе не нравится учиться?

— Нравится... Папа, Христофор сказал, что ты приказал книжникам летом открыть этот... университет. И что он будет не здесь, а в общине. А меня возьмут туда?

— Да, он будет в общине. Ты же знаешь, что Хранители не могут жить в городе. Они согласились учить только там. Но не я буду решать, возьмут ли тебя. Поедут лучшие.

— Но папа, ты же можешь приказать!..

— Ну-ка тихо! Ты что-то сказал?

— Нет... Я случайно. Тебе послышалось.

— Прекрасно. Будем считать, что мне послышалось. Мама скоро приедет. А потом на все лето вы с братом улетите учиться к дяде Бердеру. Пока меня нет, ты старший в семье, отвечаешь за сестру и младших братьев.

— Ты опять уезжаешь?..

— Ненадолго.— Артур поднялся и кивнул охране. Он смотрел через окно, как за подростком захлопнулась дверь броневика, и четверо дюжих сержантов в форме губернаторской

гвардии поскакали вслед отъехавшей машине. И так будет всегда, подумал он. Либо тихая жизнь в лесу, либо вечный бой.

— Старшины собрались, господин.— Секретарь держал под мышкой папку с бумагами и несгораемый сундучок с большой губернаторской печатью.

— Уже иду... — Коваль поднял руки, давая возможность двум желтым дикаркам застегнуть на нем латы. Двойняшек привезли в город в пятилетнем возрасте, обе были преданы и покорны, но так и не выучились нормально говорить.— Как дела у деда, Миша? Помогли лекарства?

— Ему лучше, господин.— Юноша отвесил короткий поклон.— Он благодарит тебя за приглашение и за все, что ты сделал для семьи Рубенс, но вряд ли покинет озеро. Он говорит, что его сердце не переживет возвращения в Эрмитаж...

— Когда поедешь на озеро, передай деду, что его всегда ждет здесь стол и кров.

— Спасибо, господин...

У выхода из кабинета двое гвардейцев взяли на караул. Еще двое, сверкая полковничьими погонами, встали по бокам, готовясь сопровождать губернатора в Большой круг. Артур машинально кивнул и уже сделал шаг, когда заметил у одного из караульных плохо вычищенное оружие и небритые щеки.

— Представься, солдат.

— Рядовой Иван Оглобля! Второй взвод первой роты гвардейских клинков! — выпучив глаза, отрапортовал солдат.— Командир роты — капитан Людовик Четырнадцатый!..

— Не ори так... — поморщился губернатор.— Ты не хочешь служить в гвардии, солдат?

— Никак нет, хочу, господин!

— Ты не хочешь учиться в академии и стать офицером? Ты хочешь возить навоз?

— Никак нет... — Солдат был готов расплакаться и в ужасе переводил взгляд с губернатора на полковника.— Хочу служить, господин!

— От тебя на посту разит брагой. Грязное оружие. Всю ночь перед заступлением пил? Отвечать!

— Да...

— Как тебя учили отвечать, солдат?

— Так точно! — У бойца по вискам струился пот. Остальные военные прекратили дышать. Молодой Рубенс превратился в статую.

— Полковник! — повернулся губернатор к офицеру эскорта.— Прими у этого солдата оружие. Пусть отправляется в казарму, приведет себя в порядок. Офицера, который сегодня принимал заступающую смену, разжаловать в рядовые и отправить в Петрозаводский гарнизон. С правом выслуги. Через полчаса жду готовый приказ на подпись. В шестнадцать часов доложишь мне об исполнении.

— Слушаюсь! — вытянулся Даляр.

— Людовик ведь у тебя в подчинении? — вполголоса спросил Артур, когда они спускались по лестнице.

— Так точно, командир.

— Насколько я помню, у него два взыскания за год? Накажи его своей властью. Это будет третье, последнее, взыскание. Передай ему, что я никогда не забуду, как он поручился за меня на полевом Совете, но погоны рядового я ему обещаю!

— Будет сделано, командир.

Две дюжины мужчин, сидевших в приемной, вскочили при приближении губернатора. Коваль заметил в толпе двух женщин со старшинскими бляхами, подошел к ним первый, пожал руки. Михаил Рубенс открыл папку и откашлялся.

— Недельный отчет префекта Петроградского района.

Коваль слушал хорошо поставленный баритон старшего сына мамы Кэт, одобрительно кивал, когда речь шла о новых газовых фонарях, об успешном лицензировании извозчиков, о перевыполнении налогового плана по малому бизнесу. Он слушал и вспоминал, как четыре года назад другой сын бывшей хозяйки Петроградской стороны пытался принять участие в покушении на губернатора... Правда, остальные члены семьи сами пришли с повинной и сразу отмежевались от опасного родственничка, и все-таки... Заговорщиков казнили. Возможно, следовало бы всех неблагодарных детишек мамы Кэт сослать...

— Я правильно понял, префект? Наши ссуды ковбоям на открытие торговых лавок оправдались?

— Верно, господин! На двадцать три выданные ссуды пять не вернули. Разорились. Но налоги остальных перекрыли убыток во много раз. И цены на рынках упали...

Следующим был доклад мэра Выборга. Три вопроса. Многие ковбои не хотят отпускать детей в городскую школу, возражают против обучения грамоте. Кричат, что не позволят своим отпрыскам сидеть за партой вместе с детьми дикарей.

— Передашь списки зачинщиков генералу Абашидзе. Старшина книжников! — Коваль обернулся к Леве.— Свяжись с директором тамошней школы, пусть представит пятерых лучших учеников к награде. Родителям каждого — по пять рублей золотом...

— Будет сделано, господин.

Второй вопрос касался закладки рыбачьей флотилии. Третья проблема Коваля позабавила. Финны возражали против пограничных поборов с их караванов, что ходили в глубь России. Не желая платить, обходили заставу лесными тропами.

— Генерал!

— Слушаю, командир!

Серго облысел, растолстел, но зато его горб стал почти незаметен, а в черных глазах таилось прежнее веселое бешенство. Он, как и прежде, был готов по приказу хозяина на месте зарезать любого ослушника. Охотнее всего Серго бы зарезал Арину Рубенс, но до нее было далеко. Если Даляр командовал личной гвардией, а Руслан Абашидзе возглавлял городской гарнизон и на пару с Бердером военную академию, то на Серго лежала самая грязная работа — управление всеми пограничными войсками. Губернатор за успешное подчинение Пскова пожаловал генералу здание Пулковской обсерватории и прилегающие охотничьи угодья.

— Генерал, к моему возвращению подготовь предложения по укреплению дороги. А пока что забери арестантов, что сажают лес, пусть роют канавы вдоль трассы на три дня пути. И ни одно дерево чтоб не срубили! Выкапывать и пересаживать, ясно?

— Так точно, командир!

— Михаил, сочинишь сегодня для финнов бумагу, пусть толмач переведет, а я до отъезда поставлю подпись! Напиши: хоть одна повозка пройдет дальше Выборга без нашей гербовой бумаги — мы от их Лапеенранты камня на камне не оставим! Только вежливо напиши, понял?

— Будет сделано.

Серго довольно щурился.

Потом заслушали доклад старшины лекарской палаты мамы Роны о вспышках черной язвы под Сертолово и нуждах Медицинского института, что праздновал свою трехлетнюю годовщину. Затем выступал начальник Счетной палаты. Речь шла о зарубежных спецах, нанятых для организации первой биржи. Дело шло крайне туго; если у германцев и шведов уже появились в свободной продаже акции, то в Питере никто не желал вкладывать кровные накопления даже в первую государственную железную дорогу.

— Еще вопрос, господин... Те два чешских инженера, которых мы выписали для запуска стекольной фабрики. Они подали прошение. Говорят, что за двадцать рублей золотом в месяц готовы остаться и открыть свои цеха. Но это грабеж, господин!

— Где старшина Промышленной палаты? Передай им наши предложения. Цена нас устраивает. Контракт с каждым на пять лет при условии, что, кроме цехов, откроют стеклодувную школу. За каждого готового мастера получат отдельно по пять рублей золотом. Если нет, пусть убираются. Найдем других...

— Будет сделано.

— Что еще по Счетной палате?

— Проблема с паспортами, господин. После того как Большой круг принял закон о защите граждан, мы не справляемся с очередью. В Гатчине скопилось семнадцать тысяч человек, желающих осесть в Петербурге. Люди едут даже из Сибири и Крыма, господин. Они откуда-то узнают о ссудах и пенсиях!

— И что плохого? Мы этого и добивались. Или у нас не хватит на пенсии старикам?

— На пенсии хватит, но художники не успевают рисовать портреты к паспортам! И еще возникли беспорядки среди тех, кого мы уже пустили в город. Избили несколько клерков и полицейских! Некоторые беженцы не хотят заселяться согласно ордерам Жилищной палаты. Они привыкли жить общинами, господин!

— Серго! — Ковалю было достаточно обменяться с генералом одним взглядом.— Зачинщиков в тюрьму! Их семьи выселить из города. Судебной палате — в субботу назначить публичный суд, чтобы весь город знал...

— Будет сделано, господин.

К трем часам дня совещание закончилось, и губернатор позволил себе ненадолго расслабиться в ванной. Мускулистая рос-

лая женщина из клана озерных колдунов растворила в хвойной пене несколько капель из разноцветных флаконов. Затем она намазала ладони бодрящей мазью и принялась втирать снадобье в плечи и спину хозяина. Коваль откинулся в целебном пару и сквозь потеки воды на огромном стенном зеркале разглядывал свою распаренную физиономию. На висках волосы полностью поседели, лоб покрыт морщинами и старыми шрамами. Два шрама от укусов на левой щеке, на шее — след стрелы, в ключице — вмятина от кинжала... Вроде бы он ничего важного не упустил, хотя все упомнить практически нереально...

Когда Артур поднялся в висячий сад, грузчики закончили паковать вещи. Старшина книжников лично проверял баулы, Даляр ковырялся с оружием. Два правнука Мальвины, сопя и игриво покусывая друг друга, топтались возле кормушки. Белобрысый мальчишка, внук Качальщика Семена, подсыпал драконам в мясо лечебную зелень. Как и прежде, с крылатыми не боялись общаться только дети и внуки Хранителей.

В нынешнем году в городскую школу привезли уже сорокового ребенка из родившихся в деревнях. Всякий раз отбивать шестилетних детей у родителей Ковалю приходилось с боем. Как ни странно, он получил неожиданную поддержку от Хранительницы Книги. Исключительно благодаря маме Рите удалось убедить Качальщиков отпускать детей каждые полгода в город. Теперь малышей привозили из тринадцати лесных общин, даже с Дальнего Востока. Маленьких хранителей охраняли надежнее, чем городскую казну. Ради них Артур перевел школу в Эрмитаж, а детишкам под интернат отдал четыре зала на своем этаже. После того как музейщиков расселили в обычные жилые дома, Зимний впервые за сотню лет непривычно опустел...

Прохор Второй практически отошел от дел, команду генетиков возглавляла теперь внучка Анны. Новые модели драконов были значительно совершеннее прежних. Грузоподъемность до шестисот килограмм, дальность беспосадочного полета достигла пятисот километров. На спинах могли умещаться четверо наездников, не считая груза. Отвечая своим детским сказочным представлениям, Анна Третья перекрасила чешую змеев в золото и нежную сирень. Десятиметровые молочно-белые крылья ради безопасности персонала стягивали

крепкие веревки. В узком пространстве двора, начав разминаться, драконы могли запросто зашибить человека.

— Куда сначала, Артур? Ты решил? — Книжник расстелил карту Европы.

— Сначала в Париж.

— Что мы будем делать, если ты их разбудишь, а они сбегут, как и те, что предали тебя в Москве?

— Не знаю, Лева. Возможно, нам придется забрать их силой. Надеюсь, что они понимают английский.

— Опять силой, Артур. Ты стал решать все вопросы силой.

— Я знаю, Лева.

— Они ведь люди, а не дикари. Они инженеры. Ты не представляешь, как я волнуюсь. Мне даже не верится, что я доживу до того момента, как увижу других Проснувшихся. А ты говоришь о силе...

— Поругай меня еще, Лева. Мне так не хватает этого...

— Я слишком стар, чтобы тебя ругать.

— Ну, пожалуйста. Существуют лишь двое, кто меня ругает,— ты и Надя. Бердер не понимает, Исмаил тоже...

— Они живут в лесу, им нет дела до города, Кузнец.— Лев уложил бинокль, компас, застегнул последний кармашек и передал баул солдатам. Парни закинули широкие лямки на спину змею и, упираясь ногами, затянули упряжь вокруг мощного туловища.— Тебя, Артур, нынче многие не понимают. Ты пытаешься навязать людям вещи, привычные до Большой смерти...

— Я стараюсь возродить цивилизацию.

— Когда-то ты говорил мне, что Дума — это цивилизация. За десять лет ты четырежды обещал мне собрать Думу, но свободных выборов так и нет...

— Мы назначим выборы, как только я буду уверен, что не пострадают дети Хранителей и дикарей. Как только я буду уверен, что Судебная палата прекратит путаться в кодексах. Как только я буду уверен, что люди выберут самых умных, а не самых горластых. И главное — пока не разбогатеют частники...

— В таком случае до выборов мы не доживем... Как, по-твоему, люди выберут лучших, если ты разогнал коммуны? Теперь все живут раздельно! Жилищная палата перетасовала весь город...

— Зато не стало организованных бунтов.

— Ты захватил власть благодаря колдовству Тех, кто раскачивает, благодаря псам и крылатым змеям. Когда ты уйдешь, Качальщики могут не поддержать нового губернатора.

— Теперь есть гвардия, трибунал и тайная стража. Они не дадут развалить государство.

— Это как раз то, за что ты ненавидел прежнего губернатора.

— Между прочим, старый хрыч до сих пор жив. Он на деревенских харчах еще нас переживет! Хочешь, я верну его в Питер? Спорим, его через час прирежут?

— А тебя? Сколько раз тебя хотели убить? Сколько офицеров, которым ты пожаловал звание и землю, погибли, прикрывая тебя? А после того как застрелили Чарли Рокотова, никто из нас, старшин Большого круга, не выходит без охраны. Даже в меня стреляли дважды, в книжника! Я провел в Эрмитаже пятьдесят лет, ходил с караванами и никого не боялся!

Раньше вора можно было повесить на первом суку, мы боялись чингисов и зверей, но коммуны не дрались между собой. Теперь на правом берегу промышляют тысячи пришлых. Тебя могут ограбить среди бела дня, но губернатор запретил ношение оружия. Попробуй застрели грабителя, сам угодишь в каземат! Владельцы лавок нанимают свободных полицейских, чтобы спокойно спать ночью. Когда прекратится эта бойня, которую ты называешь государством? Зачем нам в Питере эта безработная нищета?

— Государство не строится за десять лет... А чего хочешь ты, Лева?

— Люди тянутся к общине, а ты их насильно разделяешь. Люди привыкли работать артелью, но им запрещают. Общины сами разбирались с бездельниками и бандитами. Без всякой полиции... А ты хочешь сделать, как у немца? Чтобы каждый богатый мастеровой отгородился от соседей забором и даже за ученичество брал бы плату?..

— Левушка, я расскажу тебе одну историю... В России до Большой смерти жил один правитель. Его тоже окружали книжники и призывали его собрать честную Думу. Он собрал Думу, а потом старейшины взбунтовались, и правитель расстрелял Думу из пушек. Знаешь, почему начался бунт?! Потому что в стране не было богатых мастеровых, Лева! Когда в Питере будет не сотня нищих артелей, а десять тысяч богатых мастеровых, я соберу Думу и распущу трибуналы...

— Командир, все готово! — По команде Даляра во дворе построились остальные члены экипажей. Все шестеро увешались рюкзаками, точно заправские десантники.

— Ну, с богом!

Губернатор подсадил книжника на спину дракону, сам опустил ноги в седельные «штаны». Восемь человек натянули меховые шапки и очки, намазали лица жиром. Маленький Качальщик распустил узлы на стягивающих крылья канатах. Солдаты ослабили болты, сняли с задних лап драконов тяжелые железные цепи.

— Па-берегись!

Двор моментально очистился от людей. Остался только мальчик. Он улыбнулся губернатору, безбоязненно пробрался к кормушке и расстегнул намордники.

— Прощай, Бердер! Учись хорошо!

— Прощай, господин Клинок! Мир твоим дням...

Змей потянулся, пробуя ноздрями ветер.

— Господин! — Придерживая папку, к Артуру бежал секретарь.

— Ну, что еще?

— Прости, я совсем забыл... — Михаил задыхался от бега по лестницам.— Насчет твоих портретов! Главный художник подал прошение Малому кругу. Он запустил типографскую машину и просит разрешения отпечатать сотню портретов губернатора. Префекты поддерживают...

— Охо-хо! — выразительно прокряхтел из своего седла книжник.

— Нашел ты время! — скривился губернатор.— На кой черт им сотня?

— Генерал Абашидзе и настоятель Лавры тоже просили. Люди хотят молиться за твое здоровье...

Дракон задрал голову к небу и заворчал, возбужденно подергивая кончиком хвоста. Солнце прошло уже большую часть пути, и колодец двора погружался в тень. Если не будет сильного ветра, подумал Коваль, то заночуем в Витебске. К вечеру будем возле Варшавы, у местных Хранителей, а там и до Парижа рукой подать...

— Ладно, шут с вами! — притворно нахмурился губернатор.— Здоровье не купишь. Пусть печатает. Передай художнику: если я буду на себя не похож, он лично от руки нарисует еще двести штук. Лишними не будут!

Братство Креста

Часть первая

МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ

Глава первая

Конец мирных дней

Мама Рита умирала.

Хранительница Книги бодро покрикивала на писцов, по шороху шагов и дыханию опознавала соплеменников, держала в памяти события вековой давности. За последние два года, что Артур не был в северной деревне, мама Рита старела незаметно. Старалась не горбиться, держалась удивительно прямо, и приказания ее выполнялись, как и прежде, беспрекословно.

Но кое-что изменилось. Коваль сразу заметил, какими усилиями дается Хранительнице каждое слово. Она почти не вставала с кровати, куталась в длинную волчью шубу, а ноги держала в шайке с горячим ароматическим настоем. В избе, несмотря на жаркую погоду, было натоплено, и одна из девушек периодически подливала в шайку горячей воды.

А сегодня оказалась занята обычно пустовавшая лавка справа. Место преемника на посту у главной святыни.

Вплотную к старухе, зарывшись в ворох тетрадей, восседала старая уральская знакомая, Анна Первая.

Раньше Артур полагал, что заменить маму Риту может только женщина из северного племени, но теперь убедился, что некоторые правила Качальщиков так и остались ему непонятны.

— Мир дням твоим, Хранительница!

— Мир дням твоим, Клинок. У тебя хриплый голос. Ты болен?

— Нет, мама. Немного устал с дороги,— при воспоминании о последней неделе путешествия Коваля передернуло.

— Спасибо, что услышал мою просьбу...

— Хранительница ждала тебя два дня назад,— сухо заметила Анна.

«Со сменщицей будет тяжеловато»,— подумал Артур, но сказать ничего не успел, потому что встрял Бердер:

— Это моя вина, мама Анна! Я получил голубя, и встречал Клинка на свежем змее, но под Витебском два дня бушевала сильная гроза. Опасно подниматься в воздух при таком ветре и молниях.

Старая Хранительница успокаивающе подняла сухую, перевитую венами руку, и Коваль заметил, как утомлена женщина коротким разговором. Наверняка мама Рита держалась исключительно на травах и притираниях. «Ей, должно быть, не меньше девяноста лет»,— прикинул Артур...

— Не будем спорить,— Хранительница обвела слепыми глазами бревенчатые, потемневшие от копоти стены.— Скажи другое, Клинок. Мне известно, что вы провели в западных странах больше месяца. Твой город сможет потерпеть без тебя еще день?

— Твое внимание важнее мелких проблем, госпожа. В городе за меня руководят достойные люди. Я пробуду с тобой столько, сколько потребуется.

— У вас бунтуют люди Полумесяца. Говорят, чернь поджигает их дома. Пока тебя не было, на правом берегу растерзали несколько десятков последователей Лао. Там живут маленькие косоглазые люди, пришедшие с Востока. Их пытаются выжить из города?

— Мои клерки разберутся без меня, госпожа. Они знают, что нужно поступать по справедливости.

— Справедливость? Раньше ты называл так то, что носил в сердце, теперь ты называешь так свитки с казенными правилами.

— Без законов город не сможет существовать.

— Это правда. Однако скажи, почему у вас по реке ежедневно плывут трупы? Вы ни с кем не воюете, ни один город

из Пакта вольных поселений не решится напасть на тебя, но в реке полно трупов, словно идут бои?

— Люди жадные, госпожа. Многие принесли из леса ложные представления о правде.

— Ложные? А откуда ты знаешь, может, это у тебя представления ложные? Вы позволили открыть почти тридцать разных Соборов и молельных домов.

— В мое время это называлось свободой совести.

— Хорошие слова, только почему у вас жгут и режут?

Хранительница явно напустилась не просто так. Коваль понимал, что за внешними наскоками стоит какая-то тревожащая ее мысль, которая пока не озвучена прямо. Следовало догадаться...

— Я готов выслушать и принять твои советы, госпожа. Если ты не предложишь стереть Питер, я буду следовать им. Как и прежде.

Бердер поощрительно шевельнул бровью. Его лучший ученик чтил законы и помнил, кому обязан властью.

— Я рада, что ты не забываешь о справедливости, Клинок,— чуть смягчилась Хранительница.— Любой из нас ошибается, я тоже, в свое время, наделала немало ошибок. Не скрою, когда-то я очень боялась, что ты уйдешь в город и перестанешь заботиться о благе Великого Равновесия... Я рада, что ошибалась. Книга оказалась мудрее всех нас.

Она сглотнула, и девушка из окружения немедленно поднесла старухе ковшик пахучего отвара. Несколько секунд мама Рита не могла отдышаться; все молчали, не смея перебивать старшую. Хранитель Силы и по совместительству ректор Военной академии Бердер ждал, смежив веки. Анна Первая, в белом полотняном балахоне и расшитом платке на плечах, неторопливо перелистывала тетради в кожаных переплетах. Оба писца замерли с перьями наготове; великая Книга Качальщиков прирастала постоянно, туда заносились все разговоры, звучавшие в этой длинной, вросшей в землю, избушке. Туда заносились все новости из ближних и дальних поселений лесного народа, все любопытные события из жизни не «стертых» Качальщиками городков и деревень. Туда заносились загадочные природные явления и важные календарные даты.

Еще одним источником пополнения священной Книги были предсказания Хранителей памяти. Эти чудаки жили обособленно, на Беломорье появлялись редко, но каждый их приход означал настоящую веху в истории. Порой оракулы не удосуживались явиться самолично, они записывали пару фраз на листке или передавали через надежных посланников на словах. Но как бы туманно и запутанно ни звучали предсказания, их немедленно заносили в тетради и исследовали с особым тщанием.

Артур неоднократно читал страницы, покрытые пророчествами Хранителей. Пророчества, которые сами они не могли расшифровать и которые часто походили на наркотический бред. Но когда-то, лет восемьдесят назад, один из отшельников предсказал появление Проснувшегося демона, человека по имени Артур Кузнец...

Артур узнал, что его ждут в Архангельске, едва ступил на крышу Зимнего дворца. Даже не успев толком переодеться и выслушать доклады ближайших подчиненных, он пересел на коня, намереваясь отправиться в путь на север. Но едва добрался до Синявино, где его ждал Бердер, как разыгралась еще одна дикая гроза, и свежий дракон отказался подниматься в небо. Артур лукавил, когда обзывал городские дела «мелкими проблемами»; на него в первые же секунды вывалили целый ушат неприятностей, но ослушаться призыва Качальщиков было невозможно.

Избили кришнаитов и разгромили их палатку на южной ярмарке. Двое убитых.

Серия драк возле отстроенной татарским имамом мечетью.

В реку выпущено несколько мытарей с перерезанными глотками.

Эпидемия гепатита на правом берегу, где селилась голытьба, не желающая работать и подчиняться санитарным правилам...

Но все это можно отложить на потом. Приказ мамы Риты важнее.

Потому что в походе погиб мальчишка, внук старого генетика Семена.

Коваль прекрасно понимал разницу между самой преданной гвардией и магическими животными, вселявшими суеверный ужас в недругов. Когда-то крылатые змеи, выращенные в

дебрях уральского леса стариной Прохором, тигры-альбиносы и голубые псы привели его в Зимний дворец. Но удерживать власть с помощью подарков колдунов становилось все труднее. Чем шире разносилась слава о новой столице, чем богаче становились ярмарки и торговые дома, тем больше появлялось завистников. Звери сыграли свою роль; губернатор Кузнец теперь остро нуждался в преданных людях. Поэтому, завидев по возвращении из Парижа потускневший шпиль Петропавловки, он испытал двойственное чувство.

С одной стороны, радость, оттого что остался жив. После тех кошмарных перипетий, что случились с их маленьким отрядом в Западной Европе, он не вполне верил, что доберется когда-нибудь до родимой земли. Но когда дракон, сражаясь со шквальным боковым ветром, вынырнул из туч, и Артур увидел под собой стальную излучину Невы, заполненную рыбацкими баркасами и змейками понтонов, тягостные мысли уступили место привычным заботам.

Так уж устроен человек. Если думать только о плохом, можно сойти с ума.

Насколько легко дался ему захват города, по сравнению с десятилетней каторгой в губернаторском кресле! Чем больше он успевал одолеть, чем ближе придвигалось то, что можно было с изрядной натяжкой назвать цивилизацией, тем больше вылезало проблем. Он погряз в управленческих интригах, он положил массу сил на то, чтобы город-государство избавился от рабовладения. Мало того, за десять лет ему почти удалось удержать Питер от сползания в феодализм. Но и сейчас, когда, наконец, эти тупоголовые бараны распробовали вкус частной собственности, когда начала подрастать первая буржуазия, Коваль не мог спать спокойно...)

— Все время сушит внутри... — пожаловалась мама Рита.— Я плохо понимаю, что у вас там творится, в городе, но родители говорят, что их дети довольны. Доволен ли ты, Клинок, что принял детей Качальщиков в круг городских? Не будет ли большой вражды?

— Я как раз сейчас об этом вспоминал, госпожа. Не скрою, все очень непросто. Слишком... — Он хотел сказать «слишком разное мировоззрение», но вовремя себя одернул.— Большая разница во взглядах на мир, госпожа. Однако я рад, что ваши

люди понимают мои сложности и понимают важность объединения...

— Об этом я и хотела с тобой поговорить. Ведь кроме детей Качальщиков вы учите и дикарей.

— Они такие же люди, госпожа. Я имею в виду тех умственно здоровых людей, кто одичал после Большой смерти. Их внуки абсолютно нормальны и получат паспорта наравне с остальными.

— Паспорта... — презрительно крякнула Первая Анна.

— И ты не боишься резни? — покачала головой слепая ведьма.— Пока их было мало, ты мог играть в милосердие, но мне сказали, что ты раздаешь землю и принимаешь в охрану даже чингисов.

Бердер приоткрыл левый глаз. При подобных обсуждениях Артур всякий раз чувствовал себя неуютно. Он хорошо знал отношение Качальщиков к дикарям как к дешевой рабочей силе и источнику пополнения низовой охраны. Детей рождалось слишком мало; могущественные лесные колдуны не брезговали работорговлей и не собирались от нее отказываться. Впрочем, так же поступали и горожане. Так поступали почти во всех областях новой России, с которыми город имел сношения.

Почти везде, кроме Петербурга.

Коваль давно для себя решил, что скорее умрет, чем даст развалить то зачаточное буржуазное государство, что зарождалось на Неве. И Бердер, и другие Качальщики, которые обладали широким кругозором, прекрасно сознавали выгоду подобной вольницы. Только за последние три года население питерских окрестностей перевалило за двести тысяч человек, и в подавляющем большинстве это были беглые рабы или крепостные из других областей. Губернатор получал дешевую рабочую силу, рекрутов для воинских формирований и колоссальный рынок сбыта товаров для городских ремесленников.

Но в стократ важнее экономических оказались выгоды политические и военные. Когда в сто тридцать пятом году, после двух лет неурожая в Поволжье, в город хлынули орды голодных переселенцев, Старшины палат предлагали губернатору мобилизовать всех мужчин и любой ценой повернуть беженцев обратно. Он не послушал, хотя паника в городе началась страшная. По свидетельствам дальних дозоров, с юга катилась

настоящая лавина, не меньше сорока тысяч обнищавших, обезумевших людей. Они шли на слух о сказочно сытом северном крае, где власть нарезает пришлым угодья, выдает скот и даже выделяет рабочих для строительства дома. А кто желает учиться или служить, тех ждут вообще заоблачные богатства и почет.

Коваль всячески поощрял раздувание подобных слухов. Той весной он впервые поставил перед Старшинами задачу полномасштабной валютной экспансии. Таких заумных слов соратники не переваривали, но выражение «захват мясного рынка» всем понравилось. Требовалось всего-навсего втрое увеличить производство мяса на продажу и вдвое сбросить цену на ярмарке в Нижнем. С одной маленькой тонкостью — по твердым ценам продавать лишь за золото и серебро питерской чеканки, прочую валюту демонстративно принимать как некачественный лом. Продержавшись сезон, в дальнейшем можно было бы смело диктовать условия на мясном рынке.

Еще более грандиозные планы были у Артура относительно питерских обувщиков и стеклодувов. Единственным, крайне выгодным для Петербурга сектором, где он не мог рассчитывать на успех, оказалась металлургия. На «грязные» производства, Качальщики наложили вечное «вето»...

Поэтому Коваль пошел на отчаянный шаг. Он не пустил голодных в город, но желающим получить надел были выданы ссуды на семена и молодняк скота. Стражники отперли амбары со стратегическим запасом. Дело шло с огромными трениями, вспыхивали драки и пожары, многие новые переселенцы проели и пропили весь первый урожай. Но спустя год весело дымили печки тысяч новых домишек в окрестностях Стрельны и бывшего Ломоносова, а в Нижний вышли первые караваны с демпинговым мясом.

Рынок пал.

Цель была достигнута. Тысячи мелких хозяйчиков средней полосы оказались под угрозой разорения, никто не хотел покупать у них ни птицу, ни свинину. Сотням новоиспеченных фермеров, чьи поля тянулись теперь почти до границы Вечного пожарища, губернатор платил натурой либо медью, а казна в одну осень распухла от золота.

После этого на сцену вышли эмиссары Учетной палаты. Во всех крупных поселках средней полосы пустили слух, что губер-

натор Петербурга предлагает земледельцам помощь в переселении, защиту и гражданство в обмен на пожизненный договор о продаже излишков казне. Те, кто давно жил в окрестностях Питера, хорошо знали, что такое гражданство и паспорт, даже неграмотные. Паспорт с собственным портретом и печатью Большого круга давал право на вечное владение землей, на вырубку леса, на бесплатную школу для детей, а главное — на скромную пенсию и на защиту без дополнительных вымогательств. Пенсия особо привлекала тех, кто не желал трудиться на земле, а предпочитал наниматься на строительные работы.

В Питер, к неудовольствию местечковых князьков, потянулись новые сотни обозов.

Самое смешное, что фермерские хозяйства составили, по сути, живой заслон вокруг респектабельного центра, где патрули Серго Абашидзе поддерживали жесточайший визовый режим. Но вслед за культурными переселенцами, привлеченными кредитами, коллективными праздниками с фейерверком и фантастическим жалованьем гвардейцев, в город поперли и дикари.

Миграция «насекомых» по европейской части страны, как презрительно называл горожан старый знакомый Коваля, Исмаил, Хранителей мало интересовала, но они крайне болезненно переносили уход полудиких племен из леса. Исмаил отдавал должное ловкости губернатора: при колоссальном размахе хозяйственной деятельности Слабых меток вокруг города почти не появлялось, детей Качальщиков сторонились, но не ущемляли в правах, и ни один промышленный гигант не портил воздух.

Нанимая на осушение канав очередную партию «желтых», чингисов и прочую дикую братию, Коваль всякий раз размышлял, насколько хватит терпения у Хранителей. А ведь кроме них, были еще Озерные колдуны,— влиятельная секта, расползшаяся по берегам Ладоги и Чудского озера, с которой тоже приходилось ладить, обмениваться улыбками и вести дела.

Озерные колдуны не меньше Качальщиков были заинтересованы в дармовой «рабочей скотинке», а главное — в новорожденных. После того, как из предместий пропали несколько младенцев и прошел слух, что колдуны обращают под Красной луной самых обычных детей, Артуру пришлось сжечь це-

лую деревню на западном берегу Ладоги. Во время перехода по гнилым болотам пограничники Абашидзе понесли больше потерь, чем в вооруженных стычках с шептунами.

Но жертвы были не напрасны. Вместо затяжной войны, которую предрекали старики, губернатор получил мир. Детей вернули, но Артуру пришлось обещать Качальщикам, что его покровительство не распространится на лесных дикарей...

Хранительницу неверно информировали, взрослых чингисов не принимали в охрану. Военный совет допустил лишь формирование летучих патрулей из головорезов, категорически не приспособленных к труду. Основная масса чингисов довольствовалась теплыми землянками, пайком и киркой. Однако губернатору лишний раз дали понять, что присматривают за каждым его шагом.

— Мы принимаем, госпожа, и будем принимать всех, кто признает законную власть и трудится на общее благо,— в сто первый раз проявил твердость Коваль.

Мама Рита усмехнулась.

— «Общее благо»... Ты неисправим, Проснувшийся. Когда-то ты сказал мне, что ваше вонючее государство тоже кричало о всеобщем благе... И чем все закончилось? Н-да... — Она отпила еще глоток. На сморщенной шее тряслись нитки с оберегами.— С тобой хочу поговорить не только я.

Девушка, подливавшая воду, что-то тихо сказала, просунув голову за ширму. Коваль с самого начала чувствовал, что за тяжелой занавеской, перегораживающей комнату надвое, кто-то есть. Но он давно привык к странностям Качальщиков. Если гости не хотят показаться, значит, так и надо...

Полотнище откинулось, и вышли трое. Первого Коваль сразу узнал. Отшельник Кристиан, валдайский брательник Исмаила. Прочие были незнакомы, но, несомненно, принадлежали к той же породе.

Хранители памяти.

Замкнутая каста, члены которой почти никогда не общались друг с другом и уж тем более не появлялись на людях. Тонкая прослойка мутантов с даром ясновидения, чьи прозрения часто не могли передать внятно даже они сами. Угловатые кряжистые фигуры, длинные седые волосы, заплетенные косичками, и потрясающе крепкие зубы. Одеты были Хранители

памяти как настоящие отшельники, проехавшие или прошагавшие пешком много километров.

Пока Бердер, изумленный встречей не меньше своего ученика, обнимался со всеми троими, Артур успел заметить за ширмой стол, на котором помещалось десятка два бутылей и кусок копченого окорока. Он поймал себя на мысли о том, что впервые видит русских мужиков, которые три дня пили молча. «А ведь они все время ждали меня!» — подумал Коваль.

— У тебя плохая рана,— сказал самый широкий, с помятым, обезображенным лицом.— Ты наложил мази, но не выгнал яд.

— Он поправится,— улыбнулась Анна Первая.— Яд уже растворился.

Коваль никому не докладывал о ранении и был уверен, что под курткой повязка незаметна. Колдуны, как всегда, чуяли кровь и запахи притираний, не нуждаясь в жалобах и пояснениях.

— Плохой яд,— подтвердил молчун Кристиан, втягивая ноздрями душный воздух землянки.— Эта тварь убила нашего брата?

Артур покосился на Бердера, тот кивнул. Качальщик уже успел передать родичам Семена Второго о его гибели.

— Нет, Семен погиб в Ползущих горах. Он отвлек гибель от остальных. Это животное ранило меня и еще одного человека из моего отряда. Надеюсь, он выживет...

— Тебе не следовало отправляться так далеко на Запад, не обсудив с нами,— вступил в разговор третий Хранитель, сгорбленный, черноглазый, похожий на метиса.— Ты ведь знаешь, Клинок, что у нас нет братьев дальше города Варшавы.

— Дальше города Варшавы на юго-запад земля кишит Слабыми метками! — заметил Кристиан.— Ты подвергал риску себя и нашего брата. Ты же знаешь, что Качальщики не живут там, где много грязи...

— Мы не останавливались в городах,— попробовал защититься Артур.— Кроме того, Семен сам хотел полететь, и его отец не возражал. Мы столкнулись с врагами за песочной стеной, вдали от германских поселений!

— Мы знаем, что парня никто не неволил.

— Он был одним из лучших моих Клинков,— печально проговорил Бердер.

— Я тоже потерял не худших своих людей, учитель.

— Ты добрался до страны Франции? — спросила мама Рита.— Ты разве не слышал от Исманла, что южнее и западнее германского Берлина половину Европы занимают пожарища, а вода там светится, как на Желтых болотах в Сибири?

— Там было много атомных станций и оружия,— согласился Артур,— но мы лишь хотели добраться до Парижа, туда, где...

— Мы знаем, что ты хотел найти и разбудить других Уснувших из древнего мира,— перебил Хранитель с помятым лицом.— Книга знает обо всем. Но скажи тогда, почему ты не отправился к германцам? Ведь вы водите туда караваны и торгуете с ними. У германцев не настолько опасно, даже для городских. Почему же вы так скоро вернулись?

— Потому что... Потому что нам пришлось идти пешком и...

— Вы встретились с вещами, которые настолько напугали лучших, храбрейших воинов и самого губернатора Клинка? — безжалостно уточнила мама Рита.

— Да, госпожа,— понурился Артур.— Я посылал Бердеру голубя...

— Ты столкнулся с тем же самым, что прячется за Уралом. Встретил то, от чего мы десятки лет закрываем караванные тропы к востоку от города Екатеринбург. Следы фабричной грязи, которую нельзя уничтожить и за сотню лет. Теперь ты понял, что Качальщики вовсе не потому нападали на караваны Рубенса, что нам нужны были жалкие поделки городских? Мы перекрывали дороги на Восток, чтобы не разнести заразу от подземных огненных грибов и брошенных химических заводов...

— Да, госпожа. Теперь я вижу, что был не прав. Но почему тогда на Западе нет своих Хранителей, которые очищали бы землю?

Артуру показалось, что между оракулами возникло мимолетное бессловесное общение. Бердер пробормотал что-то нечленораздельное, Анна Первая нахмурилась, будто Артур позволил себе непристойность. Писцы закончили фразу и замерли с поднятыми перьями.

— Ты задал тот вопрос, ради которого мы собрались тут,— медленно произнесла мама Рита.— Наши братья из Варшавы давно сообщали нам, что земли на юг и на запад от Берлина раскачиваются все сильнее, что дикие леса берут верх над посевами, а звенящие узлы не подчиняются Хранителям меток.

Мы собрались для того, чтобы выслушать тебя и решить, что можно рассказать другим.

— И что нам делать дальше,— добавил Кристиан.

Коваль не мог поверить своим ушам. За десять лет относительно спокойной жизни он почти отвык от мистических ужасов, с которыми столкнулся в первые неделипосле пробуждения. Но даже то, что он встретил в Западной Европе, не напугало его так, как собравшиеся вместе отшельники.

Отшельники, которые впервые на его памяти, намеревались что-то предпринять.

— Неужели все так страшно? — спросил он.— Я полагал, что экологический баланс постепенно восстановится... Или вы думаете, что на западе может возникнуть Плавающий узел, опасный даже для нас?

— В том-то и дело, что метки давно должны были собраться в узел, как происходит у нас в Сибири,— вздохнул черноглазый старик.— А там этого не случается...

— Словно кто-то поддерживает землю в постоянном неустойчивом качании... — откликнулся Кристиан.

— И мы догадываемся, кто это может быть...

— И для чего они так поступают...

— И чем это грозит...

У Артура голова шла кругом, вдобавок проснулась боль в незажившем до конца плече.

— Что вы хотите от меня?

— Книга открыта, Клинок,— сурово произнесла мама Рита.— Говори медленно, и не упускай ничего. Каждая забытая мелочь может стоить гибели не только нам, но всему миру.

Глава вторая

Стоны западных ветров

Драконов звали Катун и Катуника. Самец вырос чуть крупнее, с каждым махом гигантских крыльев вырывался вперед, но Катуника на поверку оказалась более выносливой. Катуна вел Семен Второй, самкой управлял Коваль.

Как ни крути, одного из потомственных Качальщиков Артуру пришлось бы взять с собой. Даже самые талантливые дрессировщики не могли заменить воина. Семену Второму едва стукнуло девятнадцать, но из тех, кого тренировал Бердер, он был действительно лучшим. Коваль лично слетал на Урал, чтобы уговорить Хранительницу рода отпустить парня в экспедицию. Там же губернатор, следуя традиции, поучаствовал в поединках с подрастающим молодняком.

Излюбленное упражнение Бердера только называлось парным; на деле безоружный испытуемый должен был продержаться в замкнутом пространстве против ученика с дубиной, либо толстой веревкой с узлами на концах, либо с длинным шестом, для пущей забавы утыканным гвоздями. Если безоружный успешно отражал натиск, силы нападающих удваивались, затем утраивались, а площадка уменьшалась.

Сам Бердер, несмотря на свои пятьдесят три года, почти не сбивая дыхания, расправлялся с шестерыми юными Клинками. Коваль, хрипя от натуги, выдержал атаку троих, но едва в бой вступил четвертый, пришлось просить пощады.

— Мало бегаешь, толстеешь! — смеялся учитель.

— Ничего себе мало! — обиделся Коваль.— Два раза в неделю сам тренирую гвардейскую роту.— Но ты изменил стиль, учитель! Эти парни двигаются иначе; сто лет назад нечто подобное называлось таэквон-до...

— Не знаю, как называлось раньше, но мы переняли новые приемы у южных косоглазых братьев.

— Как противно становиться стариком! — жаловался Артур бывшему наставнику.— Двое меня чуть не покалечили, а этот парень, внук Семена,— просто молния!

— Один на один ты бы против него не устоял,— согласился Бердер.— В парной охоте он лишь легонько зацепил тебя копьем, а в настоящей рукопашной Сема метает ножи быстрее меня... Если ты уговоришь его лететь в Европу, считай, что вам повезло. Но двоих не проси. Хранительница рода и так недовольна!

Семен Второй согласился участвовать в авантюре, но не безвозмездно. Пять рабочих коней, три брюхатые свиноматки и годовое жалованье капитана гвардейцев золотом...

Губернатор заплатил. Жизнь стоила дороже.

На крупе Катуники позади Артура сидели трое пассажиров.

Старшина палаты Книжников, Лева Свирский, обмазанный салом, в нахлобученной на глаза шапке, напоминал сказочного домового. Он отвечал за французский язык в экспедиции. Сам губернатор привлек двух толмачей и в течение полугода, морщась от напряжения, восстанавливал английский и зачатки немецкого. Лева подключил свои каналы и неведомым образом отыскал в коммуне польских негоциантов женщину, чья мать с детства обучала ее французскому языку. Старик бродил по дворцу в обнимку с дряхлым учебником, пугая караульных гвардейцев спряжениями глаголов...

Людовик Четырнадцатый, капитан гвардейцев, напросился в последний момент. Артуру не очень хотелось брать с собой вечного пройдоху и нарушителя спокойствия, тем более что в последний день перед полетом Четырнадцатый в очередной раз проштрафился. Но поостыв, губернатор пришел к мнению, что лучше взять в поход старого, преданного товарища. Пусть он трижды выпивоха и бабник, но Артур не боялся повернуться к нему спиной.

Следующее место занимала мама Рона.

Коваль долго сомневался, стоит ли привлекать к неоправданному риску столь ценного медика. Мама Рона была уже не молода, и в ней крайне нуждалась недавно учрежденная Медицинская академия. Но без женщины и без штатного врача Артур лететь не мог. В числе Проснувшихся могли оказаться дамы...

Мама Рона неожиданно легко согласилась. Особенно после того, как Коваль ей сообщил, что в Парижском институте крионики, если его не разграбили, может найтись много медицинской техники и литературы.

За седлом мамы Роны жалобно мяукал самый необычный участник экспедиции. Вместо седла перед парой задних крыльев приторочили корзину и запихали туда сибирского тигра-альбиноса. Несчастному Лапочке, панически боявшемуся высоты, пришлось завязать глаза и намертво скрутить лапы. На земле, а особенно в темных подземных этажах, приручённый кот мог оказаться абсолютно незаменимым.

Катуном управлял Семен. Как всякий потомственный Качальщик, с детства привыкший к зверушкам-мутантам, он ли-

хачил и даже не привязался к седельным штанам. За спиной Семена хмурился полковник Даляр, охранявший тюк с тяжелым вооружением. Ковалю очень не хотелось думать, что придется с кем-то драться, но Даляр уговорил его прихватить пулеметы. Позади полковника сын Красной луны Христофор обнимался с занавешенной голубиной клеткой. Как боевая единица Христофор был еще хуже, чем престарелый книжник. Но губернатор решил прихватить его: потомственный колдун попросился сам. А такого за ним обычно не водилось.

Он жил в Зимнем на правах домашнего юродивого, никому не мешал, зато с завидным постоянством присутствовал на собраниях Большого круга. Парню исполнилось двадцать семь лет. Он не стремился обзавестись семьей, проводил массу времени с животными, честно исполнял обязанности почтового голубятника и нес такую же чушь, как в детстве, когда ездил с караванами.

Давно канули в прошлое времена, когда караваны нуждались в дорожных телепатах, основные магистрали давно были очищены от бандитов и опасного зверья. Однако Христофора упорно пытались выманить или перекупить у Коваля Озерные колдуны. И на то имелись две причины.

Во-первых, голубятник не потерял способности видеть вперед и чувствовал вражеские мысли далеко вокруг. Дважды, благодаря Христофору, стража дворца пресекала попытки грабежа. А один раз он спас жизнь губернатору. Во-вторых, примерно раз за лунный цикл на парня накатывало: он принимался лепетать, не хуже отшельника, и выдавал поразительные сведения. Так, именно он поведал губернатору, кто из чиновников покрывает изготовителей «левой» медной монеты. В другой раз он сообщил, где и как высаживаются контрабандисты из Швеции, торгующие без уплаты пошлин. Этих шустрых ребят также «опекали» клерки и несколько продажных офицеров Пограничной стражи.

Первый Уголовный кодекс губернатор сочинил лично. Чтобы не особенно ломать голову, все должностные преступления чиновников, гражданских и военных, связанные со мздоимством и вымогательством, карались прилюдным повешением. Так было проще для судов.

И нагляднее.

Вполне естественно, что Христофора не слишком любили в Большом Круге. Под его взглядом каждый из Старшин чувствовал себя голым...

За две недели до старта экспедиции Христофор заявился к губернатору и очень серьезно произнес:

— Вместе плохо, порознь — совсем плохо. Вместе — ненадолго. Раздельно — навсегда...

Поэтому Коваль рассудил, что, помимо тигра, еще один острый нюх им в дороге не помешает.

Последним, на хвосте, размещался Митя Карапуз. Человеческое имя предводителю шайки чингисов дали уже в Питере. Митя был редчайшим представителем дикого племени. Он одним из первых дошел своим умом, что выгоднее сдаться и служить северному городу, чем постоянно находиться вне закона. Возможно, его сообразительность стала результатом воспитания родительницы, бывшей горожанки, украденной чингисами из каравана мамы Кэт и чудом дожившей в полевых условиях до старости. Читать и писать Митя не умел, но на русском разговаривал вполне сносно.

При весе в сто сорок килограммов и росте, как у императора Петра, Карапуз обладал неоспоримыми достоинствами. Без них он никогда бы не стал атаманом сотни клинков — банды, которая шесть лет как перестала быть дикой, квартировала в деревне и обросла семьями. И послушно выезжала в конные патрули.

Карапуз умел часами не вылезать из ледяной воды, укрощал диких лошадей и мог завалить лося голыми руками. А еще,— он обладал потрясающим чувством пространства. Перед подобным даром склонялся даже Качальщик Семен. Про кровавые «подвиги» конницы Карапуза до сих пор рассказывали шепотом.

Например, о том, как в бытность соборника Карина, Митя в одиночку просочился сквозь плотные заслоны солдат, вырезал караульных, и непонятно как, в неосвещенном лабиринте дворца, отыскал тайник с ценностями.

Митя был обязан Ковалю жизнью. Уже на губернаторской службе его опознал кто-то из давнишних недругов, в прошлом также дикарь. Затеялась свара, драчунов повязали, но Карапуз успел кому-то проломить череп. Согласно кодексу, смерть по-

лагалась всем обнажившим оружие. Только так губернатор мог бороться с уличным насилием. Карапуза помиловали за заслуги на дипломатическом поприще.

Надо отметить, громоздкий жутковатый дикарь показал себя прекрасным дипломатом. Выслуживаясь перед губернатором, он один выезжал в лес и уговаривал разрозненные группки дикарей подчиниться законной власти. Это и определило выбор Артура: губернатор рассудил, что разумная гора мускулов в походе не помешает.

Вблизи Карапуз выглядел страшновато. Свои чумазые жесткие космы он стриг раз в год, очевидно, когда мылся. А из-за неправильного прикуса лицо капитана конной стражи выражало такое, что шарахались даже були в прибрежных тростниках...

Восемь человек, прижавшись к спинам крылатых змеев, прятали лица от встречного западного ветра.

Истошно голосил тигр, но его мяуканье моментально сносило в сторону. Кроме Артура и Семена, один лишь Карапуз летал без опаски и даже рисковал кормить драконов мясом, хоть и с безопасного расстояния. Остальные боялись высоты, но змей боялись еще больше. Глядя вниз, на убегающие огни предместий, Коваль в десятый раз спросил себя, что он будет делать, если найдет Проснувшихся, а те откажутся залезать в седла.

Сначала он хотел выпросить у Анны третьего большегрузного змея и гнать его порожняком, но тогда понадобился бы еще один Качальщик. Мало того что каждая летучая тварь сжирала за сутки половину теленка, второго безумца, согласного отправиться в зону грязной промышленности, все равно бы не нашлось. Свирский предложил, если прибудет пассажиров, переправляться назад поочередно.

На высоте трех сотен метров болтанка постепенно прекратилась, змеи выровняли полет, перестали часто молотить крыльями, и Артур позволил себе распрямиться. При взлете, дабы не создавать дополнительного сопротивления воздуха, следовало щекой прижиматься к спине ящерицы.

С Балтики наползала свинцовая пелена туч. Семен вел Катуна строго вдоль береговой полосы. Артур вспомнил, как искрила вечерними огнями земля в те годы, когда он прилетал в Питер обычными авиарейсами. Не говоря уж о европейских

столицах, куда они носились с профессором Телешевым на всякие конференции, посвященные анабиозу.

Сто тридцать лет назад по всей земле плясали огни, бурлящие озера крупных городов соединялись друг с другом огненными ручейками автотрасс и фейерверками поселков, а нынче за Ломоносовом Коваль различил лишь слабую цепочку сторожевых костров, двойным полукругом охвативших крайние фермы.

Дальше расстилалась тьма.

Он оглянулся и махнул рукой пассажирам, чтобы те пригнулись. Смешнее всех выглядел книжник, в намотанном до переносицы шерстяном шарфе, из-под которого торчала седая бородка. Артур улыбнулся, вспомнив иллюстрации к романам древних фантастов, где перекачанные анаболиками отважные герои и томные дивы спускались с неба чуть ли не нагишом, небрежно держась за холку летучих красавцев. В реальности на километровой высоте и скорости выше двухсот километров в час можно было запросто обморозиться, получить полный комплект фронтитов и отитов и вдобавок нажить проблемы с позвоночником.

Пилоту приходилось тяжелее всех. В отличие от голливудских головастых чудовищ, попиравших в полете основы аэродинамики, Катуника летела, вытянув шею, точно утка. Ветер бил Артуру прямо в лицо, а под коленями методично перекатывались лопаточные кости. За полчаса подобного удовольствия, если не следить за посадкой, задница превращалась в сплошной синяк. Но имелись и некоторые плюсы.

За пару минут передняя часть зверя разогревалась свыше тридцати градусов, спасая пилота от обморожений.

Семен подал знак, что пора уходить вверх, пока не накрыло дождем, и рванул на себя постромки. Дождь все равно настиг, капли врезались в мотоциклетные очки, хлестнули по обмазанным жиром щекам. Катуника послушно захлопала крыльями, догоняя брата, сверху надвинулась темно-серая пелена, и видимость упала до нуля...

Спустя минуту драконихa прорвалась сквозь тучи и перешла в ровный горизонтальный полет. Лева толкнул пилота в спину и жестом выразил восхищение. Коваль и сам не мог оторваться от потрясающей картины.

В полусотне метров впереди, переливаясь золотой чешуей, стряхивая миллионы брызг, махал лазурными крыльями небесный красавец Катун. Казалось, что поджатые когтистые лапы цепляются за пушистую перину. Изумленное светило, повисшее над ватным горизонтом, любовалось дивным творением человеческих рук и облизывало сусальные бока зверя. Последний из седоков, закутанный в шкуру здоровяк с развевающейся косматой гривой, оглянулся и помахал рукой.

Западный ветер стонал в ушах.

Ведущий наездник тоже оглянулся, приспустил шарф, и Артур успел заметить озорную улыбку. Заплетенные, никогда не стриженные косички воина вырвались у Семена из-под шапки. На кончиках косичек вспыхивали блестки драгоценных камней.

Лева Свирский что-то кричал, указывая вперед. Вопил от восторга Людовик. Даже мама Рона смеялась, превозмогая страх.

Экипаж был весел и возбужден.

Слишком мы радуемся, подумал Артур. Он не мог забыть слов Христофора. Если сын Красной луны предрекал несчастье, оно, как правило, случалось...

До Польши проблем не возникнет, рассуждал он. Там сильная колония Качальщиков, можно даже переночевать. И вообще, не так давно оттуда благополучно вернулся первый караван, пущенный по восстановленной железнодорожной ветке. Исправные рельсы таскали для нее целый год на быках, зато теперь один паровик тащил за собой вчетверо больше груза, чем колесный караван. Мигом присоседились халявщики из Пскова, Луги и даже из Ярославля. Оказалось, что на перевозке чужих грузов можно заработать больше, чем на торговле...

Шквальный порыв ветра налетел с такой силой, что Катуника сбилась с ритма. Все глубже проваливаясь в дымчатую ватную трясину, солнечный диск менял цвет с приветливого желтого на багровый. Артуру казалось, что они мчатся прямо в жерло вулкана или в воронку смерча.

Словно на западе их поджидало нечто мерзкое...

Чушь в башку лезет, успокаивал он себя. Не выспался, с соборниками опять переругался, да еще новый культ в городе объявился: черной воде поклоняются, собственных детей ре-

жут... Вот и распсиховался. У германцев все давно спокойно, у чехов тоже; правда, дальше Берлина пешком не забирались.

А может быть, прав был Левушка, и стоило отрядить серьезную конную экспедицию; плевать, что ползти два месяца, зато не екало бы в груди... Но большая вооруженная команда сразу привлекает внимание, и неминуемо нашлись бы желающие послать в спину губернатору Кузнецу парочку отравленных стрел...

Западный ветер застонал, разорвал на части шевелюру облаков, и, словно почуяв беду, раскатистым рыком отозвалась ветру драконица.

Крылатые змеи редко подавали голос.

Только когда предчувствовали кровь.

Глава третья

Варшавский союзник

— Разве ты не посетишь воеводу? — седобородый Хранитель рода протянул Артуру палочку дымящегося шашлыка.

— Мы не зайдем в город, пан Кшиштоф. И надеемся на молчание твоих людей.

— Брат Бердер пишет, чтобы мы оказали вам помощь и нашли проводника на юг.

— Мы благодарны тебе. Люди и змеи сыты.

— Но как я дам вам проводника, если вы скрываете цель похода? Вдруг вы найдете то, что ищете, а потом убьете моего человека?

— У тебя есть повод плохо думать обо мне, пан Кшиштоф? — Коваль отставил кружку с пивом.

Они сидели втроем на веранде покосившегося домика, утонувшего в чащобе сада. Над бутылями с пивом и сладкой медовухой кружили пчелы. Под крутым травянистым обрывом, на берегу Вислы, лениво покачивались водоросли. В деревню Качальщиков, кроме Артура, пропустили только Семена Второго с драконами. Остальные шестеро довольствовались топливом для костра и ведром колодезной воды. Даляр разбил ла-

герь за околицей. Артур отметил, что здешние порядки были, пожалуй, построже, чем у русских Качальщиков...

До сего дня сам он не встречался ни с Кшиштофом, ни с другими славянскими Хранителями, хотя неплохо знал воевод многих польских поселений. Он слышал от Исмаила, что их братья обитают в Польше, Чехии, Словакии, а в гости к Хранительнице Книги приезжали даже люди из Китая.

Но их совсем не было в скандинавских странах.

Словно Европе ничто не угрожало.

Словно славянские колдуны никак не могли наиграться в бесконечную «Зарницу».

Однако несмотря на жесткие правила, вторым гостем седобородого повелителя был вполне обычный мужчина из городских. Закутанный с ног до головы в длинное грубое полотнище, подпоясанный волосяным ремнем гость напоминал Артуру классического чернеца. Русые волосы — длинные, расчесанные, как у девушки, и схваченные на затылке ремешком. Темные глаза, ворочающиеся в сетке морщин, запавшие щеки. Сам по себе человек, вроде бы, и молодой, но словно сжигаемый изнутри чахоткой.

Гость представился именем ксендз Станислав. Он не пил и не ел, его мосластые, задубевшие руки перебирали четки.

— Пан Кузнец, я думаю о тебе только хорошее,— мягко поправился Хранитель.— Всем известно, что губернатор Петербурга починил железку и паровики и дает в своем городе защиту нашим детям. Всем известно, что ты принимаешь наших детей на службу наравне с остальными и чтишь святую Книгу. Нам нет дела до городских. Но если ты явился тайно, даже слово Бердера не будет порукой, что я не наживу неприятностей...

— Мы летим во Францию, пан Кшиштоф.

— Так это правда?! — Хранитель переглянулся с человеком в плаще.— Мы полагали, что ты ограничишься Германией. Меня не предупредили, что брат Бердера повредил свой разум. Там сплошная отрава, сотни километров Вечных пожарищ, разве караванщики не докладывали тебе?

— У германцев на равнине почти нет отравы. Мы торгуем с ними.

— Южнее Берлина не ходит ни один караван.

— Но мы слышали, что южнее Берлина живут люди.

— Зачем тебе во Францию, пан Кузнец? Южнее германских гор земля звенит уже третий год, как один огромный узел. Оттуда ползет зараза, притягивая ветер...

— Нам надо добраться до древней столицы, города Парижа, и разыскать одно здание. Я не хочу, чтобы об этом прослышали все.

— Ты хочешь отыскать других Проснувшихся?

— Да, я надеюсь... Если эти инженеры окажутся живы, многие захотят их отнять...

— Только не мы. Но теперь я понял. Тебе нужен проводник из города, тебе нужен один из святош. Качальщики не полетят с тобой!

— Значит, становится хуже? Исмаил говорил мне, что ваши братья не слышат Меток. Он говорил мне, что грязь не наступает...

— Так и было. Слабые метки не нарождались почти семь лет, и мы начали успокаиваться. У нас хватает проблем на побережье. Ты слышал о ядовитых рыбах под Гданьском?

— К стыду своему, нет...

— А чего стыдиться? Все так живут. Никому нет дела до соседей. Когда мой отец был молодым, он видел, как взбесившаяся земля стирала польские деревни и города. Ценой жизни многих Хранителей нам удалось остановить ветер. А теперь ты намерен разбудить древних инженеров, чтобы они помогли тебе лить металл! Мы не станем мешать тебе, я обещал брату Бердеру. Я знаю, что тебя уважает Хранительница Книги, мир ее дням, но наши люди с тобой не пойдут. Если бы я не дал обещания братьям, что не причиню вам вреда, я сделал бы все, чтобы найти и убить этих спящих инженеров!

— Проснувшиеся не будут возрождать химические заводы! — пообещал Артур.— Среди них могут оказаться лекари и книжники... Но мы перелетим опасные места на крылатых. Проводники нам понадобятся позже, для прохода в Париж...

— Вы погибнете. На юге идут желтые дожди, это смерть. Кроме того, святоши, ходившие в Вечный город, видели в небе Железных птиц. Пройти можно только по земле. По крайней мере на земле можно укрыться. Я обещал Бердеру дать тебе Черных коней. Крылатых оставишь здесь.

Артур пожалел, что с ним нет Даляра и Карапуза. Он не мог принимать решение о пешеходной экскурсии в одиночку, а Бердер или сам не знал, или не предупредил об отмене полетов. Мог ведь и пошутить, это вполне в духе наставника, — посмотреть, как ученик выкарабкается...

— Я пойду с вами,— сказал ксендз,— при одном условии. Мы пойдем по следу Великого посольства. Я обещаю привести вас в Париж, а ты дашь клятву, что найдешь, куда делись мои братья и сестры.

— Какие еще братья и сестры? Соборники?

— Те, что верили в силу Креста,— неожиданно звучным глубоким баритоном ответил Станислав.

— Наши горожане тоже верят в Крест.

— Ваши не верят в силу Вечного города, они иначе молятся...

— Ты говоришь о Риме?

— Да,— на сей раз ответил опять Хранитель. Он вдруг посмотрел на Артура иным, испытующим взглядом.— Разве мама Рита не говорила тебе о Великом посольстве?

— Нет...

— Значит, не хотела тебя пугать...

— Я же тебе сказал, что никто, кроме Бердера и отца Семена, не знает о нашей вылазке.

— Тут нет никакой тайны... Ладно, я расскажу. Три года назад, когда стало ясно, что с Метками на западе творится что-то неладное, святоши затеяли Великое посольство в Рим. Самые умные из них спрашивали совета у Хранителей меток, и мои братья говорили, что идти нельзя. Но святоши не послушались. Они верят в силу креста и не обращают внимания на приметы. Возможно, так и надо...

До этого они ходили туда несколько раз. Старики знают, как пройти и остаться в живых. На земле Двух морей ветры разгоняют отраву, а в самом Риме живут разные люди. Святоши верят, что сила мира не иссякла, пока стоит Вечный город, а горожане верят им. Многие из наших Хранителей тоже разделяют веру в Крест... Вот скажи мне, пан Кузнец, сколько поганых язычников приютил ты в Петербурге?

— Мы не мешаем людям верить в то, что они хотят. Но большинство ходят в Собор...

— Когда пятьдесят пять лет назад епископ Краковский с крестом в руках вышел против нежити,— перебил Станислав,— он сражался плечом к плечу вместе с братьями, с лесными Хранителями. И погиб с именем божьего сына на губах. Знаешь, что случилось после этого?

— Догадываюсь,— Коваль поймал себя на том, что невольно попадает под обаяние этого сурового и, без сомнения, одержимого человека.

— Да, пан Кузнец. Плавающий узел развязался. Краков был спасен, а порождения пожарищ убоялись божьего гнева и убрались в свои германские болота... После этого святоши собрали первый поход в Рим, и многие из наших братьев примкнули к ним. Они добрались до Рима, мне тогда было девять лет. Они добрались до Вечного города. Многие погибли в пути. Но те, что вернулись, принесли оттуда святыни и верили, что святыни защищают их города. Они надеялись встретить в Риме помазанника, но святой престол оказался пуст, а вокруг бесновались толпы язычников. Среди нас были те, кто призывал забрать своих женщин и детей и навсегда поселиться в Вечном городе. Изгнать из храмов заразу, проповедовать среди одичавших горожан. И избрать нового наместника бога, как это делалось до года Большой смерти.

Но наших святош было слишком мало, у них не имелось достаточно оружия и пищи, чтобы продержаться. Они вернулись в Польшу, но завещали своим детям возродить престол.

После тех страшных лет святоши взяли власть в городах. Они не мешали Качальщикам стирать фабричную грязь. Они просто читали свою священную Книгу про погибшего бога и учили народ жить в смирении... Мы не дружим с Качальщиками, пан Кузнец, но не мешаем им изгонять нечисть из городов!

— Так ты говоришь о других религиях?

— Ты можешь называть поганых язычников как угодно, они от этого не станут лучше!

— Я слышал, что у вас жгут людей на кострах, но не верил...

— Когда ты спохватишься в своем Петербурге, смотри, как бы не было поздно! Мы убедились, что народ послушен и един лишь в поклонении Кресту... Дослушай меня, пан губернатор! Я говорил про Великое посольство.

Долгие годы ходили святоши с польской и германской земли к литовцам и украинцам. Уговаривали детей правильной веры собраться для переселения в Вечный город,чтобы сообща возродить святое место, где в древности жил наместник погибшего бога... Самые смелые из моих братьев с именем бога на устах прошли через языки пожарищ по Франции и достигли города Мадрида. Там они нашли много приверженцев Креста и много желающих возродить святой престол. В Париже они нашли только дикарей и страшных тварей, больше похожих на жуков, чем на людей, но за Пиренейскими горами желтые туманы рассеиваются.

Многие тамошние жители сохранили веру, они хотели бы торговать и молиться вместе с нами. Они согласились участвовать в Великом посольстве, собрать воинов, женщин и скот и совместно с нами выступить на Вечный город. Они согласились воевать против дикарей и не побоялись лишений ради светлого дела...

— Ваши люди всегда умели убеждать,— задумчиво вставил Артур.— Особенно неплохо у них это получалось в Мексике.

— А пять лет назад воеводы и святые отцы собрались и решили, что время пришло. Мы стали достаточно сильны, чтобы начать готовить Великое посольство. Для перехода через Ползущие горы и пожарища надо было собрать большой караван с запасами пищи и чистой воды на многие недели пути. Потому что на Вечных пожарищах воду пьют лишь болотные твари...

— А при чем тут Франция? — очнулся Артур,— Рим несколько в стороне...

— Граница пожарищ стоит полумесяцем, не пропуская к стране Двух морей,— сказал Кшиштоф.— Она не отступала, но и не пыталась нападать, сколько я себя помню. Хранители воевали с Метками на севере Польши, а последние пять лет мы раскачивали побережье, чтобы стереть древний порт Гданьск с кораблями... Но у германцев все было тихо. Позволь, Станислав, дальше расскажу я: так будет удобнее.

— Да, ты прав, тебе удобнее рассказать,— святоша неожиданно быстро застеснялся.

Хранитель подлил гостям пива, снял с мангала очередную порцию шкворчащего мяса.

— Собрался великий караван; святые отцы решили, что настала пора выбрать нового наместника погибшего бога. Они оповестили других святош — всех, кто жил по эту сторону грязи. Воеводы были не против, и Качальщики не возражали. Земля много лет держалась в равновесии и даже понемногу очищалась.

Святоши собрали почти две тысячи человек, приплыли и воины с острова Ирландия. Кроме воинов, мастеровых и носителей веры в повозках ехали больше пятисот женщин. Специально были сколочены платформы для коров, свиней и птицы, чтобы скот не ступал на отравленную землю. За караваном шли четыре тысячи лошадей с завязанными копытами и укутанными мордами, чтобы не сорвали случайно травинки... И почти пятьдесят детей...

— Пятьдесят три! — потемнев лицом, бросил ксендз.— Пятьдесят три жизни оборвались...

— Черт подери! Теперь до меня дошло... — хлопнул себя по лбу Артур.— До нас доходили слухи, что католики собирались возродить Ватикан, но я не придал значения!

— К вашим соборникам тоже ездил посол от епископа, но не получил даже предложения пообедать! — резко заметил Станислав.

Хранитель рода мягко погладил его по локтю, призывая к спокойствию, и вновь повернулся к Артуру.

— Великое посольство не дошло до Рима и не вернулось, пан Клинок. Станислав может обижаться, но мы ценим друг друга за правду. Хранителям было бы наплевать, если бы вместе с другими верующими не ушли семнадцать наших братьев.

Ты спросил о Франции. Посольство должно было дойти до Парижа, там встать лагерем вокруг источника чистой воды и отправить гонцов в город Мадрид. По южным деревням Франции тоже собирались истинные верующие, там сохранились такие места. Но Мадрид обещал прислать больше тысячи сынов веры, а сверх того воинов и продукты. Также Мадрид обещал выделить достаточно золота. Они долго были оторваны от торговли, пан Клинок, и не слишком нуждались в золотой монете. На золото Испании святые отцы хотели нанять украинских воинов и диких строителей в России, чтобы проложить первую безопасную дорогу из Рима к нам...

— Если так опасно, почему не поплыли морем? — удивился Артур. — Ведь у вас есть опытные рыбаки и старые карты?

— Морем? — ядовито рассмеялся Хранитель.— Сейчас я расскажу тебе о море. Как ты это представляешь — погрузить на лодки больше двух тысяч человек, запасы оружия, воды и скотину? А что потом? Идти морем, обходя германцев и франков, на юг? Ты плавал туда, губернатор? Я скажу тебе... — Хранитель помрачнел.— Южнее города Любек не спускается ни одно наше судно. Вода там давно не светится, и в ней много живности. О, в ней даже слишком много живности!

Но южнее Любека начинается полоса туманов и грязных Желтых дождей. Лет десять назад норвеги и ирландцы оживили несколько древних кораблей, что питаются углем, и поплыли на юг. Они оживили очень большие корабли, пан Клинок, не корабли, а настоящие исполины. Казалось, таким кораблям ничто не могло угрожать, а норвеги хвастались, что пройдут морем к земле Рима и даже дальше...

— На носу корабля норвегов скалилась медвежья морда, а глупые ирландские островитяне жгли на палубе уголь и возносили молитвы дереву,— с отвращением процедил ксендз.— Эти нечестивцы отвергли светлую власть Креста и поплатились...

Хранитель вздохнул, деликатно пережидая вспышку гнева. Артур прикидывал, сколько часов с таким характером проживет Станислав в отряде. Лева Свирский и Людовик верно соблюдали православные посты, правда, отчаянно путались в терминологии. Но в целом довольно исправно следовали за пастырями Лавры. Мама Рона имела к соборникам серьезные претензии, но молилась на иконку божьей матери. Даляр в состоянии покоя относил себя к атеистам, но в моменты большой опасности охотно клялся всеми богами подряд. К великому счастью губернатора, Христофор не поддерживал кровавых обрядов озерников и других детей Красной луны. Что касается Мити Карапуза, то сын лесов, степей и дремучих легенд был похож на теленка, сосавшего одновременно двух маток. На восходе он резал глотки индюкам и с чистой совестью отправлялся к заутренней.

Странно, что этот конквистадор еще жив, подумал Артур, искоса разглядывая воинственно вздернутый подбородок свя-

того отца. И чего Хранитель так с ним церемонится? Сегодня они позволяют попам жечь на кострах дикарей, завтра католики возьмутся за колдунов, а потом придет черед и самих Качальщиков. И Книгу объявят ересью, и крестьян с кольями поднимут против драконов и летунов...

Кшиштоф кашлянул, привлекая внимание.

— Рыбаки уплыли, и от их кораблей шла по воде такая грязь, что на берегу, у стертого порта Гданьск, вновь задергались Слабые метки. Спустя какое-то время вернулся караван воеводы Песи из германского Гамбурга. Тамошние рыбаки выловили троих норвегов в маленькой спасательной лодке. Все трое после умерли от страшных язв, они не протянули долго. Умирающий норвег успел сказать, что корабли попали в полосу Желтых туманов, но все спрятались и закупорили выходы на палубу. Умерли только двое, они вышли слишком рано. Потом туманы закончились, дул попутный ветер, и ирландцы решили забросить сети. Дух дерева, которому они поклонялись, подсказал им, что под днищем корабля полно рыбы. Дух дерева не обманул.

Но лучше бы они не пытались ее ловить.

Суда встали на якорь. В подзорные стекла капитаны видели французский берег. Они видели, как поднимаются дымки от жилья, они видели стада каких-то животных, кочующих вдоль береговой полосы, и раскидистые деревья. Рыбаки спрашивали друг друга, почему глупые поляки и германцы боятся проторить караванный путь на юг прямо по берегу.

«Этим трусам далеко до нас, храбрых потомков викингов и кельтов! — говорили они друг другу.— Здесь чистая вода и прекрасный морской воздух. Мы построим тут гавань, застолбим владения и подружимся с дикарями. А пока отправим к берегу лодку с двадцатью бойцами!..»

Ирландцы спустили две лодки, закинули между ними сети и стали ждать добычу. Они пили на палубе хмельное пиво и танцевали свои мужские танцы под писк надутой шкуры. Стоял полный штиль и такая тишина, что музыка разносилась на многие мили вокруг.

Капитан норвегов приказал спустить на воду большую лодку и отправил на берег двадцать человек, самых бравых ру-

бак, с ружьями и ножами. Больше он отпустить не мог, так как в древнем ржавом корпусе корабля открылась течь, и команда занялась починкой.

Прошел час. Лодка достигла берега. Капитан видел в подзорные стекла, как его люди помахали флагом, забили в песок колья и привязали к ним лодочные канаты. Потом они углубились в заросли на берегу, и спустя несколько минут загремели выстрелы.

По словам умирающего норвега, тот вечер он запомнил как самый прекрасный и самый жуткий за свою короткую жизнь. Прекрасный, потому что он никогда не плавал так далеко на юг и не представлял, что где-нибудь море может быть таким тихим, а воздух таким теплым и ароматным.

Он выжил, потому что дежурил впередсмотрящим на мачте, а два его друга сидели взаперти, охраняли от собственной команды погреб с провиантом.

С берега донеслись выстрелы, но никто не появлялся. Брошенный баркас так и болтался на мелких ласковых волнах. Там сидел единственный человек, часовой. Он неистово махал флагом, призывая капитана на помощь. Затем часовой начал орать; команды обоих судов столпились у бортов, пытаясь разглядеть, что же там происходит. Капитан крикнул впередсмотрящему — тому с мачты было лучше видно. Пока матрос водил оптикой, часовой с баркаса исчез, а потом опять появился. Он несся вдоль полосы прибоя, убегая от чего-то длинного, серого, похожего на гигантскую лисицу. Одну руку часовой прижимал к груди, и матросу показалось, что беглец весь залит кровью.

Матрос видел с мачты узкую полоску каменистого пляжа и, вплотную к камням, густые заросли странного, коричневато-пепельного оттенка. Матрос различал узкий коридор, прорубленный ножами команды. А потом он сместил угол зрения пониже и увидел, как часовой бросился в море. Парень изо всех сил плыл от берега к кораблю. Он бросил сигнальный флаг, бросил ружье и саблю и предпочел пересечь пару миль незнакомых вод, чем оставаться на берегу.

Но добраться до судна моряк не успел: несколько секунд спустя что-то схватило его за ноги и утащило на дно.

Капитан приказал собрать новую экспедицию на берег, но тут началось такое, что о баркасе все забыли.

Из трюма судна, где уже заканчивались восстановительные работы, раздался одновременный вой десятка глоток. Те, кто был на палубе, бросились на помощь. Возможно, задрай они люки, судно удалось бы спасти. Но все решили, что оторвался новый кусок обшивки, и побежали затыкать течь...

В ту же секунду впередсмотрящий услышал вопли, доносящиеся со стороны ирландского парохода. Он обернулся и не сразу сообразил, что именно видит, настолько ужасное зрелище открылось. От рыбаков в лодках остались одни скелеты. Ирландцы не успели ни убежать, ни даже выстрелить. А те, кто на них напал, продолжали рвать сети, перетирать в труху крепкие весла и носиться вокруг, выпрыгивая из воды на несколько метров вверх.

Летучие рыбы.

А может быть, совсем и не рыбы, а что-то другое, потому что рыбы не смогли бы забраться на корабль по якорным цепям. Многие лезли прямо по борту и походили на мокрых, щетинистых скорпионов.

Ирландская команда отстреливалась, пустила в ход сабли и ножи, но прожорливых дьяволов было слишком много. Матросу на мачте скоро стало не до соседей, поскольку его собственное судно дало крен. Видимо, рыбы как-то проникли в трюм и сожрали всех, кто там находился. Течь опять усилилась. А из-за темноты и скученности люди не могли защищаться и не видели врага.

Судно тонуло, заваливаясь на бок. Все, кто оставался наверху, бросились к шлюпкам. Матрос спустился с мачты, бросив свой пост и оказался в одной лодочке с парнями, которые охраняли камбуз и казну.

Все трое выжили только потому, что не последовали за прочими шлюпками к берегу. Корабль уходил все глубже, вскоре взорвался паровой котел, и на поверхности осталась лишь груда щепок от деревянной палубы. Все лодки, повернувшие к берегу, были атакованы подводной стаей. Ирландский корабль оставался на плаву, оттуда доносились выстрелы и стоны, но трое спасшихся матросов не решились приближаться. Они видели, как погибли товарищи, и изо всех сил гребли на запад, в открытое море. Они хотели обогнуть гиблые воды по большой дуге, но начался шторм, и шлюпку

потащило назад. Спустя неделю, пройдя полосу туманов, смертельно больные, они достигли германского порта...

Хранитель степенно достал трубку, заколотил табак, давая Ковалю возможность осмыслить рассказ.

— Кто после этого мог говорить об отправке посольства морем? — добавил Станислав.— Великое посольство пошло по суше, по тем зыбким тропам, что проложили на юг смельчаки, вооруженные молитвой и святым Крестом.

— Больше двух тысяч человек,— Качальщик выдохнул дым.— Скот и телеги. Среди них были наши братья, принявшие веру Креста, но не разучившиеся выживать в опасных местах. Я не разделяю их порыва, но привык уважать смелость. Семнадцать человек, они знали, что, добравшись до Рима, выберут наместника, а затем будут вынуждены уйти в горы и основать свою деревню вдали от грязной техники.

— Мы слышали, что три года назад пропала большая группа людей в зараженной зоне, но не подозревали, что все так серьезно.

Артуру уже не хотелось пива. Ему хотелось собрать своих и посоветоваться. Одно дело — топать до Парижа, пусть даже пешком, и совсем иная задача — разыскивать в гиблых местах следы последнего крестового похода.

Священник ковырялся с четками, так и не притронувшись к ковшику с пивом.

— Я скажу тебе, почему поддерживаю отца Станислава,— задумчиво произнес Хранитель. Он вытащил изо рта трубку и заглянул Артуру в зрачки.— Слабые метки взбесились спустя неделю после того, как посольство переправилось через Рейн и ушло по Поющему автобану в сторону первого пожарища. Так бывало на памяти нашего рода лишь дважды. Когда взорвался спавший огненный гриб, и когда Балтийское море принесло нам корабль длиной с милю...

— Длиной с милю? — растерянно переспросил Артур.

— Да, он был похож на город, его башни вздымались на десятки метров вверх, а на палубах могла бы разместиться вся Варшавская ярмарка. Я помню этот корабль; чтобы отогнать его от берега, пришлось собирать всех братьев и просить помощи у русских. Равновесие было нарушено, и с каждым днем Метки кружили все быстрее, потому что корабль был живой.

— Как живой?

— Внутри него продолжал жить огненный гриб. Он спал очень глубоким сном, но не умер окончательно. Хоть гриб не заражал воду, этого было достаточно, чтобы на протяжении сорока километров вдоль по побережью вода захлестнула двенадцать поселков. Погибли люди. А корабль-город продолжал дрейфовать, и всех наших сил не хватало, чтобы отогнать его.

Мы хорошо сделали, что не утопили корабль. Я тогда был молод и горяч, лет двадцать, не больше. Я предлагал отправиться на корабль, разобраться, как им управлять, и направить его в море. Или затопить прямо у берега. На счастье, приехали русские Хранители, у них тогда еще не было змеев, только Черные кони. Они приехали и сказали, что на корабле не только спящий гриб, который вместо парового мотора, а там еще десятка два спящих грибов — в оружейных карманах. И если мы попытаемся затопить гигант, как топим порты на побережье, мы получим такую Слабую метку, что от Польши останется мертвая пустыня.

Тогда Хранители обратились к воеводам. И были забыты распри из-за городских младенцев, которых мы забирали себе. Воеводы вывели в море все рыбачьи суда, больше сорока штук. Приплыли корабли от литовцев. А от вас, из Петербурга, Хранители прислали четыре буксира. Их привела хозяйка русского порта, мама Кэт, огромная такая женщина, настоящая разбойница. Мы зацепили плавучий город канатами и сумели сдвинуть его с места. Рыбаки знали островок на Балтике — одни скалы. Корабль оттащили туда и оставили в узком проходе, потому что из открытого моря он мог бы опять вернуться. Когда отцепили канаты, оказалось, что тяжелое судно пошло дальше, пока не село на мель. Там он и застрял, а звенящие узлы постепенно успокоились...

И вот, после ухода Великого посольства началось такое же движение узлов. Но ничего не взрывалось, и в почву ничего не просачивалось.

Ты понимаешь, пан Клинок, о чем я говорю? Картина выглядела так, словно разумная сила раскачала землю за Рейном, чтобы стереть караван...

— Какие-то враждебные Качальщики? — наугад предположил Артур.— Откуда им взяться, если за рекой нельзя жить?

— Враждебные, только не Качальщики. Ты разве не знаешь, пан Клинок, что настоящие колдуны есть только среди славянских племен? Я имею в виду истинных владык живого мира, а не шарлатанов, кто режет жаб на могилах.

— Вот те раз... — опешил Коваль. Он припомнил, что действительно никогда не слышал о норвежских или финских лесных чародеях.— А почему? Почему в загаженной Европе нет своих Хранителей?

— Когда-то я задал этот вопрос отцу,— грустно улыбнулся Кшиштоф.— И отец мне ответил так. Он сказал, что германец, когда хочет узнать, пора ему сеять или пора праздновать, смотрит в календарь, а поляк или русский — в себя.

У нас хуже урожаи, но зато мы лучше видим...

Глава четвертая

Поющий автобан

Артур соскочил с коня и осторожно опустился на одно колено. Стараясь не касаться ладонями потрескавшегося асфальта, наклонил ухо к земле. Ничего подобного ему слышать не приходилось.

Автобан пел.

Этот ноющий, заунывный, как комариное гудение, звук не слишком походил на песню. Если слушать долго и внимательно, аккорд распадался на несколько составляющих нот, вроде нитей, сплетенных в тугой канат, но кое-где порванных и снова связанных. Одни нотки тонко вибрировали, как железный флюгер на ветру, а другие басили, на грани с инфразвуком, поднимая дыбом волосы.

— Завыть хочется! — поежился в седле Людовик.

— Ты уверен, что это лучшая дорога? — с сомнением спросил у ксендза Лева, обозревая мглистый горизонт.

— Это дорога, по которой три года назад ушло посольство,— отрезал Станислав и отвернулся.

Всю дорогу он демонстративно давал понять, что достойного собеседника видит лишь в лице губернатора. Артуру эта

история с проводником нравилась все меньше. Для отряда оказалось потрясеньем превратиться из авиаторов в кавалеристов, но спорить никто не стал. Никто из этих людей трудностей не боялся, а чутью Хранителей верили безоговорочно.

И мама Рона, и Лева отказались бросить экспедицию. Кшиштоф не подвел, выделил пятнадцать первоклассных коней, так что поместились и багаж, и корзина с Лапочкой. Крылатые змеи полякам удавались неважно, зато в модификации лошадей род Кшиштофа оставил уральских мастеров далеко позади. Кони стали еще крупнее, перевалив в холке рост баскетбольных нападающих. Уши приподнялись выше, отчего благородные животные слегка смахивали на кенгуру, и вдобавок вращались на сто восемьдесят градусов. Глаза еще больше вытянулись в длину, позади копыт появилось по загнутому когтю. Как успел убедиться Артур, его конь без труда одолевал почти вертикальные подъемы...

Но самым фантастическим достижением генных инженеров стал увеличенный вдвое объем сердечной мышцы; выносливость развилась просто неописуемая. Они могли скакать карьером, не останавливаясь, больше двенадцати часов. Они могли без проблем, с грузом в триста килограммов, переплыть реку. Единственная задача, которую пока не удавалось решить,— это приживить лошадям жабры...

— А мне по нраву, что так ровно! — заржал Митя Карапуз.— Хорошая дорога, ровная!

— Лучше некуда,— согласился Людовик.— Вот только воет так, что у меня колени трясутся.

Отряд собрался в кучку; бессознательно все оттягивали момент начала пути. По территории Польши они проскочили галопом, почти не останавливаясь и не сбавляя скорости. На редких привалах в городках Лапочку отпускали из корзины погулять, и белый кот до икоты пугал старух и детишек.

— Там, вишь как оно, впереди, что-то непонятное, прям пылевая буря! — недовольно заметил полковник Даляр.— Мы добрых мостиков с дюжину миновали и дороги покрепче видали.

— Они также вели на запад, но не пели и не застилались пылью,— добавила мама Рона, повязывая вокруг лица мокрый платок.

— Вперед! — скомандовал Коваль и тронул поводья.

Пора было прекратить эти пустопорожние рассуждения и подать пример.

Копыта наконец негромко зацокали по шоссе. Позади с умиротворенным шелестом нес мутные воды воспетый германцами Рейн. Мост почти не повредило от времени, под опорами из воды до сих пор торчали груды сброшенных когда-то автомобилей. За лесом поднимались приветливые дымки, и торчали спаренные готические шпили. Местные крестьяне встретили экспедицию довольно приветливо, продали копченого мяса и указали источник с чистой водой. Из Рейна никто не пил, и скотину там не купали.

При посещении аккуратных германских поселков Артура не покидало острое чувство зависти. Несмотря на разрушения и мертвые зоны вокруг промышленных объектов, здесь сохранилось главное — фанатичное прилежание и стремление к аккуратности. Даже братские могилы столетней давности были организованы с немецкой планомерностью и четкостью...

Крестьяне жили почти вплотную к границам Великого пожарища, которое в дословном переводе называлось тут «Пастбищем смерти». Там, где не было заметных границ, красовались подновляемые таблички с надписями «Ахтунг» и «Ферботтен!» И перед этим мостом стоял колышек с табличкой.

У моста спешились; по указанию Станислава, коням перевязали морды плотной мешковиной, а ноги по колено обработали белым вонючим составом, похожим на известь. На противоположном берегу расстилался точно такой же дремучий лес с преобладанием буков. Сучковатые, лишенные коры деревья походили на тевтонских рыцарей, вышедших к реке напиться и ждущих заветное слово, чтобы ринуться вброд, в атаку на человеческое жилье...

— Карапуз, на пять корпусов вперед, и возьми с собой Лапочку! Людовик, замыкаешь! — привычно отдавал команды Артур.— Полковник, держи левый фланг. Христофор и Лева, пустите маму в центр. Семен, прикрывай меня сзади!

Сам он ехал впереди мамы Роны, бок о бок со Станиславом, расстегнув ножны и освободив зажимы метательных клинков. В обеих седельных сумках торчали рукояти заряженных дробовиков. Карапуз причмокнул, вырываясь в авангард, ухватил за поводья коня, несущего корзину с тигром. Лапочку развяза-

ли; тигр впервые с начала пешего путешествия вел себя нервно. Раскачивал длинной складчатой шеей, шевелил усатыми ноздрями по ветру.

— Зверь беснуется,— сказал Христофор.— Чует живность...

— Живность? — мигом откликнулся Станислав, приподнимаясь на стременах.

Хмурый ксендз довольно быстро сообразил, кто есть кто в маленькой армии и, как ни странно, нашел слушателя в лице покладистого сына Красной луны. К изумлению Артура, святоша довольно спокойно переносил загадочные афоризмы Христофора и с великодушной настойчивостью внушал заблудшей овце мысли о боге. Даляр глядел хмуро, а Людовик только посмеивался...

— Нечистая живность,— сообщил, не поворачивая головы, Карапуз. Даже на таком расстоянии дикарь прекрасно слышал все, что говорили сзади.— Пока далече, но шибко много.

— Говори яснее,— попросил Коваль.— Одно большое или много маленьких?

— Не видать. Далече и... очень непонятно. Гы! Так не бывает!..

— Тут все бывает! — поляк натянул поводья, конь стал, как вкопанный.— Я прошел эту дорогу трижды и до сих пор жив, потому что верил в знаки, посылаемые Господом нашим. Другие не верили, насмехались и размахивали сталью. Тут бывает всякое, а к югу, где обнимут Ползущие горы, одна глупая улыбка обойдется тебе очень дорого! Я по два дня лежал в болоте и спал, привязавшись к вершине дерева. Теперь кости тех, кто смеялся, гниют в земле, а я жив и закончу предначертанное...

Да, мысленно присвистнул Коваль, встречаясь глазами с Даляром, этот парень, если не псих, то явно одержимый. Наверное, для подобных предприятий это не так плохо...

— Оно далеко слева, там! — недовольно проворчал Христофор, указывая в сторону лесной прогалины, где появились длинные приземистые строения.— И так не бывает: сразу над землей и под землей. Лапочка чует, но пока не шипит...

— Все бывает. Скорее всего, это рой, пока не страшно! — Станислав опять тронул жеребца с места; сбившийся с ритма отряд двинулся вслед за ним.

— Какой еще рой? — озабоченно спросил Лева, но ксендз снова его проигнорировал.

Артур приложил к глазам бинокль. Автобан вонзался в лес, как оброненный великаном меч. Кое-где на дорожном покрытии сохранилась разметка, а по обочине поблескивали светоотражатели. Километрах в двух впереди на встречной полосе навсегда замерла автомобильная пробка. Очевидно, первым перевернулся и перегородил дорогу большегрузный трейлер, а следующие в хвосте легковушки продолжали втыкаться и налезать друг на друга, пока не начался пожар. За полтора столетия от аварии осталась бесформенная груда обломков высотой с двухэтажный дом, а шоссе покрылось въевшимися пятнами рыжей ржавчины. Может быть, шофер трейлера умер прямо за рулем, не успев вовремя вколоть себе вакцину. А может быть, он нарочно завалил машину, чтобы устроить веселое представление...

Буковый лес раздался в стороны. В низине, как одинаковые спичечные коробки, тянулись ряды промышленных зданий с выцветшими буквами на плоских крышах.

— Там написано, что это химический концерн,— пояснил поляк.— Ближе подходить нельзя. И направо тоже заводы: делали запасные части для нефтяных повозок. Так до самого горизонта.

Коваль смутно представлял себе экономическую географию прежней Германии, но складывалось впечатление, что отряд угодил в самый центр химической промышленности.

Кони мерно вышагивали по жаркому пыльному асфальту. Хвосты висели спокойно, ни одно насекомое не тревожило животных. Или мазь Хранителей отпугивала комарье? Лапочка скалил зубы, фыркал и скреб когтистыми пальцами борт корзины. Артур старался не упускать тигра из вида. Как бы люди ни были тренированы, Лапочка заметит опасность прежде.

Пока вокруг ничто не напоминало родимые российские пожарища. Вполне обыденные лужки, кольцевая развязка, рухнувшие под тяжестью танков опоры эстакады.

Лежащий на боку строительный кран насквозь пророс кустарником. За краном валялся потемневший пластиковый щит с предупреждением, что движение в направлении Кобленца для частного транспорта закрыто. А за вторым поворотом, там, где торчали сваи подорванной развязки, колыхалась в жарком мареве сплошная пыльная стена.

Издалека это походило на желтоватый туман, но чем ближе подбирались всадники, тем сильнее напрашивалось сравнение с пыльной стеной. Словно по мертвой саванне проскакало стадо буйволов. И все громче становилось тоскливое пение.

— Ты был здесь трижды? — чтобы легче справиться с тревогой, Артур решил не молчать.— Значит, Хранитель Кшиштоф не зря пригласил именно тебя... Разве не достаточно одного раза, чтобы навсегда возненавидеть эту пыль?

— Впервые я прошел здесь пятнадцать лет назад с караваном из Вроцлава. По Неметчине раскидано много гиблых мест, но торговлю ведут почти без оглядки. Крестьяне давно проложили безопасные пути, а бургомистры дают верных проводников. Но караванщики из Вроцлава были лихими купцами, вознамерились пройти южнее. Кто-то им сказал, что за пылью есть богатые города... Они пригласили меня и еще двоих ксендзов, чтобы силой Креста освятить путь. Половина из нас погибла, не хочу вспоминать... Потом я ходил в Вечный город...

— Так ты был среди тех, кто добрался до Рима?!

— Да, это не так сложно, если не вести себя, как твой холоп.

— Карапуз мне не раб! — Артур ухватил коня поляка за поводья.— Пан Станислав, все эти люди служат городу. Давай раз и навсегда договоримся, что холопов тут нет, иначе у тебя могут возникнуть серьезные проблемы!

— Всегда будут холопы и господа,— криво усмехнулся святоша. Но дальше спорить не стал. Артур покосился назад: не видел ли кто их маленькую стычку. Даляр, ехавший по дальней обочине, глазами показал, что контролирует обстановку. Руки у полковника были заняты. На правом плече, стволом назад, он держал заряженную крупной дробью двустволку со взведенными курками. Поперек седла Даляр небрежно уложил дисковый пулемет, наставив вороненый раструб на низкие кусты. Вдоль обочины, до границы леса, расстилался ослепительный ковер цветущих дроков, там кружили пчелы и порхали фиолетовые бабочки. Полковник держался в седле абсолютно расслабленно, но Артур знал, с какой скоростью он умеет открывать круговой огонь.

— Расскажи дальше,— примирительно попросил он ксендза.— Ты дошел до Рима...

— Сначала мы были не в Риме,— вернулся к беседе Станислав.— Мы дошли до города Милана и там встретили людей истинной веры. Они приняли нас очень хорошо, потому что помнили других святош, которые приходили до нас. Они тоже хотели бы торговать с Германией и Польшей, но знали, что большому каравану не пройти. Ты сам позже поймешь, пан Кузнец...

Потом нам дали проводника до Вечного города. Но святой престол осквернен язычниками, а вокруг древних стен жили племена кровожадных людоедов. Мы стояли на горе и молились о том времени, когда нам с итальянскими братьями удастся вернуть утраченное величие. Под покровом темноты мы пробрались в один из соборов — и бог явил нам чудо. В разграбленном храме нам удалось обнаружить обломки Креста, святые книги на незнакомом языке и картины. Мы взяли, что могли унести, и отправились обратно.

Но в пути через горы многие из моих друзей вели себя слишком беспечно. До Варшавы нас вернулось только семеро...

Последний раз я посетил Мертвые земли два года назад, когда пытался отыскать Великое посольство. Сам я не участвовал в походе, потому что был послан епископом проповедовать истинную веру в Украину...

— Так попытки найти пропавших уже предпринимались?

— И не раз, но безуспешно. Хранитель Кшиштоф сказал тебе правду. Граница Мертвой земли неспокойна, как будто взорвались сразу десятки потухших древних заводов. Даже германские чародеи-травники, раньше свободно гулявшие по границам Желтых туманов, остерегаются забираться на юг. Как будто враг рода человеческого вознамерился помешать нашим планам.

— И как же ты отважился?

— Нас было трое, получивших благословение. Кроме меня, один простой горожанин, ткач по профессии, и один Качальщик, хлопец из рода Кшиштофа, которого я вырвал из лап нечестивых и привел к богу. Мы получили от Хранителя силы крылатого змея и полетели над водой. Мы знали, что втроем не прорвемся над сушей, и решили повторить путь норвежского корабля. Мы сумели подняться над ядовитыми испарениями, но молодого Качальщика сожрали рыбы, когда мы приземлились на крошечном островке, чтобы дать змею отдых.

— Поэтому тебе нравится Христофор? — улыбнулся Артур, не отводя глаз от пылевого облака.

Что-то там было неправильно, словно искусственно. Словно надрывался за косогором исполинский вентилятор, заставляя стонать асфальт...

— Сердце вашего Христофора открыто для правды,— согласился ксендз.— Ему легче прийти к правде, чем закосневшим в грехах людям, которые носят золотые кресты под одеждой.

— Продолжай, мне интересно.

— Мы с ткачом успели вовремя проснуться и вырваться из когтей морских чудовищ. Но до Вечного города я добрался один, потому что горожанин не послушался меня и попил отравленной воды из ручья. Он смеялся надо мной, а жара помутила его слабый разум. Он умер, когда до Рима оставалось всего два дня пути... Крылатый змей также погиб; мерзостные твари, похожие на птиц, но твердые, словно железо, напали на нас в воздухе и располосовали змея на части. К счастью, я упал в воду и спасся от их когтей. Если бы было суждено погибнуть мне, а не Хранителю, крылатый остался бы жив. Он меня совершенно не слушался, норовил укусить и постоянно старался сбежать. Я так и не снял с него намордник, боялся, что загрызет. Кормил через решетку, мелкими кусочками, и когда налетели железные чудовища, змей даже не мог защищаться...

Я остался один. Я добрался до Рима и прожил в городе семь месяцев, проповедуя среди дикарей, собирая в общину людей с открытым сердцем. Меня сто раз могли убить и даже сожрать, но не тронули.

Без змея я не мог искать посольство с воздуха. Я овладел языком дикарей и спрашивал всех, не слышал ли кто об огромном караване. Я искал любые следы пропавшего Великого похода. Они собирались навсегда осесть в Вечном городе, так велика была их вера. Но никогда не случалось, чтобы даже в самых гиблых местах сгинули все сразу...

Коваль мысленно провел черту, отсекшую Апеннинский полуостров от остального материка.

— В Милане и других городах, где сохранилась грамотность и вера, выжили тысячи людей, они ждали Великое посольство,

чтобы сообща избрать наместника, но так и не дождались. Вместо этого все, кто пытался пройти через пожарища, даже самые опытные проводники, исчезли. И от польской земли, кроме меня, никто больше не прошел...

В эту секунду Лапочка вздыбил шерсть и заворчал. Кобыла Мити Карапуза замерла, нервно всхрапывая и яростно шевеля ушами. Отряд миновал возвышенность, с полуразрушенным виадуком, откуда было видно, как разбегаются в стороны нитки другого многорядного шоссе. Под автомобильным переездом, метрах в ста, жевали травку тощие, облезлые коровы, несомненно дикие, без клейма и колокольчиков. Заслышав шаги, они прекратили есть, задрали головы и испуганно уставились на людей.

Заметив, что от стада отделился низенький бычок, Семен Второй щелкнул затвором карабина. Но бык не стремился атаковать, он лишь свирепо ковырял копытом землю и демонстративно раздувал бока, украшенные шерстью приятного, светло-фиолетового цвета. На груди шерсть плавно приобретала изумительный сиреневый оттенок и свисала волнистыми прядями, как у северных яков. Коровий гарем заметно уступал во внешних прелестях своему господину. Буренки выглядели бы почти как нормальные представители голштинцев, если бы не длинные завитые рога, присущие скорее горным козлам.

Артур глядел на эту пасторальную сценку, вдыхал живительные ароматы леса и силился поверить в рассказ польского Хранителя. С каждой минутой он чувствовал себя все глупее. Соратники предупреждали его, а верные друзья умоляли выступить в Париж как минимум конной сотней. Он ужаснулся перспективе оторвать столько народа ради собственной причуды.

Вот и сэкономил.

— Пресвятая Ксения! — пробормотал книжник,— ты только погляди...

— Убейте его! — почти выкрикнул Христофор.

Его взвинченный ломкий голос вывел Коваля из оцепенения. Он жестом остановил собеседника и свистнул тревогу. Впрочем, бойцы уже перестроились для обороны, не дожидаясь приказа.

Фиолетовый бык неторопливо приближался по бетонке, но даже подобравшись вплотную, он не смог бы нанести существенный вред всадникам, сидевшим почти на трехметровой высоте.

— Это какая-то птица? — с отвращением спросила мама Рона.

— Ага, утка с четырьмя ногами! — отозвался Людовик и выстрелил в быка.

Коваль наконец увидел то, что заслоняло от него плечо Даляра. Излишне вытянутые морды коров были перепачканы кровью, а то, что он принял вначале за островок мягкой травы, оказалось огромным грязным комком перьев.

Коровы рвали на части тушу мертвой птицы, по размерам почти не уступавшей своим мучителям. Скорее всего, пернатое чудовище никогда не поднималось в воздух, но, наверняка, неплохо бегало на четырех ногах. Половину конечностей и голову плотоядные буренки уже умяли и подбирались к животу, покрытому мощным слоем пуха. Это утка, подумал Коваль, чтоб мне сдохнуть, если это не утка... Он отчетливо различил здоровенную перепончатую лапу, задравшуюся к небу.

Грянул второй выстрел. Следуя неписаным правилам, отряд экономил патроны. Обе пули, посланные Четырнадцатым, попали животному в голову; бык достаточно бодро взобрался на насыпь, затем покачнулся и тяжело скатился обратно. Кто-то вздохнул с облегчением, но радоваться было рано. Пятеро кровожадных коров, следуя каким-то темным соображениям, не отступили в болотистый подлесок, а хрипло затрубили и бросились в атаку.

— Надо убить всех! — перекрикивая лязганье оружия, заявил Христофор.— У них на зубах яд!

— Он прав, господин,— повернулся к Ковалю Семен.

Качальщик поправил на лбу повязку, вскрыл пузырек с отравой и приготовился обмакнуть туда метательный нож. Когда расстояние между коровами и людьми сократилось до пятидесяти метров, стрела, пущенная Людовиком из арбалета, сократила численность врага еще на одну боевую единицу. Артур попытался представить, как будет выглядеть атака через несколько секунд, но тут и поляк ринулся в бой.

Артур поймал его за локоть:

— Мы договорились, святой отец, что в походе ты подчиняешься общей дисциплине. Ни ты, ни я не участвуем в бою, пока не возникнет крайняя нужда.

Глаза ксендза на мгновение сделались бешеными, он попытался дернуться, но Коваль перехватил поводья его лошади.— С нами люди, которым платят за боевое искусство. А тебе платят за знания. Куда мы денемся, если ты погибнешь?

— Пойдете по щитам,— огрызнулся святоша, но буйствовать прекратил.— Тут щиты до самого Парижа. Ты ведь грамотный?

Семен Второй выехал врагу навстречу, мягко метнул, один за другим, три ножа. Четвертую зверюгу застрелил из лука Митя Карапуз. Поспорил с полковником на бутылку вина и попал точно в глаз. Ко всеобщему удивлению, Качальщик не спустился подобрать ножи.

— Надо срочно уходить,— сказал он, и Христофор согласно покивал.— Там, в кустарнике, их полно.

— Это следует записать,— потер бородку Свирский.— Я тридцать раз проходил в России через пожарища, но не видел, чтобы коровы сидели в засаде на утку. Летуны еще туда-сюда...

— Походным! — скомандовал Артур, и Митя без напоминаний выдвинулся в авангард. Кони перешли на рысь. После виадука разбитый асфальт сменился темно-серым, пружинистым, почти не пострадавшим от времени покрытием. Коваль не помнил в России ни одной дороги, сохранившейся в таком идеальном состоянии. Не припоминал он этого материала и до Большой смерти, наверное, немцы изобрели позже, а русским, как всегда, показалось дешевле ежегодно латать старые дыры...

— Ты говори, святой отец, я слушаю,— дружески потрепал губернатор поляка по плечу.— А то знаешь, если на каждую мелочь отвлекаться...

— Теперь я вижу, что люди не зря признают за тобой власть,— хмуро отметил поляк, но спорить не стал, вернулся к своим римским похождениям.— Я понял, что один не найду потерявшихся братьев и не дойду до Польши пешком,— мрачно продолжал Кшиштоф.— И тогда я решил собрать самых лучших моих римских учеников, найти подходящую

лодку и плыть морем. Но плыть не на запад, а на восток, по картам. Это была отчаянная затея, но я решил, что если мы пойдем вдоль берега, не выходя на сушу, то сумеем добраться до Черного моря и высадиться в земле украинцев. Я уговорил плыть со мной десятерых спутников. Многие были опытными рыбаками и умели управляться с парусом и веслами.

Мы вышли в Адриатическое море, угодили в шторм. Затем у нас сломалась мачта. Со всех сторон в трюм просачивалась вода, но наш кораблик плыл! Сначала мы пошли на юг, к оконечности Италии, чтобы видеть берег, а оттуда собирались свернуть к греческим островам.

Сперва мы увидели лесные пожары. Горели сотни километров леса. Лето выдалось не таким уж и влажным; мы решили, что пожары возникли сами по себе. Мне тогда и в голову бы не пришло, что кто-то мог нарочно поджечь леса. А затем впереди показалось настоящее кладбище древних военных кораблей. Их там несколько десятков, некоторые сидят на мели, другие лежат на боку на мелководье, но есть и такие, которые полтора столетия простояли на якоре... Итальянцы сказали, что эти железные горы приплыли когда-то из-за океана и вот уже сотню лет источают зловоние. Внутри кораблей живет зараза, их пушки набиты снарядами, а в трюмах плещутся целые моря нефти. Есть даже такие корабли, где на палубах стоят стальные стрекозы, на которых люди когда-то умели летать... Но в Италии нет Качальщиков, чтобы утопить корабли окончательно.

— Это то, Артур, о чем ты думал? — вставил прислушивавшийся к разговору Лева.— Ты спрашивал там, у польского Качальщика...

— Да, судя по всему, остатки одного из флотов США,— кивнул Артур.— Средиземноморская эскадра. Так что, пан Станислав, Кшиштоф считает, что земля могла раскачаться от нефти этих кораблей?

— Я тоже так мыслил,— насупился святоша.— Пока не увидел своими глазами, что на кораблях совсем недавно побывали люди. Кто-то забрался внутрь и выпустил в чистое море нефть. Нам пришлось забирать далеко на запад, чтобы не попасть в горящую воду. Но это еще не все. Мы подошли к бере-

гу и расспросили местных жителей. Дикие рыбаки поклялись мне, что один из больших кораблей раньше стоял на якоре в гавани острова Сицилия. А теперь он лежит на боку гораздо севернее, и жерла его пушек торчат из воды. С корабля свешивались канаты, и было заметно, что его тащили нарочно, словно хотели навредить, испоганить чистые земли Двух морей. А еще чуть позже, когда мы уже достигли земли греков, мы услышали взрыв. Это взорвался в заливе один из подводных снарядов.

Рыбаки из деревни видели, как несколько больших лодок, плюющих дымом, тащили за собой поврежденный военный гигант, а потом бросили его и ушли на восток. На лодках работали люди в черной одежде, с закрытыми снизу лицами. И головы их были обмотаны тряпками. Кто-то хотел выйти в море, чтобы помешать им, но люди в черном открыли огонь из пулеметов.

Тогда я спросил у своих римских учеников, бывало ли такое раньше, чтобы древние корабли теряли свои заряды, или выбрасывались на берег, или разбрызгивали по морю горящую нефть... И мои спутники вспомнили, что долгие годы на севере было тихо, но примерно два с половиной года назад дважды гремели такие взрывы, что земля вздрагивала на тысячи километров, а сияние от взрывов затмевало солнце...

— Что ж они раньше молчали? — перебил Артур.

— Ты прав, пан Кузнец. По времени выходило, что, когда Великое посольство достигло Франции, кто-то устроил два взрыва у них на пути. Люди в Милане видели, как по небу прокатились смерчи, а затем с запада, из Франции, пришли тучи черного пепла. Несколько недель подряд воздух приносил дыхание огня...

Артуру казалось, что он видит дурной сон. Ничего этого не могло быть, просто потому, что так не бывает. Потому что необразованным пиратам в чалмах просто незачем проникать на тысячу километров вглубь зараженной территории и взрывать нефтепровод. А судя по рассказу, кто-то постарался и уничтожил колоссальную нефтебазу... А три года спустя эти же загадочные басурманы скидывают в залив начинку миноносцев и сливают сотни тонн дефицитнейшего топлива.

Но кто-то этот подвиг совершил...

— Что было дальше?

— Мы свернули на восток, прошли между греческими островами по древним картам. Мы раз пять приставали к берегу, намереваясь поговорить с местными жителями, но натыкались лишь на пожары и следы войны. И там жили не дикари, пан Клинок. Я видел крепкие дома, храмы и ухоженные поля. А еще я видел трупы многих убитых — не только мужчин, но женщин и детей. Я почти ничего не знал об этой земле и не знал, с кем на востоке они могли бы воевать столь жестоко. А потом на месте одного из боев мы натолкнулись на тела людей в шароварах и повязках на лицах. Раньше мы не встречали трупов иноземцев.

До того случая мы считали, что только звери могут рвать животы беременным женщинам, мужчин сажать на кол, а детям выкалывать глаза. Но оказалось, что они не звери, а такие же люди, как мы.

Ты слышишь, пан губернатор? Было ли у вас, в России, так, чтобы один город напал на другой, и всем детям побежденного города перерезали глотки? Мы случайно встретили нескольких спасшихся стариков. Сначала они хотели убежать от нас, но потом поняли, что нас не надо бояться.

Старики увидели Крест и вышли из укрытия.

Никто из нас не понимал их речь, тогда они принялись рисовать на песке. Рисовали лодки и людей с закрытыми лицами. Это не были дикари и не звери, пан Клинок. На одеждах убийц были начертаны непонятные буквы, они владели дорогим оружием, и вдобавок один из них нараспев читал остальным книгу. Дикари не читают книг.

Мы прошли еще дальше на восток и на север, везде держась берега, пока не достигли удивительного и печального места. Мы приплыли туда, где море сужалось. Карта не обманула. Там, у причалов, лежали и торчали из воды сотни, если не тысячи мертвых кораблей. Настоящее кладбище. Пока мы пробирались по каналу, все время видели прекрасный город Двух Башен; я забыл, как он назывался до Большой смерти. Город огромен, пан Клинок, я никогда не видел такого скопления домов. Несколько моих людей решили выкупаться. Их ужалили медузы, и нам пришлось

пристать. Мы надеялись встретить жителей, попросить у них лекарство...

А если честно, то нам всем хотелось подольше полюбоваться на неземную красоту, на теплые зеленые горы и роскошные белые дворцы. Казалось, что на пристанях никого нет, но едва мои добрые спутники вышли из лодки, как их окружили смуглые люди с оружием.

Это я виноват в их смерти. Чудесный город Двух Башен показался мне чистым и добрым, я не ожидал, что там живут наши враги — те самые, с тряпками на головах...

— Почему две башни? — непроизвольно вырвалось у Артура.— Насколько я помню, у Аль-Софии четыре минарета. Хотя могли и разбомбить...

— Ты там бывал? — поразился ксендз.

— Очень давно,— улыбнулся Артур.— Когда башен было четыре. Что стало с тобой дальше?

— Я оставался в лодке, это меня спасло. Оказалось, что люди, населявшие Две Башни, поклонялись не Крестам, а ущербной луне. Они убили всех моих спутников, а пока шла драка, лодка оторвалась от берега и поплыла, подхваченная течением. Я мог бы выйти и погибнуть, защищая друзей. Но я принял решение спасаться в море, потому что раскрытая тайна была важнее отваги и чести. Ты не веришь, губернатор, что так бывает?

— Верю. Умереть проще всего.

— Я плыл один на север. Я знал теперь, что Великое посольство не вернется. Враги разведали о нем, но побоялись схлестнуться в честном бою. Они использовали магию или наняли очень умелых инженеров, чтобы раскачать землю... Я не понимал одного: кому понадобилась смерть невинных детей? Я видел людей в городе Двух Башен, но люди всегда подчиняются вожаку. Я не понимал и сейчас не понимаю, какой смысл в истреблении женщин, которые могут рожать?

У меня не осталось сил управлять судном, и великое чудо, что я не умер от жажды и меня не сожрали морские твари. Я молился Кресту и верил, что Бог меня не оставит. Когда солнце и жажда почти доконали тело, море вынесло лодку к берегу. Меня подобрали рыбаки, они говорили на

языке, похожем на наш, и отвезли в деревню под названием Адлер...

— Ни хрена себе прогулка!

— Да, меня хранили высшие силы. Рыбаки меня выходили, а затем помогли пристроиться к каравану, который шел на север. И лишь спустя месяцы мытарств я разыскал украинских Хранителей, которые усадили меня на крылатого змея и отправили в Варшаву.

— Да уж! — проникся Артур.— Потаскало тебя по кочкам. И какого рожна тебе дома не сидится? Я все меньше верю, что мы найдем ваше посольство...

— Я могу задать вопрос? — вежливо встрял Лева.— А как реагирует ваша власть?

— Воеводы озлились,— с тоской отозвался поляк.— Они заявляют, что все это слишком далеко от нашей страны и никто не неволил наших братьев возрождать Вечный город.

— А святоши?

Станислав не потрудился даже повернуться к Леве, зато смерил Артура долгим пристальным взглядом.

— Нам приходится дружить с колдунами, пан губернатор, так? Тебе и мне. Ты хочешь сказать, что отправился искать своих Проснувшихся демонов, не поставив угощение Хранителям памяти?

— Нет, конечно,— удивился Артур.— Да если бы я к ним на поклон бегал перед каждой вылазкой, у нас был бы не город, а страна сплошных советов. Тем более что не очень-то они разговорчивые...

Карапуз резко осадил коня. Серая полоса автобана покрылась толстым слоем песка. Кони ступали, увязая по щиколотку, на зубах у людей скрипели песчинки. Вблизи пылевая завеса напоминала не плоский театральный занавес, а скорее клубящуюся, медленно ползущую снежную лавину. Артур вспомнил, как в юности он выезжал в командировку в Среднюю Азию и наблюдал за раскаленными барханами, которые неукротимо наступали на зеленую траву. Здесь происходило нечто похожее. Листья деревьев и кустарники изменили цвет, они казались припорошенными желто-коричневым тальком. Вплотную к песчаной лавине жизнь полностью замерла.

Окончательно исчезли насекомые, затихли птицы. Кроме фырканья коней и негромкого лязганья металла, слышался лишь все нарастающий, заунывный стон дороги.

— Надо закрыть лица и глаза! — распорядился Станислав.— Так ты пустился в дорогу, пан губернатор, и не спросил совета у ваших предсказателей? Даже Хранитель Кшиштоф знает о тебе больше, чем ты сам...

— Говори понятнее, пан Станислав! — Артур проверил, чтобы все как следует затянули на затылках тесемки мокрых масок и лямки мотоциклетных очков.

— Куда уж понятнее? — уперся святоша.— Хранители отыскали для тебя место в своей колдовской книге, а ты даже не интересуешься, о чем там говорится... Позволь, я поеду первым! — Он стегнул коня и, вздымая фонтаны пыли, устремился вперед.

Артур рассеяно проводил его взглядом и вновь повернулся к лесной прогалине.

— Ребята, смотреть в оба! Бьем все, что движется!

Карапуз и Даляр зачехлили стволы, готовясь стрелять сквозь мешковину. Лапочка вел себя тихо, зато Семен Второй напряженно перешептывался с Христофором. Сын Красной луны встал ногами на широкое седло и поворачивался, зажав виски ладонями.

После встречи с копытными никто над ним не подтрунивал. Коваль развязал один из рюкзаков и бережно достал плоский футляр со счетчиком Гейгера. Сколько он ни бился, даже «продвинутым» Хранителям не смог объяснить, что именно слышит чудной приборчик, найденный в обычной средней школе. Сейчас счетчик вел себя довольно сдержанно, бывало и похуже...

— Так что говорит Книга? — не отставал от поляка Артур.

— Если останешься жив, спроси у Кшиштофа,— издалека усмехнулся Станислав. Огромный жеребец под ним пятился и пугливо вращал багровым, налитым глазом.— Я знаю, что северные колдуны совсем недавно добавили записи о Проснувшемся демоне. Теперь в Книге сказано, что он соберет Братство Креста и возглавит поход на юг...

Глава пятая

Первая потеря

— Спаси нас, святая Ксения! Ты видишь, господин Кузнец? — мама Рона тронула Артура за рукав.

Начальница Медицинской академии отлично помнила, как к ней в санчасть привели когда-то обритого, запуганного парня в ошметках пластыря, но на людях всегда подчеркивала свое почтительное отношение к губернатору.

— Как думаешь, ваша работа? — повернулся Артур к Качальщику. Семен Второй растерянно покрутил головой.

— Наши люди так не умеют...

Почти шесть часов экспедиция шла сквозь полосу песчаных бурь. За это время окружающая флора изменилась настолько, что Артур поневоле чувствовал себя космонавтом на чужой планете. Сначала они плелись в сумерках, отплевываясь песком, словно угодили в центр Сахары. Первым, держа коня на поводу, брел Станислав. Артур никак не мог взять в толк, откуда берется и куда уходит эта локальная буря. Такое ощущение, словно бесконечная, растянувшаяся до горизонта полоса выполняла функцию заслонки между более-менее привычной действительностью и чем-то неведомым.

Когда напор ветра начал ослабевать и появилась хоть какая-то видимость, оказалось, что четырехрядный автобан с разделительным газоном посредине кончился. Впрочем, направление угадывалось по остаткам размытой гравийной подушки. Станислав прокричал Ковалю в ухо, что здесь он никогда не подвергался нападению.

Потом они выбрались, и Артур не мог не ужаснуться, осматривая своих людей. Больше всего досталось Старшине книжников. Бедный старик не мог остановить кашель, сплевывал и отхаркивался; несмотря на очки, глаза его разъела пыль. Остальные выглядели немногим лучше; даже лошади дрожали, точно загнанные зайцы. Черные, как смоль, волосы мамы Роны и рыжие патлы Христофора стали серыми. Самым хитрым, естественно, оказался ксендз: он повязал не

только голову, но прихватил веревками рукава и отвороты кожаных штанов.

— Наши так не умеют,— повторил Семен и выплюнул комок серой слюны.

Но Коваль уже и сам понял, что до подобных шалостей русским Качальщикам далеко.

— Три года назад здесь было чище,— отозвался Станислав. Он наклонился и пытался гребнем расчесать свою густую шевелюру.— Теперь я вижу, что песок переместился. Но раньше за песком была зелень...

Сумрачные буки уступили место корявому, лишенному листьев подлеску. Все, что росло или делало вид, что растет, приобрело отталкивающий, мышиный оттенок. Артур не мог побороть омерзение. Вместо кустарника стояли дряблые, согбенные скелеты. За скелетами из черного месива выступали покореженные, уродливые пни, выбросившие навстречу солнцу пучки засохших веток, больше похожих на щупальца. Из переплетения веток свисали мокрые кожистые лианы, с них сочилась тягучая клейкая жидкость. Ковалю показалось, что к дрожащим нитям лиан прилипли десятки мертвых насекомых. В таком случае выходило, что каждая мушка была размером с воробья...

— Это дубы,— заявил глазастый Карапуз.— Чтоб мне сдохнуть, это же дубовая роща...

По правую руку, насколько хватало глаз, тянулись почти правильной прямоугольной формы ряды каналов с застывшей черной водой, точно посевы риса или следы аккуратной бомбежки. Трава между ямами полегла и скукожилась. Из ближайшей илистой канавы высовывалась изящная мансарда с флюгером и остекленной верандой, внутри которой, словно законсервированные, красовались вазочки с цветами. Чуть дальше над водой болталась полукруглая, нарядная когда-то вывеска пиццерии. По одному из покосившихся столбов вывески, оставляя за собой потеки слизи, ползала рогатая улитка величиной с котенка.

— Медленно идет к нам,— озабоченно сказал Христофор, указывая за спину, где клубились песчаные буруны.— Неживое и живое, над землей и под землей...

— Это город,— кивнул на квадратные ямы Качальщик.— Недостертый город.

Воздух стал влажным. Заметно понесло гарью. Пропали телеграфные столбы и защитные щиты, бесследно исчезли могучие станины с путевыми указателями. И даже солнце, устало катившееся на запад, казалось грязным и блеклым, как пораженный катарактой зрачок...

Но было еще кое-что, озадачившее Коваля.

Между илистых черных канав уходил влево слабый след подъездной дорожки, вдоль которой, будто непереваренные трясиной, торчали обломки пластиковых конструкций. Определить их назначение не представлялось возможным. В конце дорожки, в сотне метров от шоссе, выглядывали из рыхлой, неприятно блестевшей почвы остроконечные черепичные крыши.

— Целая улица... Она утонула,— подобрал слово Даляр.

Останки крыш тянулись двумя параллельными линиями, между ними разливалось безжизненное антрацитовое озеро. Еще дальше, в кругу кривобоких, плешивых растений, торчала покосившаяся верхушка кирпичной ратуши. Снизу доверху темно-красный в прошлом кирпич был сейчас покрыт белым и зеленым налетом, точно разные виды плесени соревновались, кто быстрее сожрет воспоминание о человеке. Из разбитого стрельчатого окна здания высовывался гигантский птичий скелет. Видимо, четвероногая утка устроила гнездо в недрах муниципальной собственности. А потом явился кто-то, еще более крупный, подкараулил птицу в ее домике и перегрыз ей горло. На расстоянии Артур различал острую килевую кость и раздробленный позвоночник.

И ни единого звука, только звон в ушах, словно после разрыва снаряда...

— Не поет больше,— заметил Людовик, орудуя шомполом в дуле карабина.

— Дорога умерла, петь некому,— объяснил поляк.— Дорога поет, пока ее ломает.

Артуру, в свое время, довелось участвовать в стирании нескольких десятков некрупных населенных пунктов в глубине России. И всегда Качальщики сначала определяли точки приложения сил, скрупулезно собирали «плавающий» узел, чтобы, не дай бог, не выпустить процесс из-под контроля...

Тут все было иначе. Землю раскачали небрежно, часть домов осталась на виду. Либо тот, кто вывернул наизнанку южную Германию, действовал как взбесившийся слон, либо...

— А может, это Звенящая метка? — нерешительно спросил Коваль.

Семен Второй присел, растер в ладони горсть земли, поднес к носу.

— Похоже на то, но кто их видел?..

— О чем идет речь? — к полуживому книжнику понемногу возвращалось любопытство.

— Звенящая метка, по терминологии Хранителей, это редкий случай, когда три «плавающих» узла собираются прямоугольным треугольником,— пояснил Артур.— Например, на месте ядерного взрыва или очень грязного древнего производства. Так было у нас в Череповце и... в Москве. Такая метка не просто Слабая, она способна вызвать разрушения на площади в тысячу километров. И Звенящие метки, в отличие от обычных, Качальщики не раздувают, а, напротив, стараются погасить. Самые вредные объекты всегда старались растворять потихоньку...

— Это ж надо! — присвистнул Людовик.— А сколько ковбоев они угробили со своим колдовством...

— Мы не воюем с ковбоями! — нахмурился Семен.

— Тихо, тихо оба! — рявкнул Артур.— Тут никто не виноват. Тут все гораздо хуже.

Он вглядывался в горизонт, крутил настройки бинокля, но везде встречал лишь обезображенные карликовые деревца, черную жирную воду и серый блеск земли.

— Нет леса, приятель,— сообразил Семен.— Если это метка, должен быть дикий непролазный лес. И звери. А тут пусто, как на пожарище.

— Тут не пусто,— внезапно заявил Христофор.

— Хлопец прав, тут совсем не пусто,— обнажил редкие зубы святоша.— И если засветло не доедем до городка пивоваров, то спокойной ночи я никому не обещаю.

— По коням! — приказал Артур.— И след в след, порядок прежний.

Спустя два часа перехода в напряженной тишине, запах гари стал сильнее, а клубы летучего песка почти исчезли за линией чахоточной поросли. Отряд продвигался в полном

молчании. Все спутники Коваля когда-то повидали Вечные пожарища, но здешние «красоты» повергали в смятение даже Митю Карапуза.

— Глянь, хозяин! — потрясенно указал он, когда в десятый раз миновали череду плоских бетонных крыш.

Прежде там возвышались корпуса германских промышленных гигантов, но теперь они походили на стадо доверчивых буйволов, угодивших в трясину. Одна из роскошных нержавеющих башен с рекламой фармацевтического концерна «Байэр» ухитрилась не уйти в почву вертикально, а завалилась набок. Артур насчитал одиннадцать этажей.

— Эдакую махину втянуло! — восхищенно восклицал Карапуз.— А мы так против нее, что букашки...

В одном из окон верхних этажей торчали палки, пучки травы и даже обломки стальной арматуры. Когда всадники приблизились, из-за балконных перил высунулись две пучеглазые головы с массивными, загнутыми вниз желтыми клювами. На голых черных шейках еле-еле пробивался нежный пушок. Шейки были обхватом с мужское запястье. Обитатели фармацевтического офиса синхронно разинули клювики и издали жалобный писк, от которого вздрогнули лошади.

— Это ж гнездышко,— крякнул Митя.— Ни хрена себе птенцы! Не хотел бы я с ихней мамкой столкнуться!

Коваль подумал, что хищные детеныши вряд ли могли взлететь при таком весе. Интересно другое: как их мамаша добывает пропитание, если ходит пешком? Разве что бегает со скоростью курьерского экспресса...

Рыкающий бас Карапуза разносился в стороны от тропы и тонул в сыром тумане. Артур ни с кем пока не хотел делиться своими соображениями, но кое-что в поведении воздуха ему совсем не нравилось. Качальщик тоже заметил изменения, недоуменно поглядывал на небо.

Воздух не должен был теплеть к вечеру, а он не просто теплел, он становился душным, точно под землей разогревался дьявольский котел. Над илистыми кавернами поднималось зыбкое марево, а справа открылась широкая низина, до горизонта заросшая жесткой сиреневой осокой. Оттуда ласковый ветерок доносил жуткое зловоние, будто догнивал стратегический запас квашеной капусты. Именно такими

представлял себе Коваль уютные болотистые лежбища Юрского периода.

Воздух нагревался с каждой минутой, и само солнце вело себя как-то неправильно. По всем прикидкам, светило должно было давно скатиться к удаленной цепочке холмов, но вместо этого точно приклеилось к небу. Коваль дважды доставал из подсумка железный цилиндр с авиационным хронометром и дважды не мог понять, кто сошел с ума, он или солнце. По внутренним ощущениям Артура, часы шли исправно. «Но если в космосе все в порядке,— вынужден был признать Артур,— значит, не в порядке само время!» Только этого не хватало... Он незаметно показал Семену на циферблат. Тот мрачно кивнул. Качальщики не пользовались механическими приспособлениями, но с детства были приучены определять время с точностью до минуты.

— Не темнеет,— сквозь зубы проворчал Семен, поравнявшись с губернатором.— Словно время в кольцо замкнулось. Я слышал, китайские монахи так делать умеют...

— Здесь так бывает,— откликнулся вездесущий ксендз.— Иногда слабее, иногда сильнее; я не хотел вас пугать. Один мой знакомый, из германских колдунов, ходил за травами, но не по этой дороге, а севернее. Однажды он попал в день, который длился больше тридцати часов, а когда вернулся обратно, никто его не искал. Родственникам показалось, что он вернулся даже слишком быстро, за одно утро. Все удивились, как он успел собрать так много целебных растений...

— Выходит, если мы застрянем тут на месяц, за пылью может пройти всего неделя?

— Ты не проживешь тут месяц,— просто ответил поляк. Затем поразмыслил и добавил «ясности»: — А южнее может стать совсем наоборот.

— Здесь можно собрать что-то целебное? — недоверчиво хмыкнул Качальщик, заматывая лицо шарфом.

Он последовал примеру Карапуза: достал пузырек и выдавил на ткань несколько капель настойки, чтобы вонь не отбила обоняния.

— Здесь я даже голой рукой к земле не стал бы прикасаться,— бросил Станислав.— Но севернее, в предгорьях, много хороших трав.

Головной жеребец Карапуза увлекал своих сородичей по сложной зигзагообразной траектории: петлял между торчащими из гравия трубами, антеннами, верхушками высоковольтных мачт. Иногда, точно лишайник, возникал на пути кусок дремучего бурелома. Тогда направление подсказывал ехавший вторым Станислав. В редких рощицах слышалось птичье пение, на обочине мелькали силуэты мелких зверьков, затем зеленая полоса обрывалась, будто отрезанная ножом, и отряд снова видел вокруг лишь безжизненную степь с отпечатками тысяч «проглоченных» строений, озерами солярки или пахучими гейзерами химикатов.

В какой-то момент на вершине холма невесть откуда возник кусок автобана и рощица чахлых осинок. Коваль скомандовал привал и помывку. По крайней мере на открытом пятаке никто не мог подобраться незамеченным. Станислав отнесся к идее привала крайне скептически и настоял на том, чтобы не сходить с бетона. В сторонке нашли канаву с чистой водой, дали сперва понюхать тигру. Лапочка не отвернулся, но Артур даже для бани скомандовал воду вскипятить.

Приведя себя в порядок, губернатор вернулся в седло и попытался сориентироваться на местности. Масштабы разрушений превосходили самые дерзкие фантазии.

Никакой Качальщик не сумел бы столь высококачественно искрошить то, что люди создавали тысячелетиями. Если бы не молчащий счетчик, Коваль охотно принял бы версию давнишнего ядерного взрыва. До Большой смерти плотность населения в этих районах была чрезвычайно высока. Здесь, без сомнения, поработала Метка, гораздо страшнее, чем та, которую Артур когда-то вызвал к жизни в Москве. Но Метка выдохлась, не закончив страшную работу...

— Там, южнее леса, город,— Артур передал бинокль Станиславу.— Не пойму, как он мог сохраниться.

— Я уже начал бояться, что мы сбились с пути,— криво ухмыльнулся святоша.— Три года назад все было иначе...

Он не успел договорить фразу, потому что Христофор и Семен, жевавшие на попоне бутерброды, вскочили одновременно. Не успели они распрямиться, как Даляр уже перекатился на горячем пружинящем бетоне и направил пулемет в сторону, куда указывал придворный колдун.

— Что там, Христя? — выкрикнул Карапуз.

— Очень быстрое и снова поверху и под землей...

— Это рой,— побледнел ксендз.— Я говорил, что нельзя останавливаться!

В ватной тишине пронесся нарастающий шелест. Затем шелест перешел в мягкое гудение. Люди вскочили на ноги, лихорадочно озираясь, лошадь мамы Роны звонко заржала, поднялась на дыбы и чуть не зашибла передними копытами хозяйку. Карапуз запрыгнул на своего жеребца, потянул из лямок шестиствольный пулемет. Из всей команды лишь он один мог управляться с ним.

— Там, там! — повторял Христофор, обняв шею своего коня.

В болотистой низинке поднималась к небу колченогая конструкция, увенчанная пластиковым коробом с надписью «Шелл». Вдалеке поблескивали верхушки гигантских нефтеналивных цистерн. Между ними по направлению к дороге скользило темное облако. В бинокль это походило на многократно скатанный рулон проволочной сетки.

— Коням — лежать! — скомандовал Артур, выхватывая оружие.— Семен, выпускай летунов!

— Бесполезно,— сказал ксендз, но Качальщик уже вспорол на спине резервного коня мешки с боевыми мышами.

Шесть хищных голов лязгнули зубами; летунам не надо было объяснять, где находится противник. Конь, почуяв хищников, шарахнулся в сторону и случайно задел Семена копытом. Мыши взмыли в воздух, на ходу выстраиваясь в боевой клин. За последнюю разработку Коваль заплатил генетикам вдвое больше обычного; новые мыши обзавелись легкой броней, двумя втягивающимися когтями, а яда теперь хватало, чтобы в одиночку завалить быка.

Семен от удара копытом покатился по земле, к нему бросилась мама Рона. Испуганный конь рванул в сторону, соскочил с дороги и, никем не остановленный, понесся навстречу рою, унося на себе канистру с водой и свернутые палатки... Свободные лошади сбились в кучу и бесновались, как стая чертей. Слава богу, путы не позволяли остальным гигантам рвануться наутек...

Ровный гул перешел в пронзительный хорал, точно на три ноты стенала сотня кастратов. Темная туча размером с волей-

больную площадку, а по форме очень похожая на хоккейную шайбу, насквозь прошла короб с рекламой немецкого машинного масла.

Вывеска взорвалась мельчайшими брызгами.

Следующим на пути тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Словно не замечая препятствия, рой проделал в перекрытиях здания дыру и продолжил атаку.

Ошалевший от ужаса конь по касательной приближался к вероятному противнику, разбрасывая содержимое рюкзаков. Летуны мчались двумя клиньями, собираясь зажать врага в клещи. В отличие от лошадей, они никого не боялись.

Артур поднял бинокль и почувствовал слабость в животе. Организм нечасто его обманывал. На сей раз из болота надвигалось абсолютно чужеродное создание. Мышцы словно обволакивало волной ледяного ужаса.

Рой состоял из тысяч тонких визжащих стрекоз, сцепленных между собой длинными жесткими усиками и собравшихся в сложную кристаллическую структуру.

Следующим на пути металлизированной тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Рой слегка замедлился, проделал в перекрытиях здания дыру, прогрыз знак «Опель» и продолжал неукротимо взбираться на холм.

— Матерь божья! — прошелестел Лева.

— Как с ними бороться? — Коваль тряхнул соборника за плечо.

— Молиться или убегать,— просто ответил тот.— Если дорога их не остановит, остается бежать...

Губернатор не решался дать команду открыть огонь. Он был уверен, что только зря расстреляет патроны. Несомненно, усики, которыми соединялись насекомые, были невероятно остро заточены и вдобавок вибрировали, как лезвия электрических лобзиков. Но Коваль рассмотрел и другое.

Рой плыл и под землей, точно плугом вспарывая верхний слой почвы. Там, где проходила сетчатая «шайба», сиреневая осока осыпалась мелкой стружкой. Двигаясь таким макаром, подумал Артур, эти твари неизбежно уткнутся в сверхпрочную бетонку...

Обезумевший конь Семена заметил опасность, когда стало уже слишком поздно. В последний момент он затормозил, пы-

таясь сменить направление, провалился выше колен в глинистую кашу болота, и тут ему беззвучно и очень ровно отрезало заднюю часть туловища. Мощные ноги жеребца, даже не успев подогнуться, превратились в мелкий фарш. Коваль так и не понял, питался рой своей жертвой или нет.

Летуны достигли цели и с яростным клекотом набросились на врага. Спустя секунду все было кончено. Живой авиации больше не существовало. Правда, можно было еще кинуть в бой четверку почтовых голубей...

— ...спаси и помилуй... — тихо молился Лева.

— Через минуту они будут тут,— очень спокойно произнес Даляр.

— Всем по коням,— скомандовал Артур.— Капитан, огонь по левому флангу!

Карапуз немедленно выпустил сотню пуль.

— Так им! — закричал Людовик.— Что, гады, не нравится?

Произошло чудо, рой смешался. Гнетущий металлический хорал распался на сотни отдельных писклявых голосков.

— Полковник, огонь по правому флангу, короткими!

Коваль прилип к биноклю. Конь под ним слушался, но дрожал, как зайчонок.

Даляр повел стволом пулемета. Стрекозы понесли ощутимый урон; по крайней мере, стало ясно, что они уязвимы. Артур ясно видел, как блестящие сосиски, даже разорванные на части, продолжали не в такт взмахивать спаренными жесткими крылышками, мешая товаркам отстегивать «крепежную арматуру». Рой замер на месте, избавляясь от поврежденных частей решетки. Там, внутри, происходили сложные центробежные перемещения, кристалл спешно менялся, приноравливаясь к новому состоянию. Артура внезапно осенило, что, даже расстреляв весь боезапас, они не остановят этот бескровный суперлобзик...

— Христофор, свободных лошадей в центр! Полковник, направляющим! По моей команде — в галоп! Карапуз, замыкающим, прикрывать!

Станислав нарочно взял западнее, чтобы оставить между отрядом и железной тучей дорожное полотно. Угощая коня плеткой, Артур заметил, как на противоположной обочине фонтанами взлетели куски бетона. Рой вгрызался в шоссе.

Конница промчалась метров двести, затем, по команде губернатора, сгрудилась на следующем островке бетона. Коваль кивнул Людовику. Тот уже ждал с заряженным гранатометом на плече. Бить пришлось прямой наводкой. Даляр отскочил, зажимая уши руками.

Боевое преимущество роя стало для стрекоз палкой о двух концах. Почуяв приближающийся объект, они сгруппировались плотнее, хотя могли бы пропустить гранату сквозь себя. Взрывом тучу разорвало на четыре части; даже теперь отдельные фрагменты продолжали цепляться друг за друга. Чудовищный охотник остановился, атака захлебнулась. Артур ждал, когда рассеется дым, Людовик замер со следующей гранатой в руке. Даляр сдерживал беснующихся коней.

То, что происходило на обочине, больше всего напоминало кадры из ночного кошмара. Раскиданные по траве и бетонке стрекозы с упорным бесстрашием сползались в центр, к тому месту, где под землей поджидала неповрежденная часть роя.

— Ниже бей! — кричал Даляр, ударяя по стволу гранатомета. Позже Коваль десять раз задавал себе вопрос, мог ли он предотвратить то, что случилось. Вторая граната снова угодила в цель, но Людовик слишком увлекся и, не слыша окриков Даляра, ринулся вперед. Очевидно, ему хотелось засадить третий заряд еще ниже, вплотную к земле, туда, где, скорее всего, помещался мозг кровожадной проволоки. Он пробежал десяток метров, не замечая, что рой все быстрее движется ему навстречу, и замешкался, перезаряжая гранатомет. В этот миг из дымной завесы вырвался неровный сетчатый шар и разрезал бравого капитана на части. Вряд ли рой действовал осознанно, скорее бесился кусок его организма, оторвавшийся при взрыве предыдущей гранаты. Коваль уже успел прокрутить в голове сюжеты из фантастических книжек, читанных в детстве, и сделал для себя вывод, что о коллективном разуме речь не идет. Тварь действовала на уровне простейших инстинктов.

Все кричали одновременно. Даляр поливал остатки роя из пулемета, Семен набивал для полковника магазин. Карапуз, соскочив с коня, приседая под тяжестью своей шестиствольной махины, топал через дорогу, как разгневанный носорог.

Мама Рона плакала, натужно хрипел Свирский, удерживая коней. Даже ксендз отчаянно ругался.

Артур уже видел, что похоронить Людовика им не удастся. Он соскочил с коня и, превозмогая отвращение, подошел к застывшему над трупом друга Даляру. Плечи полковника вздрагивали, он указывал Ковалю пальцем, не в силах произнести ни слова.

Оставляя широкую кровавую полосу, проволочная амеба волокла останки Четырнадцатого к обочине. Тонко вибрирующие усики стрекоз распороли человека на десятки кусков, которые держались только за счет толстых кожаных портупей. Как ни странно, лицо почти не пострадало. Людовик смотрел в небо с тем же озорным, шкодливым выражением, как и четырнадцать лет назад, когда Артур впервые встретил его в кольце лысых псов...

— Хозяин, берегись! — окликнул Митя.

В сторонке, ощупывая друг друга гибкими усиками, ползли еще две стрекозы. По пути они объединились с третьей, затем к ним присоединились еще две, выпустили звенящие жесткие крылья...

— По коням!

Лошади неслись галопом, следуя за предводителем. Через два часа безостановочной скачки Коваль позволил перейти на шаг. Он чувствовал, что если не остановится и не хлебнет из фляги, его немедленно стошнит. При всем удобстве седел каждый шаг черного жеребца отдавался болью в позвоночнике. Позади, намотав на руки узду, тряслась белая, как простынка, мама Рона. Встретив взгляд губернатора, она сделала попытку улыбнуться.

Колонна замедлилась. От разгоряченных боков лошадей шел пар. Копыта увязали в рыжем песке, поверх него наметало сухой ржавчины сантиметров десять толщиной. Черные болота почти полностью уступили место сиреневой осоке; вблизи оказалось, что трава вымахала в рост кукурузы. К счастью, сохранившаяся под ржавчиной основа шоссе не позволяла подозрительным побегам придвинуться вплотную. Кони брели по центру складчатой полосы, между двух неестественно шуршащих, сиреневых стен. На рыжем песке прослеживалось множество следов, и некоторые Артуру совсем не нрави-

лись. Например, вот эти, где три узких пальца или когтя раздвинуты сантиметров на пять, а противостоящий им большой удален от остальных на семь дюймов. Ни Карапуз, ни Семен — самые большие знатоки леса — не могли припомнить животное с такими лапами...

Солнце на западе продолжало свои бредовые игры, то замирая, то проваливаясь ниже. У Коваля не было времени сесть и сделать замеры, он лишь чувствовал, что с прыжками светила каким-то образом связаны приступы головной боли. Оказалось, что виски периодически трещали у всех, даже у непробиваемого Карапуза, который трусил позади, для надежности развернувшись задом наперед.

Рой отстал. Пока скакали, Христофор знаками показал командиру, что далеко слева прошли еще две подобные тучки. Но они не сменили направления и не кинулись наперерез.

— Как нам отвязаться? — с трудом переводя дыхание, набросился на ксендза Семен.— Ты говорил, что до темноты покажутся горы, но нет ни гор, ни темноты. Здесь ночь хоть когда-нибудь наступит?!

— Там город! — поляк ткнул стволом карабина в приближающиеся развалины.— Путники, встречавшие рой, находили убежище в городах. В городах много металла, рой не любит металл.

— Как давно они появились? — вклинился Артур.— Ты говорил, что первый раз проходил тут двадцать лет назад?

— Они были другими... — задумался поляк.— Тогда германские крестьяне не боялись ходить за песочную стену. Они находили в развалинах много полезных вещей... Достаточно было вколотить в землю железную палку. Рой ломал об нее зубы и отступал.

Коваль переглянулся с Качальщиком.

— Наши старики говорят, что за Уралом встречалось нечто подобное,— вполголоса произнес Семен.— Неживые твари, подобные машинам. Твари, которые живут, повинуясь заклятиям. Но никто не видел колдунов, способных повелевать древними машинами.

— Судя по книгам, до Большой смерти таких умельцев было полно,— напомнил Лева.

— Значит, они набирают силу,— подвел невеселый итог Артур.

Какая-то мысль крутилась у него в голове, не давая успокоиться. Нечто важное, воспоминание, неясная аллюзия, навеянная рассказами Станислава...

— Раньше в городе всегда наступал закат,— встрепенулся Станислав и добавил, отвернувшись в сторону: — Правда, говорят, там не всегда светало...

— Командир! — Даляр избегал смотреть губернатору в лицо.— Почему ты послушался этого пройдоху? Если бы мы полетели на драконе, Лю был бы жив!

Несколько секунд полковник и ксендз, не мигая, мерялись взглядами. Руки обоих готовы были лечь на курки, но губернатор встрял между ними. Затем святоша очень медленно повернулся к Ковалю:

— Скажи своему человеку, что он вправе убить меня, если утром я не дам ему доказательство. Мы погибли бы все...

Коваль положил ладонь на вздрагивающее плечо Даляра; тот нехотя отвернулся. Краем глаза Артур видел, как Семен опустил здоровый кулак с зажатым в нем ножом.

Это лишь начало, содрогнулся губернатор. Мы не прошли и трети пути, а несем потери. Правда и то, что без святоши мы бы давно полегли. Я остановил их сегодня, но где гарантия, что они не затеют драку без меня? Каждый видит свое горе и не в состоянии рассмотреть общую проблему.

Запах гари стал невыносим. Наконец, за очередным плавным поворотом сиреневое поле сменилось пожарищем. Серые курганы золы вяло курились, как вулканы над морем пепла. На несколько километров вокруг взгляд ловил только выжженную степь. Но за степью была жизнь. Там поднимались обглоданные стихиями, но вполне приличные старинные готические постройки. Между изделиями средневековых каменотесов вклинивались конструкции двадцать первого века. Большой город, такая привычная зелень на площадях. И горящие костры.

«Кайзерслаутерн»,— прочел Коваль на дорожном щите. Надпись почти выцвела, но не так давно ее подновляли.

— Там люди и не люди. Добрые и злые,— прокомментировал Христофор.

— Скажи только одно,— кинув взгляд на застрявшее, точно приклеенное к небу солнце, спросил у ксендза Артур.— Ты уверен, что нам не стоит обойти город стороной?

Брови и ресницы святоши покрывал слой гари, пот грязными ручьями тек по щекам.

— Три года назад,— медленно поднял уставшие глаза святоша.— До ухода Великого посольства, я бы сказал, что уверен...

Глава шестая

Ночные пивовары

По горам золы на брусчатке Артур сразу определил, что костры тут жгли постоянно, возможно, несколько лет подряд. Примерно так раньше выглядели осветительные приборы перед Зимним дворцом, пока не наладили нефтяное освещение. Две жаровни на площади напротив собора, еще две в конце длинной, превосходно сохранившейся улицы. Грамотно уложенные в каменных козлах столетние стволы, которые достаточно периодически подвигать,— и пламя не угаснет. Даже в сильный дождь. Впрочем, на случай дождя имелись широкие деревянные навесы. В сторонке, под рогожей, возвышались штабели аккуратно распиленных дров.

— Пивовары освещают город,— буднично произнес Станислав.— Порой солнце прыгнет — и ночь наступает слишком внезапно, а ночи тут бывают разные... Сам увидишь.

— Пивовары?! — не поверил ушам Артур.— Да кому нужно их пиво?

— Нам. Для этого мы взяли товары.

— Я не пью пива! — скривился Карапуз.

— Я тоже терпеть не могу! — подала голос мама Рона.

— Придется пить,— вздохнул Станислав,— иначе нам не пройти Желтые туманы.

— Это что еще за хрень? — насупился капитан чингисов.— Опять проделки магов?

Артур отметил, что после гибели Людовика команда впервые разговорилась. Или городская обстановка действовала на

всех успокаивающе, или люди испытывали потребность сбросить напряжение в болтовне. Уверенности добавлял крепкий булыжник под ногами, развесистые каштаны в тенистых скверах и вездесущий запах дрожжей...

— Каждую осень ветры сгоняют Желтые туманы к морю, но весной они появляются снова. Они накапливаются и оседают росой. Пивовары говорят, что лет сорок назад туманы стояли круглый год, теперь они слабеют. Твой приятель Кшиштоф,— обратился поляк к Семену,— считает, что туманы рождаются на развалинах древней химии. Дожди вбирают отраву, затем вода поднимается вверх...

— А пивовары делают деньги на продаже снадобья? — усмехнулся Свирский.

— Ты можешь не пить,— равнодушно отмахнулся ксендз.

— Почему нас никто не встречает? — озабоченно спросила мама Рона.

— Жители не выходят при солнечном свете,— Станислав привстал на стременах; казалось, он постоянно что-то высматривал.

— Почему?

— Сами увидите,— пожал плечами ксендз.

Отряд, никем не остановленный, проехал по главной улице почти километр и остановился на следующей площади. Артур вопросительно глянул на Христофора, тот изобразил растерянность. Тигр в корзине вылизывал шерсть. Кони, недовольно потряхивая надетыми на морды мешками, тянулись к буйным зарослям травы на тротуарах.

Оглядев площадь, Коваль испытал щемящее чувство возвращения в детство. Старая часть города походила на сказку про заколдованный замок. На плотно подогнанных каменных плитах мостовой стояли изящные чугунные скамейки. Позеленевший памятник неизвестному полководцу призывно взмахивал обломком руки. Узкие таинственные улочки разбегались от площади, маня за собой, точно задворки театральных декораций. Над стрельчатыми арками кое-где скрипели, покачиваясь, медные ботфорты, чайники и ножницы, как воспоминания о давно ушедших в небытие гильдиях мастеров. Готические шпили, обтянутые кружевом каменных украшений, прокалывали сумерки, словно гневно воздетые пальцы аристократов.

Обитые металлом дубовые двери старинных домов, казалось, готовы были распахнуться и выпустить навстречу путникам делегацию почтенных бауэров, бургомистра в буклях и при шпаге, румяных баронесс в крахмальных воротниках...

Но не появился ни бургомистр, ни придворные дамы. Вместо них, бесшумно ступая по замшелым плитам, из подворотни вышла кошка. С хозяйским видом оглядев пришельцев, она потянулась и села вылизывать шерсть.

И сразу все вернулось на круги своя. Лапочка рыкнул, оторвав кусок от своей корзины. Кошка моментально подобралась и зашипела, выдвинув двойной ряд нижних, как у кабана, клыков. Серая мурлыка уступала тигру по всем показателям, но все же была крупнее добермана. Из мягкой шерстки на ее затылке развернулся частокол полосатых игл, словно ожерелье дикобраза.

Коваль взглянул на сказочный городок другими глазами.

Из каждой щели настойчиво пробивалась сорная трава, по счастью не сиреневого, а самого обычного, салатного цвета. Но вперемешку с травкой поднимались вдоль водостоков серые и коричневые побеги незнакомого вьюна, украшенного роскошными пахучими цветами. Там, где вьюн вгрызался в стены, выпали камни. А на земле, вперемешку с гранитной крошкой, валялись мелкие птахи, соблазнившиеся цветочным нектаром. Вдоль улицы тротуар обрушился до уровня канализации; из черного зева тянуло затхлостью. Деревянные двери домов прогнили насквозь и проросли грибами. Карнизы густо покрывал окаменевший птичий помет, а сквозь выбитые окна там и тут просвечивало небо. Крыши зачарованных дворцов давно рухнули вместе с внутренними перекрытиями.

— Вроде наших болотных котов,— заметил Лева, указывая на кошку.

— Ага, тока помельчей будут,— отозвался Даляр, поднимая арбалет. На кошку он жалел потратить пулю.

— Ишо две слева,— сказал Карапуз, запуская руки в седельные сумки.

— Не стреляйте,— попросил Станислав.— Это не дикие коты, без приказа не нападут.

Артуру не надо было поворачиваться, чтобы сосчитать животных. Их окружало восемь котов. Еще четверо притаились в засаде, за фасадом бывшего цветочного магазина. Кошки были спокойны и не представляли опасности. Это очень хорошо, значит, на пивоваров давно никто не нападал. Это хорошо вдвойне, потому что не придется убивать красивых животных, или заставлять их убивать своих хозяев...

— Сытных дней вам, охотник Борк! — вежливо произнес Станислав.

Коваль не сразу понял, к кому он обращается. А когда увидел, едва сдержал улыбку.

Плотный низенький человечек, из тех, кого кличут «метр с кепкой», закутанный как пасечник, стоял в темном проеме цветочного магазина, дополнительно заслонясь внушительным черным зонтиком. Лицо человечка скрывало широченное сомбреро с наброшенной поверху плотной паранджой.

Ксендз бегло заговорил на немецком, Коваль еле осиливал его шипящую речь. Наконец охотник Борк свистнул котам и удалился в недра магазинчика.

— Мы приглашены,— счастливо выдохнул Станислав,— лошадей надо завести во двор, там с ними ничего не случится.

Внутренность замшелой лавчонки оказалась сплошным обманом. Наверное, тут торговали цветами еще во времена курфюрстов, здание явно было построено с десятикратным запасом прочности.

Вторая внутренняя дверь открывалась в узкий, извилистый коридор. За полным мраком опять возник рассеянный свет, кирпичные аркады сменились деревянной обшивкой, и Артур догадался, что предприимчивые пивовары связали в единую квартиру целый квадрат старинных зданий. Точнее, подвальных и полуподвальных этажей, выходящих на площадь и прилегающие улочки.

За третьим поворотом охотник Борк откинул плотный полог и пригласил гостей в сводчатую залу, заставленную тяжеловесной мебелью в худших традициях немецкого средневековья. Артура с порога потрясли две вещи. Зала освещалась тремя сносными керосиновыми фонарями, а в глубине стоял ухоженный, блестящий рояль с раскрытыми нотами на пюпитре. Борк снял шляпу, повесил зонтик на крюк и постучал в

смежную дверь. Потирая глаза от сна, явились еще двое мужчин, помоложе. Они удивительно походили друг на друга и на Борка. Изжелта-бледные лица в прожилках вен, красные глаза и белоснежные патлы альбиносов.

— Мои сыновья,— представил охотник.— Клаус и Фердинанд.

Гости расселись за массивными столами на твердых, отполированных лавках. По совету ксендза Коваль вручил подарки: мыло, семена, порох. На столе появилось холодное мясо, хлеб и бутыли с вином.

— Пища не заражена,— поспешно перевел Станислав.— Все добыто на чистой земле.

И, подтверждая слова хозяев, первым приступил к трапезе.

— Первый раз вижу русских,— низким голосом произнес Борк.— Но о тебе, герр Кузнец, мы слышали.

— Что же вы слышали? — Коваль пригубил терпкое вино.

— Что ты пытаешься вернуть русским государство.

— Ну, это уж слишком,— Артур с трудом подбирал немецкие слова.— До государства нам далеко. Однако приятно, что вы знаете такие слова.

Ответил, и тут же понял, что сморозил бестактность, уравняв ночных пивоваров с лесными мутантами. Впрочем, охотник Борк не обиделся.

— Мы читаем книги, герр Кузнец. Наши отцы читали, и мои внуки будут читать. К сожалению, мы не можем посетить Петербург, но всегда рады видеть вас у себя. Мы не владеем славянскими языками, но можем говорить по-французски.

— Солнце смертельно для вас? — осмелел Лева.

— На следующий год после Большой смерти взорвался реактор на ближайшей станции,— как ни в чем не бывало объяснил Борк.— Затем, с промежутком в полгода, взорвались еще две атомные станции во Франции. Дети уцелевших рождались неспособными переносить прямой ультрафиолет. Также у нас часты заболевания крови и... еще много других проблем. Впрочем, не совсем тактично рассуждать за завтраком о болезнях.

Охотник Борк был сама деликатность. У Артура от изумления кусок застрял в горле.

— Вы говорите как человек древнего мира!

— Я же сказал, мы читаем книги. Пока другие убивают друг друга...

— Зато жители этого славного города, да и окрестностей, почти поголовно могут иметь детей,— ввернул ксендз.

Пришла очередь изумляться всем участникам похода.

— Даже не думайте,— со смехом замахали толстыми ручками пивовары.— Десятки раз мы соглашались на брачные союзы с теми, кто живет за песочной стеной. Дети рождаются, но либо не доживают до года, либо не переносят солнца и вновь возвращаются сюда. Господь разделил нас и вас, как строителей Вавилонской башни...

Артур едва не поперхнулся шарлоткой. Никогда в жизни ему не пришло бы в голову, что полудикий мутант из немецкой глубинки способен рассуждать изящней, нежели питерские книжники и святоши...

Выдержав паузу вежливости, Станислав накинулся на пивоваров с вопросами о Великом посольстве. И снова старина Борк потряс губернатора.

— Когда они прошли здесь, я имел короткую и не совсем приятную беседу с кардиналом Жмыховичем. Возможно, вследствие возникших разногласий посольство не остановилось на ночлег в городе. Впрочем, за пиво они расплатились честно.

— Так они прошли без ночевки? — ужаснулся ксендз.— Не могу поверить, что вы отказали им в гостеприимстве!

— Напротив, мы всячески уговаривали их задержаться. Солнце в те дни скакало слишком резво. А вы же знаете, мой друг, вы бывали тут неоднократно, что когда время замедляет бег, человека мучают сильные головные боли. Конечно, мы не могли пригласить в дома их всех; признаться, я никогда не видел такого скопления народа! Охотник Шульке проводил их к фабричным складам, где они могли спокойно разместить повозки под крышей...

— Отчего же вы повздорили?

— Я спросил герра кардинала, кто ему присвоил столь высокое духовное звание, и он не сумел ответить мне ничего вразумительного. И мой сын Клаус предельно вежливо спросил кардинала, куда они везут столько женщин и детей. Когда мы услышали о целях, как вы называете, Великого посольства, я

позволил себе напомнить о славных годах правления папы Урбана Второго и его благородной идее возвращения христианских святынь.

Коваль покосился на святошу. Станислав, похоже, до сих пор не понимал, о чем идет речь. Остальные, кому он перевел слова Борка, также хлопали глазами.

— Очевидно, герр Жмыхович был уязвлен сравнением его предприятия с крестовыми походами,— невозмутимо продолжал пивовар.— Но я был вынужден напомнить ему, что за последующую тысячу лет все остались, что называется, «при своих», а попытки отправить на войну детей уже производились и имели соответствующий результат.

Станислав сидел словно громом пораженный, зато разулыбался старый книжник, невзлюбивший ксендза на пару с Даляром.

— Однако не это вызвало наибольшие трения,— скромно потупился Борк.— Как выяснилось, за песочной стеной герр кардинал проповедовал с большим успехом, и здесь для отправления службы ему непременно потребовался зал нашего городского собора. Видимо, он желал подбодрить своих людей перед выступлением. А у нас не так много пригодных зданий для работы и жилья. Признаюсь честно, в соборе мы коптим мясо. Очень удобно, прекрасная тяга... Просто для веры и молитвы нам вполне хватает более скромной кирхи.

Герр Жмыхович очень рассердился за такое попрание святых мест и заявил, что мы в его глазах упали ниже мерзких французских язычников, поклоняющихся Железной птице. Он даже не захотел остаться и послушать, как моя дочь играет на фортепьяно. Он сказал, что будь его воля, он бы всех нас истребил, как тех монстров, что живут на болотах.

Тогда мой сын Фердинанд спросил кардинала, не кажется ли ему, что человек, любящий своих близких, но желающий скорой смерти первым встречным, не вправе наследовать духовный сан. А мой сын Клаус спросил, насколько приближают к богу белые расшитые одежды герра кардинала и несколько килограммов золота, которые тот носит на себе? Мой сын заметил, что мы молимся в пустых стенах и не затеваем часовых литургий, с музыкой и золотыми шапками. Зато мы никого не

планируем истреблять, продаем пиво всем, кто отваживается пройти Ползущие горы, и не отправляем беззащитных детей на войну с людоедами...

Охотник Борк постучал по столу, и низенькая плотная женщина в длинном шерстяном платье принесла поднос, уставленный глиняными кружками. За хозяйкой, мяукая и путаясь в ногах, семенил клыкастый котенок.

— Первую кружку надо выпить сейчас. Вы можете здесь ночевать, а для нас начинается рабочий день. Можете гулять по городу в пределах красных меток, вы увидите... Спустя три часа надо снова выпить пива, и так далее, всего пять раз.

— Меня стошнит,— пожаловалась ксендзу мама Рона.— Почему ты не предупредил раньше?

— Я в рот не возьму это пойло! — с отвращением бросил Карапуз.

Коваль принюхался. Пенистый напиток отдавал жженым зерном и отдаленно напоминал крепкий «портер». Но это пиво, несомненно, варили не на ячмене. Вдобавок, на поверхности плавали мелкие вкрапления, соломинки, зернышки...

— Если бы вы задержались на два дня,— словно извиняясь, развел руками Борк,— то могли бы пить в два раза медленнее. И не надо выплевывать травы, они спасут вашу кожу от Желтых туманов.

Поневоле все приложились к глиняным кружкам. Пивовары откланялись и разом исчезли. Вместо мужчин пришел подросток, волоча на себе ворох соломенных тюфяков.

— Охотник Борк приглашает бургомистра Кузнеца осмотреть мастерские!

— Похоже, вы с пивоварами не слишком ладите,— язвительно заметил поляку Свирский.— А ты еще хотел, чтобы он дал проводника до этих самых Ползущих гор.

— Горы искать не надо, они сами нас найдут,— огрызнулся Станислав. После того, как Борк ненавязчиво утер ему нос, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.— Просто многое поменялось. Город подвинулся, лес подвинулся...

Артур не стал дальше слушать их препирательства. Подхватил рюкзак с оставшимся маленьким летуном, затянул портупею и шагнул за мальчишкой в низкую дверь.

Первый коридор вывел их в кузницу. Двое голых до пояса коротышек орудовали мехами, третий подсыпал уголь в топку. В сторонке валялись плоды вчерашнего труда — неуклюжие, неровные, но чрезвычайно толстые железные колья.

— Твой солдат погиб, потому что не знал повадок роя,— Борк стоял вплотную к зеву печи и крутил в ладонях пружинную конструкцию, смахивающую на медвежий капкан. Он уже успел переодеться в короткие штаны и кожаный фартук. Из-под белесых бровей раскаленными углями сверкали красные глаза.— Мы продадим вам немного палок. Если надумаете разбить лагерь до предгорий, вбейте их вокруг себя. Весь наш город окружен тройным рядом таких шестов, теперь мы укрепляем дороги...

— А здесь, неподалеку от вас, есть другие люди?

— Морбах, Карлсруэ, Гомбург... — пивовар задумался.— Много людей. Смотря кого считать людьми, не так ли, герр бургомистр? Пойдемте, мне хотелось поговорить с вами наедине.

— Только говорите помедленнее! — взмолился Коваль.— Я немецкий учил сто лет назад.

— Так это правда? — стрельнул взглядом охотник.— Два года назад я был за песком и встречался с травниками из Берлина. Они сказали, что к ним ходят караваны от человека, который проспал в хрустальном гробу сто двадцать лет.

— Отчасти они правы.

Борк распахнул перед Ковалем дверцу, за которой начиналась крутая лестница вверх. Они миновали вытянутое помещение хлебопекарни, где носились женщины, измазанные мукой, как громадные пельмени. На следующем этаже трое юношей-альбиносов пересыпали из ведра в плоский чан с водой невзрачную серую кашу.

— Здесь мы делаем бумагу,— небрежно кивнул охотник.— В таком случае, я не ошибся. Герр Станислав сообщил мне, что вы и ваши люди сопровождают его в поисках Великого посольства. Едва взглянув на вас, я сразу понял, что вы едва ли нанялись к святому отцу за деньги. Могу я спросить, какова ваша истинная цель? Почему шестеро человек из России торопятся расстаться с жизнью, и один уже расстался?

— У меня есть другая цель,— уклончиво ответил Артур.— Скажем так, один дом в Париже, где могут жить добрые знакомые...

Борк отодвинул засов на очередной двери, и в лицо Артуру ударил свежий ночной ветер. Солнце наконец-то закатилось, небосклон стремительно темнел, окрашиваясь в глубокие фиолетовые тона. Гость и хозяин находились на плоской площадке башни, стилизованной под средневековое укрепление. Между зубцами была прибита полустершаяся табличка с предостережением на четырех европейских языках, что за край вылезать опасно. Башня не являлась самой высокой точкой города, но обзор с нее открывался прекрасный. Пожары не пощадили районы бывших новостроек, добрая половина улиц лежала в руинах. Почти нетронутым сохранился лишь средневековый центр. Ветры и дожди сорвали крыши, обнажили внутренности верхних этажей, однако средневековые камни выдержали век безумных катаклизмов...

На ближайших площадях вовсю полыхали костры, за окраинами различались пустоши с горящей сиреневой кукурузой, а дальше царил непроглядный мрак. Лишь на западе ядовитым пурпурным заревом полыхали кудрявые облака.

— Допустим, я вам поверил,— кивнул коротышка.— Вы ищете знакомых в стане людоедов, а Станислав ищет две тысячи человек. Я лишь хотел предупредить вас, что ксендз ослеплен своей идеей, так же как были слепы те, кто шел за кардиналом. За три года здесь побывали как минимум шесть экспедиций, и все они стремились добраться до Парижа. Не только поляки, но и германцы. Станислав умолчал об этом, не так ли? Все они утверждали, что идут тропой веры: вразумлять язычников и заодно спасти заблудившийся караван Жмыховича.

И был среди них один человек, сын воеводы. Его ранил ахар, и отец попросил нас приютить ребенка... Когда стало ясно, что в теле юноши отрава и даже знахарка Хельга не может спасти его, мы спросили, не хочет ли он открыть сердце перед смертью. Ему было всего семнадцать...

Юноша поцеловал Крест и рассказал такую историю, что даже я принял ее вначале за бред, вызванный ядом ахара. А я слышал немало предсмертных историй, герр бургомистр.

Все спутники воеводы давали клятву, что никому не раскроют секрет. Но настоящую тайну знали только сын и отец. И она заключалась в том, что остальных наемников, ес-

ли те разыщут пропавших, надлежало потом отравить. Никто не должен был спастись, кроме отца и сына. Мальчишка говорил об этом очень спокойно, ни единой слезинки жалости не выпало из его глаз... Даже умирая, он остался тверд, как камень, и очень напугал меня этим.

Мы не любим тех, кто во имя веры несет смерть другим, герр Кузнец.

Люди в посольстве верили, что идут обустраивать общину вокруг святого престола. Они верили, что разгонят дикарей, проложат надежную дорогу через Мертвые земли и соберут святош. Всего несколько человек в Польше знали тайную правду о хрустальных гробах и могучем имаме Карамаз-паше из города Двух Башен, из страны Турции...

— Что вы сказали? — Артур все это время следил за странными атмосферными явлениями на западе. Там с разной периодичностью полыхали разноцветные зарницы, будто небесный электрик скреб голым проводом по крышке трамблера. Небо то темнело, то раскалывалось пополам цветастой молнией. Последние слова пивовара подействовали на ослабевшего от пива губернатора как ушат ледяной воды.— Извините, герр Борк. Ваш напиток оказался слишком хмельным для меня. Вы говорили о хрустальных гробах.

— Я никогда бы не открыл тайну исповеди первому встречному, герр бургомистр. Воевода, отец юноши, не вернулся из Ползущих гор. Он не остался с умирающим сыном, так велико было его желание опередить других. А я сказал себе, что историю о хрустальных гробах можно передать лишь одному человеку — тому, кто сам восстал из гроба. И вот, проходит два года — и вы сами приходите ко мне. Что это, как не знамение свыше?

Глава седьмая

Имам и джинны

Мне было тридцать два года, когда песок снова дрогнул и покатился на север. Теперь наш город отодвинулся от края Мертвой земли вглубь на два дня караванного пути.

Один за другим взрывались древние заводы, а некоторые не взрывались, но отравляли реки на сотни километров. Я помню, как опять начала светиться земля. Первый раз она светилась на западе, когда я был совсем ребенком. Позже, когда я вырос, научился читать и вместе с прорицательницей Хельгой сравнил карты, я узнал, что это взорвалась ядерная станция в долине Мозеля. Нам повезло, герр бургомистр, что в библиотеке Кайзерслаутена не сгорели энциклопедии. Эти книги открыли нам древние названия и объяснили их смысл.

Второй раз земля дрогнула, когда начал выходить подземный газ на севере от Кельна и запылали угольные шахты. А в среднем течении Мозеля обрушились подземные склады для снарядов с ядерными грибами. Их начинка потекла в почву, песок дрогнул и захватил весь север римской земли до города Венеция. С тех пор он продолжает наступать на Италию. Потому что древняя грязь выплескивается наружу каждый год. За песком тянется полоса Мертвой земли, на которой мы живем. Это не значит, что дальше вы пойдете по сплошным Мертвым землям; там встречаются чистые районы и люди, не боящиеся света...

Мертвая земля родила Ползущие горы и Желтые туманы. Мой сын ходил в Париж. Я не хотел говорить об этом при Станиславе, ибо он ослеплен идеей и не видит истинных знамений. Так вот, мой сын Клаус ходил в Париж и южнее. Он видел много такого, что тяжело представить человеку. Он видел, как на людей нападают машины, но не видел тех, кто управляет ими. Он видел, как твердая земля засасывает человека за одну минуту...

Ты прав, герр бургомистр, когда говорил о рое. Металл не рождается и не умнеет сам по себе. Его даже нельзя научить, как существо из плоти и крови...

...Тридцать с лишним лет назад отправилась горстка отчаянных храбрецов на юг, через снежные горы Альпы. Они сумели выжить и вернулись в родной Гамбург с товарами от южных племен. Те говорили на непонятных языках, но были дружелюбны и щедро платили золотом, отдавая за оружие втрое больше, чем на севере Европы. Там, на юге, еще не было больших рынков и собственной монеты.

Вы поймите, герр бургомистр, я могу ошибаться, потому что передаю лишь отголоски чужих легенд. Их рассказывают путники, проходящие через наш город...

Гамбург и Мюнхен посылали много караванов через Карпаты и Альпы, и постепенно купцы дошли до южного моря, где стоит сияющий город Двух Башен. В городе жили племена, поклонявшиеся Уходящему месяцу и разговаривавшие на непонятном языке. Их правители приняли германских купцов тепло и поселили в лучших домах.

Позже к караванам из Мюнхена присоединились люди из Берлина и поляки. Караваны проходили земли южных славян, почти не задерживаясь, потому что только на юге их ждали выгодные сделки. В землях болгаров и мадьяр на караваны нападали бессчетное количество раз, и вольным городам приходилось нанимать множество воинов для охраны.

А после случилось так, что в самой стране Двух Башен началась война. Один за другим гибли правители. А спустя время город постигло новое несчастье. Туда вторглись племена черных дикарей с востока, которым хотелось захватить богатые караванные тропы и морской пролив, соединяющий два моря.

На долгие годы торговля с Турцией остановилась. Но германские и польские купцы продолжали водить караваны до города Генуи. Там они пересаживались на лодки и плавали к африканцам и грекам, а некоторые храбрецы ходили даже в страну Израиль.

Много лет никто не приносил нам сведений о стране, ранее называвшейся Турция. Но умирающий мальчик, сын воеводы, рассказал о людях, которые пять лет назад бежали от дикарей и попали в плен к солдатам Жмыховича. Эти люди говорили об удивительных вещах, творящихся в городе Двух Башен.

Там появился правитель, подмявший всякую иную власть, человек по имени Карамаз-паша. Никто не знал, кто он такой и откуда явился в город, но он привел с собой обученное войско. Солдаты Карамаз-паши были малочисленны, но с ружьями, автоматами и даже пушками. Они пообещали местным властям очистить окрестности города от дикарей и попросили за это малость: немного пищи, самое плохое жилье и право остаться в городе.

Никто не мог справиться с набегами черных племен, но Карамаз-паша справился. Одних он отравил, других его люди закидали бомбами, а самых сильных вождей он подговорил напасть на Стамбул. Да, Стамбул! Я вспомнил имя города!..

Они напали на Стамбул и разожгли мятеж. Законная власть была сметена, Карамаз-паша воцарился в Турции. Именно тогда он повелел называть столицу городом Двух Башен. Он уничтожил руками дикарей всех прежних сановников, а затем, по одиночке, перерезал тех, кто помогал ему занять трон.

Ходили слухи, что Карамаз-паша не говорил на турецком языке. Поговаривали, что никто не видел его лица под капюшоном. Также рассказывали о загадочном и страшном оружии, которым располагали его янычары. О железных повозках, плюющихся огнем, о белом порошке, который, растворяясь в воздухе, отравлял целые деревни. Но самый невероятный слух касался людей из хрустальных гробов. Говорили, что новый имам поймал двух могущественных джиннов и хитростью заставил служить себе. Эти джинны помогли ему сделать янычар непобедимыми. Джиннам достаточно было укусить мертвеца за руку — и тот оживал. Им достаточно было бросить щепотку порошка в колодец — и язва охватывала непокорные города. А выжить мог лишь тот, кто приходил к имаму с повинной. Джинны протыкали ему острым жалом локоть и спасали от смерти. Но делали рабом Карамаз-паши.

Человек, ужаленный в руку, на несколько часов попадал в рай, и готов был отдать все, лишь бы повторить свой полет. Он снова приходил к джиннам, приносил все свое золото, коней и имущество, лишь бы вернуться в страну грез.

Находились умники, кто якобы видел, как джинны выращивают на полях тайные растения и готовят из них снадобья, но доказать правду было невозможно. А после третьего укуса никто уже не хотел ничего доказывать. Люди ползали за Карамаз-пашой на коленях и просили взять их на службу.

Проходило время, и кости человека начинало выворачивать из суставов, мышцы сводило судорогой, а глаза застилала тьма. И боль была столь сильна, что гордые мужчины сходили с ума и умоляли джиннов избавить их от страданий. Джинны жалили их снова. Боль уходила, но потом возвращалась, и людям...

— Вы сказали, за локоть? — перебил Коваль.— Не помните, за локоть здесь или здесь?

Он указал точку на руке.

— Этого я не знаю,— опешил Борк,— но единожды ужаленный сам приползал на коленях просить о милости. И делал за это все, что ему велели. Таким образом, не прошло и года, как новый имам захватил все турецкие поселки и дикие пустыни к востоку. Те, кто служил у него, клялись, что так никогда и не видели лица правителя. Зато им довелось видеть, как в тайные мастерские доставляли целые горы того, что осталось от древнего мира: детали машин, обломки стекла, химикаты... В тайных мастерских работали джинны из хрустальных гробов, они собирали для имама новые смертоносные машины.

Люди страны Двух Башен повинуются Карамаз-паше и страшатся его ослушаться. Властитель заставил подданных бояться гнева их древнего бога. Он показал им, что будет с теми, кто отречется от веры. Карамаз-паша собрал новую армию, и каждому солдату было обещано место на небесах. Каждый солдат был готов один броситься в гущу врага и погибнуть с именем бога на устах.

Тех, кто был слаб в своей вере, изгоняли или убивали.

А потом прошел новый слух. Став правителем, Карамаз-паша собрался освободить от заточения других джиннов. Но хрустальные гробы со спящими джиннами раскиданы по чужим, далеким землям, и имам начал готовить войска в поход.

Первый оказался коротким и неудачным. Янычары не дошли даже до Венеции, их измотали в боях племена хорватов. После похода, в котором погибли сотни и тысячи, знать города Двух Башен осмелилась подступиться к имаму с вопросом, ради чего он собирает второе войско. И Карамаз-паша сказал так:

«Наша доля — нести наше праведное знание о небесном владыке неверным. А кто не хочет покориться древнему богу, того следует убить. Так сказано в Книге сур, а все, что в ней сказано, надо исполнять. Кроме того, мне было откровение, и я донесу его до вас.

Для того, чтобы мы могли спокойно нести знание, нам необходимо захватить караванные тропы и портовые города неверных. Все, что мы сделаем с именем бога на устах, будет при-

знано на небе правильным и полезным. Если мы освободим остальных джиннов из хрустальных гробов, наша страна станет самой могущественной в мире. Эти заколдованные чародеи прячут великие тайны, и я не пожалею людей и денег, чтобы разбудить их. Общими молитвами мы изгоним шайтана, и джинны станут нам покорны!..»

Возможно, все было не совсем так, герр бургомистр, но я передаю со слов несчастного юноши, который услышал предание от отца...

Второй поход Карамаз-паши в Мертвые земли состоялся спустя полтора года после первого. Он набрал войско из дикарей. Отборная гвардия имама была сбита из арабов и черных богатырей из африканских пустынь, но поговаривали, что личная стража состоит из светловолосых богатырей, похожих на славян. Имам никому не говорил, где именно спрятаны зачарованные гробы. Известно было только, что придется идти за песочную стену, в самый центр Мертвой земли. В особой защищенной карете везли под охраной джиннов, освобожденных Карамаз-пашой. Они не умели найти путь, но знали, где находятся усыпальницы подобных им магов. Они были призваны, чтобы снять заклятия со спящих...

В войске Карамаз-паши служили два друга из болгар. Оба имели талант техников, и обоих насильно заставили принять новую веру. Техники прислуживали в тайных мастерских. Это все, что я о них знаю.

Они были отправлены с командой солдат в австрийский город, чтобы поискать и отобрать в брошенных фабриках уцелевшие предметы для военных нужд. Бежать они не могли: их семьи жили в городе Двух Башен и были бы немедленно казнены... Техники сделали свое дело, нагрузили обоз, отправили его в лагерь, а сами поехали следом, но по пути заглянули в какой-то красивый дворец.

Осматривая первый этаж, они случайно увидели через дверной проем группу всадников, не похожих на местных жителей. Местные жители вели себя скромно и тихо, старались избегать солдат Карамаз-паши и большей частью скрылись в горах. А эти всадники ехали ко дворцу не скрываясь, и за ними на цепях бежали два огромных медведя с медвежата-

ми. А над головой у всадников кружили ручные хищные птицы.

Техники затаились в ближайшей нише. Вскоре чужестранцы спешились, привязали своих медведей и лошадей, и зашли во дворец. Они заговорили на славянском языке, который был очень похож на болгарский. Один из техников знал этот язык, потому что раньше вел дела с русскими поселениями на Черном море.

Один из вошедших приветствовал кого-то в глубине дворца и сказал, что добрался сюда, как и обещал.— Проверили ли вы, что я просил, и уверены ли вы наверняка? — резко спросил невидимый собеседник, и властный голос его показался болгарам знакомым.

— Да, господин,— хрипло отвечал гость.— Чем крупнее войско, тем тяжелее будет миновать Мертвые земли. Наши гадания говорят, что отравленная земля сопротивляется тем сильнее, чем назойливее стремятся туда люди.

— Я уже потерял сотни замечательных воинов и почти разорил казну. Мы прошли по трупам земли болгарских и хорватских дикарей, чтобы повернуть назад? Ты это хочешь сказать, глупый Озерник? Ты даже не можешь себе представить, какова будет цена нашего поражения, если до гробниц доберется кто-то другой!

— Хрустальные гробницы Парижа день и ночь охраняют толпы язычников. Те поклоняются гробницам, как божеству, и скорее умрут, чем пропустят вас...

— Неужто жалкая толпа голых дикарей остановит пять тысяч солдат, вооруженных пушками? Когда нас пытались задержать или отказывали нам в провианте, мы оставляли за собой тлеющие угли. А ты пугаешь меня горсткой идолопоклонников!

— Это и плохо, господин, что тлеющие угли. Чем настойчивей ты будешь вгрызаться в Мертвые земли, тем опасней будет раскачиваться под тобой земля. Племена, живущие за песком, давно привыкли к враждебному миру и стали частью равновесия. Против вас ополчатся реки, горы и туманы, а также мириады нечистых тварей — плоды колдовства земли...

— А ваше хваленое колдовство, сын Красной луны? Разве вы не можете пойти с нами и оградить войско от нечисти?

— По твоей просьбе, господин, мы почти добрались до города Берн, но путь нам преградили настоящие исчадия ада — демоны, рожденные военной химией древних. Тогда мы повернули к Парижу. Там живут и нормальные люди, дети Креста, но вокруг гробниц селятся племена людоедов... Никогда в жизни нам не было так трудно, господин. Четверо из нас погибли, а трое вернулись к Озеру больными, и я не уверен, что они выздоровеют. Но если бы мы снарядили военный отряд, то погибли бы все сразу. Земля раскачана, господин, и не выносит пришлого человека, тем более с машинами и оружием.

— Так что же, Ришка, ты предлагаешь мне бросить армию и шагать сквозь песок одному? Ты в своем уме, старикашка? Либо мы пройдем туда все вместе, либо ты и твои братья придумаете, как сделать так, чтобы хрустальные гробницы больше никому не достались! Без Проснувшихся демонов никто не сумеет управлять древними кораблями! Либо я, либо никто!

— Есть и другой путь, господин. Великое посольство!

— О чем ты?

— Польские святоши вбили себе в голову, что могут вернуть в Рим наместника Креста. Они верят, что до Большой смерти в Риме находился Святой престол, которому подчинялись верующие со всех западных земель...

— Я слышал эту легенду, колдун. Нам-то что с того?

— Это не просто легенда, господин. Вместе с польскими святошами готовы отправиться и германцы, и последователи Креста из северных балтийских стран. Купцы готовы их поддержать, им позарез нужны торговые пути в Грецию и фактории в Испании. Воины Креста, как они себя называют, вошли в сговор даже с южными поселениями Франции, где земля не качалась и люди сохраняют верность Риму. Если полякам удастся их план, то соберется великая сила...

— Тем более нам нужно их опередить!

— Нет, господин, напротив. Зачинщиком Великого посольства выступает кардинал Жмыхович. Это безумец, возомнивший, что лично говорил с матерью бога. Но он ничего не знает о демонах из хрустальных гробов. А если бы узнал, то непременно повелел бы их уничтожить. У себя на родине слуги Жмыховича и многие воеводы засыпают входы в хранилища древнего оружия и разбивают то, что осталось на

земле. Как ни странно, в этом они единодушны с нашими врагами, проклятыми Качальщиками. Западные святоши уверены, что в год Большой смерти бог покарал людей за любовь к оружию.

Нам не следует им мешать, господин. Наоборот, через преданных людей ты мог бы помочь им деньгами и пищей. Пусть кардинал наймет побольше солдат и идет в Рим. Пусть к нему присоединятся дураки из Германии, Литвы, Франции и других земель. Чем больше их будет, тем сильнее раскачается земля. А когда они пройдут песочную стену и свернут к Риму, ты мог бы послать лазутчиков, чтобы те помогли земле качаться. Взорвать несколько древних бомб, поджечь леса, выпустить секретные яды...

— Я видел, что бывает, когда качается земля, колдун. Это слишком опасно, демоны в гробницах тоже могут погибнуть!

— Наше гадание говорит, что этого не случится! Мы гадали на печени двенадцати дикарей, на соке деревьев, а сам я, как и обещал тебе, провел четыре недели, засыпанный землей, пока мне не открылось будущее.

Демоны не должны погибнуть, зато твои янычары пройдут в Мертвые земли без труда. Кроме того, граница песка отодвинется далеко на восток, и никто не сможет ее остановить. У германцев нет Качальщиков. Гадание говорит, что возможен исход, при котором земля треснет до Остейского моря, которое мы называем Балтийским...

А ведь твоя конечная цель, господин, состоит не в том, чтобы покорить моторы древних кораблей. Корабль, он лишь орудие... Ты сможешь без лишней крови подчинить Ущербному месяцу все земли к западу от Украины и Балтийские деревни. Качающаяся земля сотрет несколько городов, остальные принесут тебе ключи...

— Не тебе судить о моих целях, Озерник! Не забывай, что благодаря моему заступничеству твой род не кинули на съедение рыбам!

— Прости мою дерзость, господин... — хриплый голос зазвучал приниженно.— Но ты должен знать, что все мы ждем твоего возвращения. Мы молим царя Тьмы и каждое полнолуние дарим ему трех невест, чтобы он помог тебе!

— Я помню об этом. Придет и ваш час...

— Ты должен знать, господин, что сотни верных Сынов и Отцов готовы нанести удар. Только помоги нам, вложи нам в руки разящие стрелы, дай нам запретные творения твоих демонов — и мы в одну неделю сделаем так, что тебе откроется дорога на север! — говоривший тяжело дышал, сам возбуждаясь от сказанного.— Эти трусливые горожане сами выйдут тебе навстречу и будут умолять тебя принять корону, лишь бы спасти свои жалкие жизни! Мы сделаем так, чтобы у них не осталось ни одной спокойной ночи, чтобы они всякий час ожидали взрыва или огня, или потравы...

— Погоди, Риша, всему свое время,— смягчился властный голос.— Вы получите и отраву, и бомбы, и еще кое-что. Да, да, не смотри на меня так! Пока рано говорить, но чтобы укрепить сердца, можешь шепнуть своим людям... Мои джинны заточили в бутыль такую водицу, что не нужно травить целое море. Достаточно, чтобы выпили двое-трое, а дальше водица идет от человека через пот к другому, и все мрут очень быстро...

— Я не понял, господин, как можно умереть от пота?

— Не от пота мрут, дурак, а оттого, что вся водица из тела выходит. Как понос, будто ходит человек белым рисом... И так всю неделю, пока вода из тела не выйдет. Я тоже сначала не верил, но... Они показали мне. Одному пленному дали испить, а рядом, в яме, еще шестеро были. За неделю в муках полегли. Джинны велели их там, в яме, сжечь, не трогая, и засыпать. Это средство вернее, чем качать землю древней грязью, Озерник!.. Хорошо, допустим, мы ударим по югу бомбами, и стихия пойдет по Европе на север. А вдруг она захватит и восток? Вдруг она утопит нашу надежду, боевые корабли?

— Мой господин простит меня, если я напомню ему одну вещь...

— Прощаю заранее, говори!

— Немногие, господин, знают, как ты на самом деле заполучил джиннов из гробницы...

— Ну-у?! — угрожающе протянул собеседник.

— И вспомни, сколько надежд ты возлагал на их скрытые таланты! Вспомни, сколько чудес наобещали они тебе, желая подмазаться к твоей славе и подбирать кинутые тобой кости!

Ты ведь поверил им, но демоны не сумели запустить боевые машины из подземелий...

— Тихо! Они сделали многое другое.

— Прости, господин. Я лишь хотел напомнить, что твоя вера в могущество хрустальных гробниц основана на словах твоих демонов. А вдруг ты, затратив силы, рискуя жизнью, разбудишь жадких книжников или лекарей? Вдруг демоны из страха за свою жалкую жизнь, будут врать тебе, что умеют запустить моторы плавучей крепости?

— Довольно, Озерник! — перебил тот, кого звали «господином».— Мы не повернем назад, но ты отправляйся в Варшаву и разузнай все подробно. Сообщишь мне, сколько золота понадобится, чтобы подтолкнуть сборы этой идиотской затеи. Одно другому не мешает, пусть идут. Мы встретим их и превратим в пыль!

— Очень много золота нужно, господин. Я подослал к одному из воевод продажную девку. Ей приходится платить, как полковнику гвардии, но зато девчонка передает все разговоры своего вельможного пана с кардиналом Жмыховичем. Кардинал собирается купить больше шести тысяч лошадей, примерно столько же рогатого скота и заказать мастеровым сотни новых карет. Кроме того, походные кузни, пекарни, коптильные цеха... Им не собраться и за десять лет, господин, если мы не поможем!

— Хорошо, колдун. Моя казна открыта для такого славного начинания. Подкупай и покупай все, что требуется, но чтобы никто из святош не догадался, кто им помогает. И сообщай мне обо всем!

На этом тайная встреча закончилась, а притаившиеся в нише дворца болгарские инженеры заспешили в походный лагерь. Несколько дней они обсуждали, как им поступить с этой тайной, но так ничего и не придумали. Войско Карамаз-паши прошло сквозь песок и повернуло на Париж.

От второй армии имама через месяц остались одни клочья. Кошмары начались буквально на второй день. Бесследно исчезали конные патрули и целые сотни, посланные впереди основного войска. Затем потерялась половина отставшего обоза. А когда имам принял решение вернуться и подождать, оказалось, что для солдат, охранявших пищу,

прошло всего три часа, а для остального войска — почти три дня.

Люди валились с ног от голода и умирали от Желтых дождей. Многих искалечили ахары, Железные птицы и прочие нечистые твари. На пути войска вырастали деревни, но дикари точно вымерли. Сначала янычары пили в деревнях вино и закалывали скот, но потом, после массовых отравлений и смертей, начали поджигать любое встреченное на пути жилье. Больше всего народа потерял Карамаз-паша при переходе через реку, когда спокойная вода плеснула волной и утащила на дно почти половину гвардейцев...

Те, кто сумел вырваться из когтей взбесившейся природы, еле добрались до границы песка. Но имам не изменил своего решения. Спящие джинны нужны были ему для устрашения неверных и захвата западных стран.

Карамаз-паша с еще большей жестокостью угнетал болгарские племена и греческие острова. Теперь ему платили дань даже румынские купцы, которые возили товары морем в Грецию. Имам заставил платить мзду всех проходящих пролив, а подчиненные племена насильно обращал в новую веру.

Два болгарина-техника оказались в числе тех, кто благополучно вернулся в город Двух Башен. Теперь они работали над сборкой сложного устройства для перегонки жидкой химии в белый смертельный порошок. Химической мастерской заправляли послушные Карамаз-паше джинны, и последний порошок стал самым ужасным из всего, что они придумали. Техники поняли, что лазутчики имама должны раскидать порошок по чистым водоемам Италии, пока Великое посольство не достигло Рима. Страну Двух морей обрекли на новую Большую смерть...

И тогда болгары решились бежать и предупредить людей на западе о том, что их ждет. О военной крепости, которая стояла на якоре где-то вдали от берега, и ждала, когда джинны вдохнут жизнь в ее моторы. О неизбежном провале Великого посольства и ядовитом порошке.

Техники бежали на север через Румынию. Они добрались до Варшавы, но опоздали. Великое посольство уже ушло за песочную стену. Болгарам не повезло дважды, потому что они

попались в руки к воеводе, который ненавидел кардинала Жмыховича.

Воевода собрал верных дружков, и общим решением дело замяли. Польские сановники мало что слышали про Турцию и Карамаз-пашу. Но смекнули, что коли Мертвые земли закачаются, то никакой имам не сможет выступить в Париж немедленно. А еще они смекнули, что если все это правда, то Карамаз-паша заплатит огромные деньги за хрустальные гробы...

Несчастных перебежчиков удавили, а воеводы начали готовить собственную экспедицию в Париж. Когда не вернулись гонцы от Великого посольства, в Варшаве началось брожение. Воеводы, в том числе и отец того самого раненого мальчика, сделали все, чтобы очернить кардинала Жмыховича. Им нужно было, чтобы люди считали их героями. А затем Мертвые земли перешли в наступление, и редкие путешественники понесли вести о Желтых туманах над океаном и горящих лесах Рима. Воеводы поняли, что болгары сказали правду и следует немедля идти на поиски хрустальных гробов.

Герр бургомистр, раненый мальчик лишь честно признался в том, что слышал в отцовском доме. Его отец и другие (там были и святоши) понятия не имели, что делать с гробами, если удастся их найти и отбить у дикарей. Можно было продать демонов имаму. Можно было заманить Карамаз-пашу для совершения сделки и убить во имя святого Креста. Тогда ближайший друг воеводы, епископ Тышец, мог возвыситься над всеми святошами Польши. И наконец, можно было попытаться приручить джиннов и заставить их служить себе.

Они посылали малые отряды, один за другим, и люди сообща собирали для них еду и золото. Все верили, что воеводы ищут пропавшее посольство. Но те плевать хотели на посольство, они рвались к Парижу...

Мы проговорили с раненым ребенком почти целый день, пока его отец охотился и высматривал лучшую дорогу.

С воеводой прискакали почти полсотни конных. Он очень боялся, что перед кончиной сын успел открыть сердце кому-то из нас. Но мы убедили его, что не имеем духовного сана, а потому не могли бы принять чужую исповедь. Храни нас святой Лютер, он дозволил мне ложь, спасшую моих детей...

Он честный человек, этот ваш ксендз Станислав... Только он обманут, как и многие другие.

— Вы полагаете, герр Борк, что посольство погибло?

— То, что натворили слуги имама на юге, докатилось и до нас. И продолжает усиливаться. Я боюсь, как бы время окончательно не остановилось, герр бургомистр...

До Артура вдруг дошло, какой собачий холод стоит на вершине башни. Солнце закатилось, но луна над немецким городком так и не появилась. Над покореженными шпилями словно развернулось мохнатое пыльное одеяло, скрывшее звезды и спутавшее все ориентиры. Внизу, на кривых улочках, помощники Борка разжигали дополнительные костры. За шиворот Ковалю непрерывно попадала холодная морось; казалось, дождь налетал отовсюду, сверху и с боков. Куда не повернись, лоб моментально становился мокрым.

— Не бойтесь, это чистая вода,— сказал в темноте пивовар.— Пока еще чистая.

— Они нашли гробы? — тихо спросил Артур.

— Я разве вам не сказал? — усмехнулся Борк.— Никто из них не вернулся. Во всяком случае те, кто ушел этой дорогой. С ними были опытные проводники, некоторые водили купцов через Ползущие горы еще двадцать лет назад. Никто не вернулся.

— Откуда вы знаете, что Карамаз-паша не захватил хрустальные гробницы? Ведь он теперь, как я понял, отказался от мысли о большой армии...

— Потому что дикари по-прежнему охраняют свои святыни, и Железные птицы кружат над городом. Мой сын, со взводом верных людей, неделю назад вернулся от Ползущих гор. Он встречался с теми, кто шел из Парижа. Пока там все спокойно, если можно так назвать бесконечные местные раздоры. Кстати, дороги больше нет, вам придется идти прямо через пески,— Борк выжидающе замолк.

— Мне осталось спросить вас, герр охотник, почему вы все это рассказали мне, а не Станиславу?

Пивовар помолчал, опираясь на мокрый каменный парапет. В слабом свете лампы, оставленной на винтовой лестнице, Артур различал его кряжистую фигурку в кузнечном переднике. Пивовар смотрел вниз, на родной городок, свою мрачную колыбель и защиту от ненавистного солнца.

— Потому что один Проснувшийся может разбудить и других. Так я думаю, герр Кузнец. А еще я думаю, что осталось очень мало времени, и совсем скоро Карамаз-паша начнет откапывать дряхлое французское оружие в подземных карманах. Если его опередить, то есть шанс, что мои будущие внуки не вырастут в рабстве.

— Так вы все-таки можете нас провести?!

— Я еще раз спрашиваю вас, герр Кузнец, зачем вы хотите попасть в Париж?

Артур видел лицо охотника как бледное круглое пятно, на котором полыхали два красных уголька.

— Ладно, ваша взяла,— признал Коваль.— Я действительно хотел разбудить своих коллег. Я слишком долго откладывал... Ждал, пока Качальщики создадут достаточно мощных драконов, чтобы не рисковать идти пешком.

Борк закивал, в глазах его загорелось неподдельное любопытство.

— Как вам повезло, что Хранитель отговорил вас лететь! — разволновался он.— И как бы я хотел взглянуть на живого дракона. Недавно сюда начала залетать вся это нечисть с юга, но пользы от них, как вы понимаете, никакой.

— Вы проводите нас, герр охотник?

— Я должен обсудить с братьями и сыновьями,— Борк шагнул к выходу на лестницу.— Вы убеждены, что ваши... коллеги не принесут нам нового колдовства?

— Они не умеют колдовать, но могут быть очень полезны.

— Полезны... Боюсь, мы не совсем понимаем друг друга. Ну, впрочем, ладно,— пивовар шмыгнул носом.— Пока отдыхайте.

— Кстати,— вспомнил Артур, спускаясь за коротышкой навстречу сладким запахам пекарни.— А почему вас зовут охотником? Или так у пивоваров всех принято называть?

— Не всех,— без улыбки ответил крепыш.— В наших городах охотник — это больше, чем у вас бургомистр. Чтобы заслужить право так называться, надо одним ножом убить ахара.

— А это так сложно? Ахары, они страшнее, чем рой?

— Ну, как вам сказать?.. Рой, по крайней мере, можно успеть заметить.

Глава восьмая

Кабаны и ахары

Как и предсказывал главный пивовар, Станислав не поверил ни единому слову насчет предательства воевод. Однако он заметно повеселел, когда узнал, что поедут Борк и оба его сына. Плату Борк запросил весьма немалую и в странной форме.

Если экспедиция вернется к песочной стене живая, Коваль подарит пивоварам все тяжелое вооружение и патроны, и всех свободных Черных коней. А пока что, для страховки, губернатора заставили отсыпать граммов двести золота, килограмм серебра и подарить одного коня. В соседство к Лапочке добавили ящики с боеприпасами, а бесполезных голубей и канистры с водой оставили в подвалах ратуши. Борк пообещал, что разыщет чистые источники по пути.

Пивовары нарядились как привидения, все открытые части тела густо обмазали белой мазью, нацепили самодельные очки с темными стеклами и замотали лица шарфами.

И началась бешеная ночная скачка, поскольку охотник хотел затемно добраться до деревни, где обитали его родственники. По прикидкам Артура, за три часа непрерывной скачки отмахали километров сто пятьдесят. Походный строй теперь выглядел иначе. Впереди, на одном коне, тряслись вместе с котами Клаус и Фердинанд, Борка взял к себе в седло Качальщик. У пивовара, к неудовольствию ксендза, еще за ужином нашлись с Семеном Вторым общие темы. Они долго обсуждали, сколько понадобится Хранителей меток, чтобы очистить посевные угодья вокруг города. Борк спрашивал, чем можно заманить в гости русских волшебников, а Семен дознавался, где растет травка, которую пивовары добавляют в свой напиток. Глядя на них, Коваль пришел к выводу, что только шесть кружек пива могут устранить языковые барьеры...

Стоило тронуться с места, как охотник развернулся задом наперед, поднял очки и упер в колени два заряженных обреза.

Семен пристегнул коротышку к своей портупее и получил инструктаж по выполнению простейших команд.

Оказалось, что пивовары Кайзерслаутерна, когда выезжают верхом пострелять, именно так и поступают, хотя их лошади в два раза меньше. Один рулит, а другой отстреливается. Иначе догонят и съедят...

Семен теперь ехал в арьергарде, на некотором удалении от отряда, чем очень нервировал Христофора. Сын Красной луны необычайно разговорился. Он не уставал повторять на скаку Ковалю, что совсем недалеко прыгает что-то живое, большое и злое. Затем он обнаружил, как что-то большое, не злое, но любопытное ползет справа. Артур до рези в глазах вглядывался в темноту, но не видел ничего, кроме бесконечного засилья кукурузы. Что-то там несомненно передвигалось. Порой очень даже шустро, но Артур не успевал замечать.

Несмотря на мрачные прогнозы ксендза, восход наступил и застал путешественников на самой границе травы и леса. Пивовары на ходу натянули маски из плотной ткани. В который раз Артур поразился феноменальному зрению чудесных лошадок. Всадникам казалось, что три с лишним часа они мчатся по ровному шоссе, но на самом деле «шоссе» оказалось довольно узкой тропой в ямах и рытвинах, утыканной по обочинам железными костылями...

— За деревней тропа кончается,— предупредил Клаус.— Поедем по насыпи, там, где ходили машины на стальных колесах...

Первый луч солнца пробил мрак. Сзади, из узкого коридора сиреневой кукурузы, не торопясь, подъехал Семен. Ноздри Артура издалека уловили пороховую гарь. Выходит, что Борк стрелял в кого-то, но на такой скорости, да еще при сильном боковом ветре, звук отнесло в сторону...

— Кабаны,— успокаивающе сказал охотник.— Голодные, шли по следу.

Деревня состояла из двух десятков разбитых в хлам особнячков середины и конца двадцатого века. Пивовары жили в двух старинных зданиях: кирхе и кирпичном владении бывшего суда. Еще там сохранилась сносная конюшня какого-то спортклуба и совсем уж дряхлая постройка с горделивой надписью «Полиция». У входа в «полицию» был врыт ка-

мень, на котором готическим шрифтом значилось, что принц такой-то изволил остановиться в данном населенном пункте на ночлег и даже толкнул речь перед обывателями. Эти немаловажные события произошли на рубеже восемнадцатого столетия.

В середине двадцать второго столетия на памятной плите грелась колоссальная улитка размером с болонку, а напротив, в пыли, оранжевые лопухи приманивали мух запахом тухлятины.

Борк быстренько пошептался со своими и, забрав сыновей, отправился на боковую. Он заранее предупредил Артура, что час для сна придется выкроить.

Неулыбчивые, бледные дети — точные копии взрослых — таращились из подвальных окошек на лоснящихся гигантов, отказываясь признавать в них лошадей. Трава вокруг поселения давно догорела, а посреди широкого поля золы возвышались столбы с колючей проволокой. Там, где проскакал отряд, имелись ворота, которые Борк старательно затворил за собой. До проволоки поле было распахано на огороды. Зеленели верхушки корнеплодов, наливались мякотью тыквы, в теплицах прели помидоры. Коваль подумал, что после местных дождей, не стал бы употреблять эти овощи в пищу...

Зато за проволокой пространство шириной в сотню метров изобиловало обломками техники, кусками рельсов, битым кирпичом и многочисленными кротовыми норами.

Только крот при таком диаметре норы, подумал Артур, должен быть величиной с лисицу...

— Ахары,— небрежно кивнул вернувшийся Борк.— Здесь они мелкие, трусливые...

Полувзвод выстроился в походный порядок. За крайним домиком дорожная перспектива разительно поменялась. Теперь губернатор не сомневался, что они приближаются к эпицентру Вечного пожарища. Правда, оно здорово отличалось от того, где он дрался с пиявками. Очевидно, когда-то поселок играл роль узловой железнодорожной станции; за домиками виднелись останки вокзального здания. Двухэтажные стены сложились, как карточный домик, а рядом кое-как держался длинный пакгауз, весь проросший таким же вьюном-камнеломкой, что встретил Артур вчерашним вечером в городе.

Только этот вьюн был в десятки раз мощнее и пережевывал толстую кладку в крошево, как алмазное сверло.

— Когда я был тут последний раз, эти растения еще не добрались до вокзала,— сказал Станислав.

Конь Клауса первым взобрался на насыпь. По широкой дуге убегали две полосы просевших рельсов; телеграфные столбы частично попадали, бетонные шпалы утонули в глубоком мху. Слева и справа от насыпи, замыкая оборонительную линию вокруг деревни, торчала колючая проволока, а дальше, кроме размытого следа железной дороги, не было ничего.

Абсолютно ничего — ни травы, ни деревьев. Бесконечный высохший плац, словно поверхность гигантского подгоревшего пудинга. Словно кто-то устроил гигантскую вертолетную площадку посреди Сахары, облив песок напалмом. Идеально ровная коричневая корка, тянущаяся до самого горизонта, и холмики щебенки вдоль железной дороги, точно подтаявшее мороженое над кофейной чашкой.

— О, господи! — прошептала мама Рона, принимая из рук Фердинанда бурдюк с пивом.— Я не могу больше вливать в себя эту дрянь.

Коваля тоже слегка мутило от пряного травяного настоя, но он задержал дыхание и послушно опрокинул в себя очередные пол-литра.

— Солнце опять барахлит,— заметил книжник.

Но он ошибался. Светило перемещалось с положенной скоростью, просто на его пути разлилось яркое, пульсирующее сияние. Точно растекались по небу жирные комки сахарной ваты. Они возникали из знойного воздуха и плыли вдоль горизонта, пересекаясь, слоясь, наползая друг на друга...

— Это не облака,— сказал Семен

— То, о чем я предупреждал,— обернулся Станислав к невыспавшимся товарищам.— Желтые туманы, пролететь невозможно.

За несколько минут туман захватил половину голубого небосклона, и лица людей приобрели нездоровый желтушный цвет. Колонну догнал Клаус, который привез полотняные маски, пропитанные все тем же пивом. Скрепя сердце, путникам пришлось натянуть их под бдительным присмотром Борка. Коваль с ужасом представил себе, каково приходится охотни-

кам круглый год щеголять в плотных балахонах, да еще с намордниками на лицах...

Солнце безжалостно раскаляло землю. Поселок растаял позади, точно от жарких лучей размазались неокрепшие краски на холсте, и теперь вокруг горстки всадников расстилалась безжизненная степь. Если бы не нитка железнодорожного полотна, вокруг не осталось бы ни единого ориентира...

Коваль поравнялся с Семеном.

— Это хорошо, что сегодня туман так близко,— неожиданно обрадовал охотник.— Под отравой нет живности.

— А как же мы?

— Мы не умрем, если будем пить пиво и смачивать повязки... Если, конечно, туман не затянется на два дня,— беспечно добавил Борк.

— А если затянется?

— Тогда умрем.

— О чем это он? — поинтересовался Семен, заправляя под ремешок пыльные косички.

— Он говорит, что в туманах нет комаров,— успокоил Коваль.

— Зато есть кое-кто покрупнее,— Качальщик указал в сторону, где на мертвой земле, припорошенной пылью, отпечатались чьи-то следы.

Впереди свистнул Фердинанд. Колонна остановилась. Фердинанд подождал отца и тут же принялся горячо перешептываться с ним. Клаус спешился и сделал странную вещь: обойдя всех лошадей, он посыпал им ноги мелким порошком.

— Кабаны прошли недавно,— озабоченно обратился к Ковалю Борк.— Скажите своим людям, чтобы стреляли во все, что движется.

В ватном покрывале белесого мха, которым неровно заросла насыпь, зияли глубокие дыры. Можно было различить четыре цепочки следов, уходящих в пустыню: одна большого размера и три помельче.

— Мать и три подсвинка,— констатировал поляк.

— Здесь свиньи так опасны? — рассмеялся Карапуз.

Коваль знал, что в бытность лесным разбойником Митя один на один ходил на матерого секача.

— Это не кабаньи следы,— помотал головой Семен.— О таких зверюгах я никогда и не слыхивал.

— Смотрите по сторонам! — прикрикнул Борк.— Опасны не свиньи, а те, кто идет за ними.

Отряд медленно двинулся дальше. Цепочка удивительных следов исчезла в желтой дымке, впереди блеснула вода и развернулась новая, бескрайняя перспектива.

Прямо по курсу спекшуюся пустыню рассекала трещина метров пяти шириной. Разлом убегал в обе стороны от железной дороги, насколько хватало глаз, насыпь обрывалась в пропасть, по счастью, неглубокую. Внизу валялась груда металла, в том числе пассажирский вагон от скоростного экспресса, сошедшего с рельсов и застывшего на противоположной стороне оврага.

За оврагом, слева и справа от железной дороги, расстилалась болотистая низина. Болото никак нельзя было назвать однообразным; вблизи оно походило на густую сеть ручейков, дававших начало более крупным речушкам, а чуть дальше разливалось в широкое желто-зеленое озеро, сплошь заросшее травами и цветами самых удивительных форм и оттенков. Вдалеке поднимались клубы испарений, смешивались с низкими желтыми облаками, образуя непроглядную, вонючую завесу. Даже сквозь пропитанную дрожжами тряпку Артур чувствовал кислый, удушливый аромат.

Христофор хлопнул себя по щеке и показал губернатору убитого комара. Теперь Коваль обратил внимание, что воздух наполнен звуками. Низкое гудение насекомых, всплески, бульканье, словно лопались на поверхности трясины газовые пузыри, короткие гортанные крики и неясное мычание.

Вот тут-то люди и увидели кабанов...

У Артура мгновенно возникло ощущение, что он попал внутрь полотна Великого каталонца. Правда, тот, когда рисовал длинноногих слонов, забыл приделать им щетину и длинные рыльца муравьедов. При известной фантазии в милых обитателях трясин можно было признать родственников свиньи. По полосатым спинкам поросят разгуливали полчища мух. Поросята толкались, повизгивали, рвали друг у друга что-то вкусненькое. Рыжая лоснящаяся мамаша шла

впереди, с чавканьем вытаскивая из черной воды трехметровые ходули, недобрым глазом покосилась на людей, разинула пасть. Ее вытянутое рыло заканчивалось подвижными вздернутыми губами, из-под которых, точно два маленьких плуга, торчали загнутые вниз клыки.

Убедившись, что никто не нападает, кабаниха пошлепала дальше, туда, где торчали из воды бетонные сваи и прогуливалось еще одно «свинское» семейство. Поджарые, мускулистые поросята потянулись следом.

Путники перевели лошадей через овраг по кучам красноватой глины и продолжили путь по относительно сухому проходу между двух рядов шпал. Теперь люди ехали в два ряда, плечом к плечу. Артур добрался до переднего вагона экспресса «Саарбрюкен-Париж-Руан-Гавр» — гласила чудом уцелевшая табличка на одном из вагонов, и заглянул в кабину тепловоза. Тяжелые колеса давно утонули в грязи, стекла вылетели, половина крыши превратилась в ржавое решето. Внутри поезд снизу доверху пророс болотной растительностью; среди мелких фиолетовых побегов гудели тучи мошкары, а из сплюснутой кабины машиниста выглядывала тонкоклювая щетинистая птица.

Такие же птицы, как та, что свила гнездо на сиденье машиниста, прогуливались поодаль, вспарывая ряску длинными голенастыми ногами.

Краем глаза Артур уловил быстрое движение за сигарообразной мордой поезда. Что-то пронеслось под зеленой тиной. По команде Борка Клаус и Фердинанд разом открыли огонь, остальные завертелись в седлах, не понимая, где противник.

Клаус и Фердинанд вырвались вперед и принялись обстреливать болото крупной дробью.

— Уходим, живо! — крикнул Борк.

Артур хлестнул коня, но тут позади истошно завопил Лева.

Губернатору показалось, что он разворачивается и вскидывает ствол «ремингтона» невыразимо медленно, настолько шустрой была тварь, вцепившаяся книжнику в сапог. Прадедушка ахара был когда-то обычным паучком, но со временем решил расширить среду обитания и способы кормежки. Артур убедился, насколько Борк был прав, когда говорил, что ахара надо еще заметить.

Первым выстрелом пауку оторвало две или три ноги, каждую размером с детскую хоккейную клюшку. Волосатые конечности, зазубренные на концах, разлетелись в стороны, но продолжали сокращаться, выкашивая вокруг себя мокрую траву. Блестящее хитиновое туловище монстра состояло из двух частей; на передней, плоской, как средних размеров, семейная сковородка, крепились горизонтальные челюсти полуметровой длины. Задняя часть паука, пузатое брюшко, была защищена острыми шипами и походила на туловище морского ежа.

Ахар не разжал челюстей, но одновременный залп из трех ружей разнес его в клочья. Книжник корчился от боли, его конь поднялся на дыбы. Еще один паук пулей выскочил из тины и прицелился коню в брюхо. Со своей позиции Артур стрелять не мог, но сбоку уже летел Качальщик, раскручивая изогнутый ятаган. Хищник не успел дотянуться до паха лошади, как Семен разрубил его на три части.

Стоило Качальщику коснуться босыми пятками влажной земли, как сразу с двух сторон, фонтанами разбрызгивая щебенку, винтом выскочили еще две пары зубастых жерновов. Лошадь книжника скакнула в сторону. Артур попрежнему не мог стрелять, но Семен уже погрузился в боевой транс.

В долю секунды он развернулся бабочкой, и пауку вместо его ноги достался удар сабли. Второй ахар растопырил когтистые лапы, принимая боевую стойку. Он и вправду был дьявольски проворен, но Семен крутанулся вторично — и лишенное конечностей мохнатое брюхо тяжело плюхнулось в грязь.

Пауки подкрадывались под водой и лезли на сухую перемычку полотна один за другим. Теперь стреляли все, у кого имелось оружие, но попасть в юрких созданий было почти нереально. Артур плюнул на ружье, достал палаш и ринулся на землю в помощь Качальщику.

Семен творил чудеса. Пока Клаус с Фердинандом не без потерь закололи троих архаров-подростков, Качальщик угробил шестерых. Он моментально сориентировался и бросился наперерез стае, отсекая ее от лошадей. Он крутился волчком на узком перешейке между дырявым вагоном и скользким, сырым откосом, уходящим в болотную грязь. Ятаган в его руке

превратился в сплошной сверкающий круг, за которым тянулся веер кровавых брызг. Левой рукой он успевал метать ножи.

Семен верно уловил слабое место болотных чудовищ. Когда враг зависал сверху, они инстинктивно задирали головы и открывали незащищенный участок шеи. Семену хватало этого мгновения, чтобы провести отвлекающий маневр, отступить в сторону, поджать ногу в сантиметре от клацающих зубов и нанести удар.

Он словно бы даже и не сражался, а танцевал!

Гора вражеских трупов представляла малоприятное зрелище. Потеряв дюжину особей, стая сообразила, что загорелого парня с косичками лучше не трогать.

Качальщик вытер саблю о мокрую траву.

«Молодым везде у нас дорога»,— сказал себе Артур, с трудом добивая второго паучка.

В это время фиолетовые цветочки, ковром покрывавшие западный склон полотна, провалились внутрь, и из-под земли, как из катапульты, вылетел еще один зверь. Расправляя в воздухе метровые ходули, он ринулся на лошадь Карапуза. Две стрекочущие пилы вспороли лошади шкуру; завопили все одновременно, и всадник, и конь.

Не успел Митя выстрелить, как одна из крючковатых лап впилась ему в бедро, а остальные вцепились в круп коня. Ближе всех оказался Фердинанд. Он ударил двумя кинжалами одновременно, и тяжелая туша ахара осела на рельсы, так и не успев полакомиться добычей. Но шевелящиеся обрубки паучьих лап удалось удалить из-под кожи лошади лишь два часа спустя.

В суете Борк прикончил еще троих ахаров, помельче. Его способ охоты Артуру понравился. Пивовар проворно спрыгнул с коня, встал одной ногой на торчащую шпалу, а другой принялся притоптывать по сырой земле. Очень скоро возникла знакомая ямка, и хищник получил порцию дроби при взлете.

Закончив дело, Борк протянул руку вверх, и Хранитель втянул его в седло. Непостижимым образом охотник чувствовал, когда надо драться, а когда пора удирать. Солнце спряталось за мелкую тучку, болото перестало отсвечивать, и Коваль, наконец, разглядел, как основная масса врага пробирается под

водой. Оказывается, людям довелось схватиться лишь с крайним левым флангом подводной армии.

Ахары проворно перемещались, выставив на поверхность тонкие усики. Их было десятка четыре, и стая уже разворачивалась широким полукругом, готовясь захватить лошадей в кольцо. Встретив неожиданное сопротивление, они споро перегруппировались, и обратили все внимание на стадо свинок.

А точнее, на самого слабого поросенка...

Свиньи с визгом удирали в направлении твердой суши. Через пару секунд стало ясно, что ахары их гораздо умнее. У берега длинноногих поросят поджидала засада. Еще с пяток кровожадных пассатижей выпрыгнули из нор и набросились на отставшего поросенка. Они методично теснили его в сторону загонщиков. Мать-кабаниха улепетывала, задрав хвостик. С противными криками кружили в воздухе цапли.

Никто и не подумал спасать несчастного полосатика. Спустя минуту все было кончено, лишь там, куда упала жертва, мотался клубок мохнатых тел.

«Все как всегда,— посочувствовал Артур,— последний моет класс...»

Подбадриваемые свистом Фердинанда кони помчались между путей, все дальше углубляясь в страну вонючих болот и комариных туч. Неожиданно возникла еще одна железнодорожная ветка, на которой тоже замер состав — теперь уже грузовой. Большая часть вагонов погрузилась в болото до самых крыш, а нержавеющие цистерны с надписью «масло» выглядели так, словно их кто-то прогрыз. Куда-то подевалась насыпь; Коваль мечтал поскорее выбраться на твердое место, чтобы лошади не провалились в зыбучую почву.

Когда слева показалась длинная бетонная плита, косо торчащая из фиолетовой ряски, Борк позволил сделать короткий привал. Сквозь бывшую станционную платформу пауки просочиться не могли. Правда, здесь в пределах видимости разгуливало стадо плотоядных коров, но Христофор показал Ковалю приземистую четвероногую утку, за которой те охотились. Клаус сказал, что коровы вполне безобидны и не выносят запах пива.

— Вам очень повезло!

Борк ассистировал маме Роне штопать левину ногу. От головы паука остались лишь хлипкие ошметки, но челюсти, больше

похожие на две костяные пилы, пришлось разжимать кинжалами. Сухожилие оказалось не порванным, но десятки мелких ранок никак не хотели заживать самостоятельно. Комары всех мастей пикировали на запах крови и пытались усесться Леве на ногу сразу в три слоя, не соблюдая никакой очередности.

— Да неужели?! Вы вправду считаете, что я везучий? — от боли и гнева Свирский почти без акцента заговорил на французском.

— Конечно! — воодушевленно закивал охотник без тени юмора.— Это был самец, они более вялые и лишь слегка помогают самкам на охоте. Стая погналась за свиньями, нас заметили случайно... Но ваш Семен — удивительный боец. Мы никогда не видели, чтобы человек перемещался с такой ловкостью!

«А он ведь нас спас,— подумал Коваль.— Неизвестно, сумел бы я остановить эту мерзость...»

Фердинанд разлил последнюю порцию пива и проследил, чтобы выпили до дна. Употребили честно, никто не хотел заразиться, но Христофора все равно стошнило. Митя, запрокинув голову, изучал, как солнце окончательно исчезает за желтой завесой. Клаус и Семен тем временем вытаскивали из его бедра костяные крючки — предсмертный подарочек ахара. Затем Борк велел развести костер, накапал в золу жидкости из фляжки и полученной кашицей заставил обмазать раны. Стойко терпевший доселе Карапуз после такого лечения взвыл от боли и чуть не кинулся на пивовара с кулаками, а Свирский провалился в обморок.

— Иначе нельзя,— извинился главный охотник.— Яд ахара съедает мозги. Если не остановить, перестанут слушаться ноги, затем руки. Немножко неприятно перед смертью...

Станислав молился, опустившись на колени у дальнего края станционной платформы. Подле него смешным напоминанием о лучших днях болталась на декоративных крюках мусорная урна со значком, запрещающим бросать окурки на пол. Христофор икал и нюхал воздух. Пахло кисло и одновременно приторно, но ветер стал свежее.

Артур наблюдал, в каком темпе кончаются боеприпасы, и впервые в нем шевельнулась мысль, не повернуть ли назад. Он был склонен доверять охотнику и не планировал вторгаться в Мертвые земли с танками и самолетами, но теперешнюю экс-

педицию стоило подготовить получше. Он еще в Питере слышал о песчаной стене, но считал ее всего лишь следствием выветривания почв. Он слышал об отравленных химией сотнях и тысячах гектаров, но насмотрелся этого и дома...

— Плохо дело, командир? — Даляр остановился рядом и сплюнул вниз на ползающих в фиолетовой траве улиток.— Тут вишь как... Все смотрю и не могу понять, что там впереди...

— Это мост,— сказал Артур.— Как через Неву, только поменьше. По нему когда-то ходили паровики.

— Вот дела... Мост есть, а реки нету.

Никакой реки, действительно, не было и в помине. Две чудом сохранившиеся бетонные аркады торчали вертикально из плоской равнины. Свисавшие с опорных башен оборванные стальные тросы слегка покачивались и гудели.

— Три года назад мост лежал на боку,— сказал поляк.

Коваль попытался представить себе, что могло развернуть и воткнуть в почву тысячетонную громаду.

— Уходим! — озабоченно произнес охотник, показывая на стремительно приближающийся туман.— Прикажите закутать морды лошадям и не разговаривать, пока не доберемся до гор. Всем привязаться веревками и идти след в след.

— Я не вижу никаких гор,— глядя в бинокль, заявил Карапуз.

— След в след! — строго повторил охотник.— Горы нападают на одиночек.

Последнюю фразу Коваль не стал переводить, подумал, что неверно понял.

Глава девятая

Смерть в ползущих горах

— От меня одни хлопоты,— криво улыбнулся книжник, когда ему в очередной раз промывали искалеченную ногу.— Может, оставите меня тут, а на обратном пути заберете? Борк говорит, что по лесу придется пешком топать, а какой из меня скороход?

— Брось нести чушь, осталась ерунда! — оборвал Артур.— Ты для нас самый важный, тренируйся во французском!

На ночлег остановились в подвале средневековой крепости...

Сначала долго шли по камням, затем дорогу перегородили завалы промышленных зданий. Оставалось только гадать, каким образом находил охотник верное направление среди выплывающих из мрака одинаковых куч мусора.

В десятке метров над землей перекатывался и вздыхал туман, словно влажный компресс цвета разведенной охры. Иногда языки тумана доставали до земли, волочились по голой, без единого листика, равнине. Тогда Клаус сворачивал, и связанная веревками цепочка людей сворачивала за ним.

Опустилась ночь, пришлось зажечь факелы. Сквозь мелкую морось фигуры всадников казались расплывчатыми, от света факелов на слоистых ядовитых тучах плясали тени. Иногда казалось, что вокруг дробятся и рассыпаются бесчисленные зеркала, но это была всего лишь странная игра воды и света...

Полная тишина.

Когда стихал ветер, Коваль не слышал ничего, кроме фырканья коней и поступи копыт. Иногда Клаус дергал за веревку, колонна останавливалась. Из сумрачной пелены появлялся один из пивоваров, обходя всех с бутылочкой снадобья. Лошади шарахались, когда он капал им на ноздри черную жидкость, но Борку и этого казалось недостаточно. Он велел закапать зелье в глаза и людям, и животным.

На все предложения отдохнуть охотник отвечал отказом. По часам Артур определял, что наступило утро, а они все тащились сквозь полумрак. Глаза слезились, постоянно хотелось сморгнуть, в носу свербило, а во рту скапливалась мерзкая кислая слюна. Он слышал, как позади тошнило маму Рону. То ли от хмельного пива, то ли от воздействия ядовитых паров, ему периодически казалось, что впереди трусящий конь двоится, распадается на части или начинает перебирать ногами в воздухе. Проклятое пойло никак не желало перевариваться, поднималось по пищеводу и забивало хмельными пузырями гортань. Артуру казалось, он настолько пропитался кислятиной, что от него теперь будет вечно разить за версту.

Никого. Ни насекомых, ни птиц.

Ни капли зелени и ни клочка травы.

Под копытами перекатывались камни или хрустела серая лежалая пыль.

В какой-то момент Ковалю показалось, что начало светать. Туман поднялся выше, открыв неожиданно мрачную картину. «Это уже не Дали,— подумал Артур,— это гораздо хуже...»

Они проходили по гигантской заводской территории. Над головой нависали огрызки корпусов, иначе не назовешь. Где-то не хватало стены, и перекрытия этажей вместе с лестницами свешивались над пропастью. Где-то от здания оставался один скелет, а в другом, напротив, стены держались, и не вылетели даже окна, зато внутри все рухнуло до первого этажа.

Ржавые нитки рельсов забегали в здоровенный, плоский ангар со съехавшей набекрень крышей. В ангаре когда-то случился пожар, и теперь сквозь арку высотой в три этажа выглядывали слепыми глазками фар сгоревшие остовы маневровых тепловозов. Прямо, как рабочие пчелки, погибшие вместе с ульем...

Однажды из сумрака выплыла жуткая скульптурная группа, даже толстокожий Митя Карапуз вздрогнул и неловко перекрестился, что случалось с ним крайне нечасто. Над просевшей кирпичной балюстрадой некогда возвышалась шарообразная надстройка с широким панорамным стеклом по кругу. Скорее всего диспетчерская, внешний дозорный пункт, позволявший охватить сверху значительную территорию завода. Гигантский бетонный шар, облицованный нержавейкой, провалился до земли сквозь два этажа, но армированное стекло уцелело. И теперь изнутри таращилось полдюжины скелетов в истлевших форменных комбинезонах. Они так и замерли, придавленные креслами и упавшим потолком, словно команда погибшего звездолета.

Кони осторожно нащупывали дорогу среди трещин, обломков кирпича и арматуры. Несколько раз Артуру пришлось пригибаться, когда из мглы надвигался провисший трубопровод или пучок обглоданного кабеля. Через некоторое время туман поднялся еще выше. Клаус провел отряд по упавшим воротам, и производственные кварталы сменились жилыми.

Только здесь никто не жил, кроме скользкой серой плесени и крыс. Да и те три крысы, которых Артур успел засечь, выглядели настолько неважно, что хотелось их покормить.

Стоило выйти на ровное место, как Борк снова скомандовал в галоп, точно сзади гналась свора обезумевших пауков. Вдоль проспекта различались штабеля упавших новостроек и многоэтажная башня, свалившаяся прямо на автобусный вокзал. Сплющенные автобусы торчали из-под обломков, как раздавленные тараканы.

Артур стал размышлять, были еще живы люди на вокзале, когда обрушился небоскреб, или к тому времени всех уже прикончил СПИД?..

Еще час — и стало окончательно светло. Сквозь разрывы в лимонном мареве проглянуло солнышко. Коваль оглянулся и мысленно поблагодарил Борка за предусмотрительность: Христофор и Левушка спали на ходу. Если бы не прочная веревка, неизвестно куда бы они завернули во мраке...

Когда Ковалю уже начало казаться, что спит не только он, но и жеребец, из строительной рухляди надвинулась замшелая средневековая громада. С позеленевших, сочащихся влагой стен с карканьем поднялись тучи воронов. Желтая морось отступала, сменяясь самым обычным промозглым ветром и сереньким дождем. Вернулись комары и мухи. Укрытый «защитной» тканью Лапочка рычал на кого-то сквозь прутья корзины, но враги благоразумно не показывались.

Обогнули покатую стену с пушечным бастионом, под которым разинули пасти скульптурные львы. В глубине треснувшей арки Свирский прочел указатель: «Продолжение осмотра». Сыновья охотника шустро откатили в сторону валун, маскирующий низкую дверцу, а затем сковырнули две широкие доски, прибитые крест-накрест.

Вначале в темноту запустили Лапочку. Только после этого в тайное укрытие пивоваров вошли люди. Видимо, пивовары издавна приспособили этот подвал в качестве базы отдыха. Целая анфилада замурованных в глубине комнат с сухим полом, почти не испорченной грубой мебелью выход во внутренний дворик с пустой чашей фонтана. Нашлось место и для коней: их провели под аркой и устроили в узкой крытой галерее. Борк запретил оставлять лошадей под открытым небом.

Затем произошло настоящее чудо. Клаус достал из тайника три бронзовых чана и, взяв себе в помощь полковника с Карапузом, принес воды из колодца. Ни пить, ни мыться он не позволил, пока вода не вскипит. Пришлось разжигать костер, зато потом в маленькой часовне устроили настоящую баню. Пока русские намывались, измученные пивовары завалились спать.

У Коваля страшно ныла поясница, но он не стал эксплуатировать уснувшую маму Рону. Он обошел каждого, мужчин заставил побриться и постирать одежду, проверил состояние оружия. Христофору устроил разнос за гниющие в вещмешке остатки пищи, затем пообщался с книжником. Тот жаловался на сильные боли, но не могло быть и речи, чтобы оставить Леву в крепости: Борк, очень долго шептавшийся с сыновьями, намекнул, что назад, вероятно, придется идти другим путем...

— Они были здесь! — внезапно подал голос Станислав.— Смотрите, они поили тут коней.

Он выволок Артура на гребень стены. За мелкой траншей, в которой с трудом угадывался крепостной ров, раскинулась колоссальная цветочная клумба с цементным островком посредине. Несколько секунд Коваль наслаждался зрелищем цветов. После лысых отравленных скал хотелось спуститься и зарыться лицом в распускающееся навстречу солнцу радужное великолепие... Потом до него дошло, что это не клумба, а кольцевая развязка автодорог, посреди которой сохранилась будка регулировщика. В будку вела лесенка, а под козырьком болтался светофор. При желании в густой росистой траве действительно можно было угадать следы давнишнего бивуака, пятна от кострищ, козлы, на которых крутили вертела, и даже черепа нескольких коров...

Поляк с пеной у рта убеждал Коваля, что раз посольство преодолело Мертвые земли, то есть шанс найти его, но Артур его не слушал. Он смотрел поверх крыш городских домов, и новое нехорошее предчувствие сосало душу. Еще у Качальщиков он выработал в себе это умение предчувствовать беду.

За городом поднимались Ползущие горы...

Выступили в сумерках. Вынужденное безделье и тучи воронья всем действовали на нервы, но пивовары при свете выглядели совсем неважно, и губернатор согласился переждать.

Несмотря на защитные средства, ночные жители получили нешуточные ожоги на лице, у всех троих слезились глаза, их мучили головные боли. Борк крепился, но было заметно, с каким трудом дался ему дневной переход.

На западе небо расчистилось, лишь кое-где, словно потерявшиеся щенки, носились в вышине желтые клочья. Чем ближе всадники подбирались к окраине городка, тем гуще становились травы и кустарники, и тем глубже покореженные дома проваливались в почву. Но в какой-то момент зелень сменилась длинными песочными дюнами, наметанными ветром поперек улиц. В первых этажах домов песок достигал уровня подоконника, но вместе с песком ветер принес, очевидно, и землю: путникам казалось, что цветники разбиты прямо в квартирах...

И вдруг улочка раздалась в стороны, закончившись небольшим обрывом. Город остался позади. Это случилось настолько неожиданно, что Карапуз, увлеченно отмахивавшийся от слепней, чуть не грохнулся, когда его конь по колени провалился в горячее рыжее крошево.

Слабый ветерок шевелил редкие колосья одичавших злаков, среди чахлых кустиков вихрились пылевые буруны. Артуру сразу вспомнилась казахская степь под Карагандой, где он бывал по делам института. Только сейчас перед ним была не степь, а подножие сопки, покрытое меленькой травкой.

Над страной Ползущих гор занимался тревожный, розовый рассвет. За первой сопкой виднелись другие, прогалины покрывала густая щетина кустарника, похожего на свалявшуюся шевелюру африканца. Артур покрутил настройки бинокля. Кусты только издали казались мягкими и пушистыми, на самом деле они представляли собой нечто вроде разновидности саксаула, жесткого и покрытого острыми колючками.

Клаус ухватил Карапуза за пояс, не давая ему шагнуть в низкую, кудрявую траву. Потом он спешился сам, бережно растянулся на животе, приложив к земле ухо, и, словно уж, пополз в гору. Фердинанд разматывал конец капронового троса, обмотанного вокруг пояса брата. Спутники Артура с недоумением следили за маневрами пивоваров. Борк приложил палец к губам, требуя тишины, и стал невозмутимо набивать трубочку.

Когда все двадцать метров троса, обвязанного вокруг Клауса, размотались полностью, тот вытащил из кармана колышек и загнал его в землю. Фердинанд передал конец своего троса отцу и отправился по стопам брата, который в это же время закрепил моток другой веревки за колышек и пополз дальше, извиваясь, будто обходил вражеские мины.

Артур вопросительно глянул на главных советчиков. Семен недоуменно пожал плечами, Христофор встал на колени рядом с Борком и погрузил ладони в рыжеватое крошево. Это был очень странный песок. Вперемешку с сухими кристаллами кварца попадались микроскопические комочки земли, бугорки семян и даже мелкие металлические вкрапления, словно брызги расплавленной меди...

— Ходит и не ходит. Вверх и вниз...

— Мы можем провалиться?

— Здесь не ходит, там ходит,— сын колдуна неопределенно помахал ладонью в северном направлении.— Очень плохо.

— Да что плохо-то? — разозлился Даляр.— Что ты каркаешь? Все ему плохо, когда ни спроси! Хоть бы раз сказал, что впереди все хорошо.

— Что ты там видишь? — на пару с полковником набросился на колдуна чингис.

Христофор поднял потемневшие глаза на командира, и Артур невольно вздрогнул. На него снова нахлынуло мерзкое предчувствие беды. Сердце сжало липким компрессом беспомощности.

— Нельзя идти, очень плохо! — упрямо повторил сын Красной луны.— Они не хотят нас пропускать.

— Кто не хочет пропускать? — Даляр приложил ладонь козырьком ко лбу.

Ближняя сопка вздымалась метров на сорок, в пологих барханах блестками играли солнечные лучи. Артур, сам не отрывавший взгляда от вершины, мог поклясться, что не заметил ни малейшего движения.

— Мы можем обойти горы? — решительно повернулся Коваль к охотнику.

В конце концов, подумал он, лучше сделать лишний крюк, чем игнорировать чутье колдуна. Губернатор слишком хорошо помнил, как маленький Христофор, еще будучи ребенком, спа-

сал от засад целые торговые караваны. Сын Красной луны не всегда улавливал безмозглую опасность, вроде болотных пауков, но очень точно предвосхищал намерения дикарей...

— На севере, герр Кузнец, светится земля,— окуляры солнцезащитных очков уставились на Артура. Голос пивовара из-под шарфа доносился глухо, как из глубокой шахты.— Земля светится на три недели пути. До крепких снежных вершин. Там за один день выпадают волосы и зубы, а десны начинают кровоточить. На юг горы ползут на девять ночей конного пути, но обходить их — безумие. Там полно диких зверей и встречается рой, а у нас нет железных кольев. И укрытий на юге у нас нет. Там пески вплотную смыкаются с болотами, где полно летучих насекомых, несущих болезни. Путь только один — напрямик. Либо идем назад.

— Вы обещали мне помощь! — ощерился Станислав.— Если вы меня покинете, я пойду в Париж один.

Коваль понимал, что делает что-то неправильно; вероятно, следовало вместе подумать и примирить отряд, прежде чем продолжать движение. Но солнце поднималось все выше, земля раскалялась. Еще немного, и отважные пивовары повернут назад, в крепость...

— Ваши ребята могут не утруждаться,— обратился Коваль к охотнику.— Сын Красной луны найдет зыбучий песок быстрее, чем они.

— Вы не понимаете,— отмахнулся Борк.— В Ползущих горах ничто не стоит на месте.

Его сыновья тем временем заколотили уже четвертый колышек и неутомимо продвигались в направлении ближайшего кустарника. Теперь между колышками тянулась бечевка с яркими лоскутками.

— Идти пешком,— сказал Борк.— Всем обвязаться веревками и спешиться.

— У нас раненый, который не может идти пешком.

Только сейчас Коваль заметил, что нога у книжника распухла и посинела, а сам старик то потел, то покрывался мурашками. Однако, не желая становиться обузой, он с удвоенным рвением строчил в блокноте путевые заметки, справлялся у пивоваров об особенностях растений, упаковывал образцы и периодически развлекался с секстаном.

Предметом его отдельной гордости была вновь создаваемая карта. Компас в здешних краях не действовал; посредством бинокля, секстана и геодезического нивелира Левушка старательно прочерчивал пройденный путь на листе ватмана.

— Очень плохо,— помрачнел охотник.— Кони тяжелые, горы не любят тяжесть.

Договорились, что Свирский поедет верхом, но привяжется за пояс к Семену.

Восхождение началось.

Коротышки настойчиво торили дорогу среди барханов. Стоило отряду углубиться в рыжее безмолвие, как ощущение близости дремлющего под землей врага только окрепло. Коваль пытался войти в резонанс с окружающим, как учил его Бердер, но не мог дать ясного определения угрозе. Он не видел ни коварных ящериц, ни ядовитых птиц, а самое главное — ни он, ни Семен не чувствовали в толще песка пустот, которых так боялись пивовары.

Небо тоже оставалось спокойным.

В зените, неотступно следуя за колонной, плавно кружили два стервятника. Затем к ним присоединился третий.

Птицы ждали.

Цветочки постепенно сгинули, а наряду с рыжими вкраплениями на поверхности дюн стали появляться какие-то застывшие пятна, цвета грозовой тучи. Артур попытался набрать в перчатку горстку темной породы, но мельчайшая пудра просочилась сквозь пальцы.

Борк дал команду остановиться. Все затихли, ожидая дальнейших указаний.

— Металл,— коротко бросил Семен.— Текучий металл.

— Ты встречал такое?

— Отец говорил, что видел за Уралом. Христя прав, очень опасно. Годами может лежать — и вдруг нападает, как живое.

— Но тут нет ничего живого! — Артур опустился на колени в тени жеребца. Слабо поблескивавшие пятна покрывали рыжий склон сопки, словно оспины. Одни были величиной с рублевую монетку, другие достигали размера раскрытого мужского зонтика.

— Я же сказал «как живое»,— поправил Семен.

— В вашей деревне старики не упоминали ни о чем подобном,— нахмурился Артур.

Он подобрал горсть обычного песка и высыпал сверху на одну из бляшек. Несколько секунд горка оставалась неподвижной, затем в центре образовался маленький кратер, словно ворочался муравьиный лев.

Зернышки, сухие соломинки, песчинки рассыпались в стороны, обнажив нетронутую блестящую поверхность.

— Не прикасайтесь! — окрикнул Борк.— И ничего не поднимайте с земли, если хотите жить!

Выбираемая братьями дорога походила на бесконечную череду восьмерок и петель. За первой сопкой они обошли понизу вторую, зато на третью, самую высокую, начали взбираться. Логику Клауса невозможно было понять. Иногда он падал ничком и медленно перебирал конечностями, как черепаха, отыскивающая место для кладки. Потом надолго замирал, а остальные терпеливо ждали, пока братья посоветуются друг с другом и вобьют следующий колышек.

И ни разу Клаус не наступал на металлические серые пятна.

Стервятники кружили в потоках прогретого воздуха.

Теперь отовсюду проступали лишь скучные, лимонно-рыжие вершины сопок. Травы почти не осталось, зато пятна металлического порошка усыпали сопки, словно оспины ветрянки. Не успело солнце подняться в зенит, как охотник объявил о большом привале. Братья почти безошибочно вывели путников к чернеющему между приземистых холмов готическому собору, точнее, к треугольной верхушке собора, сиротливо торчащей из песка. Ксендз немедленно вознегодовал и начал разоряться, что он-де раньше проходил левее и подумать не мог, что святой храм превратят в сортир. Не обращая на него внимания, пивовары отогнули мешковину, закрывавшую узкое оконце, и забрались внутрь.

Артур представил, какой толщины должен достигать слой песка, чтобы почти полностью спрятать высотное здание. Возможно, поблизости имелись и другие дома, но стены более современных построек не выстояли перед наступлением стихии. Было нечто символичное в том, что устоял именно собор.

Коваль последовал за проводниками. Как он и ожидал, под верхним перекрестием балок все внутреннее пространство собора занимал песок. Пивовары раскинули тент, чтобы спрятаться от лучей, жалящих сквозь дырявую крышу. Борк сонным голосом повторил, чтобы не отвязывали лошадей, не трогали землю, и захрапел...

Остаток дня прошел спокойно. Когда над Ползущими горами поднялся месяц, пивоваров разбудили, и отряд снова двинулся в путь. Артур уже начал думать, что нервы сыграли злую шутку и до обещанного Красного леса осталось совсем немного, когда это случилось...

На подходе к одному из особенно крутых гребней, с Ковалем поравнялся святоша. Станислав прихрамывал. Несмотря на ночную прохладу из-под полей его соломенной шляпы стекали крупные капли пота, а ноги по щиколотку вязли в песке. Предусмотрительный Борк еще на окраине города роздал всем короткие снегоступы, но ксендз отказался. В результате он засадил себе в пятку занозу и спотыкался на каждом шагу.

— Пивовары называют эти пятна металла «свинцовой язвой»,— тихо сказал Станислав.— И никогда не трогают. Как ни крути, они недалеко ушли от дикарей. Корчат из себя верующих, а сами уверены, что под землей живет дух обиженного металла, который движет горы и просачивается наружу, чтобы мстить одиноким странникам...

Поляк презрительно сплюнул.

— А сам ты в это не веришь? — спросил Коваль.

— В духа? Я верю лишь в святого духа! — гордо ответил Станислав.— А что касается язвы... Я прошел тут трижды и знаю тех, кто сделал это десять раз. А эти немцы... Посмотри на них, они перебирались через горы сотни раз — и ничего с ними не случилось.

— Так там ничего нет, под песком?

— Я всего лишь пытаюсь намекнуть, чтобы ты не слишком верил их болтовне. Порой они сами придумывают страхи, чтобы набить цену для проводников. Например, я уверен, что нам ни к чему было надуваться их гадким пивом. Желтый туман грозит смертью на высоте, но уверяю тебя, у поверхности давно безопасно.

— Ты хочешь сказать, что обойдешься без них? За что ты их так не любишь? — Коваль никак не мог понять логики этого желчного человека.

— А за что мне их любить? — недобро рассмеялся Станислав.— Они что-то темнят насчет посольства. Нам доподлинно известно, что кардинал Жмыхович повел людей именно этим путем. Мы предупреждали германцев. И как они, по твоему, поступили? Как предатели. Да, с Великим посольством шли неплохие проводники из германских травников, но чего скрывать, пивовары ориентируются в здешних местах гораздо лучше.

Они жадные, хоть и притворяются овечками! Золото их не интересует; им подавай ткани, коней, гвозди, нефть! Мне точно известно, пан Кузнец, что его преосвященство не стал бы торговаться с грязным дикарем, имея столь светлую и значительную цель.

Люди Борка просто заломили неслыханную цену. И что в результате? Эти шуты в масках заявляют, что понятия не имеют, как это мимо них просочилось целое войско...

— Послушай, пан Станислав,— осторожно подбирая слова, начал Коваль.— Ты ведь признаешь, что они люди, а не чудовища, хотя и живут за песчаной стеной?

— Ну... — ожидая подвоха, косо глянул ксендз.

— В таком случае загляни в Святую книгу,— мягко посоветовал Коваль.— Ты отыщешь там место, где сказано, что все без исключения люди суть дети единого бога. И любит их бог одинаково.

— Ты так сильно любишь своих подданных, пан губернатор?

— Но я и не говорю, что живу и работаю во имя Креста,— парировал Коваль. Он вдруг понял, что твердолобого поляка не переспоришь, и резко сменил политику.— Вот что я подумал, святой отец. Если ты прав, и Борк имеет на нас зуб, то он может попытаться заманить нас в ловушку, чтобы завладеть имуществом и лошадьми? Как это я упустил из виду?..

— А я о чем тебе толкую? — мгновенно поймал наживку святоша.— Да будь моя воля, будь у меня, как у тебя, пан Кузнец, преданные солдаты, я спалил бы этих карликов прямо в норе! Я бы их прижал как следует. Этот гаденыш Борк выло-

жил бы немало любопытного, в том числе про Великое посольство!..

Тут Станислав замер с открытым ртом. Как раз в эту минуту отряд преодолел очередной пик и начал спуск в узкую долину между двух острых песчаных наносов. Ветры постарались здесь на славу, образовав на ровном, словно отполированном, склоне причудливые барельефы. В другой обстановке Артур признал бы, что вид открылся изумительный. Встающее солнце уже лизало вершины гор, точно розовый язычок шевелил выступы беззубых десен, а навстречу розовому с запада разгоралось неясное багровое свечение...

Но Станислав смотрел не на художества ветра, и даже не на показавшиеся за дальними барханами кроны Красного леса. Он глядел под ноги, а там понуро сидел растерянный Клаус.

Клаус искал, куда воткнуть очередной колышек — и не находил. «Свинцовая язва» густо обметала склон. Некоторые пятна сливались в сплошные полосы, образовав на песке непроходимый узор.

— Что будем делать, охотник Борк?

Пивовар молча приподнял маску и приложил к глазам подаренный Ковалем бинокль.

— Попробуем обойти южнее.

— Отец! — остановил Борка звонкий голос Фердинанда.— «Язва» нас догоняет!

На самом деле догоняла не «язва», Артур это понял с первого взгляда. Колоссальная масса песка за спиной без всякой видимой причины пришла в движение.

— Гора ползет! — ойкнула мама Рона.

— Еще как ползет... — отозвался Семен.

Он шел замыкающим и сейчас изо всех сил тянул за собой перепуганного жеребца. Коваль не успел сообразить, что происходит, но Фердинанд уже катился навстречу Качальщику, выкрикивая на ходу:

— Брось узду! Брось! Уходи!

Семен погрузился уже почти по колени, песок тек вокруг него сплошной рекой, тек с каждым мигом все быстрее и быстрее. Наконец Хранитель осознал, что происходит, и выпустил уздечку.

Жеребца повлекло вниз; он сражался изо всех сил, но ничего не мог поделать. Путаясь в собственной сбруе, истошно, почти по-человечески крича, он барахтался посреди песчаного моря и все пытался высмотреть огромным фиолетовым глазом хозяина, который не должен был, не имел права бросить его...

Через несколько мгновений в неглубокой воронке песка кружило лишь стремя; потом исчезло и оно. По лицу Качальщика пробежала судорога, он застыл на одном месте.

— Назад! Назад, тебе говорю! — надрывался Фердинанд, дергая веревку, которой был обвязан Семен.

Коваль почувствовал, как под сапогами исчезает твердая основа. У лошадей разъезжались ноги. Карапуз запнулся и упал на спину. Еще секунда — и он покатился бы вниз, не ухвати его за пояс малыш Борк.

Сопки ползли все быстрее и быстрее. Казалось, смещается весь доступный обзору массив. Неустойчивый гребень, на котором стояли люди, начал разрушаться, первые ручейки оползня заскользили в лощину. Рельеф менялся, словно исполинский золотоискатель подбрасывал сито, недовольно перемешивая частицы в поисках ценной руды. С севера с нарастающим сухим шелестом, с неумолимостью цунами, раскидывая тонны пыли и оставляя за собой толстый рыжий шлейф, к людям приближалась настоящая гора.

— Вниз, быстро! «Язва» окружает!

Заражаясь друг от друга паникой, люди посыпались по наветренному склону, и уже никто не обращал внимания на свинцовые болячки пустыни. Артур бросился на помощь пивовару, тянувшему на веревке Семена. Фердинанд стонал от натуги, одной рукой ухватившись за стремя; обмотанный вокруг другого кулака фал уже разрезал ткань перчатки и до крови располосовал кожу. Семен выкарабкался, перекатился, освобождая ноги, но в эту секунду огромная волна сбила его с ног. Ремень лопнул, рука Фердинанда отчетливо хрустнула.

— Держись! — Артур, забыв обо всем, рванулся к тонущему Качальщику.

— Нет! — здоровой рукой Фердинанд ухватил его за поясной ремень.— Его не спасешь, все погибнем!

Словно в подтверждение его слов второй, еще более мощный вал нахлынул на Качальщика.

Больше Артур его не видел

Подхватив в охапку скорчившегося от боли коротышку, Коваль прыгнул в седло. Кобыла Фердинанда неслась далеко впереди и уже почти скрылась из виду. Отплевываясь песком, Коваль направил коня наискосок по склону. Падение означало болезненную, хотя и быструю смерть, но каким-то чудом черный жеребец держался. Вспарывая песок когтистыми копытами, вытягивая шею, он стремглав несся на запад, а позади с противным шелестом обрушивались десятки тонн кварца — все время в двух шагах...

Спуск сменился подъемом, и тут Артура словно ударило в спину. Но оглянуться было некогда; вылетая на вершину следующей сопки, он уже видел машущих ему ребят. Все они были в относительной безопасности: там, впереди, чертова пустыня еще не шевелилась, отряд взбирался на самый верх горы, похожей на ступенчатую пирамиду ацтеков. Маленький Борк что-то надсадно кричал, указывая в сторону...

Артур на секунду позволил себе обернуться (коротышка Фердинанд, несмотря на сломанные пальцы, вцепился в него не хуже, чем паук в паутину).

То, что Коваль увидел в последние мгновения перед тем, как закончилась буря, запомнилось ему надолго. Пересказывая впечатления той минуты Хранительнице Книги, он не находил слов, чтобы описать потрясшую его картину.

За ним по пятам гналась пропасть.

Отставая на шаг от задних копыт коня, морщинистая, словно прибрежное морское дно, поверхность песка исчезала, обрушивалась водопадом в кошмарную глубину. А с противоположной стороны широченная трещина мгновенно заполнялась, и на ее месте образовывалась новая долина... Все эти чудовищные превращения под монотонный, почти усыпляющий аккомпанемент струящегося песка могли свести с ума кого угодно. И, точно жадные руки, тянулись из глубины пропасти скрученные нити свинцового оттенка,— хищные метастазы опухоли, образованной миллионами тонн дряни, которую произвело человечество.

Опухоль разрасталась, вылезала на свет, словно пробуя на вкус оставшийся чистый воздух и захватывая все новые территории...

Коваль продолжал хлестать взмыленного коня, даже когда земля успокоилась. Он не слышал, что кричал ему Фердинанд, не чувствовал рези в обожженных песком глазах, и только когда на стремени всей тяжестью повисли Карапуз и Клаус, он понял, что спасен...

— Все, командир, все! — кричал Митя, волочась за стременем.

У Клауса шапка сбилась набок вместе с капюшоном, лоб мигом покрылся волдырями. Артур вывалился из седла, хватая ртом горячий воздух. Рядом корчился Фердинанд; мама Рона и Борк уже накладывали ему доморощенную шину из шомпола. Кто-то вылил губернатору на голову бурдюк воды...

Мало-помалу командир обрел способность видеть. Ползущие горы замерли, точно удовольствовавшись жертвой.Человеческих потерь больше не было, а кроме коня Семена, погиб еще один. Вместе с лошадьми был похоронен изрядный запас пищи, бидон с нефтью для факелов и половина дефицитного динамита.

— Я не прощу себе... — бессмысленно повторял Артур.

Лева гладил командира по руке, мама Рона совала под нос ковшик с успокаивающим отваром. Все слишком хорошо понимали, что именно Ковалю предстоит встреча с отцом молодого Хранителя и лесными старейшинами. Семен погиб слишком глупо, чтобы считаться героем, и слишком страшно, чтобы ему можно было пожелать спокойного сна.

— Он был отличным охотником! — торжественно произнес Борк.— Я мог бы гордиться таким сыном. Но если ты намерен когда-нибудь достойно оплакать мертвого, подумай сначала о живых. Если твои глаза будут полны слез сейчас, мы не пройдем Красный лес.

Солнце вставало за спиной Борка, но в его черных очках отражались пляшущие блестки. Артур непонимающе разглядывал охотника, затем до него дошло.

Он развернулся — и увидел далекие огоньки костров.

Людоеды Красного леса грели воду для завтрака.

Глава десятая

Великаны Красного леса

Заночевали, а точнее, задневали на самой границе песка и леса. Дабы облегчить страдания Фердинанда, Артур извлек даже заветные снадобья, подаренные Анной Второй. Но у белобрысого мутанта, несмотря на фантастическую выносливость и бравый вид, кости двух сломанных пальцев не желали срастаться за один день...

На вторую ночь лагерь организовали под кроной расщепленного молнией клена. Артур дождался, пока все улягутся и незаметно поманил охотника. Освобожденная от тряпок и масок, его обескровленная физиономия казалась ликом призрака.

— Наш юный колдун хорошо слышит, герр Борк. Он обеспокоен тем, что слева за нами постоянно следят.

— Не стоит опасаться, это еще не Красный лес. Кому надо, давно знают, что мы здесь, но мелкие племена не будут нападать...

— Мне не нравится такой подход, герр Борк. Мы потеряли двух превосходных бойцов, а за смерть Хранителя мне вообще могут голову открутить...

— Мы разделяем вашу скорбь.

— Дело не в скорби. Люди пошли за мной, но я командую ими в городе, в Петербурге. Понимаешь? Здесь моя личная война, и никому невозможно объяснить, какая польза будет городу, если мы найдем других Проснувшихся. Возможно, вместо благодарности меня ждут страх и проклятия. А теперь гибнут лучшие ребята из тех, что в азарте пошли за мной, и мне становится страшно смотреть в глаза другим. Он утонул в песке, бездарно утонул...

— Он не бездарно утонул,— пивовар почти нежно коснулся ладони Артура.— Он принес жертву, чтобы мы могли пройти.

— Вы всерьез верите в это? — напрямик спросил Коваль.— Вы верите, что кто-то из нас должен был обязательно погибнуть, чтобы миновать горы?

В пляшущих отсветах костра глубокие глазницы Борка походили на дыры, выдолбленные в гипсовой свае.

— Это не просто суеверия, герр Кузнец. Под толщей гор дремлет Свинцовая язва. Она никогда не спит. Она может притворяться, что уснула, но всегда следит за теми, кто движется по горам. По эту сторону Ползущих гор есть племена, которые верят, что пески можно умилостивить жертвенным скотом. Они заводят скотину в горы, связывают ей ноги и оставляют на съедение язве. Глупцы, они не понимают, что их коров поедают птицы, а язве не нужны бессловесные твари!

— А кто же ей нужен?

Борк придвинулся так близко, что Коваль ощутил на лице его пивное дыхание.

— Язве нужен человек! Получив человека, она успокаивается. Я тоже чувствую свою вину перед ним. Мне следовало послать вперед сыновей. Никогда еще язва не нападала с такой яростью...

Артуру показалось, он нащупал во всей этой дикости какую-то трезвую мысль.

— Так горы ползут, пока кто-нибудь не погибнет?

— Горы ползли всегда, но мальчишкой я ходил через них один и редко когда встречал свинцовые отметины. Они полезли вверх три года назад, словно озверели от запаха людей. И еще... Мои родственники из Карлсруэ видели, как из Ползущих гор вышел рой.

— Что?!

— Именно так, герр Кузнец. Раньше никто не понимал, откуда берутся на земле демоны из неживого металла — существа, лишенные сердца и крови. Язва мстит людям, она продолжает дело Большой смерти. Рой сечет все подряд, но охотится только за людьми. Однако демонов было совсем немного, пока...

— Пока Карамаз-паша не провел серию диверсий,— закончил за него Артур.

— Не знаю, что такое «диверсия»,— запнулся Борк.— Вы иногда употребляете слишком умные слова... Герр Кузнец, я могу вас попросить об одном одолжении?

— Попробуйте.

— Если то, что я слышал о вас,— правда... Вы расскажете мне когда-нибудь о тех... о временах до Большой смерти?

— Если останусь жив, герр охотник.

— О, благодарение Лютеру, вы не умрете, герр Кузнец! — рассмеялся Борк.— В вас слишком много... как это сказать... Жизненной силы!

Во мраке невозможно было заметить, как кора деревьев сменила коричневый цвет на красный, но продвижение отряда резко застопорилось. Первые часа три, пока луна не поднялась в зенит, всадники тащились со скоростью улитки. Раскачанная земля словно брала реванш за раны, нанесенные цивилизацией.

Пришлось разбиться на три пары. Полковник рубил траву на пару с Христофором, а когда они уставали, их сменяли Карапуз и Станислав. В третьей бригаде орудовали кинжалами и топорами братья-пивовары. Иного способа пробиться не существовало, стожильные кони попросту вязли в переплетении стеблей, их приходилось поминутно вызволять. Прекрасно чувствовал себя только тигр Лапочка. Его выпустили из корзины, и одуревший от раздолья зверь носился кругами, то пропадая, то возвращаясь. Попутно он успевал полакомиться дичью, которая буквально кидалась под ноги. Коваль пытался разглядеть птиц и животных с мутациями, но не замечал пока ничего особенно страшного, хотя чаща кишела живностью.

Никаких аномалий, кроме поведения леса.

И продираясь сквозь этот лес, Артур невольно вспоминал иной...

За десять лет своего правления Коваль ни разу не посетил окрестности Москвы, его гнал оттуда суеверный страх, сродни стыду за содеянное. Но от караванщиков он слышал, что исполинские дубравы, захватив уже половину бывшей Московской области, продолжают медленно разрастаться и превратились в совершенно непролазную чащу. Делались попытки достичь центра древней столицы по воде, но отважные речники неминуемо возвращались обратно. Их встречали завалы из бревен, невесть откуда возникавшие буруны, водопады и целые полчища агрессивных водоплавающих. Несколько лодок перевернулось в водоворотах, и ни один, упавший за борт, не выплыл...

Теперь двухметровая просека, которую отряд прорубал с таким трудом, зарастала чуть ли не на глазах. Брызжущие соком

иссеченные стебли не засыхали, а в течение получаса давали свежий побег. Однажды Артур уловил движение воздуха над головой и перехватил летящую веточку со вполне созревшими желудями. Это было невероятно: до осени оставалось добрых два месяца, но мясистые плоды выглядели вполне спелыми. Губернатор не поленился, слез с коня и закопал желуди в рыхлый чернозем. Два часа спустя он вернулся по просеке, топча молодые побеги, и раскопал одетых в шапочки младенцев.

Оба желудя ночью пустили ростки...

Однажды передовые лесорубы налетели на балку из нержавеющего сплава. Ковалю стало интересно, и, прихватив лопату, он ринулся ее изучать. Балка уходила в глубину, затем показалась широкая поперечина, запаянная в мощном шаровом сочленении. Освободившийся от работы Карапуз, ощущая переизбыток сил, решил помочь начальству. Вдвоем дело пошло быстрее...

Толщина первоклассного чернозема превышала два метра, и плодородный слой не думал кончаться. Металлическая балка оказалась верхушкой от огромных качелей. Дубы врастали корнями в парк детских аттракционов...

«Пусть будет самый страшный лес,— мысленно воззвал Коваль ко всем богам сразу.— Лишь бы не пески...»

Когда на пути попадался замшелый ствол, приходилось забирать в сторону, и такие крюки стоили большого труда; дубы и платаны достигали иногда умопомрачительных размеров, по десятку метров в диаметре. Они поднимались вверх на огромную высоту, создавая настолько плотную тень, что свободная смена «косарей» была вынуждена освещать путь фонарями. Открытый огонь Артур побоялся использовать; едва вспыхнув, трава превратила бы в факелы их самих.

Когда месяц завершил путь среди мерцающих созвездий, начали встречаться поваленные деревья. Их становилось все больше, и все они лежали вершинами навстречу, словно на западе, там, куда стремилась экспедиция, находился эпицентр чудовищного взрыва. Артур не поленился достать счетчик, но уровень радиации был в норме...

Лапочка вел себя очень мирно, и Христофор не чувствовал приближения врага. Коваль поинтересовался у Борка, где же костры, и почему на отряд до сих пор никто не напал. Со свой-

ственным ему оптимизмом пивовар ответил, что те, кому надо, давно засекли чужаков, но на прохожих нападают только Когти.

— Когти? — подозрительно переспросил Карапуз, когда ему перевели смысл фразы.— Я помню одну шайку на Ладоге с такими кличками. Они украли у нас жратву и двух городских баб. Тогда у меня было много силы и мало терпения. Я не стал слушать стариков, позвал с собой Гогу-мясника, Трупоеда и Бешеного лося. Мы догнали их на берегу и всех утопили, человек пятнадцать... Если здесь такие же Когти, то справимся легко.

— Здесь совсем не такие,— отсмеявшись, сказал Борк.— Но в переговоры вступать нельзя. Сразу стреляйте, а лучше — рубите ножами. Ваше орудие,— он уважительно дотронулся до метровой Митиной секиры,— подойдет как нельзя лучше...

— Вы так убеждены, что без драки мы не пробьемся к автобану? — язвительно осведомился ксендз и пояснил для русских: — До Парижа сохранился длинный кусок древней дороги в отличном состоянии. И людоеды туда не забираются, они избегают культурных поселений.

— А чем, по-вашему, лучше «культурные поселения»? — передразнил ксендза пивовар.

— Возле Парижа люди живут, как должно,— приосанился Станислав.— Они веруют в Крест и ненавидят мерзких крылатых идолов, которым возносят жертвы дикари. Парижане совершают святые таинства. Они посещают сохранившиеся храмы, и я даже видел, как отстраивают новые. Они готовы были присоединиться к Великому посольству...

— Какая прелесть,— язвительно хлопнул в ладоши пивовар.— Парижане, герр Кузнец, не едят людей, как Когти, поклоняющиеся Железной птице, но зато они охотно жгут заживо своих женщин.

— Как это? — обалдев от такого откровения, разом спросили мама Рона и Левушка.— За что?

— А за все,— наслаждаясь замешательством поляка, продолжал охотник.— Когда у горожан заболевает коза, или если корова перестает давать молоко, они выбирают женщину покрасивее. Желательно из одиноких, чтобы за нее не могли вступиться муж и братья. И сжигают ее заживо. У вас, фрау

Рона,— он галантно поклонился докторше,— было бы достаточно шансов оказаться на костре. При этом местные святые отцы с удовольствием приняли бы участие в церемонии...

— Это лишь отдельные заблуждения! — вскипел ксендз.— Не смейте примешивать бога к суевериям несчастных крестьян. Они слишком долго живут в окружении дикарей!

— А мы где живем? — напирал охотник. Еще немного, и они сцепятся, подумал Артур. Но тут ситуацию неожиданно разрядил Лапочка, почуявший в кустах какого-то крупного зверя. Затрещали ветки, раздалось рычание, все схватились за оружие, и спор сам сошел на нет...

Месяц спрятался в тучах. Трава начала мельчать, а затем сменилась пружинящим мхом и ковром из мелких кустиков, вроде черники. В свете фонариков начали длинный крутой подъем по узкой расщелине. Коваль никак не мог разобрать, куда их занесло. На расстоянии вытянутой руки возвышалась древесная масса, плотностью и цветом напоминавшая порфир. Конь послушно перебирал ногами в мягкой подстилке из перегноя. Подъем неожиданно закончился, из туч выпрыгнула луна, в ноздри ударил свежий ветер. Его хотелось пить... или, скорее, есть ложками, столько вкусных цветочных ароматов переплелось в каждом глотке.

К открывшейся панораме остались равнодушными лишь видавшие виды пивовары; даже толстокожий Карапуз присвистнул от восхищения.

На минуту Артур ощутил себя мальчишкой, оказавшемся в сказке. Он даже несколько раз сморгнул, отгоняя наваждение.

Путники выбрались на поверхность гигантского дубового ствола. Поверженный дуб вымахал до своих размеров, презрев все законы земной биологии. Его верхушка была совсем рядом, но даже тут ширина «плато» позволяла свободно разгуливать пешком. Вдалеке, в полусотне метров, на фоне млечного пути маячили исполинские корни; дуб вырвало из почвы целиком. У основания зияла колоссальная неровная воронка, уже зараставшая молоденьким подлеском.

Но самое потрясающее открытие ожидало дальше. Сказочный великан был не одинок в своем несчастье. Десятки, если не сотни гибнущих исполинов лежали повсюду. До самого горизонта, насколько хватало глаз, простиралось кладбище дре-

весных мертвецов, и тут же поднимались новые побеги, прорастали насквозь, вживлялись в могучую кору.

А между ними покачивались мостки. Узкие, подвешенные на веревках, и широкие, двуслойные — настоящие автострады, укрепленные на мощных решетчатых распорках. Одни рукотворные тропки взбегали наверх, к задранным в небо корням, другие круто спускались в темень, к невидимой поверхности земли.

— Это город, настоящий город,— прошептала мама Рона.— Смотрите, там, внизу, окна!

Действительно, метрах в десяти ниже того ствола, где собрались путешественники, слабо отсвечивали крохотные квадратики. Артур сначала принял их за далекую колонию фосфоресцирующих грибов, но теперь пригляделся внимательнее и понял, что мама Рона права. Огоньки брызнули в окнах, как будто кто-то внутри прошел с лампадкой, или сверкнул ряд иллюминаторов фантастической, выползшей на берег субмарины.

— Внизу мы не пройдем,— упреждая вопрос Коваля, шепнул охотник.— Верхние дороги выдерживают даже тяжелые повозки, но Когти не любят, когда их путями пользуются бесплатно.

Лошадь Клауса ступила на неструганые доски моста, перекинутого между двумя стволами. Толстые, грубо заостренные бревна, уложенные в выжженные пазы, служили опорой ближайшей секции, а дальняя часть дороги, теряющаяся во мгле, тянулась уже над пропастью. Мощные волосяные канаты, закрепленные на вздыбленных корнях, удерживали конструкцию от падения.

Мост слегка покачивался на высоте шестиэтажного дома.

— Как же оно не гниет? — удивился книжник, опасливо глядя вниз, на смутные очертания верхушек молодых тополей.

— Когда мой отец взял меня в первый раз в Красный лес, эти дубы уже лежали,— сказал Борк.— Они очень крепкие, но...

— Отец, костры не горят! — из темноты вынырнул Фердинанд, уже побывавший на той стороне моста.

— Когти потушили костры — неважный знак,— нахмурился Борк.— Приготовьтесь к драке! Главное для нас — успеть добежать до поляны...

Но до поляны добежать не успели.

Глава одиннадцатая

Когти Железной птицы

Когда миновали третий навесной мост, полого спускавшийся к черному зеву дупла, Лапочка, бежавший впереди, резко остановился и заворчал. В лунном свете серебристая шерсть поднялась дыбом, громадный кот в мгновение ока вдвое вырос в размерах.

— Впереди много, человек двадцать! — крикнул Христофор.— И целая толпа карабкается снизу по стволу!

— Лошадей в центр! — скомандовал Коваль.— Христя, прикрывай маму и Старшину!

Сзади по скрипящим мосткам уже топотали босые пятки. Коваль прикрыл глаза, впитывая в себя звуки и запахи леса. Снизу, по выступам коры, бесшумно лезли как минимум десятка три дикарей, но по мосту подбирались не только люди. Коваль чуял рассерженных зверей, но не мог определить, с кем имеет дело, пока они...

Пока они не выскочили разом из темноты и с улюлюканьем не бросились в атаку.

— Огонь! — скомандовал губернатор.— Лошадям — лежать! Патроны беречь! — и развязал тесемки на нагрудных карманах с метательными ножами.

— Почему я их не заметил раньше? Как я мог их не заметить? — в растерянности причитал колдун.

— Потому что они пришли под землей,— ответил Артур, загоняя в оба ствола по патрону.— Я чую их норы. Принюхайся! У них норы в земле, и ходы выдолблены в дереве... Карапуз, подпусти поближе!

Больше поговорить не удалось.

Митя послушно дождался, пока первые полуголые фигуры появятся в поле зрения, и щелкнул затвором пулемета.

— Не стреляйте! — крикнул Борк и с бешеной скоростью залопотал на незнакомом диалекте.

Дикари возникли разом, замыкая кольцо окружения, но нападать не торопились. Артур не мог рассмотреть лиц, видел

только, что тела намазаны — не то краской, не то жиром, а в руках у многих блестит металл. Члены маленькой экспедиции плечом к плечу отступали к обломку гигантской ветки, за которой не было ничего, кроме многометрового обрыва. Лошади улеглись на неровную поверхность коры. Христофор натягивал тетиву арбалета, мама Рона, спрятавшись за тюками, взводила курки револьверов.

— Лева, что он говорит? — не оборачиваясь, спросил Коваль.

— Здорово отличается от того французского, что я учил,— отозвался книжник, изо всех сил сражаясь с поводком Лапочки.— Вроде бы, просит встречи с их главарями...

— Не стреляйте,— тише повторил Борк, откинул назад обрез и выхватил из-за пояса моток тонкой веревки.— Они не хотят нас убивать, попытаются взять живьем. Если откроете огонь, нам конец: спустят медведей!

В эту секунду Артур вспомнил, откуда ему знаком этот запах. На мосту показались сразу четверо крупных мишек. Они резво неслись вперед, задрав морды, и за каждым волочились цепи. К передним лапам зверей были ремнями приторочены короткие железные рукавицы с длинными коваными когтями. Загнутые, остро наточенные лезвия мешали животным передвигаться, медведи еще больше косолапили и оскальзывались, но при каждом прикосновении когтей к доскам во все стороны разлетались фонтанчики щепок. Коваль представил, что будет с человеком, если он попадет под удар такой лапы...

У Артура в запасе имелось около десятка метательных ножей и достаточно парализующего яда. Не успели медведи соскочить с моста, а погонщики — развернуть подслеповатых хищников в нужном направлении, как он уже метнул четыре ножа подряд.

Если Когти собирались проверить их «на вшивость», крайне важно было сразу дать понять, кто сильнее.

Четыре мохнатых стражника в мгновение ока повалились ничком, а дикари, увлекаемые поводками, пронеслись дальше, сбиваясь в кучу и путаясь в цепях.

Это остановило атаку, но ненадолго. Обозленные потерей «танкового корпуса», Когти, опомнившись, кинулись в бой.

Христофор, следуя боевому расписанию, поджег несколько метательных факелов и швырнул их в гущу противника. Горшочки с соляркой раскалывались, горючая жидкость растекалась языками пламени по изгибам коры, и скоро стало достаточно светло, чтобы оценить положение.

А положение становилось критическим, несмотря на отчаянную оборону осажденных.

Митя Карапуз, намотав на левый локоть конец капронового троса, с сатанинским воплем ринулся в гущу дикарей. Рывок — и Даляр со Станиславом аж присели, еле удерживая натянувшийся трос, а Митя превратился в наконечник здоровенной косы. Старый трюк, широко используемый чингисами на российских просторах. Там, где у Карапуза находился локоть, у большинства взрослых мужчин уже начиналась шея...

Не обращая внимания на удары ножей и дубинок по кольчуге, Карапуз смел десяток дикарей в пропасть. После этого Митя развернулся и зарычал так, что даже Лапочка, дергающийся на привязи, удивленно примолк.

В руках Борка с Клаусом гудели самодельные кистени. Раскручивая длинный шнур с грузилами на концах, охотник делал такие движения, будто греб на веслах. Первые же дикари, попавшие под удар, отлетели с раздробленными черепами. Борк мигом очистил от нападавших северную часть ствола, но когда развернулся, поумневшие Когти уже кинулись на немцев с длинными дубинами. В воздухе засвистели камни. Один угодил Клаусу в голову; маленький пивовар пошатнулся и упал.

Фердинанд прорывался на помощь отцу и брату, размахивая двумя мечами одновременно. Он крутил лезвиями в таком темпе, что Артур невольно залюбовался. Двое верзил выскочили навстречу и с воплями откатились в стороны, баюкая культи отрубленных рук.

Возле уха Артура засвистели стрелы. Две он поймал на лету. Следующая достала Фердинанда. Германец запнулся, недоуменно поглядел назад и тут же осел под ударами дубинок. Дикари бросились на отважного коротышку, как муравьи на гусеницу, откуда-то тащили сеть... Коваль еще успел заметить, как в гуще размалеванных тел дергались ноги пивовара.

— Лева! — закричал Артур.— Поговори с ними, слышишь! Скажи, что мы друзья, что хочешь, скажи!

«Если бы с нами был Семен! — мучительно горевал Артур,— все, все пошло бы иначе...»

Сам он, хоть и стоил десятка воинов, решил взять на себя роль засадного полка и вмешаться лишь в самом крайнем случае. Пока дело дойдет до пулеметов, он планировал раскидать сотню-другую ножей. Тем более что патронов в лентах почти не осталось...

Книжник был занят важным делом. Пока отряд теснили с трех сторон, Лева обеспечивал тыловое прикрытие. Спрятавшись между лежащими конями, он поджигал один за другим мешочки с нефтью и скидывал их в провал, стараясь, чтобы горящая жидкость стекала по толстой коре поваленного великана.

Невзирая на его усилия, некоторые дикари пробирались, как мухи, по вертикали. Не обращая внимания на тлеющую под руками кору, они с ножами в зубах выпрыгивали наверх. Книжник стрелять в людей не умел и не любил, но мама Рона, несмотря на все свое человеколюбие, делала это неплохо. Она положила ствол карабина в ложбинку седла и терпеливо дожидалась, пока из мрака не появится очередной лазутчик.

Отважная мама никогда не промахивалась, она просто не имела права на ошибку. Не промахивалась, когда без наркоза удаляла пули, не промахивалась и теперь.

Мама Рона была единственная, кто использовал огнестрельное оружие, но Артур рассудил, что для дамы можно сделать исключение...

На левом фланге Борк в одиночку противостоял целой своре дикарей, прикрывая раненого сына. Артур крикнул Христофору, чтобы плюнул на иллюминацию, забирал Лапочку и двигал на помощь.

Левушка наконец занялся дипломатией. Артур ни слова не разбирал по-французски, но надеялся, что искалеченные глаголы книжника, помноженные на тупость дикарей, родят взаимопонимание. Напрягая глотку, Свирский перекрикивал шум схватки, но толку пока не добился.

На правом фланге Станислав и Даляр, забыв о распрях, орудовали прикладами и штык-ножами. Возле них валялся целый

взвод Когтей, но Даляр был трижды ранен. Он встряхивал головой, отгоняя струившуюся по виску кровь; одна короткая стрела застряла у него в плече, другая торчала из лодыжки. Поляк тоже начал сдавать.

Дикари напрыгивали, выставив впереди себя дубины и заостренные копья, и тут же отскакивали назад, повинуясь командам невидимого старшего. Ножи они держали за спиной и в ход не пускали. Они попросту изматывали оборонявшихся, понемногу тесня их к сбившимся в кучу лошадям.

А в это время в центре сражения озверевший чингис носился по кругу, вращая над головой обмякшее тело одного из противников, и наносил врагу больше разрушений, чем все остальные бойцы, вместе взятые. От Мити бежали со всех ног. В третьем ряду Когтей один из военачальников метался, отвешивал пинки подчиненным и, надрывая глотку, орал своим людям, чтобы те не трусили, а разом навалились на проклятого буґая. Коваль подумал секундочку, вытащил клинок и убил вражеского военачальника.

После чего снова пристроился за шеей лошади. Даже лежа, конь обеспечивал превосходную защиту.

Отпущенный на волю тигр показал себя во всей красе. Бедная кобыла, к которой он на протяжении схватки был привязан, наверное, возвела глаза к небу и воздала молитву своему лошадиному богу за то, что этот белобрысый придурок наконец прекратил метаться и оставил ее в покое. Христофор попытался удержать короткий поводок, но запутался в петле и в результате едва не убился, когда его поволокло животом по броневой древесине.

Лапочка бесшумно напал на людей, атаковавших Борка, и за несколько секунд оторвал головы семерым. Почти два года его в паре с братцем тренировали как личного телохранителя губернатора. Он умел раскатисто мурлыкать, когда его гладили по шерстке, но еще лучше он умел убивать. Одним ударом когтистой лапы тигр вспарывал брюхо быку, легко противостоял в бою десятку булей и пяти болотным котам.

А коты гораздо опаснее неповоротливых людишек...

К моменту, когда Христофор, потирая шишки, добрался до Борка, на фланге все было кончено. Те из Когтей, кто успел

заметить тигра, попрыгали в кроны нижнего яруса самостоятельно.

Пивовар, к его чести, не остался помогать раненым сыновьям, а заспешил, прихрамывая, на помощь Карапузу.

Лева, окончательно севшим голосом, продолжал выкрикивать французские ругательства.

Мама Рона застрелила еще двоих.

К основательно поредевшему авангарду дикарей сразу по двум мостам спешило свежее подкрепление. Ближний мост, подожженный Христофором, полыхал вовсю. И, словно по команде, загорелись сотни огоньков в окошках и десятки костров. Где-то в низкой утробной тональности на две ноты пропела труба.

Лес превращался в разворошенный термитник.

Артур свистом приманил тигра. Лапочка выпустил из пасти ногу туземца и стрелой кинулся к хозяину. Зверь прихрамывал, по серебряной шкуре, израненной стрелами, стекала кровь.

Борк, сложив ладони рупором, орал одну и ту же фразу, точно звал кого-то. Клаус тащил на себе стонущего Фердинанда.

Даляр упал на одно колено, отбиваясь любимой саблей последнего императора.

Станислава, пойманного в сеть, усердно молотили дубинками.

Карапуз разогнал вокруг себя всех и теперь приглашал ребят на мосту, чтобы не стеснялись, подходили познакомиться поближе. Ребят было человек сорок, они сбились в кучу и совещались, как понадежней совершить самоубийство.

Коваль прикрыл глаза. Сосредоточился, поглаживая Лапочку между ушей. Прежде чем кидаться в бой, следовало как следует взвесить обстановку.

Он увидел десятка два лучников, рассевшихся в ветвях на пределе полета стрелы. Но у некоторых были арбалеты. А потом Артур приметил и несколько допотопных ружей.

Стрелки ждали сигнала, чтобы бить на поражение.

Главари Когтей сомневались. Им очень хотелось захватить караван живьем.

Поступать, согласно основам тактики, следовало вопреки ожиданиям врага. И спустя три секунды Коваль знал, как поступит.

Он свистом послал тигра в атаку на левый фланг, крикнул Мите, что пора браться за оружие, и объяснил Христофору, что ему надлежит делать.

А затем, вскинув пулемет Даляра, плавно повел слева направо, освобождая ветки от стрелков. На пристрелку ушло несколько десятков драгоценных патронов, но тут в шесть стволов заговорила пушка Карапуза, на которую посягать никто не смел.

Уничтожались остатки боезапаса...

Христофор с помощью книжника водрузил на плечо гранатомет и произвел пробный залп. Получилось коряво, но цель была достигнута. Коваль просил лишь попасть в людей, крадущихся по левому мосту; но меткий колдун угодил в опору, и переход, по которому еще предстояло им всем пройти, развалился на части. Дикари с визгом посыпались вниз, на вершины молодых деревьев. Средняя часть моста кое-как держалась на канатах, но путь был отрезан.

— Этот недотепа в собственный зад шприцем не попадет! — прокомментировала мама Рона, лихо вставляя в магазин очередную обойму.

Лапочка освободил Даляра и ксендза, и уцелевшие дикари оказались сами в окружении. Пробиться ко второму мосту им мешал Митя с пулеметом; назад отступать было просто некуда. Ощетинившись копьями и ножами, людоеды шаг за шагом отодвигались к пологому краю дерева, а на них, улыбаясь окровавленной мордой, выгибая длинную морщинистую шею, наступал их последний кошмар.

Большинство лучников Артур прикончил, остальные лихорадочно спасались бегством. Коваль передал почти пустой пулемет ксендзу и велел держать под прицелом поверхность двух ближайших дубов, а Даляру приказал забрать у колдуна гранатомет.

Пока полковник целился, мама Рона перевязывала ему пробитую ногу. Станислав, как истинный стоик, затыкал пробоины тряпками. Ему порвали щеку, в двух местах разбили голову, сломали палец... От потери крови поляк побелел, почти как пивовары, но держался.

Граната, пущенная опытной рукой, ушла в сторону жилых келий. Тугая волна пламени мигом охватила внутренности древесных домиков. В окошках замелькали фигурки, истошно

заорали женщины, несколько человек, объятых огнем, выскочили на мостки и принялись кататься, сбивая пламя...

— Их много,— сказал Христофор.— Внутри и снаружи. Смелые и трусливые. Хотят нас убить, но хотят мира...

«Вот так всегда,— усмехнулся Артур.— Вечно все норовят поубивать окружающих, а после удивляются, почему их не оставят в покое?»

Митя с хохотом нажал на курок. Армию аборигенов, наступавших по правому мосту, искрошило в куски. Они даже не успели убежать, так и застыли между перил плотно спрессованной, мертвой массой. Сквозь доски ручьями стекала кровь...

Коваль помнил, что у чингиса осталось всего три полные ленты.

Третьей гранатой разнесло жилой дом, размещавшийся в неохватном пне.

А у Даляра осталось не больше десятка гранат.

Карапуз развернулся и добил дикарей, безуспешно пытавшихся укрыться от тигра. Лапочка подошел, понюхал и, сразу потеряв к покойникам интерес, заспешил к хозяину жаловаться на боль.

И в эту секунду дикари ответили. Пивовар сначала не поверил своим ушам, но оказалось, что отвечают не ему, а Леве. Потрепанные путешественники жадно прислушивались к чужой, мелодичной речи.

— А ну, тихо! — рявкнул Артур.— Что ты им сказал?

— Ну... Как ты просил,— потупился книжник.— Вежливо, но скромно. Я все время повторял, что мы хотим мирно пройти, а если нам не позволят, то всех перебьем.

— А они что?

— Не разобрал...

— Они кричат, что с нами будет говорить Железный коготь Проспер.— перевел Борк.— Чтобы мы не стреляли огнем по гнездам.

— Что за херня? — выпучился Карапуз.— У них имена, как у обкурившихся шептунов.

— Насколько я понимаю, сначала идет Ореховый коготь, потом Дубовый, потом Костяной, и только главным вождям присваивают звание Железного,— пояснил Борк.— Кстати, у

них встречаются еще Каменные когти, это привилегия мудрейших стариков.

— Самых активных людоедов? — уточнил Артур.

— Значит, к нам идет не самый главный вождь... — разочарованно протянул полковник.— Жаль, хороший был бы пленник.

«Не самый главный вождь» выглядел впечатляюще. Удостоверившись, что кошка-убийца на привязи, через мост, прямо по трупам, прошли четверо дюжих парней в домотканых штанах и рубахах. Холодного оружия на них бряцало столько, словно они задались целью занять в районе первое место по сбору металлолома. При этом было очевидно, что такое количество железа им просто мешает. За телохранителями появился и сам Железный Проспер.

Воин был стар, худ и лыс, исцарапан во многих битвах, но энергичен, как капля ртути. Ковалю он моментально напомнил персонажей незабвенного комика Фюнеса, но, не в пример бравым киношным полицейским, француз будущего отличался завидной предусмотрительностью. Из-за спин молодых охранников он не показывался до тех пор, пока ему не пообещали, что охотник Борк выйдет для переговоров один и без оружия.

Левое предплечье вождя охватывали несколько тонких медных цепочек, украшенных зубами животных, на груди болталось ожерелье из десятка изогнутых, пожелтевших когтей самого устрашающего вида. Под глазами и вокруг носа змеилась сложная татуировка, но в темноте Артур не мог рассмотреть, что она изображает. Одет Проспер был просто, но со вкусом, как и положено соотечественнику великих кутюрье.

На запястьях и лодыжках местного патриция красовалось несколько золотых браслетов с дорогими часами, голый торс обтягивала парадная полицейская портупея, а вокруг тощих ног элегантно развевались синтетические спортивные трусы с эмблемой фирмы «Найк». Ансамбль дополняла роскошная, усыпанная алмазами, перевязь, на которой висел длинный, зазубренный нож.

Борк, прихрамывая, вышел, и переговоры начались.

Телохранители Проспера очумело разглядывали последствия побоища. По самым скромным подсчетам, Когти потеряли

убитыми около тридцати человек. Раненых оказалось примерно столько же.

Железный коготь подпрыгивал и нервно жестикулировал. Борк тихонько возражал.

— Я боюсь, дурит он нас, командир,— процедил Даляр.— Время тянет, сволочь! Может, пока не очухались, двинем напролом? Вон, и Митя не против.

— Никаких «напролом»! — шикнул Коваль.— Этот Красный лес на три дня пути. Либо договоримся полюбовно, либо придется отступать в пески. Мы живы только потому, что они сами этого хотели.

— А сеть у них прочная,— ксендз ощупал дырку от выбитого зуба.— Каленый нож не берет. Если бы не ваш кот, уволокли бы, гады! Видели, что они задумали? Засунули меня в сеть, подцепили ее крюком и хотели спустить на веревке. Так и висел бы, как окорок, на крюке...

— Ты же ходил здесь раньше, пан Станислав? — поддел ксендзаАртур. Он напрягал все рецепторы, обшаривая пространство.

Никто к ним не подкрадывался. Толпы разбуженных дикарей были заняты тушением пожаров, тащили бадьи с водой, раздавались удары топоров, скрипели лебедки.

— Я сам ничего не понимаю,— устало закряхтел святоша.— Язычников много, но те, которые поют у гробниц, не подчиняются одному воеводе. И даже когда у них идут междоусобицы, на восточном краю Красного леса всегда горят костры. Правило очень простое, и Борку оно отлично известно. Подходишь к огню открыто, снимаешь оружие, садишься и ждешь. Потом к тебе выходят, спрашивают, кто такой, куда идешь, чем заплатишь за проход по мостам...

— А ты чем платил?

— Отдавал живую курицу и мешочек соли. Этого достаточно.

— А если нет курицы?

— Если ничего нет... — Станислав задрал штанину, подставляя маме Роне рану от удара булавой.— Если пусто, к костру ходить нельзя. Посадят в сеть — и готово. Навсегда попадешь в рабство, будешь выколачивать новые гнезда. Никто и не найдет в лесу... Или сожрут, если птицы потребуют жертву. Если ничего нет, лучше сразу идти по низу. Но внизу та-

кое... Бурелом, пиявки, гнус, трясина... И, опять же, поймают, подвесят в сетке...

— Так они людоеды или нет? — проявил неожиданную дотошность Лева.

— Что ты раскудахтался? — осадила мама Рона.— Лучше нож прокали! Тебя, старого, и с бульоном побрезгуют. Провонял весь своей махоркой!

— Они не едят друг дружку ежедневно... — Станислав замычал от боли, когда мама Рона приложила раскаленный нож к ране.— Ох!.. Они вынимают печень, когда... О, матерь божья! Когда птицы требуют жертву. Но я не встречал ни одного живого свидетеля...

Внезапно вернулся повеселевший Борк.

— Железный коготь Проспер говорит, что мы можем пройти через лес. В уплату надо оставить двух коней, четыре винтовки с патронами и всю соль, какая имеется.

— Да он сдурел...

— Что хочет эта лысая обезьяна, командир?

— Железный коготь говорит, что мы убили много его людей,— сохраняя торжественную интонацию, продолжал пивовар, а стоявший неподалеку и внимательно прислушивающийся к разговору дикарь величественно кивал после каждого слова. Было ясно, что немецкую речь он понимает.— Мы показали себя храбрыми воинами, и Железный коготь приносит извинения, что сразу не узнал друзей из Кайзерслаутерна...

— Ни хрена себе друзья! — заметил Карапуз.

— Железный коготь говорит, что чужеземцы с востока напали на его соседей из развалин и облили лес дьявольской водой. Там погибло много народу. Чужеземцы тоже хотели пройти к хрустальным гробницам, но договариваться не пожелали. Когти из Зеленого леса вышли к ним навстречу, но восточные люди не сняли железо и не сели у костра, как принято среди друзей. Они вытащили огневое оружие и облили землю дьявольской водой...

— Что за ерунда, командир? О чем он бормочет?

— Погодите! — отмахнулся Артур.— У самого крыша едет. Похоже, нас опередили...

— Теперь Когти Красного леса не жгут костров дружбы и не ждут добра от пришельцев. Из уважения к пивоварам они не

будут убивать друзей Борка, но если мы хотим пройти к развалинам, мы должны подарить клану всех оставшихся коней, еще два ружья, и все, что есть из металла.

Последние слова перевел книжник, ухвативший суть мирных инициатив. У командира не хватило духа озвучить подобную идею. На несколько секунд воцарилась полная тишина, бойцы пережевывали ситуацию.

— Железный коготь Проспер говорит, что вместо своих коней вы получите обычных. Он сам проводит нас к развалинам и представит Каменным когтям, которые сторожат гробницы. Если вам удастся поднять из гробниц четверых демонов, вас отпустят, но с условием...

«Четверо! — обрадовался Артур.— Четверо спящих...»

— По преданию, пока Хрустальные когти спят, народы леса поклоняются птицам и каждый месяц приносят им жертву. Сейчас птицы сытые, иначе пришельцев убили бы сразу...

— Очень приятно,— поежился Лева.

— Раньше Хрустальных когтей было шестеро, но тридцать лет назад один умер в гробнице. Огненные глаза на морде его саркофага погасли, он стал песком... А пять лет назад умер еще один, и это был день великой скорби, потому что предание гласит: «Хрустальные когти призваны прогнать Железных птиц в преисподнюю и освободить народы леса от вечной дани...»

— Спроси его, горожане тоже приносят жертву птицам? — не выдержал Артур.

Ему показалось необычайно важным не упустить мелькнувшую мысль.

Борк перевел. Дикарь завращал глазами, захлопал себя дюжиной «Ролексов» по высохшим бедрам.

— Коготь говорит, что глупые горожане боятся птиц, но не умеют их ублажить. Однажды была великая битва, городские пытались захватить гробницы и оживить Хрустальных когтей. Но воины леса победили. Мудрые Каменные когти умеют договариваться с птицами и учат свой народ, как правильно приносить жертву, поэтому исчадия преисподней нас не трогают!

— Тут все понятно,— вполголоса перевел Коваль.— Эти идиоты, из поколения в поколение, приманивают на человеческое мясо местных мутантов, вроде нашего Лапочки. Они прикормили целую стаю и теперь не знают, куда от нее деваться.

— Спроси его, что он знает о Великом посольстве? — гнул свою линию ксендз.

Борк нехотя обернулся к дикарю. Коваль понимал, что охотник с большим удовольствием оставил бы раненого поляка посреди пустыни.

— Коготь Проспер утверждает, что длинный караван прошел три года назад, но севернее, по Мокрой просеке. Многие воины предлагали на него напасть, но мудрый Каменный коготь Луи им не позволил. И он оказался прав, северные люди не поджигали лес и не лили дьявольскую воду. Они прошли мимо, провели свой скот и повозки. Нападать на них было опасно: больше тысячи огнестрельных ружей, злые собаки и даже пушки. Больше их не видели,— отрапортовал пивовар.

— Тогда какого черта мы не пошли по этой сраной просеке? — Даляр встряхнул поляка за воротник.— Какого черта мы полезли на это бревно, если есть другой проход?

— Тот проход не для взвода,— неожиданно вступился за святошу немец.— Я сам подсказал кардиналу, где им лучше пройти. Нужна сотня косарей и лесорубов, чтобы расчищать Мокрую просеку, и еще сотня, чтобы обрубать корни, которые норовят утащить под землю. Издалека кажется, что там очень ровно и спокойно, но мы бы не справились. Трава растет быстрее, чем ее рубишь. Ходят слухи, что под просекой до Большой смерти проходила труба с нефтью. Она выходит на поверхность в развалинах нефтяного хранилища... И ты не потеряешь след посольства, святой отец. Потому что мы все равно выйдем к развалинам.

— Спроси его, герр Борк,— поднялся Артур.— Почему они нам поверили, если никого не подпускают к гробницам?

Внезапно все заговорили разом, убеждая Коваля не доверять сомнительным знакомствам.

— Тут ловушка, господин!

— Нас заманивают, чтобы поджарить!

— Врежем гранатой и пройдем сами! Подожжем этот чертов лес, и дело с концом!

— Башку открутить этому лысому червяку!

Артур ждал, пока Борк завершит последний раунд переговоров. Наконец, охотник повернулся и быстрым шепотом, чтобы не слышал дикарь, проговорил:

— Я сказал Железному Когтю, что могучий северный вождь Кузнец сам спал в хрустальном гробу, а когда проснулся, то подчинил себе белых котов, черных лошадей и летучих змей. Я сказал ему, что белый тигр заговорен от стрел и яда, и если Кузнеца разозлить, он направит гнев Проснувшихся демонов на народы Красного леса.

— Впечатляет, герр Борк,— согласился Коваль.— Но ты говорил, что нам поставили условие...

— Да, Когти привередливы,— уныло вздохнул пивовар.— Если ты, разбудив своих демонов, не прогонишь Железных птиц в преисподнюю, у тебя и твоих спутников вынут печень.

— А вас, малявок, выходит, что отпустят? — прищурился ксендз.

— Я охотно поменяюсь с тобой участью,— улыбнулся пивовар. Его треснувшая, заляпанная кровью маска косо висела на покатом лбу.— В случае обмана моих сыновей отнесут в гнездо на съедение птенцам. Выбирай, что ты предпочитаешь, святой отец?

Глава двенадцатая

Песни хрустальных гробниц

Свет проникал сквозь рваные решетки в потолке. Этажом выше горели ритуальные костры Каменных когтей. Но на десятиметровой глубине всегда оставалось холодно и сыро.

Коваль несколько раз присел, помахал руками, чтобы немножко согреться. На самом деле человека, привыкшего спать в сугробе, мороз не пугал.

Парижское отделение института крионики находилось, к счастью или к несчастью, далеко за чертой города, в одном из очаровательных, уютных северных предместий. По крайней мере так было полторы сотни лет назад. Сейчас тут словно промчался селевой поток.

От большинства корпусов сохранились только скрюченные скелеты, до второго этажа занесенные пластами застывшей гли-

ны и обломками арматуры. Тут не было леса, но бурные побеги прокладывали себе путь в каждой трещинке, кроша в песок ошметки сохранившихся домов.

Последние километры дороги походили на исполинскую терку: пробираться приходилось между глубокими впадинами и остроконечными холмами. Ряды лощеных когда-то домиков, прилегавших к автобану, выглядели как обрывки мятой салфетки. От границы Красного леса лошадей вели в поводу, по тоннелям из сплетенных прутьев. Слишком низкие своды не позволяли проехать верхом даже на тех коротконогих клячах, которых путники получили взамен вороных жеребцов Кшиштофа. Плетеные арки, укрытые сверху густым слоем сухой листвы, тянулись непрерывной кишкой, взбегая на возвышенности и опускаясь в лощины. На пути возникали развилки. Однажды экспедиция почти полчаса шла по прорытой траншее, заваленной сверху бревнами. Борк шепнул спутникам, что дикари от подобных путей сообщения почти отказались, так как талая вода размывала траншеи. Коваль заметил, что за крытыми переходами следили, периодически подновляли опорные столбы. Во многих местах была привита виноградная лоза, дававшая такую густую тень, что, казалось, отряд двигался в глубоком ущелье.

Несомненно, что грандиозная система нор подчинялась единственной задаче — обороне от нападения с воздуха.

— Увидеть бы этих пташек! — злобно шипел Карапуз, в очередной раз натыкаясь макушкой на торчащие сучья.— Уж всяко не страшнее наших летунов!

Стреноженный Лапочка урчал сквозь намордник.

С вершины последнего холма открылся вид на столицу. Артур смотрел на город поэтов и живописцев — извечную мечту всех романтиков, но видел только размытое море грязи. Париж словно замазали серой краской. Ни единое светлое пятно не радовало глаз. Уцелевшие здания ближайших пригородов были сплошь изрыты кавернами и трещинами, а центр не просматривался даже в мощный бинокль.

Пока мудрый вождь Проспер продумывал оптимальный путь через завалы, Коваль усердно выискивал всемирно известный символ, и, наконец, нашел его. Творение Эйфеля запрокинулось набок, раскинув ноги, как раздувшаяся, мертвая ко-

рова. Некогда приветливые, умытые дворцы, помнившие Бонапарта и Гюго, съежились под слоем пепла. Именно так Артур представлял себе Хиросиму после американской атаки.

Над пепелищем поднимались в утреннее небо сотни столбов дыма. В Париже снова селились люди. Как и раньше, они предпочитали чистым полям металл и камень.

Железного Когтя сопровождали двадцать пеших солдат. Они без устали бежали три часа рядом со всадниками, а на границе леса разделились на две части. Первые ушли далеко вперед и улаживали трения с заставами враждебных кланов, остальные окружали вождя. Артур полагал, что в самом научном центре им не встретится ни души, но оказалось, что на территории городка дикари селились наиболее плотно. Шатры и грубые деревянные хибары стояли в два круга. Десятки километров траншей, укрытых сверху подсобными материалами, соединяли эти жилища друг с другом, образуя настоящие катакомбы. Под навесами загонов теснились поджарые свиньи, блеяли козы, гоготала домашняя птица. Основной комплекс зданий располагался полукругом, и площадь перед ним использовалась дикарями в качестве жертвенника.

Под площадью располагались лифтовые шахты, по которым можно было проникнуть в подземные помещения института. Но ни один человек со стороны не прошел бы сюда живым. На развалинах денно и нощно полыхали костры Когтей, а на подступах к лагерю неустанно дежурили караульные. Чужаков провожали сотни пристальных глаз. Артур спиной чувствовал повисшую в воздухе враждебность.

Центр площади, единственное место, которое убирали и поддерживали в некотором порядке, украшала грубая деревянная статуя, нависавшая прямо над покореженным входом в подвал. Три хищные птицы, соприкасаясь распахнутыми крыльями, склонили остроклювые головы, будто разглядывали что-то на земле. Резчики, наверняка, потратили немало сил и затупили десятки топоров, чтобы вырезать из крепкого дуба этих мрачных чудовищ. А каких усилий стоило притащить сюда многотонные заготовки, Коваль мог только догадываться. Несмотря на ошибки в пропорциях, скульптура подавляла угрюмой, безжалостной мощью.

В стороне, по периметру площади, стояло еще с десяток статуй поменьше. Эти, судя по цвету, появились совсем недавно. Видимо, работы по улучшению капища не прекращались.

— И создали себе поганых идолищ... — чуть ли ни в экстазе прошептал Станислав, когда странников провели в квадратный шатер.

Там им вежливо предложили передохнуть на голых камнях, а Артура с переводчиком пригласили вниз. С самого начала предполагалось, что переводить станет Лева, но рана не позволила книжнику сопровождать командира. Свирский чуть не плакал, повторяя, что ради этого момента отважился на путешествие... И выбор, к счастью, пал на Борка.

Всегда невозмутимого пивовара теперь трясло от возбуждения. Легенды, в которые до конца не верил никто, включая даже парижских мастеровых, внезапно оказались правдой. Охотник дюжину раз ходил через Красный лес в Париж, иногда, в годы гражданских войн, серьезно рисковал, когда Когти скармливали птицам очередного вождя, и внешняя политика терпела резкие колебания курса. Но он не мог представить, что попадет в святилище с Хрустальными гробницами.

Те, кому довелось повидать спящих демонов, уже не могли никому ничего рассказать. Ковалю и Борку велели разоружиться, но тщательно обыскивать не стали. Протискиваясь между крылатыми колоссами, охотник начал беззвучно шептать молитву. Но Артуру наибольшие опасения внушали не деревянные орлы. При приближении к статуям в ноздри делегации ударил душок гниющего мяса. Посреди загаженного, засиженного мухами алтаря стояли в ряд три капсулы глубокого анабиоза. Коваль их сразу узнал, хотя видел только на страницах университетского журнала. Французы использовали позднейшую разработку. Крышка создавалась из полупрозрачного полимера, а в основании, под лежанкой, проходили пучки оптоволоконных кабелей, шланги высокого давления и ряд датчиков, одетых в сверхпрочный стеклянный корпус. В каком-то смысле вытянутую ладьеобразную капсулу можно было назвать хрустальным гробом.

Все три крышки были откинуты. В капсулах валялись груды человеческих костей. И было очевидно, что жертву отдавали на растерзание Железным птицам живьем; с бортов капсул

свисали обрывки веревок. Бурый от крови бетон вокруг жертвенника покрывали рытвины и потертости, словно по нему таскали тяжелую мебель. Каждая капсула весила чуть меньше тонны. Артур не мог себе представить, сколько народу понадобилось, чтобы поднять на поверхность эти глыбы. А глубокие царапины на бортиках и крышках, несомненно от когтей, наводили на мысль, что статуи птиц недалеки от оригинала...

Кости валялись и снаружи. Над кучей оскаленных черепов тучами кружили блестящие мухи.

— Вождь говорит, что останки тел нельзя убирать двенадцать дней,— послушно перевел Борк разъяснения Проспера.— Вдруг Железные птицы вернутся и пересчитают мертвецов. Птицы должны видеть, что их не обманывают. Через двенадцать дней останки сжигают, а пепел относят в гробницы. Дальше я не очень понял, зачем Хрустальным когтям пепел...

— Птицы умеют считать? — стараясь дышать ртом, осведомился Артур. Он представил, какой крематорий ждет их внизу.

Проспер очень торопился поскорее пересечь открытое пространство, его бойцы с тревогой поглядывали в небо и нетерпеливо подталкивали парламентеров к жерлу шахты.

— Они нас не отпустят,— улучив минуту, шепнул Борк.— По преданию, никто, кроме Когтей, не должен видеть хрустальные гробы и слышать их пение.

— Пение?!

— Я сам не понимаю.

Только очутившись в широком темном коридоре с потрескавшимися стенами и рядом перекошенных окон, Артур понял, что изначально этаж не был подвальным. Просто верхнюю часть комплекса разметало, как карточный домик, а нижние три или четыре этажа провалились под землю.

Пол имел легкий уклон, нараставший по мере продвижения. В торце коридора, у занавешенного входа в освещенный зал прятались четверо татуированных карабинеров. Из кучи плотно набитых в боковую нишу мешков, выглядывал порыжевший ствол тяжелого пулемета.

Один из бойцов Проспера откинул запыленный полог, и Коваль оказался на верхней ступеньке небольшого амфитеатра. Через прорехи в разбитом куполе потолка сочилась вода.

Сквозь трещины в гнилой штукатурке свисали засохшие корни и осыпались комки земли. Жаркий дым двух костров стелился вдоль прокопченных стен и нехотя выползал в потолочные дыры. Под самым куполом по кругу тянулся шаткий балкончик. Он местами провалился, и тонкие поручни свисали в зал. Всю мебель и ковровые покрытия давно употребили на растопку. У сцены, где в незапамятные времена заседал президиум ученых мужей, дикари поставили длинный стол из нержавейки, вроде того, что используют в прозекторских.

Всю поверхность стола и сцену занимали сотни глиняных горшочков с прахом, между которыми чадили плошки с грязными тряпичными фитилями. Воздух был сухой и раскаленный, как в сауне. На стенах, как ни странно, сохранились застекленные фотографии и огрызки почетных грамот, и даже горшки с мумиями кактусов.

Четверо древних косматых дедков колдовали вокруг квадратной столешницы, точно собирались «забить» партию в домино, а за ними, неодобрительно поджав губы, наблюдал мраморный бюст Пастера.

Проспер бухнулся на одно колено, дважды поклонился и забормотал приветствие.

— Каменные когти спрашивают, готов ли повелитель белых тигров стать пищей для птиц, если его постигнет такая же неудача, как негодяев, подосланных Карамаз-пашой,— скороговоркой переводил Борк.— Они говорят, что если человек по имени Кузнец не разбудит, а убьет еще одного из Хрустальных когтей, то больше в гробницу никто не будет допущен. Нас замуруют здесь вместе с Проспером...

— Тут побывали люди Карамаз-паши?! — опешил Артур.— Вот дьявол! Разумеется, никто не смог грамотно поднять давление и провести выход... Что отвечает наш друг?

— Проспер отвечает, что подлый пивовар,— это он обо мне — привел в Красный лес свирепых магов на огнедышащих конях, у которых когти вместо копыт. И главный маг, умеющий оборачиваться белым котом с человеческими руками,— это о вас — пообещал, что уничтожит всех жителей Красного леса, если его не пропустят к кормушке Железных птиц. Он обернулся гигантским котом,— это видели многие — и навсегда освободил от болезней семь десятков воинов из моего клана...

Старички заметно оживились. Коваль на всякий случай отодвинулся от дверного проема. Борк тоже предусмотрительно шагнул в сторону, чтобы не подставлять спину часовым, оставшимся в коридоре. Самый противный дедок, оформленный как реклама тату-салона, подманил к себе Проспера и зашамкал, брызгая слюной. Его жилистые руки до плеч были измазаны черной смолой, а голую спину, от затылка до свисавших штанов, покрывал густой слой приклеенных перьев. Старикан явно пытался походить на гордую птицу, но слезящиеся, воспаленные глазки выдавали в нем пропойцу с большим стажем. Трое его соратников разглядывали Артура сквозь прорези в кожаных масках, покачивая приделанными поверх лбов, птичьими клювами.

— Герр Борк...

— Плохо понимаю, герр Кузнец. Кажется, двое из них склоняются к тому, чтобы дать вам попробовать. Тот, что слева, однорукий, говорит, что убитых нами воинов надо не хоронить, а скормить птицам вместе с нашими спутниками. Второй говорит, что пока повелитель белого кота находится в святилище, надо послать людей с ружьями и застрелить кота. Но старший, который Луи, против. Он... Не понимаю... Вроде, ругается. Говорит, что его прадед записал предание со слов своего отца, который помнил Хрустальных когтей живыми. Он считает, что нас еще рано освобождать от болезней. Но как только предназначение будет выполнено...

— Все понятно. Герр Борк, вы прихватили что-нибудь?..

Охотник скосил глаза вниз и незаметно приподнял штанину. За отворотом сапога блеснула сталь.

— Отлично,— сказал Артур.— Вы не в курсе, у них тут нет культа святых мучеников? Потому что нам придется избавиться от них, пока они не приняли какого-нибудь глупого решения.

— Согласен. Но нам все равно не уйти...

— Не будем отвлекаться на частности, герр охотник. Наш костистый друг возвращается, улыбайтесь. Я убью его и стражу за дверью, вы займитесь старичками. Оставьте мне в живых знатока преданий, идет?

— Нет проблем.

Пивовар молниеносно присел и тут же разогнулся, держа в каждом рукаве по короткому кинжалу. В следующую секунду,

не дожидаясь команды, он прыгнул через три ступеньки вперед.

Проспер, окончив переговоры, чуть ли не в припрыжку поднимался навстречу по ступеням в сопровождении двух телохранителей. Парни несли топоры и ружья. Они с интересом проследили полет пивовара, но среагировали слишком медленно. Все трое развернулись вслед за Борком, подставив Ковалю затылки, а когда Железный коготь спохватился, было уже поздно.

Артур дважды шевельнул кистями, выпуская из рукавов клинки. Хрипящие бодигарды не успели коснуться затылками широких ступенек, а Проспер уже получил в переносицу кастетом из массивного нательного креста.

Борк спрыгнул на сцену, но Каменные когти проявили неожиданную прыть. Один из них, обладатель рыжей маски проворно залез под стол и выкатился оттуда с короткоствольным автоматом. Он запутался в затворе, но этого оказалось достаточно. Коваль прыгнул вперед, выдернул нож из горла телохранителя и отправил его по назначению. Разобраться со спусковым механизмом старикан уже не сумел.

Борк перешел к активной обороне. Однорукий жрец, с раскрашенной, как у футбольного фана, рожей, достал длинношущий мачете и размахивал им с самым свирепым видом. Проспер хрипел, держась обеими руками за окровавленное лицо, и медленно катился вниз по облицованному мозаичной плиткой проходу.

Привлеченные шумом, в тоннеле зашевелились часовые.

Уловив краем глаза, что дед с автоматом уже валится назад, Артур выдернул из лежащего охранника другой нож и угодил в глаз любопытному карабинеру, что стоял на пороге.

Борк подхватил ближайший горшочек с прахом, сыпанул в глаза однорукому, легко ушел от удара мачете. После чего догнал и зарезал обладателя синей маски.

Старший жрец, теряя перья, исчез за полотняной занавеской, чтобы тут же появиться оттуда со штурмовой винтовкой наперевес.

«Если ублюдок пальнет — нам конец»,— успел подумать Артур, закалывая очередного любознательного часового. Он просто вытащил нож из глазницы предыдущего и воткнул его

в шею следующему врагу. Еще один, разукрашенный перьями, храмовый служка сунулся в дверь, опрометчиво выставив саблю. Последнее, что он успел заметить, был ремешок с грузилом на конце. Ремешок намотался на кончик лезвия, сабля вырвалась из рук и воткнулась бедняге в живот.

Однорукий отплевывался от пепла, моргал и во все стороны махал мясницким тесаком. Ударом в основание затылка Борк освободил дедушку от болезней, и тут в грудь ему уперся ствол винтовки.

Если бы Каменный коготь стоял ближе хотя бы на пять метров, Коваль уверенно попал бы ему в руку. Но теперь прицеливаться было некогда. Оба ножа один за другим неглубоко воткнулись дикарю в правый бок.

— Не давай ему стрелять! — крикнул Коваль, вываливаясь в коридор, навстречу семерым спешащим охранникам. Четыре клинка оставались у Артура в правом рукаве и еще по три — в каждой штанине.

В зале не стреляли — это было хорошо. Наступавшие Когти сдергивали с плеч винтовки — это было плохо. Артур успел заметить, что за оружием они ухаживали отвратительно...

Шаг вправо, бросок. Закатившиеся глаза на оскаленной татуированной харе.

Шаг влево, низкий проход вперед, корпус вправо, бросок с обеих рук. Хриплый булькающий стон, и еще двое валятся, поливая пол кровью.

Ремень наматывается на чужой клинок, и — рывком на себя. Живой щит из нападающего, бросок...

Двое целятся, но им мешают товарищи, опрометчиво подобравшиеся слишком близко.

Из-за занавески тенью прошмыгнул пивовар. У Коваля успела проскользнуть мысль, что следует взять на вооружение манеру Борка прятать кинжал за спиной. Если выберемся, решил Артур, непременно поговорю с Бердером...

Завладел чужой саблей, перехватил за гарду. Колющий удар с шагом назад, добавить локтем, слышен хруст сломанных ребер.

И сразу вправо, уходя от очередного лезвия. Дикари шумно топтались, мешая друг другу. Пивовар взмахнул секирой, отнятой у однорукого. Дикарь проворно отскочил назад, гото-

вясь открыть огонь из автомата. Коротышка сделал широкий мах тесаком, а сам ударил с левой руки кинжалом под горло.

Последним вылез пулеметчик, проторчавший в подвале, наверное, уйму времени. От него за версту разило псиной, в колтуны на голове набились перья, а на щиколотке болталась ржавая цепь. Как выяснилось позже, все пять или шесть секунд почти бесшумного боя он безостановочно пытался жать на курок. Если бы не заклинивший от грязи и окаменевшего масла казенник, дикарь положил бы всех: и своих, и чужих...

— Я начинаю вас бояться, герр Кузнец,— почтительно произнес пивовар.— Но это еще не все. Я начинаю верить, что мне удастся обнять жену.

Главный Каменный коготь был жив. Он часто дышал, при каждом вдохе шевелились торчащие в боку лезвия, а из беззубого рта вылетали капли слюны. Артур сразу увидел, что раны не угрожают жизни вождя, и старикан может выздороветь даже без операции. Ножи губернатор кидал вполсилы, очень уж хотелось послушать конец истории...

— Вы разбираете, что он там лопочет? — Артур сгребал в кучу оружие охранников.— Скажите ему, что повелитель белых котов спасет ему жизнь, если он подробнее расскажет о своем прадедушке.

— Он говорит... — Борк нагнулся к самому лицу раненого.— Он говорит, что отец его прадеда жил здесь еще в те времена, когда люди Парижа не освободились от болезней. Когда он жил здесь, земля еще не потекла, и Красный лес еще не вырос. Он родился задолго до того, как Хрустальные когти легли в гробницы. Он умел разбирать письмена, которые теперь хранятся внизу, возле гробниц. Эти письмена называют Преданием, но никто не умеет прочесть их.

Предание написано не для Когтей, а для спящих. В нем говорится, что в других местах, на севере и востоке, также есть Хрустальные гробницы. И если Когти из этих гробов проснутся первыми, то они должны пойти и освободить прочих...

Жрец сипло закашлялся, Борк влил ему в рот несколько капель из протянутого Ковалем пузырька. Наркотик должен был на несколько минут облегчить мучения. Артур отыскал за следующей занавеской решетчатый люк в полу. Под отогнутым профилем виднелась шахта воздуховода.

— Спроси его, кто добавил в Предание сказки про Железных птиц? До Большой смерти никто не мог сочинить такое.

Глаза жреца в изумлении расширились, когда он услышал перевод.

— Он теперь окончательно поверил, что вы один из Хрустальных когтей. Железные птицы начали прилетать из южных болот позже, но об этом было известно только двум Каменным когтям, а написал о птицах прадедушка, когда его отца уже не было на свете.

Прадедушка был могущественный маг, он собрал под своей властью десятки мелких кланов. Он написал в Предании, что только Хрустальные когти могут спасти народы леса от вечно голодных птиц, и для того Когтям завещано охранять гробницы и не подпускать к ним чужаков. Только Каменные когти, мудрейшие, избираемые Костром Железных когтей, передают друг другу тайну, как заставить гробницы петь. Всякий раз, когда рождается месяц, Хрустальные гробницы поют и созывают своим пением птиц. Эти птицы — демоны ада, но Когти кормят их мясом врагов или тех из соплеменников, кто освободился от болезней. Птицы улетают сытые и не трогают женщин и детей...

— Погоди,— перебил Коваль. Ему показалось, что наверху раздался шорох... Нет, это ветер посвистывал в дырявой вентиляции. Никто из младших Когтей не отваживался сунуть носа в святыню.— Тут какая-то несуразица. Очевидно, ребенок был сыном одного из ученых, работавших в институте, и проживал тут же, на территории. Если байку про птиц присочинили позже, то какого черта вы ждали меня? Да и вообще, какого черта вы охраняли столько лет эти гробы?

Подобного поворота не ожидал даже маленький пивовар. Он беспомощно захлопал белесыми ресницами, пытаясь вникнуть в логику вопроса.

— Переведи ему,— терпеливо продолжал Артур.— Наш Каменный приятель — достаточно продвинутый парень и наверняка меня поймет. Налицо смешение двух базисных платформ в одну религиозную концепцию. Основа первая: они воздают хвалу крылатым мутантам, но тогда им ни к чему оберегать гробы и тратить столько сил на оборону этого места. Птиц они

могли подкармливать и в лесу, на полянке. Основа вторая: в Предании есть указание на скрытые возможности спящих. Возможно, вместе с ними захоронены инструкции по управлению реактором на ближайшей электростанции или что-то в этом роде. Понимаете?

Артур старался говорить шепотом, чтобы услышать, если кто-то начнет спускаться. Но, кроме потрескивания костров, и протяжного посвиста вытяжки, в подвал не проникало ни единого звука.

Дикарь долго обдумывал слова таинственного Кузнеца, сверля чужаков водянистыми, пронзительными глазками. Борк вытащил из его подреберья один из ножей и замазал рану смолистой жвачкой. Второй нож сидел глубоко и при каждом вздохе доставлял раненому боль. Артур уже пожалел, что затеял этот допрос, но тут Коготь заговорил.

— Хрустальный коготь очень мудр... В первом Предании не было сказано о победе над Железными птицами. Об оружии, которым владеют спящие и которым можно победить всех. Но сказано непонятно, древними словами, их никто не знает... Мой отец приводил сюда из города пленных мудрецов и ведьм... Их потом отдавали птицам... Потому что никто не мог разобраться. В предании скрыта тайна, и Костер Каменных когтей раскрыл лишь часть ее. Если отодвинуть большие синие колеса, гробницы начинают петь...

И тут Коготь потерял сознание.

— Чтоб тебя! — выругался Коваль.— Какие еще колеса? Откуда у мирных лаборантов оружие? Ладно, герр Борк, привяжем его покрепче, и — вниз. Посветите мне...

Они отыскали в углу целый склад факелов и через пролом в решетке спустились в черный зев шахты. Ниже вела вполне сносная, хотя и жутко скрипучая лестница. Артур уже представлял, что его ждет, и не ошибся. Три капсулы, которые превратились в жертвенники, вырвали из пола и подняли наверх на канатах. Во вместительном прохладном зале стояли еще шесть герметично закрытых лежанок, и подход к ним преграждали сотни горшков с человеческим прахом.

Напротив четырех капсул пульты слабо светились двумя глазками — красным и зеленым. Поверхность крышек, кресла и приборы были покрыты дремучим слоем пыли.

Свет от костров, горевших этажом выше, проникал сквозь многочисленные дыры. Дикари здорово постарались, раскурочивая кожуха сейсмотамбура. Тем более удивительно, что за столько лет открыть капсулы пытались лишь дважды... Артур не сомневался, что сумеет активизировать процесс выхода, но ему почему-то расхотелось спешить.

Один раз, в Москве, он уже поторопился с оживлением...

— Спящие демоны... — благоговейно шептал охотник, не решаясь двинуться с места.— Герр Кузнец, позвольте мне уйти! Я подожду вас снаружи.

— Бог мой, дружище, ни за что не поверю, что вас можно напугать парочкой гробов. Вы уйдете не раньше, чем мы откопаем то, что Когти называют Преданием.

— Я думаю, это там, в углу!

Немец дрожащим пальцем указал на прямоугольную колонну, за которой замогильным светом мерцали несколько масляных светильников.

Борк оказался прав. За колонной пряталась двустворчатая раздвижная дверь, на треть ушедшая в землю. Бетон растрескался, прогнулся под колоссальным давлением породы, и шлюз навсегда заклинило в пазах. Артур мог только догадываться, какие сокровища похоронены за дверью, но сейчас он смотрел не туда.

Несколько стоек с диагностической аппаратурой были сдвинуты в угол, а над ними, на штативах, болтались съеденные временем фотографии улыбающихся молодых людей. Коваль поднес факел вплотную.

Кроме улыбок и разглядывать было нечего. Десять — двенадцать карточек крупного формата, пожелтевшие, рассыпающиеся в пыль. В центре — групповой снимок. Может быть, даже коллектив кафедры, где работал предок Луи. Стоят, обнявшись, и все в белых халатах.

Карточки составляли подобие жуткого иконостаса, вокруг которого на ледяном полу в четыре ряда скалились черепа. На передвижных стойках, в залежах паутины, Артур узнал оборудование, которого так добивался для питерского отдела профессор Телешев. Томограф, аппарат УЗИ, дефибриллятор, рентгеновская установка. То, о чем они в Питере могли только мечтать, французы имели непосредственно в камере...

Между приборами в глиняных горшочках потрескивали догорающие фитильки. А на самом видном месте, под стеклянным колпаком, покоился заветный раритет — толстый альбомчик в кожаном потертом переплете...

Борк силился перевести канувшие в Лету слова, а Коваль выхватывал из обедневшего немецкого языка обрывки смысла.

«...управление резервным шлюзом на случай повреждения трапа сосредоточено... схема доступа под капсулой Моники... в качестве лестницы использовать магистральный воздуховод... голубые вентили вывернуть до упора... перед запуском двигателя изучите... полный комплект, включая запас дизельного топлива... инструкция для боевого расчета находится...»

Как только внятный текст сменился каракулями, воспевающими историческое призвание Когтей, Артур остановил чтеца.

— Одну секунду, герр Борк.

Артур обошел ошалевшего охотника и посветил на почерневшую от копоти стену за стеллажами. Там располагался встроенный железный шкаф, оторванные дверцы которого валялись на полу.

— Голубые вентили,— повторил Коваль.— Или синие колеса.

Он тронул отполированный тысячами прикосновений массивный кран с голубой риской на шляпке. Винт пошел неожиданно легко. Несколько секунд ничего не происходило, а затем в толще стены зародился звук. Он нарастал, превращаясь из глухого свиста в протяжный, переливчатый вой. Борк незаметно крестился, не смея поднять глаз. Задняя стенка железного шкафа мелко вибрировала.

— Не пугайтесь, дружище,— сказал Артур, закручивая вентиль обратно.— Теперь мы знаем, что такое «песня гробниц». Всего лишь естественная приточная вентиляция, спроектированная на случай аварии. А местные святоши приучили птичек завтракать под аккомпанемент. Это называется «условный рефлекс» — никаких особых тайн. Очень легко внушить рядовым Когтям, что Хрустальные демоны сами призывают кару небесную. Думаю, нам придется этим воспользоваться... Кстати, все недосуг было спросить. Вы сами видели этих коршунов? И если они железные, то на каком топливе летают?

— Только издалека,— помотал капюшоном пивовар.— Они гнездятся в болотах, на юге, и против них бессильны ружья. Дробь отскакивает, как от железа!

— Нет такой крепости, которую не взяли бы большевики,— поучительно заметил Коваль.— Герр Борк, не расслабляйтесь. Хлебните пивка, возьмите факел и посветите мне.

— Вы разве не собираетесь их будить?

Превозмогая страх, Борк потащился вслед за Ковалем вдоль третьей капсулы.

— Какого цвета бантик или ленточку вы повязываете новорожденной девочке? — вместо ответа переспросил Артур.

Пол был просто ледяным, а окаменевший слой золы, насыпавшейся из верхнего зала, приходилось отскабливать ножом.

— Ленточку? — тупо повторил охотник.

— Ну да. Вот я стираю грязь, и если посветить отсюда, то виден силуэт человека?

— Ви...вижу.

— Прекрасно. Но здесь нет окошек. Непонятно, мужчина лежит или женщина. А таблички давно сперли на самокрутки... Черт, а костей-то сколько!.. Но я все же полагаю, что красненькая лилия на крышке означает женскую лежанку, вы не находите? У других значок синего цвета. Это так сентиментально и так похоже на французов.

— Эээ...

— Ну вот, что и требовалось доказать...

Коваль подцепил утопленное под основанием капсулы кольцо. Чтобы добраться до тайничка, пришлось лечь на пол и по самое плечо просунуть руку в щель между каучуковыми амортизаторами. Оттуда Артур выудил сложенный вчетверо лист жесткого картона.

— Теперь заглянем в схемку, и молите бога, чтобы то, о чем я думаю, оказалось в сохранности...

— О чем вы думаете, герр Кузнец?

Но губернатор ответил не сразу. Он был слишком занят делом. Вымерял шагами зал, что-то бормотал себе под нос, расправлял в ладонях потрескавшийся лист. Сверяясь с планом, ставил крестики на шелушащейся, покрытой плесенью стене. Наконец, измерив все, что только было возможно, он вспомнил об охотнике:

— Найдите что-нибудь потяжелее и долбите!

И, вооружившись ножкой от железного стола, сам принялся дубасить бетон. В проеме между балок побежали трещины, затем сырая штукатурка рассыпалась кусками, и за фальшивой стеной показался титановый каркас резервного шлюза. Между толстых профилей стояла, припорошенная известью, двухлитровая масленка. Коваль не мог не поразиться предусмотрительности западных коллег. Получив от Телешева схемы батарей, они позаботились даже о смазке для механизмов люка...

— Что там написано, герр охотник?

— Э-ээ... «Запасной выход в гараж. Осторожно, открывается внутрь!»

— Полейте с вашей стороны, сильнее! Теперь взялись вместе! — Артур навалился на верньер замка, больше похожий на тележное колесо.— И взяли! Взяли! Берегись!

Дюймовой толщины упоры выскользнули из гнезд, люк качнулся и всей массой рухнул туда, где только что стояли отскочившие мужчины. Протяжное эхо еще несколько секунд металось в каменных кавернах.

— Что там, герр Кузнец? — к пивовару возвращался привычный деловитый тон.

Убедившись, что бросаться на него из гробов никто не собирается, Борк потерял интерес к капсулам. Он следил за пламенем факела в глубине гаража и одновременно держал под прицелом автомата лестницу наверх.

— То, что поможет нам вернуться домой! — отозвался Коваль.— Вот только не пойму, как выбраться. Выход засыпан...

— У вас же есть заряды и бомбы,— напомнил пивовар, протискиваясь в щель. Внутри гаража воздух был холодный и спертый, пахло, как в давно не открывавшемся холодильнике.— Боже, герр Кузнец! Вы сумеете оживить это чудовище?

— Не машите факелом, дружище,— посоветовал из мрака Артур.— Позади вас, в бочках, тонна солярки. И это совсем не чудовище. Игрушку, видимо, любезно оставили институту вояки в самый разгар Большой смерти. Или мои коллеги ее просто сперли...

В пыльном сумраке поблескивали фарами несколько легковушек, трехколесный мотороллер с брезентовым верхом и

два малолитражных грузовичка с эмблемой Евросоюза. А напротив гражданской мелюзги, повернувшись флегматичной зеленой мордой к заваленным воротам, дремал армейский гусеничный бронетранспортер.

Глава тринадцатая

На шашку с голой пяткой

— Сначала споем песню, потом займемся гробами! — постановил Коваль.— Не то, бедняги, с перепугу опять уснут...

Борк протащил раненого и уже пришедшего в сознание Каменного когтя к стволу шахты. У старого алкаша была припрятана банка с бражкой местного разлива; опрокинув ее, он моментально воспрянул, озлился, и даже попытался давать указания. Пивовару пришлось легонько потаскать старца за бороду, прежде чем выходить наружу.

— Скажи ему, если переведет хоть слово неверно, отдадим его белому коту. Скажи, что тигр будет долго грызть его ноги: сначала пятки, затем колени. Возможно, захочет полакомиться ухом или носом...

Пока жрец надтреснутым голосом передавал подчиненным волю Хрустальных когтей, Даляр и Карапуз разбирались с бумажкой, которую им передал командир. Получалось, что выезд из гаража находился метрах в ста от внутренней линии траншей, в самом центре деревушки. Грамотно распределенного динамита должно было хватить, но среди подчиненных Коваля не было ни одного минера.

— Хрустальные когти проснулись и готовы сразиться с посланцами ада! Одним взглядом они освободили от болезней всех преданных им воинов. Хрустальные когти были недовольны тем, что мы потревожили их сон...

Коваль и Борк придерживали речистого старичка за локти и сочувственно кивали. Со стороны могло показаться, что два любящих родственника помогают немощному инвалиду.

— Сейчас Хрустальный коготь Кузнец, не сходя с этого места заставит гробницу спеть песню! — фальцетом выкрикивал

дед. — Но он повелел не давать Железным птицам свежего мяса, а оставить только наших воинов, освободившихся от болезней. До того, как начнется битва с птицами, мы все должны забрать скотину, женщин и уйти в лес!..

По развалинам пронесся недовольный гул. Никто не помнил, чтобы святыню покидали в такой спешке. Со всех сторон: из бойниц разбитых зданий, из укромных тайников, из окопов выглядывали угрожающие татуированные физиономии. Под шумок отряд губернатора покинул гостевой шатер, пересек площадь и спустился в подвал. Христофор и мама Рона поддерживали Левушку, ксендз скакал на одной ноге, опираясь на карабин. Клаус, прихрамывая, тащил на себе брата.

— Наш гость Кузнец приказал оставить сорок солдат, чтобы помочь Хрустальным когтям закопать трупы Железных птиц. Для того, чтобы кровожадные создания не вылезли обратно на свет, надо вырыть колодец. Он должен достигать той глубины, на которой злые духи жгут подземные костры. Хрустальные когти заставят землю течь, а нашим воинам останется только помогать...

— Их тут тысячи, командир,— сквозь зубы прошипел Карапуз, отдуваясь после второй ходки за динамитом.

— Герр Борк, отправляйтесь вниз и откройте оба синих крана,— не оборачиваясь, процедил Артур.

Он понимал, что остается на площади один на один с толпой, а без толмача туземец может все переврать. Но выхода не было. Не отогнав дикую орду в Красный лес, они не выберутся из развалин института. Досчитав до ста пятидесяти, губернатор Петербурга величественно взмахнул рукой.

Из глубины земли полетели обрывки тряпок, зола и мелкий мусор. Тонкий свист перешел в низкий атональный вой, а под тяжестью Карапуза начала вибрировать лестница.

Хрустальные гробницы пели.

Коваль ощутил, как на затылке встают дыбом волосы, а руки покрываются мурашками. Даже представляя себе природу явления, он не мог побороть мистическое волнение.

Вой достиг высшей точки и разделился на несколько составляющих, точно старались перепеть друг друга трубы, нанизывая все более и более низкие звуки на нить шаманской мелодии. Зна-

чительная часть увертюры, по-видимому, оставалась за гранью человеческого слуха: Артуру казалось, что у него во рту подпрыгивают все зубы.

Площадь стремительно пустела. Наверное, никогда еще гробница не давала столь долгих концертов. Охрана жертвенников — элитное подразделение палачей, побросав топоры и дубины, неслась прочь. Когти со всех ног удирали по траншеям, ловили кур, сбивали в отары овец. Где-то, перекрывая рев труб, истошно визжали женщины. В шатре исходили пеной привязанные лошади. Главный жрец рухнул в пыль, что-то завопил, указывая в зенит, но расслышать его было невозможно.

— Герр Кузнец, он говорит, что надо немедленно спрятаться! — перевел вернувшийся Борк.— И полковник просит передать, что готов взрывать.

— Пусть взрывает снаружи, по одной шашке! — склонившись к уху пивовара, прокричал Коваль.— Бери дикарей, копайте после каждого взрыва. Там два взвода. Один пусть заберет Карапуз. Пускай роют навстречу друг другу!

— Это не солдаты, герр Кузнец. Это пленники из других лесных кланов, я узнаю рисунки на черепах. Когти оставили нам самых хилых! И они уверены, что вы отдадите их птицам...

— Тем лучше! — подгонял Артур.— Пообещай им лошадей и свободу, и пусть копают после каждого взрыва. И скажи им: если успеют проделать дыру, чтобы наружу пролез... Жук-освободитель... да, так и скажи... то все останемся живы!

Он и не заметил, что главарь проводников начал выполнять его приказы, как наемник.

— Полковник Даляр будет взрывать снаружи,— доложил Борк.— Я пошлю к нему в помощь Клауса. А капитан Карапуз занят, они с Фердинандом отвинчивают то, что вы им поручили...

Коваль покивал, зажимая уши.

— Найдите Христофора, пусть принесет мне все оставшиеся гранаты и сворачивайте эту шарманку! Сил уже нет...

Коваль взглянул вверх, в лазурный треугольник между уродливыми головами склонившихся изваяний. Затем он загнал в ствол гранату, отпихнул путавшегося в ногах потомка Луи и нацелил бинокль на юг. Много с такой низкой точки он

охватить не мог, мешали завалы из рухнувших зданий... Но кое-что все же рассмотрел. Легкое облачко, чуть правее городских кварталов.

Коваль покрутил колесико; да, километрах в пятнадцати что-то будоражило бесстрастную синеву. Если это птичья стая, то ведет себя как-то странно. Скорее похоже на гряду низких облаков, сложным узором затянувших кусок неба...

Позади, перекрывая стоны вентиляции, громыхнул взрыв. Коваль запоздало вспомнил, что толчки могут повредить капсулам.

Снова взрыв. Маленькая фигурка в черном, закутанная в шарф до бровей, а по грудь — в дымовую завесу, размахивает руками на куче щебенки.

За спиной Клауса взметнулся очередной фонтан из дыма, палок, черепков и прочих культурных наслоений. Полуголые дикари, растянувшись цепочкой, перекидывали друг другу обломки мусора. Вторая группа раскачивала стальную сваю, облепив ее, как колония муравьев.

Артур навел окуляры в сторону Красного леса. На северо-востоке, поверх пурпурных верхушек джунглей, извилистым лимонным ожерельем клубились ядовитые туманы. А на юге...

Черт подери, он никак не ожидал, что это окажется настолько серьезно! Он предполагал, что прилетят несколько ощипанных трупоедов (возможно, очень крупных, таких, как драконы Прохора), пощелкают клювами — и отправятся восвояси. А люди за это время, либо освободят проезд для броневика, либо смоются в Париж на лошадках.

— Господин Кузнец, Карапуз пробил дыру наружу! — раздался голос Христофора.

Вот ведь, когда хочет, болтает безо всяких загадок...

— Отправляйтесь все к нему на помощь. Динамит больше не взрывать, а то станет хуже. Раскапывайте дыру, а самого капитана — ко мне!

«Интересно, как они меня назовут, если танк не заведется? — спросил себя губернатор. Скажут, копали, как идиоты... А если эти крылатые черти помешают нам выехать, то идиотом буду я».

— Капитан, тебе особое поручение,— поймал Митю Артур. — Доверяю, поскольку ты в механике понаторел изрядно.

Свинтишь топливные баки, сольешь в сторонке, если что осталось... Бензин у нас и так есть. Промой как можно лучше, затем ставь на место.

— Шланги тоже? Хомуты снимать? Один не справлюсь.

— Клауса с братом возьми, они рукастые. Лучше снять все, что снимается. И прочистить. Затем — контакты. Их отдраить песком. Помнишь, как мы трактора заводили? Здесь точно так же: трактор с пушкой. Отдельное внимание — форсункам...

Коваль задрал голову. Теперь это еще сильнее походило на край узорчатой скатерти, наползавшей из-за горизонта. До сих пор невозможно было различить отдельных особей, но сомнения не осталось. То, что стремительно приближалось с юга, не имело к атмосферным явлениям никакого отношения. Оно состояло из множества живых организмов, но не рассеивалось на отдельные части. Птичий клин, но вывернутый задом наперед, летящий тремя слоями, непрерывно сдвигающимися друг относительно друга...

Бронетранспортер завелся лишь благодаря гению французских инженеров. Отвинтив люк, Артур обнаружил на сиденье подробную инструкцию с пометками и личными напутствиями от ушедших навсегда коллег. Переводивший текст Лева даже захлюпал носом. Друзья просили прощения у спящих за то, что без спроса сохранили им жизнь...

В проделанную Даляром дыру вливался солнечный свет. Вокруг толпы измученных, приготовившихся к смерти дикарей, водили хороводы столбы цементной пыли. Из двадцати с лишним человек лишь трое носили на груди маленькие когти, прочие были пленниками. Они разобрали завал и жались в сторонке, не решаясь ни убежать, ни приблизиться к Жуку-освободителю.

Закрепив «крокодилы» на надраенных клеммах, Коваль мысленно помолился и опустился на водительское место. Ему вдруг почудилось, что качнулись стрелки и моргнула лампа давления масла, но пыльные циферблаты хранили мертвецкую солидарность.

Он видел сквозь забрало водительского окошка своих людей. Товарищи стояли снаружи, возле горы снаряжения, и с надеждой смотрели на командира. В конце откопанного тоннеля отсвечивали ранние сумерки. Выезд из гаража находил-

ся в стороне от главного корпуса. Даляр сказал, что очень повезло...

Артур понял, что боится. Он один знал о том, что произойдет, если двигатель заработает. В ту же секунду выйдет из строя батарея, а в капсуле номер два, от которой запитали мотор, начнет подниматься давление. И через три часа голый испуганный человек окажется наедине с грудой черепов и крылатыми мутантами...

Артур повернул ключ, дизель рявкнул несколько раз, заполняя кабину дымом, заурчал еле слышно, а потом послушно затарахтел. Одичавшие соотечественники Вольтера и Руссо попадали ниц. Пивовары глядели на машину, как на чудо. Ксендз молился вслух, Христофор жевал. Мама Рона смеялась, встряхивая вороной с проседью челкой. Даже угрюмый Даляр не мог скрыть ухмылки. Карапуз склонился к полковнику и, перекрикивая рокот двигателя, обсуждал с ним броню и вооружение. От вони солярки у всех заслезились глаза.

Не успел Коваль освоиться с управлением, как в гараж, отпихнув книжника, ворвался забинтованный Клаус.

— Птицы! Кружат над нами, я еле успел спрыгнуть. Нам от них не уйти!

— Командир, может они не найдут свежих трупов и улетят?

— Отсидимся внизу, господин?

— Нехорошо как-то нарушать Предание,— губернатор потрогал ленты с густо смазанными снарядами для пушки.— Да и перед партизанами неудобно.

— Как-как? — Свирский старательно заносил речи губернатора в походный дневник.

— Да вот так...

Артур поманил за собой Леву и Клауса, показал им, что делать, если спящие очнутся раньше срока. Несмотря на мелкие конструктивные различия, Коваль без труда запустил программу повышения температуры. Датчики показывали, что старый Коготь ошибался: лишь в трех капсулах были живые люди.

Книжник нервничал, перелистывал словарь и повторял слова приветствия, которыми намеревался встретить францу-

зов. Клаус установил в центре зала распятие. С молитвой он подмел пол и натаскал дров.

— Мы с офицерами выедем размяться. Всем остальным,— приказал Артур,— подняться этажом выше и ждать у костра!

Даляра и Карапуза не надо было упрашивать дважды, но Борк был готов лечь под колеса, лишь бы его взяли в разведку. Он всячески старался загладить свой суеверный страх перед спящими демонами.

Артур подвигал рычаги, привыкая к креслу. Два, а то и три горшка молотили вхолостую, большая часть прокладок пришла в полную негодность, салон заполняла гарь. Все движущиеся части были покрыты сантиметровым слоем масла, но все равно требовали чистки и отладки. Однако пулемет и скорострельную пушечку Карапуз успел привести в порядок.

Сотрясая стены гаража, гусеничный монстр, как упрямый скарабей, взбирался по наклонному полу. В перекошенную щель гаражных ворот пролезли с трудом; металл звенел о камень, оборвало антенну, верхний прожектор и крепившийся на броне спасательный плот. Артур рассудил, что все эти приспособления на скорость не влияют, и на выезде дал газу. Машина энергично подпрыгнула, экипаж дружно ударился головами о низкий потолок, второй номер расчета выпал из башни на голову водителя, но в целом все прошло неплохо.

По просьбе губернатора Клаус заранее вывел к саркофагам и застрелил самую безнадежную из лошадей. Произошло это не больше получаса назад, но от кобылы уже остался расчлененный на кости скелет.

— Клянусь святой Ксенией,— выругался Даляр.— Это не птицы, командир!

— Подберемся поближе,— предложил Коваль и, тренируя руки, направил вездеход обратно в сторону площади.

Он думал, что после встречи с роем удивиться ничему не сможет, но сильно ошибался.

...Некогда они были подвидом крупных пернатых хищников. А потом что-то случилось. Возможно, они пили какую-то особую воду или летали вблизи ракетных установок. Вокруг них начала меняться природа, и птицы тоже менялись. Каждый год Мертвые земли приносили новые испытания на проч-

ность, и выжить могли лишь те, кто приспособился. Возможно, им пришлось существовать в условиях очень плотных осадков. А может быть, с неба падали горячие угли и стальная стружка, доставленная ураганами из далеких стран. Птицам пришлось из поколения в поколение укреплять свою внешнюю оболочку. Их оперение превратилось в несгораемый каркас из намертво скрепленных пластин, лишь отдаленно напоминавших перышки собратьев. А глаза все глубже прятались в складках кожи от хлорных дождей, пока не сделались совсем крохотными. Зато вместо глаз развились совсем другие органы чувств, воспринимающие мир намного острее. Они позволяли улавливать каждую теплокровную тварь на поверхности земли, даже если ее заслоняла листва.

Но там, где гнездились птицы, начала светиться земля, и стало нечего жрать. Лишь множились невкусные крысы, и сами, в поисках червей, зарывались в землю, да еще рыбы вылезали из ручьев, опираясь на розовые, дрожащие плавники. И тогда птицам пришлось научиться добывать пищу из ручьев и даже из-под земли. Пришлось за несколько поколений так укрепить клюв, чтобы он не ломался, а под клювом отрастить два длинных гибких языка с тысячами загнутых крючков, которые могли проникать в любую норку. Птицам пришлось изменить стреловидность крыльев, отрастить зубы, а для драк с наземными врагами — когти. Как раз такие носил на шее безвременно ушедший Проспер.

А потом наступило время, когда в болотах, где они гнездовались, не осталось ни врагов, ни еды. Тогда птицы впервые отправились на север, где неожиданно выяснилось, что противостоять им никто не может. Мало того, глупые люди сами начали снабжать переселенцев человеческим мясом...— Летающие бочки! — сострил Карапуз, но никто не засмеялся. Над площадью, и в самом деле, кружило несколько десятков гладких зеленоватых бочонков, размером с крупного грифа. Желтые когти были прижаты к раздутым брюшкам, точно сложенные манипуляторы батискафа. Артур отнесся к коготкам спокойно, но когда первая же безглазая тварь спикировала сверху и оторвала защитную решетку от фары, экипаж разом вскрикнул.

— Эдак она крышу сорвет,— предположил Митя.

— Легче дышаться будет! — успокоил Даляр, освоившись в гнезде пулеметчика.

Птицы кружили молча, пока под ними не появился движущийся объект. Очевидно, им было наплевать, на кого бросаться. Кусок жилистой конины проскочил, как легкая закуска. Стая была явно озадачена, какого черта их вызвали к пустому столу.

Штук сорок «бочонков», как определил птичек Митя, одновременно выпустили воздух, сложили крылья и попадали вниз. Птицы не валились в одну кучу, каждая приземлялась в «своем» квадрате, создавая эффект «коврового» бомбометания. Артур не мог не восхититься тактике хищников; при таком поведении они не оставляли жертве не малейшего шанса в радиусе сотни метров: кто-то из стаи неминуемо попадал в цель.

— Башня, огонь!

Полковник бил короткими очередями, стараясь удержать на линии прицеливания сразу несколько нападавших, что, впрочем, не приносило ожидаемого результата: как только он сбивал одну из птиц, узорчатый строй моментально распадался.

Подобная сообразительность Ковалю совсем не понравилась, но вступать в мирные переговоры было поздно.

— Второй номер, огонь! Преодолев брувестр из останков забора, броневик выпрыгнул на площадь перед памятником. Когти ударились о крышу в четырех местах, одна из Железных птиц повисла на передке машины, норовя попасть клювом в водительское окно. Еще одна увлеченно пилила дуло пушки.

Пулемет снова застрочил. Двух птичек сбило очередью. Мертвые тела рухнули на землю с металлическим стуком. Промазавшие мимо броневика перестраивались, заходя на второй круг.

— Твою мать! — высказался Митя.— Ты глянь, у них даже коготка не оторвало!..

И правда. Казалось, что две подбитые птицы погибли от голода или от стыда. Никаких внешних повреждений не наблюдалось, ни капли крови, или жалобного крика...

Зеленые «туканы» атаковали молча. Коваля это жутко нервировало. Он развернул машину на месте, снеся заодно две малые статуи (одна из них, зацепившись за что-то, с грохотом

поползла следом). Маневренность у броневика оказалась замечательная; двигатель, наконец-то, заработал в полную силу.

Борк просунул обрез в круглое окошко по левому борту и пальнул в птицу, сидевшую на крыле. Зверюгу швырнуло под гусеницу. Артуру показалось, что танк подпрыгнул на камне.

— Третий номер, огонь!

Карапуз только этого и ждал. Первым выстрелом из пушки он разорвал на части сразу трех хищников, кромсавших шатер, под которым бились лошади. Ковалю показалось, что он оглох: в пылу атаки он забыл про шлемы с наушниками. Борк и Даляр тоже трясли головами, пытаясь избавиться от звона в ушах.

— Ага! Не нравится, сучье племя?!

— Огонь! Огонь!!

Артур швырял бронетранспортер из стороны в сторону, пытаясь сбросить птицу, усевшуюся прямо перед окном. Похоже, ее не пугали ни выстрелы, ни рев мотора. Безглазый демон пропихнул здоровенный клюв в щель и орудовал им, как монтировкой. К ужасу Коваля, бронированный щиток начинал гнуться.

— Герр охотник, стреляйте!

— Боюсь рикошета!

— Стреляйте, черт побери, не то она пролезет внутрь!

Машину сотряс сильнейший толчок. Артур не уследил и наскочил левой гусеницей на основание памятника. Деревянный колосс качнулся, с вершины полетел окаменевший помет. В задней части салона один из непрошенных гостей сосредоточенно обрабатывал замок люка.

Борк сунул обрез в окно и спустил курки прямо над головой Артура. Когда рассеялся дым, оторванное туловище птицы исчезло, но голова и шея продолжали висеть за окном.

— Не шевелитесь! Герр Кузнец, не шевелитесь!

Пивовар выхватил кинжал, свободной рукой схватил губернатора за воротник. Коваль бросил рычаги, инстинктивно дернулся, чуть не заколов пивовара, но в последнюю секунду замер.

Из разверстого черного клюва тянулись внутрь машины две толстые розовые ленты, усеянные мельчайшими крючками. Когда птица успела выпустить языки, Артур не заметил, но один из них уже накрепко обвился вокруг портупеи и располосовал куртку до самого тела. Второй тянулся к горлу, ему не хватило бук-

вально каких-то сантиметров. Даже сейчас, покрытый мелкими капельками, розовый щетинистый кончик дрожал и извивался.

Охотник дважды полоснул ножом.

— Простите, герр Борк, вы спасли меня!

— Нет проблем,— пивовар кончиком кинжала отшвырнул кровоточащие обрубки.

Несколько секунд Артур восстанавливал дыхание. Давненько он не сталкивался с таким резвым противником.

— Митя, ты слышишь? Не приближай лицо к окошку!

— Я еще двоих угробил, командир!

Коваль с тревогой прикинул боезапас. «Расходуя снаряды такими темпами,— подумал он,— мы через десять минут будем вынуждены отбиваться голыми руками. Вот тебе и Предание, опозоримся на всю Францию...»

На корме и на крыше прыгал, казалось, целый выводок чертей. Что-то протяжно заскрипело, затем с лязгом покатилось по земле. Прямо перед глазами Артура маячил приоткрытый, набитый зубами клюв.

— Командир, они что-то сломали наверху!

— Ничего страшного, оторвали запасной бак для воды!

— Если выломают дверь,— заметил Даляр, оглядываясь на дрожащую от ударов крышку,— это вот, нам задница настанет! Штой-то они слишком умные...

— Есть еще одна! — увлеченно вопил сверху Карапуз.

Коваль дал разворот на сто восемьдесят градусов и тут же утопил педаль газа. Броневик воткнулся задней стенкой в деревянное крыло одной из скульптур. Атаки на люк прекратились.

— Двоих размазали! — не слишком оптимистично констатировал Даляр.— Ах, черт!

От удара задняя дверца соскочила с петли. Несколько секунд Артур не видел ничего, кроме пыли. А затем в образовавшуюся брешь просунулась зеленая голова. В хвостовой части машины находилось вращающееся кресло стрелка, сразу за ним начинался высокий порог, под которым прятались баки с горючим, а дальше, за бронированной переборкой, покоился боезапас. Правую сторону салона занимало низкое сиденье, на котором могли вплотную разместиться человек восемь. Птица ухватилась когтями за обивку скамейки, с грохотом пропихну-

ла внутрь острое крыло и коготками, расположенными на самом кончике оперенья, зацепилась за спинку сиденья пулеметчика.

— Командир, берегись!

— За ней еще одна!

Закрепившись, птица просунула в салон вторую лапу и зашипела. Артур очень близко увидел глянцевую поверхность зева, утыканную зубками, похожими на плоские перышки, и раздувающийся в глубине глотки клубок языков...

Заслоняя проем двери, в броневик одновременно пытались пролезть еще две клювастые товарки.

— Получай! — Даляр подхватил с пола тяжелый пулемет Карапуза, сдернул предохранитель, но птица сделала молниеносный выпад вперед и влево, словно догадалась о том, что ее ждет. Наверху, не подозревая, какая беда угрожает его голым пяткам, увлеченно палил из пушки Митя.

Пивовар шарахнул из обоих стволов, быстро поведя обрезом из стороны в сторону. Борк угодил в шею и лапу следующему «посетителю». Артур не мог поверить своим глазам. Пуля домашнего литья с визгом срикошетила от костяных пластин на горле птицы и ушла в сторону.

Коваль бросил рычаги и сунул ствол дробовика в глотку гигантскому стервятнику. Бугорчатую голову разнесло на части; одним взмахом лапы чудовище сорвало с металлической лавки дерматин и вырвало из пазов ящик с гранатами. Толстая металлическая крышка бокса скручивалась под когтями, как папиросная бумага. Коваль поневоле зажмурился, ожидая неминуемого конца. Рифленые болванки с глухим звоном раскатились по полу.

Даляр, матерясь на чем свет стоит, поднял двухпудовую игрушку Карапуза. От напряжения у него едва не лопались вены на лбу. Артур уже поднимал руку со вторым «ремингтоном», когда шесть стволов в мгновение ока очистили салон от непрошеных гостей.

Ни одна зеленая кусака больше не пыталась атаковать задний люк.

— Командир, ты только погляди...

Почерневший от копоти полковник уступил Ковалю место у пулемета. Губернатор получил возможность взглянуть вверх.

и то, что он увидел, его не обрадовало. Над развалинами института, сцепившись длинными, острыми крыльями, в три слоя кружили зеленые фигурки.

— Уходят! Мать их так, уходят! — вопил Карапуз.

— Вряд ли они уйдут так просто,— отозвался проницательный пивовар.— Я слышал об их повадках от горожан. Они прекращают атаку, когда потери становятся слишком велики, но никогда не забывают, кто и где нанес им урон.

— О чем он, командир? — свесился довольный Карапуз, сверкая белками глаз на черной, от копоти, роже.

— Наш друг говорит, что птицы непременно вернутся, чтобы добить соперника по охоте...

Небо расчистилось. На подступах к гробнице Коваль насчитал тридцать шесть мертвых мутантов. Пока шло сражение, птицы растерзали трех лошадей. От огромного тряпичного шатра остались клочья. Уцелевшие кобылки оборвали коновязь и разбежались по свалке.

— Что будем делать, командир?

Артур вылез на броню, жадно вдыхая чистый вечерний воздух. Он представил себе, как в чрево машины набьется толпа, и еле удержал подступившую тошноту. Снаружи броневик выглядел, как картофелина, побывавшая в электрической терке.

— Герр Свирский сообщает, что Хрустальные когти еще не проснулись,— доложил вернувшийся Борк.— Каменный коготь говорит, что птицы непременно вернутся. Скорее всего, после заката. Коготь кричит, что крылатых чертей нельзя было злить и убивать.

— Так он же сам просил?..— разинул рот Коваль.

— Он говорит, что Хрустальный коготь Кузнец обманул его людей. Он хочет похитить спящих, как черные люди с востока, но не может разом убить всех Железных птиц. Теперь они вернутся, и никто в лесу не сможет спать спокойно...

Борк прятал глаза, будто и сам поверил в могущество русского губернатора.

— Господин, так мы там все уместимся! — из шахты, щуря глаза, выбралась мама Рона.— Можем и до дому доехать?

— Никто на этой машине дальше песчаной стены не поедет,— отрубил Коваль.— От нее грязи больше, чем от угольной шахты. Не хватало мне еще в Питер Слабые метки притащить!

— А жаль,— любовно погладил пушку Карапуз.— Мне шибко приглянулось внутрях кататься... Командир, а чего у нас таких нет?

— Потому что мы их зарываем в землю. И будем зарывать дальше.

— Куда это вы собрались? Как это «до дому»? — за плечом мамы Роны появилась бледная физиономия Станислава.

Ксендз очень страдал от ран, но его глаза метали молнии. Он почуял, что наверху готовится предательство, и на одной ноге взобрался по шаткой лестнице.

— Вы обещали мне найти Великое посольство! Пан Кузнец, не забывайте, что это я провел вас сюда!

— Как он мне надоел! — сплюнул Даляр.

— Мы не вправе вас больше ни о чем просить,— обратился Коваль к пивоварам.— Даже не знаю, как мне теперь с вами рассчитаться. Золото и оружие я вам оставлю, но Черных коней забрали дикари...

— Но и я не выполнил свою часть договора,— тихо сказал Борк. — Я ведь не могу вернуть вас назад, в мой город. На этой машине мы легко пройдем Мокрую просеку, но нас не пропустят Ползущие горы.

— Что вы там шепчетесь? — подпрыгивал возле гусеницы поляк.

— Мы обойдем Ползущие горы, пройдем вдоль границы леса,— предложил Коваль.

— Даже верхом там больше недели пути,— скривился Борк.— Пешком ваш путь растянется на месяц. На юге, кроме Когтей, обитают Песочные волки...

— Нет уж, с меня хватит и птиц,— взмолился Коваль.

— Это не то, что вы подумали,— слабо улыбнулся пивовар.— Так называют себя племена, живущие на границе леса и песка. Именно эти ребята откопали нам ворота в подземное гнездо Жука,— он похлопал по крышке люка.— Кстати, герр Кузнец, я знаю, где таких машин много... и много горючего... Но это так, к слову. Вы думаете, что освободили этих парней, и они благодарны, но... Они постоянно воюют с Когтями и остальными соседями, им плевать на условности. Вы здесь чужие. Если я пойду с вами, Песочные волки пропустят вас... И к тому же там несколько городов, где живут культурные люди, как я их называю...

— Пан Кузнец, вы издеваетесь надо мной? — снова подал голос ксендз.

— Боже меня упаси,— отозвался губернатор.— Ты минутку помолчи, я тебя очень прошу. Продолжайте вашу мысль, герр охотник. Вы сказали, что южнее, за лесом, есть города, где нам могут оказать помощь.

— Вот насчет помощи я как раз промолчу,— прокряхтел пивовар.— В иных случаях я предпочел бы иметь дело с лесными бандами, чем с некоторыми городами. Я же говорил вам, герр Кузнец, что не хочу идти в Париж. Если вы там побываете, поймете, почему я так настроен. Они называют нас вампирами только потому, что мы не выносим солнечного света и привыкли пить сырую говяжью кровь. Однако только мы можем провести им через Красный лес некоторые товары и коров, поскольку с Когтями у них отношения хуже...

— В Париж вы с нами не пойдете, а назад проводите. Я верно понял?

Охотник кивнул.

— С вами отправится Клаус. Он был там дважды. Лучше бы было отпустить Фердинанда, но он еще слишком слаб. Клаус знает, где отыскать торговцев, которым безразлично, вампир ты или самый страшный черт. Заодно, он передаст от меня весточку. Не так часто мы пересекаем горы. А они и вовсе к нам не ходят.

Артур не мог не улыбнуться коммерческой жилке пивовара. Борк даже в боевых условиях не оставлял торгашеских замашек.

— Ваша цена, герр охотник?

— Она уже уплачена, герр бургомистр.

Коваль поднял брови.

— Очень просто,— улыбнулся Борк.— Завтра дикари, которых вы освободили, разнесут по Красному лесу весть о том, что Хрустальные когти проснулись и покинули развалины, не пропав Железных птиц в преисподнюю. Они расскажут, что половина мудрых Каменных когтей подло убита. Мне сложно объяснить вам, герр Кузнец, тонкости местной политики, но пивоваров это устраивает. Примите как должное.

— Чужие войны часто бывают на руку,— согласился Коваль.

— Вы очень верно заметили, герр бургомистр,— хихикнул под шарфом охотник.— Чем дольше глупцы убивают друг друга, тем ниже ценится жизнь людей и скота и тем выше поднимается в цене железо для убийства и хмельное пиво. Так что вы расплатились сполна, герр Кузнец. Если позволите, я пойду вниз, солнце убивает меня.

Артур проводил взглядом крепыша, поправлявшего на ходу широкополую шляпу. Пивовар прошел между когтистых лап статуи и исчез в зеве шахты, а Коваль, в миллионный раз повторил себе, что правда у каждого — своя.

— Я пойду в Париж один,— кипел от негодования ксендз.— Но всем расскажу, пан Кузнец, как ты меня бросил...

— Да не бросаю я тебя! — простонал Артур.— Полковник, остаетесь прикрывать мирное население. В мое отсутствие, вы — старший. Капитан, займите место пулеметчика. Нет, бога ради, оставь в покое пушку, мы едем в Париж по делу! Господин Свирский, прошу на борт!

— Командир, вы надолго? — озабоченно спросил Даляр.

— Ни в коем случае. Только спросим,— и сразу назад.

Леве очень не хотелось покидать спящих и упустить момент пробуждения, но командир был непреклонен. В конце концов, Свирский убедил себя, что прогулка обещает быть интересной, проверил блокнот и втиснулся в люк.

— Господин,— сын Красной луны держал за клюв оторванную голову мертвой птицы.— Очень плохо, не надо ездить.

Как всегда в моменты плохих предчувствий, Христофор глядел в сторону. Лоб его покрылся мелкими капельками пота, а голос стал сухим, точно гортань засыпали песком.

— Мы не можем не ездить,— мягко ответил Артур.— Кому будет плохо, сын луны?

Он спросил на всякий случай, зная, что Христофор не ответит. Колдун помялся, ковыряясь в спутанной шевелюре. Из зубастой птичьей пасти сочились густые черные капли.

— Отпусти Леву. Лучше возьми меня. Леве плохо, мне хорошо.

Из люка высунулась взъерошенная голова Свирского.

— Что мне плохо, Христя?

— Командир, ваш колдунчик разговорился. Не припомню, чтобы он решал, кому отправляться на тот свет,— напомнил Карапуз.

Как и всякий лесной житель, Митя был порядочным мистиком и верил каждому жесту Христофора.

— Да, он обычно не ошибается,— кивнул Артур и без слов дал отмашку книжнику возвращаться в подвал.

По периметру площади бегали несколько Песочных волков. Они поливали маслом деревянных идолов. За ними, волоча ногу, бродил Фердинанд и подносил к статуям факел. Статуи вспыхивали, дикари оглашали окрестности неистовым ревом, потрясали кусками арматуры. Большая часть пленников уже скрылась, прихватив казенных лошадей. Оставались самые ярые ненавистники Когтей. Возможно, им было некуда идти.

Из провала выбрался помятый жрец. Он где-то потерял маску, половина перьев со спины осыпалась, седая бороденка свалялась в комок и покрылась грязью. Осмотревшись и привыкнув к свету, Костяной коготь заплакал. Он на четвереньках подполз к ближайшему птичьему трупу, затем переместился к следующему, поглаживая их по вывернутым крыльям. Слезы лились из его старческих глаз, голова тряслась, бинты на боку кровоточили все сильнее.

— Переживает, падаль,— почти ласково произнес Митя.— Без работы остался. Командир, можно я его прирежу?

— Для тебя-то что хорошего, сын Красной луны? — спросил Коваль.

— Там, где Лева потеряет одну жизнь, я найду две,— неожиданно покраснел Христофор.

— Как это? — выпучил глаза Карапуз, но Христофору надоел допрос.

— Все равно очень плохо,— повторил он.— Кто-то теряет жизнь. А я стану дважды папой.

— Какой из тебя папа, ты и на баб-то не смотришь,— небрежно бросил Артур и тут же осекся.

А кто, собственно, сказал, что Христя не может быть папой? И кто сказал, что колдун должен найти себе женщину исключительно на берегах Невы?

— Кто-то из нас погибнет,— Артур посмотрел ксендзу в глаза.— Но одного я тебя не отпущу.

— Я буду молиться за всех нас,— серьезно пообещал святоша.

И впервые никто не улыбнулся.

Глава четырнадцатая

Париж стоит мессы

Коваль смотрел на вывеску и не верил своим глазам.

— Как, ты сказал, зовут трактирщика? — переспросил он у пивовара.

— Портос,— просто ответил Клаус.— Он имеет сношения даже с городами западного побережья и, по слухам, водит дружбу с ведьмами. Но у жандармов руки коротки прикончить его.

— Я слышал об этом проходимце,— нахмурился Станислав,— но никогда не имел с ним дела. Ты привел нас в самое сердце греха, пивовар?

— Я привел вас туда, где знают моего отца. Здесь вы можете задавать вопросы, не опасаясь виселицы. Ищейки сюда и носа не суют.

— А нам не отрежут нос за лишнее любопытство? — спросил Карапуз.

Все взоры невольно обратились к Христофору. Сын луны потер рыжую щетину на впалых щеках.

— Человек добрый и злой... Здесь очень опасно и очень спокойно. Нельзя отказаться от еды, но есть тоже нельзя.

— Ну и прекрасно,— Коваль откинул крышку люка, внимательно всматриваясь в затянутые разноцветными стеклышками-миглазницы окон.— Пошли знакомиться.

...Полчаса броневик пылил по окраинам, выбирая дорогу среди завалов. Артур держал курс, руководствуясь скупыми замечаниями Клауса. Постепенно смятая гармошкой земля начала распрямляться, кое-где в рыжих зарослях проглядывали почти неповрежденные особняки, сквозь кучи щебня густо прорастали трава и деревья. Красные стволы здесь соседствовали с зелеными, словно неподалеку проходила невидимая граница двух миров,— древнего и нового.

Пересекли широченную улицу. Коваль прочел: «Бульвар МакДональд». Он задумался, в честь кого назвали часть города, на которой перевернутые катера и понтоны соседствовали

с обломками самолетов. Броневик проехал по крылу лежащего аэробуса, затем зацепил боком легкий катамаран. Большая часть обшивки с машин была сорвана, от этого они выглядели еще ужаснее. Коваль догадывался, откуда притащило самолеты, он видел поваленный знак с указателем аэропорта. Но катера базировались явно не на Сене...

Потом гусеницы, как по маслу, заскользили по ровной асфальтированной аллее, вдоль которой стояли низкие декоративные заборчики. Канавки перед ними заполняли желто-красные сугробы перезревших яблок, слив и винограда; в тени дремучих палисадников прятались сказочные, почти игрушечные домики темного кирпича. Артур даже заметил столбики с изящными ящичками для почты и затейливые вензеля на засыпанных листвою крылечках.

Он остановил машину напротив засохшего пруда. На островке, к которому вел ажурный мостик, возвышалась увитая диким виноградом беседка в античном стиле. Тяжелые гроздья клонились к земле, все дно было усыпано опавшими ягодами. Над улочкой плыл густой запах начинающегося брожения.

Дивный уголок каким-то чудом не подвергся разграблению.

— Обалдеть,— выразил общее мнение Карапуз.

Артур приоткрыл верхний люк. Клаус, отвечавший за противовоздушную оборону, решительно остановил губернатора:

— Не выходить. Очень опасно.

— Там, за домами,— Христофор наморщил лоб и пощелкал пальцами, не в силах объяснить природу своих опасений.— Мыши, но не мыши. Кроты, но не кроты. Много маленьких, много заразы.

— Здесь никто не живет,— подтвердил пивовар, сверкнув на Коваля черными очками.— Наши друзья в городе говорят, что там, где яблоки зреют в январе и марте, не охотятся даже Железные птицы.

Прелестная пастораль рассыпалась в мгновение ока. Стиснув зубы, Артур дал газу и молчал до тех пор, пока броневик не вкатился в серую пелену. Зола проникала внутрь сквозь самые мелкие отверстия, жирным слоем ложилась на руки и одежду. Когда экипаж с лязгом миновал Монмартр и покатил по бульвару Капуцинов, у Коваля сжалось сердце. Многие дворцы сохранились неплохо, но новейшие здания и жилые

новостройки превратились в сплошное цементное месиво. На месте рухнувших колоссов образовались воронки, заполненные стоячей водой. Среди густого бульона из мусора и нечистот покачивались дохлые рыбы и домашние животные.

— Огонь прошел недавно,— поджал губы пивовар.— Не нравится мне это. И я не вижу стражу возле оперы! Баррикада какая-то...

Коваль не разглядел не только стражи, но и самого здания оперы. Он следил только за тем, чтобы тяжелая машина не свалилась в одну из глубоких воронок, все чаще возникающих на пути. То ли прошло несколько мощных паводков, то ли сыграло роль землетрясение.

К неудовольствию поляка, Клаус опять велел сворачивать. Ксендз настаивал, что надо ехать в самый центр: к Елисейскому дворцу, где обитала местная верхушка, или к Инвалидам. По его словам, там жили и отправляли службы местные святоши, и кто лучше их мог быть осведомлен о судьбе посольства?

Но Коваль склонен был доверять маленькому пивовару. Клаус сказал, что их давно уже должны были перехватить жандармы. Якобы, грубые ребята, но не дикари, самоходных повозок не боятся. Клаус припомнил, что не так давно у местных лидеров еще водились похожие пушки на колесах, но потом сломались, одна за другой. Чинить их никто не умел, и все постепенно заржавело. А отец Борка рассказывал, как до наводнения в городе носились грузовики и мотоциклы. После высокой волны, прокатившейся с океана, техника неделями плавала в соленой воде и пришла в негодность...

— Нет людей,— повторял Клаус,— непонятно. Поедем на корабль, в трактир. В центре нельзя, нас слышно.

В трактир, так в трактир, кивнул Артур, обрушивая бронированным передком облупившуюся колоннаду с ангелочками и грифонами. Его тоже все сильнее раздражало безлюдье и безмолвие. Нападение дикарей в Красном лесу было делом предсказуемым. А бесконечные пустые кварталы, напоминавшие о прежней роскоши, наводили суеверный ужас даже на воинствующего атеиста. За пятнадцать лет, проведенных в мире, пережившем Большую смерть, Артур приобрел немало новых, крайне ценных привычек.

Одна из них — остерегаться населенных пунктов, где жители не показываются сразу. Лучше пусть нападут, но не скрываются. За подобным поведением наверняка стоит какая-то гадость...

— Сдается мне, хрен тута хто с нами базарить будет! — резюмировал Карапуз, сидевший выше всех.— Штук пять придурков я засек, сиганули в трубу. Как, командир? Может сбегать, изловить?

— Не лезь, куда не просят,— сказал Артур.— И стрелять только по команде.

Экспедиция выкатилась на широкий проспект, уставленный фешенебельными постройками. Даже ужасные катаклизмы не стерли с улицы налета утонченного лоска. Но чем дольше Коваль вглядывался, тем отчетливей понимал, что Парижский центр обманывает его. Вокруг стояли не замки богачей, а их стершиеся тени, не универмаги, а проеденные молью муляжи.

Справа от трехэтажного особняка остались лишь роскошные колонны с капителями, на которых болтался дюралевый плакат. Выцветшие буквы предлагали посетить пасхальную распродажу в торговом доме.

По левую руку стремились ввысь аркады крытого пассажа, от которого на самом деле осталась лишь фасадная стена. За шестью этажами осыпавшейся лепнины скрывались обугленные залы и ржавые ребра лестниц. Нижние витрины, сотню лет назад лишенные стекол, надрывались в беззвучном крике. Над сгоревшими стеллажами жалобно щурились имена великих дизайнеров и кутюрье. Эти неживые буквы казались Артуру чем-то вроде шумерской клинописи. Карден, Гуччи, Армани, Шанель, Ямомото...

Они свернули к площади Республики, но бульвар был настолько разрыт, что пришлось пробираться дворами. Пробившись сквозь кустарник, внезапно попали в жилой центр. Дома обрели крыши из досок, черепицы и обломков строительной рухляди. Нижние этажи и подвалы были заселены, беспорядочно и бестолково. На месте стекол развевались тряпки; на балконах росли овощи; из канализации тянуло дымом. Несколько детских голов высунулись из-за угла и снова попрятались. На террасе полуразрушенного дворца истошно орал грудной ребенок. Старуха с хворостиной погоняла коз; увидев броневик,

шмыгнула в пролом. Над огромным очагом в котле варилась мясная похлебка, ее охранял безногий мужчина с топором.

Люди или спрятались, или дружно выехали на пикник. Спустя минут пять Артур окончательно склонился ко второй версии, поскольку увидел греющихся на лавочке дряхлых старичков.

Они курили длинные трубки и представляли собой довольно живописное зрелище. Конечно, до туалетов Когтей им было далеко, но при взгляде на дедушек Артур тут же вспомнил семнадцатилетнего Людовика. Как тот робел перед папой Рубенсом, как пытался произвести впечатление на всех женщин Зимнего дворца и окрестностей. Бил витрины, копался в царском гардеробе, цеплял на себя самые чудовищные сочетания одежды прежних эпох...

Примерно так смотрелись теперешние парижские инвалиды. Они не разбежались, когда вышедший на разведку Клаус направился к ним. Двое оказались совершеннейшими маразматиками, а третий прошамкал, что население собралось к мессе. Сначала, заметив Железных птиц, дважды били в колокола воздушную тревогу. Когда прозвонили отбой, побежали молиться. На саму мессу большинству наплевать, зато после будут казнить ведьм и воров, а на это стоит поглазеть.

— Плохо понимаю язык,— пожаловался Ковалю вернувшийся пивовар.— Они говорят, что казни идут уже неделю. Кто-то отравил скот в одной из деревень или что-то вроде этого. А теперь еще появилась зараза, на юге выкашивает целыми семьями...

— Только этого нам не хватало,— сплюнул Митя.

— Воду здешнюю не пить, ничего не есть, близко к местным не подходить,— скомандовал Коваль, спрыгивая в теплую пыль.

Золы тут было меньше, пожарище осталось позади, но изящества пейзажу это не добавило. Над культурным центром Европы витал дух обреченности. Броневик снаружи покрылся толстым слоем пепла. Проехать вперед, не переломав доморощенной системы воздушной маскировки, не представлялось возможным. Между руинами домов, над кривыми улочками, были натянуты веревки или перекинуты бревна. Поверх самодельных каркасов жители накидали все, что попалось под руку. В тени перекрытий жевали чахлую траву привязанные козы.

Коваль заметил в развалинах здания, похожего на кинотеатр, несколько коров. Коровы были самые обыкновенные, по крайней мере, к чужакам враждебности не проявили.

А вот их пища губернатору сразу не понравилась. Стадо топталось в лишенном крыши круглом фойе бывшего кинотеатра, со всех сторон облицованном зеркалами. Поверх пузырящихся зеркал со стен лохмотьями свисали почерневшие постеры с улыбающимися киногероями. Артур сумел даже прочесть несколько незнакомых фамилий. Все эти кумиры выросли и достигли расцвета, пока он прохлаждался в анабиозе. Буренки вовсю уплетали грибы. Полы и лестницы кинотеатра густым слоем покрывали пузырчатые белесые образования, похожие на помесь цветной капусты с пенопластом. Волокнистые клубни скрипели под копытами коров и липли мелкими крошками к влажным черным губам.

Артур подумал о вкусе молока, и его чуть не вырвало.

Но гораздо хуже коров выглядели собаки. Стайка шавок вырулила из дренажной трубы, робко подрагивая облезлыми хвостами и не решаясь приблизиться к людям. По боевым качествам этим псам было так же далеко до питерских булей, как слепому котенку до амурского тигра. Старшая из собак, бредовая помесь далматинца и тибетского терьера, уставилась на Артура подслеповатыми глазками и жалобно тявкнула. Все псы были потомками породистых животных, у всех напрочь отсутствовали зубы, а десны покрывала корка ороговевшей ткани, вроде сплошного протеза. Но не это показалось губернатору самым интересным. Он мысленно подозвал одну из псин, чтобы разглядеть получше. Позади что-то гнусаво прокаркал старичок с трубкой.

— Он говорит,— перевел Клаус,— чтобы вы к ним не прикасались. Собак отстреливают, они разносят язву.

— Я не прикасаюсь,— ответил Коваль, задумчиво рассматривая бока и спину несчастного животного.

Шерсть сползала клочьями, но к медицине это не имело никакого отношения. Собака отращивала защиту от Железных птиц и, судя по состоянию сосков, собиралась передать закрепившиеся признаки следующему поколению. Вместо нежной короткой шерстки появлялся твердый панцирь, больше приличествующий броненосцу. Вдоль хребта панцирь утол-

щался, словно второй позвоночник, и выпускал наружу короткие острые шипы. На брюхе латы еще только появлялись, отдельные фрагменты панциря перемежались участками незащищенной кожи.

Коваль внимательно изучил собак, затем отдал им мысленный приказ бежать в лес и повернулся к коровам. Христофор и Митя непонимающе следили за ним из прорезей в люках. Клаус отступил в тень и нервно натирал руки мазью. Мотор броневика ровно урчал, готовясь к старту.

Пять поколений или десять?

Подойдя вплотную к воротам загона, Артур понял, что оправдались худшие предположения. Спины и головы животных обрастали непробиваемой коркой, состоящей на сей раз из множества наложенных друг на друга пластин. Сверху пластины покрывал привычный пятнистый рисунок. Заметить изменения можно было, только подойдя вплотную.

Но свежая мутация этим не ограничивалась. Минуту Коваль тупо глядел на хвост ближайшего теленка, недоумевая, что же ему так сильно напоминает этот кожаный мешочек вместо кисточки на конце. Затем он подманил теленка и, невзирая на предостерегающие вопли аборигена, развязал тесемки.

Итак, подытожил Коваль, местный рогатый скот обзаводится ядовитыми шипами на хвостах, вроде карельских летунов. Собаки покрываются панцирем, крысы роют ходы, как кроты. И все эти перемены происходят с тех пор, как в окрестностях города поселились Железные птицы. А питерские жители, стало быть, тешатся мыслью о том, что мир успокоился...

Успокоился, да как видно, не везде. Ходили слухи, что и за Уралом появляются новые виды. Качальщики, те тоже подливали масла в огонь. Но лесные колдуны занимались направленными мутациями; крылатые змеи, тигры и прочая искусственная нечисть не имела потомства, поколения этих животных считались условно.

Здесь, за песчаной стеной, в самом центре Мертвых земель, мир продолжал изменяться. Наверное, именно это имел в виду друг и наставник губернатора Бердер. Тот говорил, что русские Хранители научились уничтожать Слабые метки, и это хорошо. Но никто не знает, что происходит на территории, где Звенящий узел сработал в полную силу. Ибо те Звенящие узлы,

что взорвались в первые годы после Большой смерти, оставили после себя либо языки Вечных пожарищ, либо километры Желтых болот. Они взорвались, и теперь остается уповать на то, что мать-земля зализжет свои раны. В лучшем случае, можно посадить вдоль пожарища сотню-другую деревьев. Или пустить в реку головастиков. Даже Хранители, сами плоды мутаций, были бессильны спасти Мертвые земли.

Но страшнее, говорил Бердер, не та Мертвая земля, что осталась после пожарища. Ходят слухи, что за песчаной стеной лежат Мертвые земли, которые не желают успокаиваться.

«Как это,— удивился тогда Артур.— Постоянные землетрясения, или вулканы бьют?» «Может, и землетрясения,— пожал плечами наставник. Но дело не в земле. Дело в том, что там все продолжает изменяться и никак не может успокоиться. К той гадости, что живет в наших болотах, люди давно притерпелись, лупцуют ее потихоньку, глядишь, и сведут на нет. Взять тех же самых булей, для примера. Лет двадцать назад никому проходу не давали, среди бела дня на людей кидались, а теперь, где они? Грызут потихоньку лягушек в камышах. Передохли бы все давно, если бы хитрый питерский губернатор лично не подкармливал... Неужели непонятно, что раз не успокаиваются твари, значит, меняется и человек? Только он меняется медленнее: мы помрем и не заметим, а лет через пятьдесят попрет такое, что не остановишь, никакой ворожбой». «Что же делать?» — испугался Коваль. «А что тут сделаешь,— пожал плечами учитель.— Качальщики уже давненько собираются. Думают да гадают, да к Хранительнице Книги наведываются. Все ищут, спрашивают себя, все ли правильно по Книге понимают, какие еще толкования можно применить. Потому как, есть одно подозрение... Тут Бердер замолчал, словно решил, что сболтнул лишнего, такого, что не стоит обсуждать даже с лучшим Клинком, другом и губернатором. А может быть, Бердер только сделал вид, что сомневается. Он ведь хитрющий стратег... «Такое вот подозрение,— промямлил Бердер,— что тут замешана не только древняя грязь. Будто кто-то... Ты когда полетишь, держи ухо востро, ладно?» И больше ничего не сказал, ловко так сменил тему.

...Губернатор очнулся от забытья. Беззубые собаки, ядовитые коровы... И с козами, наверняка, не все ладно...

— Не только древняя грязь,— неслышно повторил Артур, отмывая руки после знакомства с телячьим хвостом.

Не обращая внимания на мольбы Станислава, он подошел к трем старичкам на завалинке. Старички выглядели так, словно дошли с императором до Москвы и обратно. У одного не хватало верхней губы, наполовину заросло веко, а вместо пальцев имелось подобие сросшейся клешни.

Второй дед был дауном. Он гордо носил расшитую серебром дырявую мантию, а больную щеку подвязал шелковым шарфиком. С его одутловатого лица капали одновременно слюни, сопли и слезы. В немытых пальцах он мял хлебную горбушку. Артур обратил внимание на аккуратно зашитый рукав.

«Кто-то ухаживает... — машинально отметил губернатор.— Любящее потомство. Интересно, кого же они нарожали?» Третий дедушка, тот самый, что пытался уберечь Коваля от собак, казался самым разумным. К числу явных недостатков можно было отнести пятнистую кожу,— видимо, следствие перенесенного лишая, сросшиеся с головой ушные раковины и не заросший на макушке родничок. Дед прикрывал голову бравой треуголкой с воткнутыми сверху перьями Железной птицы, но периодически снимал ее, чтобы поймать вошь.

— Клаус, спроси его, как проходит болезнь?

— Он говорит, что болезней много, но черную язву наслали ведьмы и колдуны, живущие особняком за старым кладбищем. Сначала все болит — все тело. И жар, страшный жар. Потом опухает лицо и живот, язык не помещается во рту. Проходят два дня — и на шее, в подмышках появляются камни, что ли...

— Можно не продолжать,— хмуро кивнул Коваль.— И кто придумал, что чуму наслали ведьмы?

— Его преосвященство благословил генерала Аваля на святое дело, на аресты мерзких пособников дьявола! — из беззубого рта полетели брызги слюны, так что гости невольно отпрянули.— Уже поймали многих, доберутся и до тех, кто насылал порчу... А ты, я тебя видел,— вдруг захихикал он, наставив кривой палец в грудь пивовару.— Ты один из тех, кто приходит через Ползущие горы, верно? Вы все там тоже колдуны... Ха-ха! Никто не может пройти через лес Когтей и горы, кроме колдунов. Может, ты тоже пришел, чтобы заразить ко-

ров моего сына или наслать на нас черную язву? Вот я скажу жандармам, они живо посадят тебя на кол или вздернут!

— Пойдемте, герр Кузнец,— в отчаянии сплюнул Клаус.— Вот поэтому мой отец не любит ходить в город. Он имеет дело только с торговцами из корабля.

— Из какого корабля?

Артур захлопнул за собой люк, а с улицы все неслись проклятия старика.

— Корабль, его принесла волна,— засмеялся пивовар.— Да вы увидите, там много кораблей.

— Вы спросили их насчет посольства? — в нетерпении набросился Станислав.

— С ним тяжело говорить,— отмахнулся Коваль. Он думал о коровах и Железных птицах.— Все разумное население поперлось слушать святош. У них месса по радостному поводу. Собираются поджарить очередную партию ни в чем не виновных женщин.

— Откуда ты знаешь? — замер поляк.

— Как откуда? Этот динозавр сам сказал. Все ушли на фронт.

— Нет, с чего ты взял, что казнят невиновных? — взгляд ксендза отражал крайнее неодобрение.— Уж не считаешь ли ты, пан Кузнец, что пастырями верующих выступают кровожадные злодеи? Я немного лучше знаю здешних людей, я бывал тут. Конечно, многие горожане грубы и невежественны, многие страдают болезнями, но ты же судишь, ни о чем не спросив! Им тяжело, им приходится отбиваться от дикарей и голодного зверья, но большинство верит в святой Крест и чтит бога. Ты ведь не знаешь, с какой радостью эти простые бедные люди согласились участвовать в Великом посольстве! Их епископ, конечно, не столь изощрен в науках, как твои книжники... Но он простой и честный человек и не терпит во дворце и в городе всякую нечисть...

— Эка тебя разобрало,— задумчиво сказал Карапуз.— Чисто молока с соленым огурцом нажрался, так и поносит беднягу.

— Слушай, пан Станислав! — Артур медленно сдавал задом, стараясь не сшибить хлипкие постройки горожан.— Насчет нечисти во дворце,— это ты по Христофору проехался, или мне показалось?

Святоша, надувшись, демонстративно глядел в сторону. Клаус, не понимая, из-за чего перепалка, озадачено вертел шеей.

— Я обещал тебе найти концы вашего посольства и делаю, что могу,— Коваль старался говорить спокойно.— Мне тоже не нравится, когда пропадают две тысячи человек. Только мне безразлично, в кого они при этом верят. Мы искали и продолжаем искать, но дальше Парижа не пойдем. Это мое первое слово. А вот второе. Как учтиво заметил господин капитан, если ты, пан Станислав, упаси господь, запьешь соленые огурчики или кислую капустку молочком, с тобой что будет? Вот именно, конфуз случится. Так скажи мне, святой отец, у тебя никогда в жизни поноса не было?

— Не понимаю, причем тут месса и решения его преосвященства?! Ты богохульствуешь, пан губернатор! Не к лицу...

— Ни намека на святое,— уперся Коваль.— Я только хотел спросить, пан Станислав, ты кого бьешь, когда у тебя понос? Может, ты собаку соседскую убиваешь или самого соседа поджечь готов? Ну, да... сосед больно здоровый, может и сдачи дать. Ты, небось, бегаешь в соседнюю деревню. Там бабка старая живет, заступиться за нее некому. Зато, чуть кто обосрался, сразу к бабке — по репе ей сапогом! Верно я говорю? Просто и без напряга, да, пан Станислав? И не нужны расходы на ремонт канализации, согласись?... А тут не один человек, тут целый город огурцов натрескался. Ты посмотри, что у них творится: вода гниет, трупы по реке плывут. Конечно, прав местный монсеньер, самое время парочку соседских бабок повесить! Глядишь, поносить перестанем? Как думаешь, пан Станислав?

— Я хочу, чтобы вы меня выпустили,— ксендз играл желваками.— Я один схожу к Дому инвалидов и все выясню.

— Слушай, а ведь здесь живет гораздо больше народу, чем было в посольстве. Тысяч тридцать, если навскидку.

— Ну и что?

— Как что? Ведь у них беда. Вот мне некогда. Совершенно некогда, надо вывозить людей на большую землю, а я волнуюсь, ищу, чем бы помочь этим охламонам. Ты, конечно, если настаиваешь, можешь топать,— Артур застопорил машину, откинул люк.— Никто тебя не держит. Но мне все же кажется, надо сначала понять, что творится в городе, а потом лезть с вопроса-

ми. Один местный житель, религиозный, кстати, человек, както сказал, что Париж стоит мессы. Так что потерпи, святой отец!

Глава пятнадцатая

Свинья со свистулькой

— Значит, трактирщика зовут Портос? — уточнил Артур, оглядывая корабль.— Интересно, остальные трое тоже тут?

— О чем вы, герр Кузнец? — удивился Клаус.

— Нет, нет, это я так, к слову...

Избитая рыболовецкая шхуна вросла в дно канала, зажатая горами мусора, как раз между бульварами Бурдон и Бастилии, в трех шагах от одноименной площади.

Райончик отдавал явным блатным душком. Местные законы здесь были не в почете. Многие жители хлопотали по хозяйству, не уделяя внимания гражданским обязанностям. Ни на мессу, ни на казнь пойти никто и не подумал. Если доселе Артур встречал опустевшие сарайчики, остывшие очаги и беспризорных детей, то за площадью Бастилии обстановка резко изменилась.

За броневиком неслась ватага подростков, один другого страшнее и чумазее. Сначала они боялись приближаться и крались дворами, но заметив в люке ухмыляющуюся рожу Карапуза, осмелели, и последние триста метров пути Коваль вез на броне небольшую армию. Он вглядывался в хохочущие, визжащие рожицы, отыскивая в них следы деградации, но видел лишь самых обычных детей. Голодных, оборванных и до невозможности довольных неслыханным приключением. Взрослые тоже интересовались, некоторые бросали занятия и спешили вслед стальному чуду.

— Это не французы,— шепнул Клаус.— Они живут здесь давно, но пришли из Испании. Там, на юге, их когда-то выгнали из города, не знаю, почему. А когда они хотели вернуться назад, Мертвые земли уже расползлись, и им пришлось остаться. Отец любит вести с ними дела, но говорит, что Бумажникам

скоро придется несладко. Очень давно генералы выделили им кусок земли возле кладбищ, а теперь хотят отнять назад.

— Как ты их назвал? — Коваль наблюдал, как Христофор раздает кудрявым детям куски сахара.

— Бумажники, герр Кузнец. Это потому, что на дверных косяках у них висят маленькие бумажки. У них очень смешной обычай трогать обрывок всякий раз, когда проходишь в дверь. Но отец говорит, что их вера не мешает торговле...

Шлагбаум перегораживал улочку скорее для проформы, потому что сразу за бревном начиналась глубокая канава, на дне которой, что удивительно, почти не водилось грязи. Возле подъемного мостика покуривали двое благообразных дядечек в черных длиннополых шинелях и равнодушно поглядывали на пришельцев.

Не прошло и минуты, как к ним присоединились еще по меньшей мере пятнадцать мужчин. Они держались настороже, скрываясь за изгородью из толстых кольев. Только увидев пивовара, Бумажники расслабились и согласились опустить мост.

Коваль велел Карапузу сидеть в бронетранспортере: заглушить мотор означало остаться без машины. Но черноглазый морщинистый стражник, упакованный в пыльный жилет и черное пальто, передал через Клауса, что пройти к Портосу могут все, а мотор можно выключить, потому что имеется аккумулятор.

У Артура на языке крутились сотни вопросов, но он предпочел промолчать.

Канава, пересекающая улочку, не прерывалась, а убегала вдаль в обе стороны. Словно хищный червь, она вгрызалась в особняки и остатки величественных стен, ограждая кварталы Бумажников от внешнего мира. Русские без конца вертели головами, Станислав хмурился и всем видом изображал покорное недовольство. Теперь у губернатора не осталось сомнений относительно публики, расселившейся вдоль канала. В центре парижский люд обстраивался с помощью самых неожиданных подсобных материалов, подвалы топились по-черному, и ни разу Коваль не услышал стука топоров или визга пилы. Лишь немногим счастливчикам удалось захватить устоявшие, под напором стихий гранитные монолиты, но большинство жителей влачило самое убогое существование.

Поселение Бумажников не просто резко отличалось от центра города, их благополучие резало глаза. Упитанных коз и овечек держали здесь в огороженных загонах, чтобы глупая скотинка не могла добраться до берега Сены, превратившейся в вонючую клоаку. В примитивных клетках копошились кролики, а на распаханных полосках облагороженной илистой набережной суетилось множество людей с мотыгами и лопатами. На тачках и телегах подвозили целый кирпич, крепили леса, по которым бегали полуголые мастеровые с отвесами. В укрепленные опалубкой ямы заливали раствор, в сторонке человек пять подростков, закатав штаны, ногами вымешивали глину. Шло строительство какого-то значительного сооружения.

Чуть дальше Артур с удовлетворением заметил ряды новеньких, крепких домов с каменными основаниями и добротно притертыми венцами из красных бревен. В чисто выметенных двориках дымили коптильни, пахло хлебом и стружкой. Две лошадки, напрягая спины, ходили вокруг глубокой ямы, вращая подъемный механизм. В кожаных мешках рабочие поднимали со дна тонны грязи, а женщины в черных шляпах подкатывали кольца для будущего колодца, вырезанные из дуба.

Возле шхуны разгружали сразу две длинные подводы. Грузчики вкатывали на борт бочки и волокли упиравшихся бычков. Несколько человек с уханьем разворачивали вручную кран, готовясь опустить в кузов грузовика нечто обвязанное тряпками, и по форме подозрительно напоминавшее артиллерийское орудие.

Самым забавным оказался кораблик. Невесть когда принесенный катаклизмами и нашедший здесь свою вечную стоянку, он продолжал служить людям. Дно проржавело, верхушки согнутых винтов тонули в лопухах, но на мачтах сушилось белье. По палубе деловито сновали люди самой пиратской наружности.

Клаус сказал, что надо подождать, и один поднялся по трапу. Молчаливая толпа любопытных рассосалась, остались только несколько самых мелких мальчишек, одетых, как и взрослые, в душные черные пиджачки.

Потом в одном из иллюминаторов дрогнула занавеска. Наследник мушкетерских традиций приглашал гостей к столу.

Внутри шхуны было оторвано и отрезано все, что мешало размещению грузов и посетителей. Если сначала Артур при-

нял местного заправилу за ненормального, то теперь был вынужден согласиться, что лучшее место для точки общепита подобрать было трудно. Приличные, имеющие крышу здания в этом квартале отсутствовали. Городское начальство позволило каравану беглых Бумажников обосноваться здесь почти тридцать лет назад, но выделило общине самую разрушенную площадку. И два кое-как сохранившихся каменных строения были отведены под школу и молельню.

Шхуна же имела мощный несгораемый каркас, защищенные трюма, и множество укромных уголков. Благодаря подведенным с обеих сторон канала дорожкам, грузы можно было одновременно принимать и отпускать. Как раз сейчас на противоположном берегу проворные полуголые ребята хлыстами охаживали быков, чтобы подать свою платформу вплотную к люку. Повозка прогибалась под тяжестью мешков.

Нет, определенно, здесь занимались не только разливом вина...

Поднявшись наверх, губернатор отметил еще кое-какие забавные детали. На крыше палубной надстройки отирались трое дюжих молодцев. Из рубки высовывались длинные стволы, тщательно укрытые тряпками. Отсюда, в высоты третьего этажа, открывался вид на всю колонию Бумажников. Еще выше, над рубкой, красовалась круглая будочка со стершейся полицейской символикой. В будочке, вращаясь вместе с табуретом, сидел карлик и безотрывно глядел в окуляры морского бинокля. Седобородый коротышка во фраке и серой накрахмаленной рубахе проводил гостей внутрь по узкому скрипучему коридору. В тупичке подпирал стену чернокожий с длинной седой косицей и серьгами в обоих ушах. На локте черный держал самострел с натянутой тетивой, а в ногах у него скалилась овчарка. Охранник даже не подумал отвернуть оружие от вошедших. Карлик пропустил всех внутрь коридора и шустро запер за собой люк.

За дощатой перегородкой гудела таверна. На уровне глаз тянулись щели, и Артуру мигом почудилось, будто он провалился в сказочную нору. Из капитанского коридорчика можно было наблюдать за гуляющей публикой. А на публику взглянуть стоило...

За столом из цельного куска дерева метал карты рыжебородый длинноухий субъект, обремененный зобом и убийст-

венно похожий на бородатого осла. Грудь его стягивала полинявшая тельняшка, а на плече сидел белый крысенок. В передних лапках крысенок держал орех, а две задние пары лап цепко держались за плечо хозяина.

Напротив сатира посасывал изогнутую трубку кальяна безглазый. В буквальном смысле: у этого человека вообще не было глаз. Под тонкой бледной кожей, стягивающей дыню черепа, пульсировали сосуды. Из бугристого лба торчал боксерский сплющенный нос. Пунцовые губки перекатывали мундштук кальяна. Глаз не было. Коваль успел подумать, как же чудак играет, но загадка скоро разрешилась. За спиной безглазого стоял тощий мальчишка в коричневой францисканской рясе. За плечами у ребенка болтался рюкзачок. Артур увидел личико пацана, и справедливый гнев на инвалида-эксплуататора пропал.

Этого ребенка не взяли бы даже в цирк. Из-за жуткого прикуса его нижние зубы почти касались ноздрей, а верхние расползлись и торчали в разные стороны, как иглы дикобраза. Лицо мальчика покрывали глубокие старческие морщины, и все же, это был ребенок. Он держал на груди и поглаживал еще одного шестилапого крысенка.

Третьим партнером по игре выступала очень смуглая, могучая, похожая на индианку, женщина в коротком парике и ярком, цветастом платье. Время от времени она прикладывалась усатым ртом к пивной кружке и с хохотом колотила по столу увесистым кулаком.

В общем зале также гуляла пестрая компания. Несколько бородатых мужиков в черных сюртуках гоготали и свистели, помогая пьяному оркестру. Музыканты играли весело, но каждый — свое. В центре зала безрукий инвалид в женской дубленке орудовал стаканчиком с игральными костями. Все манипуляции он проводил пальцами ног. В игре участвовали трое меднолицых парней, одетых как крестьяне, в короткие штаны и деревянные башмаки. Старуха самого демонического вида в рокерской куртке гадала на картах двоим загорелым субъектам в тирольских шляпах и черных очках. Ядреная девица в белом парике и засаленной атласной безрукавке от Рудольфо Валентино сцеживала из бочки пиво. Ей помогал горбатый юноша, руки которого едва не волочились по полу. Ухватив друг друга за талию, змейкой отплясывали несколь-

ко синюшных девиц. В глубине зала Ковалю померещилась даже стайка цыган, но в эту секунду отворилась внутренняя дверь в капитанскую каюту, и паноптикум остался позади.

Портосу было лет сорок, но могучая внешность и раздвоенная борода старили его как минимум на четверть. От висков по щекам сбегали тонкие завитушки темно-русых волос, влажные карие глаза смотрели внимательно, не отпуская собеседника ни на секунду. Над заправленными в начищенные сапоги бриджами красовалась невероятного размера белая жилетка. С жилетки свисали шнурки, из кармашка торчала лупа и две пары очков. Возле Мити Карапуза трактирщик казался недорослем, но в плечах чингису не уступал. Как уважающие силу противники, оба великана бережно пожали друг другу руки. Казалось, Портос удивился, что у пришлых верховодит в отряде человек самого обычного телосложения.

В каюте было тихо, пахло ваксой, сладким вином и удивительно ароматным табаком с цветочными обертонами в букете. Хозяин усадил гостей на лавку, укрытую шерстяными циновками, и приказал принести еды. Чем дольше Коваль присматривался к обстановке, тем сильнее его охватывало чувство неестественности происходящего. Через тонкую переборку слышались удары пивных кружек, отголоски божбы, хохот, топот и удары топора по свежим бочонкам с горячительным. Несколько нестройных голосов гнусавили песню. А над головой без устали таскали грузы...

Коваль начал подозревать, что трактир, скорее всего, вовсе не трактир, а некая смесь перевалочной базы и игорного притона. И очень может быть, что именно здесь могут рассказать о Великом посольстве.

Переборки каюты покрывала изящная драпировка из простой, но чистой ткани. Иллюминаторы были плотно зашторены, и помещение освещалось керосиновыми лампами. Тепло обеспечивал портативный камин, возле которого негромко тикали напольные часы красного дерева с вензелями королевской фамилии. Над комингсом притаилась мезуза со святыми словами, а на богато инкрустированном угловом столике стояла внушительная клетка, укрытая одеялом. Кто-то там шевелился под одеялом, животное или птица. Коваль чувствовал энергетику обитателя клетки и не мог подобрать верного опре-

деления. Существо откликалось на призыв почти так же, как домашняя собака, но добиться устойчивой связи Артур не смог. Пленник был как будто гораздо умнее, чем хотел казаться, и, отвечая на волевой призыв человека, дурачился, изображая скудоумие.

Напротив иллюминатора, на полированном ореховом бюро, отсвечивала бронзой старинная менора с самодельными свечами. Рабочий стол трактирщика представлял собой нечто среднее между штурманской рубкой, слесарной мастерской и уголком философствующего аристократа. Навигационные приборы, тиски и коловороты соседствовали с распахнутым томом энциклопедии. Остальные книги двумя стопками подпирали подволок. Там же Артур заметил пожелтевший альбом с репродукциями Веласкеса и Ветхий завет на испанском, несколько французских изданий Стендаля, Дюма и даже угоревший томик Сименона.

Противоположную переборку занимали карты Парижа и Франции. Старая часть города изобиловала разноцветными значками, а на крупномасштабной карте страны делалась попытка отобразить положение песчаной стены и прочих природных препятствий. Под картами, на коврике, стояли в ряд несколько старинных пищалей, а на крышке ведущего в трюм люка дремал мохнатый пес размером с крупного волка.

— Это вы стреляли по птицам? — глубоким, бархатным голосом спросил хозяин, обращаясь к Артуру.

Коваль кивнул. Клаус заранее предупредил, что неприлично начинать беседу первыми, зато теперь наступала очередь гостя задать следующий вопрос.

— Вы не поможете нашему другу найти Великое посольство?

— Помогу,— легко согласился Портос.

Он повернулся к бюро и сказал в одну из переговорных трубок, торчавших наподобие труб маленького органа, несколько слов на испанском. Трактирщику кто-то ответил, а затем сухопарый, чахоточного вида парень в пыльном лапсердаке, принес вино и мясо.

Артур помнил предупреждение Христофора, что есть ничего не следует, но хозяин и не настаивал. Он почти радостно кивнул, когда все отказались, сославшись на недавний обед. Наверное, здесь было не принято уговаривать.

— Вы убили всех Каменных когтей?

Пивовар, с согласия Коваля, быстро рассказал о последних событиях. Трактирщик слушал, не отводя пристального взора от русского губернатора. Узнав о разгроме гробниц, он надул щеки, но так ничего и не сказал.

— Мы принесли небольшой подарок от пивовара Борка,— спохватился Митя, выкладывая на стол кулек с последними запасами соли и ящик с двумя смазанными «магнумами».

Оружие и идея принадлежали Ковалю, но в действие вступили неписаные ритуалы знакомства. Нельзя главному гостю преподносить сувенир, тем более от собственного имени: подарок может прийтись не ко двору.

Трактирщик оценил подношение, опытной рукой крутанул барабаны, кинул взгляд на ящичек с патронами. Соль немедленно пересыпал в сундучок.

— Что случилось с людьми кардинала Жмыховича? — поляк был напряжен, как струна.

— Предполагаю, что все они погибли.— Портос помолчал, меряясь взглядом с Карапузом, потом, видимо, счел, что был недостаточно вежлив.— Когда караван пришел в город, тут было не до них. Огонь захватил всю северную часть и край леса. Насколько мне известно, святоши слишком долго простояли лагерем возле нефтяной трубы. Слишком долго, возможно две недели. Тем, кто родился по ту сторону Ползущих гор, нельзя больше трех дней дышать воздухом леса или пить его воду. Так же, как нам опасно уходить к песочной стене...

Ксендз уже раскрыл рот для следующего вопроса, но Христофор наступил ему на здоровую ногу.

— А куда направлялись эти люди? — неожиданно спросил трактирщик.— Я слышал, что здешний епископ собрал тогда в поход больше тысячи человек. Помнится, они скупили у нас весь запас овощей и даже просили уступить им всех коров...

До Коваля вдруг дошло, что хозяин насмехается над поляком. Портос был прекрасно осведомлен о целях похода, раз уж его сородичей принуждали к продаже мяса. Почти наверняка Бумажники неплохо заработали на провианте, хотя знали, что здешние продукты иноземцам надо есть с большой осторожностью...

Коваль решил перехватить инициативу у ксендза, чтобы не превращать переговоры в ссору. Клаус переводил с явным

напряжением, он гораздо хуже папаши освоил местный диалект.

— Вечный город? — как бы про себя проговорил трактирщик.— Ах, ну да, конечно. Дикари не скажут вам правды, хотя бы потому, что изрядно потрепали Великое посольство, как вы его называете. Они врут, что не было стычек. Посольство потеряло больше сотни человек в песках и около двух сотен — в Красном лесу. Многие хотели бы повернуть назад, но понимали, что самостоятельно не выберутся... Жильбер?

В дверь просунулась кудрявая, остроносая голова. Портос поднялся и, заслоняя собеседника широкой спиной, быстро заговорил.

— Он послал людей к Хрустальным гробницам,— сквозь зубы сообщил Клаус.— Бумажники очень хитрые, они предпочитают все новости узнавать первыми.

Коваль в расторопности Бумажников нисколько не сомневался.

— Переведи уважаемому Портосу, чтобы его люди ни в коем случае, не пытались проникнуть в шахты. Там твой папа и Даляр — люди нервные...

Бумажник остановил немигающий взгляд на Артуре, затем кивнул и что-то сказал охраннику за дверью. Тот кинулся догонять Жильбера.

— Герр Портос благодарит вас за заботу,— переводил Клаус.— Он говорит, что надо быть отчаянными людьми, либо владеть грозным колдовством, чтобы осмелиться напасть на святыни Когтей. Герр Портос говорит, что никто из горожан не приближался к гробницам. Дикари убивали всякого, кто проявлял любопытство. Он не спрашивает, какие сокровища вы там искали, и что нашли, но очень плохо, что убиты Каменные когти. Очень плохо для всех.

Этой новостью Коваль счел необходимым поделиться с подчиненными.

— Вот те аюшки! — ошарашено поднял брови чингис.— Мы, выходит, рвали зад, чтобы енту пакость поубавить, а выходит, зазря?!

Портос задумчиво пощипал бороду. «Этот человек,— подумал Коваль — такой же трактирщик, как я — оперная прима...»

— Мой младший брат и два двоюродных брата держат трактиры в восточной и южной части города. У нас есть бумага от предыдущего епископа, который лично предоставил нам право делать пиво и вино на продажу. Только мы делаем вино в городе. Вот уже двадцать семь лет. Но как только случается что-нибудь плохое, в первую очередь обвиняют нас. И поджигают наши трактиры.

Только наши коровы дают чистое молоко, годное на сыр. Наши отцы привели их из испанских гор, где не падали Желтые дожди. Мой дядя делает лучший сыр и меняет его, даже возит в Нанси и Гавр... Нет, в Гавр уже не возит, там опять светится земля, дороги отрезаны... Когда в городе было спокойно, за нашим молоком приезжали отовсюду. В очередь стояли! А за теленка давали трех лошадей! Но когда у них неурожай или падеж, они забывают о честной торговле. Они сразу начинают кричать, что надо пощипать жирных Бумажников, что мы хитростью заставляем их пропивать урожай в трактирах... Дело доходит до поножовщины и убийства детей.

Пять лет назад жить тут стало совсем непросто, многие уважаемые люди из моей общины еще тогда предлагали переселиться. В тот год земля рождала гниль вместо колосьев, а с востока налетела саранча. Никогда раньше не водилось такой напасти. Потом начались болезни. Как вы думаете, кто оказался виноват? Мой друг, пивовар, говорит, что вы хозяин в большом городе. Мне даже не представить, как это может быть, чтобы рядом жили сотни тысяч человек. Если бы наши дети могли перенести такой дальний поход, я бы встал сейчас на колени и просил позволить нам переселиться. Потому что вы принесли нам очередную беду...

Но выжить за песчаной стеной... — в голосе Портоса вдруг послышалась страшная усталость.— Когда в городе все в порядке, жандармам плевать на наши обряды. Они охотно позволяют нам лечить людей, приводят сыновей, чтобы те научились плавить металл и выжигать кирпич. Они даже заставляют своих детей подглядывать, как мы добываем чистую воду. Но когда в городе становится плохо, а здесь это часто, отношение к нам резко меняется. Вы слышали, что на юге свирепствует чума?

Коваль вздрогнул. Маленький пивовар обрадовался, вспомнив, как звучит слово на немецком.

— Нам говорили, что епископ арестовал кучу народу по подозрению в колдовстве.

— Само собой,— мрачно кивнул хозяин.— Я допускаю, что без волшебства не обошлось, хотя в жизни не встречал ни одного настоящего колдуна. Те, кого я видел, могли убить комара или наслать икоту, но никто не умел отогнать ядовитые дожди или убить Железных птиц. А такой заразы, как чума, не припомнят даже старики. Тут, в трактире, иногда встречаются любопытные личности...

— Мы заметили.

— Что вы заметили? — остро глянул Бумажник.— В отличие от барышников, которые лижут зад жандармерии, я приглашал и буду приглашать под свой кров тех, кого сочту нужным. Если человек держит слово и ни разу не дал повода усомниться в своей чести, то остальное неважно. Вы понимаете, что я говорю? Или у вас, на севере, калек тоже закапывают в землю живьем?

Коваль не нашелся, что ответить.

— Да, не удивляйтесь. Как только рождаются уроды у них... Я имею в виду тех местных, кто родился здесь после Большой смерти. Они нянчатся с ними или суют в зубы кусок хлеба и пинком отправляют на большую дорогу. Если, конечно, от калеки нет пользы в хозяйстве. А стоит появиться уродам в семьях пришлых, как поднимается крик. Я не говорю о дураках. Достаточно, чтобы не хватало пары пальцев.

— И часто не хватает пары пальцев? — тихо спросил Коваль.

— Часто,— понурился Портос.— Я слышал, что женщины за песком потеряли способность к материнству, но, может быть, это лучше, чем пять раз подряд рожать калек, которых после нельзя... — от Коваля не укрылось, что трактирщик скользнул взглядом по двери. Артур с ужасом представил себе ситуацию: каждый день видеть родных уродцев, прятать их в чреве корабля, годами не выпускать на улицу... — И тогда матери лучше самой убить своего ребенка, чем видеть, что сделает толпа,— закончил великан.

— А что же епископ? — побелевшими губами спросил Станислав.— Разве он не может остановить варваров?

— Его преосвященство? — наигранно удивился Бумажник.— Монсеньер Андре в этом вопросе целиком на стороне

генерала. Они оба гордятся тем, что ведут род от ученых знахарей, живших в городе до Большой смерти. И оба цитируют книги, в которых сказано, что уничтожать калек абсолютно необходимо, иначе они расплодятся и погубят род людской. Поскольку население безграмотно, проверить генерала никто не может. Раз в месяц епископ читает проповеди, после которых его приспешники ходят с горящими крестами и проверяют всех родившихся младенцев.

Станислав сидел, как громом пораженный.

— Так я о чем? — как ни в чем не бывало, продолжал трактирщик.— Ко мне заезжают рыбаки с восточного побережья. Они порой доходят до Италии. Так вот, рыбаки говорят, что в Италии настоящий ад. Многие годы там было тихо и даже почти перестали рождаться уроды. Но в последние пять лет земля опять движется. Пить воду из рек нельзя, деревни вымирают целыми улицами... Поневоле поверишь в колдовство, я даже не пытаюсь никого переубеждать.

Но нам не легче от того, что плохо другим. Жандармы похватали женщин, живущих за кладбищами Большой смерти, и обвинили их в потраве. Человек пятнадцать уже сожгли, но чума стала только сильнее. Тогда кто-то донес епископу, что в общине Бумажников умирают намного реже, чем вокруг Лувра. Потом я имел разговор с жандармом. Он занят тем, что собирает куриный налог. Мы в хороших отношениях, если это можно так назвать, потому что каждый месяц вместо одной курицы, я сдаю ему две. Этот служака по большому секрету сообщил мне, что святые отцы подговаривают людей напасть на общину.

— Они заметили, что вы стали слишком богаты? — перебил Артур.— А они не утверждают, что вы воруете у христиан новорожденных детей и цедите из них кровь во время молитвы? И что именно поэтому чума не уходит из Парижа?

Не успел Клаус перевести, как на лице хозяина отразилось крайнее недоумение. Впервые богатырь был явно сбит с толку и смотрел на Коваля, как на пришельца с того света.

— Откуда вы знаете? — выдавил он.

— Приходилось слышать,— уклончиво ответил губернатор.— Но при чем тут Железные птицы?

— Очень просто,— вздохнул трактирщик.— Если вы слышали эту чушь насчет детей, то можете понять, в каком напряжении мы

живем. Мы сутками ожидаем нападения полудиких крестьян, которые не могут повторить за священником слова молитвы, но хорошо знают, где можно поживиться. А теперь вы убили Каменных когтей. Это были старейшины основных кланов, насколько я представляю их иерархию. Кто будет кормить птиц человечиной? Пройдут месяцы, пока Когти восстановят жертвенник. Кто научит гробницы петь, если тайна утеряна?

— Никакой тайны нет,— сказал Артур и поведал страшную правду о вентиляции.

Хозяин «Свиньи со свистулькой» оторопел.

— Это серьезно? Значит, подманить птиц может любой ребенок? Это великое счастье...

— Да почему счастье?

— Потому что птицы с незапамятных времен не охотились в городе. Они привыкли, что их призывает песня, которая слышна вокруг на три дня пути. Они привыкли, что горожане умело прячутся. А теперь им будет негде поживиться. Конечно, они найдут себе пропитание в лесах, потому что очень скоро там появится много трупов: среди Когтей начнутся драки. Но птицам гораздо проще начать воровать детей прямо с улиц. Как вы думаете, кого обвинит епископ в новой напасти? Ведь горожане не умеют отбиваться от птиц, а их великое множество.

Хозяин корчмы встал и, цепляя макушкой по́дволок, прошелся вдоль каюты. Коваль отметил, как по-хозяйски Портос назвал общину своей. Он украдкой взглянул на часы.

— Я плохо представляю, что творится на севере,— сказал трактирщик, возвращаясь за стол,— но добраться до Рима посольство могло более коротким и безопасным путем. Их об этом предупреждали...

— Кто предупреждал? — не сдержался поляк.

— Мы предупреждали,— не моргнув глазом, ответил трактирщик.— И другие, кто ходит на восток... Но епископ, как мне помнится, посмотрел на дело иначе. Этот... человек никогда не выезжал за пределы города и понятия не имеет, что творится вокруг. Он не только не дал посольству обещанное подкрепление, он отправил поляков еще южнее, в Испанию. Он убедил кардинала, что местные верующие присоединятся к ним на обратном пути, а за это время соберут пожитки и получше подготовятся к переезду в Вечный город...

Затаив дыхание, Коваль слушал запинающийся тенорок пивовара. Христофор сидел, полностью погруженный в себя, Карапуз пытался заигрывать с вяло рычащей собакой. Понимал Портоса только Станислав, который, судя по всему, был близок к истерике.

— Итак, он отправил их в Испанию, снабдив проводниками и провиантом. Насколько мне известно, с этим самым Жмыховичем пошли десятка два монахов из местного ордена. Что касается Бумажников, предлагавших за скромную плату проводить караван до Милана, епископ порекомендовал кардиналу не иметь с нами никаких дел. Жмыхович ожидал, что в Испании и на юге Франции он соберет еще тысяч десять сторонников или около того. Этого человека, скажу я вам, было непросто в чем-то переубедить.

— Сторонников чего? — переспросил Артур.— Ведь для избрания папы им совсем не нужна такая толпа, хватило бы нескольких сотен священников.

— А кто собирался избирать папу? — в глазах Портоса сверкнули злобные искры.— Насколько я понимаю, епископа Андре волновали гораздо более приземленные и благородные цели. Я хочу сказать, что ваши земляки,— трактирщик кивнул Станиславу,— действительно собирались отбить святой престол у язычников и выбрать божьего наместника. Но Андре смотрел и смотрит на дело иначе. Он и сам был бы не против стать наместником и кем-то вроде бога на Земле. Он отправил Жмыховича в самый центр Желтых болот. Там, конечно, есть тропы, и я нисколько не сомневаюсь, что монахи сумели бы обойти опасность. Более того, я не сомневаюсь, что в поисках лучшей доли к кардиналу присоединились бы крестьяне из Северной сьерры. Там очень непросто жить, знаете ли. Еще тяжелее, чем здесь.

Но монахи привыкли ходить по трое, а не вести за собой тысячную армию. Бумажники предлагали помощь, но епископ Андре сказал кардиналу, что нам нет доверия. Караван простоял две недели, многие заболели от воды, затем сменился ветер. Дым от горящего города понесло в сторону лагеря, и кардинал решил выступать на Мадрид. По крайней мере, мне так донесли. Он предположил, что наберет там новых солдат, и тогда будет проще разговаривать с местными властями. Они ушли. Судьба этой кампании меня больше не интересует.

Портос тяжелой ладонью прихлопнул по столу, давая понять, что тема исчерпана. Но оставалось еще кое-что, о чем не забыл Коваль.

— Вы сказали, что можете нам помочь. Назовите цену. Я так понял, что деньги здесь не ходят, но у нас есть оружие, лекарства...

— Я не отказываюсь от своих слов,— заявил трактирщик.— Если святой отец хочет найти остатки посольства или их могилы, вы должны сделать две вещи. Для начала, надо помочь избрать новых Каменных когтей, таких, чтобы их слушались все кланы и чтобы песня гробниц продолжала звучать.

— А второе? — спросил Коваль, словно студент, прилежно заносящий в конспект слова профессора.

Портос не показал, что удивлен столь легким согласием.

— Есть два человека из нашей общины, которые три года назад ушли с кардиналом в Испанию. Позже они вернулись; их возвращение иначе, как чудом, не назовешь.— Портос помедлил.— Они бросили общину не только из-за родственников... Это долгая история: споры с родителями, любовь... Главное другое. Их действительно увлекла эта затея. Они поверили, как поверили многие в городе, что если наместник бога сядет на святой престол, небеса простят человечество, и вернется рай. Чтобы уйти с поляками, они вышли из нашей общины и поклонились кресту.

— Эти люди живы?

— Пока да,— предводитель Бумажников смотрел на Артура так, словно взвешивал, стоит ли доверить ему решающий пенальти в офтайме.— Поскольку в свое время брат и сестра покинули нашу общину сознательно, вернувшись, они поселились за кладбищами. Святоши Парижа все равно не признали их своими. Здесь не так много народу, чтобы спрятаться...

Коваль начал понимать, куда клонит бородатый контрабандист.

— Их обвинили в колдовстве неделю назад, когда умерли их соседи. Видимо, кого-то заело, что оба живы. И кстати, была жива скотина, которую кому-то захотелось прибрать к рукам. Во время проповеди у дворца Бурбонов кто-то выкрикнул в толпе, что нашу бывшую сестру видели ночью в крови. На кладбище. Именно то, о чем вы упомянули... насчет младенцев.

— Они оба выжили, потому что мылись и пили кипяченую воду,— сказал Коваль.

— Они выжили потому, что их хранил тот, кто хранит всех нас,— очень серьезно произнес Портос.— Поймите правильно. Мне не должно быть дела до отщепенцев, предавших веру и собственных родителей. Но иногда я думаю, что обоих ослепила юность. Когда они поклонились кресту, брату было семнадцать, а сестре — девятнадцать лет...

Возможно, их казнят завтра или послезавтра, если к тому времени не заразят чумой прямо в тюрьме. Кроме вас, вытащить их некому. Сумеете справиться с жандармами — они оба ваши. Насколько я слышал, дети дошли с посольством до сьерры, так что разговорить их имеет смысл.

— Разве вы не можете их вызволить? — набросился на Портоса ксендз.— У вас есть люди и оружие. Переведи ему,— повернулся Станислав к пивовару,— переведи, что я один. Эти люди добыли в гробницах что хотели и больше не станут рисковать...

— Мои люди тоже не станут рисковать,— холодно произнес трактирщик.— Если мы ринемся спасать преступников, это немедленно станет известно, и общину сожгут ближайшей ночью.

— То есть, вы снова пострадаете?

— Да, но на сей раз дело не ограничится дракой и поджогами. Они придут с ножами, как это было раньше...

Трактирщик прикусил язык, но Артур уже понял, что имелось в виду. Рано или поздно они всегда приходят с ножами и факелами...

— Хорошо,— сказал Коваль.— Допустим, мы нападем на тюрьму. Но нам нужен проводник, мы ведь не знаем, кого искать.

Станислав удивленно переводил взгляд с одного на другого. Он никак не мог поверить, что русский губернатор собирается влезть ради него в очередную аферу.

— Только после того, как я поверю, что песня гробниц не прервется,— холодно парировал Портос.

— Это самое легкое,— улыбнулся Артур.

Он велел Клаусу остаться, а остальным идти вместе с Карапузом заводить мотор. На самом деле, ему необходимо было избавиться от Станислава. Поляк это понял и вышел, как всегда, надутый.

По мере того, как губернатор излагал свой план, Бумажник все хуже справлялся с беспокойством. Он вскакивал и бродил по каюте, сотрясая палубу ударами подкованных сапожищ. Он трогал занавески, беспричинно выглядывал наружу и снова мерил комнату шагами. Коваль его прекрасно понимал: этому человеку предлагалось поставить на карту слишком многое. Но другой такой возможности, убеждал Артур, может еще сто лет не представится. Да, это не совсем честно, а вернее сказать, совсем нечестно, но едва ли об этом кто-нибудь узнает, а если и узнает, большой беды не будет.

С другой стороны, всем огромнейшая польза. Если Когтей прищучить, то германским караванам в лесу откроется зеленый свет, а с мелкими бандами управиться станет несложно. Пивовары будут ходить через леса беспошлинно. Когти перестанут грызться между собой, поскольку у них теперь будут не несколько Каменных мудрецов, а полное единоначалие. И для города польза. Набеги будут контролироваться. А уж как внушить дикарям культуру и привить вкус к честной торговле, тут Бумажников учить не нужно...

— Мне надо посоветоваться,— рассеянно обронил трактирщик, но Коваль уже видел, что грандиозная перспектива захватила Портоса.— Можно вопрос?

Бумажник вдруг застеснялся, словно говорил с врачом о ночных фантазиях...

До уха Артура донеслось знакомое тарахтенье дизеля. Завели ведь, черти, с восхищением подумал он. Вокруг пашут на коровах, ночуют в канализации, а тут такие самородки...

— Вопрос в обмен на вопрос,— предложил Артур.

— Хорошо. Вы не сказали главного. В Хрустальных гробах были живые демоны или нет?

Артур переглянулся с Клаусом. Врать не имело смысла.

— Завтра на рассвете,— пообещал он.— Как договорились, я вам все покажу и расскажу, и даже дам попробовать. Если они живы, вы сами пожмете им руки.

Он заметил, как трактирщик непроизвольно отряхнул ладонь.

— Теперь мой вопрос,— улыбнулся Артур.— Ваше настоящее имя ведь звучит иначе?

— С чего вы взяли?

— Эту книгу я читал в детстве.

— А я вот так и не прочел,— виновато улыбнулся Бумажник.— Так предложил мой отец. Это он основал трактир. Он считал, что я чем-то похож на героя со шпагой и мушкетом. Нас было пятеро у отца. Три сына и две дочери. Теперь остались двое: я и Атос... — Бумажник заметно помрачнел.— Настоящие имена вам знать ни к чему.

Когда Артур уже спускался по сходням, в иллюминатор высунулась носатая физиономия:

— Если вы читали книжку, скажите, чем закончились беды для моего героя? Он погиб?

— О, нет,— утешил Коваль.— Насколько я помню, он растолстел, женился на богатой вдове и стрелял уток в собственном имении.

От хохота великана дернулись лошади, мирно жевавшие сено у коновязи.

— Ну надо же! — неслось вслед.— Растолстел! Богатая вдова! Чтоб всем моим врагам так жить, как я толстею!..

Глава шестнадцатая

Мертвые простят живых

Из тех, кто проснулся, выжили двое. Моника Арро, двадцать девять лет, Сорбонна, биохимик, диссертация и ряд статей по обмену веществ в условиях холода, разработки прикладного, чисто медицинского направления. Ознакомившись с ее послужным списком, Коваль чуть не запрыгал от радостного возбуждения. Великим счастьем было то, что женщина не досталась всяким карамазам и прочим неприятным личностям. Губернатор уже ворошил в голове карты районов Петербурга, подыскивая подходящее помещение под новый институт.

От небрежных рассказов Моники захватывало дух. До прихода в институт, мадемуазель Арро успела поработать в фармации и вполне представляла себе основы синтеза антибиоти-

ков и гормональных препаратов. На вопросы Артура, касающиеся производства лекарств, она отвечала, что при наличии необходимой литературы и оборудования возможно все. А потом скромно сообщила губернатору, что и производство взрывчатки — не проблема... Теперь на Артура наваливалась новая забота: перелопатить по возвращении в Питер архивы библиотек и озадачить мастеровых...

Вторым был Орландо, который позабыл в капсуле даже собственную фамилию, не говоря уж о профессии и происхождении. Поначалу он мог только икать и морщил лоб, не в силах припомнить, где получал образование, но к вечеру немного отошел и начал изъясняться внятно. Выяснилось, что его отец итальянец, а сам он сносно говорит на английском, имеет докторскую степень и страдает миопией. Артур пообещал Орландо справить очки в Петербурге и просто возликовал, когда узнал его специальность. Впервые за долгие годы город получал в свое распоряжение настоящего инженера-электромеханика, а не самоучек, путавшихся в словах древних книг. Впервые забрезжила надежда восстановить холодильные камеры, перевести на электротягу подземку, и, чем черт не шутит, вернуть в эксплуатацию трамваи...

Оба проснувшихся были в шоке. И самым страшным для них оказалась болезненная смерть товарища. Впоследствии, проверяя злополучную капсулу вместе с Моникой, Коваль убедился, что его вины в трагедии не было. У парня из первой капсулы началась необратимая кристаллизация крови, слишком быстро упало давление. И выжить он мог только, если бы рядом дежурила бригада реаниматоров.

Мама Рона весь день провела в обнимку с девушкой, баюкала ее, нашептывая тот десяток ласковых французских слов, что успела выучить за время пути. Взъерошенный, необычайно грязный Свирский прыгал, как раненый воробей, от одного Проснувшегося к другому и пугал их своей грамматикой.

В отличие от незабвенных супругов Дробиченко, которых Артур вернул к жизни в Москве, эти двое были людьми совершенно иной формации. Французы потянулись к Артуру, как новорожденные цыплята к наседке, и совсем не собирались оставаться на родине. Особенно после того, как вышли наружу...

Артур предупреждал их, что наверху они увидят руины, мутировавшую растительность и трупы Железных птиц. Он попытался описать это в самых ярких тонах и познакомил Проснувшихся со своей командой, предупредив Карапуза, чтобы тот не вздумал щипать или нюхать новую спутницу. Потом он показал ученым Лапочку. При виде тигра зеленые глаза Моники распахнулись так широко, словно решили выкатиться наружу.

Когда французов вывели на поверхность, Монику все равно стошнило, а Орландо от неожиданности даже икать перестал. Артур только порадовался, что по слепоте своей итальянец не увидел гору человеческих черепов.

«Им еще все это предстоит,— сквозь дрему думал Коваль у костра.— Им предстоит не сломаться, не сойти с ума, предстоит найти себя среди людей, а главное — уразуметь, что люди не стали ни лучше, ни хуже. И если они не сдадутся, им будет поручено столько дел, что хватит на десятилетия...»

С этой мыслью губернатор заснул, а очнулся, когда Христофор потрогал его за плечо. Над дубовыми истуканами догорали последние звезды. Красный лес шумел, как океанский прибой; с запада, оттуда, где красный цвет сменялся зеленью, ветер доносил отходную молитву волков по усопшим. Серые хищники издалека чуяли нетронутую мертвечину и угадывали временное поражение летучего соперника...

Моника и Орландо спали под грудой одеял. Парень постанывал, скрипел зубами; девушка часто просыпалась и от болей в животе не могла разогнуться. Свирский заваривал в котелке бодрящий травяной чай. Даляр уже проснулся и чистил пулемет. Карапуз ожесточенно скреб подбородок тупой бритвой. Мама Рона латала ему разорванный кафтан. Христофор, уставившись в огонь, отрешенно жевал сухофрукты. Борк со старшим сыном тихонько судачили, справится ли Бумажник Портос с поставленной задачей, и какие выгоды это принесет пивоварам.

— Я благодарен тебе, пан Кузнец,— к Артуру подсел поляк.— Я благодарен вам всем. Я знал многих, кто пытался найти Великое посольство, но все они потерпели неудачу.

— Мы тоже пока никого не нашли,— Артур подкинул дров в костер.— Мы не нашли, и, возможно, ты не найдешь.

— Я мог бы отправиться к генералу или к его преосвященству и попросить о разговоре с этими, детьми,— не очень уверенно заявил Станислав.

— Иди,— разрешил Коваль.— Только дай нам сначала уехать. Я не хочу видеть, как тебе отрубят башку.

— Нет... Ты прав, мне никто не ответит,— понурился поляк.— Я пойду с вами. Но что вы будете делать дальше?

— Это комплимент? — усмехнулся Коваль.— Намекаешь на то, что взять тюрьму в чужом городе, для нас — что орех расколоть, да? Но мы же не спецназ, мы всего лишь этнографы...

Станислав захлопал глазами, переваривая незнакомые слова.

— Лучше думай, что будешь ты делать дальше. С нами все ясно: дай бог, чтобы не заглох железный конь, и поскорее до Кшиштофа добраться.

— Ты не хочешь вернуть своих коней?

— Не хочу. Вообще не хочу больше драться... Сегодняшнего утра это не касается. Мы доведем забаву до конца. Считай, что это последняя часть нашего контракта. Если те двое ведьмаков, которых ждет костер, ничего не знают, я умываю руки.

— А если они что-то знают?

— В любом случае мы отчаливаем. Если хочешь, у меня осталось верхнее, боковое, у туалета. Не устраивает — оставайся тут.

— Не обижайся на меня, пан Кузнец,— неожиданно робко заговорил ксендз.— Я только хотел попросить совета, как мне поступить. Ведь на моих глазах свершилось великое чудо...

— Чего енто с ним? — к костру подошел сонный Карапуз.— Эка его мнет, бедолагу, аж с лица спал!

— Ты о каком чуде толкуешь, мил человек? — спросил полковник.

— Как это? — Станислав обескуражено обвел глазами собеседников.— Пан Кузнец разбудил могучих книжников, чтобы те принесли нам светлое знание... Неужели они ничем не помогут мне, пан Кузнец? Неужели они не знают, как спасти святой престол?

— Только этого мне не хватало,— скривился Артур.— Это люди, обычные люди, они ничем тебе не помогут.

— Тогда я не понимаю! — окончательно растерялся ксендз.— Ты идешь на смерть и хоронишь лучших воинов ради книжников?

— Выходит, что так.

— Извини, пан губернатор, но это неразумно. Нет, это просто безумие, или ты смеешься надо мной! Оплакивать одних, чтобы воскресли другие?!

— Я сам об этом все время думаю,— признался Артур.— Почему мы жертвуем одними близкими ради других? Я думаю, вот почему. Семен и Лю простили бы меня за такие слова. Они были смелые и добрые ребята, возможно, гораздо лучше нас с тобой. Но они не могли превзойти самих себя, понимаешь? А ученые, которые спали в гробницах... Очень может быть, что они спасут жизни сотен наших детей или помогут запустить электростанцию.

Ксендз надолго замолчал, обдумывая последние слова. Он искал подвох и не находил его. Артуру даже стало его немножко жалко; у поляка словно отобрали детскую мечту.

— Я не знаю, что такое электро...станция,— угрюмо произнес святоша,— но я всегда полагал, что господь помогает тем, кто искренне предан ему. Иначе он бы не спас горстку преданных в страшные годы Большой смерти. Я пошел с вами, потому что глубоко уважаю Хранителя Кшиштофа. Этот человек, хоть и не носит Крест, в душе честен и справедлив. И он сказал мне, что я могу доверять тебе. Но ты взял на себя тяжкую ношу, пан губернатор.

— Я несу ее давно. Не беспокойся, пан Станислав, я знаю, что ты хочешь сказать,— тихонько засмеялся Артур.— Гордыня пытается меня обуять, непрерывно пытается. Но у нее ничего не выходит: я слишком сгорблен под своей ношей...

Ксендз еле заметно покраснел.

— Если ты не рассчитываешь на их тайное волшебство, как же ты собираешься воевать в одиночку против целой армии? Я бывал тут и даже дрался с жандармами. Это совсем не глупые Когти, у жандармов есть ружья и пистолеты, а еще собаки...

— Слышь, братка, ну не зря ты в попы пошел! — не выдержал чингис.— Ты что, взад нас отговаривать решил?

Артур нахмурился. Ему совсем не хотелось принародно обсуждать планы сепаратных сделок с Бумажниками. В случае

успеха, русская дипломатия неожиданно приобретала вес в самом центре Мертвых земель... с совершенно непредсказуемыми последствиями.

— Пойдем-ка, лучше, пан Станислав, расскажу тебе сказку под названием «земля-воздух». Слышал о таких игрушках?

— Командир, а может, я? — почти жалобно проблеял Карапуз. Ему никогда еще не удавалось пострелять настоящими ракетами.

— Нет, капитан, ты ее понесешь.

Коваль демонстрировал поляку особенности древней военной техники, а сам думал о Христофоре, который никогда не говорил лишнего и никогда не ошибался.

Им предстояли еще одни похороны.

Глава семнадцатая

Наследники зорро

Выступили задолго до рассвета. Благодаря Борку, поймавшему лошадь, удалось избавиться от самой тяжелой поклажи. Бронетранспортер наделал много шума, так что и думать было нечего опять переться на нем в столицу. Наверняка, город все еще мусолил вчерашнюю стрельбу.

Шли молча. Впереди Клаус, как самый зоркий, за ним Станислав и Артур с Христофором. Карапуз плелся замыкающим. Впервые за долгие недели похода губернатору пришлось выдержать дисциплинарную баталию. Сначала Даляр не пожелал оставаться в лагере. Затем Борк заявил, что пойдет на штурм тюрьмы вместе с сыном. Ковалю еле-еле удалось убедить старшего пивовара, что в случае неудачи лишь он один сможет вывести Проснувшихся к песчаной стене, поскольку Фердинанд еще не оправился после контузии.

Отдельную проблему представлял Христофор. В качестве боевой единицы толку от него было мало, но отказать сыну Красной луны у губернатора язык не повернулся. За невнятными предсказаниями колдуна Артур чувствовал нечто важное, определенно касающееся всего отряда. Брала верх выра-

ботанная годами привычка доверять неуловимым приметам. Неясное слово, изменившийся цвет облаков, рябь на воде — все играло роль в мире, где равновесие оставалось болезненно хрупким.

Они могли вернуться, но упрямо шли вперед. Древняя столица Европы ждала свою жертву.

Передвигались походным шагом, почти не скрываясь, но нападать никто и не собирался. Несколько раз Клаус замирал, подняв руку, Митя хватался за секиру, но все обходилось. Кто-то пересекал отряду дорогу и растворялся в развалинах. Стайка ночных зверей попыталась однажды преследовать боевиков; лошадка занервничала, чуя хищников. Артуру пришлось остановиться и зарычать. Стая мгновенно отвязалась, и никто так и не узнал, собаки это были, волки или кто-то другой...

Когда впереди заискрили первые костры предместий, луна уже добралась до вершины и катилась вниз по протоптанной молочной борозде. Из кустов негромко свистнули, и на бульвар шагнули две тени. Жильбер, курьер трактирщика, словно созданный для тайных делишек (Коваль узнал его по кудрявой голове), и Мендель, один из невыездных жителей шхуны. Карлик был одет как дирижер симфонического оркестра; во мраке поблескивали латунные пуговки его обрезанного фрака.

— Пошли,— сказал карлик и провалился под землю.

Следующий час пробирались в колонну по одному. Казалось, что гном кружит нарочно, выбирая самые гнусные трущобы. Из-под ног с писком разбегались крысы. С просевших, покосившихся арок капала за шиворот вода. Пока потоки грязи не забили жерло трубы, шли по канализации; затем выбрались наружу, в тылу патрулей. Жильбер посадил Менделя на плечи. Карлик цепко сжимал в волосатой ручонке крошечный арбалет, а второй указывал дорогу. Дважды бегом пересекали открытое пространство. Крались под мостами, по колено в стоячей, насыщенной гнилью, почти горячей воде. Каждый вздох отдавался под сводами гулким, многократным эхом. По команде малыша перешли вброд реку. На мостах и на противоположном берегу прогуливались ночные сторожа с собаками...

— Здесь,— Мендель дыхнул чесночной отрыжкой, в туманном свете луны показались пеньки гнилых зубов. Жильбер присел, опуская карлика на землю.

Это была не земля, а узкий каменный парапет под сводом скользкой опоры моста. А выше парапета Коваль скорее почувствовал, чем увидел пустоту. Мрак тут стоял кромешный, воняло так, что дышать можно было только ртом. Под толстой подушкой мха зияла неровная, заросшая водорослями дыра вентиляционного колодца. Края трубы осыпались, из щелей торчали ржавые прутья решетки, изнутри тянуло затхлым запахом подземелий. Артур напрягал зрение, но не видел ничего, кроме прогнувшихся крюков со свисающими пучками кабеля.

— Держаться правой стены,— прошептал карлик.— Свет не зажигать. Будет темно, пока не попадете в разлом. Там светлее, а под ногами бесконечные железные бревна, это называлось метро. Пойдете на юг по правому ряду бревен. Факелы не зажигайте: наверху полно дыр, и вас могут заметить. Упретесь в машину с железными колесами, она ездила по бревнам. Там поднимитесь наверх. На стене должно быть написано «Станция „Верейа"», ты поймешь,— Мендель кивнул Клаусу.— Как выйдете, наверху будет стража, ее придется зарезать, а иначе не пройти. Я бы прошел, Жильбер бы прошел. Вы не пройдете.

— А дальше?

— Ищите Западный вход в Собор Инвалидов, туда генерал привозит воров и ведьм. Тех, кого вы ищете, зовут Огюст и Ева.

— Насколько я помню, там раньше был музей старинных доспехов? — спросил Коваль.

— Там стоят пушки,— кивнул Жильбер.— А на стенах всякие надписи про войны, которые были в древности. Еще там есть смешные игрушки для детей. Все, как настоящее, только очень маленькое.

— Сколько там людей?

— Сотни три примерно ночует в Южном крыле. Это «долговые» люди, и жандармы. Но сейчас большинство налоги по деревням собирает.

— Что такое «долговые»?

— Крестьяне, которые не расплатились с церковью или генералом, нанимаются драться с Когтями за харчи.

— Вам пора,— озабоченно сказал карлик.— Портос обещал вам лошадей, мы будем ждать возле аэропорта.

— Там, где лежат машины с крыльями,— уточнил Жильбер.

— Мы уйдем, когда солнце коснется крыши собора,— обнадежил Мендель.

— И никому не скажем, что видели вас.

— И уведем лошадей.

— Мне тоже было приятно познакомиться,— поклонился губернатор и первым нырнул в дыру.

В метро они немного заблудились, вылезли наверх через другую станцию. Но громаду Дома Инвалидов невозможно было спутать ни с чем. Дисциплина стражи оставляла желать лучшего. Карапузу даже не пришлось никого убивать, он подставил плечо и по одному протолкнул «десантников» в разбитое окно. В темных, закопченных анфиладах пахло сырым деревом и мышами, но в привычную атмосферу заброшенного музея вторгалась тяжелая вонь паленой плоти. Потолкавшись в коридорах среди крошева витрин и обрывков штандартов, войско Коваля выбралось к окнам внутреннего двора. И сразу же стало ясно, почему западный вход не охраняется. Только любители мертвечины могли составить компанию сотням воронов на месте казней.

После короткого совещания Артур и Клаус, уже не опасаясь тревоги, поднялись этажом выше. Остальные бесшумно разбежались в ожидании приказа.

Посредине квадратного плаца дожидались своих жертв эшафот и три столба. Ковалю казалось, что запах аутодафе навсегда пропитал творение французских зодчих. Теперь стало заметно, что комплекс пострадал гораздо сильнее, чем казалось вначале. Купол собора отсутствовал, оставшаяся часть походила на гигантский сломанный клык. Большая часть галерей Южного крыла обрушилась, сквозь проломы музейных окон виднелись шатры и слабые огоньки костров. Видимо, церковное начальство, несмотря на множество свободных помещений, не пропускало крестьян на постой.

Теперь, когда рассвет окончательно вступил в права, Артур позволил себе прилечь спиной к окну и осмотреть парадные покои французской истории. Смотреть было почти не на что. Под потолком, вдоль барельефов с батальными сценами, висе-

ли огрызки вымпелов, принадлежавших славным полкам империи. От роскошных паркетов осталось несколько щепок по углам. Лишившиеся рам холсты догнивали возле крысиных нор. Под ногами хрустел крысиный помет, в углах гроздьями висели ласточкины гнезда.

Снаружи донесся дробный цокот и пьяные смешки; конный патруль объезжал территорию. По крышам разгуливали часовые. Коваль насчитал четверых, и еще как минимум двое, находились где-то выше. В тюремном подвале, по словам Жильбера должны были сторожить собаки, а часовые имели инструкцию стрелять при малейшем намеке на вторжение. Поскольку воры не раз пытались выручить товарищей, была придумана оригинальная схема защиты. В случае опасности тюрьму перекрывали решеткой и затапливали...

Так что разумнее было подождать.

Со вторым криком петухов двор начал заполняться людьми. Десятка три молодых парней, в плисовых штанах и кожаных, шнурованных безрукавках, оцепили помост перед внутренними воротами. Огнестрельного оружия у них не имелось, но алебарды и сабли выглядели устрашающе. Другая партия жандармов катила пучки толстых, заостренных кольев, похожих на противотанковые ежи. Их вбили в землю широким полукругом и растянули между ними колючую проволоку, окончательно отделив лобное место от зрителей.

Зрители появились скоро: нужно было успеть занять самые выгодные места возле сцены. Грохоча лысой резиной, во двор, один за другим, вкатывались экипажи. На козлах сидели усатые дядьки в шляпах с перьями, но босиком. Из окон карет, с важным видом, выглядывали женщины, спрятавшие волосы под самыми диковинными головными уборами. Кто-то повязал лоб платком, кто-то носил чепчик, но встречались и дамы в мужских беретах.

Многие посетители проникали во двор не через ворота, а сквозь две колоссальные пробоины. Половина южного крыла давно превратилась в гору обломков. Прямо на собор когда-то свалился самолет и снес треть дворцового комплекса. Останки хвостовой части до сих пор торчали над землей...

Артур все острее ощущал себя попавшим в эпоху ранних Бурбонов; очевидно, на площадь, оттеснив простой люд, съез-

жалась местная аристократия. Первой каретой был строительный вагончик, довольно искусно разрисованный оскалившимися львами. Следом вкатилась платформа от тягача с привязанным сверху трейлером. На крыше трейлера, жеманно обмахиваясь платками, восседали две девицы, наряды которых придавали им отчетливое сходство со светофорами. Третьим показался прогнивший, но ловко залатанный «геленваген» на колесах от грузовика. Еще одна пара коней, надрываясь, тащила за собой кабину полуприцепа «рено». Глава семейства держал вожжи прямо сквозь раму лобового стекла, его супруга величественно сидела рядом, а на платформе, в креслах, попивали утренний кофе еще четверо благородных дам.

Артур чуть не забыл, зачем пришел, настолько интересно оказалось следить за проявлениями возрождающегося снобизма.

Пропустив кареты, во двор въехали всадники на лошадях и ослах, а за ними хлынула толпа оборванцев. До этого момента у Артура еще теплилась мысль, что простолюдинов на такие спектакли загоняют насильно...

Реальность оказалась потрясающе далека от иллюзий. Сотни и тысячи горожан со всех сторон обтекали площадку, обозначенную цепью часовых, норовили забраться повыше, расставляли принесенные с собой скамейки. Десятки пацанов карабкались по карнизам на второй этаж. Артур уже начал бояться, что и к ним в окно кто-нибудь запрыгнет. Поток людей через западные ворота не прекращался. Легкий шелест разговоров постепенно перешел в неумолчный гул, и вот уже стало казаться, что сам воздух дрожит от безостановочного рева тысяч глоток. Внизу ругались и целовались, дрались и играли в кости, в окулярах бинокля выплывали то перекошенные разбойничьи рожи, то миловидные румяные личики девушек.

Внизу топталась и шумела возбужденная масса. Очень скоро должен был появиться тот, кто дергает здесь за ниточки. Брызгая слюной и обличая, он заставит людей раскачиваться в едином порыве, пока люди не исчезнут, и не останется один страшный зверь, ищущий жертву...

— Идиоты,— сказал Коваль.— Странно, что при такой скученности они еще не передохли. Впрочем, у нас не намного лучше...

Он замолк, вспомнив три большие эпидемии, которые городу пришлось пережить уже во время его правления. И ничто: ни заставы на дорогах, ни карантины — не могло остановить болезнь, пока заразу не убивала зима. И никакими увещеваниями нельзя было заставить жителей правого берега Невы не пить воду оттуда, где купают лошадей...

На помосте появились мальчишки в сутанах. Одни держали скатанный ковер, другие растягивали подпорки балдахина. Пока служки оформляли место для иерарха, открылись ворота в северной части, и «из-за кулис» к столбам подкатилась телега, доверху груженная хворостом. По толпе прошел возбужденный, радостный шумок, от которого Артура слегка передернуло. Пейзане убедились, что сегодня утром предстоит развлечение, кого-то заживо сожгут, а это гораздо интереснее виселицы и топора.

— Мы у себя, на севере, ничем не лучше,— повторял себе губернатор, обшаривая биноклем сотни голов.— У нас так же веселятся при виде чужого горя и общественных наказаний ждут, как праздника. А стоит мне заикнуться, что негоже раздувать инстинкты, как обрушиваются со всех сторон: и книжники, и собор, и гвардия. Все считают, что чем нагляднее для народа, тем лучше...

— Смотрите, это генерал,— толкнул Коваля в бок пивовар.

— Неплохо смотрится,— одобрил Коваль.— И сам большой, и конь красивый, только с рожей что-то не в порядке.

— Говорят, его в детстве порвала Железная птица, но мальчик сумел от нее отбиться ножом. Мне не достать его из обреза, герр Кузнец, слишком далеко...

— Боже тебя упаси,— подпрыгнул Коваль.— Мы договорились боевых действий не затевать. Кроме того, я обещал Портосу, что не буду убивать местное начальство. Одних прикончишь, придут другие, еще более голодные и злые. Жди сигнала и думай о том, как будем ноги уносить!

Внезапно первые ряды зашевелились, подтягиваясь поближе. Под овации толпы, на помосте возник полный, обрюзгший человек в нарочито грубом одеянии. На фоне мешковины, изображающей мантию, ярким пятном вспыхивал на солнце золотой крест. За спиной епископа двое юношей в капюшонах установили двухметровое распятие и подняли белый тент.

Легкий ветерок шевелил истлевшее золото бахромы и тяжелые, волочащиеся по доскам помоста, кисти.

— Что он говорит? — Артур грудью навалился на скрипучий подоконник, чтобы увидеть, что происходит внизу. А внизу, на травке, расположились десятки припоздавших семейств. Не особенно прислушиваясь к проповеди, они балагурили, передавали друг другу бутылки и куски копченого мяса. Некоторые, тут же, среди пасущихся лошадей, развалились спать. Все ждали, когда начнется самое интересное.

— Епископ Андре говорит, что господь послал нам тяжкие испытания и болезни, чтобы проверить веру. Так было раньше, и так будет впредь. Не каждому будет дарована жизнь, но лишь тем, кто внемлет гласу небесному и поступает так, как того требует законы, установленные властью... Так, это не понимаю... Он говорит, что ему было предзнаменование. Чума закончится, и Железные птицы покинут город, если мы сумеем изгнать из своих сердец злые мысли, а из города изгнать бесов, притворяющихся людьми... Тогда наступит общее покаяние.

В передних рядах, не видимых из-за стоящих вплотную повозок, начали всхлипывать женщины. Его преосвященство умел быть убедительным.

— Он говорит, что всякий, в эти тяжкие дни, должен покаяться и внести свою лепту в укрепление власти божеской и земной. Он благословляет храбрых жандармов генерала Аваля, с честью держащих на своих плечах все заботы о безопасности нашей прекрасной столицы...

В эту секунду снизу раздался шум драки. С риском быть замеченным, Коваль еще раз заглянул вниз. Двое молодцев в безрукавках и одинаковых шапочках с околышами, пинками поднимали уснувших крестьян и заставляли их идти к помосту. Забытые в сутолоке дети черпали ладошками воду из лужи и жадно пили.

Артур перевел бинокль на северные ворота. Из темного зева подвала, жандармы выволокли троих мужчин, со связанными руками и мешками на головах. Все трое за шеи были связаны между собой другой веревкой.

— А вдруг это они? — разволновался Клаус.

— Не они. Ведьмаков жечь положено, а у них и костры-то не готовы,— уверенно заявил Коваль, и тут же, чуть не поперх-

нулся, когда стражники стянули мешок с головы крайнего арестанта. Это оказалась женщина, но не та, которую они искали. Преступнице на вид можно было дать лет сорок, длинные спутанные космы закрывали кровоподтеки под обоими глазами, губа была тоже разбита.

Жандармы втащили арестантов на помост, в стороне от ковра, освободили их от мешков и поставили на колени. Епископ продолжал говорить, его поставленный, оперный баритон окреп, поднимался все выше над притихшей площадью. В первых рядах уже не всхлипывали, а плакали, зажимая рты руками. Артур видел, как забилась старуха в руках у молодых родственников. Потом, левее, без сил упала девушка, сдавленная толпой. Солнечные лучи падали все отвеснее, казалось, что от людской массы поднимается жаркая волна. Запах вчерашних мертвецов перебился ароматами конского пота, кислого вина и множества, давно не мытых, человеческих тел. В гуще толпы начиналось медленное брожение, словно пустила первые пузыри закваска гнева, брошенная рукой соборника.

— ...Тереза и Антуан, жили подаянием... но вели себя как благочестивые прихожане, пока дьявол не соблазнил их... Антуан подбил брата на мерзкое дело... Ах, спаси нас, Лютер!

— Да что они натворили, в конце-то концов? — Коваль шарил биноклем по ряду окон в противоположном, восточном крыле, отыскивая Станислава. Там было намного оживленнее, отовсюду высовывались головы любопытных, даже на крыше, среди зияющих прорех, сидели группками вояки и завороженно слушали пастыря.

— Он говорит, герр Кузнец, что эти трое спутались с разбойниками-уродами из Нанси, проиграли им в карты свое слово и собирались идти с разбойничьим караваном.

— Разве караван может быть разбойничьим? — ксендза Коваль так и не нашел, но это лишь означало, что тот ловко спрятался. Зато нашелся Карапуз, невозмутимо сидевший на коньке крыши, там, где минуту назад несли вахту двое часовых.

— Я не слишком понимаю, герр Кузнец,— повинился пивовар,— но, по-моему, речь идет о том, что Бумажники ведут дела с уродами, а епископ это давно запретил. Я слышал от отца, что весь вред от уродов состоит в том, что они не платят пошлин генералу. А тех, кто соглашается платить, уродами и раз-

бойниками уже не называют. Их называют братьями, преданными друзьями, и позволяют торговать на площади перед Лувром. Только с такими купцами мало кто меняется, потому что после уплаты каждой четвертины у них все становится слишком дорого. Остальных, кто платит десятину за торговлю Просперу, тех обзывают разбойниками.

Эти трое несчастных проигрались в карты в одном из трактиров Бумажников. Сначала они проиграли скот, затем пожитки, семена, и, наконец, свое слово. Тогда они, вместо того, чтобы отработать у разбойников, побежали жаловаться жандармам. Но сначала, они, как бы, согласились, и парни из Нанси провели их за город, где прятался караван.

Эти трое выдали жандармам караван, разбойникам удалось скрыться, но часть скота люди генерала отбили. В результате Тереза и ее дружок, вместе с братом, сами угодили в тюрьму, потому что указали на своих проигранных коров. Они попались из-за собственной жадности, потому что на коровах стояло клеймо монастыря.

— То есть ребятки сами их украли, еще раньше? — в тишине, прерываемой лишь выкриками епископа, Коваль отчетливо услышал далекий гул. Пока еще очень слабый, но отсюда и не должно быть слышно сильнее. Гул означал, что старина Борк открутил синий кран.

— Точно, сами и украли,— усмехнулся Клаус,— но не заметили клейма.

— Думаешь, их казнят?

— Монсеньер Андре спрашивает прихожан, как же ему поступить с теми, кто покусился на имущество монастырской братии. Он спрашивает, что уготовано на том свете псам, трижды пренебрегшим милостями отца нашего. Они замахнулись на скромное имущество братьев, кто днем и ночью молил у всевышнего в их защиту. Кстати, герр Кузнец, мой отец говорит, что монастырь богаче всех горожан, вместе взятых, потому что после казни каждого отлученного им отходит все имущество.

— Я даже не сомневаюсь! — Артур подтащил мешок и начал бережно выкладывать на пол содержимое. Внизу забеспокоились лошади. Скоро и люди почувствуют неладное, просто все слишком увлечены...

— Теперь епископ кричит, что среди честных прихожан развелось много иноверцев, которые обманом втягивают братьев и сестер в свои подлые делишки. Эти три заблудшие души, что стоят сейчас перед нами, они должны были угнать в Нанси лучшую скотину, а что получили бы наши раздетые и разутые детки взамен? Кто разбогател бы, как всегда, за счет нашего кровавого пота? Кто захватывает наши лучшие земли, кто разоряет соседей и наводит порчу на нашу скотину?!

Тысячи людей внизу уже не молчали. Головы наклонялись друг к другу, перешептывались, послышались отдельные выкрики. Затем в троицу, стоящую на коленях под виселицей, полетели гнилые овощи.

— И третье преступление состоит в том, что негодяи, даже после того, как им стало стыдно, и они сами изобличили разбойников, все же пытались отвертеться от праведного суда и получить назад ворованное имущество...

Ни Артур, ни Клаус так и не узнали, какой приговор ждал воров, потому что в эту секунду часовые на колокольнях собора ударили в набат. Им немедленно ответили звоном другие церкви, над крышами поднялись тучи ворон, и людская масса пришла в неистовое движение.

Над городом заметили Железных птиц.

Коваль немножко опасался, что после трепки, которую получили мутанты в развалинах, они не придут на зов, но голод, видимо, оказался сильнее благоразумия.

Люди стремительно разбегались, в центре началась давка, кто-то орал дурным голосом. Стоявшие крайними полезли в окна первых этажей, но в северном и восточном крыле проемы были заколочены. Но приученные к налетам горожане оказались хитрее, чем ожидал губернатор. В дальнем углу двора, за коновязью, вдруг обнаружились широкие железные щиты. Жандармы скинули с верхних этажей цепи, потянули, и в земле открылись достаточно глубокие землянки. Народ посыпался в ямы, как горох в мешки. Богатеи залезали под собственные повозки, лошадей заставляли ложиться и накрывали плотными попонами.

Епископ и генерал с охраной исчезли, на помосте остался вытертый ковер, балдахин и потемневший крест с распятой фигуркой. Артур поднял бинокль в небо. Под ним, на первом

этаже, крестьяне продолжали забираться в окна, а в противоположном конце двора жандарм волок под помост троицу преступников.

— Пора! — сказал Коваль и выпустил гранату, целясь в северные ворота, откуда привели неудачливых картежников. На площади еще оставалось не меньше двух тысяч человек, не успевших спрятаться, застрявших между колючей проволокой ограждения и стоящими вплотную экипажами буржуазии. Тамошняя публика делилась на две категории. Это были самые ловкие любители зрелищ, прорвавшиеся в первые ряды, а также религиозные фанаты, исступленно встречавшие каждое слово епископа.

Накануне Коваль долго выпытывал у Когтя Луи насчет повадок птиц, также проконсультировался у подопечных Портоса, и знал наверняка, что в семь утра нападения на город исключены.

Такого не случалось очень давно и поэтому вызвало панику. Но паника должна будет очень скоро закончиться, как только посты на башнях поймут, что клин опять прошел стороной.

Очень мало времени...

Клаус уже скользнул вниз, по веревке, и мчался навстречу бегущей толпе, уворачиваясь от обезумевших женщин. Граната Артура попала не в ворота, а в проем между окнами первого этажа. Тоже неплохо, похвалил себя Коваль, наблюдая, как в дыре мечутся фигурки жандармов.

С восточной крыши ахнула ракетная установка Станислава. Здоровенный помост, площадью в двести квадратов, поднялся в воздух и вернулся на землю в виде горящей трухи. Одну из виселиц, взрывом, переломило на три части; падая, они зашибли запряженную в фургон лошадь. Три другие лошади, плюнув на попоны, рванули с места, и тяжеленная повозка врезалась в самую гущу толпы, оставляя после себя дорожку из раздавленных тел.

— Ах, дьявол! — сорвалось с губ Коваля, но больше он произнести ничего не успел, потому что последовал эффектный выход Карапуза. Митю, наконец, заметили на крыше и попытались взять в плен. Всякий, кто пытался взять в плен Карапуза, совершал большую ошибку, но когда наступало раскаяние, уже бывало слишком поздно. Дело в том, что чингис располагал к тому, чтобы его хотелось скрутить, связать и притащить

к начальству. Он был слишком большой и аппетитной добычей, к тому же, издалека казался толстым и неповоротливым.

Никто не предупредил жандармов, что они имеют дело с парнем, способным поднять лошадь, и пройти с ней через Дворцовую площадь.

Митя столкнул с крыши четверых, затем еще двоих. Чингису мешало снаряжение, поэтому он слегка замешкался, проталкивая туловище в дыру. В чердачном помещении его тоже ждали, и снова сделали ошибку, не прикончив издалека. Коваль через всю площадь наблюдал, как Митя спускается вниз по лестнице. То есть, самого капитана он не видел, просто из окон вылетали люди, все ниже и ниже, по мере того, как Карапуз достиг первого этажа. Потом бабахнула граната, за ней еще одна, и в здании начался пожар.

Митя любил пожары и устраивал их везде, где только мог. Ему нравилось смотреть на огонь, потому что огонь был сильным и никому не подчинялся. Теперь солдаты прыгали из окон без Митиной помощи, просто внутри становилось жарко.

Коваль с трудом нащупал среди беснующихся горожан черное пятнышко; Клаус пробрался через ежи и юркнул под длинную телегу с дровами, заготовленными для костра.

Вторично ударила ракетница Станислава, и с противоположного края, ей ответили три мощные разрыва. Это затесавшийся в толпе Христофор закидывал ручные бомбы в окна первого этажа. Внимание растерявшихся жандармов, кое-как сохранявших видимость оцепления, мигом переключилось на колдуна. Захлопали выстрелы, но парень уже скрылся в трещине, проделанной когда-то носом аэробуса. Ракета ксендза угодила прямехонько в дверь, куда изволил отчалить его преосвященство. За дверью, крайне некстати, пряталось человек пятнадцать. Все они ждали птиц и смотрели на небо сквозь провал в крыше. Когда кусок перекрытия встал на ребро, вывернув несущие балки, будто они были из пластилина, Артур успел заметить горстку лиц, закинутых вверх.

Люди так и не поняли, откуда пришла смерть.

Часовые на крыше не знали, в кого стрелять. Многие побросали оружие и проворно спускались вниз. Станислав прятался в одной из сотен комнат, отыскать его было совсем не просто, тем более что с двух сторон комплекс затягивало ды-

мом, плюс по центру, в основании собора, рвались бомбы. Там гулял расшалившийся Карапуз.

Коваль подождал, пока повозка с трейлером и двумя пляжными зонтами наполовину проедет в ворота и, стараясь метить в колеса, пустил гранату. Удалось как нельзя лучше. Судя по визгам, барышни внутри остались невредимы, а транспорт мягко завалился на бок, преградив путь вражеской коннице, квартирующей в поле. Теперь можно было вплотную заняться поисками Евы и ее братца.

Клаус ждал под повозкой с дровами, пока поляк выпустит третью ракету. По полю металось еще сотни три народа, но колокола уже лупили отбой.

Северные ворота выскочили из стен, вместе с косяком, на столбе пламени, пронеслись метров десять и врезались в телегу с ветками. Пивовар едва успел откатиться в сторону. В образовавшийся проем шагнул, черный от копоти, Христофор с ракетницей на плече, за ним семенил поляк. Клаус прыгнул к ним, и в мгновение ока, все трое исчезли в клубах дыма.

Молодчина Христофор, восхищенно подумал Артур, нашел поляка и подобрался с обратной стороны! Вот так балласт, а ведь до этого пистолета в руки не брал...

Митя где-то застрял, но он был жив. Коваль слышал, как тявкает автомат. Подобрав с пола пожитки, Артур, что было сил, припустил по коридору. За поворотом наткнулся на людей; завидев черта, увешанного ножами, отважные защитники собора, голося, прыснули в стороны.

Еще поворот, и снова люди. На сей раз, вооружены, и на пути самая настоящая баррикада. Артур краем глаза косил в пролетающие окна, он уже одолел половину квадрата, оставалось совсем немного, чтобы присоединиться к ребятам.

Успел заметить, как вскидывают ружья, что-то у них в руках было невероятно древнее; с такими стволами впору на слона ходить! Привалившись спиной к косяку, зарядил гранату. В сумке осталось две штуки, и ствол можно выбрасывать. Развернулся, выстрелил. Пока они думали, за завалом из бревен, отошел в сторонку. Подождал чуток, обошел параллельным коридором. Даже не коридором, а сквозь дырку в стене. От баррикады мало что осталось, а вокруг, истекая кровью, лежали четверо мальчишек. Совсем пацаны, старшему было примерно, как...

«Примерно, как Николаю»,— заставил себя выговорить Коваль. Он только что, ни за что убил такого же подростка, как его собственный сын. Только его сына охраняет гвардия, а этот испуганный крестьянский мальчик, наверняка отданный на службу за недоимки, так и не успел в жизни ничего повидать. Артур прислушался. Где-то, совсем близко продолжалась канонада, но в ближайших залах никого в живых не было. Карапуз отвлекал главные силы от подвалов северного крыла, где орудовали Христофор с Клаусом.

Артур опустился на корточки и перевернул трясущегося мальчишку. Троим уже ничем нельзя было помочь, и этот умрет в ближайшее время. Долговики, как называют их здесь, наверняка не нюхали пороху, и поставлены охранять коридор против таких же сопляков с ножами и гладкоствольной рухлядью...

Коваль не ошибся. Мальчику вряд ли стукнуло пятнадцать. Крупный осколок пробил ему штаны и засел глубоко в бедре, а несколько мелких превратили грудь в кровавую кашу. Только по закатанным рукавам рубахи можно было догадаться об ее истинном, голубом цвете. Из-под прилипших ко лбу мокрых волос на губернатора таращились огромные голубые глаза. Парень силился что-то сказать, его пальцы цеплялись за цевье двустволки, из которой он так и не успел выстрелить.

— Будь оно все проклято,— сказал Коваль, и не удержался, поправил умирающему пшеничную челку.— Прости, братишка. Будь оно все проклято...

Потом он поднялся и зашагал туда, где чувствовал присутствие своих и, слава богу, живых, подчиненных.

— Куда теперь, господин? — на нижней площадке лестницы покачивался Христофор, держа на руках обмякшее женское тело. Спиной к спине к нему, стоял ксендз, и водил, из стороны в сторону, автоматом. Одежда на обоих была изодрана в клочья.

— Ты уверен, что это она?

— Да,— кивнул сын луны.— Она жива, просто придавило...

— А брат? Должен быть еще брат!

— Он умер.

— Уходим, господин! — Христофор пошевелил локтем, и тут, из-под его руки, волной хлынул рыжий водопад. От такого огненного цвета волос хотелось зажмуриться, Артур непро-

извольно сморгнул.— Там не пройдем, Митя их пока держит, но можно взять со двора лошадей!

В ту секунду, когда Коваль резал постромки на первой попавшейся лошади, ветер донес с севера рокотание пушки. Борк угощал свинцовым обедом Железных птиц.

Из оконного проема второго этажа, дрыгая ногами, вылетели двое жандармов в шапочках, а вслед высунулась оскаленная рожа Карапуза.

— Командир, давай сюды! С той стороны кони добрые!

— Где Клаус? — до Артура внезапно дошло.— Эй, где наш малыш?

Станислав отвел глаза, Христофор прижимал к себе потерявшую сознание девушку, их рыжие гривы перепутались между собой.

— Где пивовар? Ты видел его? — Коваль схватил поляка за плечо. Они вернулись в здание и бежали вдоль горы трупов. Навстречу, вращая над головой секирой, спускался Карапуз. Его левая рука была сломана, ухо болталось на лоскутке кожи, а в спине застряло три ножа. К счастью, кожаная рубаха и кольчуга не пропустили лезвия глубоко.

— Он не успел, он остался за решеткой,— выдавил ксендз, указывая куда-то вниз. Артур прислушался и похолодел. Сквозь крики людей на площади и треск горящих досок, он ступнями ощутил ровный монотонный гул. Подвалы заливала вода.

Париж получил свою жертву.

Глава восемнадцатая

Рыжая ведьма

...Первую линию ядовитых болот караваны Великого посольства прошли достаточно легко. Зная о повадках Железных птиц, нарочно переждали в лесу, когда стая отобедает в святилище дикарей, а затем дали сильный крюк на запад, чтобы обойти места гнездовий.

Неделю двигались по безлюдной местности и растянулись на несколько километров, потому что темп задавали неповоротливые быки. Затем снова начались прерывистые полосы Желтых туманов, между которыми приходилось лавировать, как между рядами мокрых простынь, развешенных для просушки.

Когда впереди уже засияли снежными шапками вершины сьерры, святые отцы провели большой праздничный молебен. Были забыты интриги в Варшаве, и даже натянутое гостеприимство парижской верхушки. Прошли несколько малых поселений, где жители, чуть ли не со слезами радости, встретили посольство и выразили желание непременно присоединиться к нему на пути в Рим. К тому же всю неделю стояла прекрасная солнечная погода, и даже языки пожарищ не казались такими отвратительными.

Окрыленный успехом, презрев мрачные предсказания язычников, Жмыхович воспрянул и с удвоенной энергией кинул народ на штурм Пиренеев.

Дорог там давно не осталось. Тщательно выстроенные серпантины и продолбленные в горах тоннели снесло оползнями и завалило камнями. Было решено не разбрасываться по мелочам, а сразу идти в сторону бывшей столицы, благо дорогу парижские монахи обещали более-менее ровную.

Правда, первые же встреченные испанцы оказались неприветливыми и горячо советовали пришлым убираться восвояси. Некоторые даже осмеливались болтать, что в Мадриде настали новые времена, и посланцев Креста никто не ждет.

Голоса этих глупцов заглушил радостный барабанный бой.

От долгого битья в барабаны немножко оглохли и не сразу заметили, что горы подозрительно трясутся. Но подавляющее большинство караванщиков гор не видели и в помине, потому двинулись по самому дну ущелья. Камни сыпались сверху все сильнее: сначала маленькие, затем настоящие глыбы.

Караван не останавливался, потому что был приказ выйти до темноты к городу Сарагосе. Первые отряды уже миновали ущелье, и самый страшный удар принял на себя растянувшийся обоз.

Лавина закопала живьем почти полста человек. Погибло бы гораздо больше, если бы несколько смелых командиров не решились нарушить приказ и не повели отставшую часть по-

сольства в обход. Путь вышел долгим, и командиры получили разнос от кардинала...

Вскоре посольство добралось до города Сарагосы. Вояки разбежались знакомиться с достопримечательностями, в том числе с местными красавицами. Набрали водички, от которой разом прихватило животы у нескольких сотен человек. Пока армия находилась в небоеспособном состоянии, начальники решили выслать вперед разведку.

Разведка ушла и не вернулась.

Местные жители, язык которых понимали немногие, талдычили какую-то ерунду. На юге-де многие сменили веру, поскольку с моря приплыли богатые люди на кораблях и предложили выбор: либо присоединяться к ним (тогда и почести, и деньги, и штаны новые), либо ждать горячих парней (тогда секир-башка). Относительно новых порядков возникали самые разные домыслы, но в одном очевидцы были едины. Иноверцы, правившие бал в Барселоне и других приморских городах, поощряли многоженство, и вообще, держали бестолковых женщин в узде.

Кардинал повелел в корне пресекать паникерские настроения, обозвал слухи происками рогатого и в назидание провел серию показательных казней среди вредоносных элементов. Кое-как оклемавшись и похоронив сорок человек, чересчур налегавших на колодезную воду, Великое посольство двинулось дальше.

Но далеко не ушло. Не успел караван перейти через мелкую, безобидную речушку, как вдруг раздался грохот, и ущелье, в которое вступил передовой конный отряд, на глазах начало сужаться. Грандиозная трещина, по которой водопадами бежала вода, зашевелилась, захрипела, точно под землей ворочался недовольный кит, и обрушилась острыми камнями прямо на людей. Склоны трещины растрескались, обвалились, а речушка вдруг пересохла. Когда спасли из завалов выживших, подсчитали потери да пустили по колоннам команду двигаться дальше, сверху раздался непонятный глухой рокот. Вода, накопившаяся в запруде, пробила возникшую дамбу и хлынула вниз.

В тот день погибло еще восемьдесят человек. Многие начали шептать, что земля качается, не хочет пропускать посольство, и заступничество святых отцов не поможет, поскольку слишком много грешили на пути своем...

Нечего и говорить, что неприятный шепот побежал впереди каравана, и самые дальновидные из «послов» не очень удивились, когда, вслед за первым, исчез и второй отряд разведчиков.

Днем позже начался падеж скота. Пришлось расстаться со значительной частью мяса, но, общими молитвами, напали на следы дичи и настреляли горных козлов.

Позже выяснилось, что козлы были не дикими, а деревенскими. Отдавать мясо, которое уже коптилось, Жмыхович не стал, вместо этого предложил темным пастухам помощь в реставрации часовни и одну из ценных икон. На столь заманчивое предложение дикари ответили неинтеллигентно и даже грубо. Про святой образ выразились, что у них у самих такого добра навалом, и добавили, что ежели им не возместят убытки от потери стада, то смеяться будет тот, у кого больше друзей.

Консенсуса не достигли.

Следующей ночью подлый враг поджег телеги с фуражом. А среди людей разгулялась почесуха. Причину скоро обнаружили: диверсанты раскидали среди шатров мешочки с мелкими клещами. Взрослые прижигали клещей железом, но несколько детей умерло от паралича.

Отныне каждый день приносил новые гадости.

Кардиналу непрерывно поступали новые сведения о проблемах, ожидающих посольство в Мадриде. Как минимум шесть раз ему доносили, что в южных портовых городах рыбаки поклоняются Месяцу и, мало того, записываются в добровольческий корпус, чтобы воевать с «неверными». В какую сторону собирался выступить сводный отряд рыболовов, толком никто не знал.

Когда до Мадрида было рукой подать, офицеры, опрокинув для храбрости бражки, явились к кардиналу и доложили о нескольких удручающих фактах. В еженощных перестрелках с язычниками погибло больше ста сорока человек, и примерно столько же ковыляют ранеными или едут в лежачем положении, создавая проблемы в тесных экипажах. Несколько мелких национальных формирований отстали или потерялись. В частности, никто не знает, куда задевались две сотни германских поселенцев. С вечера были — чистенькие такие, дисциплинированные, как всегда. Даже отбились по звуку рожка,— а утром и след простыл.

Но Жмыхович и десятка три фанатично преданных ему святош выслушали офицеров и уперлись. Они не желали понимать, что лезут в самое пекло чужой гражданской войны. Они продолжали уверять и себя, и других, что в Мадриде их ждут с духовым оркестром и транспарантами.

Следующей ночью разразилась гроза, закончившаяся столь сильным ливнем, что плохо закрепленные палатки смыло, а колеса телег к утру оказались по ступицу затянутыми в жидкую грязь. Дождь продолжался весь день и к вечеру так и не стих. Никто уже не верил в то, что это просто погодное недоразумение. Промокшие насквозь гадальщицы раскидывали кости, и выпадало, всякий раз, страшное...

Гибель посольству выпадала.

В разгар второй дождливой ночи так и произошло. Селевой поток — яростная, бушующая волна из глины, камней, кусков дерева и обломков скал — скатился с гор и, не останавливаясь, рванулся к стоянке каравана. По всем правилам земного тяготения, сель должен был остановиться, но, вобрав в себя мелкую гальку долин, он ринулся вверх, уничтожил больше сорока повозок. Погибли кухни, рыба в бочках, почти все зерно, и, по закону подлости, все парижские монахи, знавшие дорогу...

Ева и Огюст, со слов девушки, бежали вместе с колонной отчаянных ирландцев. Их командир, чуть ли не на коленях, умолял святого отца повернуть оглобли или, по крайней мере, не втравливать детей. В ответ на пьяную болтовню бородатого потомка кельтов кардинал важно заявил, что матери сами будут рады пронести детей в первых рядах. Это лишь придаст веры и освободит от сомнений тех из местных горожан, кто ослаб духом и колеблется, не зная, чью сторону принять. Если лукавый искушает их, потрясал мокрыми кулаками отважный мессионер, то теперь, встретив невинных верующих младенцев, он будет вынужден отступить в преисподнюю.

Брат и сестра неважно разбирались в тонкостях политики, но получили неопровержимые доказательства, что колония испанских Бумажников, в предместье Мадрида, разгромлена до основания. За время пути они успели разочароваться в кардинале и его способах управления коллективом и отдали бы все, чтобы вернуться на родину. Две недели кружили козьими

тропами, отстреливались от недружелюбных горцев, и страдали от нехватки питьевой воды.

Зато кончились дожди, оползни и наводнения. Под приветливым солнышком заснеженные вершины мирно дремали, подпирая небесный свод...

Наступил день, когда снова послышалась французская речь. В каком-то, забытом всеми богами, селении удалось обменять умирающих лошадей на более выносливых осликов. Там же встретили небольшую группу завшивевших монахов, счастливо избежавших мясорубки в испанской столице. По их словам, посольство угодило в окружение. Неведомые враги с закрытыми лицами отсекли обозы, а женщин с младенцами, которых Жмыхович превратил в живой буфер, угнали в неволю...

Чем дальше Коваль слушал монотонный перевод пивовара, тем больше поражался человеческой слепоте, мешающей видеть мир дальше соседского забора. Брат и сестра вернулись больше двух лет назад и сразу оказались изгоями. Их презирали свои и недолюбливали чужие. И не нашлось никого, кто спросил бы: ну, как там наши святоши, когда назад намерены?

Станислав за полчаса постарел на несколько лет.

Борк, не отрываясь, глядел в одну точку. Рассказа о Великом посольстве он, похоже, даже не слышал. Из его красных, глубоко посаженных глаз катились слезы. Они стекали ручейками по мучнисто-белым щекам, по безволосому подбородку и падали на лысую макушку Фердинанда. Младший сын пивовара тоже надолго замер, положив голову на колени отцу. Потом он встал, запахнул шарф и, придерживаясь о стену, отправился нести дежурство.

Христофор сидел по-турецки, не отходя ни на шаг от спасенной рыжей ведьмы. Они так и не разомкнули рук, с тех пор как встретились. Одежда на бывшей узнице почти просохла, но, несмотря на близость к костру, ее бил озноб. Девушка сидела, нахохлившись, плотно обхватив локтями колени, правым боком вжавшись в Христофора. Невозможно было понять, мерзнет она или просто боится потерять своего спасителя.

Мама Рона прощупала тощие ребра и позвоночник девушки и сказала, что все цело, только следует немножко потерпеть. Коваль для себя перевел такой диагноз, как последствия шока. Любой бы, на месте этой рыжей Евы, пришел в негодность. Целую неделю она дожидалась казни в мокром каземе-

те среди воров и убийц, прикованная цепью к железной лавке. И дождалась в конце концов — наводнения...

От ксендза Артур узнал, что когда Станислав с Христофором ворвались в подвал, половина арестантов уже захлебнулась. Трупы качались под водой, как субмарины на якорях. Только держали их не якорные цепи, а кандальные.

Девчонку спас брат, который до последнего подталкивал ее вверх, где выше уровня прибывающей воды оставалась ниша с воздушным пузырем. Христофор повел себя удивительно. Он не выкрикивал имена и даже не огляделся. Он просто сиганул со ступенек навстречу грязному водовороту и, пока ксендз держал факел, трижды выстрелил в цепь. Стрелял из дамского револьвера, подаренного губернатором. Под водой. С риском пробить девушке лодыжку.

— Это чудо,— тихо повторял Станислав Артуру, осторожно оглядываясь на бледного, неподвижного Христофора.— Господь не оставил нас, он снова явил нам чудо, пан Кузнец... Мои молитвы дошли до него, значит, эта заблудшая душа, и впрямь, послана нам!

— Боюсь, она послана не нам, а кое-кому из нас,— проницательно заметил Лева, когда святоша в очередной раз собрался помолиться.

После того как девушка разговорилась, Станислав больше не упоминал о чудесах. Он нахохлился, как больной голубь, и впал в прострацию. Механически поднимался, если его просили помочь или что-нибудь принести, а затем снова проваливался в глубокую задумчивость...

Сбросив с прозекторского стола горшки, туда общими усилиями водрузили Карапуза. Чингису, на протяжении всего спешного отступления, удалось не потерять сознания. Последние километры Коваль и Станислав скакали с ним рядом, не давая упасть. Лева резал на капитане одежду, мама Рона фиксировала сломанную руку, а Коваль смешивал в горшочках целебные снадобья. На теле Карапуза насчитали одиннадцать ран, последний час он даже не стонал, а лишь неровно дышал, когда горячие травы причиняли острую боль.

— Командир, ты хочешь взять с собой и ее? — хмуро осведомился Даляр, кивая на закутанную в шкуру девчонку. Из

солидарности с пивоварами, полковник сидел у костра очень тихо и, похоже, считал ведьму причиной всех бед.

— Еще не решил,— неопределенно ответил губернатор, гадая, куда же запропастились Бумажники.

— Убили вашего друга? — Артура за рукав потрогал Орландо.— Месье Свирский нам сказал, что белоголовый погиб, спасая эту девицу?

В суете Коваль совершенно позабыл про главную цель похода. Он даже не сразу узнал пробужденных. Ученые отмылись от защитного консерванта и облачились в непривычную для них грубую одежду, а Моника даже соорудила на бритом темечке нечто вроде тюрбана. Артура особо порадовало, что истекающего кровью чингиса и прочие неприятности ребята встретили без паники. Пусть оба не были практикующими врачами, но за время работы в институте, наверняка, насмотрелись всякого.

— Возможно, он спас одну,— ответил Артур.— Но, может статься, благодаря ему выживут тысячи.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — запинаясь, спросила женщина.— Я так понимаю, что ни рентгена, ни УЗИ сделать негде? Ну, конечно, извините... Просто, у девушки большие синяки по всему телу, не мешало бы проверить.

— Если хотите помочь, займитесь оборудованием,— Артур кивнул на лестницу, ведущую в камеру.— Все, что вы сочтете нужным, мы постараемся взять с собой. Про рентген можете сразу забыть, а остальное пригодится.

— Я... я боюсь туда спускаться,— помрачнела Моника.

Орландо толкнул ее в бок.

— Нет, нет, я не то хотела сказать,— сразу поправилась она.— Просто поймите, Мишель умер так неожиданно, и мы ничего не могли сделать... То есть, я хочу сказать, что, конечно, пойду...

— Не оправдывайтесь,— Коваль потрепал коллегу по плечу.— Всем нам было непросто, и никто вас не упрекает. Вам придется понять одно. Здесь нет ни профсоюзов, ни больничных касс. Если вам делают предложение работать головой, лучше согласиться, иначе придется остаток дней вкалывать руками. Ваши ручки, мадам, очень быстро превратятся в рачьи клешни. Он вздохнул и хотел уйти; на споры уже не оставалось сил.

— Месье Кузнец,— окликнул Орландо.— Простите нас, мы... Мы вам обязаны жизнью. Мы будем работать и сейчас пойдем вниз.

— Вот и прекрасно,— сказал Коваль,— но прежде я попрошу подняться наверх. Кое-кто очень хотел с вами познакомиться.

По еле уловимому звуку он определил, что к институту галопом приближается не менее десятка всадников.

Глава девятнадцатая

Свадьба на поминках

Моника и Орландо щурились от яркого света. Мама Рона, из страха, что новенькие попадут в переделку, ни разу не выпустила их на улицу.

Всадники затормозили у края площади. Ветер развевал черные полы их сюртуков и раздвоенные бороды мужчин; лошади нервничали, чуя запах крови. Коваль узнал Жильбера, карлика и толстую женщину, что в таверне играла в карты со слепым. Всего приехало девять человек, и все отчаянно храбрились, но двое стариков нашептывали молитвы.

— Переведите им, что они могут не бояться птиц,— губернатор повернулся к Орландо.— Тут одни трупы.

— Если бы я не видел вас раньше, то сказал бы, что перепил вина,— на лице Портоса отражалась невероятная гамма чувств — от недоверия, до священного ужаса.— Не могу поверить. Я только что дотронулся до живых Хрустальных когтей...

— Мне тоже кажется, что я не могу проснуться,— шепотом добавил другой Бумажник, высокий старик, со шрамом поперек лба.— Немного я знавал людей, кто видел птиц так близко, и смог об этом рассказать.

Он потрогал шрам.

— Мне было крайне нелегко убедить друзей, что вам можно доверять,— сказал Портос.

— А я им и не доверяю,— вмешалась краснолицая толстуха.

— Поступайте как вам угодно,— согласился Коваль.— Мы ни на чем не настаиваем. Я всего лишь предложил вам способ уберечь общину от погромов.

Бумажники спешились, но оставить коней не решились. Мелкими шажками, вздрагивая и оглядываясь, они обступили дубовых великанов. Лошади фыркали на гору черепов. Над изодранными саркофагами жужжали блестящие мухи. Из ближайшей капсулы торчала обглоданная до блеска человеческая кисть; вокруг суетились вороны.

Узколицый Жильбер, сверкая глазками, вплотную подошел к Монике и погладил ее по щеке. Потом быстро произнес несколько фраз, скашивая рот на сторону и обращаясь, скорее к Портосу.

— Я не понимаю половины того, что он говорит,— пожаловалась Артуру Моника.— Боже, во что они превратили французский язык!

— Он спрашивает этого громилу, почему тебя нельзя купить, если ты не настоящая ведьма? — вполголоса перевел на английский Орландо.

— Никто вас не продаст,— успокоил Коваль и обернулся к маячившей в тени фигурке Фердинанда.— Проследи, чтобы Станислав нас не видел, пусть его мама Рона отвлечет на перевязку! И попроси, пожалуйста, Христофора, пусть приведет свою пассию.

Жильбер начал что-то втолковывать Портосу. Он ухитрялся говорить одновременно нагло и угодливо. Коваль подумал, что не хотел бы такому типу подставить спину, но главный Бумажник, похоже, не был настроен на обсуждение темы. Он сказал что-то очень тихо, не поворачивая головы.

Жильбер не отставал, косился на Монику, щерился цыганским оскалом и что-то вкрадчиво объяснял начальнику.

То ли Портосу надоели препирательства, то ли стало стыдно перед чужими, но так или иначе, он сгреб парня в охапку и уволок за постамент. Минуту спустя оба вернулись как ни в чем не бывало, но Жильбер держался за глаз, а с губы его капала кровь. Остальные Бумажники словно ничего не заметили. Артур благоразумно сделал вид, что его беспокоят царапины на ноже.

Христофор вышел из подземелья в обнимку с девушкой. Разобрав, кто стоит перед ней, спасенная чуть вторично не грохнулась в обморок. Наконец-то Коваль сумел ее как следует рассмотреть. Ева не отличалась большой красотой и когда-то была намного толще. Возможно, ее даже дразнили в отрочестве пышечкой или как-нибудь в этом роде. Однако сейчас девушка походила на выжатый лимон, по фактуре и цвету. Коваль с тревогой заметил то, что пропустила мама Рона. Девчонка или перенесла желтуху, или собиралась ею наградить каждого встречного. И была пугающе худой. В прорехи шерстяной хламиды просвечивали незагорелые ноги и тонкие руки в синих ниточках вен. Скуластую физиономию покрывала сеть царапин, на щеке вздувался синяк, а зеленые глаза чуть не вываливались наружу от страха. Единственным ее достоинством были уникальные рыжие локоны.

Артур сразу заметил, как ведьмочка прижалась к сыну луны и не отходила от него на протяжении всей беседы. Из ямы, спрятав горе за черными очками, вылез старший пивовар, и с ходу начал переводить.

— Ева, ты не можешь остаться в общине,— полувопросительно сказал Портос. При этом он явно избегал встречаться с рыжей глазами.— Ты уйдешь с этими людьми?

— Я могу уйти в Нанси, и буду ждать там...

— Чего ты будешь ждать? — со злобой, спросил один, из незнакомых Ковалю, Бумажников.— Будешь ждать, пока нас всех повесят? Едва пройдет слух, что ты спаслась, Андре мигом обвинит нас в колдовстве!

— Буду ждать, пока соберутся купцы в Севилью,— девица отвечала очень тихо, уставившись в землю.

Христофор, не понимая чужой речи, метался взглядом с одного пришельца на другого. Следя за ним, Коваль с поразительной остротой вспомнил себя... Как он бежал сквозь проливной дождь за каретой Качальщиков, увозивших в Уральские предгорья молоденькую мамочку, Надю ван Гог; как подставлял спину, выталкивая колеса из раскисшей грязи, а потом, на ночевках, смотрел на Надю сквозь искры костра. Он готов был тогда бежать еще сотню километров и плюнуть на весь белый свет, лишь бы не разлучаться с маленькой,

ясноглазой хохотушкой. Сейчас у сына луны был точно такой же исступленный взгляд самца, который подозревает всех и каждого в посягательствах на свою половину...

— Ты дура, хочешь погубить нас всех? — пробасила толстуха.— Мало того, что ты плюнула на отца и на законы предков, теперь хочешь, чтобы бесноватый Аваль сжег всю общину? Ты им поверила — и чем тебе отплатили?

— Мы не позволим тебе вернуться,— подтвердил седобородый старик.— Твой дружок епископ, которому ты целовала ручки, поджарит нас всех!

— Я... я не хочу уходить, как прокаженная,— прошептала девушка. В следующую секунду ее глаза округлились еще сильнее, ноги подкосились, и если бы не Христофор, то ведьмочка повалилась бы на изгаженную птицами землю.

— Отец...

Такого поворота Коваль не ожидал. Из-за спины Портоса, часто моргая, выступил Мендель. В руках он бессознательно мял свою пыльную черную шляпу.

— Господи,— не удержалась Моника.— Так это, ее?..

— Тсс! — Орландо быстро отодвинул коллегу назад.

На несколько секунд все замерли. Стало слышно, как в трубах подвывает ветер, а на костях дерутся вороны. Карлик нетвердыми шагами подошел к дочери. Она выпуталась из объятий Христофора и опустилась на колени. Мгновение крохотный Бумажник помедлил, потом не выдержал и раскрыл корявые объятия. Толстая тетка всхлипнула, двое стариков отвернулись, пряча лица. В глазах у Моники стояли слезы.

— Ева, если ты уйдешь с этим мужчиной за песочную стену,— четко произнес карлик,— мы уже не увидимся.

— Отец, я не хочу...

— Он спас тебя в тюрьме. Он ждал встречи с тобой. Если ты попытаешься вернуться в Париж, тебя убьют, и всех нас убьют.

— Я виновата,— плечи дочери сотрясали рыдания, Мендель шмыгал своим крючковатым носом.— Я не хочу уходить без...

Тут Орландо замешкался, не в силах подобрать для Артура нужное слово, но и так было понятно, что речь идет о просьбе, благословить на дорогу.

— Ты не спрашивала нас, когда сбежала с поляками,— Мендель говорил глухо, продолжая тыкаться носом в плечо дочери.

Коваль взял Христофора за руку и чуть ли не силой оттащил в сторону; колдун словно приклеился к своей суженой и никак не желал отходить от нее ни на шаг. Семейная сцена заставила его окончательно растеряться. Артур не помнил, чтобы сын луны пребывал в такой панике. Похоже, парень уверил себя, что девушку пытаются отобрать у него.

— Почему вы мне не сказали? — спросил Коваль у трактирщика.

— Вы бы тогда мне не поверили,— Портос смущенно подергал себя за бороду.— Это выглядело бы так, будто Мендель, вашими руками, спасает от костра своего ребенка. Но с поляками в Мадрид, действительно, ходили лишь эти двое!

— Мы ее уже выслушали. Ее брат погиб,— сказал Коваль.— И, спасая ее, погиб сын охотника Борка.

Портос обернулся к пивовару:

— Я соболезную вам, герр охотник, я в неоплатном долгу перед вами.

— Не будем об этом,— чуть осипнув, ответил пивовар.— Мои дети заключили сделку, получили оплату и знали, чем рискуют.

— Что я могу для вас сделать, герр охотник? — склонился к Борку Портос. Артур подумал, что даже встав на колени, трактирщик будет выше немца, как минимум, в два раза.

— Несмотря на все измены, он любит ее... — казалось, Борк не расслышал вопроса. Он следил, как Ева шепчется с отцом. В глазах у обоих стояли слезы.

— Конечно,— подтвердил Портос. — Мендель не перемолвился с ней ни словом с той поры, как она вернулась. Он вычеркнул из памяти и ее, и сына. Ни разу не навестил их. Но теперь,— Бумажник хихикнул,— если она хочет, чтобы старик ее простил, нельзя убегать снова.

Минут десять все убеждали рыжую, что в испанские горы ее не загоняют. Еще столько же времени она упиралась, внезапно сделав вид, будто не понимает, о чем речь. Коваль уже начал подозревать, что Христофор отхватил себе формешую дуру, и не лучше ли, правда, по совету Даляра, высадить ее в городке пивоваров. А если Христофору нравится, может остаться с ней, будут на пару пасти длинноногих кабанов и гоняться по болотам за ахарами.

А потом Мендель окончательно рассвирепел и замахнулся на дочку плеткой. Слабак Христофор полез ее защищать, Борк монотонно бубнил что-то потухшим голосом, Моника визжала, а толстуха пыталась ухватить Еву за рыжие патлы...

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в дело не вмешался Коваль. Он сам не знал, откуда вдруг взялось вдохновенье, но ложь вышла убедительная. Губернатор на ходу сочинил легенду, будто по законам русской земли, паре достаточно выразить согласие,— и невеста мигом становится женой. А коли уж она жена, никто ее не смеет обижать, но ей за мужем надо последовать непременно, хоть на каторгу.

Бумажники от такого поворота дел опешили, а девица прекратила орать и снова чуть не свалилась в обморок. Пивовар спросил, что такое каторга. Пришлось ему объяснять. Когда до Моники и Орландо дошел смысл пререканий, они чуть не угробили серьезный момент истерическим смехом.

Самое интересное, что рыжая согласилась. А стоило ей дать согласие, как Артур велел поскорее привести ксендза и — для солидности — маму Рону.

— Мне кажется, я попал в водевиль,— шепнул губернатору Орландо.— Никак не могу избавиться от чувства, что вокруг меня сплошные актеры, и сам я на сцене.

— У меня это чувство не проходит уже пятнадцать лет,— краем рта улыбнулся Артур.— Но я не видел свадьбы серьезнее, чем эта.

Церемония получилась не просто серьезной. Она напоминала скорее трагедию. В поисках соответствующего антуража спустились в амфитеатр, тем более что ксендз категорически отказался читать молитвы подле незахороненых мертвецов.

Бумажники чувствовали себя явно не в своей тарелке. Артур попытался поставить себя на их место. Десятки лет над городом витала крылатая смерть, разбуженная воем страшных гробов. И наверняка десятки лет матери прижимали к себе плачущих детей, поскольку каждый знал, чем питаются птицы. При редких мирных встречах жители Красного леса и не скрывали, чем кормят своих подопечных...

А нынче руины в одночасье перешли в собственность общины.

Христофор стал белым, как мел, новобрачная выглядела не лучше, и Левушка был вынужден поддерживать молодых сзади. Трактирщик шикнул на своих подопечных, все мигом стали очень сосредоточенные. Коваль не уставал поражаться эмоциональной неустойчивости гостей со стороны невесты. За пять минут они успели наораться друг на друга, перессориться, помириться и поплакать. Затем вдоволь нахохотались и снова устроили перебранку.

На сей раз по поводу церемониальных традиций.

Артур, как лицо официальное, согласился быть шафером и предложил компромиссный вариант. Сначала Бумажники, на правах хозяев, отбарабанят свое, потом подключится Станислав, а завершит обряд официальная роспись в походной тетрадке книжника.

Мама Рона выделила ради такого случая кусок белого полотна, на фату невесте. Жильбер одолжил Христофору пиджак и даже сам сходил в руины за цветочком. С оранжевым цветком в кармане сын луны смотрелся как настоящий жених. Менделя поставили на стол, и пока старичок-Бумажник заунывно бубнил слова ритуала, он возвышался над всеми, точно строгий, неподкупный судья.

Коваль вспоминал, как несколько часов назад этот человечек, с ножом в зубах и арбалетом, провожал их к Дому Инвалидов. Должно быть, ему безумно хотелось отправиться вместе с ними, но, не желая подвергать опасности всю общину, он не сказал ни слова. Ведь на площади не должны были заметить даже следа Бумажников. А теперь, узнав, что сын утонул, а дочь, потерянная и найденная, снова уезжает, он, наверное, проклинал себя за то, что не пошел вместе с иноверцами на штурм тюрьмы и не выручил сына...

— Значит, так теперь играются свадьбы? — спросила у Коваля Моника.

— Если мы сумеем вернуться домой, я с удовольствием поручу вам разработать официальный ритуал,— улыбнулся губернатор.— Но дело ведь не в ритуале. Теперь папаша уверен, что мы цивилизованные люди и его дочь не пойдет по рукам.

— Как это все внезапно...

— Еще час назад и я понятия не имел, что попаду на свадьбу,— почесал затылок губернатор,— а теперь надо придумать, что подарить молодым.

— Так подарки не отменяются? Господи, но у нас с Орландо ничего нет!

— Неправда, вы можете пообещать ей, что научите своей профессии. Если у девочки достанет ума, она получит все шансы стать заместителем директора вашей будущей клиники. Это царский подарок; вот мне — гораздо труднее...

Моника слушала Коваля, открыв рот.

— Вы смеетесь надо мной? Какая клиника? Какой заместитель? Вы полагаете, кому-то понадобится моя диссертация? Я только что сняла с себя двух вшей, а вы говорите...

— А я говорю, готовьтесь принять место директора, а профиль заведения мы сформулируем позже. Только не надейтесь, что я создам для вас чисто академическое учреждение. Будет все вместе: научная база, клиника и курсы. Думайте, а я пошел искать подарок...

Оставив притихшую Монику переваривать новость, Коваль погрузился в содержимое своих мешков. Ничего умнее, чем гроздь золотых колец, нанизанных на проволоку, не нашлось. Артур испытывал некоторую неловкость, преподнося именно эти кольца, поскольку они были получены от Ростовского атамана в уплату за рождение ребенка. Последняя из дочек Артура, мать которой он видел дважды и уже накрепко забыл, давно уехала с няньками в Нижний и принесла ему, по меркам этого рынка, баснословную прибыль. Потому что все дети Проснувшегося демона рождались здоровыми и способными к воспроизводству...

Каждый год находилось немало желающих заиметь ребенка от Проснувшегося демона, но губернатор Петербурга, в отличие от жены, мало внимания уделял ценовой политике. В результате получалось так, что когда у Коваля кончалось жалование, а происходило это довольно часто, он стеснялся залезать в казну, а предпочитал пошуровать в сундучке у супруги...

Мама Рона оставила невесте в подарок белую простынь, Левушка преподнес жениху орден Александра Невского, который носил на шее вместо талисмана. Очнувшийся Карапуз переживал, что не может встать и пощупать жену Христофора, но сказал, что у него есть подарок на двоих — от себя и от Даляра. Отбиваясь от жандармов, он прихватил в соборе трофей — серебряную поварешку и крышку от супницы.

Ксендз, невзирая на ропот Бумажников, вручил невесте ладанку, а Христофору повязал расшитый сафьяновый пояс.

Пивовары пошептались, затем развязали мешок и оказались самыми щедрыми гостями. За время вынужденного бездействия Борк пробежался по округе, без стеснения заглядывая в брошенные землянки Когтей. Он надел на Христофора вышитую золотыми нитями перевязь со старинной саблей, инкрустированной десятками драгоценных камней. А Еве досталась прялка и несколько килограммов шерсти.

Борк честно признал, что все эти богатства предназначались жене, но теперь она не примет от него подарков...

Портос вышел наверх и, вернувшись, принес нечто длинное, завернутое в потертую замшу.

— Я хотел подарить его губернатору,— смущенно начал он,— но в подобных обстоятельствах...

Гости ахнули.

— Императорский жезл,— пробормотал Орландо.— Я помню, эта штука лежала в бархате, под бронированным стеклом.

— Он тебе ни к чему,— тихонько шепнул Коваль, обнимая новобрачного.— Как доедем, сдашь под расписку в Зимний. Я тебе вместо него квартиру дам или корову подарю.

— Да, господин,— Христофор смеялся, целовался и сам, похоже, не вполне понимал, на каком небе находится.

По случаю свадьбы Артур разрешил откупорить бутыль с первосортным самогоном, а сам уединился с Орландо, Портосом и двумя подопечными главного Бумажника, которые дожидались наверху.

— Люди надежные? Никто не проболтается?

Великан только улыбнулся, и улыбка эта вдруг показалась Ковалю удивительно знакомой. Он вдруг увидел Портоса другими глазами. Будто сменили свет на театральной сцене, или оператор взял иной ракурс, убрав все наносное, зловещее, внешнее и поймав ту глубокую, тысячелетнюю суть, которую хранили в себе лица всех Бумажников.

— Вот эти? — Коваль оглядел двоих поджарых, гладко выбритых мужчин не первой молодости.— Ну, пошли!

Он показал им капсулы и вентиляционные краны. Показал выход через резервный шлюз и гараж. Показал двери во внутренние лаборатории, где, наверняка, хранились настоящие

богатства. Показал, как можно обезопасить лифтовые шахты от непрошеных гостей и придать коридорам таинственность для приглашенных. Все это можно было расчистить и привести в порядок. Можно было даже создать условия для жизни...

Бумажники, несомненно, робели, но внешне это никак не проявлялось.

— Может быть, лучше от него избавиться? — Портос смотрел сквозь распахнутую дверь кладовки на растрепанный комок перьев, который совсем недавно был могущественным Каменным когтем. Тот подслеповато щурился, заслонясь рукой от света, но видел только темные силуэты.

— Ни в коем случае,— разволновался Артур.— Если он достаточно умен, то все поймет и сделает, как надо. А если дурак, то его прирежут свои, и очень быстро. Главное — разукрасьте ваших людей поубедительнее, чтобы никто не сомневался в их хрустальном происхождении, а затем выпускайте Каменного друга на волю. Ему достаточно привести сюда десяток сторонников и в нужный момент вызвать птиц, как прежнее его влияние восстановится очень быстро. Только спуску ему не давайте. И в первую очередь, скормите птицам трупы старичков. При свидетелях, чтобы все видели гневную натуру Хрустальных когтей...

— Мы все поняли,— извиняющимся жестом прервал губернатора Портос.— Мы сделаем как надо, и если Когти поверят, постараемся в ближайшую неделю перевести сюда всю общину. Но люди не станут здесь долго жить...

— Это невозможно,— вставил Бумажник, которому надлежало сыграть Орландо.— Наши братья не станут совмещать истинную веру и поклонение идолам.

— Но выбор есть всегда! — Орландо неожиданно быстро вник в ситуацию.— Вы, на время эпидемии, спасете общину от погромов. Затем изучите повадки птиц и придумаете, как их извести. Ну, не знаю, замедленным ядом, электричеством... А может быть, вы примете решение подружиться с ними? Это ведь птицы, а не механизмы, их можно приручить! Если вы найдете способ раздобыть птенцов, то настанет черед генерала трястись от страха! А дикари из леса обеспечат вам защиту; вы даже можете научить их читать...

Этот смуглый, близорукий человек нравился Ковалю все больше. Он не впал в истерию, почти примирился с возвраще-

нием в первобытный строй и, прежде чем высказываться, глазами просил разрешения у начальства. Мужик наверняка прошел хорошую школу и привык работать в команде. Так и должно быть в серьезном исследовательском комплексе, рассуждал Артур. Одиночки хороши в среде теоретиков, а этот обещает стать сильным командным игроком. Лишь бы будущему главному инженеру города не вскружила голову слава...

— Перед тем, как вы уйдете... — Портос замялся.— Я хотел спросить...

— Для вас всегда найдется место в Питере,— очень серьезно сказал Артур.— Жаль, не могу вам оставить голубя, он не долетит сквозь песок.

— Спасибо,— трактирщик прислушался.— Но я сомневаюсь, что мы выживем за песком. Я знал людей, которые ушли. Никто из них не вернулся.

— А если я заберу вас на корабле, по морю? Возможно, тогда вы легче адаптируетесь?

— Не понимаю,— поморщился Портос.

— Ну, привыкнете легче!

— Нас почти полторы тысячи. Нет такого корабля, на котором можно вывезти столько людей. А дома, а скотина? — Он горестно махнул рукой.

Этажом выше, в аудитории, Бумажники нестройно затянули песню. Раздавался стук железных кружек и визгливый женский смех. «Вот черти,— подумал Коваль,— надо бы разозлиться. Как пить дать, вторую бутылку приговорили! Невеста, небось, с ума сходит. От поминок к свадьбе,— и один черт, попойка...»

— Думаю, я найду подходящий корабль,— подмигнул Артур.— Поместятся все желающие.

— Зачем вы все это делаете? — не выдержал Бумажник.— Вы отправились громить резиденцию епископа, и чуть не погибли, ради одной глупой девицы. Вы могли ничего не говорить нам про птиц и не приводить меня сюда. Я чувствую себя должником, а я не люблю быть в долгу. Ведь вы не нашли посольство?..

— Я его и не искал,— честно признался Артур.— Это по части нашего польского друга. Но, помимо настоящих Когтей,— он указал на улыбающегося в тридцать два зуба Орландо,— я

обнаружил, как мне кажется, одного старинного знакомого, и это открытие стоит всех остальных, вместе взятых.

— Этот знакомый... он вас пугает?

— Несомненно. Лучше бы я ошибался, но боюсь, ошибки тут нет.

— Я могу узнать имя человека, которого надлежит отправить в иной мир?

— Боже вас упаси, столкнуться с ним,— предостерег Артур.— Раньше этот человек носил другое имя и служил другим богам. Теперь его зовут Карамаз-паша.

Часть вторая

КОНЕЦ КРАСНОЙ ЛУНЫ

Глава двадцатая

Право сильного

— Итак, ты привез в Петербург девчонку из Мертвых земель, и она не умерла,— Хранительница Книги пожевала беззубыми деснами.

— Да, госпожа. Сначала, пока мы ехали по Германии, ей было очень плохо, но потом она поправилась.

— Вот как... — без выражения подтвердила мама Рита.— И молодой колдун, из Озерников, которого ты держишь приживалкой во дворце, решил взять ее в жены?

— Да, госпожа,— недоумевая, ответил Коваль. Он никак не мог взять в толк, при чем тут Христофор.— Но мы не обижаем его, и не называем Озерником. Он родился под Красной луной, владеет даром ловить время, чует врага, но никогда не пытался уйти к колдунам. Они уже живут вместе, госпожа. Парень очень любит девочку и обещал родить двойню.

— Что ты сказал? — подался вперед Хранитель Кристиан. Сполохи огня из огромного очага играли на его морщинистом лице, превращая нестарого еще мужчину в дряхлого идола.— Родить двойню? Разве твой Христофор может быть папой? Ха, вы слышали?

Хранители памяти переглянулись. Лицо Бердера было непроницаемо.

— Оставим это,— качнула рукой мама Рита.— Мы должны проверить. Иногда Книга допускает несколько толкований.

— Да, мама...

— Простите, госпожа...

Хранители немножко успокоились, но продолжали перешептываться. Артур не понимал, что их так зацепило.

— Ты забрал обоих Проснувшихся из Парижа, но не пошел в два других города. Ты испугался, оставшись без крылатых змеев?

— Нет, госпожа. Я не боюсь ходить пешком, я испугался другого. Наставник Бердер предупреждал меня, что в южных странах нечисто, но я не поверил. Я принял решение сохранить жизни оставшихся людей, госпожа. Мы не могли больше воевать с самой землей.

— С землей? — усмехнулась Хранительница.— Ты так хорошо запомнил сказки, которыми тебя кормили в дороге?

— Если честно, я уже не знаю, чему верить,— признался Артур.— Мы были измотаны, госпожа. На обратном пути переболели лихорадкой, несколько раз отбивались от диких племен...

— А германцы? — спросил самый пожилой Хранитель.

— По эту сторону песчаной стены нас встречали радушно. Нам оказывали помощь, и даже бесплатно дали телегу, для женщин. В северной Германии жизнь мирная и сытная. А в двух больших городах я договорился о приеме наших товаров на местные ярмарки,— тут Артур выдержал суровый взгляд Анны Первой. — Но перед этим мы две недели пробирались на юг, вдоль границы Ползущих гор, пока не кончились пески. За ними военная машина древних застряла, и нам пришлось ее бросить. К великому счастью, люди, которых называют Бумажники, дали нам несколько лошадей...

— Ты считаешь, что пивовары наплели тебе небылиц? — в лоб спросил третий Хранитель, квадратный мужик, с изрытым оспой лицом.

— Слишком много легенд бродит по земле,— осторожно сказал Коваль.— Я могу верить или не верить, но губернатор должен опираться на твердые знания.

— Грош цена твоим знаниям,— мама Рита пошевелила беззубым ртом,— коли ты до главного дойти не можешь. Зарос там, закопался в бумажках-то да в волоките. А хоть раз подумал, с

чего бы это старая карга мается, да и прочие... Ты глянь на них, не мальчишки давно, скоро самих вперед ногами понесут.

Артур ждал. Что-то от него хотели, и все эти туманные намеки, насчет загадочного Братства и походов на юг, начинали его здорово нервировать. Он вспомнил, как точно так же сгущались тучи и накалялась обстановка, когда Качальщики послали его заразить кровью Вечного пожарища несколько деревьев в центре Москвы.

Они опять что-то задумали, в самый неподходящий момент. В то время, когда он, наконец, отважился собрать Думу, когда он привез из Парижа настоящих спецов, когда шла речь о пуске паровика до Новгорода и Ярославля...

— Ты стал скрытным, Клинок,— упрекнула мама Рита, но нельзя было понять, говорит она с укоризной или, напротив, одобрительно.— Расскажи ему, Кристиан.

— Ты слишком закопался в своем городе, губернатор,— Кристиан неторопливо засыпал в трубку табак, потянулся за угольком.— Мы ждали тебя, потому что получили дурные вести. Очень дурные. Никто из твоих доносчиков не доложит об этом, они всего лишь насекомые. На юге, впервые, земля качается не сама. И не может остановиться.

Лето жаркое, очень жаркое. Почти не идут дожди. Вниз, по Волге, плывет мертвый осетр. В Астрахани в сети вообще не попадает живая рыба. В Ростове начался мор, люди и скотина гибнут за шесть дней. В Воронеже черная язва унесла уже тринадцать тысяч человек...

— Мне известно об этом,— перебил Коваль.— Мы выставили кордоны и отправляем обратно всех, кто идет оттуда.

— А ты знаешь, что творится в Крыму? Ты знаешь, что в море нельзя опустить даже руку: она тут же покрывается пузырями и гноится несколько дней? Ты знаешь, что на берегу Черного моря рыбаки жгут костры из выловленной рыбы, потому что рыба стала отравой? Ты знаешь, что произошло в Симферополе?

Служители Месяца затеяли драку с теми, кто верит в Крест. Они заявили, что неверным, из-за которых случилась Большая смерть, на полуострове не место. Мэр города не смог их остановить. Сгорела половина деревянных домов и несколько храмов. Потом служители Креста ушли из города, но

их преследуют до сих пор. И люди окрестных городков уступили тем, кто показал больше злобы и бесстрашия...

Коваль выждал паузу, но Кристиан и не думал продолжать. Попыхивая трубкой, насмешливо покачивал бровями. Опять предстояло найти верное слово, не опозориться, и оправдать какие-то тайные надежды! Да сколько же будут продолжаться эти игры, этот вечный кролик в шляпе, с тоской подумал Артур.

— Если ты будешь продолжать делать вид, что ничего не понимаешь, мы подумаем, что у губернатора Кузнеца в голове завелся червяк,— сухо обронил Бердер.

— Ладно, скажу прямо! — рубанул ладонью Артур.— Я навидался всякого, и готов поверить, что на юге орудуют банды, снабженные древним знанием. Очень похоже, что двое москвичей, которых я когда-то вытащил... Будь проклят этот день! Очень похоже на то, что они высеяли вибрион холеры. Также, судя по всему, они поднимались на борт военных кораблей. В Средиземном море чудом не затонула часть американской эскадры. Наверное, эта парочка пыталась оживить механизмы, но у них получилось лишь снять несколько торпед и взорвать у итальянского берега пару снарядов...

— Почему они это делают, Клинок? — подняла высохшую руку Хранительница.— Почему они не вернулись в Петербург, когда растворилась Москва?

— Что ты хочешь услышать от меня, госпожа? Что я ошибся в людях? Да, это так. Но я не только в них ошибся. Десятки и сотни людей готовы продать мать родную ради славы и богатства. Наверное, при дворе Карамаз-паши эти двое получили то, что не могли им дать мы...

— Слишком просто у тебя получается,— вставил Кристиан.— Эти двое французов тоже сбегут, или ты посадишь их в клетку?

— Не сбегут!.. Надеюсь, что не сбегут,— поправился Коваль. Ему вдруг пришло в голову, что Качальщики могут потребовать смерти для французских спецов.— Они не такие! Орландо, например, день и ночь не вылезает с верфей, мужик прямо горит на работе. Обещает мне, к следующей весне, пустить в строй рыболовецкий траулер...

— Хорошо, когда много рыбы,— многозначительно протянула Хранительница,— но плохо, когда каждый начинает коптить ее только для себя.

— Ты упрекаешь меня, госпожа, что я думаю только о своем городе? Но я не могу решать за всю Россию! Тем более что единого государства просто не существует... — добавил он, вспомнив, с каким небрежением относится мама к политическим терминам.— Не понимаю, к чему вы клоните? Ростов, Астрахань... От нас туда даже самые удалые купцы не ходят — нереально добраться. И товар сгниет, и охране жратвы не напасешься. Мы про южные города только от торгашей из Нижнего знаем. А что касается Симферополя, так это вообще Украина, бывшая, правда... Нам-то какое до них дело? У меня и в Питере забот по горло, воды порой хлебнуть некогда!

— Раньше ты говорил иначе, Клинок,— скривила губы Хранительница.— Раньше ты понимал, почему Качальщики думают обо всех, а не только о своей деревне. Когда ты это понимал, ты рисковал жизнью и отправился в Москву. В то время ты сделал очень много для равновесия, даже больше, чем предсказано в Книге. А теперь притворяешься, что самое главное — залатать старое корыто и наловить в Неве побольше корюшки. И ради этого ты покинул город и улетел в Мертвые земли?

На несколько секунд в избе повисло молчание. У Коваля внезапно сильно запершило в горле, словно он наглотался жареных семечек. Ему стало все понятно, вопросов больше не осталось, нужно было только дать согласие. Он ожидал предложения поучаствовать в любой локальной авантюре, возможно, растворить еще пару городов или казнить французов, но Хранители замахивались на задачу, явно непосильную. Самое обидное, что озвучить идею Хранительница, как всегда, предоставила гостю. Такая уж у нее была манера излагать истины Книги.

Книга... Господи, только этого не хватало! Коваля прошиб холодный пот. Коли старуха вдолбила себе в голову, что Хранители памяти правы, переубедить ее будет невозможно. Чертовы сморчки, нажевавшись коры у себя в дебрях, знать не желают, каково это, когда от тебя зависят судьбы сотен тысяч людей!..

— Если даже Карамаз-паша — это действительно бывший духовник президента Ивана и советник бывшего губернатора,— глухо сказал Артур,— если этот человек действительно Карин, в

чем я пока не убедился, это не повод выступать в поход на Стамбул. У казны не хватит средств оснастить большое войско, а войско нужно громадное. Громадное войско завязнет; мы не знаем, что творится на берегу Черного моря. И что я скажу людям? Одно дело — гвардия, наемники, им в радость саблей помахать. А с какой радости матери отпустят сыновей, обычных рекрутов, за несколько тысяч миль? Одно Великое посольство уже сходило на юг. Пусть Карин творит там, в Италии и Греции, все что хочет! Я даже предвижу, чем закончатся его похождения. Рано или поздно появится другой паша. Или сам придет, или полковники втихую прирежут своего начальничка. Так всегда и бывало, можете полистать книжки про царские династии. Сегодня пан — завтра пропал; чем острее штыки, тем сложнее на них сидеть. Наступит конец, там народ горячий.

Надо отдать должное, мужик талантливый... Такую уйму народищу обмануть, сначала в Питере, а теперь вон где. Но я думаю, ему просто жутко повезло, попал со своими бандюганами, на момент безвластия. И очень грамотно подвел религиозный базис. Люди темные, от цунами никак не оправятся, с моря дрянь всякая летит — и тут приходит к ним избавитель. Нате, получите нового пророка! Наверняка, на белом коне гарцевал, чудеса показывал, вроде магниевой вспышки...

А что нищим гопникам надо? Да полную ерунду! Заявить, что все беды от неверных, и что богу только в радость, если мы всех собак, вместе с их крестами, перережем. Товары, верблюдов и баб можно не резать, и так сгодятся. Каждый услышал то, что ему больше по вкусу... Нет, госпожа, не может быть, чтобы Карамаз продержался долго. Тем более если это мой приятель Карин, то он уже старый человек. Помрет,— и после него вся эта зачаточная империя самостоятельно развалится и до России никак не дойдет... Я не вижу смысла подставлять своих солдат!

Он постарался произнести последнюю фразу возможно более твердо и покосился на Бердера. Хранитель силы, как ни странно, улыбался, словно Артур не молнии метал, а угощал гостей анекдотами.

— Если я не соберу Думу этим летом, начнется бунт,— заявил Коваль.— Слишком много недовольных, приходится держать удвоенные гарнизоны. Мне надоело быть козлом от-

пущения... В казне постоянно нет денег: для оросительных проектов, для починки мостов,— и выходит, что губернатор, гад такой, ненасытный, обирает собственных подданных... Не хватало мне еще войну развязать! И так на Новгород постоянно кивают: мол, у них и повинностей вполовину меньше, и в рекруты не бреют, и монастыри жируют... Никому нет дела, что в Новгороде народу в десять раз меньше. До того докатились, что и полковники, которых сам назначал, по углам ворчать начали. Им тоже вольностей мало, подавай лавку в Думе! Для чего им власть, и сами толком не знают, будто от этого командовать лучше начнут... Только стрельбы на улицах не хватало.

— А если Дума сама попросит тебя отправиться на юг? — как бы невзначай спросил Кристиан.

— Чего?! — на короткий миг Артур решил, что над ним попросту издеваются.— Как бы мне из Питера, драпать не пришлось, после выборов!

Но оракул глядел — серьезнее некуда.

— Ты ведь врешь нам, Клинок,— спокойно произнесла Анна, и старая Хранительница, подтверждая, кивнула будущей сменщице.— Ты врешь нам, что в городе развал и смута. На самом деле, там покой, и люди молятся на тебя, особенно беднота.

— Не беднота держит масть, не ей решать. Ковбои захотят — и в городе не будет хлеба! — огрызнулся Артур, но почувствовал, что краснеет.

— Ну, так повесишь ковбоев,— раздраженно произнесла мама Рита, будто удивляясь тупости градоначальника.— Если Дума тебя выберет и попросит возглавить поход на юг, ты откажешься?

— Это невозможно представить...

— Я задала тебе вопрос, Клинок. Не заставляй меня думать, что ты превратился в святошу, отвечай прямо!

— Да черт с вами! — выпалил Коваль.— Если в Книге уже все решено, так о чем меня спрашивать?! Я так понял, что выбора нет?

— Выбор всегда есть,— рокотала Хранительница.— Шестеро Хранителей памяти, с разных концов земли нашей, называют эту осень лучшим временем для тебя и для страны...

— Для страны? — растерянно повторил Коваль.— Но страны нет...

— Для страны и... для государства,— Хранительница произнесла ненавистное слово с заметным усилием.— Никто не заставляет тебя воевать с Турцией. Честно сказать, наши мужики толком не поймут, где этот город с башнями находится... Ты хотя бы до Астрахани дойди...

Старуха умолкла, жадно припав к ковшику с отваром.

— Ну, а потом? — робко вставил Коваль.— С кем там воевать-то, в этой Астрахани?

— Потом... — хихикнула Анна.— Потом на восток, верно, мама?

— Верно,— кивнула та.— Надо бы на восток, все сибирские города собрать...

— Пока поздно не стало,— сказал Кристиан.

— Пока мы еще можем помочь,— сказал крючконосый старичок.

— Пока Озерники в силу не вошли,— хмуро бросил третий Хранитель.

— Ну, кое-где они давно при власти,— саркастически заметила Анна.

Господи, взмолился про себя Коваль, сделай так, чтобы эту языкастую бабу понос пробрал! А вслух сказал:

— Христофор от рождения живет в Эрмитаже. Его трижды пытались выкупить и раз восемь хотели украсть, пока он был мальчишкой. Он спасал меня от смерти и показал себя настоящим мужчиной в походах. Я не пойму, чем он вам так не нравится? Вы его даже не видели ни разу!

— Он нам нравится,— очень тихо сказал Бердер.— Вопрос в том, понравится ли он Озерникам? Как ты думаешь, он пойдет ради тебя на Ладогу?

— У Чудских он был,— промямлил Коваль,— тогда они вместе с Мишей к старому Рубенсу ездили, навещали. Вы хотите, чтобы я его шпионить заслал?

— Чудские Озерники не в счет,— отмахнулась мама.— Они траву варят, да на жабах гадают — вот и все их хитрости. А у ладожских совсем иной покрой.

— Их много, по всей стране,— вставил старичок.— Раньше тихо себя вели, детишек у дикарей воровали, да поклоны козлу клали.

— А нынче пошаливать принялись,— почесал бородку Кристиан.— То детишек чужих в скитах воспитывали, или жрали

их, людоеды хреновы, а теперь в народ пошли. А к скитам их-ним на змее уже не подлетишь, воротит змея-то!..

— Отовсюду весточки летят,— сказала Хранительница.— Насекомые, конечно, как всегда, слепые. У них, пока не загорится, не почешутся. Да и ты, Клинок, чего греха таить, сам есть, такой же, ни хрена не чуешь!..

— Весточки летят,— закивал старичок.— Видели наши верные братья мальцов в русских городах. Вроде и мальцы: усы еще не растут, и голосом не окрепли — а глядят точно волки. И стараются-то под простых рядиться: в худой одеже, да чунях деревянных, а то и на бересте... Да не всех провести они могут!

— Одного мы взяли,— сказал Бердер.— Под Орлом. Повезло нам, честно признаюсь. В город нам не войти, сам знаешь, глаза от грязи слезятся. А тут донес верный человек, что покушали касатики у него, в дорожной корчме, и дальше поскакали. Двое вроде нормальные, а третий — не совсем. Взгляд худой у парня. Еще когда от коновязи шли, кошка под крыльцо забилась. Хозяин, первым делом перекрестился, а потом сынка-то до нашей деревеньки и послал. Еле перехватить успели, но успели...

— Ну и что? — удивился Артур.— Если он Озерник, так что теперь, душить его? Вас-то тоже не особо жалуют!

— А его и не душили,— отозвался Бердер.— Так, приложили к ноздрям тряпицу с гремучим рассолом, он сам все и рассказал. Хочешь узнать, губернатор, что у тебя под носом творится?

— Мне надо выпить,— чуть не жалобно протянул Коваль.

Мужики охотно плеснули ему можжевеловой настойки, понимающе выжидали, пока Артур придет в себя. Когда огненная жидкость докатилась до желудка и бурлящей волной ударила в виски, Коваль почувствовал себя увереннее.

— В Ладожских скитах заправляют четыре Деда,— монотонно твердил Бердер.— В других общинах то же самое, по всей стране. Четыре Деда, кличут себя учениками рогатого. И тринадцать апостолов при них. Тринадцатый, он для смеха, баба блудливая, мужиком переодетая. Так они мыслят: для развлечения, дюжине блудница нужна... Потом Отцы идут, и Сыны. Много их, но сколько, парнишечка не знал. Каждый год они детишек забирают... Мы-то, дурни, думали, раз людишки не жалуются, стало быть, детей больше не

воруют. Оказалось, что и воровать не надо. Нищие сами к ним приносят, за мерку серебра. Детей-то, год от года, все больше рождается, вот и не заметно, что пропадают. Девок нетронутых опять же крадут, или у цыган перекупают. Издалече везут, чтобы народ не волновать, чтобы пропажу на утопление, да на зверя дикого пропажу списали... А девки им не только для забавы нужны. Тут малек ничего толком не сказал, забился, словно в падучей. Видать, сильное заклятие наложено, запечатан роток у него. А нынче мальцы, которых лет пятнадцать назад украли, подросли. У озер... Раньше бы, в скитах остались, а теперь Деды послали их в народ. Вот так вот...

— И какой от них вред? — отважился Коваль.

— А покамест никакого,— несколько оживился наставник.— Но малец этот, он волчонок, самый настоящий, нелюдь... Под рассольчиком признался, что велено всюду по Орловщине ездить да выведывать. Где люди воду берут, где скотину моют, где хлеба хранятся, а главное — как оборону держать думают, если вдруг напасть какая. Посмеялся он даже, даром что в беспамятстве лежал: мол, скоро всех вас землю жрать заставим!

— Бред какой-то! — усомнился Артур.— Сотню лет они вокруг Ладоги обитаются...

— Не ты ли нам рассказывал, со слов пивовара, как Карамаз-паша, с каким-то Озерником, на юге, встречался? — спросил рябой Хранитель.

— Было дело,— согласился Артур.— Но озер по России тысячи, и нечисти вокруг них еще больше. Мне что, все леса вокруг Ладоги вырубить? Кто будет такого губернатора терпеть, который за первое подозрение на людей кидается?

— Ну-ка, милая, полистай назад Книгу! — скомандовала девушке мама.— А знаешь, Клинок, как Белого Деда на вашей Ладоге в миру зовут? Гри-го-рий! Гришка, Риша... Что замолк, будто язык прикусил? Не тот ли Гриша, что у Карамаза водицу ядовитую просил? Что, Клинок, коломутно?

— И малек,— Бердер тяжело вздохнул,— малек признался, что Гришку по всей Руси уважают, потому как он, по слухам, паломство на юг совершил, и уж лет пять, как от могучих магов помощь получает. Все, что захочет, то и получает.

И золото, и оружие всякое, и коней. Живут, мол, в скитах, как цари: все у них есть. И за подарки эти одну лишь повинность на себя взяли. Для них и не повинность, а в радость, считай. Как и прежде, мальчиков подбирать да в детей луны обращать. Воинство нечистое готовить. А у мальцов — страх перед погибелью Деды ловко отшибают. Оно и худо, Клинок. Мы с этим сопляком говорили, так он твердил, что нет слаще отрады, как принять от нас, собак, смерть тяжелую. Чем, мол, гибель страшнее придет, тем его, за крышкой гроба, краше примут...

И ни увидеть их нельзя, ни проследить. Своих узнают по тайным знакам, а чужих сразу режут. Потому и мы не можем заслать к ним никого: нас-то за версту раскусят. Ждут ироды только знака, что пора на православных ополчиться...

— Пивовар мог ошибаться,— прошептал Артур, уже понимая, что отбиваться от правды нет смысла. Все сходилось в точку.

Карин встречался в Хорватии, или Швейцарии, с одним из Ладожских колдунов!..

— Какая Дедам радость от Карина? — только и спросил он.— Неужели только золото?

— А разве этого мало? — усмехнулась Анна.— Прежний губернатор, до тебя, задумал было общины их сжечь — все до одной. Карин тогда, по слухам, вступился; вот дружба и пошла... Ты не смеши нас, Клинок, немало ведь уже пожил, и древний мир застал. Сам не знаешь: когда золото в глазах горит, для иных нет разницы, кому поклониться? Вчера был Крест, сегодня — козел, а завтра к Месяцу ущербному припадут...

— Он создает лагеря боевиков,— Артур чувствовал, как крепкая настойка расходится по венам, и приносит, такую желанную сейчас, расслабленность.— Ладно, я понял, госпожа. Я поговорю с Христофором... Но Дума не поддержит войну...

Хранители хором крякнули и, вернувшись к столу, загремели кружками.

— Не будет войны, Клинок, коли все сделаешь по уму,— строго произнесла мама Рита.— Шепнешь дьяконам послушным, что мы готовы принять Крест.

Артур не сразу оценил слова полуживой старухи. Своей системой верований и скупой обрядностью Качальщики напоминали ему древних китайцев. Любое действие, и даже эмоция, обращенная к небу, сопровождались у них чисто практическим значением. Например, с сосной требовалось обращаться, ни в коем случае, как с куском будущей мебели, а вода в таежной речке была не просто неким объемом холодной воды. Вода давала жизнь тысячам и миллионам личностей, с каждой из которых можно было войти в контакт... Впрочем, встречались люди самые разные, а в Польше, в деревне Кшиштофа, Коваль познакомился даже с ярыми католиками. Не так давно у большинства горожан одно лишь слово «Качальщик» вызывало истерию и ужас. Деревенские как-то с ними мирились, но тоже недолюбливали. Кто же любит соседей, если они значительно умнее?..

— Ты с метрополитом не в ладах? — утвердительно спросила Хранительница.— Тем более не стоит его радовать эдаким винтом. Навестишь дьяконов, архимонахов всяких, я в их званиях не шибко понимаю, и намекнешь им, что мы не возражаем. Но два условия. Митрополита на Соборе они скинут, пущай срочный созывают! Чтобы старикашки этого вреднючего и близко не было. Вот Василий, к примеру, супруги твоей духовник... До меня слухи доходят, что человек дельный, толковый, честный...

— Не по чину ему,— откликнулся Коваль, лихорадочно обдумывая новый, свалившийся на него, прожект.— Василий, на самом деле, толковый и честный, но ступенек церковных не прошел, не выберут его!

— Кха! А ты сделай так, чтобы выбрали! — Хранительница надолго закашлялась.— Коли поймут дьяки-то, что золото и овцы новые к рукам идут, так и сговоритесь. Пусть открывают приходы хоть во всех наших деревнях. Пусть проповедуют, но насильно детей к попам никто не поведет. Теперь слушай дальше, это соборникам особо понравится.

Скажешь, что мы берем на себя переезды, постройку часовен, церквей и жалование всех служителей, которых Собор пошлет в леса. Это будет... человек сорок по России. Кроме того, намекни, что мы нарежем у деревень всем пастырям лучшие земли. И готовы починить... ммм! Ну, пусть будет

три, для начала! Да, мы три монастыря построим. Или починим. В знак добровольного перехода к Собору. Но это еще не все.

Дашь святошам время обдумать такую мысль. Не ухватятся за нее — смело можешь гнать их из города! Скажешь, мол, Хранители слух по всей... России пустят, что истинная власть только у Питерского митрополита. Потому, дескать, и поддержали его...

— Гениально! — восхитился Коваль, пока мама глотала отвар.

— Опять мудреные слова говоришь? — беззлобно укорила егостаруха.— Еще такое добавишь. Дикари, мол, от Ярославля и до Мурманска, тоже просят митрополита взять их под свою опеку. И кроме пастыря хотят помощь лекарскую, и грамоте у попов обучаться... Такое дело. И пусть не робеют, а собирают к осени российский Собор. Не надо тянуть до следующего лета; чем меньше народа будет, тем лучше. Быстренько патриарха выберите, а кто не подчинится, того к ногтю, а имущество — твоим гвардейцам да церкви...

— Эээ... — Артуру пришло в голову, что мама употребляет не целебную настойку, а втихую заправляется бражкой. Кинуть соборникам такую кость — это было слишком круто. Можно сказать, после такого пассажа успех на выборах обеспечен! Но... — Извините, госпожа, но при чем здесь солдаты? Ведь не могу же я послать людей, ну, скажем, в ту же Астрахань, чтобы помочь соборникам скинуть тамошних попов?

— Именно, солдат и пошлешь,— закутываясь в одеяло, подтвердила Хранительница Книги.— Но не сейчас, понятное дело, попозже маленько...

— Когда это, попозже? — окончательно сбился с мысли Артур.

— Слушай, Бердер! — мама деловито повернула незрячие глаза к Хранителю силы.— Ты там, пока учил этого обалдуя кулаками-то махать, репку ему поленом не повредил? Или ты на Неве от сырости отупел, а, губернатор? — переключилась она на Коваля.— «Попозже» наступит, когда соберешь в кулак Россию. Только не спрашивай, почему именно ты, иначе запущу бутылкой!

Глава двадцать первая

Юбилейные игры

Это была их давнишняя игра, которую они начали пятнадцать лет назад. Пятнадцать лет подряд почти каждая их встреча превращалась в новый медовый месяц: они успевали отвыкнуть друг от друга.

Но чем больше Артур отвыкал от нее, тем сильнее натягивался невидимый, упругий канат, бросавший его с неистовой силой в объятия жены. Порой он испытывал необъяснимое, почти мазохистское удовольствие, нарочно задерживаясь в Питере или в дальних поездках по области, когда дел уже не было, и почти не оставалось сил терпеть.

И всякий раз, натягивая канат до предела, он с радостным удивлением убеждался: не рвется!

Не рвется — и все тут.

С Надей было всегда не так, как с другими женщинами. Другие женщины были его работой, дополнительным заработком, а Надя Ван Гог...

Надю он просто...

Артур постоянно корил себя за то, что никак не может выговорить таких простых слов. Всего лишь три слова, и выговорить их проще некуда. Наверное, он не мог их произнести, потому что Надя никогда не просила об этом. Другие просили. Даже те, которых привозили исключительно в коммерческих целях. Они приезжали и порой неделями томились в Эрмитаже, ожидая, когда полуживой губернатор появится из бесконечных разъездов, выспится и исполнит долг папы.

Даже тогда, во время работы, они говорили о любви. Потом служба мамы Роны выносила вердикт о благополучном зачатии, и они уезжали. А семейство Кузнеца получало очередную партию зерна или свиней...

Артур никогда не брал золотом, даже после того как рубль понемногу стабилизировался, и на Монетном дворе научились чеканить сложные деньги, из сплава двух металлов, недоступные фальшивомонетчикам. Он брал только натурой и

сразу делил заработок на три части. Треть шла в казну — и это стало обязательным налогом для всех пап в городе, треть он добровольно передавал в особый фонд помощи начинающим ковбоям, а остаток отправлялся в личное имение, где управляющим сидел двоюродный брат Миши Рубенса-младшего.

Коваль не сумел бы точно ответить, сколько земли принадлежит ему лично. Кадастр только начал составляться, и на этом этапе вовсю шла борьба с самозахватами. Точно так же он не знал доходности четырех мастерских разного профиля, бойни и нескольких свиных и птичьих дворов.

Все это хорошо знала Надя Ван Гог, ухитряясь две трети года проводить в уральском имении, в кругу жен Качальщиков. Она прибывала с ревизией и тихим, но твердым голосом добивалась от управляющих полного отчета. Она не отмахивалась, как ее муж, от мелочей, и никуда не торопилась. Хозяйственники бегали перед ней, взмыленные. Положа руку на сердце, Коваль признавал, что они стали богаты благодаря супруге...

Надя не мозолила мужу глаза, не позволяла вырастать пересудам и сплетням. Она родила ему четверых, но пятого собиралась рожать для казанского хана.

Может быть, именно поэтому она так упорно противилась переезду в Петербург. Наступал момент, когда мысль о созыве Думы витала на каждом углу, когда весь город, вплоть до самых отсталых дикарей, начал вспоминать о прежнем губернаторе, арестованном и сосланном на Урал. Говорили, что Кузнец уже трижды обещался назначить выборы, но до сих пор не сдержал слово...

Народ, отвыкший от плетки, потихоньку закипал. Коваль прекрасно понимал, что достаточно вернуть казни по политическим убеждениям, и все мигом успокоится. Наступит тишь да благодать, и никто не посмеет намекать, что жена губернатора, сама здоровая мамка, не рожает на продажу.

А коли она не рожает на продажу, так может, и наши бабы скоро воспротивятся, резонно спрашивали друг друга папы. В реальности, ни один здравомыслящий муж не мог запретить своей жене рожать «на сторону»; во-первых, это приносило больше денег, чем самые доходные промыслы, потому что

на свет непременно появлялись все новые мамы и папы. А во-вторых...

А во-вторых, обычаю было уже почти сто сорок лет, и даже церковь помалкивала, не находя доводов для истребления греха.

Но Надя Ван Гог даже лучше мужа понимала, что после думских выборов последуют выборы нового губернатора, уже совсем с другими, урезанными правами. Поэтому следовало сделать решительный, но малоприятный для супруга шаг именно теперь, чтобы все видели, как супруга градоначальника болеет за воспроизводство.

Скрепя сердце, Коваль согласился с кандидатурой казанского правителя. По крайней мере не урод, вежливый, и изо рта не воняет. И богатый, очень богатый, что тоже неплохо. Хотя, по неписаным правилам, жена могла ни о чем с ним не советоваться. А могла вообще за попытку притеснения воззвать к народу и развестись в одностороннем порядке. И каких-то пятнадцать лет назад, при папе Рубенсе, народ бы ее поддержал.

И сейчас бы поддержал, но втихомолку, что обернулось бы очередным гуттаперчевым противостоянием. Как было с соборниками, как было с колдунами и выборгскими ковбоями.

Но Надя Ван Гог не взывала к народу. Она ухитрилась даже в столь щекотливом деле проявить завидную мудрость и выбрала казанского руководителя из трех дюжин кандидатов. В Казани давно наблюдалось некоторое двоевластие — то рулили слуги Месяца, то, на плечах нового дворянства, в кремль врывался очередной светский правитель, но торговля от этого не очень страдала. Лишь последние три года наметился явный перевес в сторону традиционных ценностей, и замелькало такое загадочное, и одновременно близкое слово «хан».

Надя Ван Гог самостоятельно решила, что мужу не повредит более близкое родство с человеком, от которого зависело, чтобы тридцать тысяч русских жили спокойно под сенью минаретов...

Теперь жена возвратилась из Казани в Питер, и он немного тревожился, получится ли у них все, как раньше.

Надя никогда не упоминала о чувствах. Ни разу, за пятнадцать лет, не отказала мужу в медовом месяце.

— Ну зачем тебе, чтобы я постоянно торчала перед глазами? — смеялась она, откидывая со лба копну светло-русых волос.— Пускай тебе дикарки твои надоедают, что спину мнут!

— Я не сплю с ними! — заводился Артур, а сам в эти минуты сгорал от ревности.

А вдруг у нее кто-то есть? Ведь проверить почти невозможно! С младшими детьми сидят няньки, Николай давно в Питере, Белочку тоже забрал в школу. Надежда, девчонка по-прежнему видная, стала для мужиков еще притягательнее в своем материнстве. Да и всего-то ей тридцать четыре стукнуло — самый возраст для гульбы...

— Поэтому мне лучше оставаться пока там,— шептала она мужу, обнимая его под одеялом.— Там, далеко, я знаю, что ты меня помнишь, а здесь я быстро надоем.

— Но до сих пор ведь не надоела? — понарошку обижался он, и прихватывал ее зубами за ухо...

В этом году они играли в юбилейную игру. Пятнадцать лет вместе и не меньше сотни медовых месяцев позади. И каждый раз Артур вспоминал, как Качальщики привезли их в крошащуюся от сырости гостиницу, посреди леса, и как любил ее, девятнадцатилетнюю, на полу, на шубах...

— Можно, я погреюсь у тебя?

Вязаный халат, волосы хвостом и ни тени улыбки. Пугливая девушка, изучающая нового мужчину.

— Погрейся,— Артур придвинул кресло.— Тут тебе будет удобнее.

Она забралась с ногами, сверкнув из-под халата голыми пятками, и уставилась на огонь. Он так любил наблюдать, когда Надя следит за пляской пламени. Зрачки сужались и расширялись, крылья носа чуточку расходились в стороны, и все ее лицо, округлое и немного простоватое, приобретало вдруг кошачьи черты. Она относилась к огню как к хтоническому чудищу, как к живому воплощению темного божества, и Артуру казалось, что ее пальцы вот-вот начнут скрести по обшивке кресла, превращаясь в кошачью лапу...

— Хочешь, я укрою тебя одеялом?

Она чуть сдвинула брови, изобразив легкое недовольство, но потом кивнула. Он принес пуховую перину и, стараясь не прикоснуться ненароком к телу своей гостьи, закутал ее до подбородка. Игра шла своим чередом, но всякий раз окрашивалась новыми вариациями.

— Ты хочешь, чтобы я уснула, да, демон? Надеешься, что сонная, я буду сговорчивей?

— Почему ты называешь меня демоном, женщина? — Артур плеснул в бокал сливовой наливки.

— Потому что ты хитрый, как демон.— Она задумчиво посмотрела на бокал в его руке.— Ты думаешь, что если накрыл меня, то я не уйду? Вот возьму и уйду, прямо сейчас!

Он прошел за ее спиной и закрыл дверь на ключ. Ключ положил в вазочку на каминной полке. Затем подумал, и привязал к поясу. Хозяина спальни прикрывало совсем немного одежды: льняная рубаха с открытым воротом и короткие штаны из замши самой лучшей выделки.

Надя следила за его манипуляциями, как застигнутый врасплох зверек. Артур постоял, покачиваясь, подкидывая на ладони тяжелый бронзовый ключ, затем отогнул пояс и спрятал ключ под штаны.

— Ты не уйдешь. Тебе для этого придется открыть дверь. Для этого тебе придется самой достать ключ.

Надя вздрогнула, и чуть порозовела.

— Ты хочешь напоить меня? Я слышала о твоих уловках. Ты всегда стремишься напоить женщин, которые ненадолго заходят к тебе, чтобы погреться у огня?

— Я отвечу тебе, если ты выпьешь со мной.

— С какой стати мне пить с тобой? — Она пригубила наливку. Коваль очень любил смотреть, как она пьет. После глотка, она всегда проводила языком по губе, точно собирала оставшиеся кристаллики сахара.

— Если ты со мной выпьешь, я скажу тебе нечто важное. Очень важное для нас обоих.

— Так я и поверила! — Она опустошила бокал.— Ну вот, теперь говори, ты обещал.

— Да, теперь я скажу,— проходя мимо, он подлил ей напитка. Томная, рубиновая струя слегка пенилась.— Я приготовил для тебя подарок. Он лежит здесь, в этой комнате,

очень дорогой и красивый подарок. Но ты должна угадать, в каком из пакетов он спрятан.

Подыскивая сувениры, Коваль всякий раз невероятно мучился. В этом мире не существовало магазинов косметики и художественных промыслов, да и саму идею дарить супруге безделушки мало кто разделял. Тем приятнее было Артуру ловить печать азарта на загорелом лице жены и наблюдать, как подрагивают в предвкушении ее такие детские, пухлые губы. В полумраке губернаторской спальни, на коврах и медвежьих шкурах, были разбросаны штук десять туго набитых мешочков и пакетов.

— Так я встану и найду!

Надя следила за ним, кося хитрым взглядом. Артур видел, как на ее напряженной шее, там, где бронза загара сменялась молочной белизной, ритмично пульсирует венка.

— Если ты встанешь, я не отдам тебе ключ. Тебе придется провести ночь со мной.

Он подлил еще вина в ее бокал.

— Размечтался! А как же мне тогда отыскать подарок? А что там такое? Вдруг ты меня просто обманываешь?

— Тебе жарко под одеялом, отдай мне свой халат.

— Еще чего захотел! — Надя закопошилась под пуховой периной.

— Я прошу тебя. Всего лишь сними халат, ничего больше!

— А у меня, кроме него, ничего и нет. Я сниму, а ты отнимешь у меня одеяло?

— Ни в коем случае. Я обещаю, что верну его обратно!

Коваль терпеливо ждал, подставив руку. Наконец мягкая, горячая верблюжья шерсть, несущая запах ее тела, легла ему в ладонь.

— Теперь давай мне подарок,— капризно сказала она.

— Встань и найди его.

— Ага! Теперь, когда я совсем-совсем раздетая...

— Да, теперь, когда ты раздетая.

— Ты обманул меня! А я тогда завернусь в одеяло и так пойду!

Она поднялась с кресла и, придерживая перину подбородком, принялась наматывать ее вокруг себя. Коваль, устроившись в соседнем кресле, с улыбкой следил за ней. Жену

поджидал новый трюк: стоило ей сделать несколько мелких шагов по мохнатому ковру, как от одеяла с треском отвалился изрядный кусок.

— Ах ты, негодяй! Ты подсунул мне ворох подушек! — Она пыталась удержать расползающиеся фрагменты, но тут, под собственной тяжестью, отвалился второй кусок. Ее голые ноги стали видны до колен.

Взвизгнув, Надя юркнула обратно в кресло.

— Очень дорогой и красивый подарок,— вкрадчиво соблазнял Артур, любуясь на ее блестящие, крепкие лодыжки.

В свое время, лет десять назад, он выдержал настоящий бой, преподавая своей жене основы эпиляции. Единственным приемлемым методом оставался огонь, и Надя, тогда, помнится, кричала, что муж хочет подпалить ее, как курицу...

А потом привыкла и втянулась. И, в отличие от тысяч сверстниц, привыкла выщипывать брови, удалять лишние волосы и каждый вечер принимать душ. Она многое ловила на лету, подлаживаясь под представления мужа о красоте, чистоте и безопасности...

— Подарок только один, а пакетов много,— сообщил Артур, подкидывая в камин березовое полено.— Ты все равно не успеешь их просмотреть, нитки разорвутся. Но попробуй!

— А что там, внутри?

— Там одна ценная вещь, которую я привез для самой дорогой женщины из Мертвых земель.

— И кто же эта самая дорогая? — обидчиво вспыхнула она.

— Та, которая не поленится проверить все мешки.

— Не постесняется, ты это хочешь сказать, демон? А вот и не пойду!

— Тогда я не отдам тебе ключ и отберу халат. Сюда придут гвардейцы и будут смеяться над тобой. Может быть, даже захотят потрогать, насколько ты крепкая, под одеялом...

— Ты гадкий и подлый!

Она решительно поднялась, стараясь удержать одеяло, хотя бы на груди. Но тяжелые подушки, стянутые буквально тремя стежками, расползались в руках. Надя нагнулась над первым пакетом. Он оказался набит старыми тряпками. Чертыхнувшись, она засеменила к следующему, Артур повернулся вместе с креслом и смотрел на ее ноги. Одеяло она

придерживала на талии локтями, волосы рассыпались, укрывая спину.

Перед тем, как прийти к нему, она нанесла на тело ту самую, жирную мазь, по которой так легко скользят пальцы. Артур чувствовал этот тонкий, чуть отдающий медом и горечью аромат, слившийся с ароматом ее тела. Всякий раз Надя привозила с собой из леса что-то новое: сбор из трав, любовную настойку, крем, изобретенный Качальщицами...

Сегодня ее плечи и лодыжки переливались. Когда она присела на корточки, чтобы получше разглядеть пустой кувшин, Артур увидел, что зеркально сияет и все остальное. Она села на корточки, повернувшись к нему спиной, и как будто случайно, выронила одеяло. Артур смотрел на рюмочный изгиб ее тела, на котором, если она прогнется еще чуть-чуть вперед, можно удержать несколько крупных монет...

— Здесь ничего нет!

— Хочешь, я подскажу, где лежит твой подарок?

— Хочу!

— Тогда подними руки.

Сквозь хрустальную вязь бокала, Артур следил за удивительной, почти африканской пластикой ее тела.

— А ты не начнешь меня лапать?

— Ни в коем случае.

— Ну, ладно, только ненадолго.

«Пятнадцать лет,— восхищенно думал Коваль, впиваясь взглядом в ее наготу,— Пятнадцать лет — и она все так же краснеет, сжимает коленки и невольно тянется прикрыть грудь...»

Он поднялся, запалил от огня лучину и медленно пошел к ней, на ходу зажигая свечи. С каждым шагом хозяина зала становилась все светлее. Шитье гобеленов на окнах мерцало от света десятков свечей, из камина тянулись к паркету жаркие, багровые языки, отражаясь в бронзовом блеске подсвечников. С потолка улыбались мудрые купидоны, а тритоны волокли в глубину зазевавшихся русалок.

— Ну что, насмотрелся? — сварливо спросила Надя Ван Гог, не делая попыток поднять с ковра одеяло. Артур остановился у нее за спиной, вдыхая аромат притираний.— Только не вздумай ко мне прикасаться.

Ее тело стало еще желаннее, чем прежде. Чуть раздались бедра, немного опустились соски, стали тяжелее ягодицы, но натертая травами кожа, как и раньше, отливала перламутром, и оставался почти плоским живот. Настолько плоским, что, замерев у нее за плечом и глядя вниз, в ложбинку, где прилип маленький крестик, он видел то место, куда так стремились его руки.

Женщина резко отодвинулась, превозмогая желание откинуться назад.

— Я не вижу тебя. Перестань закрывать грудь, и убери волосы наверх.

— Скажи уж честно, чего ты не видишь,— Наде потихоньку начинало передаваться его волнение, она дышала уже не так ровно, как прежде. Сейчас наступал самый ответственный момент игры, важно было не поддаться слабости и не рухнуть, обнявшись, в густой ворс... — Скажи, не то не уберу.

— Я не вижу твоей задницы.

— Ха! А чужие — глаза еще не намозолили? Ну, так и быть, а теперь говори, где мой подарок.

— Твой подарок вон там.

Он указал в угол спальни, где сохранилось одно из немногих больших зеркал дворца, оправленное в толстую раму. Рама изображала переплетение виноградных кистей и пшеничных колосьев, а на самом ее верху, метрах в двух с половиной от пола, красовалась потускневшая, многолучевая звезда. Со звезды свешивался холщовый мешок.

— Как я его достану? Ой, не дыши мне в затылок.

— Мне нравится твой затылок.

Он коснулся кончиком языка того места в основании черепа, где трепетала пушистая ложбинка. Надя вздрогнула всем телом, словно через нее пропустили электрический заряд. Жена была намного ниже его, и когда они обнимались, легко пряталась у Коваля под мышкой.

Артур вложил ей в ладонь веревочку.

— Завяжи волосы. Ты можешь залезть на банкетку, оттуда дотянешься.

Теперь она стояла лицом к зеркалу, в двух шагах от его серебряной поверхности, отражаясь с головы до пяток. Ловко закрутила хвост вокруг макушки, воткнула в волосы не-

сколько заколок и слегка наклонила голову, ожидая его первого поцелуя. Крохотные огненные зайчики света прыгали по напружиненным мускулам ее спины и прятались в тени сжатых бедер.

— Мне неприятно, как ты на меня уставился, демон.

— А мне неприятно, что ты так крепко сжимаешь колени, словно боишься меня. Мы договорились, что я увижу тебя всю, а ты не выполняешь условий.

— Вот еще! — фыркнула она.— Чего мне тебя бояться?

— Он подвинул банкетку к зеркалу. Это была одна из уцелевших мебельных реликвий восемнадцатого века, на позолоченных, гнутых ножках.

Надя медленно, словно пробуя воду, подняла ногу и окунула пальцы в горностаевый мех, укрывавший бархат обивки. Потом, так же медленно, встала на колени и плавным движением раздвинула ноги.

— Так тебе видно, демон?

Он взял ее за локти, и потянул назад, любуясь в зеркале, как поднимаются ее груди. Теперь они скрестили взгляды, и зрачки ее стали огромными, как маслины.

— Какой у тебя большой ключ...

— Ты можешь достать его.

Артур перехватил ее за кисти и развернул к себе лицом. Надя отодвинулась назад, почти вплотную к поверхности зеркала, и потянулась ртом к прорези на брюках. Сначала она зубами достала ключ, потом Артур ослабил пояс и отошел на шаг, удерживая ее руки. Он едва не застонал, когда она добралась до его раскаленного тела. Какое-то время он стоял, прикрыв глаза и ощущая лишь влажные губы жены, потом поднял затуманенный взгляд и увидел в отражении самую лучшую картину, которую мысленно рисовал себе все эти недели долгого ожидания. Он повел руками вдоль намасленной спины — вниз и вверх. Чувствуя, как она глубже выгибается под его ладонями, Артур не спешил окунаться пальцами в заветный полумрак. Он закусывал язык и возвращал ладони назад, проходя теперь вдоль дрожащих, налитых бедер и изогнутого позвоночника, заставляя ее зябнуть от нестерпимого желания. Наконец мозоли его ладоней царапнули два твердых соска.

Теперь он чувствовал не только ее полные губы, но и острые кончики зубов; чувствовал, как ее ногти оставляют под рубахой царапины. А потом ее руки поползли дальше, обнимая его целиком, окончательно освобождая от брюк, и сомкнулись сзади...

От внезапной, мучительно-сладкой боли он вскрикнул, и этот крик словно прозвучал для жены сигналом. Надя уже не слышала его просьб остановиться, она опускала голову все ниже. Волосы рассыпались по плечам; несмотря на его несильные рывки, она не разжимала рук, заключив мужа в пышущий пламенем капкан. Артур, уже не сдерживаясь, опрокинул ее на бок и склонился над ней, давая ей возможность опуститься еще ниже, ласкать его так, как умела она одна... Его пальцы уже скользили там, где расцветал горячий бутон ее плоти. И уже не жалея ее, облизал три пальца, хотя мог бы этого не делать, так легко в ней было скользить...

Делать два дела сразу Надя боялась, она вырвалась, растрепанная, покрасневшая, и совсем близко Артур увидел ее безумные, и такие счастливые глаза...

Но игра еще не закончилась. Не пытаясь освободиться от мужской руки, она, наоборот, приблизилась, терлась грудью о его рубашку, и постепенно раздвигала ноги, опускаясь, все ниже на пятки, пока не закусила губу от боли... Свободной кистью Артур держал ее за шею, проводя губами по ее набухшим губам, впитывая запах ее срывающегося дыхания...

— Ты... ты обманщик... Я же достала ключ...

— Так возьми... подарок...

Он неторопливо начал двигаться вокруг нее и вокруг тахты, отпустил ее шею, оставляя три пальца в прежнем положении... Потом нежно погладил ее спину, дал ей облизнуть большой палец другой руки... Надя дернулась, в зеркале он видел, как сокращаются и трепещут, в ожидании, две бронзовые дыни... Поймал губами ее рот, навалился сверху, не давая приподняться, и вошел второй рукой...

Женщина зарычала, пытаясь освободиться, но он уже поймал ее с двух сторон, изощренно и бережно играя на самых тонких и чувствительных струнах, зная, что спустя несколько секунд она взорвется, сильнее, чем взрывалась прежде... С каждым годом она ждала от него все более грубых ласк и

взрывалась все отчаяннее и громче, на пределе сил, истекая потом, билась между его рук...

Он не ошибся, она стала еще требовательнее; если раньше Надя вспыхивала от боли, сегодня она только бессильно повисла, закинув руку ему за шею, зрачки ее закатились, ртом она терлась о его ключицу, оставляя мокрые дорожки, прихватывая зубами волоски на груди, а второй рукой сама удерживала его внутри...

Потом она кричала, долгим, протяжным криком, и уже ничего не соображала, и исцарапала ему шею, и сердце ее колотилось, как кузнечный молот... А Коваль сжимал зубы и, не отрываясь, смотрел в зеркало на эту агонию, на ручьи пота, стекающие с ее лопаток, что бились, как связанные крылья...

Потом он ее отпустил, и ждал.

Надю всегда приходилось ждать, и для него это было самое сладкое ожидание на свете. И отодвинуться при этом тоже было нельзя, потому что, падая на бок, поджимая колени и сворачиваясь калачиком, она дрожала крупной дрожью, точно попала голая на мороз... Но при этом, не открывая глаз, протягивала руку, и притягивала его ко рту, так что Артуру приходилось брать ее лохматую голову между колен, и застывать... А едва он пытался пошевелиться, она, недовольно ворча, как потревоженный со сна медвежонок, прихватывала его плоть зубами... Или опускалась чуть ниже и ощупью, не открывая глаз, дотягивалась зубами до самого нежного, самого чувствительного и нервного места, и втягивала губами, как втягивают из раковин устриц, или берут, с висящей грозди, виноград...

Артур прикладывал к лицу уставшие ладони и вдыхал, вдыхал, до изнеможения, и чуть шевельнув бедрами, двигался ей навстречу, давая понять, что и сам не может больше терпеть... Тогда она, не открывая глаз, с удивительным выражением целомудрия на взмокшем лице откидывала назад волосы и забиралась ртом все глубже, раздвигая его колени... И уже переворачивалась на живот, не забывая приподнять и поиграть лоснящимися половинками, потому что помнила, как муж любит на нее смотреть, помогала себе обеими руками... И снова, не давая опомниться, невероятно изогнувшись, оказывалась на спине, и Артур, качаясь от изнеможения, видел лишь ее напряженное горло, и подбородок...

И в конечном усилии, теряя остатки воли, одну пятерню клал жене на шею сверху, а другой придерживал снизу, запрокидывая ей голову до предела, путаясь в ее роскошных волосах, и ощупью находил ее рот... А она, упираясь пятками в зеркало, вцепившись в горностаевое покрывало, толчками приникала к нему, пока он не взвился с рыком и не свалился на нее, всей тяжестью, ощущая низом живота, как сокращается ее горло...

— Боже мой, какая красивая штучка! Что это такое?

— Я думаю, это бриллиантовая диадема.

— Ди-а-де-ма... — по слогам повторила она, пока Коваль защелкивал ей на шее застежку.— Какое смешное и трудное слово. Откуда она у тебя?

— Подарили, в Париже... добрые люди. Можешь гордиться, ее носили французские королевы.

— А можно, я буду гордиться тобой?

— А раньше ты мной не гордилась?

Кончиком языка он собирал капли пота с ее спины.

— Очень странно,— надулась Надя.— Почему это, мне никто, кроме тебя, ничего не дарит, а тебе, какие-то люди, непонятно за что, приносят красивые камни. Они что, дороже золота?

— Мне ее подарили, потому что знали, что у нас с тобой юбилей.

— Кто у нас?!

— Пятнадцать лет.

— Ой, молчи! — Надя шлепнула его по губам, затем упала на спину, сладко потянулась, и притянула мужа к себе.— Я ужасно старая, да?

— Ты самая молодая и самая красивая!

— Я толстая и беззубая. Вот, видишь? — Она продемонстрировала мужу очередную дырку в десне.— А у тебя стало еще больше седины...

— Теперь ты уйдешь от меня к хану? Он молодой и черноволосый.

— Я подумаю, как поступить,— хихикнула Надя.— Ой, да ты ревнуешь меня, Кузнец? Ой, как весело!

— Нет ничего веселого. И вовсе я не ревную, просто уж больно ты там задержалась,— он старался говорить небрежно, но что-то его выдало.

— Кузнец, ты остался таким же дурачком, как пятнадцать лет назад,— Надя приподнялась на локте и водила пальчиком по его губам.— Ты знаешь, что к хану приезжали посланцы Карамаза?

Глава двадцать вторая

В ожидании осени

— Что?! — Коваль чуть не свалился с банкетки.— Ты там, в постели, шпионила или детей делала, я не пойму? Откуда ты знаешь про Карамаза? Кто тебе назвал это имя? Халитов не настолько глуп, чтобы раскрывать рот в присутствии моей жены!

— Хан совсем не глуп,— задумчиво откликнулась Надя.— Он мне, как бы, ничего не говорил. Все получилось очень странно... На второй день он пригласил меня на охоту, с ловчими птицами, потом мы ужинали в поле, жарили мясо. Меня охраняли, кроме твоих ребят, еще человек десять, ты не представляешь...

— Прекрасно представляю,— Коваль подумал, какую охрану выделил бы он, если бы к нему приехала ханская жена. У Халитова было три жены, и Артуру говорили, что все три появлялись на людях с закрытыми лицами. Слава богу, мамой была лишь одна, и чтобы забеременеть, помощь питерского губернатора ей не требовалась. И так все время на сносях ходила. Точнее, изредка выезжала в закрытой машине...

— И когда мы покушали, Эльсур даже предложил мне вина, хотя ему самому пить нельзя. Потом он играл в нарды с твоим полковником, и еще, были его генералы...

— У всех генералы,— тяжело вздохнул Коваль. А у меня, народу больше всех, а генерал всего один...

— Они говорили о волнениях на юге, а потом Халитов сказал, что Уфа решила выйти из Пакта...

— Напугали ежа одним местом!

— Халитов сказал, что Уфа выходит из Пакта, потому что не хочет разногласий с Качальщиками. Качальщики требуют, чтобы горожане не запускали старые заводы, и башкирские муллы

с ними согласны. Они тоже говорят, что все беды оттого, что русским неймется. Муллы говорят, что надо жить по Книге сур. Надо чтить бога, соблюдать посты и не хлестать водку, тогда и земля не будет качаться. А еще надо прекратить учить женщин грамоте, запретить,неверным торговать на рынках...

— А при чем тут мы? Мы с ними, практически, не общаемся.

— Ты знаешь, мне показалось, что Эльсур рассказывал все это не только для мужчин, но и для меня. Даже, скорее для меня.

— То есть, для меня? — уточнил Артур.

«Это становится занятным,— подумал он, разглядывая пышнотелых ангелов на потолке.— Хан что-то задумал. Прямо говорить не хочет, а на дружбу намекает. Интриги, интриги... С другой стороны, нам с Казанью делить нечего: и друг от друга далеко, и дел общих почти нет. Тут вон, с Таллинном цапаемся, новгородские буянят, купцов давеча поколотили, короче, со своими бед по горло...»

— Твои ребята стали хану возражать,— вполголоса продолжала Надя, водя указательным пальцем по мужниной груди,— убеждали его, что Качальщики вовсе не против заводов, если не сливать грязь в реки, и высаживать деревья, и все такое... Они разбуянились, тебя защищали. Рассказывали ему, сколько ты в Питере мастерских запустил, и про свет на улицах, и про паровики, и про биржу. Хан слушал, слушал... Знаешь, как он слушает: глазки прикроет, сам кругленький, вот и кажется, что добренький. Так он их слушал, пока не выдохлись, а после сказал, что и сам все это знает.

Сказал, что в Питере полно татар и что сам он у нас на бирже деньги оборачивает, и даже казанские рубли готов нашими заменить. И вообще, про губернатора Кузнеца он слышал много хорошего, но жить теперь они будут своим умом.

Тут он опять, вроде как, погромче заговорил, чтобы я слышала. Он сказал, что жить надо так, как завещали деды. Тогда все сытые будут, и раздоры кончатся. И тут такое на нас погнал... И про то, что в Питере гулящие девки в кабаках нагишом пляшут. И про то, что ты такие кабаки со спальнями разрешил, и налоги с них в казну берешь. И про то, что у нас девкам и бабам курить на улицах не запрещают. И про то, что у нас тех мужиков, кто с другими мужиками милуются, не то-

пят, как у них, и причиндалы им не режут... Вот, говорит, приезжали гости с юга, там все строго, потому и народ не балует. Гулящих палками, да камнями бьют, и школы только при мечетях оставили, потому что от школ самый большой вред идет.

И мы, говорит, скоро у себя так сделаем, дайте срок. А иначе, сказал он, вернутся времена Большой смерти. Тут стало так тихо... Сам знаешь, всуе Большую смерть поминать негоже.

«Это с чего, такие страсти? — спросили наши.— Лет десять, почитай, уже масок никто не носит, а дети так и не помнят, откуда Большая смерть взялась».

«Это и плохо,— сказал Халитов,— что не помнят. Большая смерть пришла к людям, когда они на бога плюнули, и стали жить как скоты. Я слышал,— говорит он,— что у вас, в Петербурге, в школах до того дошли, что лекарихи девок без стыда учат, как с мужчинами ложиться. А еще я знаю, что у вас не трогают тех, кто жует траву и курит зелье, и вместо того, чтобы бить их насмерть палками, отправляют к Хранителям, на лечение. И что на такое грязное дело лекарей сам губернатор подбил. А с того, мол, началась Большая смерть, что стыд потеряли».

— Черт возьми! — вскипел Коваль.— Что же он валит все в одну кучу? Я пытаюсь возродить половую гигиену, при чем тут бордели и анаша?

— Ну, наши так и сказали, что мол, против срамных болезней учат, чтобы детки здоровые были. Мамочек-то все больше становится, тьфу-тьфу... А хан отвечает, что от такого учения весь вред и пошел. Что жили их предки в святости, и дочерей своих в узде держали, пока с запада такая вот гниль не поперла. Приезжали, к нему-де люди от Карамаза. Книги древние показывали, да газеты. Там так и написано, что... Сейчас вспомню, как же это? Что, мол, духовники Востока призывали людей вернуться к тра-ди-ци-ям, а власти их не слушали и раздавали бабам резину, чтобы детей лишних не было. И про мужеложцев написано было, и про девок кабацких. Будто имамы говорили, что таких надо плетками бить и из городов гнать, тогда зараза бы не пришла в дома к правоверным. Но имамов не слушали, потому что деньги были у злодеев...

— Н-да, старая песня... Но я же общался с Эльсуром, он не был таким отродоксом...

— Не знаю уж, кем он не был, но мне там не понравилось. И в городе не понравилось, а в деревне и подавно. У них и так мало кто древние книги разбирает, а теперь девчонок вовсе по домам сидеть заставили, им только хозяйством заниматься позволено! Слушай, Артур, я потом гуляла по городу, по базарам... Да не беспокойся ты, не одна же, с охраной. Я с женщинами говорить пыталась. Они дикие все, забитые, как чингиски, ничего не понимают. Сидят девчонки молоденькие, картошку или рыбу продают, половины слов не выговаривают. Сначала я думала, что это у них крестьянки такие, в лесу живут, потому что... А потом во дворце с женами Эльсура познакомилась, и с другими женами, начальников всяких... Развлекать меня пытались, люди-то добрые, ничего не скажешь, но они совсем...

— Хочешь сказать — глупые?

— Нет, почему глупые? Но я вот как думаю, Артур, ведь женщин примерно половина. И у русских половина, и у чухни, у норвегов, и у татар, у всех... И значит, половину людей хан, как собак, хочет под лавкой держать. Чтобы со двора ни ногой, и самим с ребятами знакомиться нельзя, и грамоте нельзя, даже считать не учат...

— Наденька, им виднее, как у себя жить. Мы не можем их ни заставить, ни переделать.

— Так ведь, эти самые девочки, кто сейчас под лавкой рыбу чистит и с чужим парнем словом не может перекинуться, потому что палками забьют, они же потом мамочками станут. Они же дикие совсем. Чему они детишек-то научат, ежели половина народа в дикости застрянет? Как они сыновей поднимать будут?

— Хороший вопрос,— хмыкнул Коваль.— Глядишь в корень... Так и поднимут. Такими же, всесторонне развитыми, членами общества... Слушай, наши там не передрались? — озабоченно спросил он.— И почему мне не доложили, что обратно захватили переселенцев?

— А что тут докладывать? — удивилась Надя.— Ничего такого нового. Наши караванщики, всякий раз, как оттуда идут, человек двадцать русских в Питер прихватывают. Много отту-

да народу уехало, бояться стали. Но полковнику-то чего драться? Наоборот, на охоту съездили, отоспались...

— Ты считаешь, Халитов не прочь со мной встретиться?

— Он странно себя вел. И когда мы с ним...

— Да ладно уж, не стесняйся!

— Когда мы с ним вдвоем остались,— запнувшись, выговорила Надя,— мне показалось, он передать тебе что-то хотел. Да, видать, через бабу зазорно ему было...

— Так ведь мог и с мужиками передать.

— Вот и я так подумала сперва. А потом смекнула. Стесняется он. Не хочет показать им, что напуган.

— Напуган? Что-то я запутался...

— Мне кажется, тебе стоит съездить в Казань, Артур,— Надя произнесла это без нажима, как бы вскользь, но Коваль слишком хорошо знал жену. Она крайне редко выбирала именно такой тон, только когда хотела донести что-то исключительно важное.— Я прожила во дворце, у Эльсура, две недели и немножко научилась его понимать. Хан слишком умен, чтобы доверять гадалкам, и не занял бы Золотой трон, если бы был трусом. Тебе стоит съездить туда, пока не собралась Дума.

— Опасаешься, что меня выгонят в отставку?

— Ты же сам говорил, что надо устроить выборы, пока богатеи не начали решать без тебя. А как они решат, никто не знает, особенно те, с правого берега Невы. Сахарные заводчики, их еще зовут Королями свеклы, на своих сборищах кричат, что пора сделать вече, как в Новгороде, потому что, мол, городом заправляют не те, кто добился положения своим умом, а те, кто губернатору пятки лижет. А ковбои-скотники? Заводы построили, разжирели, по сотне дикарей в батраках держат. А заборы какие вокруг хат подняли, колья в смоле, выше сосенок поднимаются. За заборами псы, а то и коты ручные. И сами, как псы, в щелочки пялятся...

— Погоди-ка,— перебил Артур.— Ты что же, предлагаешь все забрать и поделить? Вот уж от кого не ожидал...

— Да они, которые из первых ковбоев, спят и видят, как тебя столкнуть. Столько лет при старых властях жили припеваючи. Никто с них налогов не брал, цены они для города ломили, какие хотели, еще и в батраки к ним все нанимались. За мешок гнилой свеклы по месяцу батрачили. Я-то про это не

просто наслышана, мой папка сам под ковбоями ходил, шею на них гнул...

И с кем они заодно, про это тоже всем известно. Как стал над городом губернатор Кузнец, пришел конец вольностям. В казну платят, караванные стражи выставляют без всяких отступных, и сыновья их теперь в войске отслужить обязаны. Детей в школы чуть не насильно уводить пришлось. Или ты забыл, сколько крику было, сколько твой Абашидзе усадеб пожег, прежде чем ковбои согласились девочек в город, на учебу отпускать? А подушный налог? А поземельный? Помнишь, как они выкручивались, будто неурожаи каждый год и сами будто бы солому жрут, а бабы их, кто рожать может, по семеро детей как-то ведь кормят? Пока ты подушно не обложил и землю не разграничил, чтобы с худой земли меньше платить, чем с жирной...

«Она права,— думал Коваль, чувствуя горячее дыхание жены у себя на ключице. Как всегда, она права, хотя у нее нет штата доносчиков и своры экономистов. Ковбои превратились в бояр и по-прежнему живут богаче, чем ремесленники и фабриканты. И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не введем новые формы земледелия, точнее, пока мы не вернемся к нормальной механизации. Немцы, вон, уже давно возвратились. У них опять один человек сотню кормит. И эстонцы, и литва, а у нас все никак. Оттого и нос задирают, ландскнехты хреновы. Им предлагаешь выкупить у мастеровых плуга новые, и трактора паровые предлагали, так нет ведь. Им дешевле нищих дикарей на сезон набрать, и прямо на поле, в шалашах поселить...»

— Все знают, что соборники заодно с ковбоями. Не все, конечно. Троицкий и Никольский соборы за тебя, но митрополит и Лавра стоят за ковбоев. Ты зря улыбаешься,— тормошила мужа Надя.— Мало тебе, что я чуть не померла, когда в тебя стреляли? Раз стреляли, два...

— Но не убили же?

— Типун тебе на одно место! Серго скажи спасибо. Только соборники-то не успокоятся, потому что народ им верит. Чуть что — Большую смерть поминают, чуть что — намекают на тебя. А люди слушают. Прямо, конечно, не говорят, боятся, но ведь если прямо заговорят, поздно будет Думу собирать. Они

ведь на что злые-то? Ты сначала народ из дворцов повыгонял, когда коммуны распускали, а потом и с квартир повыгонял, кто без бумаги гербовой вселился. Они ведь, как коренные жители, хотели лучшее подмять, а ты лучшее новым служивым раздавать начал. Детей ты им по книжкам церковным учить не даешь, монастырь в городе открывать не разрешил, земельные угодья отводить им не стал. Сколько раз они к тебе за земелькой обращались?

— Да я уж и со счету сбился. Только ты не путай, Лавра у меня не землю просит, а полученные на нее дарственные узаконить хочет.

— То-то и оно, узаконить! Кто дарит-то? Те же ковбои, да фабричные, которым Земельная палата нарезала лесов для порубок. Я тебе скажу, что они сделают, если ты в Думу их пустишь. Вся эта голытьба, которая тебя на руках носит, Старшин толковых выбрать не сумеет. Пролезут те, у кого денег больше, кто народу на площадях вино бочками выставит, да медь в толпу раскидывать станет. Пролезут, и такой кулак соберут, что закачаешься. Уже бродят слухи... Вон, внучок у Прохора, что у тебя в Эрмитаже живет, на побывку приезжал, так даже пацан — и то наслушался...

И про то, что Кузнец собор от городской власти отделил настрого; и что девок крестьянских насильно в школы сгоняешь, а там супостаты гадости богопротивные рассказывают; и что французов нарочно из Мертвых земель привез, деток смущать. Про то,что новую железку для паровиков до Таллинна починить задумал, и две тысячи шептунов нанял, а для того всех, у кого больше двух коней на подворье, непомерным налогом обложил. И про то, что иноверцам золота от казны выделил, чтобы свои храмы чинили, да новые строили; про древние корабли, которые за казенные деньги чинить начали. Говорят, что ежели один такой корабль на промысел выйдет, сотни рыбачьих артелей разорятся. А уж про иноземцев, тобой обласканных — германцев, чухню, да прибалтов, кого ты на Васькином острове, в хоромах селишь,— и говорить нечего...

— Так ты тоже считаешь, что от них один вред? Ты же, вроде, к причастию ходишь, всякую тварь любить должна?

— Про меня слова нет, я жена твоя. И Василий, духовник, хоть ты его и недолюбливаешь, худого слова про тебя не ска-

жет. Наоборот, он говорит, что от иноземцев-то процветание в городе и пошло. И это он меня, если хочешь знать, первый предупредил, что после выборов кровь пролиться может.

— Он все еще в опале, у митрополита?

— Я так думаю, за то и в опале, что со мной нянчится, да Качальщиков защищает. Поначалу, когда он приход на Урале открыть решился, его благословляли. Подвижником называли, с древними святыми сравнивали... которых к голодным львам бросали...

— Это кто же, голодные львы? Хранители, или семейка Арины Рубенс?

— Вот, оттого Василий и печалится,— вздохнула Надя.— У него раскол-то, с митрополитом, из-за дочки Рубенса вышел. Приход ему где назначили? Да как раз на том хуторе, куда ты ссыльных поселил. Там, почитай, полторы сотни живет, расплодились. Вот, чтобы без слова божьего не остались и Крест не забывали, Собор его и отправил. А Василий с Качальщиками сдружился и остался у нас в деревне. Сруб ему поставили. К Арине и прочим ссыльным за двадцать верст шастает. Ему больше нравится среди Хранителей проповедовать, говорит, что в благодатную почву зерна падают.

— И что Хранители? Не обижают его?

На самом деле Коваль был прекрасно осведомлен о положении первого христианского миссионера. Его появление в деревне санкционировала Хранительница рода, после того как Качальщики приняли решение не путаться больше в доктринах и не запутывать детей, растущих в Питере.

— Его даже любят, детки особенно,— рассмеялась Надя.— Девчонки даже плачут, когда он им про святых угодников и страсти всякие рассказывает. А к питерским ходит неохотно, сам признавался и митрополиту каялся, что тяжело. Недобрые, говорит, люди, злопамятные, тяжко к их сердцам пробиваться...

— Ну, еще бы,— заметил Артур.— Им есть на кого зло держать.

— Василий их и так, и эдак умасливал, чтобы хоть в детках ненависти к Качальщикам не стало. Ведь живут рядом, а словно враги какие... А заодно, чтобы тебя, Артур, не проклинали. Ведь дела прошлые, кто в лесу выросли, те и не помнят

ничего... Митрополит на Василия сначала за змея напустился. Василия назад на крылатом змее Хранители подвезли. Прознал кто-то и донес. Мол, змей — он не божья тварь, а бесовское создание, на черной крови взращенное. Потом ему попало за то, что учит грамоте детей Качальщиков, а не ссыльных. Василий тогда соборникам и сказал, что никак не может заставить поселенцев отпускать детей учиться вместе с язычниками. А по раздельности он учить не будет, ибо для него все одинаковые.

Накипело у него, видать, раз поделился со мной, как его там ругали, в Лавре-то... Соборники намекали, что этой осенью губернатор слезами умоется. Мол, слишком много недовольных, дела в городе неправедно вершатся. Новый заговор зреет, среди мелких торгашей. Их, почитай, с семьями сотни три по миру пошло, когда ты Гостиный двор отстроил и оптовые товары там, от казенных складов, задешево пустил. А крупные караванщики, в свой черед, тоже недовольны. С прошлого-то года, всякому каравану торговый налог вперед уплатить надо. Раньше прибыль утаивали, сходят куда подальше, хотя бы в Тамбов, и жалобят клерков, что ничего не поимели. А теперь прибыль, не прибыль, а вперед отсыпь...

А в тюрьмах сколько? Василий встречался с батюшкой в Никольском храме. У того сын за поджог третий год воду из подземки качает. Помнишь, рынок пожгли на Сенной, где усатые, в халатах, торговали? Этот вот батюшка, даром, что человек умный, прошений в Судебную палату не подавал, потому что сына не одобряет. Но все равно ропщет, говорит, что раньше такого не было. Такой, мол, губернатор кодекс сочинил, что честным людям, впору в лес бежать. Тысячи человек посадил. Раньше убивца или вора схватят, и никто за него гроша бы не дал. Топили без разговоров, или вешали, и никаких тюрем не надо было. Зато ежели мелочь какую по глупости натворят, так на то и молодость, чтобы шалить! Подумаешь, ну пару ларей черномазым подожгли — экая беда! Чтобы не повадно было цены сбивать, да на девок наших заглядываться. И маются теперь наши же русские парни в подземке, вшами заросли, свету белого не видят, все потому что губернатор усатых больше любит, чем православных...

Мол, кто у Кузнеца на задних лапках бегает, тому и усадьбы, и дворцы целые. Простые служаки, кого по дворам в рекруты забрили, в сараях живут, а гвардия — чуть не в сметане купается. Ведь самый подлый люд набрал в гвардию, даже иноземцев черных...

— А они что хотели, чтобы я гвардию вшам скормил? На кого тогда опираться?

— Вот про то Василий и сказывал. Есть такие, кто золота не пожалеет, лишь бы на сотню думских лавок недовольных посадить. Чтобы из тюрем, да из ссылок вернуть тех, кого Кузнец обидел, да ковбоям богатым честные поборы вернуть, да фабричным позволить строиться и селиться там, где пожелают. А ежели клич кинуть, чтобы Качальщиков из города долой, так тут любой дикарь рад будет...

— А что сам Василий думает?

— Я много раз спрашивала. Он хитрый, говорит, что он тут ни при чем. Не в его правах, дескать, кесарям путь указывать, пусть другие, кого гордыня обуяла, у трона ползают, да нашептывают.

— А ты ему говорила, что едешь к хану?

— А что он скажет? Благословил. Что он сказать может? В Библии, говорит, нигде не сказано, чтобы такое непотребство церковь одобряла, но иначе после Большой смерти и не выжили бы. Он думает, что раз мамочек все больше, значит, господь услышал молитвы... А митрополит, на следующем Соборе, хочет анафеме предать всех, кто от иноверцев детей рожал.

— Совсем старик чокнулся! Как мы тогда генофонд сохраним? Ладно, милая,— он чмокнул жену в ухо.— Все это невесело, но Думу собирать придется, иначе пойдут бунты. Я устал с ними воевать, пусть сами выберут себе власть и сами с ней сражаются.

— А вдруг они не выберут тебя губернатором?

— Тогда мы уедем на Урал или, наоборот, в Варшаву, чтобы новый губернатор не думал, будто я под него копаю. Обидно, конечно, столько сделано...

Он замолчал. Вспомнил три последних года, когда управлять становилось все труднее, а мощные группировки буквально хватали за горло, требуя власти. Он разрывался между

преданными ему братьями Абашидзе и Судебной палатой, а в судах сидели честные, но примитивные крестьяне, которые никак не могли понять, почему приговор должен соответствовать закону, а не порыву души...

Нет, избрания другого градоначальника допускать никак нельзя. Надо добиться своего во что бы то ни стало... Иначе, как частное лицо, он никогда не соберет средств на Второе посольство, как называл грандиозную затею Хранителей Левушка Свирский. И никогда не получит благословения у Собора, и никогда не сдвинет с места тысячи оседлых крестьян, которым дела нет до государства...

— Придется опять проявить большевистские качества,— сказал он жене и укусил ее за ухо.

— Это как?

— Телеграф, мосты и банки,— Коваль перевернул супругу на спину и скользнул ладонью вниз по ее животу.— Очень хочется, чтобы все было по-честному, но действовать придется по обстановке.

— Ты съездишь к хану, Артур? — Надя на полпути перехватила его ладонь.— Он совсем не трус и хочет добра своему народу.

— Неужто его напугали страшным Карамазом, который живет за тридевять земель?

— Нет, Артур. Мне кажется, он не хочет войны с тобой. И он что-то узнал. Что-то по-настоящему страшное...

Глава двадцать третья

Сказки озерного края

В этих краях свет никогда не добирался до поверхности земли.

Здесь деревья росли так густо, что солнечные лучи путались в переплетении ветвей и задыхались, как беспомощные мушки, в тенетах паука.

Вокруг поляны вековые стволы поднимались настолько плотным частоколом, что ни один охотник не сумел бы сюда

пробиться без топора. Но ни охотнику, ни лесорубу не пришло бы в голову штурмовать вязкую, гнилую трясину. А чтобы пробраться даже на край трясины, городским пришлось бы долго уламывать проводников из ближних поселений. Пришлось бы двое суток продираться через ельник, спускаться в лощины, оставшиеся после затонувших поселков, подниматься на курганы из скрипучего песка, под которыми стонали, рассыпаясь на части, древние заводы. Пришлось бы все время быть начеку, чтобы не проморгать ядовитых летунов, и мазаться пахучей смолой, чтобы отогнать клеща. А еще рыси, и шатуны, невесть откуда взявшиеся в сытом лесу...

Тот, кто преодолев чащобы и несчетное количество троп и дорожек, выходил к мурманской трассе, вдоль которой, в сухие дни, ветер гоняет рыжие смерчи ржавчины. А обочина, на двадцать шагов в обе стороны, превратилась в черную корку от слежавшейся автомобильной резины и золы сгоревших машин. Утюжили трассу, видать, на грейдерах не день и не два, скидывали в канавы авто обезумевших дачников, норовивших скрыться от Большой смерти в курятниках своих...

За левую обочину и заступать-то не хотелось. Болото стелется на десятки километров, словно вырастая из озера, выбрасывая впереди себя смрадные плевки стоялых луж, подтягиваясь на покрытых слизью корягах и обволакивая редкие сухие островки звоном остервеневшего гнуса.

Звон стоял на два дня пути, почти до Петрозаводска, хотелось в ухе потрясти и зубами пощелкать, вымести изо рта гадкий звук. И ни черта было не видать сквозь кочки, да чахлые, пожухлые стволики. Только громада темная проступала вдали. Ясно, что лес вдоль воды, а не подберешься. Даже в светлые деньки, самые зоркие охотники терялись и терли глаза. Парило, парило над поясом прибрежного леса, и клубился над щетиной голых сучьев сумрак, мешая солнцу осушить трясину.

Иногда, впрочем, темень слегка расступалась, и на дальних опушках проглядывали древние строения, трубы или даже колокольни. Убегали влево от шоссе дорожки, а кое-где и на столбах бетонная развилка выгибалась, но все они, точно больничные швы, рассасывались в зеленовато-желтых холмиках и в пузырящихся лужах. И не подобраться никак к приозерным скитам...

Ни посуху, ни по воде.

Колышущимся полукольцом, шириной в пяток километров, охватывала берег полоса водной зелени, вплотную примыкающая к суше. Даже самый опытный рыбак не решился бы провести лодку по лабиринтам узких проток, среди завалов из гниющих бревен, за которыми, точно согнанные в одну кучу метлой, доживали свой век брошенные суда. Сквозь металл и пластик проросли болотные травы, камыш, и совсем уж непонятные водоросли проросли. Вымахали, словно тропический лес. Были раньше обалдуи, что и поджигать пробовали, из озорства.

Не горит травка озерная. Вымахали камыши в рост человека, шумят, стонут, вроде бормочут что-то. Далеко их слышно, так далеко, что поневоле перекреститься хочется...

Никто не подходил к восточному берегу Ладоги с этой стороны... Кое-где наметанный глаз мог бы различить остатки дорог и тропинок, убегающих в самый центр запретной земли, но в позабытых колеях осока и волчьи травы поднимались еще выше, чем по обочинам. А обочины покрывала обманчивая, мягкая мурава, в которой за минуту мог бесследно исчезнуть бык или телега вместе с лошадью.

На десятки километров вокруг не горят огоньки усадеб, и не пляшут в небе ароматные дымки очагов. Не любит озерный край переселенцев.

А там, где буйная растительность спускалась к воде, не оставалось даже узкой тропки, по которой можно было бы прийти сюда, вдоль мелководья. В верховьях Невы шустро разрастались рыбачьи да охотничьи поселения. Ниже по течению их становилось больше, там и сплавщики уже вовсю орудовали. Пилы визжали, топоры бухали, звон колокольный разливался, хороводы в лугах играли...

А на Ладоге — тишина заповедная. Бывалые мореходы охотно забрасывали сети в озеро, но к восточному берегу ходили только, если что ценное водой унесет. Молодые, бесшабашные парни иногда подбирались ближе. Наводили бинокли на мглистую, зеленую завесу и клялись потом, что видели, как стелется черный дым.

Такие подвиги были верхом смелости.

Не то было на других озерах, взять хотя бы Чудское море. Там, после ряда мелких стычек, взаимных поджогов и разделе-

ния земель вполне мирно уживались общины лесорубов, рыбаков и тех, кого привыкли называть Озерными колдунами. Колдунов остерегались, обходили их поселки за версту, но всякий мореход знал, что под Гдовом проживает бывший большой начальник из Питера. Знали, что тот прекрасно ладит с соседями. Знали также, что в Гдов наведываются за советами шишки из Петербурга, а сын этого самого Рубенса выбился в служки к самому губернатору.

И с южными озерниками предпочитали не воевать. Детей они воровали, как и прежде, но довольствовались теперь дикарями, коих водилось по мелким речкам великое множество. Деревенских детишек, после того как губернатор спалил у колдунов целую деревеньку, на ворожбу больше трогать не смели. А ежели кого, с особым даром, находили, так норовили выкупить за любые деньги. Помнутся родители, погорюют, да и продадут дитятко. Все лучше, чем остаток дней за него бояться... И существовали Озерники как бы сами по себе, и торговали с городскими лишь в случае крайней нужды.

На Чудском море давно забыли о резне, а на Ладоге ее никогда и не было.

Потому что на восточном берегу людей как будто и не водилось. Спроси любого в рыбацких деревнях, почему на сорок километров боятся пристать к берегу — не ответят. Отведут глаза, промямлят что-то про дурной запах и дохлую рыбу и замнут разговор. Невские рыбаки хорошо знали главную заповедь,— не поминать лихо, пока тихо...

И было тихо, много лет было тихо. Болтали, вестимо, всякое, особенно в городских кабаках, когда пропивали выручку от продажи улова. Многие и прихвастнуть могли, но люди, посланные губернатором, чтобы слушать да запоминать, свое дело знали крепко. Смекали, когда дурак попусту треплется, а когда правдивое словечко с уст сорвется.

И уж если сорвалось, старались ни за что дорогого гостя не выпустить. Подливали винца за счет казны, подначивали да подтрунивали. Раскраснеется дедок от бражки крепленой — и давай рассказывать...

— ...Те, кто по мирной-то гати на гуся и прочую дичь ходил, в шалашах, бывало, по несколько ночек ночует. Всякого навидались. Например, бывают ночи... Вдруг, безо всякого ветра,

налетит облако зябкое. Брызги мелкие, ледяные, а не дождь; вроде тучки, а не тучка. И луна тогда, из цвету голубого, в пурпур уходит, в багровый глаз обращается... А уж коли случилось такое, в лесу остаться, тут молись не молись — не поможет. И бежать тоже никуда не след, еще хуже обернется.

Под Красной луной появлялись из бурелома неясные фигуры. Брели по гиблой воде легко, как посуху, до самого шоссе. А там собирались стайкой, перешагивали обочину и в обычном, сухом бору растворялись. Ищи — свищи! А если хватило храбрости пойти по следу, все равно не разглядишь... Словно морок какой наведут, а то и вовсе заставят человека на одном месте кружить до беспамятства, до полной потери сил...

И обратное видели. Как возвращаются колдуны под Красной луной. Легко скользят, неслышно, хоть и с мешками. Будь ты самым разудалым охотником, а не найдешь и следочка, не услышишь, как веточка, или листик, хрустнет... И упредить их, или заранее подловить, как из бору покажутся, ни у кого не получалось. Собаки у охотников, даром, что на всякую дичь натасканные, а не тявкнут. Совно ни запаха, ни звука не чуют. Страх, да и только. Но, с другой стороны, для местных и опасности особой нет. Пронесут колдуны свои мешки — и канут бесследно, только рогатины замшелые вослед качаются...

Но кое-что все же подбирали, отыскивались дотошные.

То колечко женское, то туфельку, то сапожок детский, а когда и крестик в сырой земле блеснет. Не с пустыми руками озерные чародеи возвращались в свои берлоги. Вот только, где они эту добычу находили, никто так и не дознался. Никто не слыхал, чтобы взрослые или дети пропадали.

Видать, много дальше забирались Озерники, а «своих», местных не трогали, чтобы шума не поднимать. Может, в Петрозаводске озоровали? Тамошние сказывали, что за прошлый год, пятеро детей сгинули, но не докажешь, чьих рук дело. Мелкие ведь: и утопнуть могли, и свинье достаться...

Вспоминали, конечно, бывалые люди, и совсем другие происшествия, но за давностью лет случаи такие уже вроде как сказками стали. Например, говорили, что еще лет двадцать назад Озерники с Онеги и Чудского собирались вместе, не таясь, приходили к ладожским в гости. То есть как, «не таясь»? Все

едино ночью, да по самым темным закоулкам. Но утром с воды далеко было видать, как от их костров дымы поднимаются, да и не прятались они нарочно...

А еще раньше, лет тридцать назад, кто-то из молодых дураков озоровать пытался. Тогда по области еще много открытых бункеров с древней химией оставалось. Это позже, еще у прежнего губернатора, появился советник Карин и целый год только и делал, что бункера засыпал, да награды раздавал тем, кто про оружие донесет. А до Карина этого добра было — завались. Вот и выкопали откуда-то бочку по пьяни. На лодке привезли, не поленились, а потом волоком до самой границы колдовских владений тащили. Границу никому указывать не надо, и так видно. Туда даже летуны шипастые, и то не залетают. Дотащили, стало быть, бочку, дно проломили, и в болото столкнули. С песнями, да с хохотом.

— Убирайтесь! — кричали пьянчужки.— Туточки наш лес, и озеро тоже наше! Расплодились тут, всех повыведем, чертей...

Ну, море-то по колено, дело известное.

А буквально на следующий день — заштормило. И такие волны пошли, что ни одна сеть не держится. И так целую неделю баркасы не могут от берега отойти. Те, кто в озеро ушел, все семь дней не могли вернуться. Ну, тут и последние дураки поняли, что жратва-то кончается, а еще Восьмой дивизии надо окуньков подкинуть! Это коммуна раньше такая была, город охраняли, их после губернатор Кузнец разогнал...

Послали стрелков.

Буря — это полдела, а что началось, когда стрелки пустые вернулись. Вот тут-то беда и пришла. Ведь отродясь такого не было, чтобы выйти на день в гать и не набить мешок дичи! Уж и совсем далече забрались, и по кругу просквозили — а нет ни хрена. Пустые леса стоят, и это в самый сезон, когда у зверья игры любовные, и все должно кишеть животинкой. Притом исчез не только добрый зверь, даже нечисть испарилась: и летуны всех сортов, и ночные выдры, и чернильные рыбы...

Собрались тогда старейшины с четырех деревень. Думали-гадали, а все одно, исправлять надо дело... И велели добрым молодцам, что бочку в лужу опрокинули, назад ее вычерпывать, собирать на телегу и везти, откуда взяли. По воде никак: шторм, будто в окияне, лодку мигом в щепу разнесет! Стало

быть, запрягай и волоки в обход, чай дороги не заросли. Ну, добро, что в той бочке не жидкая грязь оказалась, а такая крупка белая, вроде мелких горошин. И не раскатилась почти, собирать удобно, и не утоп никто, пока по кочкам лазили. Все до крупинки собрали, следа не осталось от заразы. И охальники, кто крупу собирал, не померли, вот только кожа, маленько, с рук посходила, да слезы из глаз лились.

И той же ночью стала стихать буря на Ладоге. Те, что ушли на промысел раньше, сумели наконец к бабам своим вернуться. Половина седыми стали. Сказывали, видят, мол, берег, а пристать никак не могут, и сквозь ветер словно хохочет кто-то...

Вот такие дела-делишки! Да много еще чудного, если так-то призадуматься, в озерном краю, происходило. Все ведь не упомнишь, а грамотных нет, чтобы записывать...

Вот скажем, случаются ночи, опять же, перед самой Красной луной, когда от восточного берега ползет туман. Там и так-то, днем, километров двадцать можно плыть, и сплошной кисель молочный по правую руку стоит. И какой бы дурак или пьяный ни был, ни за что туды не полезет, пусть хоть метровые рыбы ему сами в лодку кидаться станут!

А ночами не так маленько, туман тихо катится, ну точно перину пуховую кто разминает. Глядь-поглядь, зазевался, а уже ни звезд, ни неба, весь в киселе, и куда плыть, неведомо. Потому что как раз в этот самый момент даже те, кого из люльки в море отцы забирали, напрочь стороны света теряли и становились точно заплутавшие овцы. Все бы ничего, но туман-то не из прозрачной водицы.

Красная морось-то, ночью...

И были такие, кому видеть довелось. Ну, тут уж дело хозяйское, верить, али в бороду хихикать. Да только не хотишь, так и не слушай, а коли слушаешь, то рожу не криви!

Кое-кому довелось повстречать Озерную свадьбу.

Хотя, толкуют, что это и не свадьба вовсе. Какая же свадьба ночью, да без огней, да с такой песней, будто хоронят кого? Огни-то, правда, видали... только под водой. А над ними лодки идут. След в след, и так быстро, будто на моторах. Только нет никаких моторов, и веслами тоже никто не машет. Скользят лодки, и волна за ними не поднимается, а в лодках и не разберешь, кто стоит: с головы до ног укутанные... Встанут ладьи в

круг — а из круга плеск да стоны. Стало быть, в озеро кого скидывают, да потонуть не дают. А может, наоборот, из-под воды кого выудили? Поют женские голоса тихо, ласково, но от песни той мороз по коже дерет, мочи нету ее слушать...

Кто Озерную свадьбу встретил, тот прежним домой не возвертался. Либо седой приплывал, либо на голову тронутый. Замирать начинал, мог час простоять, в угол глядючи; одно словно, не работник...

Коли не забояться, а слова попробовать разбирать, то чудное выходит. Вроде как, молитвы наши, православные, только наизнанку вывернуты, слова задом наперед поют. А когда слова всклад, тогда промеж них всякое непотребство вставлено, и повторить-то срамно...

Городские-то, дуралеи, наслушаются страхов и давай приступать,— чего ж не уходите? Чего ж там живете, рядом с нечистым? А где жить-то, когда тут земля своя, и грех жаловаться. Да и куда бежать, когда еще деды тут жили? Рыбы полно, и солим, и коптим, и дичь в город подводами уходит. Не сунешься к восточным берегам, так лиха и не будет, а детей-то они давно не воруют. С Чудского, те-то, конечно, за то и биты бывали, но на что им младенцы, так и не прознал никто. Зато чудские да онежские, они при новом губернаторе в Питер стали вхожи, даже им солдат дают, чтоб народ не поколотил. А нынче, поговаривают, губернатор Думу собирать станет, так он чародеев, прям как ковбоев или честных рыбаков, позвал.

Оно конечно, кому такая радость нужна, чтобы с тварями мерзкими вместе суд вершить да за одним столом сидеть? Хотя сказывают, крест у них под одежей навыворот висит. Перевернутый, стало быть...

Верить подобным бредням или не верить, решали наверху, а служивые люди губернатора знай себе на ус наматывали. И доносили в Тайную палату Трибунала.

Так и катилась в деревнях жизнь своим чередом. Пока в Питере шум да стройки, на Ладоге тишина. Недаром сказано: не тронь, оно и вонять не будет... И не трогали... пока губернатор Кузнец из Парижу мертвяков живых не привез. Старцы на хуторах дальних так сразу и завыли, что не к добру, и колокол на церкви треснул, и рыба снова гадкая пошла — с плешью, да без глаз...

Недоброе, ох, недоброе лето зачиналось...

Глава двадцать четвертая

В гостях у сатаны

В ту ночь, никем не замеченный, пролетел вверх по течению Невы громадный крылатый змей. Мужчина, управлявший змеем, удерживал его на предельно возможной для полета высоте и снизился лишь, когда небо впереди слилось с агатовой скатертью воды, а в глаза дохнул морской ветер.

Промелькнули внизу последние, редкие огоньки остров с древней крепостью, костры на маяках — и пропали. Дракон махал крыльями в глубине бездонного колодца, где не было ни верха, ни низа, лишь ударяла в лицо противная морось, и свист стоял нестерпимый.

Ладога распахнула свои неприветливые объятия.

Восточный берег, заросший камышом и пресноводной зеленью, не приманивал даже перелетных птах. Не дотянув и мили до границы невидимого камыша, змей занервничал, принялся рыскать по сторонам, выгибать шею, и погонщику стало все труднее удерживать его на курсе. Наконец человек решил, что достиг нужного места.

Дракон, распахнув крылья, спланировал вдоль границы естественных запруд. Он пронесся, молотя когтистыми лапами, по цветущей воде, вдоль многолетних илистых отложений, запутавшихся в тине бревен, буйков, останков малого флота, и прочих обломков цивилизации. В кромешной тьме свистнули коротко, будто пташка малая беспокоилась. На свист ответило хриплое кряканье нырка, и к раскаленной чешуе ящера пристала плоская, длинная, как пирога, лодка. Крылатый тяжело дышал, отфыркивался, поднимая лапами и хвостом крутую волну. Из седельных штанов спустились несколько фигур. Лодка просела под их тяжестью. Со спины змея передали что-то, завернутое в мешковину, а последними спрыгнули, сверкнув клыками, уж совсем не человечьи, две гибкие тени...

Неумолчный шорох камышей заглушал все звуки, а когда, спустя минуту, погонщик змея дернул поводья и стал отгребать назад, низкая ладья уже исчезла, растворилась в лаби-

ринте проток. За крылатым великаном из зарослей потянулись щупальца тумана, обхватили его влажную позолоту, но не удержались и отползли назад.

Люди, что лежали на дне лодки, укрывшись брезентом, ориентировались по едва заметным знакам, отыскивали узкие проходы в частоколе камыша. Они не гребли, а отталкивались руками от мокрых, колышущихся стен. Иногда лодка застревала, и тогда человек, сидящий на самом носу, расчищал путь ударами длинного ножа. Он ложился на живот, свешивался вперед и рубил так, как рубят капусту — наотмашь, со всхлипами. Кроме впередсмотрящего в лодке был еще один человек, который не лежал, а стоял, напряженно вглядываясь в полутемный, извилистый тоннель. Он был единственный, кто примерно представлял, как достичь берега в нужном месте, но все равно несколько раз ошибался, указывая неверное направление. В таких случаях плоскодонка врезалась в завал из гниющих бревен или упиралась в непроходимую, шуршащую стену.

При каждой ошибке человек ощутимо нервничал, оглядывался назад, приседал, и, извиняясь, разводил руками. Но его никто не ругал.

Никто вообще не произносил ни слова.

Даже тогда, когда на них, в первый раз, напали.

На узком участке, разворачиваясь между килем перевернутого буксира и вросшим в дно прогнившим баллоном катамарана, лодка рывком остановилась, точно напоролась на мель. Но мели под ними не было, люди прекрасно чувствовали глубину. Оставалось еще воды больше человеческого роста, правда, под слоем взвихренного ила угадывался следующий провал, вроде как щель, уходящая под каркас затонувшего буксира...

Оттуда беззвучно поднялись две узкие, подвижные тени, извиваясь как угри, и ухватились с обеих сторон за борта суденышка. Люди, лежавшие на дне лодки, затаили дыхание, зато кормчий откинул капюшон и что-то напевно произнес. Ответом ему был тонкий свист воздуха.

Кормчий, присев на корточки, запустил руку в мешок и кинул подводным сторожам по куску мяса. Клацнули челюсти, и снова стало тихо. Человек опять обратился к подводным тварям — сначала с мольбой, затем с угрозой, но, видимо, безрезультатно.

Один из затаившихся под брезентовой попоной мужчин, приоткрыл глаза и увидел рядом то, что когда-то было плавником, а теперь приобрело гибкость и распалось на три длинных, колючих пальца, сантиметров по пятнадцать каждый. Казалось, что на пальцах совсем не наросло кожи, но костяные пластины, связанные жесткой мембраной, вцепились в деревянный борт с такой силой, что старая доска начала крошиться.

Мужчина толкнул товарища, указав ему за корму, и продемонстрировал во мраке три пальца. Товарищ, не произнося ни звука, показал движением ресниц, что слышит и понимает. Третий мужчина, лежащий ногами в другую сторону, коснулся плеч своих товарищей и вложил себе в губы два тонких отполированных лезвия.

— Нет, не поможет,— покачал головой самый пожилой, и продемонстрировал спутникам скромный деревянный пузырек с плотно притертой пробкой.

В ногах у четвертого мужчины, что лежал на носу и раньше рубил водоросли, кто-то тихо вздохнул и лизнул хозяина за пятку.

Кормчий продолжал напевать. Наверное, он был очень раздосадован, он не понимал, почему щуки не слушаются, и подозревал, чего от них можно ожидать. Либо они повиновались сразу, либо немедленно убивали. Так их приучили, их хозяевам не нужны были пленные. Их хозяевам было важно, чтобы никто не пробрался к берегу. Видимо, провожатый допустил какую-то оплошность, он командовал рыбами первый раз, хотя вкус его крови стражам был знаком...

А может быть, они учуяли врагов, несмотря на все предосторожности, и смрад от вытяжки летуна не перешиб запах чужой крови...

Второй плавник ухватился за корму. Двое мужчин на дне лодки, резко подались в стороны, и мгновение спустя что-то ударило в дно со страшной силой. Кормчий не удержался и упал на одно колено, ухватившись рукой за обшитый металлом бортик.

Второй удар сотряс лодку. На сей раз толчок был такой силы, что одна из досок ощутимо хрустнула. Сквозь образовавшуюся щель, тонкой струйкой, начала просачиваться вода.

Упавший на колени человек хотел подняться, но его кисть, как капкан, обвили костяные пальцы. В следующий миг из воды

показалась вытянутая морда, безгубая, с задранными плоскими ноздрями. В толстой корке чешуи вращались широко поставленные глазницы, без зрачков. Щука двигалась необычайно проворно, глубокая пасть открылась так широко, словно в челюсти не было костей, и упавший человек остался бы без руки, если бы не его товарищ, который уже был на ногах.

Полог откинулся, из-под брезента разом выскочили четверо мужчин. Мужчина в белом свободном балахоне произвел несколько скупых, но очень быстрых движений. Со стороны это выглядело так, будто он косит траву. Лапа подводного монстра продолжала цепляться за запястье, вторая царапала кольцо уключины, и покрытая наростами, лоснящаяся голова плавала на поверхности. Но туловище, выталкивая кровь, уже опускалось в глубину.

Поджарый, юркий старичок, с подвязанными седыми косичками, выплеснул в воду два флакончика, туда же отправил пустую тару и рукавицы. Третий мужчина сгреб неудачливого парламентария в охапку и уложил на дно. Тот скрипел зубами и зажимал раны на запястье. Четвертый мужик, самый крупный, без замаха ударил по плавнику другой рыбы и тут же, подкинув лезвие в воздух, небрежно перехватил вертящуюся саблю двумя руками и резким толчком, ввинтился в пасть противнику.

Щука сомкнула зубы, и сабля переломилась. После этого кошмарное создание подтянулось на уцелевшем плавнике и запрыгнуло в лодку. Это спасло его от немедленной смерти. Три подружки уже покачивались брюхом кверху, втянув жабрами токсин. Помимо стражей, в радиусе двадцати метров на глазах погибало все живое. Туман скрывал картину удушающей смерти, но старик с косичками обладал очень хорошим зрением. Он видел, как забились и издохли несколько щучьих детенышей, прятавшихся под рулем утонувшего буксира, как всплыло десятка три самых разных рыб, несчетное количество лягушек и насекомых, и даже птицы, которым не посчастливилось свить поблизости гнездо. Старик знал, что почернеют и скукожатся даже водоросли...

Плевки Сатаны не щадили никого, ни на суше, ни на море.

Сиганувшая в лодку рыба проявила невероятную живучесть, оказалось, что ее хвостовые плавники тоже имеют захваты, кото-

рыми она вырвала из борта изрядный кусок. Гигант в сером балахоне от толчка плюхнулся на заднюю; лодка качнулась, зачерпнув стоялой воды. Люди в лодке повидали немало, и сами любили эксперименты, но здешние креатуры удивили всех.

Полутораметровая тварь, не обращая внимания на отрубленную конечность, сложилась кольцом и сделала молниеносный выпад, целясь в ногу обидчику. Ее веретенообразное тело представляло собой сплошной комок мускулов, укрытый тремя рядами костяных наростов, как у маленького стегозавра. Далекий зубастый предок, обедавший пескарями и забивавшийся под корягу, заслышав моторную лодку, мог бы только мечтать о таком вооружении...

Гигант в сером балахоне явно растерялся, разглядывая недоеденный обломок своей сабли, но остальные были начеку. Мужчина, убивший кинжалом другую рыбу, перехватил монстра в полете. Он уже понял, что бить ножом по спине бесполезно, поскольку челюсти все равно сомкнутся, и прыгнул, всей массой тела толкнув рыбу вбок.

Хищница промахнулась и вместо ноги откусила шмат деревянного сиденья. Двухдюймовую доску она переломила, как спичку, и тут же выплюнула. Еще не закончив с лавкой, она ухитрилась развернуться в воздухе, словно была не рыбой, а бультерьером и, толкнувшись хвостом о дно, вторично ринулась в атаку. Мужчина в белом, столкнувшись плечом с телом врага, изодрал рубаху и отлетел к другому борту. В последний момент, не давая выпасть, его подхватил один из товарищей.

Судно снова качнулось, ударившись носом о ржавый затонувший понтон. На носу, под мешками, кто-то низко заворчал, затем брезент изнутри разорвали на части, и высунулись две белые тигриные морды на длинных шеях.

Но тигры не успели принять участия в драке. В этот раз гигант оказался проворнее щуки, он отшвырнул огрызок сабли и вытянул из-под лавки полуметровую секиру, на древке размером с оглоблю.

Когда великан взмахнул своим оружием, остальные подельники были вынуждены попадать под лавки. Зубы обитателя камышей с визгом проехались по закаленной стали, и это оказался первый громкий звук за время схватки.

И последний звук тоже. Потому что обладатель секиры попал рыбе в рот и разрубил ее вдоль, почти пополам. Теперь он мучился, не в силах выдернуть железный полумесяц обратно.

Некоторое время мужчины успокаивались, восстанавливая дыхание и обшаривая окрестности. Живых врагов поблизости не было, из затонов никто больше не приплыл. Красный диск луны равнодушно освещал шуршащие поля камыша. Потом люди собрались вокруг трупа врага. Кровь толчками билась в горле чудовища и, бурля, выплескивалась на дно лодки.

Конечно, это была не совсем рыба. Или совсем не рыба, и уж тем более, совсем не щука. Щуки вырастают до громадных размеров, но при этом их хвостовой плавник не может совершать хватательные движения. Голова, с неправильным прикусом, была размером с голову теленка. А в пасти, раскрытой как у кобры, мог легко поместиться арбуз-рекордсмен. На грудных плавниках вовсю шло формирование кистей, но локти пока не отросли. Все туловище хищника покрывали три ряда острых, как иглы, шипов, а погасшие глаза смотрели с ненавистью, совершенно не присущей снулому взгляду холоднокровных.

Кормчий, тот, что пытался разговаривать с рыбами, поднялся со дна, потирая колено, и кинулся помогать старику. Вместе они разрезали белый балахон на мужчине, толкнувшем рыбину в бок, остановили кровь и залепили ранки клеем.

Сквозь мутную сыворотку тумана, сквозь колтуны мокрых стеблей над головой, поднимался багровеющий зрачок ночного светила. Красная луна не вошла еще в полную силу, не набралась еще яростной, демонической мощи, которой пугалось все живое, но в лодке заворочались и зарычали беззвучно укрытые попонами пассажиры...

...Пни на поляне давно выкорчевали, а голую землю, как видно, неоднократно выжигали, так что теперь здесь расстилалась ровная полукруглая площадка. Ни единого цветка, ни зеленой травинки.

Глаз самого внимательного горожанина не различил бы в буреломе несколько скрытых троп, умело замаскированных колючим кустарником и воткнутыми в землю засохшими ветками.

Там, где на берег, с тихим плеском, накатывались серые холодные волны, был закопан ряд камней, а между ними вби-

ты железные колья для швартовки лодок. Со стороны озера прогалину смог бы заметить лишь очень опытный глаз, поскольку на сотню метров вдоль береговой линии вода заросла высоченной осокой. Ниже камыша и осоки, в три яруса, разбухали водоросли, превращая воду в густые зеленые щи, куда не рискнул бы опустить весло ни один рыбак. Помимо водорослей, широким полукругом, невидимым со стороны, поляну окружали залежи полузатопленных бревен.

Самые чуткие пассажиры в лодке волновались, прислушивались и принюхивались к древесной гнили, давая понять остальным, что не только мирные лягушки прячутся в ряске. Но люди не боялись.

Люди, ступившие на восточный берег, мало чего боялись в жизни. Одной угрозой больше, одной меньше, не играло серьезной роли, когда на карте стояло равновесие мира. Плоскодонка ткнулась носом в камень, и впередсмотрящий шустро накинул на колышек канатную петлю. Он тоже видел в темноте, не хуже кошки.

Кормчий вышел на берег первым. Он скинул плащ и остался почти голым, в одних коротких, засаленных штанах и меховой безрукавке. В свете луны блеснули четыре ряда бус и медный браслет на шее. Под ошейником болталось перевернутое распятие, на котором вместо погибшего бога извивалась и хохотала виртуозно вырезанная из дерева фигурка беса. Двумя хвостами бесенок обвивал поперечины крестов, а в крошечных глазницах поблескивали рубины. Отросшие, рыжие патлы человека были густо смазаны жиром, расчесаны на две стороны, а в проборе оставила след полоса белой, светящейся краски. Такая же краска светилась у него вокруг рта и на кистях, создавая ощущение голых костяных фаланг.

— Это я, Христофор! — сказал кормчий, демонстрируя темноте пустые ладони.— Привез деду свежую женщину.

Из мрака выступили двое крепких мужчин. Один наставил Христофору в кадык длинную заточенную пику, второй вприпрыжку побежал к лодке.

— Привез? — радостным шепотом спросил он, пиная объемистый мешок. Из мешка донеслось жалобное женское всхлипывание.

— А ну, дай взглянуть! — сторож убрал пику и побежал к товарищу. Вдвоем они вытащили мешок на камни. В багровом свете луны сверкнул нож.— Слышь, малек, не вздумай деду брякнуть, что мы лазили. Мы только пощупаем — и все.

— А вякнешь — к щукам отправим! — хохотнул другой, сражаясь с синтетической веревкой.— Мы любой товар должны проверить, прежде чем дед оприходует, верно, малек? Слышь, а в том мешке у тебя что?!

— В том мешке — я! — ответил Карапуз, беря любознательного Озерника своей клешней за горло.

Второй колдун схватился за нож, сунул в рот свисток, но тут мешок, который его так интересовал, сам развязался, оттуда выскочило лезвие и до основания воткнулось ему в подбородок. Из мешка, кряхтя, выбрался Прохор Второй. Старый Качальщик забрал лезвие, шлепнул по морде любопытного тигра и, кряхтя, размял кости. Прохор не вылезал из уральской деревни уже шесть лет и неважно чувствовал себя в Невском климате; он убеждал всех, что только желание опробовать в деле новые живые изобретения выгнало его из дома.

Но причина заключалась в другом, и Коваль это знал. Замшелый генетик был другом старших Семенов — отца и деда того, кто погиб в песках...

По сигналу чингиса за кормой, из воды, вылезли прочие непрошеные гости. Все они выглядели куда скромнее, чем раскрашенный сын Красной луны. Под промокшими серыми одеждами крепилась кожаная упряжь с притороченным оружием. Сойдя на сушу, люди моментально рассыпались по поляне, сливаясь с темнотой. Две огромные кошки, повинуясь беззвучному окрику, заспешили вслед, за хозяином.

Но далеко они не ушли.

Окружая пришельцев, на поляну вышла волчья стая. Коваль насчитал пятерых матерых волков в первой шеренге и троих малолеток в кустах. Руки непроизвольно потянулись к оружию, а мозг уже проваливался в колодец, нащупывая нити единения, когда Артур понял, что его опередили. Опередил всех, естественно, Прохор, который разговаривал с волками лучше, чем с людьми.

Ближайший самец, огромный, как теленок, в подпалинах и лишаях, качнулся в сторону, точно пьяный, затем его лапы

подкосились, и вожак мягко свалился в сырую золу. С остальными его соплеменниками было покончено за минуту. Артур думал, что можно идти дальше, но Прохор вдруг схватился за сердце. Когда старик очухался, на нем не было лица. Глаза вываливались из орбит, задыхающимся ртом он хватал прохладный воздух, руки тряслись, как в падучей. Прохор ничего не сказал, лишь подал мимолетный знак Бердеру.

Хранитель силы вытащил клинки. Сталь отскочила от шкуры. На помощь Бердеру пришел Карапуз, но убить волков они смогли, лишь протыкая их чеканом в глаз...

— Обязательно их убивать? — Коваль был потрясен. Никогда еще он не видел, чтобы Прохор, самый большой любитель фауны, отдал приказ резать беззащитных созданий.

— Не удержу... — одними губами прошептал старик.— Их не растили в дружбе с человеком. Опомнятся, пойдут по следу...

И снова застыла потревоженная вода, и могильное безмолвие опустилось на поляну.

Христофор ступал первым, уверенно пробираясь по тайной, извилистой тропе. Иногда он останавливался и дул в глиняный свисток, но человеческое ухо не воспринимало столь высокий звук. С ветки, навстречу светящемуся пробору колдуна, свешивалась треугольная, зубастая мордочка со вздрагивающими мышиными ушами. Летун узнавал человека, получал кусочек сырого мяса и убирался наверх, чтобы в следующую секунду свалиться замертво. Бердер, идущий по следу проводника, подхватывал парализованную тушку, не давая коснуться земли, и коротким ударом вспарывал летуну горло.

Деревья кончились внезапно, на кромке обрыва.

Тропа оборвалась обширным прямоугольным котлованом с остатками фундамента и лабиринтами подвального этажа. Из ледяной глубины пахнуло сырой землей и густым, приторно-сладким ароматом. Словно мачты затонувших фрегатов, из пропасти торчали пики бетонных свай. Над котлованом была натянута плотная сеть, по веревкам которой тянулись бесчисленные нити плюща, создавая плотный, непроглядный полог. На далеком бетонном дне рукотворного оврага разноцветными огнями полыхали три костра. Один костер дымил черным, другой — белым, а от третьего поднимался красный дым.

Древние строители успели заложить обноску и загнать между опорных колонн секции двух подземных уровней. Возможно, здесь должен был находиться двухъярусный гараж. Теперь по сторонам от центральной голой площадки, словно соты, теснились темные кельи, заложенные сверху бревнами, и присыпанные землей. Получился настоящий храмовый ансамбль, скопище квартир без окон, в которых копошились неясные тени.

На самом дне, там, где почва рвала на части цемент и гравийную подушку, возвышалось угловатое сооружение, похожее на юрту. Из круглой дыры в крыше поднимался столб прозрачных благовоний, а напротив застегнутого полога дремали два болотных кота. Хищники были сытые, рядом валялась недоеденный лосиный окорок. С высоты огибающей котлован тропы оба казались игрушечными котятами...

Спуститься в яму можно было только по двум самодельным каменным лесенкам. Наверху, напротив обеих лестниц, располагались мощные решетчатые клетки, где, звякая цепями, бродили волки. Любой, кто отваживался спуститься вниз, должен был вначале отворить калитку и войти в клеть.

Почуяв чужой запах, волки в ближайшем загоне поднялись и с сиплым рычанием повернулись к лесу. Самый крупный самец, встав на задние лапы, был на голову выше взрослого мужчины. Хищники были слишком умны, чтобы зря тявкать и грызть железные прутья, однако Христофор знал, что Белому Деду достаточно одного движения рукой, чтобы выдернуть штырь из кольца и выпустить стаю на волю. Белый Дед ждал невест этой ночью, и если бы летуны успели сообщить ему об опасности, волки были бы уже выпущены...

Пробить ножом их шкуру невозможно. Совсем маленьких волчат брили наголо и обрабатывали кожу специальным дубящим составом. Их обмазывали снова и снова, опускали в тлеющие угли и кидали в ледяную крошку. Те, кто выживал, примерно каждый седьмой, принимались в стаю озерных волков. Так называл их Красный Дед, занимавшийся воспитанием животных и птиц. Собственно, воспитание только начиналось; предстояло еще слишком многое, чтобы научиться вселять ужас.

Но сын Красной луны пробыл в скитах Озерников недостаточно долго, чтобы разведать все тайны. Когда губернатор увидел его, после месячной разлуки, то всерьез испугался за душев-

ное здоровье своего безобидного советчика. Христофора никто не заставлял, он молча выслушал предложение Артура, провел ночь с молодой женой, а в шесть утра уже собрался в дорогу.

Озерники поверили, что Христофор бежал, избитый губернатором. В этих целях в Зимнем был даже разыгран настоящий спектакль на случай вражеского шпионажа, но проблема заключалась в другом.

Сыну луны пришлось пройти несколько инициаций и принять участие не в самых приятных ритуалах. Коваль мог только догадываться, что творили Черный и Красный Деды, если для ритуала Белого понадобилось сразу три девственницы...

Христофору поручили раздобыть одну, с непременным условием украсть девушку не ближе, чем за пятьдесят километров. Белого Деда устраивал любой возраст, можно было приволочь даже двенадцатилетнего подростка. Христя, с риском для жизни, вышел на лодке, добрался до фактории, где все это время, под видом скупщика дичи, отирался Карапуз. Христофор назвал ему дату очередной «свадьбы» Белого и передал несколько слов для губернатора.

Просьба сводилась к тому, что если его не заберут из Озерных скитов в указанный день, то дальше он не выдержит...

Коваль сообщил Бердеру, что нужна девственница, желательно побойчее. Внешность — не главное, был бы человек хороший...

Сейчас к сгорбленному под тяжестью мешка Христофору подошли двое с факелами. Снизу из мешка торчали ноги, обутые в женские, дорогой кожи, сапожки. Один из встречавших, сутулый, тоже раскрашенный светящимися линиями, обогнул гостя и быстро осмотрел все вокруг, втягивая ноздрями воздух.

— Мне не нравится, чем от тебя несет, Христофор,— проворчал он, возвращаясь.

— Это от нее,— тихо ответил парень, половчее перехватывая на плече мешок.

— Что-то не так... — сутулый продолжал сверлить глазами тропу.— Ты ни с кем не повстречался?

— Ага... Больно уж тихо, да, Отец? — заволновался второй колдун, низенький толстяк, с отвисшим зобом и выпученными глазами. На нем была черная сутана, украшенная

искусной вышивкой. На спине красовалась голая женщина, запихивающая в себя сучковатый, деревянный член, а на груди совокуплялись два скелета.

— Мокрогуб там, и Красивый,— ответил Христофор, и добавил жалобно. — Бабу у меня отнять хотели...

— Что-о?! — мигом переключился сутулый.

— И Деду говорить не велели. Дай, говорят, нам пощупать. Ей, мол, все едино, подыхать...

— Вот сучье племя! — зло сплюнул сутулый.— Обоих отправлю поганки собирать! А ты молодец, малек. Так и надо! Если что заметишь среди братии, сразу ко мне, понял?

— Ты уж им-то не выдавай, Отец!

— Не боись, не продам. Давай, неси свою целку вниз! Белый ждет уже...

— Они там бражку пьют, Отец,— угодливо добавил Христофор.

— Вот козлиное отродье! — рявкнул сутулый и, велев толстому следовать за ним, помчался к заставе.

Сын луны проводил их недобрым взглядом и шагнул к клетке с волками. Хищники заволновались, почуяв незнакомый запах. Их никогда не кормили досыта, кроме того, звери отлично чувствовали, когда их боятся. Одним из тяжелых испытаний для Христофора было каждый раз проходить сквозь клетку. Прыгнуть вниз, на бетонные плиты, с пятнадцатиметровой высоты, он бы не решился, тем более с живой ношей на спине.

Но прыгать не пришлось. Минуту спустя из леса вместо троицы колдунов вышел Прохор и, осмотревшись, первым пролез в калитку. За старичком беззвучно просочились остальные. Волки во второй клетке, на другом конце котлована, ничего не заметили. Они были слишком заняты состоянием своих желудков. Бердер кинул им сальные шарики со скрученной проволокой...

Чем выше вокруг вырастали замшелые бетонные колонны, тем сильнее охватывало Артура чувство, даже не страха, а скорее омерзения. Он никогда не думал, что доведется побывать в местах, где люди выбрали смыслом жизни кривое, перевернутое зеркало.

Путь издевательской насмешки над всем, что считали святым для себя остальные.

Путь бесцельной веры в зло, которого нет, но которое можно возродить, если вовремя бросить семя.

На уровне первого подземного яруса Артур понял, что сооружение имело промышленное назначение. По обеим сторонам от каменной лестницы сохранились остатки направляющих для грузовых лифтов и даже площадка с проржавевшим двигателем. Еще ниже, под перекрытием, укрепленным стальными швеллерами, по всей длине этажа располагалось нечто вроде аттика, уставленного примитивными скульптурами. Перекрытие было очень толстым и выдерживало, очевидно, вес станков... Во всяком случае, в боковых нишах Артур заметил ямы для пружин и амортизационных подушек.

Отряд спускался без света, но в пламени костров скульптуры показались Ковалю похожими на горгулий. Помимо них поперечные балки опоясывал бесконечный ряд фресок, в которых без труда угадывались библейские сюжеты и сцены Страшного суда. Рисовали неплохо, художник работал в манере Шагала, но в каждом изображении сквозила как будто издевка. У ангелков проклевывались маленькие рожки, волхвы ухмылялись младенцу карминовыми ртами, из которых высовывались раздвоенные языки. Святой не попирал змея пикой, а нес на ней гирлянду черепов...

Из проемов подвальных каморок, забранных сеткой, смотрели дети. Коваль насчитал человек двенадцать, разного возраста, от трех до десяти лет. Среди них было всего две девочки, остальные — мальчишки, с одинаковыми, хмурыми и напряженными лицами. В каморках, за их спинами, горели лампадки, валялись одеяла и примитивные игрушки. Ковалю сначала показалось, что дети находятся в тюрьме, но скоро он понял, что это временное пристанище, а клетка защищает их от болотных котов.

Малышей приводили сюда для участия в обрядах; скорее всего, ритуалы были частью местного образовательного процесса, после которого психика маленького человечка менялась необратимо. Лет тридцать назад детей было бы, скорее всего, гораздо больше, а теперь люди уходили в города и дети Красной луны рождались все реже. Человечество выздоравливало...

«Ни хрена оно не выздоравливает,— поправил себя Артур,— все идет по кругу. Всегда найдутся те, кто поставит беса на алтарь, и заставит несмышленышей поклоняться ему».

Он присмотрелся к убранству подвальных «камер» повнимательнее. Там, в уголках, действительно светили лампадки, но за ними висели перевернутые, измазанные чем-то красным образа. К ликам святых были подрисованы рога, а в глазах прожжены дыры.

Шел активный воспитательный процесс...

Еще десяток ступеней вниз, и открылся следующий ярус. Здесь не было детей, но экспедицию ждало новое неприятное открытие. Среди частокола забитых в землю свай стояли гробы. Сколоченные из крепких сосновых досок, одни очень старые, а другие выструганные совсем недавно, они не лежали, а именно стояли, вдоль стен. В крышке гробов имелись узкие дверцы, с окошками, затянутыми черной тканью. Каждую дверцу запирала массивная щеколда.

Словно те, кто находились внутри, могли неожиданно вырваться...

Опустившись на самое дно, он понял, почему ни один ребенок не поднял шум. На Озерников никто не нападал; в самом сердце святилища просто не могли ожидать атаки извне. Артур вздрогнул, представив себе, что было бы, если бы он отправился на штурм с обычными гвардейцами и без помощи Христофора...

Очевидно, это был фундамент заводского цеха или судоремонтного ангара. Дальние края стройплощадки терялись во мгле, а небо на огромной высоте закрывала плотная сеть. Три костра, изрыгая разноцветный дым, окрашивали стены стоящей по центру юрты радужными сполохами. Дремавшие у входа коты что-то почуяли и выскочили навстречу, топорща шерсть.

Прохор махнул ладонью, подманивая животных к себе. Коты пошли, но крайне неохотно, словно их тянуло назад резиновым канатом. Карапуз поднял ствол пулемета. Коваль вытащил ножи, заслоняя Христофора. У старого Хранителя с висков бежали струйки пота и подрагивали от напряжения колени.

Теперь стало слышно пение, доносящееся из шатра. Кошки зашипели, царапая когтями цементную крошку. Бердер присел на колено и с обеих рук метнул отравленные клинки. Когда звери издохли, Прохор вытер лицо рукавом и покачал головой, показывая Бердеру следы на рубашке. Из носа у него шла кровь.

Артур в последний раз оглядел бетонное сооружение и только сейчас заметил, насколько тут холодно. Несмотря на

три пылающие пирамиды, изо рта вырывалась струйка пара. Они находились на глубине пятнадцати метров, в гигантском склепе, набитом покойниками.

Коваль остановился напротив занавешенного дублеными шкурами входа в шатер. Вблизи шатер оказался очень большим, метров двадцать в поперечнике. Изнутри тонкими струйками проникал неясный свет, слышались ритмичные удары, неясная возня и мужское пение по нисходящей, будто хор разучивал гаммы.

— «Отче наш»,— прошептал Христофор.— Они поют «Отче наш» наоборот...

— Сколько их там?

— Почти все, кроме некоторых Сынов, что остались в верхних скитах. Четыре Деда и тринадцать апостолов. Отцов — человек двадцать. Еще могут быть Сыны и кликуны, они неопасны.

— А кто опасен? — очень серьезно спросил Бердер.

— Апостолов лучше убить сразу,— отрывисто произнес сын луны.

На его горле дергался кадык. Коваль подумал, что парень находится на грани, еще немного — и выронит мешок. Артур решительно отдернул в сторону тяжелую шкуру. Изнутри хлынули клубы сладкого дыма.

— Ну, привет, Гриня! — прошептал губернатор, заходя внутрь.

Глава двадцать пятая

Конец Красной луны

Примерно так Артур себе это и представлял, однако действительность превзошла самые мрачные прогнозы. Служба была в самом разгаре, и спасти первую невесту они уже не успевали.

Внутри оказалось очень много людей, но Коваль не ощутил их, как отдельных личностей. Бурлящая масса скорее напоминала сгустки протоплазмы, многоголовую гидру, в процессе бездумного пожирания пищи. Многоликое чудище не просто

воняло, оно купалось в приторных миазмах курильниц, оно вдыхало собственные выделения и сатанело от них.

А еще, гидра дергалась вместе со стуком барабанов...

Шатер освещался несколькими сотнями свечей из черного воска, и, несмотря на мрачную расцветку стен, казался изнутри больше, чем снаружи. Возможно потому, что он был натянут как раз над местом, где недоставало куска фундамента, и в довершение всего, по центру выкопали порядочное углубление. Ковалю мгновенно пришло на ум верное слово — «анти»! Да, здесь все было задумано и сделано наоборот.

Там, где за подобием золотых ворот предполагался алтарь, присутствовала яма, клирос находился еще глубже, почти в траншее, а в железных мисках, похожих на стоматологические плевательницы, явно плескалась не святая вода. Изнутри стены покрывали драпировки из полуистлевших тканей веселеньких расцветок, но рисунки почти пропали под слоем жирного, свечного нагара.

Обвисшие стены поддерживали два ряда столбов, с крестовинами поверху. В центре, на круге из грубо отесанных камней, полыхал очаг, над которым дымилась жаровня размером с уличную мантышницу. Возле огня копошились несколько отвратительных, бесполых созданий, небрежно завернутых в белую материю. На спине у каждого раскачивался, пристроченный нитками, перевернутый железный крест. Карлики, или сгорбленные инвалиды, занимались тем, что подкидывали в угли ароматический порошок, а двое сморщенных микроцефалов, с птичьими головками, раскачивали люльку. У лилипутов не было кистей на руках, они вставали на цыпочки и толкали тяжелую качель мозолистыми локтями, с риском свалиться в огонь. Кто-то там спал, укрытый ветошью, в деревянной колыбельке...

Люлька когда-то, несомненно, исполняла роль роскошно украшенной купели. На ее грязных, заляпанных боках, сквозь жир и нечистоты, проглядывала голубая краска и даже ошметки золоченых кистей. Две ржавые цепи, перекинутые через потолочную балку, повизгивали при каждом ударе культей, а дно купели обуглилось, от постоянной близости к огню.

Впрочем, визг железа доносился в те редкие мгновения, когда стихал хор и «оркестр»...

За каменным кругом, еще ниже в яме, поднималось наклонное, перевернутое распятие. Обтесанный, гладко отполированный сосновый ствол, не меньше трех метров в длину, с грубой поперечиной почти у самого пола. Вершиной он крепился к одному из опорных столбов. Сосновая колонна стояла не на глине, а внутри плоского железного таза, куда стекала... кровь. На кресте, вверх ногами, висела, обмазанная мелом, совсем молоденькая девушка. Лодыжки обвивали веревки, закрепленные на крюке, запястья были прикручены к перекладине, а пряди распущенных кос плавали в крови.

Вторая невеста Белого Деда, с заткнутым ртом и связанными позади локтями, корчилась перед самым входом на низкой деревянной столешнице, целиком вырезанной из огромного пня. Ее горло охватывала тугая скользящая петля, конец веревки проходил сквозь железное кольцо и заканчивался в кулаке высокого «монаха». Вместо нормального головного убора на нем была волчья маска, а рясу служитель местного божества носил на голое тело, оставляя открытым покрашенный в белое стоящий член.

Положив девушку на бок, ее одновременно насиловали двое других мужчин в масках, а когда она начинала особенно сильно вырываться, «волк» дергал за веревку, пережимая жертве горло. Еще человек шесть лжемонахов стояли в очереди вокруг стола и отрывистыми движениями хлестали голое тело невесты плетками. Все они, не отрываясь, как завороженные, следили за конвульсиями жертвы.

Обе девицы были вымазаны с ног до головы в белой краске, но у той, что еще была жива, лицо закрывало что-то черное. Артуру даже показалось вначале, что с девушки сняли скальп, но когда Отец ослабил удавку, удалось разглядеть получше. Вокруг запрокинутого, посиневшего от крика лба невесты струились черные кружева фаты. Вторая девушка на кресте уже умерла. До смерти ее тоже лупили, но доконало несчастную не это. Артур пригляделся и еле сдержал подступившую рвоту.

В беднягу затолкали неимоверной длины искусственный фаллос. Он и сейчас торчал из нее на добрых десять дюймов, с широкой поперечиной на конце. Видимо, сначала ее разорвали внутри этой штукой, а потом стянули ноги вместе и подвесили на крюк.

В стрекот барабанов вплелись гнусавые звуки баяна, десятки голосов заблеяли скачущую, неистовую песню, а подножие креста заслонил лес черных фигур. У Коваля сложилось ощущение, что он навечно прирос к полу, не в силах пройти внутрь, хотя, на самом деле, не прошло и трех секунд...

Теперь Артур заметил еще кое-что. За крестом, вдоль дальней стены располагались обломки сразу нескольких иконостасов и потемневшие от копоти картины с русскими святыми в полный рост. На причинном месте в досках картин зияли отверстия, и оттуда торчали такие же, зашкуренные, метровые члены. Черный, красный и покрытый прозрачным лаком...

Сегодня была очередь Белого Деда.

Гостей заметили не сразу. Помимо бригады насильников, целая толпа в размалеванных рясах обступила распятие, а десятка два заросших гривами мужиков стояли на коленях на приступке импровизированного клироса. Полностью голые, но в масках, раскачивались и заунывно распевали молитвы. Несмотря на тоскливое звучание, они трясли бородами и кулаками отбивали ритм вслед за барабаном. Их тела так густо покрывала известка, что хор походил на сборище забинтованных манекенов.

Певчими руководила обрюзгшая старуха в засаленном клобуке, резиновом мясницком переднике и шелковых шароварах. Она отбивала такт на большом оркестровом барабане. Подле нее, на еловых ветках, притулился безногий инвалид с провалившимся носом и беспорядочно раздувал меха гармоники. Еще один престарелый персонаж Хичкока колотил палкой по ритм-барабанам; лишь половина его тела дышала здоровьем, обе же левые конечности висели, как проколотые воздушные шары, левый глаз выкатывался из орбиты, и рот не закрывался. От этого казалось, что оборванец задорно подмигивает окружающим.

У противоположной стенки, под заплеванной иконой Богоматери, колотились в падучей несколько пожилых женщин, закутанных в лохмотья, а поодаль, за низенькой загородкой, на коленях стояли мальчики. Такие же мелкие, как те, что в клетках снаружи. Дети были одеты, как маленькие капуцины, в рясы огненно-красного цвета, но на лице и на впалой груди у каждого светились три шестерки. Все мальчишки, распахнув глаза, раскачивались в такт барабану.

В жаровне, помимо ароматических веществ, несомненно плавился наркотик. Едва зайдя внутрь, Коваль ощутил гнетущую, сладкую духоту, сердце забилось быстрее, и в глазах защипало. А еще спустя мгновение, он с ужасом ощутил, как помимо его воли наступает половое возбуждение. Хор стонал, гармонь протяжно ревела, старуха отбивала шаманскую мелодию, из-под волчьих масок колдунов, смывая краску, градом катился пот.

В спину Артуру уткнулся Митя. Глаза великана заволакивало туманом, грудь судорожно вздымалась, ноздри хищно втягивали дурман. Нужно было действовать немедленно, пока оставались силы бороться с наркотиком.

— Белого брать живьем! — Артур ощутимо пихнул Карапуза в грудь и скользнул к жаровне.

Бердер в два прыжка достиг стола и прикончил троих насильников. Не успели их тела шмякнуться наземь, он уже был возле «хора». Даже в этот страшный момент Артур невольно залюбовался тем, как порхает учитель. При внешней обманчивой сложности — ни одного лишнего движения. Все продумано так, чтобы одновременно вести рукопашный бой и мешать целиться удаленному противнику. Вот правая рука пошла от бедра вперед с зажатым клинком, спина прогнулась в стойке «садящейся на воду цапли». Один из белых манекенов схватился за горло.

Вот неуловимый взмах ногой, вращение на носке, а из сандалии торчат сразу два лезвия, по четыре дюйма каждое, и валятся, обливаясь кровью, еще двое. А пока правая рука тянет с пояса следующий нож, делается взмах левой, по ходу движения, и замолкает барабанный бой. Старуха, с клинком в глазу, поливает кровью свой инструмент. Часть голых певчих успела выкатиться за пределы юрты, но ничего, их там встретит Прохор...

Коваль опрокинул жаровню, перемахнул тлеющие угли и врезался в самую гущу Сынов, пытаясь определить Белого Деда. К нему повернулись лица с утонувшими зрачками, из распахнутых ртов капала слюна, десятки босых ног отбивали ирландскую чечетку...

Он бил их, и они падали, бесконечно долго, поскольку все рефлексы были притушены, и даже смертельные раны не могли остановить танца.

Замолчали ритм-барабаны, справа и позади, как бешеный слон, трубил Карапуз, и хрустели чьи-то челюсти под его кулаками. Затем дикий вой принесся снаружи, сорвал с места шкуры, вырвал часть деревянных кольев, держащих свод. Это Прохор запустил Плевок Сатаны...

Кто-то вцепился в запястье Коваля зубами, не давая дальше рубить. Кто-то повис у него сзади на шее, но тут же, хрюкнув, осел наземь; а Бердер, метнув клинок, уже смотрел в другую сторону. По диагонали, сбив в полете люльку, пролетел мужик, с топором в вывернутой руке; видимо, он здорово надоел чингису... Артур вытащил кинжал из очередного живота, добил того типа, что пытался перегрызть кольчужный браслет, и вдруг, оставшись без противников, провалился в пустоту...

Сынов больше не было: все или погибли, или валялись раненые. Он сделал все так быстро, что Отцы не успели переключить внимание. Они все сегодня были замазаны белой краской, соответственно цвету праздника, и все крайне увлечены.

Более десятка мужчин, запрокинув оскаленные маски, мастурбировали на тело мертвой девушки. Судя по ярким поясам, шароварам и торчащим волчьим ушам, это и были апостолы. Дальше, по ту сторону распятия, в два ряда, преклонив колени, располагались «священники» рангом пониже, разукрашенные так же, как Христофор. Не вставая с колен, они раскачивались, сцепившись локтями, подпевали хору и вызванивали мелодию железными браслетами.

Не участвовали в общем веселье пятеро. Спиной к тазу и распятию, внутри круга послушников, развернувшись каждый в свою сторону света, молились Деды. По-настоящему старыми были двое, Черный и Красный. Краска так густо покрывала их черты, что оба походили на пресловутых цветных демонов из японского фольклора. Водяной и Белый выглядели значительно моложе, лет по шестьдесят пять. Все обзавелись парадными белыми ризами православных патриархов и поддерживали их в приличном состоянии. Все размахивали кадилами, источавшими жуткое серное зловоние, вперемешку со сладкими медовыми оттенками. Белый Дед, гладколицый, плотный, сидел верхом на нагом женоподобном отроке, изображавшем козла.

Когда Карапуз, со всего маху, врезался в толпу послушников, налево и направо молотя секирой, парень под Белым Де-

дом вдруг открыл глаза, и Артур с отвращением увидел, что перед ним вовсе не маска. Юноша начал приподниматься, но не по-человечески, а словно жвачное животное, спугнутое на лежке. Облезлая шерсть на жирных боках оказалась не покрывалом, задние конечности заканчивались копытами, а с поясницы свисал волочащийся, в комьях навоза, хвост. На рогатой маске, прикрывавшей верхнюю половину лица, раздувались черные ноздри, обезумевшие глаза ворочались в орбитах, а человеческим оставался только рот и подбородок с завитой мелкими кудряшками бородкой. Парень подтянул под себя слишком длинные руки, заросшие серым волосом; большие пальцы у него приросли к ладоням, постепенно превращаясь в копытца.

Дальше все завертелось с такой скоростью, что впоследствии Коваль восстанавливал события по частям.

Карапуз перебил хребты четверым, когда апостолы его заметили и оторвались от своего увлекательного занятия. Они не стали вынимать ножи, но трое выставили перед собой пустые ладони, и капитана швырнуло на брусья, поддерживающие кожаный свод. Митя с лету вписался спиной в обструганный ствол и рухнул на еловые ветки.

Артур не успевал ничего сделать. Козлоногий монстр разогнул спину, поднимая над собой Белого Деда; тот очнулся от транса и смотрел почти осмысленно.

Команда Мальцов, гнувших спины в самом темном углу, под иконами, сбилась с ритма. Они растерянно мяукали, но ни один не поднимался с колен. Из-за громады креста Коваль плохо видел, что там происходит.

Снаружи юрты грянули два мощных взрыва, Прохор разошелся не на шутку. Крыша горела в трех местах, распространяя зловоние гниющей шерсти. Кто-то там катался по бетонному полу и истошно визжал.

Барабан замолк, хор с воплями разбегался. Кликуши голосили еще громче, покрывая своим визгом шум схватки. Распятая на дубовом столе, истошно орала вторая невеста, погребенная под трупами своих мучителей. Как раз в эту секунду Христофор укладывал мешок с третьей невестой под стол, чтобы ее ненароком не зацепили.

Толпа уцелевших чернецов рванула к выходу, но там их уже встретил Прохор и плюнул навстречу. Плевок Сатаны в

закрытом пространстве произвел оглушительный эффект. Голубое пламя рванулось к потолку, визжащие беленые фигуры превратились в факелы. Стены шатра мигом охватил огонь.

Три секунды спустя Прохор, с опаленными бровями, стоял совсем один перед кругом черной окалины и посылал следующий Плевок вдогонку тем, кто успел прорваться под стелющимися складками шкур позади «алтаря».

Артур слышал, что Озерники вели собственные изыскания, пытаясь овладеть секретом Плевков Сатаны, но пока у них получалось не очень. Самой большой трудностью при обработке растений, собранных на пожарищах, было добиться такого соотношения частей, чтобы Плевок замыкался в локальном пространстве и затухал, не вызывая пожаров на километры вокруг. Из поколения в поколение Хранители передавали секрет сложнейшего синтеза вещества, горевшего очень короткое время, но с температурой, превышающей точку горения напалма. Малейшая ошибка в компонентах приводила к самым удручающим последствиям.

Но самое главное, чего Озерники, да и никто другой, не смогли бы повторить, была врожденная, уникальная рецептура слюны. Даже среди Качальщиков крайне нечасто рождались люди, одаренные способностями Прохора. Люди, способные провоцировать скоростные мутации в других организмах и способные бессознательно задавать нужный состав слюны, без смешания с которой Плевок терял силу. Кроме Прохора, дочери Анны и старичка Семена, Артур знал всего троих, кому были даны подобные штуки, и Прохор грустно признавал, что таких Хранителей скоро совсем не останется...

Второй Плевок грохнул снаружи, и шатер, лишенный трети опор, начал со зловещим скрипом заваливаться набок. Волчьи морды апостолов повернулись к Ковалю. Их возбужденные гениталии раскачивались, как дубины...

Бердер, прыгая на руках от балясины к балясине, точно серая обезьяна, каждым взмахом ног отправлял на тот свет одного, а то и двоих послушников. Потом что-то длинное настигло его сзади, руки Качальщика, сжимавшие поперечину, разжались, и он полетел вниз, в самую гущу противника.

Теперь Артур убедился окончательно в том, чему никак не мог поверить мозг. Элементарное здравомыслие мешало ему

осознать и принять истину: Озерники перерождались. Наверное, эти превращения достались по праву лишь служителям высшего круга, апостолам, и, наверное, они были обратимыми. Христофор уверял Артура, что между праздниками, большинство возвращало себе нормальный облик, но, опять же, не все. Коваль тогда пропустил эти домыслы мимо ушей; парень немало натерпелся за месяц, могло и почудиться всякое...

Не почудилось. Артур не представлял себе, каким образом можно добиться такого слияния, но сомневаться не приходилось. Пока Качальщики выращивали умных тигров, медведей и ящериц, Озерники сразу принялись за людей. Возможно, первые из них, кто выжил после Большой смерти, случайно заметили свои способности. Возможно, эти недостроенные доки, в которых они проводили свои кошмарные мистерии, хранили гораздо больше древних тайн, чем казалось на первый взгляд. Возможно, что когда-то, больше сотни лет назад, обезумевшие от отсутствия женской ласки, аборигены активно начали грешить с козами...

И у коз, впервые в истории мира, попирая законы старины Дарвина, родилось потомство? И оценив это потомство, Озерники поступили наоборот, принесли местному козлу местную же девственницу...

И рано, или поздно, от бесконечного числа бесплодных скрещиваний, они получили существа, воспетые древними греками. Тупоголовые копытные создания, способные передвигаться на задних конечностях, похотливые и злобные...

Но время шло, а от сатиров не было никакой пользы, разве что пугать дикарей в окрестных лесах. И тогда, чтобы сохранить власть, первые Деды начинают эксперименты с волками. Работать с волками оказалось гораздо интереснее, и сразу же пошла отдача. Волк гораздо умнее, волк признает вожака, слушается и приручается, хотя и не так, как собака. Волку можно поручить воровать детей, которых так трудно добыть естественным путем...

«А может быть, все совсем иначе»,— поправил себя Коваль, пятясь под натиском десятка распахнутых глоток. Он выхватил из-за плеча катану, но не успел даже сделать замах. Чуть не вывернув ему пальцы, сабля вырвалась из рук. Метательные клинки постигла та же участь. С ладони потекла кровь. Нож, будто живой, выпрыгнул из кулака.

До мужчин с волчьими головами оставалось не больше полутора метров, за их спинами поспешно улепетывали в запасную дверцу Деды, а Коваль так и не успел разглядеть оружия врага...

Прохор протяжно свистнул, у людей-волков разом встопорщились уши. В шатер ворвалась серебряная молния, Лапочка в шестом поколении. Тигры удались на славу, семь лет работы не прошли даром; из-под шерсти, по всей длине корпуса, торчком поднимались шипы, грудь и морду прикрывали подкожные костяные пластины, выдерживающие прямое попадание ружейной пули, а передние лапы Прохор утяжелил вдвое против задних.

Отцы попятились. Тигр шел напролом сквозь толпу, как горячий нож сквозь масло. Не успевшие увернуться кликуши так и остались лежать бесформенной грудой. Христофор разрезал веревки и тащил к выходу из юрты потерявшую сознание невесту. Зеленые еловые лапы под ногами у Артура хлюпали, как резиновый коврик, насквозь пропитавшись кровью.

Карапуз, кряхтя, поднялся на колени, словно нехотя смахнул с себя груду обезумевших Сынов, молотящих хилыми кулачками. Лицо чингиса заливала кровь, чей-то нож располосовал ему щеку; сосновая свая, на которую он налетел, треснула пополам.

Коваль почувствовал, как его поднимает в воздух и толкает в грудь. Впечатление было такое, словно он на полном ходу вылетел под снегоочиститель несущегося паровоза. Теряя сознание, успел поджать подбородок к груди и расслабить мышцы, но удар о землю все равно получился нешуточный. Дикая боль пронзила позвоночник, а затем Артур увидел, как на него летит потолок. Две ближние подпорки треснули и начали заваливаться.

Сцепив зубы, он перекатился влево и разглядел, обо что стукнулся. Это была оторванная голова гармониста. Половина шатра обрушилась, погребая под горящими шкурами раненых. Тонко вопили сгорающие заживо мальчишки.

— Железо! — кричал из дыма Бердер.— Сбрось железо!

И тут Коваля озарило.

Магнит! Ну конечно, магнит! Эти мерзавцы каким-то образом создавали перед собой сильнейшее магнитное поле...

«Но это же невозможно»,— пробормотал он, пытаясь подняться на дрожащих руках. Боль в спине заставила его снова

упасть на колено. Из-за густого дыма Артур ничего не различал в двух шагах. Он слышал, как беснуется Лапочка и рычит снаружи, на лестнице, второй тигр. Он слышал, как матерится чингис и пытается избавиться от кольчуги. Потом он увидел огромные глаза Христофора; парень скрючился в три погибели, укрываясь под тяжелым столом, в обнимку со связанной невестой...

— Белого не упустите! — заорал губернатор, надрывая связки. Дым набивался в глотку, не давая вздохнуть.— Христя, давай к Прохору, Белого Деда держите!

Слева, из кучи тел, волчком выскочил Бердер, за ним тянулось облако кровавых брызг. От серой хламиды остались одни клочья. Хранитель силы вращался на пределе скорости, нанося удары всеми четырьмя конечностями; со стороны это выглядело как торнадо, вооруженное четырьмя клинками. Половина волков-апостолов бросили Артура и кинулись на помощь своим молодым собратьям.

Треснули и обвалились еще несколько перекладин, от раскатившихся по полу свечей занялись ветки. В шатре становилось нечем дышать. Красный Дед бежал, Водяной валялся на полу, запихивая в распоротое брюхо синие кишки.

Коваль поднялся на ноги, перед глазами плыли оранжевые круги. Он лихорадочно освобождался от кольчуги и сдвоенной портупеи, увешанной металлическим оружием. Не успел самую малость; ремень, точно живой, рванулся в сторону, увлекая за собой хозяина. Падая, Коваль с «мясом» выдернул пряжку, перекувырнулся, спиной чувствуя летящее костяное копье.

Когда он обернулся, все было кончено, по крайней мере, внутри «церкви». Ошалевший от крови, почти неуправляемый, Лапочка рвал на части нечто, смутно напоминавшее человеческую фигуру.

Бердера тошнило; Хранитель силы стоял на коленях; в спине у него наискосок раскачивался костяной дротик. Рядом громоздилась батарея трупов. Митю Артур заметил не сразу. Чингис был жив, но буквально похоронен под горой Отцов с волчьими лицами. Ему требовалась срочная перевязка, как минимум, в шести местах. Над Карапузом стоял Прохор и деловито махал шашкой.

Он отрубал головы. Несколько человеко-волков так и умерли, не разжав челюстей, вгрызаясь в плоть врага...

Потом они втроем выволокли полумертвого чингиса наружу, на ледяной бетон, и Прохор занялся его ранами. Бердер самостоятельно умел останавливать кровь, но получил сильнейшее сотрясенье мозга, и периодически его заваливало набок.

Артур вяло удивился, как много вокруг трупов. Оказалось, что сверху спустились, на свою голову, еще человек двадцать. Прибежали из скитов, привлеченные шумом драки, совсем мальчишки и не испугались одинокого, безобидного старичка, прогуливающегося по дну дока, среди мертвых тел. А когда они толпой, выкрикивая угрозы, скатились вниз, стало уже поздно, потому что за спинами очутилась белая рысь, не уступающая в размерах самому крупному волку. А скромный дедок с косичками покатал что-то во рту, словно не мог проглотить горячее, затем выкатил на язык коричневый комок, и плюнул...

Снаружи горело все, что Прохор успел поджечь. Горели гробы с мертвецами, горели клетки, в которых заживо поджаривались хищники. А наверху, за границей котлована, разгоралось ослепительное зарево. Полыхал вековой лес, вся непроходимая чаща, зажатая между болотами и берегом озера. В чащобе горели скиты, и даже сквозь нарастающий гул было слышно, как с треском лопаются коробочки заветного снадобья, Кислого мака, щедро засеянного по всем окрестным лесам.

Артур оглянулся. В сторонке, привязанный к свае, косил горящим взглядом Белый Дед. Его любимый сатир валялся подле и то вылизывал подпаленную шкуру, то принимался хныкать и тыкаться в ноги хозяину. Коваль так и не понял, в каких они с Дедом были отношениях, а выяснять не хотелось...

«Кислый мак,— точно в полудреме повторял Артур, — придумают же...»

Что любопытно, относительно Кислого мака догадался Карапуз, когда Христофор пришел к нему из логова ведунов на явку. Он сразу учуял противный кислый запах; от Христофора шарахались даже комары. Оказалось, что чингисы знали это растение, хотя Коваль мог поклясться, что до Большой смерти ничего подобного на Ладоге не росло. Чингисам была знакома безобидная разновидность, природный дурман, от которого следовало подальше держать коней. Озерники засеяли мак повсюду на своей территории, и методом сложного скрещивания вывели бесподобный штамм. Митя позвал Прохора,

который тогда хоронился от чужих взглядов в подвале фактории, вместе они обнюхали Христофора еще раз, и вместе получили сильнейшую аллергию. Еле оклемались.

Сразу стало понятно, почему через линию болот не ходят ни люди, ни звери, и почему даже драконов воротит...

Сейчас Коваль даже радовался, что снадобья Анны Первой напрочь отбили обоняние. Совершенно не хотелось нюхать обугленные трупы. Помимо мазей в ноздри каждому «десантнику» запихали по куску особого мха. Эту породу Хранители использовали, когда делали вылазки на Вечные пожарища...

Удалось сохранить жизнь не только Белому Деду. Красный потерял руку в бесславной попытке удрать от тигрицы, но Прохор успел остановить кровь. Дед лежал без сознания и представлял собой жалкое зрелище. Его, как и человека-козла, не стали даже связывать. А вот оборотней связали. В живых остались трое апостолов, а также два Сына, вполне человеческой наружности, и мальчишки из клеток на верхнем ярусе котлована.

Оборотни-апостолы вовсе не желали превращаться назад, в обычных людей. При ярком свете белого костра Артур рассмотрел их получше и снова не нашел никакого вразумительного объяснения. До настоящего звериного обличья они не дотянули: уши располагались слишком широко, нос не до конца слился с верхней челюстью, и подбородок выглядел, как у приматов. От волосатого затылка, к сутулым плечам и выпуклому горбу позвоночника спускалась густая, серая щетина. Но в остальном это были самые обыкновенные мужчины, среднего, если не сказать пожилого, возраста. Апостолы клацали зубами, норовя дотянуться до веревок и довольно членораздельно выкрикивали проклятия. Самым отталкивающим Ковалю показались даже не гротескные морды. У спеленутых живых магнитов так и не прекратилась эрекция...

Артуру ужасно не хотелось скатываться к вере в банальную чертовщину, но ничего умного в голову не приходило. Если толкаться от их внутренней иерархии, выше апостолов стояли только Деды. Стало быть, остальные Озерники стремились достичь волчьего уровня?

— Там еще несколько козлов, и это... — Прохор махнул рукой в темный угол подземелья.— Короче, Лапочка погрыз,

теперь не поймешь, но мнится мне, были и другие, недоделанные... Лучше не ходи, смотреть противно...

Артур и не пошел. Он отковыривал из онемевших ноздрей кусочки мха и смотрел вверх. Оттуда, медленно кружась, опускались куски горящей маскировочной сети, и серым пеплом осыпался плющ. А еще выше, над клубами дыма, над столбами багровых искр, лупили лазурными крыльями драконы Качальщиков. Значит, старый Семен подоспел вовремя, а люди Абашидзе уже развернулись цепью вдоль Петрозаводской трассы. Теперь ни одна сволочь не ускользнет...

Не пройдет и месяца, как всей Руси будет известно, что детям Красной луны на Ладоге пришел конец.

Глава двадцать шестая

Старые песни о правде

— Где моя дочь?! — голос вятского мэра срывался на крик.

— Мы сделали, что могли,— не моргнув глазом, отвечал Коваль.— Там было три девушки, двух удалось спасти. Взгляните сами...

Старик, в сопровождении сыновей, зажимая нос платком, ринулся к тлеющим руинам шатра. Исмаил быстро перемигнулся с Артуром и снова занялся ранеными. Вместе с вятским начальством он привез Анну и двух лекарей из ближайшей деревни. Женщины хлопотали вокруг раненых. Чингис уже подавал признаки жизни. Лишь просунув между клыков топор, врачи сумели освободить его ногу от намертво вцепившейся волчьей головы. Из Бердера вытащили два наконечника от дротиков, наложили десятка два швов и залили в раны целебную смолу.

Коваля напоили из трех флаконов, положили на живот, облили неизвестным ему настоем, от которого чуть не сварилась кожа, затем натерли привычными мазями, с острым медвежьим запахом, и оставили отдыхать. Он знал, что самое большее через час снова почувствует себя человеком, сила заиграет в мышцах, но пока нужен полный покой. Последний раз он себя

чувствовал таким выжатым очень давно, когда его лупили на тренировках, в темной избе, подопечные Бердера...

— Это не она! — завопил вятский голова, отшатываясь от истерзанной невесты в черной фате. Девица находилась в глубоком обмороке и лежала, завернутая Христофором, в одеяло.

— Дальше поищи,— невозмутимо посоветовал Прохор.— Там, в шатре, под столом кто-то вроде в мешке шевелился...

На краю стройплощадки приземлились уже три дракона. Пожара ящеры не боялись, лишь довольно жмурились на вспыхивающие островки рябин и черемух. Молодые Качальщики бегом тащили к транспорту носилки с Карапузом, а навстречу, в котлован, спускалась целая делегация.

Коваль на секунду прикрыл глаза, и мир тут же начал вращаться вокруг него. Снова и снова, как в черно-белой хронике, он видел, как порхает над полом растопыривший руки Митя и как улетает в сторону его любимый пулемет...

— Варенька! Варенька! Дитя мое! — ошалевший от счастья мэр исступленно прижимал к себе невредимую дочь, забыв даже вытащить кляп у нее изо рта.

Коваль скосил глаза на нижние ступеньки лестницы. Исмаил все провернул отлично! Трогательная сцена встречи счастливого отца со спасенной дочерью произошла аккуратно в тот момент, когда на дно бетонного склепа ступили дорогие гости в сутанах.

«Эх, заснять бы,— вздохнул губернатор.— Такой кадр пропадает...»

Святые отцы, непрерывно крестясь, и бормоча молитвы, замешкались на нижней ступеньке, не решаясь перешагнуть через обуглившиеся трупы колдунов. Потом они заметили лежащего губернатора и, устыдившись минутной слабости, засеменили к нему, как цыплята к наседке.

— Как можно себя так не беречь?

— В одиночку, как истинный воин Креста, бросился против тьмы нечисти!

— Во всех храмах, сегодня же, проведем службы во здравие!..

Долгополые продолжали нахваливать, а сами еще не вполне отошли от ночной гонки. Артур слушал, не перебивая. Он слишком хорошо знал, что крылатых змей святые отцы считают точно такими же бесовскими тварями, и только приказ грозного Абашидзе заставил их отправиться в путь.

— Как дела? — спросил Коваль у вятского мэра.

— Жива! Жива, слава богу! Спасибо вам... За эти сутки я наполовину поседел...

— Собака! Сволочь! — до Белого Деда, наконец, дошло, он прекратил лаять и заговорил на приличном русском языке.— Мы не трогали твоей дочери!

— Так это он украл мою дочь?! — взбешенный вятич выхватил кинжал и непременно изрубил бы связанного пленника, если бы перед ним, стеной, не встали подручные Прохора.

— Мы не крали! Он врет! — колдун исходил пеной и бился в ремнях с такой силой, что казалось, еще немного, и рухнет железобетонная колонна, к которой он был привязан.— Они сами украли твою дочь, чтобы очернить нас! Это сделал малек, подголосок подлый! Где ты, тварь?!

Христофора заблаговременно убрали; Озерник рыскал воспаленным взглядом, и не мог его найти.

— Ты слышал, Кузьма? — спросил вятича Артур.— Наш приятель говорит, что я сам принес ему твою дочь, а затем шесть раз прыгнул на нож, чтобы замести следы. А мой капитан — у него мясо до костей сорвано, так он нарочно в клетку с волками лазил, чтобы тебя провести!

— Это неправда, неправда! — надрывал глотку колдун.

— Ишь, о правде запел, паскуда!

— Свинца бы ему в глотку, певуну!

Старого Кузьму держали за руки; он вырывался все слабее, затем отдал нож ординарцу и, не в силах больше сдерживаться, зарыдал. Сверху, из леса, доносились отдаленные крики и выстрелы. Часть Озерников пыталась прорваться через болото, к шоссе, но там их встретили солдаты погранотряда. Без дурмана колдуны превращались в самые обычные мишени, а людям Абашидзе было приказано никого не брать в плен.

— Я виноват перед тобой, Кузнец! — мэр бухнулся рядом, ноги его не держали.— Я не поверил твоему человеку, его чуть не убили. Я не мог поверить, что грязные Качальщики с тобой заодно, и способны на благое дело...

Женщины-Хранительницы привели девушку в чувство; она немедленно начала орать и обливаться слезами.

— Теперь ты видишь, что они способны на самое благое дело? — Коваль незаметно посматривал на соборников.

Они держались стайкой, жались в уголке, но не пропускали ни единого слова.

— О да, да, как мне благодарить этого Исмаила? И этих храбрых парней, что были с тобой?

— Есть один неплохой способ... — Артур вспомнил, каким стало лицо Исмаила, когда ему предложили украсть дочку вятского мэра.

— Все, что ты скажешь!

— Не слушай его, эй, господин! — снова подал голос Дед.— Это отродье вшивого летуна, чтоб у него под кожей, поселились пиявки, он нагло врет!

Вятич непроизвольно схватился за нож, но Артур его мягко остановил.

— Оставь его мне, у нас с ним есть о чем поговорить! Я тебе лучше покажу другого, он здесь почти самый главный, даже главнее этого! Вам тоже не помешает послушать, святые отцы! — обратился Коваль к стайке испуганных соборников.— А после, попрошу вас заняться непосредственными обязанностями. Надо тут все освятить, а когда огонь уляжется, и наверху тоже! Да вы не хуже меня знаете, что надлежит сделать!

Митрополит и прочие священники приободрились и согласно закивали головами. Теперь до них дошло, зачем их притащили сюда среди ночи. Всех четверых обуревало мерзкое чувство, что губернатор решил утопить их в озере или сослать в Сибирь, за компанию с дочерью Рубенса. И вдруг, в одночасье, они убедились, что продолжают играть важнейшую роль и без святого присутствия губернатор не решается даже проводить расправу над нечистой силой.

— Я без благословения митрополита и лететь-то не отваживался, но боялся, как бы поздно не стало,— доверительно, но так, чтобы слышали поспешавшие сзади соборники, нашептывал Коваль заплаканному Кузьме.— Как мой верный человек доложил, что в обороне супостатов брешь открылась, так мы сразу и кинулись.

— Почто же, Исмаил меня сразу не взял? Я бы солдат собрал, помогли бы вам изрубить ублюдков!

— И полегли бы все, разом полегли бы! — Коваль, кряхтя, поднимался по лестнице к нишам первого подвального этажа.— Как верный человек доложил мне, что колдуны дочку

твою прихватили, так я понял, что ждать больше нельзя. Он тут тропку одну разведал, от дурмана свободную, да пройти по ней лишь трое-четверо могли, не больше. Я мыслил за месяц подготовиться, может, думал, кто из соборников со мной в поход отважится... И уж тогда, помолившись, дух укрепив, на бой бы вышел! Верно я говорю, святые отцы? Вы бы поддержали меня в походе на бесов?

— А то, оно конечно! — толкая друг друга, святоши рвались на духовную брань.

— Всей братией бы пошли!

— С иконами чудотворными...

— Никакой змей бы не устоял...

— Вот видишь, Кузьма, какое у нас единство партии и народа? — чуть не всхлипнул губернатор.— Но видишь, как все обернулось. Пришлось нам сегодня сражаться. Заодно и дочурку твою не допустили до бесчестья... Пришли, господа!

В одной из цементных клетей, в окружении черепов, трофейных черных свечек и живописных пентаграмм на стенах, с важным, но обиженным видом восседал Прохор Второй. Жиденькие косички Качальщик спрятал под париком из вороньих перьев, физиономию густым слоем покрывали разводы цвета индиго, а сухощавый торс, вместо привычного балахона, укрывал дырявый женский корсет. Руки Качальщика стягивала за спиной толстая веревка, и весь он был похож на захваченного в плен несгибаемого вождя апачей.

Другой конец веревки храбро держал в руке наспех отмытый и переодетый Христофор, с отчетливыми следами страшных ранений на белом костюме. Подручные Исмаила недурно справились и с этим маскарадом. Прохор вообще предлагал присобачить к спине парня кусок топора или спрятать одну руку, будто откусили, но Артур от таких театральных трюков отказался. И без того было не понятно, как человек с такими ранами ухитряется разговаривать, да еще присматривать за пленным Озерником.

— Его благодари,— Коваль указал на сына луны.— Он их всех рассекретил, и Качальщиков мне в помощь привел.

Христофор низко поклонился, всячески изображая смущение.

— Ну что, не хочет говорить? — Артур несильно пнул Прохора сапогом в бок.

— Не бейте, не бейте только! — жалобно заголосил лже-Озерник.

— Признавайся тогда, что вы с вятскими Дедами сообща задумали?

— Мое дело маленькое. Сказано было, воду в Неве да в колодцах отравить, мы и готовились...

Митрополит ахнул, Кузьма нехорошо выругался.

— А вятские? — настаивал Коваль.

— А что вятские? Вятские — они как все. Как все, так и они,— часто залопотал Качальщик.— Велено в Вятке псов бешеных в город пустить да амбары поджечь...

Соборники пыхтели, словно шахтеры в забое. Коваль, краем глаза, следил, как ребята Исмаила эвакуируют наверх связанных Отцов и завернутого в ковер Деда.

— Зачем?.. Когда?.. За что? — бессвязно лепетал мэр.

Его помощник, ширококостный мужик средних лет, тоже обалдело хлопал глазами, не понимая, как городские власти могли проглядеть злодейство у себя под носом.

— Известно, когда! — разошелся окончательно вошедший в роль Прохор.— Как могучий Карамаз пойдет сюда войском несметным, так и нам начинать. В первую же Красную луну.

Снизу, из-под упавшего шатра, поднимался удушливый чад от горящей человеческой плоти. Кого-то из соборников начало рвать, митрополит сделался весь белый. Артура пока спасало средство Хранителей; ни один запах не пробивался сквозь онемевшие ноздри.

— Что еще за Карамаз? — встрепенулся Кузьма.

— Известно, что за Карамаз. Сто тысяч янычар у него. Правит из города Двух башен. Кидает по небу бомбы, а джинны могучие для него мертвящую воду делают.

— Вот так чушь! — не совсем уверенно протянул помощник мэра.— Откуда сто тысяч человек? Да мы-то ему что сделали?

— А то и сделали, что суете свои носы, куда не следует,— охотно отвечал «Озерник».— С азиатами торгуете? А с кавказниками черными? Вот и нечего вам там делать, отбивать чужое золото! Все пути южные, каспийские, а также азиатские, Карамаз-паша под себя берет, а скоро и доседова, до северов доберется. Тогда поджаритесь, как бесы в аду!

— Это почему такое? — заикаясь от волнения, спросил вятский голова.

— А потому что вы дураки! — засмеялся ему в лицо Прохор. Ковалю показалось, что Качальщик чуточку перегрывает.— Могучий Карамаз-паша, да продлятся его дни, говорит так. Русские, говорит он, никогда не соберутся вместе. Пьяницы вы все и безбожники, даже попы у вас думают лишь о власти и золоте. Не выбрать вам ни царя, ни президента. У поляков уже давно собрались воеводы, выбрали Верховного, и у немца тоже, и у болгар. А русские все дураки. Будет каждый мэр одеяло на себя тянуть, а по одному мы вас живо передавим. У вас новый хозяин как приходит, так на прежних грязь льет, а сам мошну набивает! И Собору центральному не хотят подчиниться, а без единого пастыря хана вам скоро наступит... Да, да, так и говорит великий Карамаз. Надо, говорит, поспешать, пока эти дурни не догадались Петербург столицей признать, а в Лавре патриарха всероссийского выдвинуть....

Вятичи ошеломленно переглядывались. Коваль делал вид, что увлечен раной на плече. Святоши слушали колдуна с такими лицами, точно собирались избрать патриархом именно его.

— А на Питер Карамаз не пойдет... — входил в раж Прохор.— Не, он не идиот, на Питер идти. Самые сильные пограничные отряды, и конница, и пушки. Он так и говорит, когда к нам, в скиты, погостить прилетает. Питер, говорит, мне пока не по зубам. Начну-ка я, пожалуй, с Вятки, да с другой мелочи пузатой, пока они не опомнились. Всех передавлю, как тараканов! Это он твою дочку забрать посоветовал. Стащите, говорит, у старого хрыча, девку, все равно помрет скоро, от бешенства... Всех в Вятке уморим, потом на Кострому пойдем...

Когда Кузьму и помощников усадили в повозку, бедные вятичи выглядели так, словно им вынесли смертельный приговор. Соборники, напротив, разошлись на всю катушку, лазили по закоулкам дока, размахивали кадилами, читали молитвы. Изгоняли бесов, одним словом.

Коваль сидел на верхотуре и потягивал из фляжки коньяк, пока «главный бес» вытаскивал у него из затылка занозы и куски окалины.

— Думаешь, клюнут? — тихо спросил Прохор, когда ускакал отряд, увозящий отца со спасенной дочерью.

— Думаю, недели не пройдет, как прибегут на поклон. И не только они. Звон пойдет хороший... Только вы уж не подведите! Нам для верности хотя бы парочку агентов Карамаза надо изловить.

— Изловят, не боись! — хихикнул Качальщик.— Анна на этот случай особый сбор сварила. Подпоим завтра же шептунов, из тех, что и так на траве сидят крепко, да и забросим, куда надо. В Великие Луки, да Тихвин, да Смоленск. Кто у тебя еще шибко сопротивляется? Далеко-то смысла нет, не пойдут под крыло проситься.

— Ладно, мы не гордые, далеко мы и сами сходим.

Отдыхавший рядом Христофор вдруг сложился пополам, посинел, и зашелся в диком кашле.

— Ты чего?! — бросился к нему Коваль.

— Белый... Это он,— прохрипел сын луны и забился в руках губернатора.— Проклял он меня, за измену. Теперь, когда ему больно, и мне больно будет. Бьют его там, видать, наверху...

— Ах, он гад такой! — изумился Коваль.— Но это же простое внушение, как мне тебя переубедить? Ладно, пойду скажу, чтобы его не трогали!

— Эт-то ни...ничего,— собравшись с силами, ответил Христофор.— Я другое боюсь. Ты пытать его будешь, дознаваться. Помру я, не выдержу проклятия, от боли-то...

— А вот тут ты ошибаешься,— заявил Артур.— Никто его пытать не будет. Сам все расскажет, при большом скоплении заинтересованных слушателей. У Аннушки, специально для таких неразговорчивых, наливочка имеется. Выпьет — и сразу подобреет. Мы его по всей России провезем, с лекцией...

Даже то расскажет, чего не знает.

Глава двадцать седьмая

На пороге мести

— ...И здесь, и тут... Господи, да на тебе живого места нет,— причитала Надя, стягивая с мужа свитер.

Коваль жмурился, как довольный кот. Он особенно любил ее в такие моменты. Возможно, именно потому, что они были

редки. Ни мастерство армии целителей, ни умение массажисток с Чудского озера, что умели мастерски зализывать шрамы, лучше любой собаки, ни колдовство Хранительниц — ничто не могло сравниться с заботой родной жены.

Разве их усилия сравнятся с той панической дрожью в пальцах, которая выдает Надю всякий раз, когда она ощупывает следы потасовок на его теле?

— Артур, когда же это кончится? — Она сурово сдвинула брови, но не могла сдержать слез.— Ты же мне обещал, что не полезешь никуда один!

— А ты мне обещала, что останешься со мной в Питере!

— Но я же осталась... — упираясь в край ванны, Надя тянула с его ноги сапог.— Пока Белочка в школе не привыкнет, я никуда не уеду.

— Но потом ведь, все равно уедешь?

— А ты хотел меня оставить насильно? У нас там еще двое малышей, не забывай.

— Разве я тебя заставлял что-то делать силой? — вздохнул Артур.— Хотя, может быть, и следовало...

— Опять ты за старое? — Надя охнула, увидев еще один шрам, на левом боку.— Ты хочешь, чтобы я тебе здесь надоела?

— Вот, видишь, меня так и норовят поколотить, а еще ты собираешься меня бросить! — захныкал Коваль. Он и сейчас еще не мог до конца свободно шевелить плечом.

— Артур, это никуда не годится! Ты ведешь себя как дикарь. Почему, с такой охраной, надо самому лезть в драку? Ты хочешь, чтобы тебя покалечили?

— Почему, имея такого мужа, ты не хочешь жить в городе? В самом лучшем городе?

— Потому что, мой дом... наш дом — там. Там, где я рожала детей. Там, где им хорошо. Им ведь плохо здесь, и ты это знаешь.

Надя сгребла одежду мужа в ком и пихнула в бадью для стирки. Оставалось расшнуровать штаны.

Коваль уселся на край джакузи, чувствуя холод мрамора, и, одновременно, жар, идущий от воды. Комната тонула в ароматах хвои и лечебных бальзамов. От обилия солей и смягчающих травяных присыпок полная до краев ванна казалась озером расплавленной смолы.

— Обещай мне, что ты никуда больше не полезешь без войска! — Надя вернулась с двумя тяжелыми кувшинами.

— Я и так никуда не лезу...

Закрыв глаза, он опустился в пышную, маслянистую пену.

— Ты губернатор, а не солдат! Погляди, что творится, сплошной синяк!

Она уже забыла, что надлежит сердиться, и снова превратилась в заботливую мать. Артур моментально вспомнил их первые годы, в неказистой избушке, куда поселил его Исмаил. Самые трудные и, по-своему, самые счастливые годы. Пока всей деревней им не отстроили новый дом, приходилось ютиться в жуткой тесноте, ниже уровня земли. Единственное окошко выходило прямо в бурелом, изба стояла на самом отшибе. Зимой снег засыпал входную дверь, и Артур проделывал настоящие тоннели, барахтаясь в сугробах, как гусеница. Вокруг радостно прыгали собаки, трещали от мороза ели, а в натопленной комнатушке ждала его из очередного похода беременная Надя Ван Гог.

Тогда она носила первенца, Николашку, и постоянно выбегала во двор, мучаясь позывами рвоты. Она ни разу не пожаловалась на отсутствие удобств, холод или непривычную, грубую пищу. А ведь такие, как она, потенциальные мамочки, привыкли жить в тепле и неге... Она ни разу не упрекнула мужа за недельные и месячные отсутствия, когда Качальщики брали его с собой растворять вредные заводы и древние военные объекты. Она только охала смешно и бросалась готовить баню, и бледнела, ощупывая его ссадины и порезы, когда Артур еле доползал после боевых тренировок...

Он задержал дыхание и с головой нырнул в пахнущую хвоей воду. Мгновенно исчезли все звуки: бульканье воды в котле, шум дождя за окнами, грохот забиваемых свай на Невском...

Остался только ровный гул и ее ласковые ладони...

Вот так, запереться от всех, залечь в дождливый день в ванну, и никому не открывать...

— Да, милая,— сказал он, выныривая,— Ты права. Нам нельзя быть долго вместе, я превращаюсь с тобой в жирного гуся. Недаром Озерники интересовались моей печенкой...

— Не крути головой! — Надя притворно взвизгнула, когда он вслепую ущипнул ее под коленкой.— И не мешай мне... Господи, да что же это такое? До сих пор кровь идет...

— Это уже не кровь, это ерунда.

— Артур, я боюсь...

— Ничего страшного. Подумаешь, размяться раз в десять лет.

— Это называется «размяться»? Повернись! — Она принялась намыливать ему спину.— Обещай мне, по крайней мере, что с этим будет покончено!

— С чем покончено? С Озерниками?

— У меня мороз по коже, когда я слышу это слово!

— Я обещаю тебе, что с ними будет покончено!

Он приоткрыл один глаз и попытался засунуть руку ей под фартук, но Надя ловко отстранилась. Она была слишком рассержена и никак не желала начинать игру, даже не пожелала купать его, раздетая. В принципе, Артуру так еще больше нравилось, когда жена оставалась в длинном хлопчатом халате и широком резиновом переднике. Халат, все равно, очень быстро промокал насквозь, а иногда она его просто не успевала снять...

— Это же не люди! — Коваль почувствовал, как вздрогнула ее рука с мочалкой.— Мне Христя все рассказал, и Серго тоже. Артур, это не люди, они хуже летунов...

— Теперь их будут травить повсюду, пока не вычистят заразу. Мы хотели немножко сыграть на этом деле, в пользу нового Пакта, подтолкнуть удельных князьков к объединению, чтобы не звенеть оружием, а Деда допросили — и что вышло? Видишь, еще суток не прошло, а оказалось, что Прохор Второй накаркал, когда в нашей пьесе участвовал. Они действительно по всему западу готовились, должны были одновременно, по указке Карамаза, химию сбросить, и бомбы, и пожары...

— Да зачем такие страсти?

— Не зачем, а кому это выгодно? Карин сам бы до такого не додумался. Он там, на югах, можно сказать, на благодатную почву попал. Когда народ в черном теле держат, ему завсегда клапан нужен, пар выпустить... Проще всего сказать, что все зло от обычаев чужих идет. До Италии посольство польское не допустили, греков подмяли, болгар, только это положения не

спасает. Кого подмяли-то? Людей все равно мало, не зажируешь. Им караванные тропы нужны, им север нужен...

Коваль вздохнул, и послушно повернулся, подставляясь под прохладную струю из кувшина.

— Я не могу отсиживаться, когда мои друзья лезут под пули,— сказал он.

Надя свирепо пошуровала кочергой в печи, открыла заслонку второй ванны и преувеличенно громко зазвенела тазами.

— Ты будешь теперь лично участвовать в каждой уличной драке? Нет, мне действительно лучше уехать и не видеть всего этого!

Артур зажмурился и снова нырнул, чувствуя, как кожа начинает дышать, как открываются бесчисленные поры...

«Что-то сердце сегодня стучит не по делу, или стар становлюсь? — подумал он, выпуская изо рта тонкую струйку пузырей.— Или дождик второй день, такой тоскливый?»

Внезапно он ощутил легкий укол в левой стороне груди и сразу же напрягся. Это не сердце, сердце так не болит... Они оба взвинчены, потому что должно произойти что-то плохое. Он никак не мог представить, что же плохое может произойти, когда самое ужасное закончилось и впору было взять недельку отдыха... Когда начинало вот так, слегка щемить под левым соском, это говорила всегдашняя интуиция, выработавшаяся еще в самые первые дни после Пробуждения, то самое чувство, которое компенсировало ему нехватку знаний о новом мире и спасало его в самых жутких передрягах...

Губернатор шел в атаку на Ладожские скиты, и сердце не болело. Он отправлялся в опаснейший поход через Мертвые земли и знал, что гибель уготована кому-то другому. Но сегодня оно вернулось, и вернулось к обоим...

— Надежда,— позвал он, до боли растираясь жесткой мочалкой,— Надя, ты слышишь меня?

— Слышу...

Она распустила волосы, чуть качнула бедрами, но не подошла. Так и стояла, приложив озябшие руки к печке; от ее длинного, как кавалерийская шинель, халата, валил пар. Мокрый хлопок облегал напряженные ягодицы и лодыжки, там, где передник не защищал от брызг.

— Это никогда не кончится, да, Кузнец?

— Никогда, милая,— он, не отрываясь, смотрел, как уходитв воронку грязная вода. Через несколько секунд в пустой мраморной чаше станет зябко, но тем приятнее окажется вторая, чистая ванна, насыщенная терпким брусничным отваром... Парадные окна запотели, на свежевыкрашенных стенах отслаивалась штукатурка. Артур машинально отметил, что следует вздуть Мишку Рубенса, вместе с малярами, но ругаться тут же расхотелось. Он вспомнил, что в этих залах мирно почивали когда-то обломки скифской цивилизации, еще оставались темные места от настенных экспонатов, и можно было различить вмятины в паркете, оставленные кусками каменных гробниц.

— Самое обидное, что вся эта мышиная возня идет по кругу, — стуча зубами от холода, сообщил супруге губернатор.— Я приходил сюда много лет назад, когда сияли люстры, и щелкали фотоаппараты. Я болтал о кино, о любимых мотоциклах, бродил под ручку с девчонками и представлял себе этих кочевников, как они разоряют города, закидывают горящими стрелами соломенные крыши и пьют вино из черепа врага... Ты представь, от них же ничего не осталось! Ничего, кроме пары глыб, на которых в подвале сейчас разделывают мясо...

А потом на их курганы пришли другие воины. Этим тоже казалось, что они живут в центре Вселенной, пока их кости не растворились в земле. А через тысячу поколений совсем другие люди накопили денег, чтобы нанять археологов. И приволокли все это добро сюда! И я платил тридцать рублей, чтобы галопом пробежаться мимо. Никого эти бусинки и шарики не занимали... А потом — раз, точно сквозняком дунуло, и снова нет ничего. Нет тех, кто смеялся над теми, кто откапывал тех, кто пили вино из черепов, и так далее...Ты же умная у меня, разве ты не понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что все зря? Значит, я зря рожала детей. а ты зря проснулся? Может, тогда проще сразу пойти и утопиться?

— А ты не хочешь топиться?

— Не хочу! — она, казалось, разговаривает не с ним, а с гудящей печкой.

Артур дотянулся до полотенца и провел им по внушительному зеркалу, доставленному из царских прихожих. Действительно, сплошной синяк, и вдобавок, следы от укусов...

Он медленно, млея от наслаждения, опустился в свежую, душистую воду.

— Вот ты не хочешь топиться,— примирительно рассуждал Коваль,— и никто не хочет. И все хотят иметь горячую ванную, а не мыться ледяной водичкой из Невы. Ты не хочешь, чтобы наша Белочка круглый год в одних опорках ходила, и никто такого своим дочерям не желает. И жить все мечтают в тепле и сытости. Зачем им это, как ты думаешь? Почему они, тысячами, тянутся в город, а не сидят в лесу?

— Ищут, где лучше...

— Правильно. Так было, и так будет, потому что все идет по кругу. Приходит варвар, и на обломках чужой гробницы свежует говядину... И самое поганое...

— Что самое поганое?

— То, что я не знаю, как разорвать эту спираль. У Левушки Свирского была на эту тему любопытная теория. Он полагал, что после Большой смерти может восстановиться патриархальное равновесие. Люди перестанут плодиться, как кролики, уступят часть ноосферы мифическим созданиям, и воцарится мир, который существовал многие тысячи лет. Задолго до крещения, и до Египта с Месопотамией. Всем хватало еды и тепла, желающие упражнялись в изящных искусствах и всяких фундаментальных астрономиях, не посягая на чужую зону обитания...

— Я пугаюсь, когда ты говоришь так.

— Как «так»?

Коваль не видел жены. Он играл в аллигатора, залегшего в засаде. Над водой только нос и губы.

— Когда ты говоришь вот так. Ты начинаешь так говорить, когда не знаешь, что делать, или... или когда сам боишься.

Артур вздрогнул. Внезапно вода показалась ему очень холодной.

— Ты тоже заметила?

— Словно снег пойдет... — обронила она, распахивая одну из створок окна.— Или наводнение начнется...

— У меня сердце кололо,— пожаловался он и тут же пожалел.

Надина спина мгновенно окаменела.

— Так было, Кузнец... Когда были взбесились, помнишь, после засухи? И позапрошлым летом, когда... когда...

Она не договорила, но Коваль понял, о чем она думает. Три года назад их младший, Федя, едва не утонул в таежной реке.

— И при чем тут равновесие? — голос жены доносился до него глухо; она говорила, высунувшись в окно.— При чем тут Свирский и равновесие, если я всего лишь прошу тебя не затевать войны?

— Причина в том, что Свирский жестоко ошибся. Пятнадцать лет назад, когда я «проснулся», я почти поверил ему. Все это было так убедительно — волшебные звери, бабки-ежки по лесам, ведьмы на погосте... Я почти поверил, что придется привыкать к сказочной жизни, кататься на помеле и нырять в дымоход. А оказалось, все то же самое, только в профиль, тот же бубновый, или трефовый, интерес. И рожает теперь уже каждая третья, и пожарищ скоро не останется, и летуны мрут от бескормицы. И это значит, что кто-то должен опять поддерживать новое равновесие...

— Ты про Качальщиков? Ты говорил, что до Большой смерти их не было?

— И про Качальщиков, и про себя... Я этот феномен уже пятнадцать лет изучаю, и совсем недавно сделал простое открытие...

— Фи-но-мен?

— Неважно... — Он хотел сказать жене, что все это ерунда, и что зря он затеял этот никчемушный диспут, и вообще, он хотел сказать, что очень ее любит, но не успел...

Опять не успел сказать ей что-то теплое и горько пожалел об этом, потому что в двери заколотили, точно Зимний охватил пожар.

Надя выронила кочергу. Артур накинул халат, взял револьвер и пошел отпирать. Никто не имел права вот так врываться, да никто, кроме самого ближнего круга охраны, и не знал, где находится спальня губернатора. Коваль шел к двери, понимая, что сердце болело не напрасно.

Вот оно, настигло его именно сейчас, когда ему было так уютно и сладко, когда впереди его ждали несколько безоблачных дней с супругой и дочерью...

— Нет,— сказала Надя,— не открывай.

На долю секунды у него промелькнула мысль так и поступить. Спрятаться, отсидеться, авось не найдут... Все равно, кроме охраны, никто не знал, где его искать.

Он откинул засов, увидел начальника стражи, дежурного офицера с тигром, Даляра с трясущейся челюстью, Мишку Рубенса в одних подштанниках и Христофора с белым, как мел, лицом. А впереди толпы лежал ниц незнакомый человек.

Точнее, знакомый. Только Артур отказывался узнавать его, потому что принести этот человек мог только очень плохую весть.

— Что с моим сыном? — непослушными губами спросил губернатор.

— Бомба... — прошептал телохранитель Николая, еще ниже припадая к полу.— Не уберегли, двое наших погибли, и пацан...

— Кто? — удивляясь собственному спокойствию, спросил губернатор.

— Сам взорвался, бомба под одежей была. Прямо на машину прыгнул... Но по тряпкам — татарин, и рожа не обгорела...

— Поясок еще,— добавил начальник стражи, показывая обугленный огрызок, со следами арабской вязи.— Поясок от убийцы остался, вон и письмена на нем...

— Он прыгнул, когда мимо мечети проезжали,— торопясь, словно лично был виновен в нерадивости подчиненных, заговорил Даляр.— Патруль сразу свистнули, я примчался, ихнего главного за бороду вытащил, чуть не зарубил на месте, ребята оттащили. Клянется, что из мечети никто не выходил, и что не знают такого человека...

— Да врут, врут, командир,— выкрикнул начальник стражи.— Бабы видели, как из мечети выбежал, еще на бедность кому-то подал. Точно из татар. Или кавказник: рожа черная, бородатая, в зеленое замотан! Прикажи только, всю эту шушеру на дыбу поднимем, пятки будем жечь!

Коваль пропускал через себя поток слов, неожиданно потерявших всякий смысл. Слова складывались во фразы, а смысл потерялся... Он слушал, ничего не понимая, видел перед собой распахнутые рты, просящие о чем-то, глаза, багровые вены, вздувшиеся на шее лейтенанта. Он пропускал через уши этот нелепый шум, похожий на досадное жужжание, и всеми силами пытался заставить непослушное тело повернуться назад.

А когда он собрался с мужеством и обернулся, то понял, что лучше бы этого не следовало делать. По крайней мере пря-

мо так, сию секунду. Потому что Надя Ван Гог встретила взгляд мужа.

Ее лицо вдруг перекосилось, поплыло, будто восковая маска или физиономия румяного снеговика, прислоненного к печке... Коваль чувствовал необходимость что-то сделать, что-то ей сказать или перестать смотреть тем остановившимся взглядом, который он никак не мог заставить двигаться... Будто кто-то схватил сзади, за затылок, металлической клешней и стянул кожу так, что не было сил приоткрыть рот и даже вдохнуть.

— Лекаря! — кричали позади него и толкали, и кто-то пробежал по ногам, и дергали за рукав, и знакомые лица наклонялись близко, брызгали слюной, повторяли что-то важное, а тигр лизал ладонь, а потом лизал в ухо...

— Нет! — крикнул он вдогонку военным.— Нет, я сказал!

— Надо брать их, пока не разбежались!

Теперь здесь оказался и старший Абашидзе, и Левушка, и еще куча народу, весь Малый круг, и под окнами цокали копыта конницы...

— Всю слободку кавказников я приказал окружить! — на скулах Абашидзе играли желваки.

Коваль посмотрел в угол, туда, где над бьющейся в истерике женой метались подручные мамы Роны, и внезапно представил себе, как непросто далось грузину такое решение.

— Прикажи запалить мечети, командир! — с Даляра, в буквальном смысле слова, летели клочья пены.

«Коля, Колечка... — чувствуя, как щемящей тоской сжимается сердце, подумал губернатор.— Они все для меня лично, преданы, и любят, и ценят... Но ни хрена не думают о людях...»

— Нет! Стойте! — повторил он, уже почти спокойным голосом, только внутри все дрожало, как выкинутый из кастрюли студень. Внутри все было изрублено в капусту... — Никого не трогать! Следствие передать Судебной палате, чтобы все вели клерки, как обычное убийство.

— Но командир!..

— Смерть ублюдкам!

— Как ты теперь в Казань-то?..

— Никого не трогать без суда! — прошептал он, недоумевая,почему так трудно стоять.— Они только и ждут, чтобы мы

начали жечь мечети, неужели непонятно? Если узнаю о самоуправстве, генералов первых повешу, слышите?!.

Теперь ждать нечего, готовьте посольство к хану!

Глава двадцать восьмая

Казань — город хлебный

Эльсур Халитов принимал гостя на мягких подушках у подножия Золотого трона. Спускавшиеся с потолка тяжелые ковры разделяли залу на несколько комнат. Сюда не доносился грохот повозок и крики базарных торговцев. В зарешеченное окно Артур видел спускавшуюся к арке кремля недавно мощеную дорогу и остатки памятника Мусы Джалиля. Народный герой лежал на боку, так и не сумев разорвать цепи фашистских мучителей. По дорожке, щеголяя парадными костюмами, гарцевали десятка два гвардейцев из личной охраны хана. Подальше, на пустыре, тренировалась целая сотня кавалеристов. Они разгонялись и поочередно старались на скаку разрубить укрепленные на палках арбузы.

Казанский кремль почти не пострадал в годы катастрофы. Само собой, что не осталось целых окон, лопнули все коммуникации, провалился асфальт, и на развалинах сгоревших зданий буйной поросльюзеленели кусты, но основные строения сохранились прекрасно.

Трон не был золотым, но близко соответствовал. За следующим ковром, в угловом помещении, помещалась обширная библиотека, куда тащили книги со всего города. Халитов справедливо гордился тем, что свободно изъясняется на четырех языках и разбирает арабскую письменность. Последнее обстоятельство придавало ему колоссальный вес в глазах соратников. В результате последнего дворцового переворота со стен кремля были сброшены в Волгу сотни полторы противников нового хана, и никто из них читать не умел.

Начитавшись первоисточников, нынешний хозяин Казани решил, что принимать подданных следует на возвышении,

укрытом золотыми одеялами, и вообще, надо собрать во дворце как можно больше блестящих предметов. Как ни странно, слово «орда» ему не пришлось по вкусу, хотя особо ярые знатоки старины советовали вернуться к основам...

— Ну, еще раз салям, Эльсур,— сказал Коваль, когда руководители двух городов, наконец, остались одни.

— Мира тебе,— в тон отвечал хан.— Выпить нет. Барана уже жарят. Сыр и фрукты кушай, а?

— От сыра не откажусь. Надя мне говорила, что сыр у тебя знатный,— осторожно запустил первый крючок губернатор.

— Сыр превосходный,— степенно кивнул хозяин.— Кстати, как супруги здоровье? Самые теплые ей пожелания передавай. Мои женщины халат для нее сшили. Захватить не забудь, а? Зимы у вас холодные...

— Непременно! А Надя велела кланяться и передает твоим девочкам... — Артур продолжал произносить казенные любезности и с нарастающим раздражением думал о том, что ждет политиков лет через двадцать. Уже сейчас душные щупальца этикета начали привычно сжиматься вокруг горла, не позволяя сделать шаг в сторону, и совсем скоро руководители, как это было до Большой смерти, превратятся в говорящие придатки своего аппарата...

— О твоем горе мне сказали,— Халитов сделал серьезное лицо и погладил гостя по руке, что означало высшее проявление сочуствия.

— Благодарю, Эльсур, можешь ничего не говорить.

— Могу не говорить. Но скажу, а? Ведь ты же ждешь, чтобы я сказал.

— Ты мудрый человек, не зря тебя хвалят.

— Разве я мудрый, Артур? Я просто хитрый. Немножко хитрее других, немножко больше удачи. Честно тебе скажу, а? Я грустил, когда о твоей потере узнал. Это больно, я знаю... Две дочки маленькие у меня умерли. Но я не сильно грустил. Не успел им даже дать имена. Не знаю, если бы погиб взрослый сын...

— Спасибо, Эльсур, я верю тебе.

— Это тебе я благодарен,— краем губ улыбнулся хан.

— За что? — счел нужным удивиться Коваль.

Внезапно он обнаружил, что возведенная с такой тщательностью изгородь между ним и угасающей стихнувшей болью

снова готова проломиться и выпустить боль наружу. Он знал, что этот разговор состоится и что впереди будут еще разговоры и соболезнования, и притворные, печальные мины, и... Никуда от этого словоблудия не уйти: Николай был не просто ребенком, а частью политики, и даже посмертно его придется делить, или хранить, как тайную карту в рукаве...

Но Халитов не лил притворных слов. Он понимал ситуацию слишком хорошо.

— Спасибо, что выход гневу не дал, а? — хан смотрел прямо в глаза, что тоже являлось порядочной редкостью.— Памятью отца клянусь, Артур. Если бы я что-то узнал заранее, хоть один намек... Ты бы первый от меня услышал.

Этих слов было Ковалю достаточно. Пока достаточно, хотя карта с именем мальчика еще долго останется в рукаве. Пусть побаиваются, доверять нельзя никому...

Сегодня хан клянется, что не имел к преступлению никакого отношения, и счастлив, что не тронули питерскую диаспору татар, а завтра он может решить, что не обязан делиться информацией. Нельзя ему дать успокоиться, нельзя, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Он не боится питерских гарнизонов, но хорошо представляет, как сильна может быть кровная месть...

А потому пусть боится. Тем более что так его легче разговорить...

Губернатор первого по значению и военной мощи русского города был для хана дорогим гостем. И только слепой мог не заметить этого. За пятьдесят верст от города, при повороте на бывшую московскую трассу, губернаторский обоз встречал кавалерийский полк. От обилия украшений, серебряных попон, бантов и кистей, расшитых золотом штандартов рябило в глазах. Конница выстроилась в плотные шеренги и, сверкая саблями, сопровождала экипажи до самого кремля. При въезде в город несколько раз шарахнули из пушек, и к Артуру присоединились трое высших чиновников хана. За крепостными рвами Коваля встречали муфтий и генерал от кавалерии. В приятных беседах, ловко уклоняясь от скользких тем, гостей проводили до ворот крепости.

Коваль оценил масштабы строек и вполне искренне похвалил захватывающий вид с холма. Строил Халитов немного, по боль-

шей части разбирал завалы, но уже за это ему можно было поставить памятник. Потому что старая, деревянная часть города поджигалась мятежниками при каждом перевороте с завидной регулярностью. Хан, видимо, рассудил, что избавившись от горючих построек, можно надеяться на долгое, счастливое правление.

За последние годы он придумал еще несколько занятных трюков, принесших долгожданный покой. Предшественник Халитова совершенно упустил из виду такой первостепенный рычаг, как родственные связи. Он был тоже грамотным, начитался древних книжек и объявил себя президентом Татарстана. Наверное, из неактуальной, устаревшей периодики он почерпнул вредную мысль, что замов надо назначать из числа людей честных и независимых...

Границы республики, обозначенные в старых картах, ему не очень понравились, и президент принялся собирать войско, чтобы обеспечить постоянный прирост земель. В процессе киданья вверх шапок и флажков честные и независимые передрались и утянули с собой на дно самого правителя.

Халитов таких глупостей не допускал. Не было поста в новом правительстве, которое не занимал бы кто-нибудь из многочисленной родни. Народ быстро успокоился, и деревянные кварталы стало незачем поджигать.

Кроме того, Эльсур выяснил по словарю значение слова «оппозиция» и понял, что в татарском языке этому идиотскому понятию просто нет места.

И оказался прав. Оппозиция успокоилась, лишившись голов в самом прямом смысле. Поборники Креста вообще не пытались прибиться к власти, и нерешенными оставались два вопроса. Размахиваться ли, как предыдущий президент, на подчинение всей Татарии, и как быть с муфтием? Халитову было хорошо и без войны, драться он не любил и предпочитал решать спорные вопросы тихонько. Например, у него совершенно не было уверенности, что Челны захотят признать Казань столицей и кинутся выплачивать налоги. Не проще ли спокойно сидеть на Золотом троне и обдумывать, как потихоньку отравить Челнинскую верхушку?..

А с муфтием — и того непонятнее. Наглый, как танк, все ему давай, давай, давай... А с другой стороны, умный, ничего не попишешь. Миллион, говорит, миллион людей, за тобой пой-

дут, если смело под зеленым знаменем встанешь. Откуда он миллион насчитал, не совсем понятно, но звучит гордо...

Муфтий смелый стал после того, как от Карамаза люди приезжали. Немного об этом человеке наслышаны были, но то, что слышали, заставляло его уважать.

— Вы дождетесь,— говорили люди Карамаза муфтию.— Моргнуть не успеете, русские окрепнут и обложат своими границами. И будет как до Большой смерти, вон, сами в карты поглядите. Будете как пятно родимое, как нелюбимая бородавка на боку у России. Раньше они слабые были, а теперь, глядите, что творится! Раньше их в городе меньше трети оставалось, и не рожали совсем, а теперь? Вот погодите, еще немножко, и станет их больше! В Челнах уже дождались, там русский мэр, и с шайтанами лесными дружбу водит, с Качальщиками! Подомнут вас, крякнуть не успеете, и Халитов ваш — слабый, нерешительный какой-то!..

...Как раз в период столь глубоких раздумий и посетил хана губернатор Петербурга. Теперь они сидели друг напротив друга на пушистом ковре, пили чай из расписных пиал и закусывали теплым еще медовым чак-чаком. Халитов был похож на крепенького борца. Вроде бы пухлый, но нигде не висит, круглое, загорелое лицо, и волосы черные, жесткой щеточкой. На толстых пальцах — несколько колец с изречениями из священной книги.

— Базарную площадь чисто у тебя убирают,— похвалил Артур.— Только не шумно ли? Прямо перед покоями палатки разбили...

— Вай, всех зато вижу, а? — сверкнул белоснежными зубами хозяин.— Утром сам все цены проверяю. Если дорого, скажу — сразу убавят!

— Тоже верно,— кивнул губернатор.— Оптовики под присмотром.

Оба одновременно подули на чай, оба сердечно улыбнулись, как старые, все понимающие друзья. Посудачили о Черных жеребцах, которых хан очень хотел бы приобрести. Обсудили стати обычных коней и решили, что кони железку не заменят, и что железную дорогу все равно надо восстанавливать. Губернатор заявил, что составы, паровики и ремонт путей обеспечит Петербург, а хану предложил контроль над восточ-

ной частью дороги. Хан сказал, что его джигиты могут денно и нощно ходить в патруль хоть по всей длине дороги, и обещал разобрать на стройматериалы несколько внутренних веток.

«Сволочь мордастая,— думал Коваль.— Как строить, так он глухой, а как бабки за проезд собирать, так первый прибежит...»

«Хряк белобрысый,— улыбался гостю Эльсур.— Вас пусти в огород — через полгода, от водки вонючей, весь город под заборами валяться будет...»

Губернатор, сияя от счастья, принял в подарок трех отменных жеребцов и приглашение отпраздновать в Казани следующий Навруз. Хан, истекая медом, получил ордер на скромную, восьмикомнатную квартирку в Меншиковском дворце и десять бочек копченой миноги.

Губернатор сказал, что если хан не приедет осенью в Карелию, вместе поохотиться на уток, то он сочтет это личным оскорблением. Хан ответил, что он уже оскорблен, потому что гость не горит желанием завтра утречком посетить скачки.

Наконец с реверансами покончили, можно было переходить к делу.

«А ведь он психует,— думал Коваль, искоса разглядывая хана.— Надежда права, точно веслом ударенный. И вся эта бравада напускная, пыль в глаза...

— Дорогой Эльсур,— начал губернатор,— хочу попросить тебя о малюсеньком одолжении.

— Все для тебя, Артур,— оживленно воскликнул хозяин.

— Ты не возьмешь на постой сотни три моих людей? — наблюдая, как собеседник меняется в лице, елейным голосом произнес Коваль.— Ненадолго, на месяцок. Им только крыша нужна, а харчи и деньжата свои. Самых тихих подгоню, ни шума от них не будет, ни вреда. Дело закончат — и уйдут. А ежели что попортят, так возмещу...

— Какое дело, дорогой Артур? — вырвалось у Халитова.

Он тут же замолчал, возвращая равнодушно-глубокомысленный вид, но нервозность его выдавала.

— Да дело-то ерундовое,— доверительно хихикнул Артур.— Изловить кое-кого на островах, выше по течению... Озерники, слыхал про таких? У тебя тут, правда, река, а не озеро, может, их иначе называют?

— Называют так же,— быстро сказал хан.

— Уж не расстроил ли я тебя, Эльсур, дорогой? — обеспокоено всплеснул руками Коваль.— Может быть, эти люди под твоим особым покровительством?

У Халитова несколько раз дернулся желвак на щеке. Он пошарил глазами по узорам на подушке и снова встретился с Артуром взглядом.

— Никакого особого покровительства,— сказал хан.— Но люди эти всегда жили на наших землях... — Он сделал ударение на слове «наших».— Неужели три сотни солдат надо, чтобы изловить беглого преступника, а? Давай, я своим это поручу! Избавлю тебя от лишних забот?

— Не избавишь, Эльсур.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем хан потянул за свисающий с ковра шелковый шнур. Ковер чуть шевельнулся, и перед Халитовым возникла юркая фигура, с ног до головы закутанная в черное. Хан сказал несколько слов на татарском, прислужник почтительно склонился и исчез. Коваль следил, как снаружи бьются в оконную сетку жирные мухи, привлеченные запахом сладкого.

— У тебя немало важных дел, Эльсур,— негромко заметил Коваль,— И у меня тоже хватает. Нам так много предстоит еще сделать вместе, чтобы людям жилось хорошо... Или я неправ?

— Прав, прав,— хан хрустел костяшками пальцев, подставив луженую физиономию солнечным лучам.

— Так давай не будем вилять, сохраним время для важного?

— Хорошо, Артур. Не будем вилять.— Халитов подлил гостю чая.— Я за одним человеком послал... Он знает все, что творится на Каме... Когда на острова прячутся беглые воры, он узнает об этом первым. Если ты считаешь, что там убийца Николая, я сделаю все, чтобы его найти. Кто тебе нужен, а?

— Мне нужны все Озерники. Ты ведь слышал, Эльсур, как мы поступили с ними у себя?

— Вы уничтожили тех, кто извалял в грязи вашу веру. Я бы тоже так поступил, если бы под боком завелись нечестивцы, порочащие Месяц.

— Я преследовал их не за это, хан.

— А за что? Ты вырезал несколько деревень за кражу гулящей девки, а? — Халитов повысил голос, показывая, как хорошо он осведомлен в делах Петербурга.— Разве ты не вырезал

их по наущению своих попов? Разве Озерники не мазали дерьмом иконы?

— Это, конечно, нехорошо... — Артур чувствовал себя канатоходцем, который застрял в темноте, на незнакомой веревке.— Но твои люди, наверняка, донесли, что мы вырезали и Озерников на Финских озерах, и под Вяткой, Новгородом, и под Ярославлем?..

— Вай! Гнев попов столь велик, а? Они будут гнать врагов по всей земле? И ты дашь им столько солдат, сколько они потребуют?

— Нет, Эльсур. Мнение попов меня не заботит, но озерное племя я выжгу. Однако не только из-за икон.

Удушливая жара плыла над Казанскими минаретами, над плескущими изгибами реки, над тысячами шатров, дымящих на другом берегу. Казалось, что белые башенки крепости плавятся и растекаются, как сахарные головы. Сквозь стрельчатые окна сверкала пестрыми бликами базарная площадь, где люди и животные словно плавали в кашеобразном, знойном мареве. Заполняя паузу, Коваль насыпал в рот щепотку чакчака.

— Так ты бьешь их не за веру, а? — в голосе хана послышалось облегчение.— И не за сына?

— Ах, дорогой Эльсур,— улыбнулся губернатор,— разве для того, чтобы жить как порядочный человек, обязательно соблюдать посты? Вот я, например, уважаю тебя за то, что ты пресек драки между своими, что помогаешь бедным, а богатым даешь богатеть, что не обижаешь у себя русских купцов, а вовсе не за то, сколько раз в день ты помолился...

«Их вполне может быть и больше миллиона,— рассуждал Коваль.— Тысяч восемьдесят в Казани, раз в десять больше по деревням. Плюс башкиры, плюс мелочь... И дело не в муфтии, который, по слухам, довольно твердолобый пацан. Дело в том, что они жили и будут жить куначеством. Никуда от этого не денешься. Халитова поддержали богатые кланы, но что будет завтра, если верх возьмут фанатики? Сколько он продержится, играя в просвещенного космополита?..»

— Хорошо ли нам будет, если между нашими городами затеется вражда? — продолжал скользкую тему Артур.— Смелый воин может захватить власть, нам с тобой это известно. Но

удержать власть и добиться любви народа может лишь тот, кто смотрит вперед. Тот, кто видит не только сегодня, но и завтра.

— И что же ты видишь завтра? — Халитов поглаживал вышитые, на золоченых подушках, изречения.

— Я вижу, что есть правители, которые не могут спать спокойно, когда соседи живут сытно и дружно. Я вижу, что они готовы поднять знамена любого цвета, лишь бы захватить южные торговые пути и присвоить себе чужое. Я вижу, что если их не остановить сегодня, то завтра они найдут себе приспешников в каждом городе. Всегда найдется тот, кто за кошель с золотом отравит колодец или бросит бомбу в базарную толпу. Эти правители всегда делают ставку на людей темных и забитых, на нищету и дикость... Но самые хитрые поступают иначе. Они давно поняли, что одним кошелем золота не достичь того, что можно достичь обманом. Они обманывают детей с колыбели, и те вырастают не людьми, а волками... И эти волки верят, что бог призвал их лишь затем, чтобы истреблять иноверцев... Если мы позволим им и дальше растить волчат, то очень скоро запылают дома, а добрые соседи превратятся в вечных врагов...

Халитов долго молчал, перебирая на блюде спелые виноградины, доставленные откуда-то с юга. Затем он вскочил и отошел к окну. Стараясь не поворачиваться к дорогому гостю спиной, распахнул вторую створку и стал боком, уставившись на сверкающую пойму реки. Артур не мешал хозяину размышлять, сегодня он сделал все, что мог...

— Пусть так будет! — Халитов потер ладонями щеки, пробежался из угла в угол, по щиколотку, утопая в пушистом ковре.— Приводи своих солдат, пусть ищут... Проводников дам. Но ты же захочешь, чтобы с солдатами пришли Качальщики, а?

— Без них нам не справиться.

— Качальщиков здесь не любят.

— Их нигде не любят, их невозможно любить.

— Почему невозможно? — рассеяно спросил Халитов.

— Разве можно любить собственную совесть? — усмехнулся губернатор.— Ты сумеешь полюбить человека, который ходит за тобой по пятам и нашептывает тебе в ухо: «Эльсур, ты поступил дурно там и здесь, и ты это знаешь. А я не отстану от тебя и буду постоянно об этом нашептывать!»

Пришел черед рассмеяться хозяину.

— Вай, как жаль, Артур, что мы так редко встречаемся. Столько беготни! Так не хватает остроумного собеседника, а?

Халитов еще продолжал улыбаться, но щелочки его глаз уже превратились в пулеметные гнезда, и Артур понял, что сейчас решится самое главное.

Главное, ради чего он приехал. Никак не для того, чтобы разместить на постой пару сотен пограничников для ловли колдунов в камышах или для урегулирования финансовых затрат на железную дорогу...

— Вот что, Кузнец. Баба у тебя умная. Я это сразу понял, еще когда увидел ее в первый раз... Тебе повезло, а? Одна женщина может примирить двух мужчин, но не примирит эту свору,— он небрежно махнул в сторону окна.— Ты ведь не глупый, Кузнец? Сегодня я иду тебе навстречу. Хорошо... Не из-за сына твоего, а просто потому, что вы мне нравитесь. Я тоже вижу, что будет завтра, а? Только я не смотрю так далеко вперед. Я вижу, что завтра ты попросишь не ночлег для сотни... Завтра ты захочешь, чтобы в Каме напоила коней тьма, которую Абашидзе поведет на Самару или Астрахань. Что скажешь, Кузнец? Я не прав, а?

Халитов напрягся, точно собирался прыгнуть гостю на горло.

— Убеди меня, Эльсур, что с юга для русских земель нет опасности, и я отвечу тебе, что не стремлюсь к власти над Татарией.

— Вай! Я разве бог, чтобы давать тебе такие обещания? Я всего лишь песчинка под сапогом бога, да и ты тоже...

— Значит, человек, о котором я думаю, намерен выступить на север? — задумчиво произнес Артур.— И никто мне не даст гарантию, что он настроен с миром?

— Га-ран-тия? Не понимаю таких слов...

— Карамаз предложил тебе помощь, если ты выступишь против Петербурга? — в лоб спросил Артур.

Халитов качнулся, словно его ударили по лицу.

— Ты не брат мне, Артур. Никогда братом не будешь. Если я скажу татарам, что русские хотят поставить гарнизоны вокруг наших земель, от меня отвернутся все: и родня, и чужие кланы...

— А если я приеду с большим посольством и привезу соборников? Если мы вместе нарисуем новую карту, и подпишем кровную бумагу, что не перейдем твоих границ?

— А где они, границы? — устало вздохнул хан.

— Ты сам их нарисуешь,— удивляясь собственной отваге, сказал губернатор.— И это будет только твоя страна и твое государство.

— Слишком хорошо ты думаешь о муфтии... — покачал головой хан.— Почему ты решил, что меня слушаются все? В Челнах плевали на меня, и в Альметьевске...

— Это сегодня они на тебя плевали,— вкрадчиво заметил Коваль,— а через неделю все может сильно измениться. Ты получишь власть над всей Татарией.

— Через неделю? — как завороженный, повторил Халитов.

— Я говорил с Качальщиками, которых так не любят святоши. Они согласны успокоить землю, если я помогу тебе запустить литейку. Завтра вся Казань может узнать, что ты получишь пушки. А мои инженеры помогут тебе с порохом и зарядами. Для начала, скажем, штук десять орудий малого калибра и столько же самоходок. В течение месяца подгоним мастерскую, для ремонта. Снарядов получишь тысячи полторы, больше не обещаю.

— Откуда все это?! Качальщики все давно расплавили...

— На военных кораблях кое-что сохранилось.

У хана заблестели глаза. Не в силах сдерживаться, он снова начал мерить углы, возбужденно потирая руки.

— Мои генералы не поверят тебе, Кузнец.

— А не надо верить. Три пушки и десять пулеметов я уже привез.

— Ты загоняешь меня в капкан, Кузнец.

— Тебя невозможно загнать в капкан, Халитов. Ты не похож на подранка...

— А если им этого мало будет, а? Если оружие не убедит? Есть такие, кто спит и видит меня в Каме, с камнем на шее!

— Ты им завтра покажешь договор с губернатором Петербурга.

— Вай, Артур... Но раз уж мы так говорим... Всем известно, что вы собираете новую Думу. Новые Старшины, из выборных, и новый Большой Круг...

— Договаривай. Ты хотел сказать, что будет новый губернатор?

— А что ты сделаешь, если не соберешь нужное число меток со своим именем?

— Я соберу их, Эльсур.

— Ты зарежешь своих противников?

— Нет, Эльсур. У Думы будет простой выбор — или сегодня Кузнец, или завтра Карамаз. Я заставлю их поверить.

Халитов дернулся вторично. Имя турецкого паши действовало на него как удар тока.

— Он давно не в Стамбуле, Кузнец,— после продолжительной паузы, выдавил хан.— У него есть джинны, стократ умнее твоих лучших инженеров. Они сделали для Карамаза летучую машину.

— И где же он? — затаил дыхание Коваль.

— В Фергане.

— Вот так номер...

— Ты разве знаешь, где этот город?

— Ну, еще бы... Когда-то это место называлось колыбелью радикалов... Старый лис маразмом не страдает.

— Снова путаешь древними словами, а? Это далеко отсюда, Фергана. Я считал километры по картам. Но с летучей машиной он доберется еще южнее, и восточнее. У меня сведения от верных людей, это честные купцы. Они ходили к Черному морю, еще когда я был мальчишкой...

— А теперь они платят пошлину не украинцам и не татарам, так? Или, может быть, болгарам? Что ты молчишь, Эльсур? Кому теперь принадлежат фактории западного берега?

— Купцам неважно, кому платить за проход. Торговать им не мешают, это главное... — пробурчал Халитов.

— Им не мешают торговать, потому что твои купцы поднимают зеленый флаг, да, Эльсур? У меня тоже есть верные люди, так они сообщают, что десятки болгарских деревень на побережье сгорели дотла. Украину пока не трогают, я верно понял, Эльсур?!

Халитов внезапно прекратил метаться, и с силой хлопнул ладонью по низкому столику, так что подпрыгнули пиалы, и рассыпались фрукты.

— Ты...ты, Кузнец, не доводи меня, слышишь?! Что я тебе, мальчик, а?!

— А сам ты себя не доводишь?

— Хорошо. Все, я сказал! — рубанул воздух хозяин.— Ты подпишешь бумагу, что будет фабрика по металлу?

— Я обещал.

— И три тысячи твоей конницы, когда я пойду на Челны. Не для боя, а здесь. Постоят в Казани, чтобы я за тыл был спокоен. Можешь обещать?

— А ты мне обещаешь приехать на выборы в Думу? — Коваль протянул ладонь.— Если выступишь в Думе, обнимешь меня на виду у наших, твердолобых,— будут тебе и конница, и пушки, и твердая граница.

— Ты думаешь, я с тобой из-за пулеметов торгуюсь? — лукаво ухмыльнулся Эльсур.— Нет, Кузнец, пулеметы — дело десятое. Пойдем со мной, а?

Он отогнул одну портьеру, затем еще одну, и гость вошел в помещение, до потолка забитое книгами.

В библиотеке у Артура сразу начинали чесаться руки, вот и сейчас он испытывал непреодолимое желание забыть обо всех делах и с головой зарыться в тысячи пыльных, источающих одуряющий запах, фолиантов. Это было все равно, что пересечь пустыню, добраться до родника, лечь на пузо, зачерпнуть кристальной жидкости и... проснуться. Последняя книга, прочитанная губернатором, называлась «Идиоматические конструкции немецкого языка», и большого удовольствия Артур не получил...

— Университет,— сказал Халитов, и Коваль проснулся окончательно.— Я прочитал, что у нас, в Казани, был университет. Как у тебя, только лучше. Несколько тысяч человек сразу учили: и по металлу, и по дереву, и соборников, и химиков — всех... Я тоже университет хочу.

У Артура вертелось на языке спросить, как можно мечтать о храме науки и, одновременно, закрывать школы для женщин, но он счел нужным промолчать.

— Я знаю, что тебе нашептывают,— хан любовно погладил стопку словарей.— Когда меня не станет, я не хочу, чтобы люди вспоминали: «А, был такой Халитов, тот самый, что кровью по утрам умывался и по сотне в день казнил!...» Ты думаешь,

мне без тебя пушки взять негде? Мне люди Карамаза в десять раз больше предлагали. И летучие машины, и бомбы с белым газом, и такие бомбы, что под землю закапывают... Даже намекали, что с древнего корабля огненный гриб могут снять и привезти! Ты меня знаешь, я никого не боюсь, Кузнец. Но когда мне намекнули, что джинны Карамаза знают, как вернуть Большую смерть, я испугался. Первый раз я испугался, Кузнец...

У Артура по спине пронеслась холодная волна.

— И Карамаз книги сжигает,— тоскливо добавил хан.— Везде. Где проходит, там сжигает. А про твой университет его люди сказали, что сожгут его, вместе с книжниками, и с теми, кто учиться ходит... Теперь понял, Кузнец, что мне не только пушки нужны?

— Так значит, по рукам? — Артур первым протянул ладонь.

Несколько секунд мужчины держали друг друга за предплечья, затем, не сговариваясь, обнялись.

«И чего тебе дальше в гробу не спалось? — тоскливо думал хан.— Или жрал бы пиявок в лесу, вместе со своими Качальщиками, мы бы горя не знали...»

«Жулик косоглазый,— думал губернатор,— любитель словесности хренов. Попался, как кур во щи, вот и мечется теперь... Однако же, реформатор, ничего не попишешь. Надо маме Рите сказать, пусть в Книгу занесет, как мы Казань без стрельбы взяли...»

Глава двадцать девятая

Пиары и консенсусы

Впервые за десять лет зал Мариинского дворца был битком набит народом. Возле подъездов толклись экипажи, один другого краше, подкатывали даже автомобили и несколько паровиков. Простой люд с самого утра облепил крыши и уцелевшие фонарные столбы; выискивали влиятельных чинуш и знатных фабрикантов. Забирались друг другу на плечи, чтобы разглядеть, как подъедет губернатор или кто-то из высоких гостей.

Уже третью неделю город будоражили слухи, обрастая подробностями на постоялых дворах, рынках, в трактирах, на Бирже, в ночлежках переселенцев... О новой Думе не говорили только немые, а кто умел хоть слово сказать, те до хрипоты, до драки рядились о том, как было раньше, да что будет после. Вспоминали правление прежнего губернатора, когда метался по области бесноватый соборник Карин, когда засыпали бункера с оружием, и могли повесить за срубленную березку. А иные припоминали и совсем уже стародавние времена, когда город был поделен на коммуны, а за Пулковским шоссе резвились дикие чингисы да болотные коты...

Но после того, как в Питер, одно за другим, стали прибывать посольства из других городов, притихли даже самые ушлые. Посмеивались сначала, после недоумевали: что за радость такая, попусту шляться? А в последнюю неделю могучие толпы бездельников собирались перед аркой Генштаба, поглазеть на очередной посольский караван, на диковинные, уцелевшие машины, на бронированные кареты с охраной. Отдельная толпа змеилась вдоль путей, ожидая прихода паровика. Десятки умников ложились на рельсы, предвещая скорое появление поезда. Паровиков теперь было целых три, и многие горожане копили деньги, чтобы, отстояв ночью очередь в кассу, важно прокатиться и помахать ручкой завистливым знакомым... Правда, потом приходилось прыгать на ходу, поскольку паровик разгонялся и убегал дальше, в Варшаву или Ярославль, а теперь даже в Казань...

Когда прикатил Казанский хан, знатокам городских сплетен, собиравшим слушателей в кабаках на Литейном, оставалось только загибать пальцы.

— Костромские тут, и Тверь с поселками, Псков, само собой, а теперь Кинешма, Калуга, Тула, Орел, Владимирский князь...

— Вот так дела! — ахали собутыльники.— Это что за птица такая, князь?

— Ну, вроде губернатора,— глубокомысленно изрекали эксперты,— только помельче будет, послабже, нашему не чета!

— И с Мурманска, с Петрозаводска, и тьма всяких чудиков понаехала, видали?

— Да, там такие есть, что хуже чингисов! Видели, прямо на площади спят!

— Это шептуны, они на границе Московской пущи, у Сергиевого посада живут.

— Ну и гости, прости господи, того и гляди, петуха подпустят! С ними ухо востро держи!..

— Да, неспроста, что-то будет...

— Что-то будет,— повторяли на разные лады горожане и пытались подпоить служивых из охраны чужих градоначальников. Те охотно пили на халяву, но ничего толкового сообщить не могли. Самым пронырливым горожанам удалось, впрочем, разузнать, что и вокруг полузабытого Пакта Вольных поселений затевалась какая-то возня. Пакт, еще восемьдесят лет назад, инициировала мама Ксения, первая хозяйка Эрмитажа, мир ее праху... Договор был подписан коммунами и общинами, еще когда бегали древние машины и хватало бензина. Потом Вечные пожарища захлестнули дороги, и как-то все забылось...

А теперь, следовательно, подновить собираются Пакт, вот такие дела.

Не спалось народу спокойно.

И властям спокойно не спалось.

Малые совещания со Старшинами палат, встречи профессиональных Гильдий и штабные сборы военных губернатор после двух последних покушений проводил обычно в Зимнем. По крайней мере, туда никто не мог пройти с оружием, а в каждой властной структуре у губернатора имелись как минимум два осведомителя.

Но вольных поселенцев, в отличие от казенных клерков, не разденешь, а уж святош и вовсе трогать невыгодно. Повернутся, уйдут — и все дело насмарку! Поэтому офицеры Трибунала сбились с ног, выуживая по кабакам, торговым лавкам и борделям информацию о настроениях перед выборами, и возможных вариантах террора.

Много чего нашли, арестовали заодно конокрадов, фальшивомонетчиков и парочку шпионов из соседних городов. Накрыли даже крупную банду налетчиков из... Минеральных вод.

Худо-бедно до выборов дожили.

Коваль, в бытность научным сотрудником пятого отдела, раз шесть выезжал на симпозиумы и всяческие конференции. Иногда бывало полезно, иногда довольно скучно, но никогда не доходило до такой парилки, как сегодня. У него вылетело из головы, что в отсутствие электричества не функционирует ни одна система вентиляции. Отпирать настежь окна он сам же и запретил, из соображений безопасности. Невзирая на двойной ряд вооруженного оцепления тысячи четыре зевак расположились на травке с раннего утра, а к обеду их число утроилось.

— Боишься? — мимоходом спросил Свирский, направляясь на свою скамью.— Не бойся, помираем один раз!

— Тебе хорошо,— пожаловался Коваль.— Тебя в любом случае выберут в Старшины, потому что ты умный!

— А ты какой? — изумился Левушка.

— А я — просто начальник,— вздохнул Артур.— Начальником может быть всякий, а толкового Старшину книжников днем с огнем не сыскать...

С Левой пришел брат Аркадий, Старшина топливной палаты, долго тряс губернатору руку и бормотал соболезнования.

Подтянулись братья Абашидзе, веско и вежливо поздоровались, демонстрируя окружающим, кого они считали и будут считать губернатором при любом исходе выборов. Под шепоток зала занял свое место смуглый красавец Орландо, неделю назад назначенный Ковалем Старшиной промышленной палаты. Артур очень переживал, что итальянец плохо говорит по-русски. Если бы эти твердолобые олухи в зале могли его понять и оценить масштаб затеваемых строек!..

Еще сильнее зашумели, когда в зале объявился собственной персоной бывший папа Эрмитажа, Михаил Рубенс, да еще под ручку с мамой Кэт. У обоих давно не было официального права голоса, но все прекрасно представляли, каким они пользуются влиянием. Особенно Рубенс, чей внучок, уже лет пять, был секретарем у губернатора.

На местах для почетных гостей собралось немало уважаемых личностей. Знатные горожане подталкивали друг друга локтями, шепотом называя имена.

— Взгляните, какого мрачного деда под руки несут. Сам предводитель чудских Озерников пожаловал!

— А как вам тот, в красной папахе? Это же нижегородский Голова, клянусь вам!

— А вон, на балконе, выборгские и лужские!

— Господа, а этот здоровяк, Карапуз, что он тут делает? Он ведь всего лишь капитан пограничной стражи?

— О, вы не слышали последних новостей! Это прежде он был капитан, а нынче у него право голоса от всех чингисов...

— А вот и наша чародейка!

— Да кто же, кто?

— Да умница французская, что пули без боли достает. Тряпку тебе на нос кладут, и спишь. А как проснешься, уже все пули вынули! Сказывают, к ней на операции даже казацкие атаманы с Ростова едут...

— Так она же не лекарша вроде, а химик...

— Тем более! Скоро вместо мамы Роны в Питере будет. Ей губернатор целый дворец выделил и лекарей лучших в помощь, и училище химическое учредил.

— А где же митрополит? Где Онуфрий, господа? Вроде все соборники расселись, а никого из Лавры не вижу...

— Вы, любезный, отстали от жизни в Ломоносове! Онуфрия давно сняли...

— Да когда же? Да кто его снял?

— Так свои же и сняли! Месяц назад прошел областной Собор. Патриарха нового выбрали, и прочих новых отцов... Теперь совсем другие верховодят; патриархом Василия избрали. Он личный духовник супруги Кузнеца...

— Ах ты, господи! Ну, тогда понятно, откуда ветер дует!

— Нет, дружище, ничего вам не понятно. Он же теперь патриарх, над всей Русью суд будет вершить!

— Да как же это, над всей Русью? Ведь у соседей свои попы найдутся. Кто же Василия на Урале слушать будет?

— Не советую так громко... Это вам не Ломоносов, сегодня такие дела затеваются... Я вам так скажу — будут Василия слушать, никуда не денутся!

— Постойте, а это что за личности?

— Господа, не шумите, ничего не слышно!

Миша Рубенс ударил в гонг и через рупор объявил о присутствии делегации Верховного польского воеводы.

— Ох ты, дьякон в красной рясе-то, важный какой, а глазенки так и горят!

— Это не ряса, любезный, а сутана. И не дьякон, а епископ Варшавский, Станислав. Говорят, недавно выбрали...

— А еще говорят, что он приятель нашего губернатора.

Внезапно разговоры смолкли, по залу пронесся шумный вздох. Люди привставали на скамейках, чтобы лучше видеть гостевую скамью. Рядом с официальной делегацией Берлина и представителями немецкой фактории появились несколько удивительных, низкорослых людей в черных очках и низко надвинутых черных шляпах.

— Это что за нечисть, прости господи?

— Тише, тише... Ты что, хочешь попасть в списки Трибунала? Не видел разве, баржа здоровенная у Адмиралтейства стоит?

— Так то ж Орландо пригнал, новый Старшина фабричный. В Кронштадте починили и паровик на угле запустили.

— Вот-вот! На барже гномов и привезли, и не только их. Эти мелкие, они де-ле-га-ты! Во как! От германских южных земель и от бельгийцев.

Рядом с пивоварами, степенно разглаживая пейсы, устраивались четверо мужчин в помятых черных костюмах и громоздкая женщина в белом парике. У Бумажников слезились глаза, а носы, от непрекращающегося насморка, раздулись и покраснели, как сливы. Аллергия мучила всех, кто прибыл из-за песчаной стены, несмотря на лошадиные дозы настоек и гомеопатию Хранительниц.

Коваль тихонько оглядывал зал. Эту ночь он почти не спал и весь извелся, а утром, как ни странно, успокоился. Утром в окно спальни заглянуло солнышко, он поставил себе на примусе сто первую кружку кофе, и распахнул тяжелую раму. Дворцовая площадь переливалась миллионами брызг, после ночного дождя, ангел привычно балансировал на столбе, а по Мойке веселой стайкой, под охраной гвардейцев, шли в дворцовую школу ребятишки.

Потом губернатор перевел взгляд назад, на громадный стол, заваленный бумагами, планами и чертежами, и его охватила вдруг детская беззаботность.

«Какого черта,— сказал он вслух и удивился звуку своего осипшего голоса.— Не буду я ничего писать, обойдутся без

тезисов. Одного тезиса с них достаточно. Или я остаюсь, или еду к Прохору и остаток дней ловлю с ним рыбу...»

Не успел он это произнести, как ударили колокола, а в дверь заскребся Михаил, с кипой свежих документов. Одной рукой листая бумаги, другой Артур, поочередно, прижимал к уху местные телефоны, выслушивал отчеты Старшин...

«Возможно, последние отчеты»,— напомнил он себе, когда хотел разозлиться на дорожников за рухнувший мостик через Карповку. И приказал себе больше не волноваться. Все что мог для этих людей он сделал. И великое чудо заключалось уже в том, что он до сих пор жив...

Совсем волноваться не получилось.

Сейчас рядом с ним сидел Миша Рубенс-младший и тихонько доносил свежие сплетни.

— Слева, восьмой, девятый ряд, видите, господин? Выборные от Гатчинских ковбоев. До последнего клеркам сопротивлялись и паспорта не хотели получать. Заводилой у них тот, который со шрамом, Кирилл Лопата. Кричал, что не собирается ни в какую Думу выбираться, потому что Питер для них — не указ.

— Однако он здесь?

— Все по закону, господин. Учетная палата трижды листы перепроверила. Лопата сначала отказался, а после, когда увидел, что бедняки выбираться лезут, спохватился. А теперь ковбои сговорились его в губернаторы выставить, от всех крестьянских дворов.

— От всех? И бедняки поддержат?

— А что бедняки, господин? Как ты хотел, все равно не получилось. Ни один от бедных дворов не прошел, а уж в Старшины, или на твое место, и подавно не замахиваются. Богатеи в корчмах все вино выкупили, кого споили, а кого и поколотили. На правом берегу, господин, во всех четырех участках, народу вообще не набралось. Все пьяные лежат. Уж не знаю, как и обозвать такую подлость, а обвинить нам некого...

— Это называется «предвыборные технологии», Миша. А справа, бородатые? Почему не помню?

— А, эти еще хуже, господин. От рыбацких артелей. Речники тебя, скорее всего, поддержат, а эти, ладожские, больно

злые. Наслышаны про строительство большого рыболовного флота. Но бучу по иному поводу поднимают. Мол, при старой Думе бедняки выбирали Старшину, от каждой сотни дворов, а люди с достатком — от десяти. Они считают, что так честнее было, а теперь, мол, одна гопота в Думе соберется...

— Пускай считают, что хотят. Зубоскалят много, я смотрю...

— Не сердись, господин, но я должен сказать...

— Ну, не тяни?

— Радуются многие, что Николай погиб,— секретарь, на всякий случай, отодвинулся подальше от губернатора.— Я и сам сперва не верил, но... Если желаешь, господин, полный список составлю: кто в сортире плохими словами крыл, и кто...

— Не надо списков, это не главное...

— Но это тайные враги, господин!

— Ничего не поделаешь, всегда найдутся такие, кто счастлив от чужого горя. Ты мне лучше скажи, кто выдвигаться будет, уже доподлинно известно?

— Значит, от ковбоев — Кирилл Лопата. От гвардии, понятное дело, тебя выкрикнут, и от пограничников, и от полиции... Мастеровые, кто по дереву, и сплавщики, вроде, тоже за тебя. Вот металлисты сильно недовольны, весь Выборгский район голоса папе Саничеву отдал.

— Это, конечно, из-за Качальщиков?

— Да, они там три дня орали, договориться не могли. Дескать, что губернатор перед Качальщиками выслуживается: и жену в лесу поселил, и колдунчиков в Эрмитаже держит, лишь бы милости не потерять, и змеев, да лекарей... Говорили: если Качальщики велят Кузнецу закрыть фабрики по металлу, он тотчас на лапки задние вскочит, и пять тысяч человек с голоду помрут, что на караванную торговлю металл переливают...

— Саничев — человек суровый. Он обижен, что я его место Орландо отдал, но против француза он не инженер, а подметальщик цеха...

— Артели иноземцев в Большой Круг выдвигают опять мастера Йонсона...

— Это хорошо, он мужик толковый. Я рад, что он удержался.

— Из иноземцев паспорта наши приняли человек семьсот, так, вроде, в губернаторы тебя пишут... Вот нефтяники, кто по бывшей Московской дороге, они против, и с ними сила боль-

шая: угольные купцы и лесорубы... Которые за Пушкином, они все против тебя. Если не губернатора, то Старшину топливной палаты, точно, своего просунут!

— Они вечно недовольны... А по районам как, обсчитали примерно?

— Центр весь наш, и Васильевский. Ну там понятно, гвардейцы да клерки квартируют. На Петроградской стороне, и в порту, за Обводным, мама Кэт с кем надо потолковала — и двое выборных сами отказались.

— Вы там не перестарались? Никого не убили?

— Боже упаси, господин. Пока тебя не было, Старшина дорожников встречался с мамой Кэт и этими двумя. Серьезные люди, надо сказать. В губернаторы они бы не прошли, но в Большой Круг вполне могли пролезть. Один, по кличке Абхаз, всю торговлю дурной травой по кабакам держит, и бордели по Выборгской дороге...

— Действительно, серьезный человек. А второй?

— Второй, Назетдин, бакшиш берет со всех металлистов, кто оружие налево гонит, а заодно со всех караванов татарских.

— Миша, напомни мне спросить у младшего Абашидзе, почему эти двое еще живы? И почему им платят, и никто не возмущается?

— Ты сам приказал их не трогать, господин. Если Абхаза утопить, драка за гулящих девок начнется, стрельба... Помнишь, три года назад, когда ты бордели на Невском позакрывал, что творилось? Трупы из Невы вылавливать не успевали!

— Ну, туда им и дорога. Сутенер — профессия повышенного риска.

— А казна тогда, от закрытия кабаков, в день по сотне рублей золотом теряла, вот ты и приказал лихачей этих, кто с девками, не трогать...

— Это я погорячился. Видно, нам деньги были позарез нужны...

— Ты сказал действовать по обстановке, господин...

— Ладно, а теперь чем нам пришлось пожертвовать?

— Старшина дорожников поставил печать на двух твоих гербовых бумагах. Пришлось обещать, что дорогу через Поклонную гору чинить не будем и землицы у самых озер, под восемь особняков, отписать.

— Под восемь?! Ну и аппетиты у нашей мафии...

— Зато Абхаз не только свое имя со всех досок снял, но обещал, что все выборгские за тебя проголосуют. Вот с Назетдином было тяжелее, ему земля не нужна. Он так и сказал, при маме Кэт и при Старшине дорожников, что плевать хотел на наш кадастр. Лучше, говорит, буду жить за пятьдесят верст, чем лизать сапоги Кузнецу.

— Круто! И как же его уломали?

— А через нефть. Тебе, господин, разве Даляр не докладывал?

— Я же две недели ни с кем не виделся, Надежде плохо было...

— Этого Назетдина ты теперь легко прихлопнешь. Полковник раскопал, что в обход таможен, из Челнов, караваны нефтяные шли и где-то в Купчино сливались, а Назетдин проводников и охрану от самих Челнов давал, и здесь со всех торговцев мзду имел. Вдобавок, бумаги и печать Малого круга подделали.

— Так за такие дела не пять лет в подземке, а веревка полагается...

— Про то ему мама Кэт и намекнула. Рыпнулся сперва: мол, не докажете, но ему быстро свидетелей предъявили. Трех возниц караванных в Тайном приказе так обработали, что все на него показали. А после того, как ты с Казанью мир заключил и пушки туда послал, Назетдин быстро со всех досок свое имя стер... Соборники тоже, мялись-мялись, но так и не написали своего выдвиженца... Учетная палата уж сколько с ними билась, да и народ толпами вокруг Лавры ходил, но так и не назвали...

— Ну, это неплохо, глядишь, сейчас и определятся... Старшину-то, по делам Собора, они, по крайней мере, выбрали?

— Тут все как ты задумал... То есть, как ты надеялся, господин. Когда Христофор крест поцеловал и причастился, его Василий сразу рукоположил. А в Старшины выдвинули... сейчас, как это... а, за большие заслуги перед Собором в деле обращения язычников...

— Когда они успели?

— Василий, митрополит, все сделал, пока ты в Казани был.

— Ну, молодец святоша... Я в нем не ошибся.

— Пора, господин, кивают от дверей. Все собрались.

— Начинай, а то у меня от дыма, глаза уже щиплет. Вот, чертяки, не Дума, а Совнарком, все дымят, как паровозы... И где они только табак такой дрянной находят?

Рубенс поднялся, торжественно поправил накрахмаленную рубаху и четырежды ударил в гонг. Теребя в руках листочек, на трибуну взобрался Старшина книжников, ректор университета и старейший член Малого круга Старшин. Сегодня Левушка нарядился в турецкий синтетический костюм и франтоватую рубаху, оставшуюся от гардероба Людовика. По особому заказу для него сшили кружевное жабо, в которое книжник запихал орден. На сей раз это был орден Славы; Левушка питал слабость ко всему блестящему. Когда-то Коваль даже пообещал, что наградит Свирского первой же учрежденной в новом государстве медалью.

— Властью, данной мне Большим и Малым кругом, первое заседание Петербургской Думы объявляю открытым! Поздравляю всех депутатов! Здесь собрались самые уважаемые граждане нашего города и прилегающих земель, заслужившие доверие своих...

Зал затих, многие даже затушили папироски и трубки. Речь для Левушки составляли вчетвером, надлежало пройти по грани официоза, и чтобы самые бестолковые поняли культурные слова. Похвалив город и горожан за проявленную сознательность, похвалив отдельно каждую гильдию, мастеровых, торговцев и ковбоев, словом, раздав всем по конфете, книжник представил иноземные и иногородние делегации, а затем перешел к повестке дня.

Артур делал вид, что просматривает листы в папке, а сам, прикрывшись рукой, исподтишка разглядывал зал. Делегаты не хлопали там, где захлопали бы их предшественники, полтора века назад, в Законодательном собрании. Они не потрудились побриться и сменить одежду, они не вставали с места, даже когда Левушка нахваливал кого-то поименно, они плевали под ноги и, не таясь, передавали бутылки с медовухой...

И все же, это были депутаты.

Это были люди, которых выбрали, по человеку от артели, или от трехсот дворов, или от полка, люди, с которыми предстоит теперь работать и работать...

Это были люди, которые могли собрать деньги. Очень большие деньги, во много раз больше того, чем была богата казна. Это от них зависело, откроет ли народ перед казной кошельки и амбары, снарядит ли в путь сыновей и рабов, отдаст ли коней, оружие, повозки, фураж на тысячи дней пути...

И существовало лишь два пути, чтобы приблизиться к цели. Взбаламутить верных вояк и взять все необходимое силой. В таком случае, вернувшись в Питер, даже с победами, он имеет все шансы не обнаружить бывших подданных. Как пришли десятки тысяч после мясных дефолтов, так и растекутся назад, обиженные, по всей России. Грош цена такому губернатору...

— Порядок такой, господа! — Левушка успел охрипнуть, хотя кричал в жестяной рупор. И само обращение «господа» давалось книжнику с трудом.— Первым делом, выступят наши гости, кто заранее записался! Затем выбираем Старшин в новое городское правительство, на пять лет. Затем — полчасика перекур — и выбираем губернатора. Еще раз повторю, а то тут некоторые меня дергают... Выступают только те, кто заранее заявил. Кого у меня в списке нет, те не лезьте, ясно?

— Это что же, нас молчать выбирали? — понеслись реплики недовольных, и, судя по всему, слегка поддатых, депутатов.

— Хороша Дума. Думать можно, а говорить нельзя...

— На хрена затевали, коли сразу рот затыкать!

— Вы присядьте, господа! — срывая связки, увещевал председатель.— Завтра еще наговоритесь, всю неделю будете говорить. Три дня будете слушать: и отчеты Старшин по прошлому году, и планы на следующий год. Вот тогда и высказывайтесь, кто сколько захочет. А тот, кого выберут сегодня, новым губернатором, должен будет к четвертому дню свой план составить, как жить дальше, и как городу деньги тратить, и как налоги собирать... Вот тогда и накричитесь вволю, но тоже по записи. Сначала слушаем того, кто докладывает. Потом стройтесь в очередь. Покажите мне свою бирку, я запишу на выступление... Всем понятно? А то крик подняли, как бабы пьяные! Первое слово даю губернатору Кузнецу!..

Во время этой пламенной речи губернатору сунули сбоку маленькую записку. В ней сообщалось, что в зал проникли, как минимум, трое с огнестрельным. Вычислили террористов, есте-

ственно, дети; кто еще мог, кроме девятилетних Качальщиков, надежно спрятанных за портьерами, уловить враждебный металл?

Губернатор скомкал листочек и поднялся на трибуну. Конечно, это была далеко не та трибуна, на которой когда-то крепились микрофоны и сиял герб. Здание дважды горело, хорошо еще, что потолок не рухнул, вон дыры какие!

Он посмотрел в глаза первому ряду, затем сместил фокус зрения дальше. Большинство депутатов было ему знакомо, но сегодня тут собралась почти тысяча человек, и дальние ряды тонули в клубах махорки. Можно было, конечно, послать стражу и немедленно вычислить потенциальных убийц... Но кто докажет, что они пришли убивать губернатора? И как будет выглядеть городской начальник в глазах иностранцев, если начнет прямо в Думе крутить руки народным избранникам?

Нет, он успеет сказать то, что должен, во что посвящены только шестеро, ключевые фигуры. И этим отобьет охоту доставать обрезы. А разбираться с «ворошиловскими стрелками» будем потом. Непременно разберемся, с пристрастием, но попозже... И возьмем их не на покушении, боже упаси, а как врагов трудового народа, на попытке поджечь зерно, например...

Он набрал в грудь побольше воздуха. Зал дышал ему в лицо потом и гнилыми зубами, пивной отрыжкой и винным перегаром. Народные избранники почесывались, ловили вшей, украдкой грызли бутерброды...

— Господа, друзья, соратники! — сказал Артур.— Сегодня новая Дума выберет нового губернатора. У нового губернатора будет в десять раз меньше прав и в три раза больше обязанностей. Он не сможет больше делать то, что ему хочется, а будет подчиняться вам, и отчитываться перед вами. Так что теперь недосыпать будет не только новый губернатор, но и каждый из вас...

В тишине было слышно, как скрипят перья, и где-то за окнами плачет ребенок.

— Господин Свирский зачитал повестку дня. Первым идет мое выступление, оно будет кратким. Сегодня нас почтили вниманием главы шестнадцати русских городов и двадцати се-

ми поселков. Они представляют лишь малую толику русских земель, но они приехали, чтобы подписать новый Пакт. Только от вас зависит... — Он сделал внушительную паузу.— От вас зависит, каким быть Пакту. Или наши друзья разъедутся, не получив поддержки, на которую надеялись, или сегодня, в этом зале, мы подпишем бумагу о создании нового Российского государства...

В задних рядах пронесся шепоток, набрал силу и превратился в неумолчный рев. Коваль махнул секретарю, и за сценой упала драпировка, скрывавшая огромную карту СССР тысяча девятьсот восьмидесятого года выпуска...

Рубенс колотил в гонг, многие повскакали с мест, в левом проходе завязалась потасовка, кого-то уронили на пол, кто-то вытирал кровь с разбитого лица. Только когда возле трибуны появился патриарх Василий, волнение начало понемногу стихать.— Оранжевым цветом,— продолжал Артур,— закрашены те области, которые готовы войти в новое государство и подчиниться новой столице — Петербургу! Как видите, это лишь небольшая часть великой страны, которую когда-то уничтожили глупые правители. Но в наших силах вернуть ей могущество и богатство! В наших силах, если мы договоримся, объединить людей, раскиданных друг от друга на тысячи верст!

Так что, прежде чем выбирать Старшин и нового губернатора, мы должны проголосовать.

Хочет ли Дума, выбранная народом Питера, чтобы город стал столицей?! Если мы проголосуем за новый пакт, то после обеда, в Павловске, соберется другая Дума. Это будет уже Государственная Дума России, и вам придется все пять лет исполнять ее решения. Дума России выберет президента страны и Верховных Старшин, то есть министров... Но перед голосованием... я хотел бы, чтобы никто не мог сказать, будто Кузнец на кого-то давил, или кого-то принудил. Я всем вам хочу сказать спасибо,— Коваль пожалел, что не может смахнуть набежавшую слезу.— По закону, который установил Большой круг, заявить о претензии на место губернатора можно было за три недели до выборов. И по тому же закону, выбранный губернатор имеет право отказаться от поста и предложить Думе другого кандидата. Верно я излагаю закон? — Артур повернулся к президиуму, где, в полном составе, сидел Малый круг. Сорат-

ники глядели на него в немом изумлении.— Я ухожу с поста и предлагаю вместо себя Михаила Рубенса, бывшего папу Эрмитажа. Вы все его знаете, и думаю, он ничем не хуже других кандидатов. Это мудрый человек, отличный хозяин и справедливый судья. А теперь слово его святейшеству...

Зал взорвался таким криком, что с крыши, и с карнизов вспорхнули голуби и вороны.

— Как думаешь, выкрутимся? — Артур разглядывал горланящую публику в щелочку между портьер.

— Сейчас их патриарх добьет! — уверенно процедил командующий гвардией, набивая трубку.— Как узнают, что Качальщики Крест приняли, живо лапы поднимут...

— Василий точно урезонит,— согласился Даляр.— И хан обещал за тебя словцо замолвить.

Чтоб мне сдохнуть, быть тебе этим самым... президентом, господин!

Глава тридцатая

Эсминец «Клинок»

Такого скопления народа порт не помнил полтора столетия, с тех пор как замерли клешни стальных динозавров, переносивших с места на место грузы, с тех пор как в последний раз отшвартовался эстонский сухогруз и замер на вечной стоянке, как памятник самому себе. Особое раздолье было для карманников и прочей шушеры, искавшей, чем бы поживиться в людных местах. Небо снизошло милостью в этот день на вечно пасмурный город. До самого горизонта не портило картину ни одно свинцовое облачко. Бездонный голубой колодец вздымался над морем, над сотнями рыбачьих лодок, над мельканием парусов и шевелящейся людской массой.

Задние давили на передних, желая протиснуться в первые ряды, к наспех сколоченным трибунам; мальчишки гроздьями повисли на шеях портовых кранов; уходящие в залив причаль-

ные пирсы покрылись цветастым мхом из праздничных одежд...

Вдали от берега, не приближаясь к устью реки, покачивался на якоре аккуратный, залатанный тут и там, но чистенький катер. Паровик катера был заглушен, парус убран, а матросов отпустили на берег полюбоваться праздником. На мерно вздымающемся носу, подставив обнаженные спины солнцу, сидели двое мужчин. Шум города докатывался сюда неравномерно, точно кто-то крутил настройку радиоприемника. Иногда слышались отдельные выкрики, смех, музыка, затем все стихало, доносились лишь удары волн о корпус и звяканье трехметровых весел в самодельных уключинах. Но проходила секунда, и эхо приносило по воде нарастающий хорал тысячных толп. В десятке метров от катерка, покачивались еще две быстроходные моторные лодки сопровождения, с трехцветными флажками и штандартом личной охраны президента.

— А мне понравился этот мужик, как его?... — Бердер пощелкал пальцами.— Ммм... Кирилл Лопата. По-моему, он немного ошалел, когда стал... Как ты это обозвал?

— Министром сельского хозяйства.

— Н-да, и не выговорить. То есть, до Большой смерти, Министр был главнее Старшины?

— Не то слово! — засмеялся Артур.— Главней министров был только премьер, но я пока без него обойдусь.

— Да, этого Лопату ты ловко от губернаторского кресла отвлек. А другие против Рубенса не потянули бы, я это заранее знал... Ну, министром — ладно, а на кой ты ему весь фураж для армии поручил? Украдет ведь, и не почешется.

— Что поделаешь? Пусть лучше один он ворует, зато другим не даст, такого не проведешь...

— Ну, пусть Лопата, по крайней мере, свой. Но Бумажника министром торговли — это ты загнул! Языка не знает, из носу у него течет! А про веру я уж и не говорю...

— Язык выучит, а там посмотрим. Думаю, не хуже нас с тобой торговлю наладит... Тебе нехорошо, учитель? — с тревогой спросил Артур, в который раз наблюдая, как Бердер прикладывается губами к склянке.

— Ничего, выдержу. Возможно, я увижу это в последний раз,— сухо улыбнулся Хранитель.

— Ты ведь был в Польше, когда отгоняли американский корабль?

— Это было страшно. Когда звенящий узел под водой, его невозможно остановить... — Бердер с неодобрением следил за кучами мусора, дрейфующими из города в залив.— Но мы не будем тебя останавливать, иногда равновесие требует потерь.

— Ты предчувствуешь великие потери?

— Я не провидец. Спроси у Хранителей памяти, только вряд ли они тебе ответят. Ты же знаешь Кристиана.

С берега донесся очередной всплеск радостного гомона. С лодки охранения пальнули пару раз, отгоняя рыбаков, слишком близко подошедших к президентскому кортежу.

— Спасибо тебе за книги,— Бердер скривился, отхлебнув очередной глоток лекарства. Коваль удрученно поглядел на него и поразился вдруг, как постарел учитель. Косы стали окончательно седыми, улыбка все реже трогала задубевшее лицо, вокруг глаз побежали морщинки... Хранитель силы старел слишком быстро, раньше такого не наблюдалось. Даже Исмаил и Прохор, что были гораздо старше, выглядели точно законсервированные в своем возрасте. Коваль неожиданно подумал, что ни разу не слышал о болезнях среди Качальщиков. Никто из них не оборачивал горло компрессами, не сморкался и не грел ноги в тазу с горчицей...

— Нам нельзя так долго торчать в грязи,— словно отвечая на упрек в слабости, выговорил Хранитель.— Дети... Надо учить детей. Они приезжают учиться убивать, а я хочу их научить не допускать убийства... Я уеду в Академию, там поправлюсь, но не обещаю, что вернусь. Теперь почти все ребята рождаются как городские. Их подносят к бочке с краской, и ни один не задыхается. Это, наверное, плохо, я не знаю... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Вы становитесь не нужны?

— Самое печальное, что мы нужны, но скоро нас не станет. Вернее, наши внуки станут не такими. Ты принес мне много книг, спасибо. Знаешь, что я понял, когда прочитал все эти книги? Хранители уже рождались на Руси, они появлялись, когда земле нужно было помочь успокоиться. Как лекари, которые держат больного, что бьется в горячке, чтобы не дать ему убить себя, или разбить нос... А когда земля успокаивает-

ся, такие, как я, уходят. Нет, не умирают, не пугайся, Клинок. Есть разница между «умереть» и «вымереть», не так ли? Мы просто растворимся...

— Мне жаль, если так произойдет. Постарайся подольше не растворяться.

— Постараюсь,— Качальщик облизал потрескавшиеся губы.— Я буду вести военную Академию, как и обещал тебе, но в город больше не вернусь. Будут приезжать молодые, присматривать за Слабыми метками, но дело уже не в метках. Теперь дело в людях.

— Ты полагаешь, Звенящих узлов больше не будет?

Коваль затаил дыхание. Если у Бердера есть основания считать, что земля успокоилась, можно надеяться запустить серьезную литейку, или даже химию...

— Пока будут рождаться такие, как твой приятель Карин, может произойти все что угодно. Однако я верю, что во Франции и Италии наши силы не понадобятся. После Москвы земля успокаивается. По крайней мере, на этой половине планеты.

— Как ты сказал? — вдруг встрепенулся Артур.— Откуда тебе знать, что творится в западном полушарии?

— А ты не оставил надежды добраться до тамошних спящих Демонов? — невесело рассмеялся Бердер.— Я не знаю, что там творится, но есть люди, у которых зрение острее, чем у нас с тобой. Ты слышал, что в Китае есть свои Качальщики?

— Кто-то говорил, но я ни разу не встречал человека, который бы видел их своими глазами.

— Перед тобой такой человек. Мы ходили с Семеном на Алтай и встречались с китайскими братьями. Странное дело, да? В Италии нет, и у германцев нет, а в Китае — Качальщиков полно, и что важно, не просто деревенских дурачков. Они живут как монахи в Храме...Ты не задумывался, почему так получается? Мы чувствуем иначе, чем люди Запада... Кристиан видит вдаль по времени, а в Китае есть Хранители, что видят вдаль пространства. Если ты успеешь прибрать к рукам Каспий и Ростовскую вольницу хотя бы за два года, никакой Карамаз не страшен...

— А кто... Кто тогда страшен?

Бердер обернулся к морю, приложил ладонь козырьком, и показал пальцем. Как всегда, Хранитель силы первым заметил

опасность. Хотя никакой опасности не было, но Качальщик чуял груду металла без всякого миноискателя.

На серебряной скатерти залива показалась едва заметная точка. Она увеличивалась очень медленно, и сначала казалось, что над гладью волн ползет тонкая струйка дыма... Потом точка увеличилась в размерах, и вот ее уже заметили с берега, и заревели сотни глоток, а рыбачьи флотилии ринулись навстречу невиданному чуду...

— У нас толмач был, из бурятов,— говорил Бердер, не отрывая взгляда от надвигающегося дымного столба.— Китайские братья говорят, что Хранителей нет ни у казахов, ни у туркашей. А вот в индийских землях, вроде, имеются...

— Ты мне не хочешь ответить, учитель?

— Разве я тебе не ответил? Или ты поглупел, от радости, что царем заделался? Вот ты бросаешь город и сотни поселков на старого человека. Пусть он умный, и народ в кулаке держать умеет, но хлопот-то сколько свалится? Суды твои нормально не работают, по ночам на улицу выйти страшно, в лесах опять бандиты... В Тихвине холера, в Подпорожье бунтовщики мэрию спалили, разве не так?

— Ты еще добавь, что паровики с рельсов сходят, что на севере продналог припрятывают третий год, в казне золота почти не осталось...

Некоторое время президент и Хранитель силы наблюдали, как маленькая лодочка превращается в большой эсминец.

— Ну вот, ты все правильно понимаешь,— Бердер сделал жадный глоток из бутылочки. По мере того, как тень от серой махины заслоняла солнце, лицо Качальщика приобретало землистый оттенок.— Чего он так криво плывет? Не дай бог, в берег врежется...

— Не врежется... — не очень уверенно отвечал Артур.— Из четырех машин Орландо пока одну запустил. Хотя бы из Кронштадта доползти, и то праздник! У него течи в шести местах, рули хреново слушаются, но идет ведь... В док затянем, там посмотрим. Там их несколько, в Кронштадте, порежем на куски, по дамбе привезем металл, залатаем, сварка имеется. Главное, второй двигатель запустить, и тогда двинем до Босфора!

В порту творилось нечто неописуемое. Развевались штандарты полков, палили сотни ружей, барабаны трещали так, словно готовилась большая пляска смерти, орали взрослые, хохотали дети...

— Так что же делать, учитель? — напрягал связки Артур.— Кого нам опасаться, Америки?

— Америка... Слово на карте. Китайцы говорят загадками похлеще Кристиана. Там, за океаном, живут люди, которые считают себя лучше других... Почему ты бросил город? В городе нет равновесия, нет порядка, даже я это чувствую! Полиция разболтана, клерки мздоимствуют. По кабакам, не стесняясь, поют срамные куплеты про губернатора и Старшин! — Бердер говорил нарочито строго, но глаза его смеялись.

На берегу ахнула артиллерийская батарея. И еще раз, выплевывая вместе с холостыми зарядами сотни мешочков с цветными лоскутками. Над набережными крутился дождь конфетти, дети визжали так, что Артуру хотелось заткнуть уши. Башня правого борта начала медленный разворот для ответного салюта...

— Если я все время буду думать о равновесии, мы застрянем на месте! Я это недавно понял! Нельзя все время думать о порядке! — прокричал Артур, заранее зажимая уши.

— Почему нельзя думать о порядке? — хохотал Бердер, уцепившись за тонкий поручень. Катер швыряло на волне, как щепку, а проплывающая мимо серая облезлая стена казалась бесконечной, уходящей за горизонт. Сверху, с мостика, махали крошечные фигурки.

— Потому что если ровнять народ по линейке, мы получим красивые парады, но потеряем людей!

В вышине рявкнуло орудие правого борта. Артур представил себе, каково приходится маленьким пивоварам в башне, замотав уши, вручную подавать снаряды. Он не ожидал, что получится так громко; Бердер тоже корчил гримасы и тряс головой.

— Если порядок не главное, Артур, как же ты собираешься командовать страной? — Хранитель выкрикивал прямо в ухо.

— «Как, как?» — передразнил Коваль, выжимая из волос морскую воду.— Наши люди сердцем голосуют, а не башкой.

Для них даже бог — не начальник, а отец родной! Все простит, все спишет... Значит, и я командовать буду так же!..

— Вот тебе и ответ, раз ты сам раскумекал,— Бердер проводил взглядом свежую надпись «КЛИНОК» на борту корабля.— Один тебе совет, Клинок. Перед тем, как плыть в этом тазу вокруг Европы, сделай так, чтобы у него задница не вихляла, как у весенней кошки.

— Это не задница, а корма.

— Ты не умничай, а то как дам промеж глаз! Он, видите ли, на дырявом корыте в Америку собрался... Голосуй хоть жопой, но позориться не смей!

— Не волнуйся, учитель,— Артур посмотрел в бинокль на ликующий город, на увешанные гирляндами людей мосты, на ровную линию конного заграждения — и внезапно почувствовал себя почти счастливым.— Не волнуйся, учитель, краснеть тебе не придется!

Конец второй книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

Глава первая. Обратный отсчет 5
Глава вторая. Подземелье мертвецов 12
Глава третья. Голубоглазая смерть 19
Глава четвертая. Город лысых псов 28
Глава пятая. Чужой среди своих,
или О важности огневой подготовки 36
Глава шестая. Пленник Эрмитажа 45
Глава седьмая. Семейка Рубенс 52
Глава восьмая. Новая русская нечисть 65
Глава девятая. Караван 74
Глава десятая. Зеленая атака и дети Красной луны 85
Глава одиннадцатая. Драконы чингисов 92
Глава двенадцатая. О пользе ПВО 101
Глава тренадцатая. Дорожная демократия 108
Глава четырнадцатая. Тот, кто раскачивает землю 120
Глава пятнадцатая. Рабочий журнал 127
Глава шестнадцатая. Как трудно стать чекистом 136
Глава семнадцатая. Жизнь после смерти 141
Глава восемнадцатая. Застава шептунов 145
Главаа девятнадцатая. Пчелиный эскорт 151
Глава двадцатая. Надя Ван Гог 157
Глава двадцать первая. Хранители равновесия 165

Глава двадцать вторая. Враги и союзники 174
Глава двадцать третья. Как писать книги 185
Глава двадцать четвертая. Начало большой политики 193
Глава двадцать пятая. Клинок и порядок 199
Глава двадцать шестая. Хотеть в Париж не вредно! 211
Глава двадцать седьмая. Знакомство с инквизицией 217
Глава двадцать восьмая. Новые опричники 225
Глава двадцать девятая. Уголь маркиза Карабаса 231
Глава тридцатая. О пользе домашних животных, или Проделки летуна 239
Глава тридцать первая. Байкер поневоле 245
Глава тридцать вторая. Спор без выигрыша 253
Глава тридцать третья. Новый друг лучше старых трех 262
Глава тридцать четвертая. Проснувшийся демон 267
Глава тридцать пятая. Право на лево 278
Глава тридцать шестая. Тайна старой бочки 284
Глава тридцать седьмая. Хищник против терминатора 293
Глава тридцать восьмая. Разочарованный странник 301
Глава тридцать девятая. Меньшее зло 313
Глава сороковая. Правды и законы 323
Глава сорок первая. Десять лет спустя 331

БРАТСТВО КРЕСТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Мертвые земли

Глава первая. Конец мирных дней 343
Глава вторая. Стопы западных ветров 354
Глава третья. Варшавский союзник 362
Глава четвертая. Поющий автобан 375
Глава пятая. Первая потеря 392

Глава шестая. Ночные пивовары 406
Глава седьмая. Имам и джинны 416
Глава восьмая. Кабаны и ахары 431
Глава девятая. Смерть в ползущих горах 442
Глава десятая. Великаны Красного леса 458
Глава одиннадцатая. Когти Железной птицы 465
Глава двенадцатая. Песни хрустальных гробниц 478
Глава тринадцатая. На шашку с голой пяткой 494
Глава четырнадцатая. Париж стоит мессы 511
Глава пятнадцатая. Свинья со свистулькой 522
Глава шестнадцатая. Мертвые простят живых 539
Глава семнадцатая. Наследники зорро 544
Глава восемнадцатая. Рыжая ведьма 559
Глава девятнадцатая. Свадьба на поминках 567

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Конец красной луны

Глава двадцатая. Право сильного 579
Глава двадцать первая. Юбилейные игры 592
Глава двадцать вторая. В ожидании осени 605
Глава двадцать третья. Сказки озерного края 615
Глава двадцать четвертая. В гостях у сатаны 623
Глава двадцать пятая. Конец Красной луны 637
Глава двадцать шестая. Старые песни о правде 650
Глава двадцать седьмая. На пороге мести 657
Глава двадцать восьмая. Казань — город хлебный 667
Глава двадцать девятая. Пиары и консенсусы 680
Глава тридцатая. Эсминец «Клинок» 694

Литературно-художественное издание

Сертаков Виталий

ДЕМОН ИЗ ПРОШЛОГО

Проснувшийся демон
Братство Креста

Ведущий редактор *А.В. Мазин*
Ответственный редактор *А.О. Бельтюков*
Художественный редактор *О.М. Бегак*
Компьютерная верстка *О.К. Савельевой, Т.Ю. Алиевой*
Технический редактор *В.В. Беляева*
Корректор *В.Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область, г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
197373, Санкт-Петербург, Комендантский пр., 34,
корп. 1, ЛИТЕР А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79. Заказ 1103.

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 978-5-17-045186-9